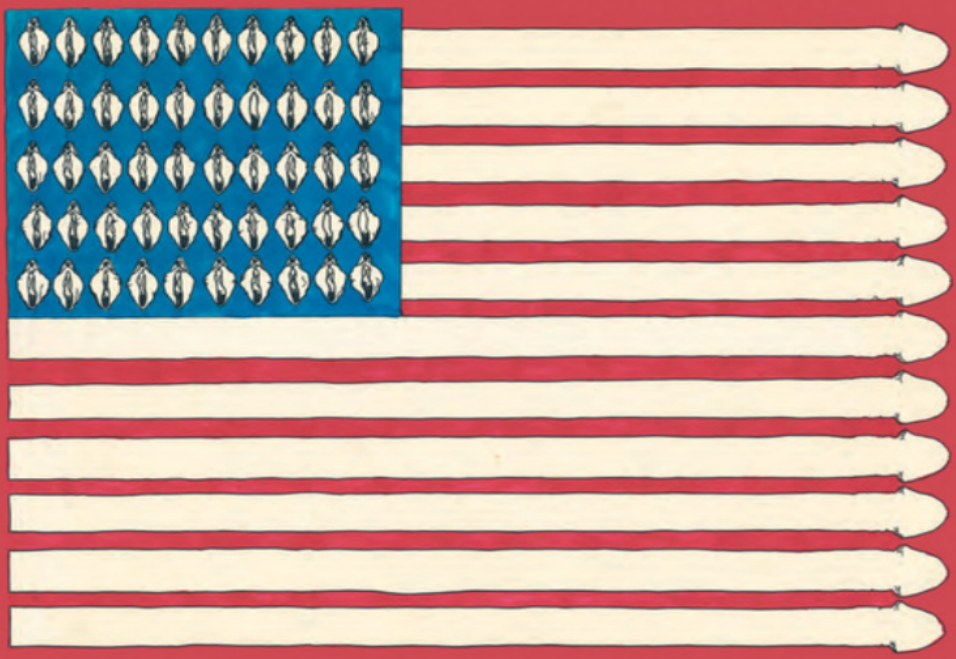

МИХАИЛ АРМАЛИНСКИЙ

АРОМАТ ГРЯЗНОГО БЕЛЬЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это второй авторский том Михаила Армалинского, после вышедшего в 2012 году «Что может быть лучше?». Он состоит из биографических исследований сексуальной жизни Генри Миллера, Хью Хефнера, Лари Флинта, Маркса, Фрейда, Ницше, Фрэнка Синатры, Джона Кеннеди, Жан-Поля Сартра, Симоны де Бовуар и других знаковых личностей, впервые опубликованных в его интернетовском литературном журнальце «General Erotic». Основная тема в творчестве Армалинского – всестороннее художественное изучение сексуальных отношений людей. Неустанно, в течение почти полувека, вне литературных школ, не будучи ничьим последователем и не породив учеников, продвигает он в сознание читателей свою тему, свои взгляды, свои убеждения, имеющие для него силу заповедей.

- Михаил Армалинский
  -
  - Последняя Венера Генри Миллера
  - Брендовая идея
  - Бесчестье для мужчин
  - Любвеобилие, или честная женщина
  - Из полицейской – в проститутки
  - Человек, который из свободы сделал женщину
  - Ложь лежащих вместе
  - Оговорочная капитуляция, или бог через жопу
  - Как я влюбился в мёртвую проститутку
  - Воздухонепроницаемые
  - Соблазнительные части и отвратительные куски ислама
  - Жизнию жизнь поправ
  - На проторённых просторах Торы
  - Альфред Кинси среди самцов и самок
  - Философ в Бовуаре
  - Вильгельм Райх – чудной психоаналитик с «красной нитью»
  - «…Подтёр Шопена…»
  - Жирный железный мужчина
  - Вникши в Ницше
  - Чувства и механика
  - Непонятый порнограф
  - Пожизненное счастье
  - Жёны ближних твоих

- Коммунизм – светлое прошлое Соединённых Штатов
- Фрейд – «троянский конь» Провидения
- Фурункулёзный коммунизм
- Американский прелюбодей
- Синатра в жизни. И после
- Преодоление морали

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

Михаил Армалинский
Аромат грязного белья. Замысловатые биографии

© Михаил Армалинский. 2013.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Последняя Венера Генри Миллера

Шла баба по воду,
качала ведром, трясла бедром,
а он налетел,
сбил с ног
и снизу лёг:
поди, разберись,
еблись или не еблись.

Сам еле дышит,
а ебёт как пишет.

«Русские бесстыжие пословицы и поговорки»[1]

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2000. № 30. Оглавление и все номера *General Erotic* см.: http://www.mipco.com/win/GEr.html

Когда я уехал в Америку в 1976-м, Генри Миллер был ещё жив, было ему 84 года. Я ещё имел возможность посмотреть на него, живого. Но жалеть, что не посмотрел, стал значительно позже, когда прочитал его книги, после его смерти в 1980-м.

В Америке я оказался лишь со знанием его имени и фамилии да их легендарности. В те советские времена Генри Миллер изредка упоминался в критическом литературоведении. В начале семидесятых вышла в *Прогрессе* скучнейшая книжка американского марксиста Финкельстайна «Экзистенциализм и американская литература». Это издание в чёрном твёрдом переплёте с золотыми тиснёными буквами долгое время мозолило глаза на полках чуть ли не всех книжных магазинов.

Книжка представляла интерес только пространными цитатами из Генри Миллера, Дос Пассоса и ещё каких-то запрещённых писателей. Цитаты были, конечно, морально выдержаны, вернее, выдернуты. Но сквозь глушилку марксистской демагогии слышался литературный скандал, затеянный Генри Миллером, причём скандал сексуальный по сути. Словосочетания «Тропик Рака» и «Тропик Козерога» звучали астрологически таинственно и влекуще.

Вот с таким багажом знаний о Генри Миллере я приехал в США. Багажом это, впрочем, назвать нельзя – так, дырявая авоська.

Затем я прочёл «Тропики» и много прочего не только самого Миллера, но и о нём. Помимо ошеломления его потоком страсти к откровенности и прямоте, самым сильным впечатлением было ощущение подтверждения правильности моего собственного пути. Это касалось не только содержания, но и формы: Генри Миллер в своих текстах не раз высказывал сожаления, что пишет по многу, что не может остановиться в своей словесной производительности и что предпочитал бы писать маленькие по размеру вещи. Уж тут я точно осуществляю его мечту своими «крохотками».

В 1976 году вспыхнула последняя страсть Генри Миллера, которая пылала до завершения его земного пребывания. Именно эта страсть трогает меня сейчас особо, и тому – немало причин. Прежде всего – непреходящее острое неравнодушие к Генри Миллеру, писателю и личности. С другой стороны, я пришёл к такому возрасту, когда 80 стало ближе, чем 20, и мой интерес к любви в старости с каждым годом естественно растёт, а не уменьшается. Есть много других причин, которые станут понятны в процессе чтения.

* * *

Бренда Венус (Venus, что в переводе Венера, утверждала, что это её настоящая фамилия) родилась в штате Миссисипи и жила в Лос-Анджелесе, была актрисой, снималась в фильмах, но без громкого успеха, и вела по утрам уроки балета, чтобы сводить концы с концами. К знакомству Бренды Венус и Генри Миллера привела цепь предназначенных обстоятельств. Как рассказывает Бренда, Миллер был приглашён выступать для студентов семинара по актёрскому мастерству, но у Бренды в доме случился пожар, и на лекцию она прийти не смогла. Однако её желание познакомиться с Миллером не сгорело, и она стала разыскивать его адрес, чтобы ему написать.

Тем временем Бренда оказалась на аукционе, где она намеревалась купить замену сгоревшему имуществу. Там было выставлено на продажу первое издание серии книг *Женщины в Истории.* Бренда взяла один из томов, раскрыла его и обнаружила там сложенный лист бумаги. Это было письмо Генри Миллера к какой-то женщине.

Бренда купила книгу с письмом и послала это письмо Генри Миллеру, присовокупив записку и свои фотографии. Через несколько дней она получила первое из тысячи пятисот писем, которые ей написал впоследствии Генри Миллер.

Письма Генри Миллера Бренде Венус изданы в книге *Dear, Dear Brenda* (1). В неё включены лишь три ответных письма Бренды плюс её комментарии, поясняющие некоторые письма. В книге значительно меньше писем, чем 1500, а в самих письмах сделаны некоторые изъятия, которые, по словам редактора, имеют целью убрать повторения. Таким образом, эта книга – единственный опубликованный источник для выяснения отношений Генри Миллера и Бренды Венус.

Первое письмо Генри Миллера Бренде датировано девятым июня 1976 года. В этом письме Миллер впрямую удивился:

> Интересно, почему Вам хотелось бы увидеться с 84-летним писателем?

В этом возрасте он был по-прежнему светел умом, но ослеп на один глаз и еле ходил из-за артрита. Однако это не помешало ему рассмотреть красоту женщины на присланных фотографиях. Он загорелся, как юноша:

> …я всегда рад познакомиться с красивой женщиной… Как бы мне хотелось сложиться в конверт и отправить себя к Вам по почте.

Прежде чем встретиться с Генри Миллером, Бренда несколько раз посылала ему письма со своими фотографиями, всё жарче разжигая Миллера, который тщательно рассматривал эти изображения при помощи лупы:

> Если можете, пришлите мне ещё Ваших фотографий… Пока Вас нет рядом во плоти, я могу обнимать и целовать их, даже не спрашивая Вашего разрешения. В моём возрасте мужчины особенно подвержены женским чарам. Их никогда не бывает в достатке.

И в то же время Генри Миллер проявляет выдержанную скромность:

> Что я могу дать молодой женщине, как Вы? Похоже, что я могу только брать, а в моём возрасте это вдвойне постыдно.

Прося о скорой встрече, веря и не веря в интерес к себе такой роскошной женщины, он оговаривается:

> Вы, быть может, во мне абсолютно разочаруетесь. А

коль так, то давайте завершим этот этап поскорее.

Бренда отвечает ему на письма, вызывая очередное признание:

> …поток писем от такой красавицы, как Вы, распаляет меня…

Однако трепет Генри Миллера от предвосхищения встречи не мешает ему выражаться напрямую, как это ему свойственно. Он делится с Брендой своими взглядами на половую жизнь:

> Не важно, в каком возрасте ты начинаешь ебаться, важно, как ты этим занимаешься – с душой и сердцем или только пиздой.

И, оправдывая вынужденность ожидания встречи, Генри Миллер цитирует Мопассана:

> Самая прекрасная часть любви – это когда ты поднимаешься по лестнице.

По телефону Г. Миллер дозвониться к Бренде не может – то отвечает какой-то мужчина грубым голосом, то её просто нет дома. Бренда умудряется звонить Г. Миллеру, когда его тоже нет дома. Посему идёт переписка, столь подручная писателю, который, кроме романов, написал фолианты писем всевозможным друзьям и знакомым.

«Вы мне нужны, как грех», – красиво призывает незнакомку Генри Миллер.

Бренда Венус мурыжила его целый месяц, пока не явилась «мимолётным виденьем, гением чистой…» «пиздоты» как это окажется потом. Омерзительно «чистой».

Когда Бренда появилась у дома Генри Миллера, она увидела вывешенную на двери надпись:

> Когда человек достиг старости и выполнил своё предназначение, у него есть право погрузиться в размышления о покое и смерти. У него уже нет нужды в других людях, он их познал и успел ими пресытиться. Всё, что ему нужно – это покой. А потому не пристало домогаться его внимания, изматывать его болтовнёй и заставлять его страдать от банальностей. Всякий должен проходить мимо двери его дома, будто бы в нём никто не живёт.

Следует заметить, что эта кокетливая цитата из китайца Менг Це, использованная в качестве плаката, косвенно призывала делать именно то, против чего она якобы выступала, – привлекать внимание. Целесообразней было бы повесить обыкновенную надпись: «Осторожно, злая собака!» А ещё лучше – просто не открывать стучавшимся в дверь, как это делаю я в Хэллоуин.

Но к Генри Миллеру, невзирая на эту надпись, шёл поток почитателей, знакомых и друзей, которому он в глубине души был рад.

Описывая его дом, Бренда Венус так говорит о спальне:

> Я любила его спальню. Быть может, потому, что в ней происходило много замечательных разговоров, и в ней мы делились многими секретами.

Весьма странное использование спальни, в особенности если речь идёт о спальне Генри Миллера.

После первых встреч Бренда продолжает посылать ему свои профессионально изготовленные фотографии, всё более и более голые, но не ниже пупка, о чём горюет Миллер в одном из писем. Однако важнее всего то, что не только на фотографиях, но и в жизни он пока ещё не видел Бренду голенькой. Открытое желание Генри Миллера сблизиться невозможно было не заметить женщине. Вот что пишет об этом Бренда Венус:

> Бывали дни, когда мне хотелось, чтобы он не говорил так много о моём теле и не делал вид, будто он теряет равновесие, чтобы прикоснуться к моей груди или бёдрам.

Ей не приходит в голову, что её неприступность заставляет унижаться Генри Миллера, вынуждая его прибегать к таким трюкам, чтобы всего лишь коснуться её тела. Уверенность в себе как в мужчине пошатнулась в Генри Миллере с преклонным возрастом. Поэтому он прибегал ко всяческим литературным и прочим ухищрениям, чтобы хоть как-то продолжать сближение с Брендой. В его эротических фантазиях, которыми он спешно делился с Брендой, она в прошлых жизнях была куртизанкой, храмовой проституткой, и секс – был её религией, которую она проповедовала.

После её жалоб на излишнюю прямоту в выражениях (а эта жалоба у женщины может появиться только тогда, когда она не хочет данного мужчину), Генри Миллер переходит на французский язык и описывает, как изощрённо он бы её ёб. Бренда это переводит, но делает вид, что это не призыв, а лишь

намёк, а намёк можно не понять.

Она с неудовольствием замечает, что у Генри Миллера только секс на уме. Он же пытается ей объяснить, что вообще-то он думает о сексе далеко не всегда, но когда рядом с ним находится существо, являющееся воплощением секса, то ему ни о чём другом в присутствии этого существа думать не удаётся.

Чтобы добиться благосклонности Бренды, Миллер привычно льстит ей, забывая, быть может, искренне о Джун, Анаис Нин и о многих других его возлюбленных. Вот что он пылко изрекает Бренде:

> …ты первая женщина, объединяющая в себе пиздусингеллектом.

Он прекрасно понимал, что мужчине для успеха нужно обязательно убедить женщину в том, что его интересует в ней не только пизда. Тем не менее эта лесть не помогала. В письме того периода есть подтверждающая этот прискорбный факт фраза:

> Я схожу с ума, когда представляю, как должна выглядеть твоя пизда.

«Испытываешь ли ты похоть ко мне?» – отчаянно спрашивает Миллер Бренду. И, предчувствуя негативное положение вещей в этой области, Миллер подстраховывается:

> У меня есть дурное предчувствие, что, если ты одаришь меня своей благосклонностью, я умру в твоих объятиях.

Вот что пишет Бренда, комментируя страсть Генри Миллера:

> Ему представлялось, будто у меня нет любовников, раз я не занималась любовью с ним. Самолюбие Генри не позволяло ему допустить, что я могу обратиться за чем-то к кому-нибудь, кроме него, в том числе и за сексуальными услугами… Когда Генри спрашивал меня, как мне удаётся подавить своё половое чувство, я заверяла его: «Я много занимаюсь спортом, балетом и бегом». Он отвечал ухмылкой с лёгкой кривой усмешкой и этим удовлетворялся.

Из переписки же вовсе не следует, что Генри Миллер был подвержен этому заблуждению. Скорее всего, он великодушно или вынужденно давал ей право на ложь, освобождая её от необходимости прямого ответа, смысл которого был бы: «не дам,

и всё». Бренда этим правом радостно пользовалась и выдумывала, что на секс у неё якобы не хватает сил и времени среди забот о карьере.

Чем дольше продолжалось невинное знакомство с Брендой, тем откровеннее Генри Миллер излагал ей, чего он хочет:

> Я бы вылизал тебя всю, особенно маленькую щель между ног. Я представляю, как я бы тебя ёб утром, днём и вечером, но здравый смысл говорит мне, что это невозможно. Однако никто не может помешать мне выебать тебя в моих фантазиях. Одна из трагедий старости в том, что можешь жутко хотеть, но всё равно у тебя не стоит.

Бренда увёртывалась от ебли с помощью лести, и в какой-то момент она назвала его «настоящим мужчиной». Миллер ужасно обрадовался этому и называет её в ответ «настоящей женщиной». Происходит обмен комплиментами в том, что обоим друг о друге неведомо. Да и что это такое «настоящее», кроме как глажение по шёрстке.

Через девять месяцев после первой встречи Генри Миллер и Бренда ещё не любовники. Вот как подтверждается это в письме:

> …Не будучи с тобой в интимных отношениях… У моего хуя ещё нет пропуска. (*Генри Миллер имеет в виду Брендину пизду, о которой пишет строчкой раньше. – М. А.*) *И* если у него его никогда не будет, это не так-то и важно. Меня прежде всего интересует женщина. Не скажу, что меня не интересует её пизда – но только вторично.

Опять Генри Миллер использует способ не отпугивать женщину своей зацикленностью на её пизде и плетёт ей, что она вся для него интересна. Ведь Генри Миллер неопровержимо продемонстрировал в своих произведениях и всей своей молодой и зрелой жизнью истинное отношение к женщине: сначала пизда, а потом: «Ну, что там у тебя ещё есть?»

Разговорами об импотенции Генри Миллера можно смело пренебречь не только потому, что стоящий хуй вовсе не обязателен для сексуального общения с женщиной, но и вследствие его собственных последующих заявлений:

> У меня всегда встаёт, когда ты уходишь, – замедленная реакция.

Бренда же – упёртая «святая невинность» – сетует в комментариях:

> Я никогда не могла полностью совместить известные мне две стороны Генри: скромный, простой в обращении, нежный мужчина, который давал мне ненавязчивые уроки любви, приобщая меня к книгам, искусству и поэзии, и другая сторона Генри, который гордился своей прямотой, какой бы резкой она ни была, которая так была присуща его произведениям о сексе.

Бедняжка, её разум без сомнения торжествовал бы, если бы она имела дело только с одной стороной из вышеперечисленных. Если бы Миллер был просто нежный ненавязчивый мужчина, как бы это ей было удобно доить Генри Миллера и не волноваться за свою пизду. Или если бы он был только резкий и требовательный на незамедлительное совокупление, как в своих книгах, она бы быстренько разочаровалась и сбежала. Ей было не понять самого простого, что Генри Миллер был не одноцветный, как мораль, а разноцветный, как жизнь.

Далее Бренда пытается объяснить, что же ей от Генри Миллера было нужно, помимо естественного ублажения тщеславия, что с ней якшается знаменитый на весь мир писатель:

> Я сказала Генри, как я хочу знаний, читать и понимать всех выдающихся писателей и философов. Он рассмеялся и ответил, что знание всех произведений знаменитых писателей и философов не поможет мне стать лучше, но если это для меня так важно, то он готов стать моим ментором. Я никогда не любила его сильнее, чем в тот момент. Моя мечта свершалась. Я рассказала ему, что в Миссисипи девушку учат стать хорошей женой, ублажать мужа, растить детей и водить их в церковь, но это не то, чего я хотела. Я всегда хотела выбрать себе собственного учителя. И человек, которого я выбрала для этого, был сам Генри Миллер, и он согласился.

Ебля не получалась, и Миллер ухватился за обучение Бренды – лучше, чем ничего. Надо держать при себе такую красавицу и, глядишь, в процессе обучения можно будет её за зад прихватить. А Бренда не умнела и продолжала недоумевать, почему Генри Миллер такой разный, а не однообразный. Однажды она вызвала его гнев, которого она раньше в нём никогда не наблюдала. Она спросила его, почему он изобразил Мону в «Тропике Рака» как

дешёвую проститутку, почему описывал секс так грубо, тогда как Джун, его вторая жена и прототип Моны, поддерживала его финансово, любила его и пр. Короче, опять пошли претензии – как смеют литература и жизнь не походить друг на друга и почему Г. М. ведёт себя с ней как джентльмен, а в книгах пишет про еблю, а не про любовь.

Неясно, что так разозлило Миллера, или Бренда о чём-то умалчивает. Скорее всего, его вывела из себя её женская натура, которая становится нестерпимой, когда её не облагораживает ебля. Однако гнев Г. М. не продлился дольше одного дня, и он продолжает осаду бесконечными признаниями в любви:

> …Не могу выбросить тебя из головы. Где ты? Что мешает тебе написать мне или позвонить? Что-нибудь случилось? Быть может, ты разлюбила – или влюбилась? Я скучаю по тебе, скучаю, скучаю. Я не представлял, как я нуждаюсь в твоём присутствии, твоей любви…

Далее он продолжает давать ей понять, что он действительно ещё «настоящий» мужчина:

> …Я стал думать о тебе и о том, насколько я здоровее выгляжу с тех пор, как мы полюбили друг друга. И знаешь, сразу после этой мысли у меня возникла эрекция – и мне представлялось, что ты с наслаждением держала его в своей руке…

29 сентября 1978 года он пишет письмо, которое Бренда, уверен, использовала для своего резюме:

> …И вот я, мужчина 87-ми лет, безумно влюблён в молодую женщину, которая пишет мне потрясающие письма, которая любит меня до последнего дыхания, ради которой я живу, живу в любви (впервые в совершенной любви), которая делится со мной такими глубокими и трогательными мыслями, я как юноша нахожусь в смятении и восторге…

Ну прямо Соломон и Суламифь. Но это письмо обращено к заинтересованному лицу, процесс соблазнения продолжается, и мы не узнаем никогда, что Генри Миллер думал на самом деле. Или, вернее, какие ещё мысли были у него одновременно с этими. Ведь всё сводилось к более простому и жизненному: даст она всё-таки или не даст. Надежда на это пока не оставляла его:

…всё больше и больше я хочу тебя выебать, забраться внутрь твоего роскошного тела.

Но вот наступает переломный момент – больше Генри Миллер терпеть не хочет. По-женски эта фаза отношений называется «пора давать». Но до этой фазы у Бренды не дойдёт, хотя Генри Миллер уже «полез на стенку»:

10 ноября 1978

…В твоём письме ты говоришь, что я тебя никогда ни о чём не прошу и что только ты просишь меня. Бренда, мне это не нравится. Всего лишь письмо или два назад я послал тебе особое письмо, где я просил тебя сделать мне «маленькое» одолжение (прости, что я называю это одолжение «маленьким»). Но ты проигнорировала эту просьбу. Ты прекрасно знаешь, что с тех пор, как мы познакомились, я молчаливо задаю тебе один и тот же вопрос. Как ты легко догадываешься, речь идёт о сексе. Я не настолько бестактен, глуп или одержим, чтобы просить тебя пойти со мной в постель. Я могу хорошо себе представить, как это должно быть противно юному и красивому существу, подобному тебе, когда тебя просит совокупиться мужчина, которому почти 90 лет… Я не жду, что ты позволишь мне себя выебать… Но я считаю… что ты должна позволить мне (уж кому-кому, а мне – точно) прикоснуться к твоим интимным органам… И быть может, ты ответишь взаимным прикосновением…

Вот как отреагировала на этот вопль о помощи Бренда:

Я так и не ответила на это письмо и не позвонила ему. Но на следующий день я пришла к нему домой после моего урока балета. На мне была белая греческая тога. Я вошла в его ванную и сказала: – «Генри, по поводу твоей просьбы…» Он сидел в кровати, и я сбросила тогу с моих плеч на пол. Я не произнесла ни слова. Я подняла тогу и надела её. Он улыбнулся, я улыбнулась ему в ответ и ушла.

Как бы мне хотелось верить, что она недоговаривает, и в действительности всё было не «дразниловкой», а вожделенным для Миллера контактом, но, судя по последующей переписке, она просто продолжала над ним, беспомощным, издеваться. Она воспользовалась тем, что у него не было сил вскочить с кровати,

броситься на неё и завалить. В подтверждение того, что никакого сексуального контакта не произошло, в тотчас последовавшем письме Миллер в восхищении упоминает только её груди. А в письме от 6 марта 1979 года он подтверждает продолжающуюся невинность их отношений:

> …С тобой у меня настоящий, истинный союз, даже если в нём не хватает союза плоти.

Такие удручающие подтверждения следуют и в письме от 1 мая 1979 года. Говоря о сцене соблазнения, которую Бренда исполняла в фильме, Миллер восклицает:

> О Боже, какой же ты должна быть в подобной ситуации в реальной жизни!

И далее в письме ему ничего не остаётся, как продолжать признаваться в любви:

> Я весь полон любовью, преданностью, всецело одержим тобой. Благословляю тебя за это. Это часто мучительно, но и восхитительно в то же время.

В мучительности слышится то же неудовлетворённое желание. Затем вступает в действие комплекс Лисы и Винограда, но с полным его осознанием: «О да, я хотел бы к тебе прикасаться – и больше ничего. Ты слишком красива и свята, чтобы тебя осквернять». – И такое исходит от автора «Тропика Рака»!

В декабре 1979 года Бренда Венус побывала в Париже, где встречалась с друзьями и агентами Генри Миллера, пошла на балет Нуриева «Манфред», от которого была в неописуемом восторге, и посетила ретроспективную выставку Сальвадора Дали в центре Помпиду. Через месяц я, приехав в Париж, тоже побывал на этой выставке. На Нуриева я, правда, не пошёл, но провёл долгое время на Сен-Дени, смакуя парижских проституток одну за другой. Вот, пожалуй, и вся моя опосредованная близость с Генри Миллером. Не густо. Но не в ней суть. Суть – в этом тексте.

7 января 1980 года, возвращаясь, восхищённая, из Парижа, Бренда благодарит Г. М. за её свершённые мечты. «Вы – ангел с волшебной палочкой», – пишет она.

Но именно его «волшебной палочкой» она неблагодарно пренебрегла. От Генри Миллера Бренда получила всё, что хотела. Он от неё не получил того, чего жаждал, и умер позже в том же году.

* * *

Всё, что я пытался выяснить в этой заметке, отражено в эпиграфе: «…поди, разберись, еблись или не еблись». Вроде разобрался. Необходимость в этом разбирательстве, каким бы никчёмным оно ни показалось кому бы то ни было, для меня является исключительно важным прежде всего потому, что оно являлось исключительно важным для самого Генри Миллера.

Не менее важным факт избегания совокупления с Генри Миллером был и для Бренды Венус, исходя из того, как стойко она держалась все четыре года.

Кстати, Бренда Венус жива и здравствует и имеет собственный сайт (http://www.brendavenus.com), где она торгует своими полуобнажёнными фотографиями и божится, что за определённую плату она исчерпывающе ответит на следующие жизненно важные вопросы:

Как важен размер члена?

Как мне обрести уверенность при разговоре с женщинами?

Как мне дольше не кончать?

Как довести женщину до оргазма?

Как орально удовлетворить женщину?

и т. д.

Так как Бренда предлагает ответить на эти вопросы лишь словесно, а не практически, она продолжает использовать ту же стратегию, какой пользовалась с Генри Миллером.

На этом же сайте она продаёт свои книги, среди которых и та, что я здесь штудировал.

Для избежания возможных недоразумений в толковании писем Генри Миллера я послал Бренде Венус по электронной почте письмо:

7 ноября 2000
to: hrenda@hrendavenus.com

Dear Ms. Venus,

Я пишу статью о Вашем влиянии на Генри Миллера в последние годы его жизни…

У меня есть к Вам вопрос.

Как в книге «Dear, Dear Brenda», так и в биографиях Генри Миллера тщательно скрывается, были ли у Вас с ним сексуальные отношения.

Факт того, что у него не было эрекции, как он сам говорил, вовсе не мешало оральному сексу, касанию руками, разнюхиванию Вашей пизды и зада или проделыванию многих других вещей, которые хотя и не являются совокуплением, но представляют собой сексуальный контакт. А быть может, он всё-таки смог ввести свой член в Ваше влагалище?

Это очень важно для того, чтобы понять умственное состояние Генри Миллера и степень его удовлетворённости. Трудно поверить, что он постоянно был убеждён, что у Вас нет любовников, или в его возрасте можно увериться в чём угодно?

Я буду весьма благодарен за Ваш ответ.

Михаил Армалинский

Minneapolis Minnesota

Ответа я не получил.

По-видимому, за все её ответы надо платить, как это указано на сайте, а денег я ей не посылал.

Оскорбить или смутить Бренду моими вопросами было невозможно после школы Генри Миллера, законченную с успехом, который, как мы видим, продолжает длиться.

* * *

Гёте, де Сад – первые, кто приходит в голову из сотен знаменитостей, которые, будучи стариками, ебли юных женщин. Самый свежий общеизвестный пример – муж Анны Николь Смит. Она – красавица, украшавшая несколько номеров *Playboy*, вышла замуж за 90-летнего миллиардера. Он купил её роскошное тело, как утешение на последние годы.

Цену этой сделки определили завещание и суд после недавней смерти мужа – в 400 миллионов долларов, которые присудили Николь. Следует заметить, что её муж выглядел пострашней, чем Генри Миллер в свои 84.

О чём это говорит? Об опять-таки общеизвестном – о том, что женщина легко преодолевает своё отвращение к мужчине за его деньги, и проститутки доказывают это ежедневно и еженощно. А вот за знания и за дружеское расположение, которые предложил Генри Миллер Бренде Венус, она подавить своё отвращение не смогла, а точнее, не захотела.

Лоуренс Дюрелл и другие друзья Миллера считали, что

благодаря Венус Миллер прожил на несколько лет дольше. О её благотворном влиянии писал сам Генри Миллер:

> Люди говорят мне, как хорошо я выгляжу, и я всегда отвечаю:
> «Это всё из-за любви. Это всё из-за Бренды».

Но прожил ли бы он ещё дольше, если бы она позволила ему прикасаться к пизде и сама бы прикасалась к хую Генри Миллера? С помощью пряника пизды и кнута недопускания до неё Бренда держала какое-то время Миллера на взводе, а потом он в конце концов этого безысходного напряжения не выдержал. Я прихожу к неизбежному выводу, что Генри Миллер умер из-за того, что он потерял надежду на тело Бренды Венус. Бренда из-за своей неблагодарной и эгоистичной недоступности стала для Генри Миллера предсмертным надругательством над его идеалами пизды и ебли.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Dear, Dear Brenda. The Love Letters of Henry Miller to Brenda Venus. New York: Henry Holt and Company, 1986. ISBN 0-8050-0356-8.

2. The Happiest Man Alive. A biography of Henry Miller by Mary V. Dearborn. New York: Simon & Schuster, 1991. ISBN 0-671-67704-7.

Брендовая идея

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2002. № 81.

В *Новых Известиях* от 17 октября появилась статья Елены Ямпольской «Тропик Хоркиной». Хоркина – это русское воплощение Бренды Венус на сцене *Театральной компании Сергея Виноградова.*

В ноябре в Москве должен состояться спектакль, где история Генри Миллера с Брендой Венус будет пересказана по-русски.

В статье Ямпольской обильно цитируется *General Erotic* № 30, где я поставил, заострил и поднял на должную высоту вопрос: дала Бренда Генри Миллеру или не дала? Я там доказал, что Бренда все годы, что доила славу Генри Миллера, «крутила с ним динаму».

История взаимоотношений полов полнится и пополняется примерами, когда женщины всячески эксплуатировали свои половые связи с великими или сильными мира сего. Но Бренда Венус представляет собой редкий случай бесчеловечной, потогонной эксплуатации ОТСУТСТВИЯ половой связи с Генри Миллером.

На её обновлённом сайте, который трезвонит бесконечной, бестактной музыкой и забит кусочками неработающих видео, Бренда демонстрирует свои фотографии с Генри Миллером, на которых она холодно позирует, используя Миллера как интеллектуальный фон для продаж своих книжек и пр. Судя по её самовлюблённому выражению лица, даже тогда, когда её взгляд вроде бы и обращён на её мэтра, Генри Миллер, очевидно, её нисколько не волнует.

В статье в *Новых Известиях* говорится, что Бренда якобы собирается приехать в Москву на премьеру. И все небось ей будут в ножки кланяться, потому что она Генри Миллера за нос водила или, как он бы сказал, яйца крутила. (Но к ним, увы, не прикоснувшись.)

И вот теперь Россия взялась за Генри Миллера обеими руками, наиздавав его мульонами, как когда-то Хэмингуэя. Но вместо того, чтобы помусолить Мону (Джун), истинную пожизненную еблю-любовь Генри Миллера, сценическую жизнь его любовных приключений решили начать с конца. Явно не с того. С «динамщицы», которая в конце жизни Генри Миллера надругалась над его святой еблей, отказав ему в ней.

Когда о нереспектабельных людях (а Генри Миллер так себя

именовал, и из-за его «нереспектабельности» ему отказали в выдвижении на Нобелевскую премию) делаются респектабельные произведения, то в итоге получается восторженная чепуха. В 1990 году в Штатах сделали фильм *Henryk June,* в результате чего великая скукота получилась – Генри, как подросток, либо на машинке про любовь стукает, либо целуется до изнеможения – а до ебли никак дойти не получается.

Самая большая ложь во всех широковещательных пересказах жизни Генри Миллера состоит в том, что в них режиссёры пускают слюни, а Генри спускал сперму. Разница весьма существенная, если судить по возникающим плодам. Плодам просвещения: из него стремятся сделать респектабельного гражданина и тем самым нейтрализовать его бунтарский образ в умах невежд.

Однако в случае с Брендой, быть может, именно слюнявый подход и окажется правильным, потому что Бренда от спермы Генри Миллера уворачивалась.

Чтобы окончательно и бесповоротно подтвердить эту уворачивающуюся «динамичность» Бренды, я решил обратиться к документальным фильмам о Генри Миллере. К сожалению, его друзья очухались и стали снимать его в любительских фильмах, когда он уже был старый. Но, к счастью, до того, как он умер.

В России уж обязательно дождались бы, пока он ноги протянет (причём всячески помогая ему в этом), а потом выли бы да рвали на себе волосы и рубахи по всем СМИ.

Один из изученных мною фильмов называется *Dinner With Henry*. Это любительский фильм, снятый друзьями Генри Миллера во время обеда с Брендой в его доме. Слева за столом в профиль сидит Бренда, а в фас перед зрителем – Генри Миллер. Ракурс на протяжении фильма почти не меняется, и только иногда камера переводит свой взгляд на Бренду. Генри Миллер со вкусом поглощает еду, пьёт вино и говорит, говорит, говорит. Это воспоминания о его друзьях и комментарии о литературе и искусстве. А я пристально следил за Брендой и Г. Миллером – ведь во взглядах и жестах любовников всегда проскальзывает их связь.

Но Бренда только позировала, жеманно откидывая длинные волосы каждый раз, когда на неё обращала взор камера. Произносила она свои глупости фальшивым голосом, вовсе не как актриса, а как кинематографическая бездарность, которая каменеет перед камерой, начинает говорить не своим голосом и меняется в лице. Генри же был увлечён разговором, держался непринуждённо и на Бренду внимания почти не обращал.

Другой документальный фильм, который я посмотрел,

называется …*Henry Miller is not dead*…

Там даётся кусок из телевизионного шоу Джонни Карсона (Jonny Carson), куда была приглашена Бренда в честь выхода книги *Dear, Dear Brenda.* Джонни Карсон был ведущим самого популярного вечернего телешоу, и попасть к нему в качестве гостя было великим событием.

По формату передачи очередной объявленный Карсоном гость выходил из-за кулис сбоку и направлялся к центру сцены, где находился большой стол, за которым сидел Джонни Карсон, а слева от стола стояло кресло для гостя.

Чтобы не ошибиться в своих впечатлениях, я многократно прокручивал видео с замедленной скоростью. С полной очевидностью произошло следующее.

Карсон представил очередную гостью, Бренду Венус, как киноактрису и модель. Увидев выходящую из-за кулис Бренду, Карсон встал из-за стола и повернулся к ней. Бренда под традиционные аплодисменты публики наглым шагом двинулась на Карсона. Бренда подошла к столу и, не останавливаясь у стола, попыталась приблизиться к Карсону, стоявшему за столом посередине. Карсон вытянул Бренде руку в приветствии, и та за неё ухватилась, продолжая идти на него. Перемещая видеоплёнку кадр за кадром, я следил, как рука Карсона начала сгибаться в локте, поддаваясь напору Бренды, стремящейся добиться от него объятия, которым он иногда удостаивал особо симпатичных ему гостей. Но рука Карсона согнулась в локте, образуя прямой угол, и окаменела, став упором, больше не подпускавшим Бренду, по-прежнему нажимающую на него. Эта незаметная борьба, ставшая наглядной при замедленном проигрывании, длилась в реальном времени секунды две.

Тогда Карсон другой рукой сделал широкий круговой указывающий жест, дающий ей понять, что нужно обойти стол и усесться в кресло слева. После этого очевидного неприятия, продемонстрированного Карсоном по отношению к Бренде, она отступила назад, обошла стол и села в кресло.

– Hello Brenda, – сказал ей сдержанно-иронично Джонни Карсон, когда аплодисменты утихли.

– Hello Jonny, – ответила ему Бренда, таким кокетливо-фамильярным тоном, будто она его ебла с детства.

Карсон держал в руках книгу, которая прославила Бренду. И как мы знаем, незаслуженно.

Отвечая на вопрос Карсона, Бренда рассказала историю своего знакомства с Генри Миллером, про пожар и про фото, которые она ему послала. И когда Карсон спросил, какие же отношения были у них, людей столь различных по возрасту,

Бренда сказала следующее:

– Он был влюблён в меня, а я была влюблена в него.

Но, почувствовав, что такая формулировка подразумевает еблю, она запнулась и пояснила: «Это была любовь сердца… он был моим ментором, защитником…»

С Брендой стало всё ясно. Больше Карсон ей вопросов не задавал и пригласил другого гостя.

Так что и мне стало непререкаемо ясно, кто эта Бренда и с чем её едят.

Тем, кто хочет посмотреть самый содержательный документальный фильм о Генри Миллере, я советую фильм, сделанный в 1969 году, когда Бренды ещё не было, а Миллер был жив: *Henry Miller Odyssey. The Definitive Portrait by Robert Snyder.*

Там также запечатлены разговоры Генри Миллера с его друзьями – Tawrence Durrell, Anis Nin, Alfred Perles и др.

Бесчестье для мужчин

Coetzee J. M. **Disgrace. New York: Viking, 1999. 220 p.** ***Кутзее Дж. М.*** **Бесчестье. Роман / Пер. с англ. Сергея Ильина // Иностранная литература. 2001. № 1.**

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2003. № 102. Все цитаты даны в переводе Михаила Армалинского.

Coetzee – южноафриканский писатель. Его роман *Disgrace* многие рассматривают как описание современной ситуации в Южной Африке, когда негры прибирают эту страну к рукам, тесня и вытесняя белых, когда-то их притеснявших.

Однако описание это совершается с помощью разглядывания личной жизни героев, что меня интересует много больше, чем приход к власти южноафриканских негров, а скорее – к их поруганию над властью.

Сексу, любви, страсти – называйте как вам утешительней – посвящено в романе существенное место. Потому нечего удивляться и корчить рожицы, если и в моём размышлении об этом романе всем этим синонимам будет уделено такое же значительное внимание.

По-русски название романа переведено как «Бесчестье», однако – это самый простой и поверхностный перевод. Слово «disgrace» значительно богаче по содержанию, чем русское «бесчестье», и оно также переводится как «немилость», «опала». Так что я ещё поговорю об этом подробнее.

Литературный разбор романа мне делать неинтересно, потому что всё в нём сотворено блестяще. Но зато мне интересно покопаться в психологии героев, которая выходит за пределы литературы.

Однако продуктивно ли обсуждать психологию литературного персонажа, будто это живой человек? Ответ у меня такой: если это талантливое произведение – то продуктивно, ибо талант, в одном из моих определений, – это способность создавать узнаваемое, а значит правдоподобное, причём такое, которое вызывает сильные эмоции. А чем сильнее эмоции, тем надёжней психологическое правдоподобие произведения.

Повествование в романе ведётся в третьем лице, что даёт возможность автору играть роль творца наиболее убедительно, поскольку он обретает свободу отстранённо рассказывать о каждом персонаже с полным знанием его подноготной, тогда как, веди автор рассказ от первого лица, его познания о персонажах

формально ограничивались бы позицией, этим лицом занимаемой. Другими словами, в романе *Disgrace* можно было ожидать равного и непредвзятого изложения психологии всех героев. Однако, несмотря на повествование в третьем лице, создаётся впечатление, что душа лишь главного героя вполне понятна автору, и именно его глазами (хотя и в третьем лице) видится мир романа. У меня даже создаётся впечатление, что автор с большей лёгкостью и основанием писал бы этот роман от первого лица, но тогда слишком соблазнительно было бы проводить параллели с его личной жизнью.

Для дальнейшего разговора фабула требует хотя бы краткого пересказа, в течение которого я не буду сдерживаться и буду вставлять свои комментарии.

Итак, пятидесятидвухлетний разведённый профессор по теории коммуникаций, а также и литературы, Дэвид Лури, преподаёт в университете Кейптауна. Каждый четверг он посещает в течение девяноста минут очаровательную проститутку Сорайю, что наполняет его монотонную жизнь счастьем. Она послушно выполняет его незатейливые желания, и он находит её темперамент спокойным. Через некоторое время знакомства Дэвид начинает дарить ей подарки, в дополнение к стандартной плате, и проникается к ней неуместным чувством. Когда Дэвид чрезмерно увлекается этой женщиной и пытается проникнуть в её личную жизнь (Сорайя – замужняя мать двух мальчиков, подрабатывающая в сводническом агентстве), она резко порывает отношения с клиентом Дэвидом и исчезает.

Затем Дэвид сближается со своей двадцатидвухлетней студенткой Мелани. Она не проявляет никакого сексуального интереса к своему профессору, и он просто «дожимает» её до совокупления. В процессе же совокупления Мелани совершенно безразлична. Когда Дэвид снимает с неё одежду, руки у неё болтаются как у мёртвой – Мелани просто уступает профессорскому авторитету и мужскому напору. В первый «романтический» раз профессор даже не снял брюк, а лишь спустил их к щиколоткам. Что должно было выглядеть особо «возбуждающе» для юной любовницы.

Мелани начинает избегать Дэвида, а он буквально преследует её. Приходит, незванный, к ней в квартиру и чуть ли не силой ею овладевает. Мелани перестаёт сопротивляться и просто избегает его поцелуев, отводит глаза, демонстрируя полное безразличие, если не отвращение.

Дэвид утешает себя таким комментарием:

Если он не ощущает в ней отчётливое сексуальное желание, так это потому, что она ещё молода.

Дэвид не прилагает никаких усилий довести её до оргазма, и тешит себя тем, что во время одного из соитий Мелани обхватила его торс ногами.

Вот как Дэвид заговаривал зубы Мелани, готовясь в первый раз содрать с неё одежду: женская красота, мол, не принадлежит только её владелице. Красота – это часть богатства, которое женщина приносит в мир, и её обязанность – делиться своей красотой.

– А что, если я уже делюсь ею? – вопрошает студентка. На что профессор имеет хитрый ответ:

– Тогда нужно делиться ещё больше.

Дэвид говорит о владении красотой, будто бы она объект, орудие. Его влечёт лишь одна сторона вопроса – потребительская, его взгляд – это взгляд пользователя. Тогда как я говорил и говорю, что женщина (то бишь красота) – это орудие наслаждения, но которое само испытывает наслаждение. А значит, сделать орудие наслаждения наиболее эффективным можно лишь доставляя наслаждение этому орудию.

Мысль Дэвида о том, что женщина (красота) себе не принадлежит, можно продолжить. Из неё следует, что женщина с её красотой автоматически принадлежит другим, а раз другим, то почему бы не Дэвиду, а раз принадлежит и ему, то почему бы её не считать уже своей, то есть брать и даже силой, что он и делал с Мелани.

Тут неизбежно возникают реминисценции с Гумбертом и Лолитой.

Несмотря на то, что Мелани старше Лолиты, разница в годах у неё и Дэвида та же. Оба, Дэвид и Гумберт, – профессора литературы и обожают молоденьких самочек и, что самое главное, увлечены исключительно собственными ощущениями (кончать бы почаще) и не имеют понятия или им наплевать на то, что испытывает под ними самка.

Как Лолита, так и Мелани убегают от своих профессоров к другим мужчинам – традиционная месть женщин за свою неудовлетворённость.

А Дэвид даже имеет наглость или глупость отказывать двадцатидвухлетней женщине в способности испытывать оргазм, который он просто не знает как вызвать. И что ещё хуже – не желает знать.

Женское наслаждение не только оказывается вне интересов Дэвида, но и вызывает в нём неприятные ощущения – так, он

совокупляется с новой секретаршей своего факультета, но только один раз. Потому что сильное возбуждение, в которое она впала, вызвало в нём раздражение, причём такое, что встречаться с ней снова он уже не захотел. Раздражение к женскому возбуждению обыкновенно возникает у мужчины, который уже удовлетворил свою похоть, а неудовлетворённая женщина продолжает требовать его внимания к своему желанию. Для Дэвида, озабоченного только собой, требовательное желание женщины явилось угрожающе обременительным.

Основа сексуальных отношений Дэвида на протяжении всего романа – это забота лишь о собственном наслаждении и украшение этого эгоизма привлечением литературных аналогий и аллюзий.

Вскоре в университет является молодой любовник Мелани. Он хамит и угрожает Дэвиду, а на следующее утро профессор находит свою машину с проткнутыми шинами, исцарапанную и с дверными замками, заполненными клеем.

Мелани исчезает, более того, покидает университет. Отец Мелани является на кафедру и устраивает публичный скандал, обвиняя профессора в злоупотреблении доверием родителей, которые вверяют своих детей университету.

На следующий день Дэвиду сообщается о дне факультетского разбирательства его поведения. Оказывается, Мелани подала жалобу на своего профессора за сексуальные домогательства. Дэвид, не желая даже читать жалобу, признаёт её справедливость, но отказывается каяться, что ему настоятельно советуют коллеги – участники разбирательства. Несмотря на упорные уговоры коллег подписать покаянную бумагу и тем самым сохранить своё место в университете, Дэвид не желает этого делать по принципиальным и упрямым соображениям. Его вынуждают подать в отставку.

Дэвид рассматривает слушание дела и злобу, обрушившуюся на него, как древний закон охраны юных самок, сохранения их для молодого семени и наказания стариков, которые стараются распространить своё семя и тем как бы портят потомство. Мол, вся история полнится примерами, когда молоденькие девицы стараются вырваться из-под навалившихся на них стариков и устремляются продолжать род от молодого и свежего семени. Так размышляет Дэвид.

Однако если это было бы действительно так, то женщины не подавали бы жалоб за сексуальные домогательства на молодых мужчин, а только на стариков. А они подают на молодых, и ещё как. Дэвид просто не в состоянии увидеть истинной причины его конфликта с Мелани – он использовал её, то есть получал от её

тела наслаждение, не давая его взамен. А это женщина ненавидит больше всего – она становится мстительной и беспощадной.

Дэвид отправляется к дочери на ферму. Люси – так зовут дочь – до недавнего времени сожительствовала с женщиной, которая уехала в город, и теперь Люси живёт одна. Ей лет 25, она дородная, полная соков женщина.

Дэвид постепенно вовлекается в её сельскохозяйственные дела, а также в уход за собаками, которых сдают Люси на содержание владельцы, уезжающие в отпуск.

Соседом и помощником Люси является негр Петрус лет сорока пяти, у которого две жены и который постепенно из батрака становится самостоятельным фермером, строя себе дом и прибирая к рукам землю в округе. Он положил много сил, помогая Люси организовать ферму, и Люси весьма благодарна и ценит его соседство, так как жить в безлюдном месте одинокой молодой женщине опасно.

У Люси есть приятельница Бев, женщина невзрачная, с короткой шеей. Она замужем и работает в городке неподалёку в приюте для животных. Лечит подручными средствами домашних животных, которых приводят владельцы. Кроме того, она убивает инъекциями бродячих собак, если их не забирают в течение определённого времени.

Дэвид, чтобы чем-то занять себя, начинает ей помогать где придётся, а также упаковывает убитых собак в мешки и отвозит их в крематорий. Бев влюбляется в Дэвида – это первый профессор, с которым она так близко общается, и предлагает ему себя. Дэвид соглашается за неимением лучшего, дивясь себе, до чего он дошёл, беря в любовницы такую непривлекательную женщину.

И с Бев Дэвид даже не задумывается о её ощущениях. Автор так рассказывает о «деятельности» Дэвида:

> Что касается их соития – он по меньшей мере выполнил свои обязательства.

Нет сомнений, что в этой фразе автор под «обязательствами» имеет в виду эрекцию у Дэвида, а не оргазм партнерши – именно эрекцией в понятии большинства мужчин (а в дэвидовском уж точно) исчерпываются их обязательства перед женщиной.

А дальше имеется такая фраза:

> Так что в итоге Бев осталась собой довольна. Она совершила, что задумала. Он, Дэвид Дури, был удовлетворён, как мужчина может быть удовлетворён женщиной…

Иными словами, по мнению повествователя (Дэвида), довольство женщины собой состоит в том, что она смогла удовлетворить мужчину (не велика задачка). То, что довольство женщины как-то связано с её собственным удовлетворением, такая дикая мысль даже не возникает.

Однажды на ферму Люси приходят трое негров: двое мужчин, один из которых красавец, и парень лет 18. Они просят позвонить по телефону, так как произошло какое-то ЧП. Люси впускает одного, красавца, но за ним вламываются остальные. Дэвид получает удар по голове, теряет сознание, его затаскивают в туалет и там запирают. Мужчины насилуют Люси, затем забирают всё ценное из дома и уезжают на Дэвидовой машине.

Соседа Петруса не было дома, хотя Дэвид и кричал, надеясь на его помощь.

Люси открывает дверь туалета, в котором был заперт легко раненный отец, только после того, как вымылась – она уже была в халате и с мокрыми волосами. Никаких телесных повреждений у неё не было.

Дэвид рассуждает (как я, когда и где – не помню, но уж точно рассуждал), что изнасилование лесбиянки – хуже, чем изнасилование гетеросексуальной женщины или даже девственницы, так как происходит как бы двойное изнасилование: против воли женщины вообще и против воли лесбиянки, не воспринимающей мужчин). Но это лишь логическая структура – глядишь, иная лесбиянка после такого и лесбиянкой быть перестанет. Впрочем, к Люси это мало относится, как станет понятно позже.

Вызванным полицейским Люси не говорит, что её изнасиловали, и запрещает отцу упоминать об этом. Речь идёт только об ограблении и нанесении телесных повреждений Дэвиду. Несмотря на настойчивые советы отца дать ход следствию об изнасиловании, Люси, наоборот, хочет всячески замять происшедшее с ней.

Дэвид недоумевает и возмущается решением дочери и ревниво размышляет: Lusy's secret, his disgrace (для Люси – секрет, для него – бесчестье). Люси не любит отцовских высокопарных слов вроде «бесчестья», она смотрит на вещи, и в том числе на случившееся, исключительно практически. Её цель – остаться жить, где она живёт, и продолжать заниматься тем, что она любит – хозяйством, растениями, животными. Для неё бесчестье – это испугаться, сдаться, бросить ферму и уехать, именно то, к чему призывает Дэвид. Для неё изнасилование – это лишь плата за возможность жить там, где хочешь.

Наконец возвращается Петрус с женой. Он слышал об

ограблении, порицает грабителей, но заключает, что всё хорошо, раз все живы и здоровы.

Дэвид озабочен состоянием дочери, которая теперь проводит большую часть дня в кровати и отказывается заниматься хозяйством. Дэвид представляет, что насильники теперь рассказывают, как они поставили Люси на место и показали, для чего создана женщина. Дэвида угнетает, что именно их интерпретация событий будет главенствовать и бесчестить Люси, которая была до того дня такая уверенная в себе современная женщина.

Дэвид подозревает, что Петрус каким-то образом причастен к нападению – уж слишком он подозрительно отсутствовал в тот день, – то ли он сообщил, что уедет и можно будет поживиться, то ли специально натравил этих бандитов. Но Петрус вольный человек и посему может приезжать и уезжать когда ему заблагорассудится.

Петрус приглашает Дэвида и Люси на вечеринку, которую он устраивает в честь получения участка земли в свою собственность. Люси надевает юбку до колен и туфли на высоких каблуках. Они – единственные белые на многолюдной вечеринке. Люси танцует под музыку, к ней пристраивается молодой негр и тоже танцует, всё теснее приближаясь к ней, щёлкая пальцами и в открытую заигрывая.

Очевидно, что у Люси не образовалось ужаса и ненависти к неграм, и она не сторонится мужчин, боясь привлечь их внимание, напротив, она танцует, одна, надев сексуально привлекательную одежду, тем их дразня. То есть она вышла из состояния ошарашенности или чего бы там ни было после насильного соития с тремя.

Среди приходящих гостей Люси узнаёт молодого парня, который был одним из тех троих, и срочно уходит вместе с отцом, не желая скандала. Придя домой, она не позволяет отцу звонить в полицию – она не хочет портить вечер для Петруса, который, как она уверена, ни в чём не виноват.

На многократные призывы отца сообщить в полицию и начать дело по розыску остальных насильников, используя появившегося парня, Люси отвечает, что это её жизнь, и она решила не доказывать никакому суду, что было. Она твёрдо произносит значительную фразу:

– Тебе не известно, что произошло.

Полицию, мол, она вызывала только для того, чтобы был зафиксирован факт ограбления, тогда страховка сможет оплатить потери.

Позже Люси делится с отцом, поясняя, что же произошло, вернее, что представлялось Люси важным из того, что произошло. Сам факт насилия, оказывается, не слишком её взволновал (особенно если учесть, что первым был красавец – не зря же автор решил сделать главного насильника красавцем):

> Они это делали с какой-то личной ненавистью. Это поразило меня больше всего. Остальное было… само собой разумеющимся. Но почему у них было столько ненависти ко мне? Я ведь никогда их раньше в глаза не видела.

Вот что больше всего потрясло Люси – ненависть там, где должна быть любовь или по меньшей мере наслаждение. В этом и состоит причина её шока.

Следует обратить внимание, однако, что в безразличии мужчины к женскому наслаждению всегда присутствует элемент ненависти. Так как цель ненависти – лишить наслаждения, то безразличие достигает той же цели, но только неумышленно.

Дэвид предлагает классовое объяснение этой ненависти. Но Люси отвечает:

> – От этого не становится легче. Шок остаётся. Шок оттого, что они меня ненавидели. В самом процессе.

Отец боится понять правильно сказанное дочерью и спрашивает про себя:

> «В процессе» чего? Имеет ли она в виду то, что он имеет в виду?

Отчаянная попытка отца ухватиться за возможность другого смысла, кроме единственно верного, чтобы опять хоть как-то спасти дочь от «бесчестья».

Люси подтверждает отцу свой страх, что насильники снова вернутся. То есть она боится не повторного насилия, а повторной ненависти, быть может ещё более усиленной.

Вместе с тем Люси настаивает, что отец не может в принципе понять, что с ней произошло в тот день. Самое главное, что потрясло её, – это то, что она ничего не значила для насильников – она это остро чувствовала. Люси была для них «пустым местом» (которое следовало заполнить – добавлю я от себя).

На предостережение отца, что насильники снова вернутся, чтобы повторить содеянное, Люси отвечает, что, быть может, это цена за то, чтобы ей оставаться жить на ферме – она находится на

их территории и что происшедшее как бы плата, налог за жизнь там, где она хочет. С точки зрения насильников – с какой стати она должна жить на их земле бесплатно?

Таким образом, ещё раз подтверждается, что для женщины половой акт – вполне приемлемая плата, извечная женская валюта. Ведь Люси не истязали, не били, а просто ебли, в чём нет ничего противоестественного, разве что с ненавистью, но и ненависть принимается как резонная, хотя и прискорбная плата за предпочитаемый стиль жизни. В этом ли компромиссе есть бесчестье? Должна ли Люси, как Лукреция, покончить с собой? Нет, это всё романтическая провокация на смерть. А Люси хочет жить. Но уж коль ты женщина – изволь делиться своей красотой, как учил Мелани Дэвид. Другое дело, что мужчины в основном не ценят эту красоту, попирают её и неблагодарны после её делёжки. Но здесь уже должна быть особая разборка с мужчинами.

Когда отец напоминает Люси, что она не увидела от насильников ничего, кроме ненависти, она отвечает:

> – Ничего больше не может удивить меня, когда дело касается мужчин и секса. Быть может, для мужчины ненависть к женщине делает их ощущения острее.

Так выясняется, что у Люси был опыт с мужчинами, что её лесбиянство – это не генетическая аномалия, а побег от жестоких мужчин, эгоистичных в наслаждении.

Люси спрашивает отца, не уподобляется ли в воображении мужчин половой акт убийству, безнаказанному убийству, когда мужчина подминает под себя женщину и, вонзая в неё нечто, подобное ножу, покрывается кровью.

Аналогия, легко возникающая у женщины, не испытывающей наслаждения при соитии, да ещё в процессе обильной менструации.

У мужчин эта фантазия возникает значительно чаще (впрочем, откуда мне знать, чаще или нет – статистических исследований я ещё не проводил). Именно из-за своей принципиальной, крайней противоположности убийству, совокупление, зарождающее жизнь, может его напоминать: крайности в какой-то момент сходятся. И момент этот прежде всего находит себе место в фантазиях и мечтах.

Противоположность процесса совокупления убийству является малозаметной для женщины, которая лишена наслаждения, ведь именно оно создало бы эту грандиозную противоположность, не говоря уже о плодоносных последствиях совокупления. Совокупление, лишенное наслаждения, становится для женщины не слиянием с мужчиной, а способом разъединения

с ним вплоть до возникновения образа смерти как предельного и окончательного расторжения.

> Люси отвечает отцу на его записку, в которой он в какой уж раз призывает её покинуть ферму, предрекая, что если Люси останется, то она не сможет жить с собой, «обесчещенной».

Ответ дочери весьма показателен:

> …Я уже не та, которой ты меня считаешь. Я мертва, и я не знаю, что ещё может меня оживить. Но я знаю одно – я не могу уйти отсюда.

Что ж, твёрдость вполне неожиданная для мёртвой.

Дэвид решает уехать обратно в Кейптаун и по пути заезжает в городок, из которого родом Мелани, его роковая зазноба. Там живут её отец, мать и младшая сестра. Дэвид приходит в школу, где работает отец Мелани, с целью, как он говорит, «излить душу». Иными словами, он хочет, чтобы отец видел не только переживания своей дочери, но и состояние её любовника.

Объяснение глуповатое, но не как поэзия: Дэвид якобы, в отличие от других его похождений, был «опалён огнём» Эроса. Тоже мне – алиби.

(Образ опалённости любовным огнём иронически перекликается с горением Давидовых волос, облитых спиртом и подожжённых насильниками его дочери.)

Отец Мелани правомерно недоумевает, зачем явился Дэвид – только для того, чтобы рассказать о своём огне? Отец отвечает на вопрос Дэвида о том, как поживает Мелани – успешно занимается в университете, еженедельно звонит родителям.

Однако о том, что у Дэвида на сердце, он так и не рассказал, а зашёл якобы, чтобы узнать, как поживает Мелани. Откланивается. Уходит. И в этот момент отец Мелани окликает его и приглашает вечером на обед в свой дом. (Абсурдно-надрывная ситуация, из-за чего Coetzee часто сравнивают с Кафкой и Достоевским.) Неловкий обед, где прислуживают молчаливая мать Мелани и её хорошенькая младшая сестра, которую не преминул повожделеть Дэвид.

Он вспоминает первый вечер соблазнения Мелани, когда с её согласия подлил в её кофе виски, которое должно было – и он подыскивает слово – to lubricate (смазать), то есть склонить Мелани к совокуплению. Весьма сомнительно, что Дэвид проявил истинную заботу о возникновении у Мелани нужной смазки, а скорее всего, не обеспечив её, рванул внутрь по сухому. Или, ну

ладно – по полусухому.

В какой-то момент нестерпимо усилившейся неловкости Дэвид порывается покинуть их дом, но отец Мелани, к удивлению Дэвида, со странной весёлостью останавливает его:

> – Сидите-сидите! Всё будет в порядке! Мы это преодолеем. Крепитесь!

За обедом, рассказывая о своей жизни на ферме с дочерью, Дэвид не упоминает о неприятных событиях. В подтверждение кафкианской абсурдности ситуации, которая лишь усиливает поразительное правдоподобие, Дэвида посещает мысль, доказывающая амбивалентность его чувств по отношению к изнасилованию Люси. Не будет натяжкой предположить, что в своих фантазиях он активно в нём участвовал, вожделея к своей собственной пышнотелой дочери. Восхищаясь милой простотой жизни и теплотой отношений в семье Мелани, Дэвид, по описанию автора, вспоминает о насильнике с сочувствием и даже ставит его в пример своей дочери:

> …Он (*Дэвид. – М. А.*) устал от мрачности, от сложностей, от усложнённых людей. Он любит свою дочь, но временами ему хочется, чтобы она была существом более простым, домашним. Мужчина, который её изнасиловал, главарь, был именно таким. Нож по маслу…

Вот уже и симпатия появляется к насильнику, причём к главарю, который был красавцем. Ох, как не случайно наделил его красотой автор!

К концу обеда Дэвид извиняется перед отцом за содеянное (то, что он не желал делать на разбирательстве в университете). Дэвид даже делится с отцом Мелани своей иллюзией, что, несмотря на большую разницу в возрасте, отношения их могли бы состояться, но он, мол, не смог дать Мелани ощущения романтики в их отношениях, что он был слишком деловит.

Прощаясь, Дэвид встаёт на колени перед матерью и младшей дочкой, оказавшейся рядом с матерью. Это уже бесчестьем не назовёшь – это уже обыкновенная глупость.

Так и не понятно, в чём считал себя Дэвид виноватым перед Мелани? Говоря о романтике, которую он не предоставил ей, Дэвид явно не имел в виду наслаждение, которого он ей не давал. Романтика – это окольный, медленный путь, как правило, не осознанный мужчиной, ведущий к тому, чтобы женщина испытала с ним оргазм. Прямой путь – это лизать ей клитор. Романтика же

– это процедуры, предназначенные для создания расслабляющей и удобной для женщины обстановки для совокупления. Обстановка эта способствует тому, что, когда совокупление начнёт свершаться, женщина в результате своей радостной готовности сможет сама усиливать своё возбуждение и потому ей легче испытать оргазм, благодаря возбуждению того же клитора, которое происходит чаще всего как неумышленный, побочный продукт мужских движений при его стремлении к собственному оргазму.

Когда Дэвид возвращается в свой дом в Кейптауне, он видит, что решётки на окнах взломаны, окна разбиты, нутро дома разграблено и изгажено. Что ж, и это можно при желании назвать бесчестием.

Дэвид идёт на ставший популярным в городе студенческий спектакль, где играет Мелани, но его мечты о возрождении отношений с ней опять разрушает тот же её парень, который оказывается в зале и, с угрозами и оскорблениями, заставляет профессора ретироваться. Профессор, в неуёмной нервной дрожи, берёт уличную проститутку, которая моложе, чем Мелани. Она ему отсасывает, и Дэвид дивится (намеренная аллитерация) исчезновению дрожи, а также снизошедшей на него после оргазма лёгкости. «Так вот что мне было надо, – думает он, – и как только я мог об этом забыть?»

Действительно – надо же…

Дэвид регулярно звонит Люси и, вдруг почувствовав странные интонации в голосе дочери, звонит Бев узнать, что происходит. Бев нехотя признаётся: «нечто произошло», но объяснять отказывается, отсылая его к дочери. Дэвид немедля отправляется к ней на ферму.

Люси забеременела. Более того, она отказывается делать аборт, так как «не хочет проходить через это снова». Из чего отец впервые узнаёт, что она уже была беременна. Ещё одно доказательство её лесбиянства как побега от мужчин.

Реакция Люси на удивление отца: как она собирается иметь ребёнка от тех мужчин? – такая:

> – Я – женщина, Дэвид (*на протяжении всего романа Люси обращается к отцу по имени, почему? – я не понял и не знаю; быть может, это такая традиция в Южной Африке, как на Украине родителей дети называли на «вы». – М. А.*). Не думаешь ли ты, что я ненавижу детей? Неужели я должна ставить жизнь ребёнка в зависимость от того, кто его отец?

Профессор размышляет, что раз так, то произошло не

изнасилование, а акт продления рода этими мужчинами, переполненными сперматозоидами и стремящимися их распространить повсюду. Что за ребёнок может родиться из семени, попавшего в женщину не по любви, а из ненависти, из желания её загрязнить, пометить, как собаки помечают мочой?

Да, Люси, быть может, видела ненависть в глазах ебущих её мужчин, но в момент семяизвержения она могла почувствовать или заметить их наслаждение, которое хотя бы на мгновение, но побеждало их ненависть. Так что ненависть вовсе не была одинока, а при ней присутствовало обязательное мужское наслаждение.

Люси сообщает отцу ещё одну новость: молодой парень, один из троих насильников, живёт теперь у Петруса. Парня зовут Поллукс, и он, оказывается, брат жены Петруса, а потому у Петруса имеются семейные обязательства по его защите.

Дэвида это возмущает до глубины души – теперь они должны ещё терпеть присутствие насильника и делать вид, что ничего не произошло. К тому же ребёнок, быть может, именно от него. На это Люси отвечает, что Поллукс живёт у Петруса и ничего с этим поделать нельзя, а нужно с этим смириться. Бежать отсюда она не будет.

Дэвид идёт к Петрусу объясниться насчёт Поллукса. Петрус заверяет, что всё уже прошло, что Поллукс – несовершеннолетний член его семьи, и Петрус должен о нём заботиться. Мол, теперь всё под контролем. Но самое неожиданное и непостижимое для Дэвида, что Петрус просит передать Люси предложение о женитьбе. Если он женится на Люси, то она будет в безопасности, а над одинокой женщиной всегда будет висеть угроза всевозможных неприятностей. Дэвид в очередной раз ошарашен.

Когда он сообщает о предложении Люси, она отвечает, что Петрус уже давно намекает на это. Люси прекрасно понимает, что Петрус хочет получить её ферму в качестве приданого.

Люси посылает отца с ответом Петрусу. Она согласна подыгрывать любому слуху, который захочет распространить Петрус, мол, она его жена или любовница, но тогда ребёнок будет считаться тоже его. Она согласна переписать землю на Петруса, но с условием, что дом остаётся собственностью Люси и никто не посмеет в него являться без её разрешения.

Возвращаясь с прогулки, Дэвид видит у дома Люси Поллукса, прильнувшего к окну ванной – он подсматривает за его дочерью. Разъярённый отец бросается на парня и натравливает собаку, которая вцепляется в его руку. Выбегает Люси в халате, заставляет собаку отпустить Поллукса и, склонившись над парнем, осматривает его руку с укусами. Халат Люси

распахивается, и голые груди предстают перед глазами Поллукса и отца. Она предлагает Поллуксу войти в дом, чтобы промыть раны, но парень злобно отказывается. Она запахивает халат, а парень убегает, крича: «Мы вас всех убьём!»

Вот она, мужская психология, – подсматривал за голыми грудями, а когда появляется возможность к ним прильнуть – в злобе бежать от них.

Люси пеняет отцу, что она хочет только мира, что ради мира она согласна пойти на всевозможные уступки. До приезда отца этот мир уже установился, а сейчас опять нарушен. Отцу дано понять, что он и установившийся мирный образ жизни несовместимы. Дэвид уезжает. Он снимает комнату в городке, где находится клиника для животных, которых лечит и убивает Бев. Он продолжает ей в этом помогать.

Дэвид привязывается к собаке, которая, как он случайно обнаружил, живо реагирует на музыку. Если собаку не востребуют владельцы или кто-либо не возьмёт её, она подлежит уничтожению. Дэвид подумывает о том, чтобы спасти её от смерти и взять себе, но, когда наступает срок, он берёт её, радостно лижущую его лицо и руки, и приносит на стол Бев для смертельного укола.

На этой родившейся готовности к убийству невинных, но излишних животных заканчивается роман.

После прочтения романа во мне ещё долго расходятся круги. Болотце моего умственного существования всколыхнулось и стало напоминать если не озеро, то хотя бы пруд. Вот и пружу. Разные, но той же сути мысли зашевелились в легко дичающем мозгу. Всё это знак глубокого впечатления, произведённого талантливой, точно цепляющей за нерв литературой.

О чём же этот роман? – По-моему, о мужской жестокости по отношению к женщинам, одно из проявлений которой – забота лишь о собственном наслаждении и пренебрежении женским. Об уступчивости женщин во имя устранения или хотя бы уменьшения этой жестокости, а уменьшение жестокости – уже есть если не само наслаждение, то хотя бы условие для его возникновения.

Но я не позволяю себе забыть, что я делаю жизненные, поведенческие выводы не из научно-психологического исследования и даже не из собственных наблюдений над жизнью, а из романа – из выдумки, в которой отражена лишь душа самого автора, а если им и сделана попытка отразить иные души, то это отражение неизбежно искривлено прохождением через душу автора, всегда искажающую всё, через неё проходящее,

«кривизной» своей индивидуальности.

С другой стороны, феномен воздействия на читателя этой обречённой на искажённость реальности поражает своей силой, как в данном случае. Это происходит из-за того, что вопреки «искажённости» возникает узнавание чего-то родного, сразу воспринимаемого как «своё», или чуждого, не приемлемого (до поры до времени) для читателя. Сила влияния романа на читателя определяется степенью близости персонажей к читателю, степенью признаваемости за свои собственные мыслей, изложенных в романе. Кроме того, нет ничего умнее изощрённо пересказанных трюизмов. В данном романе присутствует всё это, глубоко проникающее в читателя. В меня – уж точно.

Нужно также не забывать, что вся женская психология романа придумана мужчиной и неминуемо отражает мужскую же психологию, как бы хитро автор ни посягал на знание женской. Поэтому мы можем принимать за достоверную только психологию мужского персонажа. А через описанную женскую психологию мы узнаём не столько психологию женщины, сколько психологию мужчины: как ему видится психология женщины, какой бы он хотел, чтоб она была.

Таким образом, рассуждая о выдумке писателя как о реальной жизни, я оправдываюсь тем, что выдумка не может взяться ниоткуда, что в любом слове обнаруживается дело, часто даже уголовное.

Так вот, если бы красавец негр-насильник ласково и влюблённо позаботился о Люсином пламени, а второй насильник поддержал бы его горение и третий довёл бы Люси до белого каления, то Люси разделила бы их «пламя поневоле» и была бы счастлива, что она вызвала не ненависть, а вкусила и вызвала любовь целых троих.

Теперь о «бесчестии» и заглавии романа. Если говорят, что женщину обесчестили, то все сразу понимают, что либо её лишили девственности вне брака, либо её изнасиловали. Таким образом, факт бесчестия приравнивает добровольное расставание с девственностью и принудительное совокупление. Итого, добровольное действие получается равным принудительному. Другими словами, воля в конечном счёте роли не играет, а главную роль играет ебля, именно она – главная категория бесчестия. В таком случае, если мужчины относились бы к ебле как к безгрешной и имеющей целью прежде всего удовлетворить женщину, то и от понятия «чести» осталась бы только «честность» – то, без чего действительно невозможны взаимоотношения между людьми, ибо честность – это выполнение обещанного, а потому обязательность, а не условия дозволенности ебли были бы

в основе человеческой морали.

Так как зачатие, пол ребёнка и его всевозможные качества вскоре будут осуществляться и планироваться лабораторно, намеренно и с надёжным результатом, то половая жизнь останется исключительно для наслаждения и будет цвести повсеместно. Давняя мечта эротоманов свершится, и Венера с Амуром станут главными богами в Пантеоне, Марс будет содержаться в клетке и выпускать его будут только на агрессивных инопланетян; Зевс же будет готовить на молниях яичницу на завтрак бесконечным любовникам, проведшим ночь в многократных наслаждениях, а остальное время ебать лебедей и прочих, кто ни подвернётся.

Ладно, хватит бредить – обратно к «Бесчестью».

Название романа «Бесчестье» звучит как приговор, в нём слышится российская безаппеляционность (обжалованию не подлежит), тогда как по-английски слово «disgrace» имеет иные значения, о чём я говорил вначале, и в большинстве мест романа они-то и имеются в виду.

В газетной статье, в которой появилось описание скандальной связи профессора и студентки, Дэвида называют «Disgraced disciple of William Wordsworth» – ниспровергнутым апостолом Уильяма Уордсворта (один из любимых поэтов Дэвида). Так что его называли «ниспровергнутым», а не «бесчестным».

Смысл русского слова «бесчестье» отрицается и следующим ответом Дэвида на вопрос дочери о ситуации в университете:

> – She told me you are in trouble. (Она сказала мне, что ты в сложной ситуации.)
>
> – Not just in trouble. In what I suppose one would call disgrace. (Не просто в сложной ситуации. Можно сказать, что я оказался в опале.)

Дэвид вовсе не считает, что он обесчещен историей с Мелани, наоборот, он не желает поступаться своими желаниями и радостно подпадает под власть Эроса, за что он попадает в опалу, в немилость. Честь его заключается в том, что он следует своим желаниям, а не подавляет их во имя «псевдочести». Однако в этом следовании исключительно своим желаниям, в пренебрежении желаниями своих сексуальных партнёрш и есть истинное бесчестье, которое, конечно, вовсе не имелось в виду ни Дэвидом, ни автором, ни переводчиком.

Размышляя о христианском писателе Оригене, который кастрировал себя, Дэвид примеряется к этому действу, используя несколько раз фразу «not graceful» (с тем же корнем, что и в слове

«disgrace,» что тоже не случайно):

> Not the most graceful of solutions, but then ageing is not a graceful business. (Кастрация – не самое изящное из решений, но старение – вещь тоже не слишком изящная.)

Если слово «grace» несёт эстетический смысл грации, изящества, то и слово «disgrace» неизбежно имеет оттенок не только этический, но и эстетический, а значит, в названии происходит также и намёк на антиэстетичность описанных событий. Поэтому неудивительно, что Дэвид, продолжая размышлять о кастрации, иронически замечает, что неприглядный вид кастрированного мужчины не намного хуже вида мужчины, лежащего на женщине в процессе совокупления! Так выявляется внутреннее эстетическое отвращение Дэвида к процессу совокупления, а отвращение это неизбежно кастрирует мужчину в его сексуальных чувствах. И действительно, Дэвид был очевидным кастратом по отношению к желаниям своих партнёрш.

Крепкая связь эстетического и этического давно закреплена в языке. При определении плохого поведения появляется такая формулировка: «Некрасиво себя ведёшь». А при описании красоты указывают: «Правильные черты лица». То, над чем морщат лобики философы, уже давно запечатлено в языке, поскольку, пользуясь им, народ голосует большинством за суть дел.

Так что, если красивое значит правильное и если правильное значит красивое, то что делать в случаях, когда одному кажется красивым то, что другому кажется уродливым (те же половые органы)? Уголовные преследования художников, писателей за то, что они изображали, в их понимании, красивое и что в то же время моралистам и полиции казалось уродливым, являлись подтверждением нерушимой связи красоты и добропорядочного поведения. Так как корни красоты уходят в секс, то регламентирование обществом определения красоты косвенно направлено на регламентацию сексуального поведения. Так что отвращение Дэвида видом полового акта точно и категорически обуславливает его некрасивое поведение с женщинами.

Рассматривая, пусть шутливо, свою кастрацию как способ уничтожения своих сексуальных желаний, Дэвид тем самым демонстрирует свою невежественность, ибо известно, что похоть у созревшего мужчины остаётся даже после кастрации.

Русский смысл «бесчестья» проскальзывает в «disgrace» только после того, как произошло насилие над его дочерью. Дэвид почему-то воспринимает изнасилование как и своё бесчестье, тогда как Люси относится к нему как к неизбежной женской плате за право жить на территории голодных мужчин.

Дэвид говорит отцу Мелани:

> – Iam sunk into a state of disgrace from which it will be not easy to lift myself. (Я настолько глубоко впал в бесчестье, что мне будет нелегко подняться.)
>
> …trying to accept disgrace as my state of being. Is it enough for God, do you think, that I live in disgrace without term? (…пытаюсь принять бесчестье как состояние моего бытия. Как вы думаете, достаточно ли для Бога, что я живу в бесчестье, не имеющем конца?)

Но так ли бессрочно это бесчестье? Во всяком случае, для Люси? Если бы она решила сделать аборт, то она бы тем самым полностью отвергла своё изнасилование и приняла бы его как бесчестье. Но она решила сохранить плод – результат, следствие изнасилования. А значит, это следствие, намертво (а точнее, наживо) привязанное к своей причине, будет влиять на Люсино отношение к причине, к изнасилованию.

Получается ли, что рождённый в результате изнасилования ребёнок, к которому мать испытывает безусловную любовь, смягчает её воспоминания и ощущения по отношению к былому изнасилованию? Любовь к ребёнку, казалось бы, должна нейтрализовать дурную память об изнасиловании. Ведь именно изнасилование стало причиной женского счастья – материнства, которое является смыслом женской жизни. Глядя любящими глазами на ребёнка, давшего ей счастье, возможно ли ненавидеть событие, послужившее причиной этого счастья?

Впрочем, это – мужская логика, а женская логика может быть совсем иной и пренебрегать причинно-следственной зависимостью: женщина может любить ребёнка и по-прежнему ненавидеть отца. То есть не рассматривать два события – изнасилование и материнство – как взаимосвязанные. Но разве не будет шевелиться в матери ненависть, когда в ребёнке будут узнаваться отцовские неприязненные черты лица или характера? Может ли быть любовь к плоду изнасилования поистине безусловной, каковой принято считать любовь материнскую?

Можно рассмотреть феномен материнской любви к ребёнку, зачатому в изнасиловании, с двух углов. Если ребёнок вырос добрый, умный, послушный, любящий мать, то в этом случае, как мне представляется, отношение женщины к происшедшему изнасилованию должно максимально смягчиться или хотя бы нейтрализоваться.

Если же ребёнок вырос злобным, глупым, по-хамски относящимся к матери, то все эти черты мать будет приписывать

наследственности ненавистного насильника, и её отношение к изнасилованию будет по-прежнему суровым и непримиримым, а свою неизбежную материнскую любовь к навязанному насилием чаду она будет воспринимать как крест, который ей уготовано нести.

В реальной ситуации происходит смесь этих двух крайностей и отношение к происшедшему изнасилованию должно меняться в зависимости от удовлетворённости материнством.

Впрочем, если женщина действительно способна не обращать внимание на причинно-следственную зависимость и не рассматривать изнасилование и ребёнка в этих категориях, то отношение к насилию останется неизменным и женщина будет любить своего ребёнка независимо ни от чего. Но будет ли?

Телу женщины безразлично, от кого ей забеременеть, женская основная задача – родить и вырастить ребёнка. У неё слишком мало яйцеклеток, и они слишком медленно производятся по сравнению с тьмой сперматозоидов, чтобы быть разборчивой. Яйцеклетка радостно оплодотворяется вне зависимости, добровольно или насильно сперматозоид оказался у её порога.

Мужчина, чья сперма не попала в женщину законно, или мужчина, который призван охранять пизду от незаконных вторжений, – вот кто истинные жертвы изнасилования, потому что они не смогли продлить свой или им предпочтительный род с дефицитной яйцеклеткой, и таким образом род этого мужчины в опасности. Это они, которых обошли изнасилованием, заставляют женщин кричать «караул!», страдать и классифицируют изнасилование как самое страшное преступление, даже если оно не сопровождалось нанесением женщине боли и увечий.

Посмотрел с запозданием *Ворошиловского стрелка* Говорухина и удивился созвучию с *Бесчестьем.* Такие же варвары и тоже втроём насилуют не дочку, а внучку, так же позорно пренебрегают её удовольствием – просто используют. Так же она отходит, и с ещё большей лёгкостью, от случившегося. Уже соглашается принять деньги от отца одного из насильников и веселится. Полушутит, что выйдет замуж за одного из насильников. И только её дед не может простить и считает, что изнасиловали его. Деду нанесено оскорбление, он считает, что он изнасилован. И он, в отличие от Дэвида, решает мстить сам. Но мстит он не столько насильникам, сколько времени, которое повернулось против него. Время, которое предпочитает оплодотворение сперматозоидами именно от такого типа самцов.

Впрочем, самое главное всё-таки другое – Люси захотела оставить ребёнка от насильника, а это значит, что насилие через возникшую новую жизнь получило правомочность и обрело

гуманный смысл. Люси своим решением оправдала насилие материнством. Так как семя дало плод и этот плод будет жить, то забота о жизни плода является главной целью для матери. Тогда становится второстепенным, как образовался этот плод – в результате ли насилия или по доброй воле.

– Женщины могут быть на удивление всепрощающи, —

говорит Люси отцу.

А в таком случае слово «бесчестье» становится для женщины бессмысленным, бесчестье аннулируется самой сутью жизни, и понятие «бесчестье» может быть применимо только к мужчинам как возмездие за их нелюбовь к любви.

Любвеобилие, или честная женщина

***Catherine Millet.* The Sexual Life of Catherine M./ Пер. с фр. New York: Grove Press, 2002. 210 p. ISBN 0-8021-1716-3.**

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2004. № 107.
В скобках указаны страницы приведённой книги.

Парижская критиканка искусства, издающая популярный журнал *Art Press*, взяла и написала историю своей сексуальной жизни. Да ещё какой! Во Франции раскупили чуть ли не миллион экземпляров. Весь мир срочно перепечатал. Россия, говорят, вот-вот встанет в ряды стран, что перевели.

Короче – нечто. Даже фурор.

Мне стало любопытно, есть ли основания для такой суеты. И теперь официально и торжественно заявляю – есть. Причём вполне.

Чем же эта книга из ряда вон выходяща – мало ли кто исповедовался в своей сексуальной жизни? Оказывается, что мало. А так, как Catherine, никто.

Catherine Millet, респектабельная женщина, с нормальной психикой, спокойным тоном, без дешёвых трюков, подробно и проникновенно рассказывает о своей страсти к оргиям и множественным сексуальным партнёрам. Она разумно оговаривается, что даже самая правдивая речь, очевидно, не является абсолютной в своей правдивости (64).

Однако у меня не остаётся сомнения, что её правдивость, даже не будучи абсолютной, делает всю говорившуюся до неё женскую «правду» не более, чем гнусными баснями. Официальный взгляд на женщин и так называемую «женскую добродетель» становится необходимо срочно похерить и заменить на канон, выведенный Catherine Millet.

В своём повествовании Catherine никак не пытается скрыться ни за псевдонимами, ни за декорациями – открыто упоминает о своём журнале и прочем личном. То есть она ведёт себя так же честно, как и в тексте книги, называя еблю еблей, а хуи хуями.

В русском же переводе небось всё прозвучит как «траханье», «блин» и «мужской половой хуй».

Многие мысли, наблюдения Catherine весьма напоминают мои, да и вообще я заметил, что похожи мы с ней кое в чём: ей за пятьдесят, бездетна, среднего роста, с близко посаженными глазами и длинным носом, замужем – ну чем не сходство? И вот ещё важное сходство: она непьющая, напилась всего два раза в

жизни (136), ровно столько же раз, как и я. Есть, конечно, и отличия. В половых органах, например. И ещё кое в чём весьма существенном: у меня за месяц не было столько баб, сколько у неё мужиков за одну ночь. А это весьма существенное отличие, о фундаментальных причинах которого – ниже.

Самая большая оргия, в которой Catherine участвовала, состояла из 150 человек, и она обработала около сорока хуёв, о чём она заявляет с гордостью (10).

Недавно был снят документальный фильм, где девица побивала порнорекорд Гиннесса – её ебли, стоя в очереди и переминаясь с ноги на ногу, более ста мужиков. Я видел эту героиню на *Howard Stern Show*. Это была женщина, которая занималась выёбыванием денег, с обязательными презервативами и ограничением по времени на каждого мужчину. Стоит ли говорить, что, когда эту женщину ебли, все её мысли были заняты сложением долларов. До умножения эта баба явно не доучилась, и на лице её, кроме пизды, ничего написано не было. Ну, может быть, ещё и жопа. (Правда, это для женщины тоже весьма много.)

Catherine же подсчётами не занималась, а еблась в пенящемся от спермы желании, жадно беря в рот и в руки побольше хуёв, которые ждали своей очереди, чтобы побывать в её пизде или/и в заду. Некоторые не утерпевали и изливались ей в глотку, которая радостно поглощала мужское содержимое. Женщинами Catherine тоже не пренебрегала, как и всякая нормальная женщина. Но всё-таки мужчины составляли главный источник её наслаждений и интересов.

Прежде всего, Catherine описывает, как её ебли, как она мастурбировала, а также прочие действия и сопровождающие их чувства. Кроме этого, она пытается объяснить, почему её сексуальная жизнь была такой, а не иной, но это у неё происходит безрезультатно. Её сексуальные предпочтения до сих пор так тщательно скрывались всеми женщинами, что теоретизирования о таком поведении являются просто защитной реакцией и попыткой оправдаться из-за производимого шока.

Несомненно и важно то, что условия, позволившие Catherine вести такой образ жизни в течение долгого времени, – это отсутствие детей, а также концентрация интересов исключительно на сексе, а не на алкоголе, наркотиках или садомазохизме.

Неизбежные аборты (Catherine лишь в одном месте упоминает «когда у меня был аборт» (204), по-видимому, не происходили чаще, чем у женщины, которая ебётся, не предохраняясь, с одним и тем же партнёром со злющей спермой.

Однако самое злосчастное в этом деле – венерические

заболевания. Catherine пишет о них только дважды. Причём лишь о гонорее. Первую она получила сразу после начала своей женской карьеры и рассматривала её как своё крещение.

> Многие годы после этого я жила в смертельном страхе от воспоминаний о той режущей боли, хотя я поняла, что она является знаком отличия тех, кто много ебётся (9).

Второе упоминание возникает в связи с радостями анального секса. На одной из оргий Catherine повелела ебать себя только в зад. Причиной такого великолепного предпочтения было, согласно её нечётким воспоминаниям, то ли опасное время овуляции, то ли «лёгкая гонорея» (26). От мужчины к мужчине передавалось повеление жрицы любви: «Она хочет, чтобы ебли только в зад». Так же предостерегали того, кто уже было навёл своё орудие на запрещённую цель. После этой анальной активности Catherine испытала гордость собой из-за того, что не ощущала в себе никаких сдерживающих сил, а полностью открылась народу задом, как в других случаях – передом. Что она подразумевала под «лёгкой гонореей»? По-видимому, то же, что под «лёгкой беременностью».

Пропустив через себя столько цистерн спермы, Catherine должна была бы возвращаться к этой и другим болезням не раз. Однако то, что она по сей день жива и здравствует, говорит лишь о том, что плата за наслаждения была минимальной.

Предпочтение к большому количеству мужчин у Catherine не было результатом постепенного развития сексуального чувства, а было врождённым. Ещё маленькой девочкой она уже мечтала о нескольких мужьях, что она считала само собой разумеющимся. Catherine волновала иная проблема: можно ли иметь несколько мужей одновременно или только последовательно? А если последовательно, то сколько надо ждать, прежде чем перейти от одного мужа к другому? А также: сколько мужей иметь «приемлемо»? Пять, или шесть, или много больше – бесчисленное количество? (1,2).

Она потеряла девственность в 18 лет, но через несколько недель уже занялась групповым сексом (три парня и две девушки). Она не была инициатором, но сознательно спровоцировала эту затею.

Catherine никогда не стыдилась своих эротических фантазий. А это основа для того, чтобы они, став реальностью, не подавляли, а счастливили тебя. Не стыдиться своих фантазий – это основа здоровой психики.

Catherine быстро открыла для себя, что острота наслаждения,

которую она ощущает от прикосновений, поцелуев и ебли, обновляется с каждым новым мужчиной, а их, по счастью, имеется вокруг огромное количество. Всё остальное не имело для неё значения (6). Она пишет так:

> Ничто не могло меня остановить перед тем, чтобы постоянно стремиться вкушать новую слюну и ощупывать рукой форму нового хуя, которая всегда была радостной неожиданностью (8).

Catherine подробнейшим образом и с великим чувством описывает различные хуи – их форму, вид, вкус, ощущения, испытываемые от них, и пр.

Из всех опробованных хуёв Catherine может только сорок девять соотнести с соответствующими им лицами. Остальные остались для неё хуями безликими. (Вот она, «девичья память».) Это подтверждает лишь то, что наслаждение для женщины вовсе не страдает от обезличенности. Если женщины влюблялись в уродцев (то есть в красоту со знаком минус), то ещё легче предположить влюбленность при полном отсутствии лица (ноль красоты). А ещё точнее, вся красота перемещается с лица на гениталии, и необходимость в лице пропадает.

Самым важным было то, что никаких моральных ограничений Catherine не ощущала и была естественно предрасположена к всевозможным сексуальным экспериментам. Она с готовностью следовала желаниям мужчин и никогда не выводила из этого самооправдательных теорий и не относилась к этому с озлоблением. Она быстро осознала, что не любит кокетничать, заниматься соблазнением, и потому она принадлежит к таким женщинам, которые не противостоят мужчинам, а являются их сообщницами (7).

> Я ни с кем не знакомилась в метро, ибо заполнять кокетством и заигрываниями время между знакомством и совокуплением было бы для меня нестерпимо. Но если бы толпа в метро стала предаваться самым изощрённым наслаждениям с той же лёгкостью, как она принимает за должное выражение отвратительной тоски на лицах пассажиров, то я могла бы легко предаться таким совокуплениям, как животное (54).

Всё верно, но в конце она взяла и поддалась той же толпе своим сравнением «как животное» – это что? Всё-таки унизить себя захотелось? Да не как животное, а как человек, который звучит гордо прежде всего в своём истинно женском

(общедоступном) проявлении.

Catherine чувствовала себя уверенной, только когда сбрасывала платье.

> Нагота была моей истинной одеждой, которая защищала меня (12).

Как христианские придурки осеняют крестным знамением нагую женщину, чтобы защититься от дьявола, так нагота защищает женщину от всякого ханжи, который, узрев наготу, не в состоянии ей противостоять и бежит либо от неё, либо к ней. Нагота – это власть, которая наделяет Catherine уверенностью.

Она ненавидела ритуалы заигрываний, нудные разговоры и приготовления к ебле, когда она приходила в место, где должна была совершаться оргия. Так, одна дурацкая группа свингеров завела традицию начинать еблю только после завершения совместного обеда, причём всегда в одном и том же ресторане. Ржавым гвоздём этой программы было снятие трусиков с одной из женщин, пока официант разносил блюда.

Catherine проявляла чрезвычайное чувство такта:

> Я считала, что это неприлично рассказывать похабные истории во время оргии (22).

И здесь я нахожу у нас сходство: я в подобных ситуациях тоже возмущаюсь: на оргии надо ебаться, а не лясы точить.

Catherine всегда отделяла заигрывание как начало игры от игрушек, в которые начинают играть лишь для того, чтобы оттянуть начало игрищ.

Вот какое основополагающее заявление делает Catherine по этому, да и по другим поводам:

> …всякие общения с людьми приводили меня в смущение и замешательство, и потому половой акт был для меня убежищем, в которое я добровольно пряталась. Это был способ избежать взглядов, которые меня смущали, и разговоров, которые я не умела поддерживать. А потому у меня не было намерений проявлять какую-либо инициативу – я никогда не флиртовала и не пыталась вести счёт победам. С другой стороны, я была абсолютно доступна любым своим отверстием в любое время, в любом месте, без всяких сомнений или сожалений и совершенно без угрызений совести» (36).

И действительно, только одно постыдно в сексе – это стыд.

С течением времени смущение и замешательство, которые Catherine испытывала во время всевозможных сборищ, заменились обыкновенной скукой (51). И действительно, тоска смертная торчать в компании мужиков и баб и заниматься словоблудием. После двух минут разговора говорить мне тоже абсолютно не о чем и хочется просто взять бабу и ебать.

Catherine уточняет:

> Я уже говорила о скуке, охватывающей меня в компании друзей, и как я избавлялась от неё, отправляясь с одним из них поебаться. Но даже ебля может оказаться скучной. Хотя я предпочитаю именно эту форму скуки (188).

Многочисленные связи Catherine с коллегами только способствовали эффективности её работы. Она была далека от того, чтобы нагнетать сухую холодность рабочих отношений, которые, как принято считать, следует поддерживать, чтобы не нарушать победоносного хода производственного процесса.

Когда однажды Catherine листала глянцевые обложки в порномагазине, она возмечтала о новых отношениях между сослуживцами:

> Если бы можно было их также листать на рабочем месте и предлагать соседу взглянуть на приглянувшееся (127).

Для свершения такой голубой мечты Catherine следовало организовать журнал не искусствоведческий, а порнографический, тогда бы в редакции такого журнала это было бы не только возможно, но даже обязательно.

Ещё одно подтверждение душевности Catherine состоит в том, что с большинством мужчин, с которыми у неё были продолжительные связи, она до сих пор сохраняет дружеские отношения. Сразу видно, что не сука. Из высоконравственных сук.

Catherine совершенно лишена меркантильности. Однажды, подначиваемая, она решила попробовать проституткничать. Но она совершенно не была в состоянии вести какие-либо переговоры с клиентом о деньгах. Устанавливать какой-то психологический контакт, вести какой-то разговор, необходимый для вытягивания максимума денег из клиента, – всё это напоминало ей процесс соблазнения, что для неё было совершенно чуждо (69).

Кончилось тем, что она, как обычно, бесплатно поеблась с мужиком.

Catherine нередко проводила время с богатыми любовниками, и над ней шутили, что она не может ничего из них выжать, тогда как всё, что она хотела выжать из любовника, были обильные капли спермы.

Согласно моему определению честной женщины (см. «Спасительница» в моём «кирпиче» *Чтоб знали*! М.: Ладомир, 2002. С. 441–493.ISBN 5-86218-379-5.):

> И лишь мужчина и женщина на оргии, увидевшие друг друга и сразу, возгоревшись похотью, бросившиеся совокупляться, – вот в этой ситуации женщина ведёт себя прилично.

Catherine точно подпадает под это определение. Вот уж поистине, приличная и честная женщина!

У Catherine полностью отсутствуют садистские наклонности, она не понимает, в чём состоит удовольствие, которое садизм якобы приносит. Она не могла никого хлестать плетью, когда её об этом просили, или хотя бы шлёпать (171) – и здесь мы с нею как близнецы.

Все малотрадиционные разнообразия в сексуальных контактах она воспринимала не стоически, а судьбоносно исследовательски, согласно определению ебли в её жизни:

> Я верила, что ебля – и под этим я имею в виду еблю частую и желанную, с каким бы это ни было партнёром или партнёрами, – это образ жизни. Если же это не так и ебля допускается только при определённых условиях и в уготованное для этого время, тогда она становится всего лишь исключением из традиционного жизнепорядка».

Ведя такой образ жизни, Catherine принимала всех – молодых и старых, чистых и грязных, рабочих и банкиров, никому не отказывала и с радостью лизала мужской анус, если его ей подставляли, и запах и вкус дерьма её не пугал, а принимался с радостью, хотя она не была корпофагшей.

Некий любовник мочился ей в рот, что ей было не шибко вкусно и приятно, но она это делала, чтобы преодолеть ещё одно препятствие на пути к сексуальному совершенству. Она не испытывала ни мазохистского наслаждения, ни унижения, а лишь торжество, лёжа в этой отвратительной жидкости (192).

Catherine признаётся с некоторым сожалением или уязвлённой гордостью, что она так и не встретила истинного любителя её пердежа и экскрементов (133). Но тут же заявляет, что это её не интересовало. А самой

> …ебаться, превосходя отвращение и пребывая вне его, было вовсе не унизительным, а, наоборот, возвышением над всеми предрассудками (142).

Для полноты картины Catherine уточняет, что ей не удалось поебаться с собакой – понадеялась на любовника, который обещал притащить за ошейник, да и не смог (142). Тоже мне, никак не могла взять на себя инициативу, хотя бы с собакой – всё ей мужика-менеджера подавай.

Тут следует особо отметить, что оргии и прочие многопартнёрные ситуации преподносились для неё любовниками на блюдечке с голубой каёмочкой.

Catherine нравилось, когда один мужчина подавал её другому мужчине для ебли – представлял значит (112).

На оргию Catherine всегда приводил какой-либо её любовник, который наслаждался тем, что её ебут много мужчин. Во время оргии она слепо полагалась на своего чичероне, и её общее ощущение в оргии было, будто бы она слепо, словно клеточка плоти, перемещается в бесконечной её материи. Она верила, что присутствие партнёра охраняло её от всего плохого, что могло случиться.

> Я вверяла себя ему, отказываясь от своей свободной воли… Что бы ни случалось, это было менее странным, чем когда не случается ничего (151).

И такая глубокая вера в своих любовников оправдалась:

> Ни разу на оргиях я не была подвержена ни жестокости, ни угрозам, наоборот, я была вознаграждена таким вниманием, которое я редко находила в классических отношениях «один на один» (152).

И это признание исключительно важно, поскольку все женские страхи группового изнасилования связаны не с милой последовательностью хуёв или их одновременностью, а с жестокостью мужчин, которой они наполняют секс.

Любовник, что приводил Catherine на оргию, всегда к ней относился заботливо и охранял её от каких-либо неприятностей. Если ей требовался отдых, то её сразу отпускали, либо это организовывал её любовник, который всё время находился поблизости и следил за благополучием своей наслаждающейся возлюбленной.

Один из таких благодетелей по имени Эрик, приведя Catherine на оргию, раздевал её и располагал на кровати или

диване в каком-нибудь алькове и выставлял её на пользование. Бывало, он сам начинал её целовать и ласкать, но сразу передавал её другим мужчинам. Любимая позиция Catherine – на спине, и она со смаком описывает, каким образом проходили ласки и что в них она любила больше всего. Иногда она находилась в непрерывной активности такого рода в течение четырёх часов.

Можно правомерно заключить, что, чем больше мужчин стоит в очереди на женщину, тем менее вероятно жестокое отношение с ней, потому что если какой-либо вздумает произвести какую-либо жестокость, то стоящие в очереди не допустят, чтобы телу, которое вскоре должно удовлетворить их похоть, был бы нанесён ущерб или оно было бы выведено из строя.

Представьте себе очередь за хрусталём, а кто-то вдруг начинает бросать камни в стоящие вазы и фужеры – да ему очередь руки-ноги переломает. А если бы очереди не было, то поодиночке далеко не каждый осмелился бы противостоять хулигану. Так и здесь. Да и по какой причине может возникнуть к женщине жестокость? Когда она кокетничает и не даёт, или не даёт в рот, или не даёт в зад. Тогда применяют силу, часто жестокую. А Catherine сразу и жадно давала куда угодно и кому угодно. Какая тут может возникнуть жестокость? – Только сплошная благодарность. Из этого вытекает глубокомысленный метод избавления от жестокости мужчин по отношению к женщинам – с помощью повсеместных и частых оргий.

Наслаждения Catherine иногда омрачались традиционными недугами любви. Вот что она о них пишет:

> Большую часть своей жизни я еблась простодушно. Я имею в виду, что спать с мужчинами было для меня естественным делом, которое не тревожило меня неуместными переживаниями. Разумеется, что время от времени я испытывала кое-какие психологические осложнения (обманы, раненое самолюбие, ревность), но таким «убытком» можно было пренебречь. Я не была излишне сентиментальной. Мне нужна была нежность, и я её находила, но без нужды выдумывать любовные истории из сексуальных отношений (185).

Она со своей женской стороны подмечает характерную мужскую особенность, о которой я тоже писал со своей мужской:

> Я испытываю глубокое восхищение феноменом приостановки времени в ощущениях любовников. Может пройти десять лет, даже двадцать или больше с тех пор, как мужчина занимался любовью с женщиной, но он

продолжает говорить об этом и обращается к женщине так, будто это было вчера (56).

Избавиться от ревности ей не удавалось полностью, хотя способы против этого имелись. Вот как Catherine объясняет свою уязвимость:

> Люди, следующие общественным нормам, более приспособлены для того, чтобы бороться с приступом ревности, чем те, кто следуют философии либертинов и оказываются беспомощными перед лицом страсти (65).

Та же неспособность к сопротивлению наблюдается у либертинов и по отношению к похоти, с которой обыкновенные граждане самоотверженно борются всю свою жизнь.

> Острое желание – это наивный диктатор, который не может поверить, что кто-то может противостоять ему или даже причинить ему неудобство (158), – *афоризмирует Catherine.*

Она ревновала только тех мужчин, с кем она вместе жила. Так, одного своего сожителя Catherine ревновала лишь к той соблазнившей его женщине, что была красивее её (67). А значит, Catherine должна была ревновать постоянно, так как быть красивее её было нетрудно (на суперобложке имеется её портрет). Но зато Catherine законно гордилась тем, что она первой начинала оргии и была лучшей хуесосательницей. Я, кстати, тоже первый начинал оргии и был (есть?) лучший пиздолизатель.

Catherine справедливо замечает, что ревность противоречит принципам сексуальной свободы. Но противоречие исчезает, если принять реалистическую точку зрения, что полной свободы, в том числе и сексуальной, существовать не может. А посему последствия этой «неполноты» всегда будут «тут как тут» и с ними приходится заключать мир, раз уничтожить их не представляется возможным.

Одним из методов борьбы с ревностью Catherine называет интенсивную мастурбацию (68). И действительно, ревность основана на неудовлетворённой похоти. Таким образом, борясь с похотью, борешься и с ревностью. А лучше, чем мастурбация, для удовлетворения похоти нет – об этом пишет Catherine, и не раз. А если ещё использовать вибратор, то вообще никто не нужен.

Когда Catherine впервые попробовала вибратор, она кончила мгновенно. Причём огромным чётким оргазмом и без всяких фантазий, которые при мастурбации пальцем ей были

необходимы, чтобы достичь оргазма. Она была потрясена чудодейственной механикой. Получилась комичная и парадоксальная ситуация: при её постоянной тяге к множеству партнёров, самый мощный оргазм она достигала в одиночестве. Вот когда она придумала название своей книге – *Сексуальная жизнь Катрины М.* – и громко хохотала, будучи наедине с собой в обществе вибратора (82).

Наличие ревности и прочих отходов любовного производства неизбежно вело к установлению границ, пределов. Catherine имела такой моральный принцип:

> Табу – если живёшь с кем-то, – приглашать любовника без ведома сожителя, пока того нет дома (148).

Самодурство ревности Catherine описывает таким образом:

> Во время оргии я могу запросто лизать пизду, в которую только что кончил мужчина, бывший сначала в моей пизде, но одна только мысль о том, что я вытираюсь полотенцем, которым вытиралась между ног женщина, втайне приходившая ко мне в дом… ужасает меня так же, как эпидемия проказы (150).

Уж и не знаю, как это назвать, как не «женской логикой». Я описывал в своём рассказе подобное: герой в присутствии радостно участвующей любовницы лижет пизду другой женщины, а когда при прощании он целует эту женщину в лицевые губы, любовница впадает в приступ ревности.

Из той же серии «женской логики», переходящей в область «женской гордости», и такая ситуация, которую описывает Catherine: она часто была ранима тем, что её одиночный партнёр не замечает её́нной похоти, которая в ней вдруг возникала, но которую она никак не желала демонстрировать или даже намекать на неё. Мол, должен сам как-то почувствовать (159).

Так что оргия является панацеей как от ревности, так и невнимательности одиночного партнёра. На оргии не надо ждать догадливых партнёров, а достаточно лечь, развести ноги, и сразу образуется очередь удовлетворять женское желание. И женщине будет не до ревности, когда наслаждение полностью заменяет все её остальные чувства.

А вот вне оргий возникали сплошные сложности. Ну и как не посочувствовать Catherine:

> Когда я пожаловалась своему близкому другу, как

> трудно поддерживать одновременно пять серьёзных отношений, он сказал, что трудность состоит не в количестве мужчин, а в установлении определённого баланса между ними. И поэтому он порекомендовал мне завести шестого (185).

Так шестой восстановил баланс и душевный покой. Вывод для женщин один – для душевного и телесного равновесия надо иметь не меньше шести постоянных любовников.

Недаром первая глава книги называется по-библейски «Числа», ибо самое существенное в сексуальной жизни Catherine, и, как следует из её описаний, – самое важное в сексуальной жизни всякой женщины – это число её сексуальных партнёров. В этом, как и в старозаветной писанине, вещающей о законах, – главный закон, перечёркивающий «единичную верность», и его можно сформулировать так: чем больше числа, тем лучше. Закон больших чисел.

Catherine познавала суть наслаждения, увеличивая количество мужчин и принимая их во все свои отверстия разом и последовательно. А, как известно, с помощью количества можно перейти в новое качество. Более того, количество можно рассматривать как верное средство, с помощью которого можно перейти в новое качество. И действительно, качество наслаждения от множественности партнёров становится чуть ли не принципиально иным по сравнению с тюремным однообразием моногамии.

Откровения Catherine можно наделять различными смыслами, и все они будут одинаково губительны для мифов о женской сексуальности, которые придумали мужчины, чтобы женщины послушно их повторяли и которым бы следовали на людях. Так можно считать, что эта книга противопоставляет оргию групповому изнасилованию. Причём открывается возможность снять это противопоставление с помощью модификации женского поведения, состоящего в честном взгляде на свои чувства и в следовании им уверенно и безоглядно. Единственная разница между групповым изнасилованием и оргией – это сопротивление женщины. Если женщинам взять пример с Catherine – не сопротивляться хуям, а всегда принимать их как носителей наслаждения, то изнасилования исчезнут: женщины своей доступностью смогут полностью искоренить изнасилования. Catherine учит: не отталкивай, а прижимай, не страшись, а радуйся, лучше больше, чем меньше. Мужская же роль в оргии, помимо выполнения своих хуёвых обязанностей, сводится к почётной заботе о женских потребностях и её защите

от жестокости.

Помимо этого, откровения Catherine ниспровергает мужскую сексуальность с пьедестала, который мужчины сами для себя выстроили и с которого они пытаются сверху вниз взирать на женщин. Мужская мечта – выебать всех женщин, – похвальна, так как косвенно говорит об их якобы сексуальной мощи. Мужские робкие попытки свершить свою мечту в самом лучшем случае завершаются владением гаремами, в которых подавляющее большинство женщин вынуждено утешаться мастурбацией, лесбийской любовью и редким любовником из евнухов. Хью Хефнер для важности появляется везде со своими шестью юными блондинками. А они, бедные, готовы на каждый хуй броситься, да на пути – контракт с Хью и охрана.

Для женщины же – само желание иметь больше одного мужа или любовника было постыдным даже среди самих женщин, оболваненных мужской моралью. А тут Catherine доказывает, что это вполне достижимая норма.

Один из подвигов Геракла состоял в лишении девственности 13 девушек за ночь. Ничего не говорится в этом мифе о том, доставил ли он им какое-либо наслаждение или просто проткнул. Также неизвестно, сколько раз он кончил – 13 раз или три, а остальных брал сухостоем? Геракловский «подвиг» сразу становится смехотворным, если сравнить Геракловы способности со способностями любой женщины, а в особенности – Catherine. Она за ночь давала наслаждение мужчинам побольше, чем 13 раз, да ещё и сама наслаждалась по-всякому и многократно. Как убог миф о подвиге Геракла, когда есть настоящие подвиги Catherine?

Она вскрывает грандиозное сексуальное ничтожество мужчин по сравнению даже с одной женщиной. Жадные мужики мечтают о нескольких бабах одновременно. Что же может один мужик сделать с десятком баб? Кончит через три минуты с одной – и на боковую. Ну быть может, и доведёт с грехом пополам одну до одного оргазма. А остальные что, да и та, что только раскочегарилась одним-то? Ну а если научился тантрить, сдерживая оргазм, то что толку с того, что мужик сухостоем будет таранить пизду за пиздой. Бабам-то хочется, чтобы мужик в них кончал, чтобы излился семенем, а не работал, отдавая всю душу на сопротивление подступающему оргазму.

А вот если десять мужиков и одна баба, то – это радость ей удесятерённая. И всем мужикам кончить удастся, и она наконец хоть кончит, и, скорее всего, не раз, и будет наслаждаться значительно дольше, чем всего лишь минуту-другую до скороспелого единично мужского оргазма, а целых полчаса (отпустим по три минуты на каждого мужика). Правда, когда по

второму кругу пойдут, то тут ей радости подольше будет.

Когда люди хотят учиться какому-либо мастерству, они ищут мастера, человека опытного. Но чуть дело доходит до секса, люди устремляются внимать невеждам и самозванцам. Что может знать о сексе и чему может научить католический священник, который обязан быть неопытным по уставу. Чему может научить моралист, который проповедует воздержание только потому, что всю жизнь ему бабы не давали? Какому сексу может научить гордящийся своей моногамией и единобрачием добропорядочный членик общества? В лучшем случае научат глупости, что не нужно выпивать реку, чтобы познать вкус воды, а достаточно сделать один глоток, мол, все пизды одинаковые. Эта фальшивая мудрость выдаёт бессильное самоутешение неудачника, не имеющего понятия, что помимо воды существуют вино, соки, прохладительные напитки, минеральные воды и прочие прекрасные жидкости.

Поэтому если и прислушиваться, то только к таким людям, как Catherine, которая не только посмела обзавестись огромным опытом, но и осмелилась о нём рассказать невеждам, как воинственным, так и миролюбивым.

Всех же моралистов, монахов и прочих воздержателей следует лечить принудительным наслаждением, о котором я как-нибудь напишу отдельно. А на миру не смерть красна, а любовь, как доказала Catherine во всеуслышание, во всёувидение и во всеощупывание.

Сильная сторона книги Catherine Mellet в том, что наконец-то женщина говорит небывалую правду о бывалых женщинах. Она срывает не только маски, но и всю одежду, выводит на чистую воду подлые мужские мифы о женщинах и даёт истинный портрет не только сексуальных желаний женщин, но и их возможностей свои желания удовлетворять.

Слабая сторона книги в том, что Catherine, отмыв наслаждение от грязи христианской морали, оставила его на растерзание моралистам, вместо того чтобы довести его до великой религиозной сути.

Так как всё её провозглашение правды основано только на правоте желания, такой фундамент оказывается недостаточно прочным при буре возмущения, которая исходит от фанатиков, оскоплённых ортодоксальными религиями, во главе которых придуманный бесполый боженька, будь то отец, сын и святой душок или их дальний родственник.

Обоснованность правоты желаний и образа жизни Catherine зиждется на религиозной основе, которой Catherine почему-то пренебрегает, ибо не чувствовать её, испытывая оргазмы, она не

может.

В детстве Catherine была натаскана на католицизм и считала себя очень религиозной, но, чуть она начала ебаться, вся её религиозность ёбнулась. И неудивительно – католикам нельзя ебаться с чистой совестью. Таким (ебальным) образом, Catherine стала атеисткой. И на этом моё сходство с ней резко кончается.

Её позицию можно понять – она так обожглась на своём католическом Христе, что стала дуть на религию вообще. Не чувствовать трепет общения с Богом во время ебли, тем более такой, что длится часами и с множеством партнёров – было бы поразительной бесчувственностью для такой чувственной женщины. Получается, что Catherine продолжает традиции французского либертинизма, который был прежде всего антихристианский и остановился на атеизме. Самым злоязычным и либертинистым был маркиз де Сад. Ненависть к христианскому Богу была так сильна, что любая концепция Бога казалась ему отвратительной. И напрасно, ведь весь-то смысл либертинизма был в приближении к истинному Богу с помощью наслаждения.

Отношение к наслаждению лишь как к физиологическому удобству резко сужает горизонт и уводит человека в болото «греха», вместо выведения на путь к Богу.

Я это заметил и рассказал о божественности оргазма (см. моё эссе «Гонимое чудо» в вышеупомянутом «кирпиче»). На этом фундаменте я установил свои 8 заповедей и построил Храм Гениталий, и потому моя «сексология» высокоморальна.

Помните мои заповеди, что были установлены в Храме Гениталий? Вот они:

1. Познание бога даётся человеку в оргазме. Приближение к оргазму есть предчувствие бога.
2. Так как оргазм возникает в гениталиях, то они являют собой божественное. Возбуждение, которое вызывают гениталии, есть истинный религиозный трепет.
3. Гениталии, будучи средством познания бога, являются объектами почитания, гордости и воплощением идеальной красоты.
4. Совокупление и мастурбация – это богослужение.
5. Гениталии связывают нас с будущим благодаря деторождению, что есть чудо божественное. Потому гениталии не только взывают оргазмом к богу, но и творят чудеса его властью.
6. Любое изображение гениталий и их совокупления есть икона.
7. Наслаждение изображением гениталий есть иконопочитание.

8. Проституция предоставляет любому доступный оргазм. В силу этого проститутки достойны преклонения, восхищения и благодарности.

Сексуальная жизнь Catherine вдохновила меня на добавление девятой заповеди:

9. Женщина, ищущая наслаждений с помощью доступности, находится на кратчайшем пути к богу.

Так, глядишь, скоро и десятую заповедь придумаю – тогда полностью заменю обрыдлые библейские.

Представить только, скольким мужчинам и по скольку раз Catherine доставила наслаждение, причём совершенно бесплатно (разве что наградив кое-кого гонореей, будучи сначала сама награждённой за своё любвеобилие). Да ещё сама сколько наслаждения получила! Это ли не жизненный подвиг женщины!

Надеюсь, Catherine Millet дорастёт до осознания божественности своей миссии на земле и будет представлять свою пизду не только «как птенца с постоянно раскрытым голодным клювом» (104), а как посредницу между смертью и бессмертием.

Из полицейской – в проститутки (Об удачной смене профессии)

Cop to Call Girl by Norma Jean Almodovar. New York: Simon & Schuster, 1993. 315 p. ISBN 0-671-79425-6.

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2004. № 111.

В скобках указаны страницы приведённой книги.

События, описываемые в книге, произошли двадцать лет назад в Лос-Анджелесе. А взялся я писать о ней потому, что эта книга нисколько не устарела, ибо излагает ещё один извечный и прискорбный пример того, как даже в самом демократическом обществе мудрые русские пословицы разворачиваются в весёлые и грустные события:

> Закон как дышло – куда повернул, так и вышло.
> Лучше с палкой по кустам, чем с сумой по тюрьмам.
> Чем выше интеллект – тем ниже поцелуи.
> Отдай жену дяде, а сам иди к бляди.
>
> *(«Русские бесстыжие пословицы и поговорки».)*

Это документальное повествование ведётся от имени автора, героини книги Нормы Джин Алмодовар, которая поистине героиня, так как посмела с риском для собственной жизни восстать против несправедливости и жестокости. Это ли не герой по определению?

Я недавно познакомился с Нормой Джин в связи со своими писаниями о проституции, и она рассказала мне о своей книге. Во всех наших городских библиотеках эта книга была украдена (спрос!), и мне её заказали по межбиблиотечному фонду. Вот прочёл – и с вами делюсь.

Итак, невинная девушка из религиозной семьи приезжает в Лос-Анджелес. Она попадает в христианскую религиозную общину, в которой знакомится со своим первым мужчиной. Но для совокуплений требуется выйти замуж по законам общины. И Нора Джин выходит. И начинает томиться от быстро наскучившей семейной жизни, резко обедневшей сексом.

По чистой случайности она попадает учиться на полицейского – управлять автомобильным движением, а в основном штрафовать неправильно запарковавшихся шофёров. В итоге Норма Джин проработала штрафовальщицей десять лет.

Вскоре она развелась и стала активно совокупляться с коллегами-полицейскими. Многие из них являлись воплощением её идеала мужчины: высокие, стройные, красивые и мужественные. Но оказалось, что в постели большинство из них вели себя немужественно, некрасиво, низко и уродливо, то есть крайне себялюбиво и торопливо.

В процессе своей службы Норма Джин не раз и не два наблюдала, как некоторые полицейские злоупотребляли своей властью. Они вынуждали оказывать им сексуальные услуги как сотрудниц, так и уличных проституток. Занимались кражами и вымогательством, совокуплялись с малолетними. А когда их в редких случаях ловили, полицейские отделывались лёгкими взысканиями или минимальными наказаниями. Норма Джин стала вести записи с намерением написать книгу о полицейских нравах.

Во время исполнения служебных обязанностей Норма Джин получила две травмы спины. Её стали мучать боли, а коллеги-полицейские, которым она проговорилась, что пишет о них книгу, а также сотрудники-недоброжелатели стали её притеснять. Короче, Норме Джин стало тошно, и она ушла в отставку по состоянию здоровья.

Очень скоро встал вопрос – на что жить, пенсии по инвалидности не хватало. Случай свёл её с дорогой проституткой, которая рассказала о прелестях своей работы и познакомила Норму Джин со своей мадам. Норма Джин, решившаяся на эту предосудительную работу, руководствовалась славной перспективой получения наслаждения, за которое ей ещё будут платить деньги.

Норма Джин пишет так:

> Я хотела работу, от которой бы я получала удовольствие, делая то, что я умею делать хорошо, и чтобы за это я получала хорошие деньги. Проституция давала именно то, что я хотела: я могла работать в любое время когда захочу, встречаться только с теми мужчинами, что мне нравились, ходить в лучшие рестораны со своими клиентами. К тому же я любила секс. Чего ещё можно желать? (67)

Норма Джин понравилась мадам, и та сразу пригласила первого клиента, весьма респектабельного пожилого господина, который обошёлся с новообращённой проституткой исключительно ласково и щедро одарил её за кратковременную услугу. Норма Джин на крыльях любви к новой профессии занялась ею с воодушевлением и вдохновением. Но она не

перегружалась и не жадничала, а использовала обильное свободное время, чтобы продолжать писать свою книгу и наслаждаться жизнью, в том числе половой.

Норма Джин познакомилась с актёром, которому было 59, тогда как ей было 24. Он боялся к ней приставать из-за разницы возрастов и водил её по театрам и ресторанам шесть месяцев, не прикасаясь. Норма Джин думала, что он гомосек, так как не пытался делать «руконаложение». И тут вдруг Виктор (так звали актёра) заявляет ей по телефону, что больше с ней встречаться не может, так как платоническая любовь ему стала не под силу, а изнывает он от любви физической. Норма Джин оторопела – он ей нравился, но она виду не подавала, будучи уверенной в его безразличии к ней. Пригласила она его срочно к себе, и стал Виктор не ебать её, как все мужики, а лизать ей клитор, да так, что кончила она мощный раз и думала – всё, а он не переставал и довёл он её до кучи оргазмов. Тогда Норме Джин ничего не оставалось, как влюбиться. А ещё ведь Виктор и человек хороший, умный и преданный оказался. Короче, сплошное счастье пошло и даже съехались вместе жить, и, что самое важное, Виктор поощрял её занятия проституцией.

Тем временем Норма Джин набрала такую богатую клиентуру из сплошных богачей, что описаниями любимой работы с ними полнится половина книги. Причём для многих клиентов были важны не столько совокупления, сколько разыгрывание различных фантазий, которые возбуждали клиентов настолько, что они кончали, часто даже не прикоснувшись к Норме Джин. Вот уж поистине с жиру богачи бесятся – им фантазию вместо живой ротогрудопиздожопы подавай.

Отслюнявливали они Норме Джин сотни и тысячи президентоголовых уе, а она только счастлива, что мужикам радость доставляет и сама в то же время получает, пусть не всегда сексуальную, то уж точно – денежную.

А дома Викторушка ждёт, всегда долизать готов.

В дополнение к мужчинам (деньга к деньге, а наслаждение к наслаждению) у Нормы Джин любовь к женщинам появилась, так что часто она с подружкой выступала перед очередным богачом с задушевным лесбийским оргазмом, к которому, бывало, клиент присоединял и свой.

Поистине восторженную жизнь вела Норма Джин, и это говорю не я, а она сама. Но ничто не длится вечно – особливо сексуальные утехи.

В один непрекрасный день в квартиру Нормы Джин нагрянула полиция и арестовала её за нарушение общественного порядка: на неё якобы пожаловались соседи за то, что из её

квартиры раздавался шум. А оказавшись в её квартире, полицейские стали рыскать в поиске рукописи. Нашли её и самовольно изъяли. Рукопись пропала, а Норму Джин продержали в тюрьме несколько часов для острастки.

После быстрого на этот раз освобождения она стала с ещё большим удовольствием продолжать проститутничать и восстанавливать украденные полицией тексты. Безбедная жизнь продолжалась, но тут Норма Джин познакомился с клиентом, который предпочитал пожилых и полных женщин с лицом вовсе не обязательно привлекательным. У Нормы Джин сохранились отношения с бывшей коллегой Пенни, которая на редкость подходила по критериям, предъявлявшимся притязательным клиентом. Вот она и решила клиенту помочь и подруге дать порадоваться да подзаработать. Слово за слово, и Пенни, которой осточертела полицейская работа и маленькая зарплата, захотела познакомиться с богатым извращенцем. Она несколько раз приходила домой к Норме Джин, и та, добрая душа, простодушно делилась с ней секретами своего ремесла. Простите, искусства.

Но чем ближе подходило дело к свиданию Пенни с «любителем старины», тем больше подозрений закрадывалось в добрую душу Нормы Джин. И не зря – на Пенни были навешаны микрофоны и магнитофоны, она была подсадной уткой, с помощью которой полиция соорудила обвинения против Нормы Джин. Обвинения, состоящие в подстрекательстве Пенни на проституцию, то есть в сводничестве.

Закрутился кафкианский процесс. Закон предусматривал за сводничество обязательное тюремное заключение от трёх до пяти лет, хотя за грабёж и разбой разрешалось давать срок условно. На такой безумной высоте находилась, да и по сей день находится, американская сексуальная мораль. (Так ещё в семидесятых в Калифорнии оральный секс между взрослыми считался преступлением и карался тюрьмой до пяти лет. До сих пор в законодательстве многих штатов существуют законы, по которым жестоко карается анальный секс между взрослыми.)

Норма Джин, не будь дурой, подключила все СМИ, и журналисты поголовно заинтересовались бывшей полицейской, ставшей высокооплачиваемой проституткой да ещё пишущей книгу, разоблачающую нравы полиции Лос-Анджелеса. Её стали интервьюировать по телевидению, писать о ней статьи и всячески рекламировать.

Но в результате дурацкого поведения её адвоката, который отсоветовал ей выступать перед присяжными, те признали её виновной.

Судья решил проверить психическое состояние Нормы Джин,

прежде чем выносить ей приговор. Её поместили на 50 дней в тюремную лечебницу, где было несладко, о чём она подробно рассказывает. Отстрадав там своё, Норма Джин оказалась на свободе благодаря либеральному судье, который дал ей этот срок условно, потому как он не пожелал приравнивать сводничество к разбою в случае Нормы Джин, никогда не имевшей в прошлом судимостей. Но в результате ей пришлось прекратить занятия проституцией, так как если бы её снова засекли, то условность срока была бы отменена и ей пришлось бы сесть в тюрьму.

Обрадованная вновь обретённой свободой, Норма Джин решила не отсиживаться втихаря, а вскоре подала в суд на городское управление за то, что её арестовали с бухты-барахты. Однако на ведение дела потребовалась такая громадная сумма денег (а их кроме как на проституции ей заработать было невозможно), что пришлось отозвать иск. Разозлённые городские правители выставили Норме Джин встречный иск с требованием, чтобы условный приговор отменили и чтобы её засадили в тюрьму.

Процесс, по-прежнему кафкианский, продолжался. А тем временем Норма Джин решила заняться политикой, чтобы отстаивать права проституток, легализировать их доброе дело. Она решила баллотироваться на мелкую должность в городском управлении и в итоге набрала сто тысяч голосов, но всё равно проиграла какому-то непроституту. Однако сто тысяч тоже не шутка, да и рекламы было на весь мир – на всех шоу от *Донахью* до *60 минут* побывала да лекций по университетам и разным организациям начитала впрок на 20 лет. Но, как видим, проку мало – до сих пор проституция в Штатах почитается за кровавое преступление с отягчающими обстоятельствами.

Накатившееся судилище отменило-таки условность срока, и засадили Норму Джин на оставшиеся 18 месяцев, потому как городской прокурор утверждал, что её преступление хуже грабежа. А преступление-то, напомню, состояло в том, что Норма Джин предложила своей старой и непривлекательной подружке редчайший для неё шанс – поразвлекаться за деньги. Никто это обвинение всерьёз не принимал, кроме самого суда, – все понимали, что полиция мстит за то, что Норма Джин хочет книжку издать про них, разоблачающую.

Помощь влиятельных клиентов-друзей Нормы Джин в данном случае тоже не помогла, но они не оставляли её в беде, что было очень важно и показательно, как продажная любовь порождает друзей.

От звонка до звонка отсидела Норма Джин, но книжку потом издала, о которой шум стоял. Да сайт её имеется: http://

А теперь можно пожевать кое-какие детали книжки.

Развенчивая мифы о мужественных полицейских-любовниках, Норма Джин как заметно, так и незаметно для себя развенчивает и другие мифы. Мифами даже всё это называть слишком жирно – выдумки это, а не мифы.

Вот одна выдумка о девичьей (женской) стыдливости. Норма Джин рассказывает, что в девичьей молодости она была полновата и ужасно стыдилась своих лишних фунтов. Встречаясь со своим религиозным первым мужиком, она ему отсасывала, но совокупляться не позволяла, якобы из-за своей религиозности: как же – не расписались. Но когда их обвенчали и настала первая брачная ночь, где предполагалось дозволенное религией раздвигание ног, Норма Джин не позволяла уже мужу зажигать свет, так как боялась, что муж увидит её толстое тело голым. И долго ещё она пряталась в темноту. Муж небось умилялся стыдливости своей жены, а она зажгла бы прожекторы и на себя их напустила, если бы тело её представлялось ей красивым. Чем в общем потом и занималась, когда сбросила лишнее и похорошела.

Так что женщина ищет темноты не из-за стыдливости и желания скрыть свою наготу, а из-за того, что свою наготу она считает недостаточно красивой.

Открытие Нормы Джин, что полицейские – дурные любовники, является открытием вовсе не аномалии, а закономерности. Опьянённые своей мужественностью и властью, полицейские видят смысл полового акта лишь в удовлетворении женщиной мужчины.

Большинство из них считало, пишет Норма Джин, что половой акт подобен пользованию пистолетом: целься и стреляй (25).

Однако именно в полиции, борющейся с проституцией, должны работать дрянные любовники, потому что, будь ты хороший любовник, а значит, любящий женщин, а значит, умеющий доставлять им наслаждение, то такой мужчина не смог бы притеснять проституток – самых женственных из женщин. Только разного рода импотенты, скорокончающие, озлоблённые на женщин мужики будут составлять славные ряды борцов с проституцией.

Полицейские относятся к социальной группе «бойцов», а бойцы должны биться с врагами и времени на удовлетворение женщин у них нет. Если боец в процессе «вечного боя» возьмётся подолгу ублажать женщину, вызывая у неё оргазм за оргазмом, то его убьют враги во время этого длительного совокупления.

Поэтому задача всякого бойца как можно быстрее излить сперму и снова броситься в бой. Хорошие любовники – это не бойцы, это артистические, творческие натуры, для которых долгое занятие любовью является не угрозой для жизни, а её целью и смыслом.

Значительное количество женщин бросается на красивых бойцов, так как те дают здоровое бойцовое потомство, необходимое для выживания человеческого рода.

Кредо полицейских, вспоминает Норма Джин:

> если женщина получает наслаждение от ебли – то она блядь (27).

Увы, это кредо не только полицейских, такое восприятие женского наслаждения только в конце XX века начало понемножку вытесняться из центра морали на её периферию. Сия убеждённость очень выгодна мужчине-бойцу – она психологически и нравственно оправдывает его сексуальный эгоизм и снимает с него всякую ответственность за наслаждение женщины, более того, это убеждение позволяет ему любить именно ту женщину, которая к нему равнодушна, то есть наслаждения с ним не испытывающую.

Чувствуя свою любовническую слабину, бойцы-полицейские укрепляют свой дух ненавистью к тому, что у них плохо получается. А так как плохо получается у них с женщинами, то и ненависть легко и логично обращается на них.

Норма Джин однажды согласилась дать своему коллеге, который служил в полиции нравов и занимался тем, что с партнёром «очищал» улицу от проституток. Оказавшись с Норомой Джин наедине и голышом, он искусал в кровь её губы и соски и вопил, что все вы бляди и любите, когда вас кусают (32). Норма Джин от него еле отбрыкалась.

Неудивительно, что она нашла своего идеального мужчину в Викторе, который был актёром и на четверть века её старше. Он мальчиком подрабатывал в борделе, подавал полотенца, а когда вырос, служил там вышибалой. Проститутки, покой которых он охранял, научили его тому, что требуется всякой женщине.

Многие спрашивали Норму Джин, не испытывает ли она унижение, продавая своё тело. На что она отвечала:

> Я испытывала унижение, когда полицейские ебли меня, не заботясь о моих чувствах и даже не предлагая мне денег за пользование моим телом (40).

Слово «полицейский» можно часто и без ущерба для смысла заменить на «муж», «любовник», «начальник» и пр.

И потому так понятен женский крик души: «Или доябывай или уябывай!»

На первом допросе, когда Норму Джин пытались тщетно уличить в занятии проституцией, она сказала:

> – Я брала деньги за секс, только когда была замужем.

Следователь обрадовался:

> – То есть Вы занималась проституцией, будучи замужней женщиной?

И Норма Джин пояснила общесемейную ситуацию:

> – Мой муж зарабатывал деньги, чтобы содержать меня и чтобы я занималась с ним сексом (120).

Радости проституточной жизни, которые описывает Норма Джин и от которых не отказалась бы никакая женщина, имели место только потому, что Норма Джин была дорогой Callgirl. «Порш-титуция» (70) – так называла она свою работу. Её радовала не только простота и радость, с которой зарабатываются деньги, но также и то, что её профессия состоит в том, чтобы доставлять людям наслаждение (72).

Проработав десять лет в полиции, столкнувшись с самыми жуткими сторонами человеческого бытия, Норма Джин не стала циничной и душа её не очерствела. Так что одна из опасностей работы проституткой – стать чёрствой и циничной от наслаждений, которые ты доставляешь людям, – вероятность ещё меньше (74).

Другая опасность занятия дорогой проституцией – жадность, желание заработать как можно больше денег – Норму Джин тоже не подстерегала, так как она писала книгу, а на это требовалось много времени.

Так что Норма Джин была вне всякой опасности.

Конечно, не стоит забывать, что жизнь уличных проституток или проституток, живущих в борделях, значительно отличается от жизни дорогих callgirls. Но плох тот солдат, который не хочет стать генералом. И в то же время нам не нужны сплошные генералы, нам нужны армии повсеместно доступных солдат, а точнее солдаток, а ещё точнее – даток.

Настоящая проститутка – большая умелица. Вот наглядно-чувствительный пример. Клиент хочет, чтобы проститутка ему отсосала, причём обязательно без презерватива. Та, что не хочет

этого делать и отказывается, либо теряет клиента, либо нарывается на скандал. А умелицы делают так: они соглашаются, но незаметно кладут презерватив себе под язык. Когда они берут головку в рот, то прижимают к ней языком презерватив и, двигаясь губами вниз по стволу члена, одевают презерватив, губами же его раскатывая. Доказано, что мужчина при таком тесном языковом и губном контакте не замечает одетую резинку, а когда он изливает семя, то незаметно снять губами презерватив с уменьшившегося в размере члена, да ещё чуть помогая пальцами, не составляет труда, а там и быстро его спрятать (301).

В этой связи фраза, невзначай используемая Нормой Джин в тексте, когда она описывает один из минетов, которые она творила, приобретает особый смысл. Orally manipulating him (130) – по смыслу имеется в виду «работая ртом», но дословно получилось: «орально манипулировать». А ведь «manus» по-латыни – это «рука»: вот и получается минет не только ртом, но и рукой. Но какой же это минет, если рукой? Так что оказалось, что в этой фразе раскрылась хитрость проститутки, которая незаметно подменяет рукой устающие рот и язык.

В итоге, меня продолжают одолевать те же, чуть ли не параноидальные, мысли от ещё одного примера злодейского устройства общества. Мораль учит людей с детского возраста, что секс – это дело второстепенное, что в жизни есть вещи поважнее. Однако усилия общества по подавлению секса настолько велики, всеобъемлющи и преобладающи над всеми остальными усилиями, что самим этим государство доказывает, что ничего важнее и сильнее секса в жизни человека нет. Появление новых законов, связанных с сексуальными домогательствами (sexual harassment), и ревностное преследование виновных, согласно этим законам, лишь подтверждает параноидальную и злобную зацикленность общества на притеснении сексуальной сути человека.

Забавно, что гомосексуалисты подловили государство на его собственных ограничениях. Государство официально признаёт сексуальные общения только в браке и поощряет супругов финансовыми и социальными подачками. По недогляду государство не ввело определение брака как союза мужчины и женщины для производства пушечного и прочего мяса, полагая это само собой разумеющимся. Теперь, не в силах держать за горло каждого гомосексуалиста, государство стало смотреть на них сквозь пальцы, и тут-то гомосексуалисты решили назвать свои союзы браками и требовать тех же государственных благ, что и гетеросексуальные супруги. В этих требованиях гомосексуалистов ничего сексуального нет, а есть лишь голая

экономика. Вместо невозможного для них производства мяса они предлагают воспитывать уже произведённое, но бесхозное.

Казалось бы, самый разумный выход для государства – это прекратить благоволение и поощрение традиционному браку и не давать подачек супругам, не насаждать гетеросексуальный брак мужчины и женщины как единственную форму общежития, а принять и не преследовать любые формы сожительства – живите как хотите: парами, тройками, группами, многожёнными, многомужными – лишь бы в любви и радости, чтобы дети в счастливом детстве проживали, что вовсе не гарантируется имеющейся папа-мама структурой. Но нет, у государства пока не хватает духа принять многообразную форму семьи – у него есть любимая и единственная – традиционная семья (мама-папа с обязательной друг дружьей верностью), а все остальные сообщества охаиваются и преследуются. А делается это потому, что в традиционном браке гарантируется постепенное, но надёжное умирание похоти, тогда как более подвижные «группировки» создаются для того, чтобы поддерживать огонь похоти. Государство же одержимо одним – загнать всю похоть в медовый месяц и там её прикончить.

Если наказывать человека за отправление жизненно необходимых желаний, то он становится постоянным заложником государства, ибо можно заведомо быть убеждённым, что человека всегда есть за что наказать. Христианская концепция рождения во грехе, когда человек обречён на виновность самим своим рождением, переносится на гражданско-юридическое поле: человек оказывается постоянно виноват в преступлении закона, который притесняет и ограничивает пользование собственным телом в самом интимном и важном его бытии.

Подавление и ограничение сексуальной активности происходит не только с помощью законов и наказаний, но и с помощью дезинформации: внедрения мифов и лжи – о моногамии, верности, важности девственности, вредности мастурбации, уродства половых органов, греховности помыслов и поступков, связанных с нерегламентированной еблей, позорности и ужасности проституции и пользовании ею.

Несколько из этих мифов Норма Джин постаралась развенчать, поставить их на место.

Я же всё диву даюсь, насколько эти мифы-басни живучи, несмотря на то, что жизнь попирает их на каждом шагу. Уж не являются ли они специально выстроенными препятствиями, на преодолении которых выверяется сила духа? Преодолел их, попрал – освободился и вышел на новые высоты наслаждений, принял их – остался рабом и долбишь себя виной за редкий

оргазмик.

Свобода мысли всегда основана на свободе секса. Берите пример с Эйнштейна (см. с. 385–409 в: *Михаил Армалинский.* Что может быть лучше? М.: Ладомир, 2012. ISBN 978-5-86218503-4).

* * *

P.S.

Чешская Республика наконец-то задумалась о легализации проституции. Баптисты и прочая яйцеперевязанная и тухлояйцая шушера написали в Чешское правительство жалобу-мольбу, чтобы не позволяли ебаться за деньги безнаказанно. Норма Джин написала толковое ответное письмо в то же Чешское правительство, чтобы, мол, обязательно проституцию привечали. Я это письмо тоже подписал (см. на http://www.iswface.org). Кто знает – может, когда в Чехию слетаю.

Человек, который из свободы сделал женщину (Порнография как дело жизни)

Это сексуально закомплексованный народ…

Ларри Флинт

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2004. № 116.

В этом году исполняется тридцать лет со дня выхода первого номера журнала *Hustler.* Прекрасная юбилейная причина для того, чтобы поговорить о его создателе Ларри Флинте (Larry Flynt), ибо жизнь и деяния этого человека в несоизмеримо большей степени достойны подражания, чем «жизнь товарища Дзержинского». А Россия так вообще должна причислить Ларри Флинта к лику святых: как самого яростного, колоритного и успешного борца за свободу порнографического слова – столь близкую чаяниям россиян, живущих матом.

Одним из основных источников данных о жизни и делах Ларри Флинта является его автобиография *Бесстыдный человек. Моя жизнь как порнографа, умника и отброса общества*, изданная к выходу фильма Милоша Формана (Milos Forman) *People vs. Larry Flynt* (*1996*).

В фильме есть существенные несоответствия с автобиографией (например, в автобиографии Ларри Флинт после первого разговора в своём кабинете предлагает Алтее (Althea) – своей будущей жене и деловому партнёру – пойти на свидание после работы, на что она игриво полусоглашается, тогда как в фильме они уже ебутся на столе через несколько минут после того, как она вошла в его кабинет). Но мы знаем, что в кино используются совершенно другие методы для привлечения внимания зрителя, чем в написании автобиографий. Да и фильм этот художественный, а не документальный.

People vs. Larry Flynt был переиздан в 2003 году на DVD, куда, помимо самого фильма, включены дополнительные материалы: интервью с создателями и участниками фильма, и самим Ларри Флинтом, и его коллегами.

Вот некоторые забавные факты, окружающие этот фильм. Актриса Кортни Лав (Courtney Love) была выбрана на роль Алтеи Вацлавом Хавелом и его женой – друзьями Милоша Формана. При

первом чтении сценария Кортни опоздала на три часа. Вуди Харрелсон (Woody Harrelson), актёр, играющий Ларри Флинта, сказал ей, что впредь он позволяет ей опаздывать максимум на полчаса – всякое может случиться. Но чтобы подобных опозданий больше не было.

– Кто ты такой, мудак хуев, чтоб со мной так разговаривать! – бросила она.

Вуди вскочил с кресла, схватил её и бросил на пол борцовским приёмом, прижал коленями её руки к полу, не позволяя ей шевельнуться, и сообщил ей:

– Ты, сука, будешь так лежать, пока не извинишься.

И Кортни сразу извинилась. Таким образом, Вуди ещё раз продемонстрировал, что он идеально подходит для роли Ларри Флинта.

Кортни хорошо играет наркоманку, ибо сама известная героинистка. Однако Алтея до того, как она пристрастилась к наркотикам, была замечательной деловой женщиной, и эта её важная сторона, к сожалению, практически не отражена в фильме. Алтея после ранения Ларри и пока он приходил в себя, стала главой компании и получала зарплату в 800 000 долларов в год. По тем временам это была самая большая зарплата, которую получала женщина в Штатах.

Как отозвался один из критиков о фильме:

> история была грязная, а фильм оказался пастеризованно чист.

Так, в сцене, когда смущённый фотограф по приказу Флинта впервые снимает раскрытые малые губки, кадр, показывающий женское междуножье, умышленно замутнён именно там, где должно быть светящееся влагалище. Это ли не издевательство над самой идеей Флинта, за воплощение которой он бился – показывать влагалище безоблачным.

В материалах, предпосланных автобиографии Флинта, Милош Форман признаётся, как в детстве его убеждали, что порнография – это плохо, и он до сих пор не может полностью освободиться от этого чувства. Видно, это сказалось на замутнении им влагалища даже без требования американской цензуры, которая не допустила бы фильм к массовому прокату, если бы «красавица» явилась народу «без вуали».

Далее Форман божится, что никогда не покупал *Хастлер*, и впредь не собирается, а вот Флинта он уважает. А зачем, спрашивается, ему покупать, когда друг Флинт ему бочками *Хастлер* бесплатно шлёт.

Доходы от проката *People vs. Larry Flynt* составили 20

миллионов, а его производство обошлось в 35, так что, несмотря на восхищение критиков и полученные награды, коммерческого успеха не произошло. Одной из причин такого провала стало появление критической статьи знаменитой феминистки, называть имя которой мне противно, но надо – Gloria Steinern. Эта сука, будучи молодой сучкой, позировала для *Плейбоя*, а когда постарела жопой и мордой, то принялась за хуление и преследование порнографии, напоминавшей ей о прекрасных занятиях, которых она стала лишена. Глория понаписала, что, мол, этот фильм есть апология порнографии и порнографа, и приравняла порнографию к фашизму и убийствам. За этой статейкой потянулся хвост других истерик в прессе – ведь в Америке росла эпидемия чумы «политической корректности», и стало невозможно говорить о порнографии иначе как в форме обвинения и клеймения позором. Показательно, что волны протеста гнали так называемые либералы, которые вместо того, чтобы обрадоваться победе свободы слова, которая была их куском хлеба испокон веков, вдруг переродились в политически корректных кастратов. А вот консерваторы на удивление восприняли этот фильм спокойно и даже с определённым воодушевлением, ибо они поняли, что в нём защищается их возлюбленная Конституция. Так что из-за политически антисексуально корректной реакции СМИ народ вяло волочился в кинотеатры и фильм оказался банкротом.

Из-за этого неуспеха Голливуд похерил два готовящихся биографических фильма о других знаменитых американских порнографах.

* * *

Ума не приложу, как это я до сих пор не писал о Ларри Флинте. Тем более что его главные битвы происходили, когда я уже жил в Америке. Я слышал краем уха о нём, просматривал время от времени *Хастлер*, видел, насколько пизды в нем приветливее и гостеприимнее, чем в *Плейбое* и *Пентхаусе*, весьма ценил наглый текст и хамские, но смешные карикатуры. Но я понимал, что даже у Флинта руки связаны законами о непристойности (хуй в отверстиях показывать нельзя, только порознь) и дай ему полную свободу – вот такой *Хастлер я* хотел бы посмотреть и почитать.

Я слышал также о победе Флинта в Верховном суде, но плохо осознавал величие и значимость этой победы для Америки. В те времена я был увлечён исключительно еблей и писаниями.

Впрочем, и сейчас они составляют главные объекты и источники моих интересов. Но теперь свободного времени побольше.

После просмотра *People* vs *Larry Flynt я в* качестве жеста поддержки купил годовую подписку на *Hustler*. Конечно, я любовался пиздами, грудями и задами на картинках, как я любуюсь ими в жизни – ими нельзя не любоваться. К тому времени мой английский возмужал, и я более осознанно смеялся над карикатурами и статьями. Однако по истечении года возобновлять подписку я не стал. Опять же потому, что это был жест, а не интерес, а повторять один и тот же жест – это значит быть справедливо обвинённым в неискренности. Я по-прежнему считал, что сам факт непозволительности показа проникновения хуя в отверстия и вынужденная имитация этих проникновений во имя того, чтобы получить разрешение правительства пускать этот журнал в широкую продажу, ставит всякий журнал такого рода в патологическую и унизительную позицию. Я не хотел принимать в расчёт, что для такой позиции имеется по меньшей мере два оправдания: одно – уж лучше это, чем ничего или *Плейбой* и, мол, можно постепенно расширять границы дозволенного, и второе – необходимость делания денег, а для этого следует находиться в пределах закона, чтобы государство не прикрыло бизнес.

По воле Провидения я недавно наткнулся на книгу Ларри Флинта *Бесстыдный человеку* прочёл её и бросился изучать другие материалы о нём. И тогда мне открылась во всей своей сути мощь этого человека и того, что он совершил и продолжает совершать. Это побудило меня взяться за… за перо тоже, но я не хочу пересказывать те события его биографии, которые добросовестно показаны в фильме, – ведь лучше один раз посмотреть, чем сто раз почитать (хотя найдутся и такие, кто с этим не согласятся). Но мне хочется говорить, как всегда, лишь о главном.

Флинт родился 1 ноября 1942 года. Я даю этот отсчёт, чтобы люди знали, когда слать ему поздравления.

Он родился в беднейшей семье, что жила в самой затхлой провинциальной дыре Америки того времени. Отмечаю это для того, чтобы представили путь из жуткой грязи в князи. Тут можно сказать – в великие князи.

Отец Ларри был непросыхающий алкоголик – а это, чтобы россияне духовную близость почувствовали.

Был у Ларри младший брат и ещё более младшая сестра, которая в три годика умерла от лейкемии. Так что детского горя у Ларри было предостаточно. Но, как известно, одних горе ломает, а других укрепляет. Ларри вырос богатырём. Кончил лишь восемь классов. Несколько раз убегал из дома, в бегах

голодал, возвращался.

В 15 лет он в погоне за упорядоченной и сытой жизнью вступил в армию, обманув, что ему 17. А через пару лет он оказывается в военно-морском флоте, где жадно и заочно учится и получает техническое образование. Именно своему пребыванию во флоте Флинт приписывает решающее и благотворное влияние на всю его жизнь. (Ещё одна не параллель, а перпендикуляр с российскими солдатско-матросскими делами, от которых молодёжь бежит изо всех сил.)

Флинта как лучшего матроса отобрали служить на USS *Enterpisey* первом атомном надводном корабле – гордости американского военного флота того времени. Был Флинт специалистом по радарам. Он принимал активное участие в определении места приземления астронавта Джона Гленна – самое ответственное задание было выполнено с честью.

Ларри Флинт состоит в пятом браке. Пятый раз в 1998 году он женился на медсестре, которая за ним ухаживала.

Самый долгий брак, самая огромная любовь – с Алтеей – с 1976 по 1987 год. Пять детей (не от Алтеи, а от предыдущих жён). Три внука. На 2001 год состояние Флинта оценивается в 400 млн долларов. Он издаёт и занимается распространением более 30 периодических изданий, среди которых научные и общего интереса, а также владеет магазинами, казино и ещё хуй знает чем. Общее количество продаж в год – около 150 млн.

Ларри Флинт, следуя традиции, прошёл через юношеские влюблённости, которые он позднее здраво определял как похоть. После второго развода Ларри понял, что моногамия, навязываемая браком, – это чуждое мужчине состояние. И действительно, любовь основана не на моногамии, а на родстве душ, которое иногда сопутствует родству тел, но не исключает родства со множеством других тел.

Первый брак был с красавицей, которую он безумно хотел, но которая поставила условием женитьбу, чтобы ему отдаться. Чего не сделаешь ради желанной пизды, и Ларри женился на женщине, которая спала раньше со всеми, кроме него, но тут ей захотелось выйти замуж, чтобы жить на содержании. Как только Ларри об этом узнал, он сразу с ней развёлся.

Следующей женой оказалась юная очаровательная девушка, которую её мать подкладывала под разных мужчин и в том числе под подвернувшегося Ларри. От него у неё родилась девочка Tonya (произносится как Таня – ещё одна близость к российской действительности). Таня пошла явно в мамашу, с которой Ларри тоже разбежался и после чего он дал себе слово, что больше в рабские семейные отношения он вступать не будет.

Тем не менее у него произошёл кратковременный брак с одной из танцовщиц в его клубе, от которой у него родилась девочка. Потом были ещё дети от женщин, которые до жён не допрыгнули.

В марте 1972 года вышел первый выпуск четырёхстраничной чёрно-белой программки с фотографиями женщин, выступавших в ночных клубах *Хастлер*, которыми владел Ларри. Называлось это издание *Hustler Newsletter* и рассылалось оно платным членам его клубов. К августу 1973 года это ежемесячное издание состояло уже из тридцати двух страниц. Из этого издания вырос в 1974 году журнал *Хастлер*.

Вот что говорит сам Ларри Флинт о причинах успеха своего журнала:

> *Хастлер* стал успешным журналом потому, что я не поддался сексуальному лицемерию моих конкурентов (*Playboy, Penthouse*), а воспроизводил эротические фантазии простых людей. Я ополчился против социальных институтов и людей, которые притесняют рядового гражданина: против государства, богачей и традиционной религии. На страницах *Хастлера* я издевался и осмеивал любой социальный институт, который пользуется незаконной или продажной властью. Я осмелился изображать истинные сексуальные фантазии людей, а не те, что соответствуют чьему-то представлению о благопристойности (1:78)[2].

Флинтовское отношение к сексу отражало психологию любого нормального мужчины, у которого под рукой имеются готовые женщины:

> Когда напряжение от работы становилось невыносимым, я говорил себе: «Надо выебать какую-нибудь!»
>
> Я отыскивал мою нынешнюю любовницу или брал новую и выпускал пар, занимаясь жаркой еблей в течение часа. И затем, освежённый, снова брался за работу.

На Алтее Ларри Флинт женился по её просьбе, но при условии, что он будет продолжать спать с кем хочет. Алтея и сама всячески поддерживала многолюдье в любви. Она и Ларри Флинт были чужды сумасшествию половой верности. Когда устанавливается любовь, именно тогда, во имя её сохранения, любящие должны отвергнуть верность и продолжать любовные

приключения, которые спасут их от смертельного однообразия моногамии и поддержат огонь их страсти друг к другу. Ларри и Алтея доказали всему свету, каким любящим, преданным и счастливым может быть брак, процветающий на фоне множества сексуальных партнёров.

Однако Алтея поставила своё условие, с которым Ларри согласился – чтобы он не целовал других женщин в лицевые губы. А те несколько раз, когда она застукивала его за поцелуем, Алтея устраивала ему бенц. Вот уж действительно полной свободы не бывает даже в открытом браке – иначе это не брак. Женщина жаждет застолбить хоть какую-нибудь территорию мужчины, которая будет принадлежать только ей. Частная собственница, бля.

Флинт согласился на такое условие, но вовсе не для того, чтобы его выполнять, а для того, чтобы успокоить женщину, которую он любил, уважал и которой дорожил как незаменимым партнёром. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не…

Свадьба происходила в городе Коламбус штата Охайо. Ни одна церковь (Алтея хотела, чтобы церемония проходила в церкви) не согласилась предоставить своё святое место для владельца *Хастлера.* Единственный поп, который согласился отдать свою церковь для венчания Ларри и Алтеи и провести церемонию, был тоже себе на уме. На свадьбе поп был со своей попадьёй, которая Флинту виделась коровой. Поэтому, когда поп, потея и дрожа от волнения, предложил Ларри махнуться жёнами, Ларри ему отказал – такую уродливую бабу, как попадью, он не хотел ебать даже под дулом пистолета. Да и лицемерие попа возмутило Ларри – в субботу поп хочет заниматься свальным грехом, а в воскресенье читать с паперти проповедь о духовных антиебальных добродетелях.

Флинт рассказывает, как в детском доме, где воспитывалась Алтея, монашки, которые им заправляли, заставляли Алтею лизать им пизды и что она всячески этому сопротивлялась. Как бы там ни было, но Алтея, повзрослев, не воспылала отвращением к пиздам, а, наоборот, стала предпочитать женщин мужчинам, чему Ларри, разумеется, не возражал, а лишь присоединялся к Алтее и её подружкам. Так что воспитание монашек оказалось всё-таки исключительно полезным.

Алтея справедливо считала, что женщина знает о сексе гораздо больше, чем мужчина, ибо женщина может поиметь в день сто любовников, если захочет, тогда как мужчина может потратить целый день и ночь, чтобы уговорить одну девушку ему отдаться.

Само собой разумеется, что к Ларри Флинту это не

относилось.

Ларри описывает, как менял женщин каждые четыре часа и в конце концов не мог вспомнить, ебал он ту или иную женщину или ещё нет, и ему приходилось уточнять у брата или у секретарши. Секретарша знала, что если женщина находилась в кабинете у Ларри дольше десяти минут, значит, он её оприходовал.

Банкир Чарльз Китинг (Charles Keating), который в Цинциннати возглавлял общество по борьбе с порнографией, прежде всего хотел запретить изображение орального секса. Того, что ему, наверно, больше всего хотелось. Если посмотреть на харю Китинга, напоминающего жердь, то понятно, что бесплатно секса ему было никогда не добыть. Он и его приятели начали кампанию по травле и Ларри Флинта. (Между прочим, этот высокоморальный Китинг вскоре был арестован и осуждён за финансовые махинации огромных масштабов. Отсидел в тюрьме несколько лет, где, хочется верить, заключённые использовали по назначению его зад и рот.)

В то время в штате Ohio, как в каком-нибудь российском регионе, проблема свободы слова основывалась на местном понятии, не имеющем никакого отношения к Конституции. Все газеты отказывали Ларри в публикации дорогостоящих реклам на всю страницу с цитатами из Конституции на тему свободы слова. Отказывали только потому, что внизу мелким шрифтом было сказано, что реклама оплачена флинтовской организацией, борющейся за свободу слова.

Таким образом, путь оставался один – выходить за пределы штата – к Верховному суду всей страны. Там пожизненно выбранным судьям бояться нечего да и кругозор у них не провинциальный.

Изучив *Playboy* и *Penthouse*, Ларри Флинт нащупал их ахиллесовы пятки: фото женщин, отретушированные и искусственно отобранные, представляют из себя идеальные и в основном блондинистые тела, совершенно нереалистичные для простых работяг. Пизды не показываются, а наводится тень на плетень.

Из этого Флинт сделал вывод: нужно показывать ярко освещённую пизду с сияющим входом влагалища, причём принадлежащую не красавице с идеальными пропорциями тела и чертами лица, а обыкновенно выглядящей женщине, ибо самое важное в ней – это не лицо головы, а лицо её пизды, ну и ануса, конечно.

Кроме того, тексты в *Playboy* и *Penhouse* вполне могли быть опубликованы в любом обыкновенном журнале без всяких

женщин: художественная проза, статьи о моде и о популярных товарах, обзоры событий политической и культурной жизни, интервью со знаменитостями. В пику этим сюсюкающим журналам Флинт решил, что в *Хастлере* все тексты должны быть посвящены тотальной правде, другими словами, вещам оскорбительным для традиционных нравов, будь то секс или заметки о политике и общественной жизни. В *Хастлере*, в отличие от конкурентов, Флинт решил вести прямой разговор о совокуплениях и гениталиях, а также издеваться над политическими и религиозными лидерами, которые демонстрируют своё лицемерие и фальшивую благопристойность.

Итак, идея Флинта, что шире разведённые ноги будут лучше продавать журнал, полностью оправдалась, ибо широко разведённые ноги будут продавать не только журнал, а всё что угодно, включая то, что между ног.

В первом номере *Хастлера* в июле 1974 года Флинт писал, обыгрывая названия журналов своих презираемых конкурентов:

> Anybody can be a playboy and have a penthouse, but it takes a man to be a hastier. (Каждый может быть плейбоем и иметь пентхаус, но только настоящий мужчина может быть наглецом.)

Цель *Хастлера* была – глумиться над всеми, никому не давая пощады. Флинт помещал издевательские карикатуры на чёрных, белых, евреев, христиан, богатых и бедных. Ему было не важно, кого задеть, – важно было дать место чёрному юмору, который процветает на заводах и фабриках, там, где работают простые люди. Они всегда выпускают пар с помощью юмора, когда жизнь становится тяжела.

Хастлеровские карикатуры-издевательства над американскими святынями, вроде Деда Мороза со стоящим хуем или групповое совокупление девочки Dorothy из *Wizard of Oz* с остальными персонажами классического фильма, вызывали особое негодование ханжей. Они считали, что нельзя прикасаться к святому образу Деда Мороза (подобно тому как российские ханжи вознегодовали из-за Пушкина с постоянной эрекцией в его «Тайных записках»).

В ноябрьском номере *Хастлера* за 1974 год впервые в истории массового периодического издания появились цветные фотографии раскрытого влагалища, отпечатанные на глянцевой бумаге. А в августе 1975 года вышел номер, который вывел *Хастлер* на международную арену и сделал это имя известным практически каждому американцу. В нём Флинт опубликовал фотографии голой Жаклин Кеннеди.

Сначала эти фотографии папарацци предложил *Плейбою* и *Пентхаусу* и те, разумеется, наделали в штаны. Флинт купил эти фотографии за $18 000 и назвал это своим самым выгодным капиталовложением – тираж журнала после их публикации вырос до трех миллионов экземпляров.

Нью-йоркская еженедельная газета *Screw*, издаваемая Алом Голдстейном (Al Goldstein) с 1968 года, напечатала фото голой Жаклин в 1974 году. Им была предпослана переделанная знаменитая фраза президента Кеннеди:

> Ask not what your country can do for you – ask what you can do for your country. (Не спрашивай, что твоя страна может для тебя сделать, а спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны.)

Переделанная фраза, построенная на игре слов, вернее одного слова, звучала так:

> Ask not what your cunt can do for you – ask what you can do for your cunt. (Не спрашивай, что твоя пизда может сделать для тебя, а спрашивай, что ты можешь сделать для своей пизды.)

Ал Голдстейн утверждает, что *Хастлер* украл у *Screw* все идеи и раскрытость пизд. Однако *Screw* печатается на газетной бумаге в чёрно-белом варианте и распространялся преимущественно в Нью-Йорке, тогда как *Хастлер* печатался на глянцевой бумаге, в цвете и распространялся по всей стране. Тем не менее Ал Голдстейн и *Screw* достойны, чтобы о них писать особо.

Оба они, Флинт – на западном побережье Америки, Голдстейн – на восточном, боролись за свободу, включая свободу порнографии.

* * *

Вот весьма созвучный моим измышлениям пассаж Ларри Флинта (1:129):

> Почему некоторые прокуроры, политики и религиозные лидеры хотят управлять нашими чреслами и нашим сладострастием? Чего они боятся? Среди различных ретроградов существует широко распространённое убеждение, которое редко высказывается открыто – что если суметь управлять

> нашими сексуальными порывами, то вся наша жизнь подпадёт под их власть. Эти люди считают, что секс опасен. Я тоже считаю, что секс может быть опасен, но лишь в биологическом смысле – СПИД и другие венерические заболевания весьма опасны, – но это совершенно не то, что имеют в виду те люди. Для них секс представляет опасность в более широком политическом и социальном смысле. Если порнография угрожает подавлению людей или ослабляет его, то политики и религиозные лидеры обвиняют, запрещают и с помощью законов уничтожают порнографию. Молчание – это цель, которой добивается политика подавления… Секс – это сопротивление, это свобода, и он является угрозой для таких людей, как Китинг… Люди с подавленной похотью всегда предпочитают секретные извращения открытым проявлениям сексуальности.

И дальше Ларри Флинт поясняет – этих ретроградов возмущает,

> …что я посмел изображать сексуальную эстетику «Великой Неподмытой».

Всякое порнографическое издание находится под угрозой закрытия, а издатель под угрозой тюремного заключения, если он будет печатать непристойность. Верховный суд в те времена поручил определение непристойности местным судам, согласно местным нравам. Однако то, что непристойно в маленьком городке Оклахомы, считается вполне приемлемым для Нью-Йорка. Намерения были благие – чтобы Нью-Йорк не жил по представлениям маленького городка Оклахомы и наоборот.

С первого взгляда казалось справедливым избавление от единого определения «непристойности». Предполагалось, что каждая локальная община может решить для себя, что является непристоем. Но для любого общенационального издания отсутствие единого критерия обрекало его на суд самой консервативной общины, по самому жёсткому критерию. То есть издатель должен быть озабочен тем, чтобы не оскорбить самых консервативных людей и таким образом сделать своё издание полностью выхолощенным, ибо чуть в журнале появится нечто, оскорбляющее самую консервативную общину, как сразу издателя можно будет судить за публикацию непристойности. При таком законе главенствующим определением непристойности становится самое его нетерпимое и жёсткое определение.

Нечто подобное наблюдается теперь при торжестве

политической корректности, когда любое самое крохотное сообщество людей может посчитать для себя оскорбительным любую шутку, сатиру, пародию. И поэтому каждый издатель должен соизмеряться с мнением бесчисленного количества группировок, групп, чтобы никого не оскорбить, а группок этих теперь бездна: от гомосексуалистов и толстых людей до психопаток-женщин и любителей животных.

Теперь «политическая корректность» – это новая форма цензуры, которая запрещает пародию не по отношению к общеизвестным общественным деятелям, а по отношению к группам лиц, национальностям, религиозным течениям, расам и прочим. Главное, чтобы никого не обидеть, а что касается свободы слова, то она, мол, потерпит во имя мирного сосуществования.

Именно поэтому до сего дня задача *Хастлера* – нарушать все табу и смеяться над всем, даже самым святым. После катастрофы *Challenger* именно появилась шутка о летящих кусках мяса, показывались фотографии абортированных зародышей, обсуждался вопрос, где испражняются городские бездомные, обхохатывалась женская трагедия ампутации грудей при раке, исследовался вопрос о применении жира, который высасывается при операции на толстых, масса карикатур, посвящённых педофилии, – самые бестактные шутки и темы являются материалом для *Хастлера.* Он стал общественным барометром – чуть возникает в обществе животрепещущая тема, к которой относятся с подчёркнутой серьёзностью и возвышенностью, как сразу она снижается *Хастлером*, который как бы приводит общественное сознание в состояние равновесия, не позволяя ни одной теме витать в облаках, а опуская её на землю (10).

Подобным, но домотканым издевательством над помпезной пустотой советской идеологии пользовался и я, когда с друзьями и подругами брали порнографические фотографии и делали к ним подписи, вырезанные из любой передовицы в *Правде.* Удивительным образом любая, наугад взятая фраза, оказывалась исключительно к месту и становилась ужасно смешной под ебущимися телами.

При всей своей бесцеремонности и беспощадности Ларри Флинт недавно отказался печатать фото обнажённой Джессики Линч (Jessica Lynch), которую ему продали её однополчане. Он заплатил им сколько они просили и спрятал эти фотографии, не желая травмировать женщину-солдата, которую, по мнению Флинта, уже до предела поэксплуатировало бушевское правительство. Как известно, Джессика Линч попала в Ираке после ранения в плен, не произведя ни одного выстрела и не

поучаствовав в боевых действиях. Из неё сделали миф, будто она совершила героический поступок, будто её чуть не изнасиловали, тогда как иракцы оказали ей медицинскую помощь и сами старались передать её американцам. После возвращения в США военная пропагандистская машина хотела сделать из неё памятник нерукотворный наряду с рукотворным. Джессика категорически отказалась от почестей и в интервью честно рассказала о происшедшем, после чего её поспешно оставили в покое.

Ларри Флинт сообщает, что он потерял на своём решении не публиковать фото Джессики 200 000 долларов, но этим он показал, что в своих решениях он руководствуется не только деньгами, но и своими моральными принципами (11).

Большие компании боялись помещать рекламу в *Хастлере*, дорожа своей дутой репутацией. Но и это оказалось к лучшему. Флинт компенсировал недостаток рекламы высокой продажной ценой журнала, но зато отсутствие больших рекламодателей делало его абсолютно независимым, и он этим воспользовался в полной мере.

Флинта разозлило лицемерие табачных компаний, отказывавшихся помещать свою рекламу в *Хастлере*. Порнография, как он писал, согласно даже государственным исследованиям, не производит никакого вредного эффекта на взрослых, в то время как табачная индустрия убивает своими изделиями миллионы людей. Флинт начал антитабачную кампанию, публикуя в журнале жуткие фотографии лёгких и языков поражённых раком, вызванным курением. Когда тиражи *Хастлера* стали миллионными, табачная промышленность дала понять Флинту, что готова помещать у него рекламу сигарет, если он откажется от антитабачной кампании. В ответ Флинт в очередном номере журнала опубликовал новую антитабачную рекламу, которая сопровождалась статьёй, разоблачающей махинации и зловредную суть табачной промышленности.

* * *

В 1977 году сестра президента Картера Ruth умудрилась обратить Ларри в христианина, играя на том, как они с Ларри якобы похожи друг на друга. Купила она его, наверно, прежде всего тем, что поведала ему свою самую любимую сексуальную фантазию – как она ебётся с Иисусом Христом. Таким образом, она подтвердила сексуальную основу всякой женской христианской религиозности: женщины-христианки ебутся в

мечтах с Христом. А мужчины-христиане делают женщину из Девы Марии. У гомосексуальных христиан Христос и Мария, естественно, меняются местами. Так что уподобление бога человеку имеет сексуальную цель – сделать реальной мечту переспать с богом как с обыкновенным человеком, а то как ебаться с облаком или духом, пусть даже святым?

Шестого марта 1978 года в Ларри Флинта стрелял расист Джозеф Пол Франклин, который до этого убил две супружеские смешанные чёрно-белые пары и негритянского общественного деятеля. Флинту он не мог простить, что в одном из номеров *Хастлера* были опубликованы чёрный, сопряжённый с белой. Парадоксально, что, несмотря на это, Флинта постоянно обвиняют в расизме.

После ранения Ларри Флинт, парализованный ниже пояса, страдающий от невыносимых болей, быстренько избавился от своего христианства. Потом он также рассказывал, что видения Христа были обыкновенной галлюцинацией, связанной с его психической болезнью. После того как психиатр прописал ему какое-то лекарство, больше никаких видений Флинту не являлось. Именно психической болезнью Флинт теперь объясняет все религиозные видения и советует этим христианским психам принимать то же лекарство, чтобы избавиться от галлюцинаций.

Сумасшествие с галлюцинациями происходит по причине, общей для всех приверженцев ортодоксальных религий, уподобляющих Бога человеку. Наделив Бога человеческими качествами, ты начинаешь относиться к нему как к собрату. Ах, ты мне приносишь боль? Ах, ты позволяешь свершаться такому злу? – Значит, ты плохой, и я в тебя за это верить не буду. Так человек наказывает бедного Бога своим отказом от веры в него.

Или обратный вариант, когда верующий начинает молиться, клянчить Бога о поблажках, как начальника на работе, думая, что Бог, как и всякий человек, обладает жалостью, а значит, пожалеет. Всем этим недоумкам никак не взять в толк, что Провидение непостижимо и не пользуется человеческими критериями поведения. Кстати, если верить в человекоподобного бога, то можно верить и в бога, который является подлецом, садистом и ничтожеством. Однако именно здесь следует вспомнить о фразе-факте: «Неисповедимы пути Господни». Если они неисповедимы, то какого хуя ты сначала присваиваешь право называть этот путь проспектом Ленина, а тот путь – переулком Гитлера, а потом начинаешь судить Господа в зависимости от того, каким путём он последовал. А если события случаются на пустыре, не носящем ещё никакого имени, то человек требует от Бога ответа, чтобы срочно включить его в свой навигационный

реестр добра и зла, корыстно сброшюрованный для удовлетворения человеческих потребностей и похотей. Всё никак не могут человечки смириться, что Провидение действует по своему усмотрению, в которое, скорее всего, не включены сиюминутные и «пожизненные человеческие интересы. У человека не находится сил, чтобы удержаться от выдумок и вранья, с помощью которых он хочет уподобить себе Бога и разговаривать с ним на своём птичьем языке.

Папа Римский и прочие попы, на которых смотрят, будто на воплощение Бога на Земле, как правило, жулики или сумасшедшие. Но какой-нибудь верующий, разочаровавшись в попе, автоматически перестаёт верить в Бога, будто поп и Бог одно и то же. Бог по имени Боб. Так и Алтея, разочаровавшись в монашках, пихавших её лицом себе между ног, перестала верить в Бога, как будто Бог имеет какое-то отношение к монашкам или попам. Так Ларри Флинт, парализованный и в непрекращаемой боли, сразу стал атеистом. А надо-то было им с христианства переключиться на мой генитализм – самое верное и самое бессмертное учение… то есть, простите, самую верную и бессмертную религию.

Другая глупость, связанная с очеловечением Бога, – это погрязание в святых книгах, которые написаны разными засранцами различной степени таланта, а потом попами же объявлены святыми, то есть якобы надиктованными уже не засранцами, а Богом. И вот в этих словесах человек параноидально ищет ответы на все важные вопросы и, так как книги написаны людьми, то витиеватых, хитрожопых ответов там завались – уж во всяком случае можно всю жизнь потратить на интерпретацию какого-нибудь плохо прожёванного заявления с умышленно туманной подкладкой. Или прокладкой.

Чтобы уверовать в Бога, вовсе не надо смотреть в книгу, а достаточно видеть фигу – чудо пизды, зачатия и рождения ребёнка – это ли не неопровержимое доказательства бытия Божия, то есть того, что всё здесь не случайно и создано вовсе не однообразной и туповатой эволюцией, пытающейся объяснить чудо случайностью. Уж теперь, когда присмотрелись и различили умопомрачительную сложность живой клетки с её генетикой и чёрт знает чем, это уже не говоря о функционировании целого живого организма – уж теперь-то стало-таки очевидно, что вся наша жизнь слеплена не тяп-ляпом эволюции, а по какому-то не ведомому нам великому плану, а значит, всё в нас и вокруг есть происхождения внечеловеческого, то есть божественного.

Конечно, если человек создан Провидением, то и вторая производная – то, что сделано человеком, – тоже опосредованно

является созданием Божьим. По этому принципу можно считать Библию и прочие книженции такого рода Божественными. Но уж слишком человеческое своекорыстие обезобразило свой исходный божественный позыв – человек своей антисексуальностью ополчился на свою суть, а значит, на своего создателя.

* * *

В 1998 году вышла книга старшей дочери Флинта – Тани (5).

Обыкновенно за такие разоблачительные автобиографические книги о знаменитых людях хватаются главные нью-йоркские издательства, раскручивают их до невозможности и платят автору большие гонорары.

Здесь же ни одно приличное издательство не взялось печатать этот бред, и его издало никому не известное издательство в штате Кентукки. Подзаголовок к этой автобиографии таков:

> Моё путешествие от страха к вере.

То краткое христианское сумасшествие, которое охватило отца, передалось его дочери надолго, вконец лишив её мозговых извилин, которых у неё и так было «раз, два, и обчёлся».

Книга открывается письмом Ларри Флинта Тане:

> *20 июня 1986*
>
> Дорогая Таня.
>
> Я, быть может, не был хорошим отцом, однако и ты, и я знаем, что твои обвинения в том, что я тебя растлевал и истязал, являются ложью. За всю твою жизнь я никогда не прикасался к тебе с сексуальными намерениями и никогда не наносил тебе физического вреда.
>
> Я не представляю, что тебя подвинуло на писание об этом и на поступки, которые ты совершила, но, так и быть, наслаждайся своими пятнадцатью минутами славы, потому что вскоре ты людям надоешь.
>
> Я хочу, чтобы ты знала, что своими действиями ты навсегда сожгла все мосты, которые нас соединяли. Я позабочусь о том, чтобы ты не получила ни одного пенни из моего состояния.
>
> Я не желаю ни видеть, ни слышать тебя, ни говорить с тобой до конца своей жизни.

Твой отец

Ларри Флинт

P.S.
Опубликуй это письмо в твоей книге.

Интересно, что мужа Тани зовут тоже Ларри, и, когда она вышла за него замуж, он тоже служил во флоте. (Вскоре, можно надеяться, она его тоже обвинит в растлении их дочери и нанесении ей травм и тут же состряпает ещё одну книженцию.)

Активность Тани по выдаванию информации о своём отце началась после выхода фильма *People vs. Larry Flynt.* Её стало осаждать телерадио – как-никак, а всё-таки дочь самого Ларри Флинта. Христиане тоже решили использовать её в своих целях, чтобы помахать кулаками после драки.

Таня признаётся, что некогда у неё образовалась привычка к порнографии. По её словам, она какой-то период рецензировала в *Хастлере* порнографические фильмы. Потом она в порнографии разочаровалась и очаровалась Христом (какого рода это очарование, нам уже известно). Порнография стала её главным врагом.

Однажды она заметила, что за ней стали следить неизвестные и такие же неизвестные стали звонить ей по телефону и угрожать и требовать, чтобы она не смела плохо отзываться о порнографии (а по её новому мнению, порнография заставляет деградировать женщин и детей). Отряхнув прах порнографии со своих ног, Таня дивилась тому, как многие мужчины настолько привязаны к порнографии, что они согласны идти на что угодно, лишь бы на неё хоть чуть-чуть посмотреть. Вера в Христа заставила её совсем позабыть о собственной привычке, которая должна бы ей объяснить, почему так хочется посмотреть на пизду или хуй.

Таня объявляет читателю, что после всех этих угроз и непристойных звонков она решила посвятить свою жизнь искоренению зла порнографии. Дочка явно не унаследовала талантов своего отца, а только его лицевую одутловатость. Таня на протяжении всей книги клянёт порнографию как основу всего зла на земле. А отец её является самым ужасным порнографом, а значит, самим воплощением зла.

В 1997 году Таня подала в суд на папу, обвинив его в том, что он её растлил. Естественно, что суд её обвинения отверг, так как в качестве доказательств у Тани был только её собственный бред.

Ларри Флинт с давних пор содержит мощную армию адвокатов, которая успешно отбивает многочисленные и

всевозможные попытки урвать у него деньги с помощью суда. Так, Ларри Флинта пыталась судить писательница Джеки Коллинз за то, что он опубликовал в *Хастлере* фото обнажённой женщины, которую он назвал её именем. Она хотела всего-навсего 40 млн долларов. Но она не только с треском проиграла в суде, но и вынуждена была оплатить все судебные расходы.

Феминистка Андреа Дворкин (Andrea Dworkin) подала на Ларри Флинта в суд, захотев ни больше ни меньше как 150 млн долларов за invasion of privacy[3]. И, естественно, проиграла.

Бедная Таня описывает события в жизни своего отца до своего рождения и во время своего бессознательного младенчества в таких подробностях, расцвеченных такими эмоциями, будто она была свидетельницей или участницей этих событий, тогда как она почерпнула эти сведения из рассказов своей матери и бабушки. Говорит Таня о событиях «до её эры» в таком безапелляционном тоне, как верующие описывают жизнь Христа на основе прочтённого Евангелия. Если она так самозабвенно врёт о прошлом, то как можно верить её обвинениям отца в настоящем?

Она повторяется, противоречит себе и снова повторяется. Большая часть книги посвящена её религиозным галлюцинациям и проклятиям порнографии.

Таня рассказывает, будто, когда ей было девять лет и она гостила в особняке у отца, он отстегал её ремнём до ссадин в наказание за её непрекращающийся истерический плач и потом, в качестве извинений за истязание, лизал её пиздёнку, а затем давал сосать ей член. Причём первое ей весьма понравилось, и она с тех пор начала мастурбировать, любуясь фотографиями в *Хастлере. А* сосать член её заставлял ещё хахаль её бабушки, когда Тане было года три-четыре. Короче, если ей верить, то это было нормальное сексуальное образование, которое в штате Кентукки, откуда родом Ларри, было в порядке вещей, что признаёт сама Таня.

Но мне больше верится в письмо отца – уж слишком много он имел вокруг себя доступных красивых женщин и мог иметь сколько угодно маленьких красивых девочек. Те, кто занимается сексом со своими дочерьми, делают это из-за отсутствия других сексуальных возможностей, как последний, самый подручный вариант, который не посмеет отказать. А у Ларри Флинта были такие деньги, которые справлялись с любым отказом любых женщин и девочек.

Как бы там ни было, Таня не унаследовала от своего отца даже умения привлекать к себе внимание – книга её скучна и глупа.

Причина озлобления дочки на отца имела вполне меркантильные корни – Таня претендовала на опекунство над отцом, когда он был посажен в тюрьму, и катила бочку на брата отца, своего дядю, Джимми Флинта, который вместе с Алтеей вёл весь бизнес. Эта борчиха с порнографией имела наглость хотеть управлять порноимперией отца, чего, конечно, не допустили, и она этого не могла простить.

Таня с возмущением и с никчёмной старательностью даёт нудный перечень несоответствий событий в фильме событиям в жизни. Она не понимает, что художественное произведение не есть воспроизведение жизни – и с такими куриными мозгами она претендовала на руководство компанией Ларри Флинта.

Символично, что на обратной стороне обложки, где, как принято, приводятся разные восхищённые слова, имеется хвальба Джерри Фалвела (о нём см. ниже: с. 84–88). Вот какая хорошая дочка, которая, следуя Христу, добилась похвалы врага своего отца.

Имея огромные деньги, славу, наглость, остроумие и одержимую веру в правоту своего дела, Ларри Флинт мог разговаривать с государством и его главным воплощением – судьями – без всякого почтения, что, кстати, многие из них заслуживали, а также устраивать грандиозные шутки, чтобы обратить общественное внимание на себя и на своего *Хастлера*, шутки, вызывающие во всём мире хохот, недоумение, возмущение и поддержку.

Вот как он обратился к судье Франку МакГарру (цит. стенограмма 5:227,304):

> Я надеюсь, что этот неуважаемый суд не усмотрит, что я проявляю к нему презрение, которое я чертовски стараюсь скрыть.
>
> Я молю Господа Иисуса Христа, что моё ходатайство будет удовлетворено. Я пришёл сюда с миром, но и с огромным ёбаным мечом и охуенной дубинкой. Отклонить моё ходатайство будет равносильно измене или, точнее, чинению препятствий для отправления правосудия. Если это произойдёт, я прикажу ФБР арестовать всех членов этого суда и взять их под охрану федеральных судебных исполнителей в Вашингтоне. Я есть деяние Господа, так что посторонись, ёб твою мать. Подчёркиваю, что я не второе пришествие, но я нечто новое, и это не последняя вечеря, мудаки, – это наступившее утро, и я в нём – главный человек.

На другом суде он бросил апельсин в прокурора. Тот успел уклониться, и апельсин размозжился по стене.

Обвиняя судей Верховного суда США в консерватизме, Ларри Флинт их материл печатно и устно, а единственную среди них женщину-судью О'Коннор он именовал token cunt, имея в виду, что правительство решило отдать «дань пизде» и поместить одну женщину в Верховный суд для разбавления сплошных мужчин. (Эти оскорбления не помешали судьям позже вынести приговор в пользу Флинта – вот уж где поистине было отсутствие всякой предвзятости.)

Описание и смакование флинтовских грандиозных серьёзных шуток может составить книгу уникального смехачества, причём шутил Флинт часто с риском для жизни и уж во всяком случае с риском лишиться свободы. Вот лишь некоторые из них.

В 1980 году Флинт организовал кампанию по публикации в газетах меморандума, называя себя, притесняемого цензурой и государством, диссидентом. Он писал президенту Картеру, обращая его внимание на его заботу о диссидентах в СССР, в то время как в США права Ларри Флинта нагло попираются. Это обращение подписало девяносто писателей и видных общественных деятелей.

А чего стоит бесплатная рассылка *Хастлера* всем конгрессменам и сенаторам и также девяти судьям Верховного суда США. (Я в своё время разослал *Тайные записки А. С. Пушкина 1836–1837 годов* большинству членов Думы и российского правительства.) В информационном сообщении Флинт пояснял, что бесплатная подписка поможет законодателям стать хорошо информированными по всем социальным проблемам в стране. Кроме того, как добавляет Флинт,

> я думал, что это вызовет у старых пердунов эрекцию, которая не появлялась у них многие годы.

Консерваторов в Сенате и Палате представителей чуть кондрашка не хватила. Они запретили почтовому отделению доставку им *Хастлера.* Флинт подал в суд и добился отмены незаконного запрета на почтовую доставку.

Или такая убийственная шутка: Флинт решил поиздеваться над самым большим ханжой, сенатором Джесси Хелмсом. На последних страницах *Хастлера*, где размещаются рекламы сексуальных услуг, Флинт поместил рекламу о телефонном сексе, который якобы предлагает Джесси Хелмс. Заголовок гласил:

> Джесси Хелмс – секс по телефону – предпочитаю негров.

(Хелмс известен своими расистскими взглядами.) В рекламе были указаны его рабочие телефоны и сделана маленькая сноска:

> Если эти телефоны не отвечают, то звоните по этому… —

и был указан его домашний телефон. В результате обилия желающих Хелмсу пришлось отключить домашний телефон.

В двадцатую годовщину убийства Кеннеди Флинт, будучи в Далласе, облил своё лицо кетчупом и проехал по пути, по которому ехал кортеж президента, до места, где в него стрелял Освальд.

Прилетев в Аляску, чтобы явиться на очередное слушание в суде, Флинт въехал на своей инвалидной коляске в зал суда, облачённый в костюм Деда Мороза, за что опять-таки был арестован.

В 1984 году Ларри Флинт надел американский флаг как подгузник и явился в суд без штанов, и его судили за осквернение флага. На слушании он бросил в судью красный флаг СССР, то ли приравнивая оба флага, то ли демонстрируя, что суд более походит на советский. А в 1989 году нью-йоркский еженедельник *Screw* опубликовал на обложке мой флаг, состоящий из хуев и пизд. Благодаря Флинту, поместившему свой живой в ткань флага, мою неплотскую, а рисованную фантазию посчитали приемлемой и не бросились судить. А теперь уже сплошь и рядом делают трусики мужские и женские из флаговой ткани – так что приемлемость сексуального очеловечивания американского флага благодаря Флинту значительно расширилась.

Борьба за свободу слова, по признанию самого Флинта, стала для него идеей-фикс. Причём его борьба далеко не всегда носила характер буффонады. Так, например, он подал в суд на Министерство обороны, когда оно запретило журналистам сопровождать армию при американском вторжении в Гренаду. Казалось бы, таким делом должны были прежде всего озаботиться главные телевизионные каналы и газеты, однако именно Флинт был первым в этой борьбе.

В 1984 году Ларри Флинт выдвинул свою кандидатуру на пост президента США от республиканской партии. Как он сам говорил не раз, сделал он это ради шутки, но неожиданно он получил большую поддержку и дело закрутилось.

В своей президентской программе Флинт обещал прекратить уголовное преследование проституции, избавить народ от венерических заболеваний, уделять особое внимание физической подготовке граждан и спорту (предвосхитил, что без этого Америка разжиреет), обеспечить всем пенсионерам беззаботную

жизнь и медицинское обслуживание, а в образовании уделять особое внимание обучению выживать без убийств, без лжи и обмана, без воровства и подлогов – и пример в этом будет подаваться с самих правительственных высот. Ну и прочая прекрасная утопия….

Его лозунг был и остаётся по сей день:

> Торговец непристойностью, который заботится о вашем благе.
> (Smut Peddler Who Cares.)

Флинт решил воспользоваться законом, по которому телевизионные рекламы, покупаемые кандидатом в президенты, не могут подвергаться цензуре. Флинт решил в свою рекламу включать половые акты, которые по букве закона в такой рекламе не могли быть запрещены. Увы, президентская кампания Флинта была прервана его заключением в тюрьму за то, что он отказался раскрыть, от кого он получил информацию по делу, которое поставило ФБР в неловкое положение.

Так ему и не удалось показать половые акты по центральному телевидению и стать президентом США. Но благодаря Флинту и ему подобным наступят счастливые времена для человечества, когда не будет никаких запретов на показ половых актов, когда у людей не будет никаких ограничений совокупляться в любое время и в любом месте с одним обязательным условием – получения наслаждения всеми участниками.

Цель Флинта – не просто печатать материалы о сексуальной жизни членов правительства, а прихватывать только тех, что лицемерят и лгут. В период травли Клинтона республиканцами Флинт поместил в газете *Вашингтон пост* объявление на всю страницу и предложил миллион долларов за информацию о бесчестных или уголовных поступках главных республиканских гиен. В результате добытой информации он выбил из колоды нескольких подлецов, среди которых был Ливингстон, который вот-вот должен был стать спикером и клял Клинтона за внебрачную связь. Флинт обнаружил и доказал, что у Ливингстона было множество внебрачных связей и даже внебрачные дети.

Когда Флинт предал эту информацию гласности, Ливингстон сразу подал в отставку.

Флинт раскопал компрометирующую информацию о ещё нескольких лицемерных моралистах, и они после этого исчезли с политического горизонта. Так он отомстил за Клинтона.

А я расхаживал с плакатом по лестнице Миннесотского

Капитолия и тоже пытался помочь как мог дорогому президенту (см. http:// www.mipco.com/win/DemoClinton.html).

Однако самая громкая издёвка, которая послужила причиной для основополагающего решения Верховного суда США о свободе слова, была над религиозным лидером баптистов, проповедником и основателем общества *Моральное большинство* Джерри Фалвелом (Jerry Falwell).

В 1983 году в самых крупных журналах Америки шла кампания по рекламе итальянского ликёра *Campari.* Каждая реклама состояла из фотографии какой-либо знаменитости и её восхищённого отзыва об этом напитке. Причём всё подавалось в виде рассказа этой знаменитости о том, как ощущения от *Кампари* становятся лучше после первой пробы. В этом была умышленная двусмысленность: мол, ситуация с *Кампари* подобна сексу, который после первого раза становится всё лучше и лучше.

Флинт напечатал в *Хастлере* пародию на эту рекламу, где в качестве знаменитости он использовал Джерри Фалвела. Однако всякая двусмысленность была убрана, текст был звонко лобовой и подан в виде интервью:

ДЖЕРРИ ФАЛВЕЛ

РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЁМ ПЕРВОМ РАЗЕ

Фалвел: Мой первый раз произошёл в городке Линчбург, в штате Вирджиния, в уборной во дворе.

Интервьюер: Не было ли там тесновато?

Ф.: Нет, ничего. После того, как я выгнал оттуда козу.

И.: Понятно, но расскажите об этом подробнее.

Ф.: Я, вообще говоря, не представлял, что буду этим заниматься с мамой, но после того, как она повеселилась со всеми ребятами в городе, я подумал: «А хули, чёрт её возьми?»

И.: С Вашей мамой? Это несколько странно, не правда ли?

Ф.: Вовсе нет. Внешность женщины для меня не имеет особого значения.

И.: Продолжайте.

Ф.: Мы по-божески нажрались *Кампари*, смешанным с имбирным пивом и содовой, – эта смесь называется

«Огонь и сера». Да и мама выглядела получше, чем баптистская блядь, жертвующая нам сто долларов.

И.: *Кампари*, в сральнике, с матерью… интересно. Ну и как всё получилось?

Ф.: *Кампари* был прекрасный, но мама отключилась, так что я не смог кончить.

И.: А вы потом пробовали снова?

Ф.: Конечно… много раз. Но не в сортире, а то там мама, дерьмо, а мухи так вообще делали всё невыносимым.

И.: Я имел в виду, пробовали ли Вы снова *Кампари*?

Ф.: О да – я всегда поддаю, перед тем как забраться на амвон. Уж не думаете ли Вы, что я могу пороть эту чушь на трезвую голову?

Под этой рекламой мелким шрифтом было напечатано:

Пародия на рекламу – не принимать всерьёз.

Узнав об этой публикации, Фалвел забыл о христианском всепрощении и о подставлении щёк и не только принял рекламу всерьёз, а буквально озверел. (Назови Флинт в своей пародии Фалвела обманщиком, подлецом, убийцей, тот бы так не оскорбился. Самым сильным оскорблением является сексуальное.) Фалвел подал в суд на *Хастлер* и Флинта, требуя 45 миллионов. Фалвел разослал тысячам своих прихожан письмо с просьбой о пожертвовании для «защиты чести своей матери», которая к тому времени уже умерла. Причём для вящей убедительности в ужасности оскорбления он включил в письмо копию этой пародии. Правда, в копии Фалвел вымарал восемь неприличных слов.

За месяц ему наслали 700 000 долларов. Примечательно, что ради добычи денег Фалвел ознакомил с оскорбительным для памяти его матери произведением огромное количество людей, которые бы никогда без этой доставленной рекламы и не узнали бы об этом оскорблении.

Когда Флинт узнал о количестве пожертвований, присланных Фалвелу, он подал на него в суд за нарушение копирайта – использование его пародии без разрешения и зарабатывание на ней денег. Это дело Флинт, увы, проиграл.

Весьма показателен для знаменосца христианской морали Фалвела тот факт, что адвоката он нанял – Грутмана (Grutman), который не только пользовался репутацией самого беспринципного и бесчестного среди самых знаменитых адвокатов, но, который ранее защищал журнал *Пентхаус* и в

процессе защиты издевательски отзывался о самом Фалвеле. Так что Фалвел решил клином клин вышибать, позабыв об этике и христианских добродетелях ради победы. Цель у него явно оправдывала все средства. Деньги, присланные прихожанами на борьбу с порнографом Флинтом, пошли в карман адвокату, защищавшему порнографа Гуччионе, владельца *Пентхауса.* Очень получилось мило.

Несколькими годами раньше Фалвел проиграл суд *Пентхаусу*, и адвокатом *Пентхауса* был Грутман, который размазал Фалвела по стенке. А дело состояло в том, что Фалвел дал интервью двум независимым журналистам, причём не подписал с ними никакого контракта, который бы ограничивал, где это интервью может быть опубликовано. А эти журналисты взяли и продали его в *Пентхаус.* Фалвел не отрицал сути своего интервью и точности его изложения, а просто испугался, что появление интервью в порнографическом журнале может дискредитировать Фалвела и его паству, создав впечатление, что он поощряет этот журнал. А ведь чуть раньше Фалвел резко критиковал президента Картера за то, что тот дал интервью *Плейбою*, а теперь сам Фалвел оказался в ещё худшем положении. Суд решил, что раз никакого ограничивающего контракта между Фалвелом и журналистами не было подписано, то журналисты имели право продать интервью с известным в обществе человеком любому изданию, которое им больше заплатит. И вот измордованный Грутманом Фалвел нанял этого адвоката для своей защиты против Флинта.

Кстати, в 1979 году Грутман выиграл ещё одно дело для *Пентхауса*, когда в нём была опубликована карикатурная история о том, как Мисс Вайоминг (Wyoming – штат в США) отсасывает одному из членов футбольной команды, который благодаря обретённой способности к левитации поднимается в воздух после того, как извергает семя. Мисс Вайоминг, осознавшая свою власть, мечтает сделать минет всему ЦК КПСС, маршалу Тито и Фиделю Кастро, чтобы таким образом послужить делу мира. Настоящая Мисс Вайоминг вознегодовала и подала в суд за оскорбление личности и… величественно просрала.

И вот после таких разительных примеров у Фалвела хватило ума снова по тому же поводу обратиться в суд, но теперь он считал, что с таким адвокатом, как Грутман, он сможет выиграть.

Стратегия Фалвела и его адвоката Грутмана была построена на эмоциях: мол, такие ужасти и гадости, что были напечатаны в *Хастлере*, не должны охраняться поправкой о свободе слова, и что, мол, именно здесь надо провести черту. Однако, где «здесь», определить было невозможно.

Сторона Флинта считала, что, когда речь бледна, скучна и обыденна, защищать её проще простого. Но когда речь становится оскорбительной, резкой, ужасающей, именно тогда она начинает нуждаться в защите. И в этом состоит суть истинной свободы слова, даже самого из ряда вон выходящего.

Стратегия защиты, выбранная Исаакманом (Isaacman), адвокатом Флинта, была предельно проста, она отметала всякий умышленно усложнённый язык, разработанный истцом, и сводилась к фразе: «Да вы что, шуток не понимаете, господин Фалвел?»

Суд в первой инстанции начался с того, что Ларри Флинт нарочно произносил имя Фалвела искажённо – Фарвел – и настаивал на этом произношении. Потом началась перепалка с адвокатом Фалвела Грутманом:

> – Чтобы сэкономить массу времени, – *начал Флинт,* – почему бы вам не задать прямой вопрос, чтобы сразу подойти к сути дела.
>
> – А я и пытаюсь это сделать, – *ответил Грутман.* – Мне надо…
>
> – Я имею в виду о том, как Фарвел ебал свою мать, – *прервал Флинт.*
>
> – Что?
>
> – Давайте поговорим о Джерри и его матери. Только о самой сути.
>
> – Поговорить о ком?
>
> – О Джерри Фарвеле.
>
> – И о его?..
>
> – О его матери, ну, о том, как он еб свою мать в сортире. Давайте…
>
> – Я скоро об этом скажу. Вы же знаете, что я сюда явился с этой целью.

Это было грандиозное представление: издевательство и обхохатывание всех торжественных судебных процедур и самого суда.

И вот 2 декабря 1987 года после частичного поражения Флинта в двух охайовских охаявших его судебных инстанциях дело слушалось в Верховном суде США. Я прослушал звукозапись выступлений адвокатов сторон, вопросы верховных судей и ответы на них, реакцию публики (см. http://www.oyez.org/). Это были 50 минут восторга и трепета – ощущения, будто я сам присутствовал при вершении истории. Всем знающим английский язык я настоятельно советую посетить этот сайт и послушать самому (2).

Теперь, оглядываясь в прошлое, переварив и усвоив происшедшие события, всё кажется предельно простым, очевидным и вдобавок удивительным – как такое самоочевидное дело можно было доводить до Верховного суда, чтобы о нём наконец вынесли разумное решение, которое должно было быть под силу любому здравомыслящему человеку? Ведь суть дела была наглядна: позволяет ли Первая поправка к Конституции, охраняющая свободу слова, писать пародии на известных в обществе лиц, как бы эти пародии ни были оскорбительны. И хочется выкрикнуть: конечно! Иначе на хуя такая поправка и какая, к хую, это свобода слова, если нельзя сказать про Фалвела и даже про Президента США, что они – дерьмо?

Но, оказывается, в то время ясного позволения на это не было.

Адвокат Фалвела утверждал, что оскорбление было настолько ужасным и душевные страдания у Фалвела по его поводу были такими тяжёлыми, что в данном из ряда вон выходящем случае свободу слова надо похерить во имя заботы о душевном состоянии гражданина. Разумеется, что при таком подходе сразу возникала проблема критерия силы оскорбления, а это тянуло за собой вывод, что любое оскорбление можно посчитать ужасным, в зависимости от восприятия того или иного оскорблённого. А такой критерий был для суда неприемлем.

Но в деле был один существенный момент: если человек для того, чтобы оскорбить, приводил ложные факты, которые могли ввести в заблуждение публику и заставить её поверить в эти ложные факты, то при таком случае Первая поправка уже не действовала бы. Лгать нельзя. Однако даже самая низшая охайовская инстанция суда в своём решении установила, что факты, описанные в пародии на Фалвела, были абсолютно неправдоподобны и никто из читающих эту пародийную рекламу, зная репутацию Джерри Фалвела, не принял её всерьёз. А значит, это было не ложью, а пародией. Это решение присяжных низшей инстанции суда принималось как основополагающее при разбирательстве в Верховном суде.

Подчёркиваю, что суд не принимал во внимание и не рассматривал факт, что Флинт является издателем порнографии, суд интересовался только фактом оскорбления личности, знаменитой в обществе, и страданиями, которые эта личность испытала в результате оскорбления.

Верховный суд единогласно (что случается крайне редко) принял сторону Флинта, определив, что издевательства и оскорбления в форме пародий на известных в обществе людей охраняются Первой поправкой к Конституции, говорящей о

свободе слова (3; 9).

Не будь этого решения в пользу Ларри Флинта, все СМИ должны были бы заткнуть себе рот, чтобы в результате какой-либо шутки политики и прочие шишки не засудили бы их за психическую травму, которую те якобы понесли от оскорбления. Вся сатира, направленная на сильных мира сего, была бы практически искоренена. И тогда США приравнялись бы к СССР, с той лишь разницей, что в СССР давили сатиру по идеологическим соображениям, а в США стали бы давить с помощью денег – засуживая всякую газету, радио или телестанцию за малейшую издёвку над какой-нибудь государственной или религиозной шишкой.

В современной России свобода слова находится в серьёзной опасности по другой причине – скептицизм и недоверие к властям и элите настолько велики, что люди легко поверят, что политик или знаменитость могли совершить любое преступление, не то что аморальный поступок. Любое измышление о власть предержащих будет воспринято не как пародия, а как возможный факт, а значит, вводящий людей в заблуждение, серьёзный лживый факт и, следовательно, не подпадающий под охрану свободы слова. Поэтому если подобная пародия была бы опубликована на российского главного попа с тавтологическим званием: Его Святейшество Святейшего (масло масляное) Патриарх Московский и всея Руси, Алексий то есть, что он, накампарившись (а лучше, нажравшись водки), ёбся со своей матерью в таллинском сортире, то народ, радостно воспринял бы это как вполне возможный факт, а значит, это уже была бы не сатира и пародия, а чистой воды поклёп и ложь, и никакая поправка бы этого русского Флинта не спасла – засадили бы его пожизненно за оскорбление «чести и достоинства».

Разве найдётся в России СМИ, в котором опубликовали бы карикатуру, где Валентина Матвиенко ебёт пристёгнутым хуем в зад Путина, стоящего на четвереньках? А ведь в хастлеровской карикатуре именно так Джин Кирпатрик (бывшая представительница США в ООН) ебла Буша-старшего.

Я уверен, что если бы появилась такая карикатура в российской прессе, то Путина на следующий день сняли бы с должности окружающие его дружки за то, что его «опустили». В России не может существовать пародия, так как любая выдумка, сказка, а особо сексуальная, становится былью в головах россиян.

Красота и прелесть порнографии

Имя Ларри Флинта стало синонимом порнографии, а потому можно, говоря о ней, оставаться в пределах темы о Флинте.

Под борьбой с порнографией, как известно, скрывается борьба с еблей как таковой. Так что порнография – это лишь предлог для ведения войны американским Талибаном против сексуально активных людей.

Америка с конца семидесятых пребывает в перманентном состоянии общественной и личной «паники, возникающей при упоминании о сексе». Для этого феномена быстренько придумали научный термин «эротофобия» (6). Но от этого легче не стало. И свободнее – тоже.

Нетерпимость к сексу в Штатах происходит на фоне общественной приемлемости любых жестокостей. В 50-х годах, когда на сексуальные фильмы существовал запрет, придумали фильмы, где половые акты были заменены садистскими сценами. Эти фильмы получили кличку «женщины в опасности». Такая стратегия подмены запрещённого секса разрешённым насилием пользовалась огромным успехом в кинотеатрах.

Теперь в кинематографе наконец-таки разрешили поцелуи и объятия. Однако секс, по сравнению с жестокостью, ограничивается гораздо строже. Так, если в фильме мужчина прикасается к женской груди, фильму даётся рейтинг *R* (до шестнадцати не допускаются), а если в фильме отрезают руку электрической пилой, то фильм считается *PG-13* (до тринадцати только в сопровождении родителей).

Паранойя с «sexual harassment»[4] делает Америку страной, жить в которой, не опасаясь судебных преследований за какой-либо сексуальный жест, могут только евнухи, причём кастрированные под корень в раннем возрасте.

Агрессивный политический консерватизм, христианский Талибан и недоёбанные феминистки делают из порнографии ужасающего монстра. Так как они теперь могут только тявкать на слона Интернета, не в силах запретить порнографию на мониторах, то они сконцентрировали свои усилия по искоренению секса на радио, телевидении и в книгах. (Но, несмотря на это, в последнее время стало издаваться большое количество книг по эротике, биографии порнозвёзд и пр. (см. статью «Sex, Sex, Sex: Up Front In Bookstores Near You» в *New York Times* от 24 августа 2004 г.). Безумие, которое охватило Америку, когда Дженнет Джексон оголила на секунду свой сосок, – характерный показатель эпидемии эротофобии.

Всё, что могут делать респектабельные «эротофилы», – это выкраивать себе кусочек территории под названием «эротика» и с показным энтузиазмом отрицать всякую её связь с порнографией.

Я в эти игры давно перестал играть и лишь приведу для забавы пример разграничения порнографии и эротики, который предложила Глория Леонард, актриса, снимающаяся в порнофильмах:

> Отличие эротики от порнографии состоит лишь в степени освещённости (8).

Это определение имеет особую силу, если учесть, что оно было использовано в рекламе ламп: увидев эту рекламу, народ бросился покупать высоковаттные лампы.

Однако большинство консерваторов (читай: обделённых еблей) предпочитают следовать хрестоматийному критерию судьи американского Верховного суда Potter Stewart, который в ответ на вопрос, что такое порнография, выдал:

> Когда я её вижу, я знаю, что это порнография.

Но самое интересное, что в то время, когда судья Stewart произнёс эту фразу, он был почти слепым.

Есть горстка умниц, открыто выступающих в защиту порнографии. Среди них Laura Kipnis (10), которая осмелилась заметить, что порнография – это прежде всего человеческие фантазии на сексуальную тему и осуждение людей за высказанные или за написанные фантазии представляется идущим в противоречие со всей демократическо-гуманитарной позицией американского общества.

Самое душещипательное обвинение, предъявляемое порнографии, заключается в том, что она притесняет и унижает женщин. Но тогда возникает вопрос: А что по поводу гомосексуальной порнографии? Или порнографии трансвеститов? Там женщин не имеется, сплошные мужчины, полумужчины или бывшие мужчины. Почему тогда не встать на защиту мужчин? Но женщины не хотят защищать мужчин, а мужчины, борцы с порнографией, предпочитают бороться с порнографией, где женщин побольше. Иначе им будет бороться неинтересно.

А вот ещё одна российская связь: исследование *Хастлера* происходило у Laura Kipnis под впечатлением от работ Михаила Бахтина о Рабле – её интересовала политика гротеска. Она считает, что хастлеровское намеренное безвкусие – это необходимое орудие для атаки общественного мнения в обществе, где люди забиты, зациклены и завалены предрассудками.

С моей точки зрения, безвкусие – это тоже вкус, но противоположный общепринятому. И это противоположное как

раз и является самым вкусным. Вкус к сексу, что ныне считается безвкусием, – это самый утончённый, изощрённый и жизнеутверждающий вкус.

Утверждая вкус к любым проявлениям секса, Ларри Флинт оказался чуть ли не единственным борцом с лицемерием в общенациональном масштабе. Он изыскивает и преступает все общественные табу, и всякий раз, когда он это делает, общество рефлекторно (подобно тому как дёргается нога, когда невропатолог ударяет резиновым молоточком по коленке) реагирует привлечением его к суду.

Порнография является оппозицией, отходом от существующих социальных норм и, таким образом, может рассматриваться как политическая форма протеста. После победы Флинта в Верховном суде порнографическая сатира стала охраняться так же, как и политическая.

Подумать только, что первым великим достижением *Хастлера* было то, что именно в нём, глянцевом журнале, распространяющемся массовым тиражом по всей Америке, были впервые показаны женские лобковые волосы. (В Японии до сих пор этот ландшафт находится под строжайшим запретом. О диких странах я и не говорю – их давно пора обратить в хастлерианство огнём и мечом. У многих мужчин свирепствует страх и отвращение перед лобковыми волосами, и они требуют, чтобы женщина сбривала все волосы и не устрашала их своей тропической сексуальностью, а представлялась девочкой, не достигшей половой зрелости, а потому легко подвластной мужской воле.)

А затем опять-таки в «пионере» *Хастлере* были впервые опубликованы фотографии преддверия влагалища. Всё это, конечно, было вехами на пути свободы – посмотреть в лицо пизды. Самый большой секрет полишинеля человеческого общества находится между ног женщины. Неужто вся человеческая культура висит на её лобковом волоске?

Сама идея, что какую-то часть человеческого тела нельзя показывать публично, лишь указывает на путь продолжения развития порнографии – повсюду, буквально повсюду помещать изображения пизд и хуёв, порознь и вместе. Так как sex sells (секс продаёт любой товар), то в рекламах и на упаковках всевозможных товаров, на одежде, на экранах телевизоров со временем засияют изображения гениталий и совокуплений. Такое развитие порнографии будет способствовать уничтожению сексуального стыда, а значит, поистине освободит человечество. Только уничтожение сексуального стыда может избавить человечество от лицемерия и лжи.

Сексуальный стыд дал основу для рождения относительно недавнего феномена в человеческом обществе – идеи privacy, которой одержимы нынешние свободолюбцы.

Это красивое, гордое и обтекаемое слово privacy (личная жизнь, уединение) имеет весьма конкретный смысл – право прятать свои половые органы и право уединяться, чтобы мастурбировать, совокупляться и испражняться. Однако любая попытка что-то прятать является основой для лжи, лицемерия, обмана, которые из сексуальной сферы распространяются во все сферы общественной жизни.

Почему людей так волнует, что нарушают их privacy, вторгаются в их личную жизнь, когда на улицах устанавливают камеры слежения или без разрешения подслушивают их телефонные разговоры? Что эти люди хотят утаить от прочих? Прежде всего людей страшит, что станет известно об их сексуальной жизни – о любовниках и любовницах, о покупках проституток и занятии проституцией, о всевозможных сексуальных предпочтениях, об изменах и обманах, об их скрываемом гомосексуализме, об импотенции и венерических заболеваниях – вот что страшит людей. Конечно, преступников, готовящих преступление, будет тоже волновать вторжение в их личную жизнь, но с их протестом тем более не следует считаться.

Так что в основе желания privacy у большинства законопослушного населения лежит тривиальный сексуальный стыд. И поэтому избавление от сексуального стыда позволит избавиться от privacy и, следовательно, от лжи и лицемерия. Хотите смотреть, как я ебусь? – Вперяйтесь! Хотите смотреть, что у меня между ног? – Любуйтесь!

Сексуальный стыд должен быть заменён стыдом социальным. Половых органов и их взаимодействий стыдиться не следует, а следует стыдиться обмана, воровства, лжесвидетельства, подлога, бессердечия, жадности, жестокости. Если сексуальный стыд – это стыд от демонстрации правды, то социальный стыд – это стыд от сокрытия правды. И в этом принципиальная разница двух стыдов.

Laura Kipnis пишет:

> Порнография нас захватывает и не отпускает, вне зависимости от того, вызывает ли она в нас отвращение или желание, – это две стороны одной медали… Порнография говорит о многом и должна нас интересовать, потому что говорит она о нас самих. Порнография затрагивает корни нашей культуры и наши самые глубины. Порнография – это не просто голые совокупляющиеся тела – она красноречива, полна

смысла и идей, причём полезных идей (10:161).

Одно из великих дел, вершимых порнографией, и есть избавление от сексуального стыда. По мере того как стыд теряет свою силу, порнография продолжает нас учить истинной красоте. Порнография подтверждает и утверждает абсолютность красоты половых органов. Большинство стыдящихся своей наготы и, в особенности, женщин испытывают это чувство по эстетическим причинам – они считают своё тело некрасивым, а потому прячут его. Однако если они поймут, что их пизда красива вне зависимости от *их* тела, то они смогут избавиться от сексуального стыда, и тогда женщина с любым телом и любым лицом будет уверена, что она красива, как только она разведёт ноги.

Стыд часто состоит не столько из стыда тела, сколько из стыда от незнания тела. Порнография даёт возможность познать тело, а знание подтачивает сексуальный стыд. Знание подталкивает к наслаждению, а наслаждение расправляется со стыдом самым радикальным способом. Чем больше наслаждения, тем меньше стыда.

Идея privacy материализуется двумя способами: изнутри и снаружи. Изнутри – это сексуальный стыд, он обращён на себя и побуждает человека на уединение. Чтобы оградиться от сексуального напора снаружи, у человека есть другой метод – отвращение.

«Своё дерьмо пахнет вкусно» (по Монтеню), а чужое вызывает отвращение; онанизм приносит наслаждение, а чужой вызывает гадливость и т. д. Отвращение и стыд работают в унисон и поддерживают друг друга, но стоит избавиться от одного, так и другому уже не жить.

Единственная человеческая жидкость, приемлемая моралью, которую позволяется телам испускать публично, – это слёзы. Причём общество предпочитает слёзы горя слезам радости, которые могут появиться (не дай бог!) от сексуального наслаждения.

При определённых условиях (физическая нагрузка) стал приемлем и пот, в основном мужской. Все остальные жидкости: слюна, моча, пиздяные соки, сперма, менструальная кровь – все они считаются дурным тоном, предметом отвращения, а значит стыда. (В Индии считается неприличным высовывать язык для лизания конверта, поэтому всё почтовое отделение было, помню, уставлено баночками с клеем и рассыпающимися кисточками, а фабричный клей на конвертах был нанесён формально, ибо после моего лизания не клеился и нужно было по нему мазать баночным клеем. Я, не зная обычаев, стал было на почте лизать

конверт, чтобы его заклеить, и увидел обращённые на себя взгляды вездесущей в Индии толпы, которая взирала на меня с ужасом, будто я высунул наружу не язык, а хуй.)

А вот другой пример насаждения отвращения: мужеподобная феминистка Андреа Дворкин (Andrea Dworkin) описывала своё омерзение от спермы, называя её грязью. Да и сам половой акт она связывала с отвращением от насилия, которым она именовала проникновение хуя в пизду. (Андреа Дворкин бьётся за установление законов, преследующих порнографию. Так, некоторое время назад в Миннеаполисе и ещё в нескольких городах был введён закон местного значения, по которому, согласно идее А. Дворкин, порнография объявлялась преступлением против женщин и на этом основании преследовались люди, связанные с порнографией. К счастью, этот закон не просуществовал долго, но за время его действия успели поломать жизнь многим людям.)

В деле уничтожения сексуального стыда и privacy вместе с порнографией рука об руку идёт научно-технический прогресс. Множество людей добровольно отказываются от уединения (privacy), предоставляя возможность зрителям любоваться их гениталиями и некогда секретными отправлениями – они подставляют себя под видео– и фотокамеры и продают эти изображения или обмениваются ими либо бескорыстно кажут свои прелести в Интернете. Приборы слежения и видеозаписи позволяют незаметно вторгаться в личную жизнь тех, кто пытается скрыться. (Недавно на *ebay* сняли с продажи диск с записью, которую сделал любитель, снимая специальной камерой подъюбочные пейзажи женщин из толпы. Причина снятия с продажи была та, что съёмка делалась без согласия женщин. Будто по их нижнему белью или по мелькавшей в ходьбе пизде можно было установить их личности и этим шантажировать. А быть может, многие узнали и потому сняли с продажи?)

Реальная возможность уничтожения сексуального стыда основана прежде всего на том, что стыд – вовсе не божественный промысел, запечатлевший себя в великом генетическом коде, а лишь привычка, навязанная воспитанием. А значит, изменив воспитание, можно полностью избавиться от стыда.

Разумеется, что желание уединения privacy является не только результатом стыда, но и желанием самозащиты от желающих подключиться: женщина, бесстыдно и бесстрашно разводящая ноги, в нынешние времена должна быть готова, что на неё бросятся увидевшие зрелище мужчины и лесбиянствующие женщины. А ведь для того, чтобы толпа не захлестнула (спермой)

эту бесстрашную бесстыдницу, она не должна быть в одиночестве (всякое отсутствие уединения должно сопровождаться отсутствием одиночества) – рядом с ней должно быть бессчетное количество других, избавившихся от стыда женщин с разведёнными ногами, и тогда толпообразной очереди не образуется. Я уже писал, и не раз, что обильное клонирование красивых женщин будет главным средством для поддержания общественного порядка с помощью повсеместного и беспрепятственного удовлетворения сексуальных потребностей мужчин и женщин. Значительное преобладание количества женщин над количеством мужчин будет залогом мирного и сексуально раскрепощённого существования в мире.

Исчезновение сексуального стыда уничтожит фиктивную социальную иерархию, основанную на фальшивых ценностях званий и должностей. Ибо известно, что нагота уравнивает господина и слугу. Чем выше социальная позиция человека, тем в большей степени он замалчивает или отрицает свою сексуальность. Как только сексуальная суть «большого начальника» раскрывается (а король-то голый!), сразу эта дутая величина низвергается с пьедестала. Однако истинные ум, талант, мастерство остаются функциональны и при обнажённом теле. Таким образом, избавление от сексуального стыда избавит людей от дутых величин.

Втемяшу ещё раз: одна из главных функций порнографии – это уничтожение сексуального стыда.

Самое прискорбное в поведении порнографов и потребителей порнографии – это то, что они всё время находятся в обороне, они винятся, оправдываются и доказывают, что они не монстры, не убийцы и не верблюды, а обыкновенные люди, которые даже своих детей любят.

Антрополог Gayle Rubin пишет по этому поводу (цит. по 6:19):

> Культура относится к сексу с подозрением… По отношению к сексу используется презумпция виновности: он считается виновным, пока не докажет свою невиновность.

А между тем всем любящим порнографию следует, подобно Ларри Флинту, идти в атаку на моралистов. Ведь уже давно известно, что, чем жарче человек проповедует асексуальную мораль, тем более он секретно преступает её или мучается фантазиями о сексе, то есть тем более он лицемер и лгун.

Kipnis (10) интерпретирует мотивы заядлости антипорнографического движения так: объявляя войну порнографии, участники этого движения позволяют себе

сконцентрировать всё своё внимание и энергию на «ненавистной» порнографии, изучая её, клеймя её и в то же время приписывая другим «грязный интерес» к порнографии.

Другими словами, всякий цензор, назначенный или самозваный, счастливо погружается с головой в то, что он запрещает для других.

Порнография – это также универсальный диагностик сексуального здоровья человека. У сексуально здоровых людей она вызывает возбуждение, радость, интерес, любопытство, наслаждение, не сопровождающееся отвращением, яростью, стыдом или чувством вины. Если же возникают такие негативные реакции – эти люди срочно нуждаются в лечении. Лечении принудительным наслаждением.

Порнография возвращает нас к основам, к нашей сути, от которых общество старается нас увести и заставить почитать выдуманные им фетиши асексуальной добродетели.

Как верующему, неспособному напрямую общаться с Богом, нужна церковь в качестве посредника или даже замены Бога, так возжелавшему, не имеющему рядом желанного тела, нужна порнография для общения с объектом своего желания.

Тем, у кого связь с Богом напрямую, церковь не нужна, так же как и тем, у кого множество женщин, не нужна порнография. Однако, так как таких людей подавляющее меньшинство, то порнография и церкви процветают.

Порнография – это также свидетельство непостижимого перепроизводства желаний в каждом человеке и в то же время демонстрация крохотных возможностей в жизни большинства для их удовлетворения. Масса неудовлетворённых желаний подобна триллионам сперматозоидов и яйцеклеток, которые выплёскиваются втуне, не производя зачатия. То, что человеческая мораль ценит так высоко – жизнь, то для Творца является изобилующим и избыточным материалом, которым он щедро разбрасывается, нисколько им не дорожа, ибо, очевидно, в его закромах жизни много больше, чем смерти.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Larry Flynt with Kenneth Ross. An Unseemly Man. Los Angeles: Dove Books, 1996.266 p. ISBN 0-7871-1143-0.

2. Звукозапись выступлений адвокатов на заседании Верховного суда США 2 декабря 1987 года / Hustler Magazine v. Falwell; 485 U.S. 46 (1988) Argued Dec 2,1987; Docket Number: 86-1278 / http://www.oyez.org/ oyez/resource/case/174/ audioresources.

3. Письменное решение Верховного суда по делу Hustler Magazine v. Falwell, 485 U.S. 46 (24 February 1988). Written opinion of the court.

4. Lust in Action: Jerry Falwell and Larry Flynt. – В кн.: American Studies by Louis Menand, Ferrar, Straus and Giroux. New York, 2002. 306 p. ISBN 0-374-10434-4.

5. Hustled: My Journey From Fear to Faith by Tonya Flynt-Vega, Ted Schwarz. Westminster John Knox Press, 1998.310 p. ISBN 0664221149.

6. Defending Pornography: Free Speech, Sex, and the Fight for Womens Rights by Nadine Strossen. New York: Ancor Books, Doubleday, 1995. 320 p. ISBN 038548173X.

7. Obscene Profits: Entrepreneurs of Pornography in the Cyber Age by Frederick S. Lane. New York: Brunner-Routledge, 2001. 305 p. ISBN 0-415-92096-5.

8. Pornography in America: A Reference Handbook by Joseph W Slade. Santa Barbara, California: ABC–Clio Inc., 2000.349 p. ISBN 1576070859.

9. Jerry Falwell v. Larry Flynt by Rodney A. Smolla. New York: St Martins Press, 1988.336 p. ISBN 0312022255.

10. Bound and Gagged by Laura Kipnis. New York: Grove Press, 1996. 226 p. ISBN 0802115845.

11. Sex, Lies, & Politics by Larry Flynt. New York: Kensington Publishing Corporation., 2004.263 p. ISBN 0758204833.

12. Сайт Ларри Флинта / http://www.larryflynt.com

13. The People vs. Larry Flynt (Special Edition). DVD, 2003. ISBN 1-4049-2795-6.

Ложь лежащих вместе

Jennifer Beth Cohen. **Lying Together. My Russian Affair. The University of Wisconsin Press. Terrace Books, 2004. 214 p. ISBN 0-299-20100-7.**

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2004. № 120.

На обложке этой книги нарисованы смятые простыни, за которыми маячат церковные купола. Из такого ландшафта можно заключить, что в двусмысленном названии книги (lying переводится как «лежать» и как «лгать») акцент делается на «лежать», тем более когда лежание происходит together, то есть «вместе». Впрочем, «лживого» смысла в романе тоже предостаточно, так как между героями и внутри героев ложь процветает прямо как в сонете Шекспира в переводе Маршака:

> …Я лгу тебе, ты лжёшь невольно мне,
> и кажется, довольны мы вполне.

Я бы ещё пояснил название так: сексуальное наслаждение как самое честное проявление в человеке («Лёжа вместе») противопоставляется остальной жизни, полной лжи («Совместная ложь») – второй возможный перевод названия романа. Вот я и думаю, что оптимальный русский перевод названия, обобщив два, будет таким: «Ложь лежащих вместе».

В авторском вступлении Дженнифер пишет, что, хотя она изменила некоторые имена и хронологию событий, тем не менее это правдивая история, причём о ней самой. Так что повествование ведётся от первого лица, и имя автора передано героине. Честная, значит – что ж, мы её на этом и прихватим, что должно ей понравиться, судя по роману.

Дженнифер, или Джен, как ёе там сокращают, изучала в американском колледже русский язык да литературу и на каникулы не раз улетала в Петербург подучиваться. В колледже на занятиях по русской литературе она познакомилась со студентом по имени Кевин. Они несколько раз оказывались наедине, гуляя и толкуя о русской литературе, но ни разу даже не поцеловались, хотя влечение друг к другу они испытывали. После окончания колледжа они расстаются на шесть лет и не поддерживают никаких контактов. Джен работает в нью-йоркской прессе, и в январе 1998 года, когда все репортёры охотятся за Моникой Левински, Джен решает подготовить материал об

обманном вывозе женщин из России в Америку и о принуждении их заниматься там проституцией. Джен откровенно говорит, что в этой теме присутствует бесспорная сексуальность, которая её влечёт. И действительно, получая сексуальное удовлетворение от раскрытия сексуальных преступлений, ты обретаешь прекрасный стимул их раскрывать.

Занимаясь таким сексуально возбуждающим журнализмом, Джен вспоминает, что Кевин давно работает в Петербурге в англоязычной газете и может оказаться ей полезен со своими местными связями. Другой, более веской, причиной для возобновления контакта с Кевином является серия неудач по поиску мужа, несмотря на активную половую жизнь, что ввергало Джен не только в депрессию, но и в анарексию, с которыми она успешно боролась с помощью таблеток и психотерапии.

Она знала через общих знакомых, что Кевин был женат, заимел ребёнка, развёлся, а также испробовал все возможные наркотики, запивая их алкоголем в таких изрядных количествах, что ему пришлось организовать в Питере первое общество Анонимных алкоголиков.

И вот Джен с тоски решила прощупать ситуацию. Она легко находит адрес электронной почты Кевина, пишет ему, он тотчас откликается, и с места в карьер начинается жаркий почтовый роман.

Под предлогом сбора материалов по нужной теме Джен организует себе командировку в Питер, где её встречает Кевин и погружает по горло в пахучую российскую жизнь. У них начинается любовь до гроба с планами женитьбы и установленным количеством будущих детей.

Очарование Россией усугубляется тем, что Джен живёт в Петербурге, который она считает самым подходящим городом для любовников, противопоставляя его традиционному, но недостойному, с её точки зрения, конкуренту – Парижу.

В Москве же Джен не видит ничего магического, присущего Питеру. Так что ей крупно повезло с декорациями для первых актов её любовной драмы.

Несмотря на перманентное отсутствие туалетной бумаги в туалете аэропорта и частое отключение горячей воды в квартире, Джен смиряется с российскими неудобствами, получая взамен то, чего ей не хватало у себя на родине. Например, в России ей не приходилось самой таскать свои чемоданы, а это делали за неё мужчины – это давало ей радость ощущения себя женщиной. (А в Америке равноправные женщины сами таскают равновесные чемоданы.) Вот что пишет Джен:

> Пусть изнасилования в России носят эпидемический характер. Пусть законы против сексуального домогательства практически не существуют. Пусть битьё жён в порядке вещей. Но рыцарство здесь ещё не исчезло.

(Даю перевод с женского языка на мужской: «Открой галантно для меня дверь, а за ней можешь меня хоть насиловать».)

Да за такое признание вслух её бы распяли американские феминистки вместе с домохозяйками и закуренными студентками. Да будь Джен в Штатах, она и сама от слова «изнасилование» стала бы возмущённо вопить, исходя пиздяной слюной. (Она признаётся Кевину, что мечтала быть изнасилованной.)

Джен к месту вспоминает, что в теории кинематографии линза камеры приравнивается к фаллосу, а фотографирование – к некоторого рода изнасилованию. Джен наслаждается властью, которой она обладает, будучи режиссёром, и как бы осуществляет насилие над проститутками, у которых берёт интервью, то насилие, которое сама мечтает испытать.

Джен радостно соглашается даже с «оскорблением чести и достоинства» – когда Кевин в баре объяснил другим мужчинам, что Джен «его сука» (I told them you're my bitch), Джен не оскорбляется, что пришлось бы ей сделать в Америке, а испытывает приятное ощущение принадлежности Кевину.

Когда в казино негр-охранник одобрительно хлопает её, проходящую мимо, по заду, она не закатывает истерику и не бросается к адвокату, а чувствует, что её просто по достоинству оценили.

Так в России Джен становится женщиной, потому что мужчины относятся к ней как к женщине.

Сначала, по американской инерции, Джен ещё воспринимает проституцию как обязательное унижение женщин. Вскоре после своего приезда в Питер Джен и Кевин интервьюируют высокооплачиваемую красавицу проститутку с обязательным именем Наташа.

На заявление Наташи, что она любит свою работу, Джен задаёт зазубренный в американской школе жизни вопрос:

> – Как ты можешь это любить – ведь ты полностью отдаёшь власть над своим телом – разве это не страшно?

Наташа благоразумно отвечает:

– Посмотри, как мужчины исходят слюной, глядя на девушек в клубе, – и после этого ты мне скажи, в чьих руках власть.

На это Джен не находит что ответить.

Вместе с тем Джен с трепетом ощущает, что работа над темой женской работорговли по-прежнему вызывает эротические ощущения. Гражданского порыва в Джен не замечается, зато она переживает через общение с этой роскошной проституткой мужское обилие, которого Джен лишена в той же мере, как и красивой внешности.

Так, в любовной идиллии, Джен и Кевин сообща интервьюируют проституток и транслируют успешные репортажи в Америку.

Следует заметить, что одна из опытных проституток опровергает их теорию об обманном вывозе женщин в Америку – она считает, что все женщины, если они не окончательные дуры, догадываются, зачем их везут в Америку, что бы им ни плели устраивающие свои дела мужчины.

Проституция (не премину заметить) во многом напоминает актёрское мастерство. Если девушка мечтает стать актрисой, то все понимают, что она не стремится в задрипанный театр посёлка городского типа, а хочет стать звездой или, по крайней мере, работать в театре Москвы или Питера на ведущих ролях. И в то же время все знают, что вероятность этого невелика – подавляющее большинство актёров перебиваются в провинциальных театрах на мелких ролях и любят свою профессию, несмотря на отсутствие всенародной славы.

Однако если девушка мечтает стать проституткой (как множество юных самок в России), то все хватаются за голову, представляя её обязательно уличной, грязной, дешёвой. Тогда как девушки эти со всей определённостью мечтают стать высокооплачиваемыми проститутками. Элитными, говоря не по-русски. И шансы у них значительно выше, чем у актрисы стать звездой. Тем не менее улицы тоже должны быть заполнены проститутками, а не только роскошные номера многозвёздных отелей и виллы российских нуворишей. И *Улица полна неожиданностей* (вспоминая название старого советского фильма), то есть неожиданно хороших клиентов.

Тем временем Кевин срывается со своего трёхлетнего воздержания и принимается за наркотики и водку, тем самым разрушая мечты Джен о счастливом конце и светлом будущем. Запланированная свадьба отменяется, и Джен отправляет Кевина в Штаты лечиться. Она остаётся в России, весьма довольная своей

личной жизнью, которая была так бедна восторгами в родных Штатах.

Такова канва романа.

А на этой канве вышивается весьма забавный рисунок. Рисунок этот вовсе не абстрактный, а вполне реалистичный. На нём изображается Россия, которая живёт в хаосе (по-русски – в беспределе), но в котором существует самая большая сексуальная свобода, благодаря чему Джен чувствует себя здоровой и «востребованной» женщиной и по причине чего ей становится так мила Россия. Хаос и беззаконие в стране действуют на Джен освобождающе. Это вам не «осознанная необходимость», а твори что хошь. При наличии денег, чтобы раздавать взятки. А этому Джен быстро научается, благо долларов хватает.

Кевин, ради которого Джен примчалась в Россию, оказался лишь манком в страну сексуальных чудес. Кевин вовсе не являлся чем-то особенным по сравнению с предыдущими любовниками Джен. Этим её подначивает близкая подруга, которая иронически перечисляет имена любовников, коими Джен так же восторгалась на начальном периоде отношений. В самом начале их связи Джен признаётся Кевину по телефону, что она принимает прозак (лекарство от депрессии), и спрашивает, не пугает ли это его. Кевин отвечает шуткой, в которой львиная, или даже слоновья, доля правды:

> – Пугает только в том случае, если это убивает твоё сексуальное влечение.

Джен в ответ задаёт хрестоматийно женский вопрос:

> – Это всё, что тебя волнует?

Кевин по-мужски, с готовностью лживо заверяет её, что не только это.

А Джен вспоминает одного из своих любовников, который вскочил с кровати и убежал от неё, узнав, что она принимает депрессанты, хотя всего пять минут назад заверял, что любит её.

Кевин же не испугался именно потому, что сам не мог держаться сухим, без таблеток и психотерапии. Но именно его непугливость в этом вопросе больше всего и проняла Джен, будто бы он совершил геройский поступок в их отношениях. По её превратному пониманию, он, видите ли, поверил в неё. (Так себе она увлечённо лгала.)

А в чём состояла эта «вера» Кевина в Джен? На тот момент она и Кевин лишь переписывались, и мужчина решил пригласить женщину для совокуплений – обязательств он никаких на себя не

брал, денег тратить ему было не надо, женщина сама напрашивается – мечта любого мужчины. Кевин же сидит себе весь в русских бабах, голодных на американцев, а тут для разнообразия к нему старая знакомая жаждет явиться в память о прошлом и о родных пенатах – почему бы не воспользоваться, да и лишняя баба никогда не помешает.

Между тем любой здравый человек, осознанно или интуитивно, будет бежать кандидатки в супруги, если обнаружит, что у неё клиническая депрессия – с такими дамами хорошо ебаться (как и со всеми прочими), но, заводя с ними семью, нужно сразу начинать готовиться к разводу.

А в Кевине Джен прельщало то, что они как бы из одной команды – команды с ненормальной психикой и это якобы должно их больше объединять. Тогда как такого рода общность была приговором их отношениям, с которым ни Джен, ни Кевин не хотели ознакомиться, но который был окончательным и обжалованию не подлежал, несмотря на их страстные самообманы.

Инстинкт побега от алкоголика и наркомана у Джен тоже не сработал, и она стала лгать себе, что от привязанности к ним можно излечиться.

Так что «самый лучший» хахаль Кевин в итоге оказался хуже всех её мужчин, ибо приговорил её к вышке мечты, а потом и сбросил с неё головой о земь реальности. Но так как отношения с Кевином формировались не в Америке, а в России, то нет худа без добра – именно Россия научила Джен личной свободе, которой ей не хватало в Америке. И прежде всего – сексуальной.

Ещё со времён своих студенческих поездок в Россию Джен заметила, что среди её близких российских знакомых, женатых и неженатых, происходят спорадические любовные связи: друзья – с подругами друзей, жёны – с приятелями мужей и т д. Иными словами, все со всеми ебутся и вдобавок не мучаются американскими угрызениями совести, мол, ах-ах, согрешили. Эти свободные отношения явно привлекали Джен, хотя подражать им она не хотела, пока Кевин числился в женихах – рисковать свадьбой она не смела.

Но и у русских женщин счастье тоже было, как всегда, не полным – русская подруга Джен резюмирует, утешая её:

– Все мужики пьют и лгут.

(Это вместо вожделенного: ебут, пьют и снова ебут?)

Джен выросла в счастливой, любящей еврейской семье, и её старший брат демонстрировал ей пример идеального брака с красивой женой и ангелоподобным ребёнком. Сам же брат был,

естественно, успешным врачом. И вот Джен тщетно пыталась найти себе еврея-врача в идеальные мужья. Дело систематически осложнялось её непривлекательностью – большой нос и прочие неприятности. Но многие курносые блондины прельщаются именно такими женскими носами, что и произошло в случае с Кевином – за одно это надо было держаться обеими руками.

Джен принимает в подарок от Кевина обручальное кольцо, которое было снято его знакомым фээсбэшником с пальца обезглавленной взрывом любовницы российского мафиози. Она даже испытывает восторг от такой предыстории своего главного подарка, хвастаясь им перед своими знакомыми.

С гордостью показывая всем кольцо, Джен чувствует, будто совершает преступление.

> А в этом есть нечто пьянящее, не так ли? – *говорит она.*

Так и российское гражданство недолго принять.

Помолвка делает жизнь Джен счастливой как никогда – пора предвкушений празднований, внимания и восхищения ею, невестой. Джен хотелось бы быть помолвленной вечно, пребывая в неиссякающем счастье. Но ей ли не знать, что в Штатах сплошь и рядом помолвленные живут годами и часто не доживают до свадьбы, осточертев друг другу. Что даже в состоянии восторженной помолвки трепет выдыхается, но Джен лжёт себе, что помолвка – это разрешение всех её проблем. Однако от помолвки вскоре ничего не остаётся.

На фоне российской любви, свободно перехлёстывающей брачные и прочие границы, жизнь Джен начала принимать новые соблазнительные очертания, в особенности когда она лишилась иллюзий по отношению к своему жениху Кевину.

Джен учится наблюдать за своим телом, которое живёт своей жизнью, не подчиняясь её разуму, и таким образом Джен неосознанно вскрывает этот основополагающий конфликт человеческой психики, в особенности разительный у женщин. Джен везёт Кевина в Финляндию на автобусе, чтобы он полечился в тамошней клинике для алкоголиков и наркоманов. К этому времени он ей уже безразличен, если не противен – мужчина, надругавшийся над её семейными мечтами. А Кевин как ни в чём не бывало засовывает руку ей в трусики, и Джен ощущает, что она уже течёт, помимо своей гнусной воли. Пизда срабатывает на любое прикосновение – и в этом тотальная всеядность тела, которую Джен с недоумением подмечает, достигая неизбежного оргазма.

Разочаровавшись в экс-женихе, Джен запросто мечтает в

объятиях обрыдлого Кевина, ставшего бесперспективным, о хуе Люка, его друга, который представляется ей спасением в данный момент, хотя она прекрасно понимает, что это мужчина не её типа. Джен так заходится в своих фантазиях, что в страсти даже произносит вслух имя Люка, на что Кевин после оргазма обращает её внимание (причём без всякой ревности). Согласно женской психологии, измена в мечтах вполне оправданна и не вызывает угрызений совести, если эта фантазия вызвана не похотью, а поиском любви, то есть стабильных отношений. Поэтому впервые за долгое время Джен испытывает ощущение собственной правоты – тоже «российское» достижение.

Между тем Джен весьма ревновала Кевина, тревожилась, находит ли он красавицу проститутку привлекательной, ревновала его к прежней любовнице, когда прочла его письма к ней – мечтать Кевину о других женщинах не позволялось, и его эротические фантазии рассматривались Джен как сама измена.

У мужчины же идеология более сиюминутна, чем у женщины, и описывается поговоркой: «по хую как по компасу» – тело и разум не находятся в таком противоречии и конфликте, как у женщины.

Чтобы ограничить цензуру, насаждаемую её разумом на всеядность своего тела, Джен отчаянно себе врала, закрывая глаза на негодные для мужа черты характера Кевина и на свои негодные качества жены и тем самым позволяла себе без угрызений совести раскрывать глаз пизды. Именно в соитии и в совместных оргазмах с Кевином, которые Джен несколько раз фиксирует в повествовании, она находит основной смысл этих отношений. Всё остальное оказывается ложью, выдумкой, фантазией, что весьма скоро и обнаруживается.

Размякшая на американском комфорте, Джен сразу демонстрирует свою женскую слабину, недопустимую для будущей жены. Она не из тех женщин, которые ловко и умело создают уют в любой дыре. Джен, войдя в питерскую квартиру, которую снял Кевин, увидела недоделанный «недоевро» ремонт: ненаклеенные обои, только дверную раму на месте двери в ванную – и Джен сломалась, схватилась за голову и запричитала:

– Я не могу этого вынести!

Да и что это за жена, которая в критической ситуации блюёт – именно таким физиологическим отправлением Джен отреагировала на то, что Кевин не пришёл домой в положенный час.

Даже еблю жених и невеста используют как способ лжи:

> Ебля стала заменой разговора, ибо в разговоре придётся что-то признать, чего никто из нас не хочет.

Когда Кевин пытается покончить с собой, Джен вызывает его друга Люка и перепоручает Кевина ему:

– Я не могу сейчас заботиться о нём.

Так говорит будущая жена, которая должна при женитьбе дать клятву, что она будет заботиться о муже, пока их не разлучит смерть.

В итоге Джен полностью оклемалась в России и делает то, что в Штатах непозволительно: платит проституткам за интервью, даёт нужным людям взятки. С волками жить – по-волчьи выть.

А когда она отправляет своего уже не жениха вытрезвляться в Америку, то с полной самоотдачей «танцует на столах в грязненьких клубах», «целует незнакомых мужчин в барах» и вообще «начинает воплощать свои фантазии».

Что это за фантазии, становится вполне ясно, после того как прочитываешь, с каким упоением Джен не просто описывает, а воспроизводит свою статью (единственную перепечатанную статью в книге и вовсе не про работорговлю женщинами, что являлось предметом её расследований) про знаменитый московский клуб *Hungry Duck*. Более того, написание подобных статей Джен рассматривает как нравственное обоснование для продолжения проживания в России.

А клуб этот – предмет зависти всякого американца. Работает он самым честным образом: сначала туда запускают только женщин и дают им бесплатно напиваться. В то же время их возбуждают мужским стриптизом, исполняемым красавцами на сцене, и танцами в ритме ебли с зазывом на сцену для кратких, но плотных контактов со стриптизёрами. Когда у женщин начинает капать на пол (трусиков они не одевают), в зал запускают голодных мужчин, с которых хорошо берут за вход. Пьяные заведённые самки бросаются в объятья голодных мужчин, и в этом клубе происходит оргия, в которой Джен явно алкала участвовать. Правда, она оговаривается о бушующих в Москве венерических заболеваниях, и только это могло приостановить её от активного участия в этой свободе. Но мы не знаем, приостановило ли. Хочется верить, что нет.

Самая сильная фраза в книге:

> Люби меня хоть чуточку – и я прощу. Полюби меня всем сердцем – и я всё забуду.

От сентиментальности этого заявления можно легко

скатиться на резонёрство и объявить, что в нём сосредоточена суть женской психологии. Но я думаю, что женская психология посложнее и женщина (как и мужчина) ничего не забудет, да и чуточка любви не обеспечит прощения, ибо без приличных денег здесь не обойтись.

Так что, написав эту красивую, но далёкую от истины фразу, Джен уточняет её уже более здраво:

> Каждый живёт для себя, и это вовсе не значит, что ты эгоист и не заботишься о других. Но в конце концов всё сводится к самому себе, не так ли?

«Так, так», – утешим мы Джен.

Прочитанный роман – живой и подвижный – полнится достоверными примерами российской жизни, и один из самых колоритных, когда Кевина и Джен под угрозой пистолета высаживают из такси, чтобы усадить туда VIP-парочку.

Джен справедливо считает, что слово «наглость» лучше всего характеризует российские взаимоотношения – это слово описывает нечто для неё в той же мере отталкивающее, как и привлекательное.

Россиянин, читая этот роман, будет чувствовать себя как дома. Американец, читая этот роман, захочет из дома сбежать.

Хотя, вообще говоря, в Америке есть буквально всё, в том числе и островки хаоса, рождающего свободу секса, подобную российской. Возникает выбор: броситься в материк хаоса – Россию, где ты везде найдёшь вожделенный свободный секс, но тогда тебе придётся обречь себя на российскую наглость и беззаконие, или отправиться в подпольное путешествие по комфортабельным и законопослушным Соединённым Штатам в поисках прячущихся от законов островов сексуальной свободы? Последнее требует больших денег, времени и чревато попаданием в тюрьму. Вот тут и открывается выход, который личным примером указала Джен, – уезжать в страну сексуальной свободы для её вкушения и возвращаться на побывку в США к радостям комфорта и безопасности.

Если Джен открыла такую возможность ненамеренно, то целенаправленные люди давно уже ездят за сексом на Кубу, в Таиланд, Восточную Европу и прочие места, к которым с чувством законной гордости можно добавить и «широку страну мою родную». Однако Россия для американца духовно гораздо ближе, чем всякий там Восток, а потому является идеальным местом для временного побега.

Кроме того, Россия – это средоточие всевозможных типов женщин, тогда как, например, Таиланд – это черноволосое

однообразие единственного типа низкорослых и кареглазых.

Итого, эта книга должна использоваться всеми туристическими организациями в качестве художественной иллюстрации сексуальных возможностей вне любимой Америки.

Смысл романа очевиден: Америка – это жена, а Россия – это любовница.

Или ещё лучше – любовницы.

Оговорочная капитуляция, или бог через жопу

***Toni Bentley*. The Surrender. An Erotic Memoir. New York: Regan Books, HarperCollins, 2004. 208 p. ISBN 0-06-073246-6.**

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2005. № 123.

Если рассматривать еблю как прообраз войны между мужчиной и женщиной, то название книги можно было бы перевести как «Безоговорочная капитуляция». Однако безоговорочность, как видно из заголовка заметки, я усиленно подвергаю сомнению.

Название можно было бы перевести и как «Сдача», но тогда многие подумали бы, что книга написана про кассира, недодавшего покупателю. Потому-то я и предлагаю художественный перевод «Бог через жопу», тем более что на познании Бога и строится вся эта книга. Оказывается, Бога можно познать не только через Библию, через откровение, через его явление народу, но также и посредством анального секса. Почему бы и нет? Бог – везде, и не только в пизде.

Одна из примечательностей этой книги, что она издана одним из крупнейших и респектабельных издательств *Harper Collins.* Оно не устыдилось сути этой книги, которая состоит в торжественном и талантливом гимне анальному сексу, посредством которого уверовала авторша.

Другая примечательность книги состоит в том, что этот анальный гимн исполняется не мужчиной, а женщиной, причём весьма неглупой, привлекательной и остроумной. Даже балериной. Бывшей.

Анальный секс – это одно из тех табу, преступать которое всегда было особо соблазнительно и опасно. Прежде всего, когда приступаешь к заду, ты вступаешь в неизбежное дерьмо. А отношение людей к дерьму… дерьмовое.

Кроме того, в отличие от орального секса, который у вкушающих его мужчин и женщин ассоциируется с несомненным наслаждением, анальный секс при его «получении» нередко связан с болью, которая может при первой пробе так напугать женщину (и отвратить мужчину), что она может пронести панический ужас перед ним через всю жизнь и чураться его, ненавидеть и ополчаться на тех, кому он по нраву. И в дополнение ко всему, проклятия анальному сексу особенно

громко раздаются из Библии и из прочих источников, которые принято приставлять матюгальником к устам Бога.

Тем не менее, наряду с отшатывающимся отношением к анальному сексу, имеет немалое место и страстное его предпочтение. Об этом с мужской точки зрения распространялся де Сад на протяжении всей своей *Философии в будуаре* и других произведений, давая не столько эмоциональную, сколько логическую аргументацию преимущества анальной любви перед всякой другой – так, например, прямая кишка, в отличие от влагалища, якобы точно соответствует форме хуя. Ну и тому подобные неопровержимые доказательства. Причём анальный секс, в отличие от Тони Бентли, служил для атеиста де Сада наиболее эффективным методом попрания, а не познания Бога.

Однако мужская точка зрения могла бы быть более разносторонней, поскольку мужчина в анальном сексе может быть как активным, так и пассивным, тогда как женщина – только пассивной (пристёгнутые искусственные хуи в расчёт не принимаются).

И ведь именно из-за познанной тотальной пассивности Тони активно взялась за перо. Дам я слово ей самой:

> Ебля в зад для меня – литературное явление, ибо именно, когда хуй был у меня в жопе, у меня разверзлись уста.

Книга Тони Бентли (см. её милый сайт на: http://www.tonibentley.com) – это позиция-поза женщины, которая испытывает наивысшее наслаждение благодаря якобы полному отрешению от своей воли и препоручению себя своему партнёру. Она пишет:

> Я никогда не подозревала, какой властью я обладала, пока я не отдала ему её всю через мой зад. Мой зад – это трубопровод власти.

Самоотречение Тони при анальном совокуплении переносит её в потустороннюю область ощущений, которые для неё значительно сильнее даже клиторального оргазма. Более того, через анальный секс Тони познаёт Бога, в которого до этого не верила. Логика уверования у неё такова: ТАКОЕ может быть только от Бога. (Категорию «дьявола» она не рассматривает вообще, и правильно делает.)

Но ведь такого ТАКОГО вокруг нас и в самих нас – неисчислимо и повсеместно. (А в тон книге надо бы сказать:

жопой ешь!) Разве сложность строения клетки с понаоткрытыми генами-шменами не есть ТАКОЕ? Разве, заглянув в эту бездну генетических непререкаемых предписаний «как жить», возможно не уверовать в Бога, их сформулировавшего?

Но важнее всего – результат: осознание того, что мы пронизаны и окружены чудесами, сподручными только Богу, и среди этих чудес конечно же и анальный секс, который пронял Тони до такой глубины, что она избрала его для утверждения своего религиозного бытия.

Да… Не только пути Господни неисповедимы, но так же неисповедимы и пути, на которых можно повстречать Господа.

Практическим доказательством своей приверженности анальному сексу является заявление Тони, что если бы ей был предоставлен выбор одной формы секса, которым ей пришлось бы заниматься всю жизнь, то она бы выбрала анальный.

Вот и молодец.

Судьба Тони Бентли, которая, как и Catherine Millet (см. с. 39–53 наст, изд.), ведёт повествование, не скрываясь под псевдонимом и от первого лица, да ещё под названием «мемуары», да притом с крупной лицевой фотографией на задней стороне суперобложки, – не бог весть какая необычная.

Девочка, недолюбленная и унижаемая строгим отцом и этим объясняющая свою жажду разнообразия сексуальной жизни (объяснение, всегда звучащее как оправдание – будто поиск разнообразия сексуальной жизни – это аномалия, а не нормальное свойство человека), становится балериной в труппе Баланчина в Нью-Йорке. Она танцует десять лет, а затем вынуждена уйти в отставку из-за «производственной травмы» – что-то там с суставом, что не позволяет ей танцевать.

Мы узнаём, что Тони состояла в моногамном браке тоже лет десять, причём муж был весьма приличным человеком – не пил, не бил. Но из-за проклятой, ненавистной, рабской моногамии сексуальная жизнь Тони почти умерла, и поэтому, разведясь, она бросилась с головой в еблю, справедливо обвиняя моногамию в убийстве похоти и страсти в обмен на мнимый душевный покой и фальшивое благодушие.

Анальный секс Тони пробовать не приходилось лет до более тридцати (сразу становится ясно, что у неё были за любовники), вагинальное совокупление ей было практически безразлично, и она его допускала лишь как награду, которую она давала мужчине за то, что он довёл её до оргазма языком, а тех, что не доводили, а лишь ебли – тех она сразу похеривала.

Таким образом, клиторальный оргазм был для Тони основным источником наслаждений и критерием качества

любовников, как и для значительного количества женщин.

Но вот она познакомилась с Мужчиной (как она его именует: «A-Man»), красавцем и умельцем. Он впервые осмелился заполнить хуем неведомую ей доселе глубину, открывающуюся сзади, и наслаждение, которое Тони от этого проникновения испытала, перевернуло её мир.

Тони и Мужчина встречались по нескольку раз в месяц в течение трёх лет. Почти триста раз (Тони вела детальный письменный учёт) он буравил её зад, доходя своим большим и длинным хуем до разного рода кишок. Причём в целях поддержания похоти в кристально чистом состоянии они не замутняли её ничем чуждым ей: они встречались исключительно для ебли, всего часа на три у неё в квартире, никогда не занимались бытом, дружбой, хождением по ресторанам или по гостям, развлечениями и, что самое главное, не обременяли свои отношения верностью. Тони так описывает своё времяпрепровождение с Мужчиной:

> Не бывало такого, чтоб мы не еблись. (We never don't fuck.)

По мере прохождения этих лет анальный секс стал для Тони необходим, как наркотик, но по неведомой причине (любовь, наверно) она никому, кроме Мужчины, свой зад не давала, а лишь только передние места (а может, прочие мужчины и не очень-то домогались – мы же знаем, сколько лет ей пришлось ждать первого анального смельчака).

Она пишет:

> У меня анальная адикция, но только с ним.

Тони напоминает этим школьницу, которая раньше отсасывала мальчикам, но вот впервые дала себя ебать в пизду, поскольку влюбилась. С этих пор она даёт только этому мальчику, блюдя верность, но продолжает по-прежнему отсасывать другим.

Как бы там ни было, но анальная верность (подобно былой вагинальной) лишает её разума – Тони, узнав и узрев, что у Мужчины есть любовница с задом раза в два с половиной больше, чем у неё (а у балерин-то задик тощий), проникается такой болезненной ревностью, что не в силах вынести её (в отличие от радостного терпения анальной боли) и разрывает с Мужчиной.

Некоторое время Тони мается, не пуская никого в свой зад, а потом всё-таки позволяет случайно, но прекрасно подвернувшемуся хую погрузиться в её прямую кишку. Тони

заново постигает Бога, а вместе с этим получает освобождение от любви к прежнему любовнику, то бишь зад её, как ранее пизда и рот, открылся для потенциально бесконечного количества любителей анальных радостей.

Такова книга.

Не бог весть какая увлекательная фабула, но благодаря явлению бога в зад Тони эта книга становится духовной. Причём литературно мастерски сделанной, с точно выдержанными периодами и изящными ходами – по классическим балетным традициям.

В процессе детализированного изложения своих анальных ощущений и мыслей о них, не слыханных до сих пор в женской литературе, Тони демонстрирует женскую психологию буквально изнутри, а это весьма поучительно, поскольку открывает для женщин новую территорию будущих публичных откровений. Получается Библия, да и только – Книга Пророчицы Тони. А что? – кто-то прочтёт, подставит жадную до Бога жопу и тоже уверует. И включат *The Surrender* в канонический текст Библии Ебли.

Первая глава книги называется браво и нагло: «Holy Fuck» – Святая ебля. Глава эта является философическим псалмом анальному сексу. Поставлен он в начало, по-видимому, для того, чтобы трахнуть читателя по голове, и тогда всё дальнейшее чтение, если у читателя на это хватит духа, уже будет не страшно.

В этой главе изложены постулаты, на которых строится доказательство закономерности той одержимости анальным сексом, которая овладела Тони.

> Содомия – это акт предельного сексуального доверия. Оказывая сопротивление, ты можешь серьёзно пораниться.

Доверие, переводя на физиологию, состоит в том, что ты расслабляешь, раскрываешь сфинктер и впускаешь в себя член, каким бы большим он ни был. И дальше Тони поясняет критерий искренности этого верховного доверия:

> В отличие от пизды, анус не может лгать – если он лжёт, возникает боль. Пизды же созданы, чтобы обманывать мужчин…

Полная отдача себя и доверие к партнёру при анальном совокуплении противопоставляется постоянной вражде к мужчинам и, следовательно, сопротивлению им при вагинальном

совокуплении. Отсутствие или неполнота наслаждения, получаемого от мужчины, – это главная причина неприязни к партнёру, неприязни, являющейся следствием ощущения обманутости, недополученности:

> От ебли в заднее отверстие я научилась тому, как полностью отдаваться, сдаваться. От ебли в другую дыру я научилась, как быть использованной и покинутой.

А вот ещё разъясняющий пассаж Тони:

> Моя пизда ставит вопрос, мой зад – отвечает на него. Введение в зад снимает проблему двойственности, которую привносит и делает наглядной вагинальное проникновение. Ебля в зад разрешает все противоречия, все конфликты положительного и отрицательного, добра и зла, высокого и низкого, глубокого и мелкого, наслаждения и боли – ебля в зад объединяет это, снимает все проблемы. Поэтому для меня ебля в жопу – это духовное решение.

Кто бы мог подумать?

Вышеупомянутая Catherine Millet решала эту антиномию проще и без надрыва (в том числе прямой кишки) – она с одинаковой непринуждённостью и энтузиазмом давала себя ебать как в пизду, так и в зад, причём всем подряд и в большом количестве, тем самым снимая всякие противоречия, одолевающие Тони. Правда, Catherine не обрела божественного прозрения при помощи анального секса, который был у неё так же почитаем, как и прочие разновидности генитальных контактов. Но чем является наслаждение, которое в обилии получала Catherine, как не божественным прозрением?

А наслаждения в оргиях Catherine, похоже, тоже получала именно благодаря полной самоотдаче, которая была невозможна для Catherine при совокуплении один на один. Получается, что максимальная самоотдача даёт женщине максимальное наслаждение, но для одной оно достижимо с помощью оргий, а для другой с помощью анального секса.

Постоянное стремление к совершенству даже через боль Тони ассоциирует с её целеустремлённой и физически тяжёлой работой в балете. Она находит трансцендентную аналогию: танцуя и сбивая пальцы на своих ногах в кровь, она не чувствовала боли, а только эйфорию. Боль вступала только тогда, когда она снимала пуанты. Тони стала их боготворить. Подобным же способом она превозмогала боль в анальном сексе и восходила

благодаря этому на высшую ступень наслаждения. Таким образом, Тони боготворит анальный секс, несмотря на то, что он приносит боль, которая с лихвой окупается эйфорией, которую он ей дарует.

Примечательно то, что юная Тони не осознавала религиозной сути своих первых сексуальных открытий – они были для неё лишь психофизиологическими явлениями, но тоже огромной силы:

> Я никогда не думала, что спрятанное отверстие, находящееся ниже моей талии, является входом в моё сердце.

Познав первый оргазм, она ощутила, что её клитор стал центром мира.

Тони описывает свои регулярные встречи с массажистом, который помимо массажа, а потом вместо него, зализывал ей междуножье, вознося её к тридесятым небесам. Так как медицинская страховка из-за «производственной травмы» оплачивала Тони регулярный массаж, то она платила за клиторальный массаж этому лизальщику, покупая тем самым себе надёжные и всеобъемлющие оргазмы. Бога в них она никак не могла узреть. Не открыли ей Бога ни лесбийский секс, ни групповой (с одним мужчиной и с двумя женщинами). А всё потому, что наслаждения эти опирались всего лишь на клитор, не добираясь до ануса.

Тони утверждает, что оргазм анальный совершенно иной, чем клиторальный, иной настолько, что он мог снизойти только от Бога. (А клиторальный от кого? От Пушкина, что ль?)

Рождённая с отвращением к хую по эстетическим соображениям, Тони подробно описывает, насколько он уродлив и смешон. Потом она делает исключение только для одного хуя – того, что шуровал в её заду. Он ей представляется красавцем.

Такого рода привилегия одному лишь хую идёт в противоречие с её установкой по отношению к мужчинам, говорившим, что они любят только её пизду. Тони хочет мужчину, который бы любил пизду вообще и восхищался бы ею вне зависимости, её ли это пизда или чья-то другая. Только такой мужчина, по её справедливому заключению, может дать ей наслаждение, а не тот, кто делает странное исключение только для её пизды, отвращаясь от всех остальных, а значит, где-то всё-таки принуждая себя к её пизде. Только любя пизду вообще, можно поистине полюбить и какую-то конкретную. Но Тони не понимает, что подобное отношение справедливо и по отношению женщины к хуям.

Основная причина пренебрежительного отношения к хуям у Тони та, что они не давали ей особого удовольствия при совокуплении, а потому – что с них взять, коль с наслаждением они не связаны.

А вот мужской язык, уверен, представлялся ей красавцем, как, впрочем, и женский.

Однако чуть первый хуй погрузился ей в зад и вознёс её в небеса и тем самым оказался связанным ею с наслаждением, оно сразу даровало этому хую красоту.

> Желанье наделяет красотой,

как я писал в стихе *Anus* (см. http://www.mipco.com/win/obe.html).

Разумеется, Тони восторгалась лишь единичным хуем её Мужчины потому, что только он, пока единственный, давал ей анальное наслаждение. Но она наверняка уже начинала исподволь влюбляться во все хуи как в потенциальных гостей её прямой кишки. Доказательством возникшей любви к хую стало её возникшее наслаждение от его сосания, то, чего она не испытывала ранее.

Тем не менее в истинности этой любви следует усомниться, так как её Мужчина никогда не кончал Тони в рот, даже когда она сосала его минут сорок. Причём это её нисколько не удручало, а ведь женщина, любящая хуй, но не глотающая сперму, далека от полной самоотдачи, о которой Тони написала книгу.

Она приходит к выводу, что поистине почувствовать хуй можно только задом, который плотно обжимает его со всех сторон и обладает большим количеством нервных окончаний, чем влагалище. Тони итожит:

> влагалище – для деторождения, а зад – для искусства.

Имеется в виду, судя по всему, искусство любви.

Капитуляция, самоотдача Тони происходит только после предварительной эстетическо-гигиенической самоцензуры. То есть капитуляция вовсе не безоговорочная и сдача вовсе не полная.

Перед каждой встречей с Мужчиной Тони выбривает почти всю пизду, оставляя крохотный треугольничек наверху. Она тщательно удаляет волоски вокруг ануса.

Тони нигде не пишет, что делает это она по просьбе Мужчины, нет, это её собственное представление о порядке и церемонии самоотдачи.

Тони описывает, как она принимает ванну, как промывает влагалище, как пальцем вымывает прямую кишку – мол, теперь «с её жопы кушать можно».

«Нет волос – нет стыда». Так вот американо-гигиеническим методом она тщится избавиться от стыда – бреясь, избавляясь от волос, запахов, то есть того, что составляет сексуальную суть женщины. Она умащается разными снадобьями, а на деле ущемляет свои вторичные половые признаки.

Самоотдача происходит при условии значительных самоограничений. Тогда как смысл отдачи чужд всяким ограничениям и условиям.

Однако на этом условия-ограничения самоотдачи не кончаются.

Тони вводит ограничение на участие дерьма в анальном сексе. Это так же абсурдно, как бояться произнести слово во время поглощения пищи. «Нельзя разговаривать с полным ртом» – говорит этикет. А де Сад утверждал, что анальный секс особо приятен, если прямая кишка заполнена говном.

Тони успокаивает, утешает брезгливого читателя, что она дерьмом совсем не интересуется. (Интересует ли дерьмо её Мужчину – она не говорит.) Тони заверяет зажавшего нос читателя, что анальный секс вовсе не связан с разлетающимися повсюду фекалиями, которые покрывают член с головки до ног, а тело женщины – от безволосых ягодиц до волос на голове. Но Тони не пишет ничего по поводу по меньшей мере рвущихся наружу газов из-за разворошённых длинным хуем кишок, причём при ебле, которая длится не минуту-две, а около часа. Тут и при прополощенной прямой кишке непременно что-то выскочит из неё.

Какая же это полная самоотдача в анальном сексе, если при нём не вырываются наружу дерьмо и газы? В таком случае полнота самоотдачи становится чистым вымыслом, ибо чистота анального секса – это то, на чём помешалась Тони. (Catherine Millet прекрасно понимала, что дерьмо – это неизбежная часть секса, тем более анального, и принимала его без всяких ограничений.)

Капитуляция Тони становится подозрительно «оговорочной», когда она заявляет, что все разы её анального чуда происходили с обязательно и неукоснительно натянутым презервативом.

О каком полном подчинении может идти речь, если Тони отказалась «подчиняться» сперме Мужчины, если она отказалась от её поглощения задом, поглощения, которое она всячески смакует. Что это за половой акт без спермы, заполняющей женские отверстия? Это не ебля, а реклама о предохранении от

СПИДа.

Получается, что на самом-то деле Тони продолжала своё сопротивление Мужчине, отказываясь от ощущения плоти хуя и спермы в своём заду.

Отказавшись от голого хуя и семени в своей святой жопе, она перечёркивает весь свой постулат:

> Подвластность – полная и абсолютная подвластность всего моего существа – вот где я нахожу свободу.

Тони лукавит: ни полной, ни абсолютной подвластности она себе не позволяет.

Она записывает детали совокуплений и нумерует каждую встречу с Мужчиной, чтобы что-то сохранить, чтобы это не исчезло во времени, чтобы были доказательства, что это с ней действительно произошло. Литература используется Тони для консервации, сохранения, архивации событий. Пусть. Литература и такое видала.

С этой же целью Тони хранит в специальной коробке использованные после анального секса презервативы с семенем её Мужчины. Она избегает упоминать, что презервативы, в количестве более двухсот, должны были пахнуть её дерьмом. Но самое смешное, что она не додумалась, уж коль так была озабочена презервацией своих анальных восторгов, хотя бы фотографировать свои совокупления, я уж не говорю о том, чтобы снимать их на видео.

Тони велеречиво рассуждает о тупике пизды (как писалось мною:

> Пизда является тупиком – я в неё всегда прямиком;

см. http://www.mipco.com/win/soit.html) и противопоставляет ей открытый путь сквозь всё тело, начинающийся ртом и кончающийся анусом. Тони справедливо утверждает, что поистине «взять женщину» можно только через зад. Принимая это заявление за одно из главных, можно было бы сделать, основываясь на нём, идеальную обложку для этой книги. Однако обложка отражает полумеры приличий, подобные полумерам самоотдачи Тони: на суперобложке вырезана замочная скважина (которая уже использовалась на обложке мексиканского издания *Тайных записок*). В этой скважине видно нечто вроде розовой плоти. Но если снять суперобложку, то с обложки глазам предстаёт женский зад, но в подлых трусиках, а на задней стороне обложки красуется глубокомысленно-многознающее лицо Тони.

Я же считаю, что дизайн книги, идеально соответствующий её сути, должен был бы быть таким: на передней стороне обложки крупным планом анус Тони, а на обратной стороне обложки фотография крупным планом её рта, со сжатыми губами бантиком, подобно анусу. Тогда сердцевина – текст книги– оказывалась бы «телом» о двух концах: рта и ануса.

Разделив оргазм на клиторальный и анальный, Тони положила их на разные полочки: анальный на верхнюю, поближе к Богу, а клиторальный пониже, среди смертных. И это вместо того, чтобы их объединить с её новорожденной любовью к сосанию хуя. Надеюсь, в следующей книге Тони опишет, как она ещё теснее приблизилась к Богу, когда оказалась с двумя Мужчинами: одним, лижущим ей клитор, в то время как она сосёт ему хуй, и другим, заполняющим в этот момент хуем её всевозможные кишки.

В таком совокуплении, когда клиторальный и анальный оргазм подстёгивают друг друга, Тони познает уже не одного, а многих богов, покончив с монотеизмом, как она покончила с моногамией.

Слава богам!

Как я влюбился в мёртвую проститутку

***Nell Kimball.* Her Life As an American Madam by Herself; Edited and with an Introduction by Stephen Longstreet. New York: The Macmillan Company, 1970. 286 p.**

***Nell Kimball.* Memoiren aus dem Bordell. Heyne, 2001. ISBN 3453177282.**

***Кимбалл Нелл.* Записки из публичного дома: В 2 кн. / Пер. с нем. С. Варганова. Послесл. О. Воздвиженской. М.: ВРС, 2003. (Улица красных фонарей). Т. 1. Ч. 1–2. 150 с. ISBN 5-94451-026-9. Т. 2. Ч. 3–5. 163 с. ISBN 5-94451-027-7.**

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2005. № 124.

Русское издание этой книги я получил в подарок на Новый год. Взялся читать и не мог оторваться, несмотря на то, что текст был полон смысловых тупиков и перевертышей вследствие дурного и тусклого перевода. Вопреки ему, Ольге Воздвиженской удалось в своём послесловии блестяще нарассказать о золотой эпохе борделей в США и о литературно-исторических реминисценциях, с ними связанных.

Русский перевод был сделан, увы, не с английского оригинала, а с немецкого перевода. Немецкий же перевод, судя по всему, был полон неточностей и ошибок, и они в естественном порядке перекочевали в русский текст, куда были включены собственные щедрые добавки. Но сила этой книги такова, что даже многочисленные ошибки и неточности не смогли исказить её дивный дух, светящуюся честность размышлений и человеколюбие автора.

Из воспоминаний Нелл Кимбэлл (1854–1934), несмотря на лингвистические препоны, следовало (я по ходу исправлял перевод согласно английскому оригиналу), что она, начав в 15-летнем возрасте работу проституткой в роскошном публичном доме в Сент-Луисе, прожила яркую и общественно-полезную жизнь, перепробовав почти все возможные амплуа женщины: от пылкой возлюбленной, роскошной проститутки и содержанки до любящей и преданной жены, скорбящей вдовы, заботливой матери и успешной предпринимательницы – владелицы лучших публичных домов в Новом Орлеане и Сан-Франциско.

Пожалуй, лишь одну женскую роль ей не суждено было

сыграть – роль бабушки, потому что её единственный сын умер от дифтерита, будучи маленьким мальчиком.

Эта женщина была поистине самородком золота – и волосы у неё были золотые, из-за чего в борделе её называли «Голди».

Родившись в бедной многодетной фермерской семье, будучи полуграмотной девушкой, Нелл превратилась в проницательную и многознающую, тонко чувствующую женщину и, должен сказать, в замечательную писательницу. Она, например, находит такие слова:

> Годы проносились, будто боялись, что мы можем их удержать.

Как и всякая хорошая книга, эта тоже наводит на размышления, которыми я спешу делиться с кем попало и незамедлительно.

Чтобы аргументированно объяснить, почему я влюбился в мёртвую проститутку, Нелл Кимбэлл, мне бы пришлось воспроизвести полный текст её книги, которая меня так проняла. Но тут возникают проблемы с авторским правом и с неустойчивым вниманием читателя, который больше заинтересован в просматривании, чем во внимательном чтении. Так что я решил сжато описать, почему я так охвачен безысходными чувствами к восхитительной проститутке, которая, увы, уже недоступна даже за огромные деньги. Которых у меня всё равно нет.

(Будучи великолепно продажной, Нелл пишет об одном клиенте:

> Он был из тех, что считают, что за деньги можно купить всё.
>
> Я не могу это отрицать. Но покупать нужно с чувством такта.

Эх, с каким бы тактом любовных телодвижений я бы её скупил на корню…)

Уж как любовью ни стращали: любовь и слепа, любовь и зла (то – про козла), любовь и отвратительна («love stinks») и вдобавок болезнетворна («love hurts»). Даже уточняли где: «любовь – это зубная боль в сердце». После таких ужастей любви надо бы сторониться, как несущихся правительственных машин. Но правит миром – она, а не правительство, и всё равно она собьёт тебя с ног или с панталыку. Причём совершенно безнаказанно. Как российское правительство.

И есть лишь одна форма самозащиты: осознать, что ебля и

любовь – две разные вещи. Об этом говорили многие и в том числе я, пишет об этом и Нелл Кимбэлл, авторитет в обоих делах, посвятившая любви и ебле всю свою жизнь, сначала дилетантски, как большинство самок, а потом, как, увы, меньшинство – профессионально, да ещё с глубокой задумчивостью, чего уж вообще раз, два, и обчёлся.

В 15 лет Нелл была давным-давно в соку, высокая, выпукло-вогнутая и красивая. Она заимела взрослого любовника и всячески им наслаждалась, пока он её не бросил без копейки в кармане посреди Сент-Луиса, куда он её вывез из ненавистной деревни. Нелл послонялась по городу денёк, а потом отыскала бордель, где когда-то работала её тётка Летти, успевшая перед смертью нарассказать племяннице, на какой улице этот сказочный дом находится и как он выглядит. Хозяева борделя, пожилые муж и жена, вспомнили Летти и с радостью взяли её племянницу под свою опеку.

И вот в первый день работы солидно выглядящий клиент берёт Нелл, и она поражается, что ощущения с этим вторым в её жизни мужчиной весьма подобны тем, что она испытывала с её предателем-любовником, и Нелл легко достигает оргазма. С этого момента у Нелл и началось осознание независимости ебли от любви. С последовавшими четырьмя клиентами в этот вечер она уже научилась не кончать, как ей по-родительски советовали хозяйка и хозяин. Однако Нелл пишет, как много у неё было соблазнительных клиентов, с которыми она не сдерживалась, а давала волю своей богатой похоти.

Нелл утверждает, что секс и любовь существуют независимо друг от друга, тогда как секс и деньги неразлучны. И действительно, общество, борясь с проституцией, то есть с человеческой природой, создаёт великую порабощающую ложь: что ебля без любви, особенно для женщины, якобы унизительна, оскорбительна, вредна и вообще не должна иметь место. А ведь это и есть воспитание проституток, женщин, которые отдаются не по похоти, а за плату «любви». (См. мое эссе о проституции *Спасительница* в «кирпиче» *Чтоб знали*!)

Разница между обществом и проституткой только в типе используемой валюты: проститутка требует за секс деньги, общество требует за секс любовь.

Проститутка, разделив любовь и похоть, может наслаждаться еблей или быть к ней равнодушна, беря за неё деньги в любом случае. Она также прекрасно понимает, что при любви секса может почти и не быть.

Общество же приковывает похоть к любви, потому что прекрасно знает, что похоть в неволе верности обязательно

помрёт, ибо жить она может только на свободе разнообразия. Таким образом, у проституции и у общества единая цель: не позволять бесплатную еблю, возникающую в результате чистой похоти, не замутнённой никакими другими соображениями или расчётами. А потому свою агитацию общество направляет прежде всего на молодых людей, наиболее сильно одержимых желаньями, наиболее неопытных и легко поддающихся обману: ебаться только по любви, которая должна обязательно быть легализирована в браке или хотя бы в долгих и уважительных отношениях.

А вот тётка Нелл учила свою восьмилетнюю племянницу главной, вечно юной заповеди:

> Каждая девочка сидит на своём богатстве, но не каждая это осознаёт.

Примечательно, что в своего будущего мужа Нелл влюбилась с первого взгляда и была ему верной (с её слов) и преданной женой в течение трёх лет, пока он не погиб. Нелл считала своё замужество самой счастливой порой своей жизни – а это был для неё период самой редкой ебли. После еженощных многочисленных мужчин Нелл обходилась двумя разами скучной ебли в неделю – муж её был специалистом по взлому сейфов, которые, по-видимому, в подсознании представлялись ему пиздами, а сами пизды его мало интересовали. И вот, несмотря на такую исключительно скромную половую жизнь, Нелл смотрела своему мужу в рот и не могла на него наглядеться – вот она, любовь-то.

Да и сам муж решил жениться на Нелл тоже не из-за её сексуальных достоинств, а лишь потому, что с ней, единственной женщиной, он, страдающий хронической изнуряющей бессонницей, мог проспать всю ночь напролёт. То есть он женился на Нелл по причинам прямо противоположным похоти – чтобы с ней спать в прямом смысле слова.

Он тоже был в неё по-своему влюблён, сделав-таки ей ребёнка. Но не дождался, пока родился сын, и был убит при очередном взломе пизды… простите, сейфа.

Так что в самой большой любви Нелл секса было – кот наплакал, потому что её муж, как уже говорилось, был не котом, а медвежатником.

Нелл начала свою карьеру с мечты каждой проститутки того времени – работать в роскошном публичном доме, где каждая женщина стоила по двадцать долларов – в нынешних долларах это – пятьсот, а то и больше. (В дешёвых борделях женщины продавались за пятнадцать центов.) Для многих проституток, с

которыми Нелл работала, попасть в её публичный дом было тяжёлой и долгой борьбой. Так, одна из них начинала свою деятельность на речных кораблях, где её ебли в очередь матросы, а уплачиваемые за наслаждение монетки она клала в рот, так как ей, голой, их было больше некуда положить.

Супруги – владельцы борделя пеклись о своих девицах, как о родных, не обирали их, а учили уму-разуму. Хотя большинству проституток это не шло впрок – они тратили все заработанные деньги. А Нелл – шло: она стала откладывать деньги на банковский счёт, который завёл для неё владелец дома, и потом он отдал ей всё до цента, когда она ушла в содержанство.

Публичный дом был для Нелл настоящим университетом, по её собственному утверждению. Действовала поговорка: «с кем поведёшься, от того и наберёшься» – ведь клиентами в борделе, где работала Нелл, были самые известные и влиятельные люди Сент-Луиса, которые приходили туда как в клуб, вели за обедом беседы о политике, финансах, литературе, и Нелл впитывала не только их сперму (тогда презервативы в доме не пользовали), но и всесторонние знания. Она пишет:

> Для меня содержательный разговор и есть учение, но без всякого утомительного напряжения.

В результате она не только научилась бегло читать, но и понимать, как устроен мир. Даже его литературная часть:

> …начав читать романы, я находила в них только ложь и отговорки, прикрытые красивым многословием. Я поняла, что писатели просто опускают половину того, из чего состоит жизнь. В большинстве романов едва можно понять, есть ли у человека плоть, телесные органы, ходит ли он в туалет… Я не могу назвать ни единой книги, в которой герои ложились бы в постель просто для того, чтобы насладиться хорошей еблей и половыми органами своих партнёров. Вместо этого создаётся впечатление, что люди только и делают, что охают и причитают, заламывают в отчаянии руки и болтают надуманную чушь. Я не имею в виду… мусор – так называемые «грязные книжонки», ведь в любом случае это только смешные фантазии.

Так что Нелл прекрасно воспринимала литературу того времени, используя критерий жизненного правдоподобия, но не находя его в литературе вообще: в благопристойной литературе ебли не имеется, а в порнографической она такая, которой в

реальной жизни не бывает. То есть Нелл ущучила специфику литературы, цель которой – вводить читателя в заблуждение, вызывая при этом подленько приятные ощущения.

Специфику литературы своего времени Нелл профессионально подмечала и в самих производителях литературы, ведь среди её клиентов было немало писателей:

> Вдохновенная болтовня поэтов – это всегда высокопарная мастурбация, и больше ничего.

Далее она выносит суровый приговор:

> Писатели лучше говорят, чем ебутся.

(Ну как мне не горевать, что она уже умерла?! – не ринуться уже к ней, чтобы постоять за писательскую братию, а точнее – только за себя.)

Нелл ставила музыкантов по сексуальным способностям значительно выше писателей, ведь те вообще не говорят, а только пиликают, зато они ублажали её повсеместно, то есть гармонично. Вот она – вечная музыка.

Это вовсе не значит, что Нелл не понимала силы слова – она сама ею постоянно пользовалась, то и дело замечая, как люди боятся слов:

> Если бы всех нас меньше шокировали слова, то мы все были бы здоровее.

Нелл приходит к великой истине, которую теперь любят время от времени произносить, но так и не научатся повсеместно воплощать:

> Слова «аномальный» или «извращённый» при настоящем сексе между мужчиной и женщиной не несут никакого смысла.

Вот человечество существует тысячи лет, а эта основа отношений между любовниками по-прежнему требует защиты от законов, созданных для истязания людей за то, что они смеют испытывать наслаждение. Сексуальные законы в обществе обращены против людей, они отдают людей на расправу моралистам-истязателям-убийцам, которым даются права вершить любые беззакония, основанные на их трактовке якобы божественных повелений. А по сути, любой закон, ограничивающий секс (за исключением такого, что несёт боль или доводит до крови – каковыми были ограничения в Неллином

борделе), должен считаться несправедливым, а люди, пытающиеся его провести, – самыми опасными преступниками.

Но задача общества – под предлогом «очищения нравов» наживаться на человеческих страстях, ставя похоть вне закона и тем искусственно взвинчивая цены за её удовлетворение. Ярким примером такого приёма являлось введение сухого закона в Америке, который лишь способствовал повышению цен на алкоголь. Этот закон не удержался долго, потому что его всенародно нарушали и он слишком нарочито шёл против человеческой жажды счастья, находить которое в алкоголе даже при сухом законе было более доступно для всех, чем находить счастье в разнообразной ебле. Если бы, например, разрешили пить алкоголь по домам, но не разрешали бы пить вне дома, то этот закон продержался бы значительно дольше, ибо он скопировал бы успешное многовековое притеснение секса: «ебись дома с женой, но больше нигде и ни с кем». Этот закон даёт хотя бы минимальный легальный выход сексуальной энергии, но конечно же всё равно повсеместно нарушается, хотя продолжает существовать. А ошибка сухого закона была в его тотальности – он загонял человека в тупик, и потому народ взбунтовался.

Нелл точно различает:

> Есть люди, которым нравится измываться над людьми, и если у них что-то важное не получается, например секс, то они измываются над людьми ещё больше.

И далее:

> Люди, ничтожные в сексе, ничтожны и во всём остальном, разве что они проецируют свою сексуальную энергию на стремление к власти.

А власть они используют для того, чтобы устанавливать античеловеческие законы, лишающие остальных людей того счастья, которого лишены они сами. И в лишении счастья других законодатели испытывают собственное счастье.

Нелл любила Америку, но была чужда политической символике, ради которой столько людей шло на смерть в войнах её времени. Как мы созвучны с ней в отношении к флагу, о чём я писал в своём романище[5]. А тут моя любимая проститутка пишет:

> Для меня флаг – это всего лишь сшитые куски материи, даже если принимать во внимание всё, что они

олицетворяют. Я никогда не путала страну и государство. У меня никогда не было влечения умереть за флаг, или за историю, или за политиков.

Моя, увы, только идейная близость с Нелл заключается и в нашей общей нелюбви к празднованию Нового года. Она об этом отзывается так:

> У меня никогда не было желания радоваться уходящему времени.

А я об этом пописывал на заре *General Erotic* в нумере всего 2 (см. также с. 333–338 в: *Михаил Армалинский.* Что может быть лучше? М.: Ладомир, 2012).

Идеи равенства, провозглашённые американской Конституцией, были использованы без всякой заботы о людских сексуальных нуждах. Это конституционное равенство весьма ограничено и полностью перестаёт действовать на территории любовного ложа: именно на нём становится ясно, насколько все люди неравны, и это тоже подметила Нелл.

Квинтэссенцией обретённых Нелл знаний явился составленный ею моральный и физиологический кодекс проститутки, который обеспечивает успешность занятия этой благородной профессией, часто переходящей в искусство.

Нелл также вывела необходимые требования к борделю, который можно было бы назвать «роскошным». Следует помнить, что такой бордель был прежде всего мужским клубом, где прислуживали женщины. Мужчины вкусно и плотно обедали, беседовали, пили лучшие вина и отборные крепкие напитки, играли в карты, слушали музыку и, если хотели, поднимались с женщиной в её спальню.

На протяжении книги Нелл несколько раз повторяет, что ей кажется главным:

> Не все мужчины, приходящие в бордель, жаждут пизды. Часто они просто одиноки и ищут человеческой близости, даже если за неё надо заплатить.

Нелл перечисляет названия модных песен того времени, сочинённых знаменитым композитором (Steven Collins Foster), которые обожали девицы и которые играли чёрные музыканты в салоне её публичного дома. Я слушал эти мелодии, закрыв глаза, и пытался представить сочную и светящуюся золотом волос Нелл, которая впервые спустилась в салон, в трепете от солидности

гостей и от предвкушения ебли с ними, чётко видел, как, согласно её рассказу, один важный немолодой гость посадил её к себе на колени, и тут в голове Нелл пронеслась радостная мысль: «А ведь я уже работаю!»

Итак, минимальные требования Нелл к роскошному борделю:

1. Постельное бельё меняется после каждого гостя.
2. Подаются лучшие вина и крепкие напитки.
3. Сервируется дорогое столовое серебро.
4. Готовится изысканная еда.

Но самое главное 5 – это заручиться поддержкой местных властей с помощью взяток, процентных отчислений и бесплатных визитов в свой бордель. *Без этого даже при разрешённых законом борделях твой бизнес прикроют под тем или иным предлогом.*

6. *Исключительно важное условие процветания борделя таково*: гость должен быть защищён от всего, что может вызвать о нём слухи или втянуть его в скандал.

Один из методов для достижения спокойствия в борделе – это тщательное отсеивание клиентов: никого не принимать с улицы, а только по рекомендации постоянного клиента или как гостя, которого привёл постоянный клиент.

Клиенты всех вероисповеданий должны чувствовать себя как дома. По этой причине в комнатах девиц не позволялось вывешивать распятий над кроватью. Нелл иронизирует:

> В глубине души шлюхи тянутся к вере в голого мужчину на кресте, видя в нём Бога.

У Нелл было несколько щедрых еврейских клиентов, и она не могла допустить, чтобы у них падал хуй от взгляда на распятие, вывешенное прямо над головой ебомой. Публичный дом Нелл был единственный в городе, где на косяке входной двери была вывешена мезуза[6].

К девицам Нелл, как и следует, предъявляла жёсткие требования, но была справедлива и никогда над ними не измывалась, а, наоборот, всячески помогала в тяжёлые для них времена.

Пьяниц или наркоманок она не держала.

Прислугу в борделе ебать клиентам не позволяла – «дух борделя от этого страдает». (Но если какой-то одержимый воспылал страстью неудержимой именно к служанке и платил хорошо, то всё-таки Нелл позволяла в виде исключения.)

Но самое главное условие успешности работы проститутки

(как и для успеха во всякой другой профессии) было таким:

> **Проститутка должна любить свою профессию и гордиться ею.**
>
> **Если проститутка не гордится, что она приносит наслаждение мужчине, то она не может работать в борделе высшего класса.**
>
> **Если проститутке внушить достоинство, самоуважение и она гордится тем, где она живёт и работает, то тогда она будет счастлива и её клиенты тоже.**

В то же время Нелл не ослеплена карьерой проститутки и трезво оценивает свою профессию:

> Я не говорю и никогда не говорила, что проституция – это самый лучший образ жизни, но она лучше, чем ослепнуть, работая вышивальщицей в потогонной мастерской, она лучше, чем вкалывать по двадцать часов в день на кухне или чем работать служанкой в доме, где хозяин и его сыновья бесплатно прихватывают тебя с уже расстегнутыми ширинками в каждом тёмном углу.

То есть смысл, по моему разумению, таков: если женщине приходится зарабатывать деньги на жизнь, то уж проституция всяко лучше тяжёлого труда или необходимости отдаваться многим мужчинам бесплатно.

> Но никогда нет постоянно счастливой проститутки, —

замечает Нелл.

Будучи ограниченной в своих контактах с женщинами (в основном лишь проститутки и другие содержательницы борделей), Нелл говорила о свойствах и характере проституток, но всё оказывается справедливым и по отношению к любым женщинам.

Так Нелл подмечает, что вечная проблема у проституток – это запор. Но ведь запор является напастью для очень многих женщин. Следует ли из этого, что большинство женщин – проститутки? Или что проститутки – это тоже женщины, а не выродки человеческого общества, какими пытается их представить общество?

Нелл пишет:

> Проститутки – совершенно нормальные люди, но выполняющие работу, о которой общество не желает слышать.

Однако до сих пор доброе отношение к проституткам непостижимо для слепоглухонемого большинства.

> Я была великолепной шлюхой, —

с достоинством и гордостью заявляет Нелл.

Помимо того, что Нелл была по натуре пылкой женщиной и часто испытывала множественные оргазмы с достойными клиентами, она питала истинный интерес к своему делу – к мужчинам. Нелл исследовала их типы, характеры, повадки, подмечала их сильные и слабые стороны. Она любила мужчин.

> Настоящая шлюха должна хотеть быть шлюхой, иначе она только наносит вред публичному дому, – *утверждает Нелл.*
>
> Главный закон для девицы в борделе: гость – это господин, а ты – его раба.

Рабство заключалось в готовности девицы исполнять все желания клиента, если они не были связаны с болью и не доводили до крови.

Нелл допускала среди своих девиц наличие лесбиянок, удовлетворявших друг друга языком. Но если они начинали использовать искусственные хуи – таких она гнала. Нелл не объясняет почему, и я предполагаю, что причина состоит в том, что, натерев друг друга твёрдыми и большими предметами, они могут утомить влагалища и зады настолько, что начнут с нежеланием предоставлять своё богатство клиентам, да и конкуренция со стороны вечно твёрдых и больших предметов настраивала бы девиц пренебрежительно по отношению к мужчинам, а для рабыни недопустимы такого рода чувства к своему господину.

Следует помнить, что всё, о чём пишет Нелл, относится к дорогим публичным домам. А ведь есть «школа», которая учит проституток ненавидеть клиентов. Такая муштровка, вероятно, годится для проститутки, на которую стоит очередь человек в 50, тогда можно и возненавидеть клиентов. Чрезмерность количества обезображивает качество, и любовь делает скачок в ненависть.

Nell подтверждает:

> …разница между двухдолларовой и пятидесятидолларовой шлюхой – это миф и видимость, которыми они себя окружают.

Абсолютно то же справедливо и по отношению к непрофессиональным проституткам, то есть обыкновенным женщинам: их ценность – в пизде и заде, а не в том, надето ли на них кружевное шёлковое бельё или рваные трико.

Интересно то, что высокая цена не гарантировала самую красивую проститутку – за центы продавались юные красавицы на улицах в том же количестве, как и за бешеные деньги в шикарном борделе. Градация проституток происходит по главному критерию – сколько клиентов они принимают за вечер. Чем их больше, тем цена женщины меньше и тем хуже проститутка, потому что всё её внимание к клиенту заключается в раздвинутых для него ногах.

В двадцатидолларовом публичном доме девица имела всего по пять-шесть клиентов за рабочую смену. Часто её забирали на весь день или на несколько дней богатые клиенты, чтобы провести с ней время одному. Чем больше платит клиент, тем больше проститутка уделяет тебе времени, и создаётся иллюзия, что эта женщина принадлежит только тебе и, более того, что она в тебя влюблена.

Ум женщины заключается в том, чтобы с меньшего количества клиентов получить больше денег. Непредприимчивые женщины пытаются взять количеством клиентов, соглашаясь со своей низкой ценой.

Чтобы повысить свою цену, женщины прибегают к ухищрениям, которые не имеют отношения к тому, что является их товарной сутью. Это им без труда удаётся, ибо сексуально мужчины предельно глупы. Разительным примером может служить такой метод зарабатывания денег проститутками, описанный Нелл.

Во второй половине XIX века в Сан-Франциско прибывало огромное количество китаянок, которых снаряжали с корабля на бал проституции. Китаянки, борясь с конкуренцией проституток других рас, пустили слух, будто пизда у них горизонтальная, в отличие от вертикальных, что у всех конкуренток. Американские мужи, не горюя от ума, радостно платили китаянкам просто за то, чтобы они развели ноги, и любознательные самцы удостоверялись, что пизда у китаянок вертикальная, как у всех женщин. Узрев эту «вертикаль власти» пизды, мужчины чувствовали себя познавшими конечную истину. А китаянки еле

успевали подсчитывать деньги.

Подобная генетическая глупость мужчин выражается в их подверженности влиянию женских шмоток, косметики и всего наносного, не имеющего отношения к женщине как таковой. Голое тело либо их пугает, либо надоедает, и всю свою страсть к пизде и заду они обращают на страсть к женским прибамбасам и тому, как женщина себя в них заворачивает конфеткой.

Если меня возмущает обман с дорогими причиндалами вокруг проститутки, за которые берут огромные деньги, то ещё одним причиндалом является красота лица, которая навешивается на абсолютную красоту разведённых женских ног (см. «Сгущая краски» в: *Михаил Армалинский.* Что может быть лучше? М.: Ладомир, 2012. С. 409–429).

Платя большие деньги за женскую упаковку, мужчины лишь поощряют её существование и процветание, вместо того чтобы от неё избавляться, платя за её отсутствие, за тело. Таким образом, происходит искусственное взвинчивание цен на проституток.

Общественные нравы – это монополия на представление о сексуальной жизни и на её дозволенные формы. Общество не заинтересовано в развитии половой жизни и потому не устанавливает антимонопольные законы, а, наоборот, старается сохранить свою монополию на контроль над сексом. Интернет, обеспечивающий неограниченные и упрощённые контакты между людьми, минуя общество, впервые создаёт ощутимую конкуренцию для официальной морали, и благодаря этому цена пизды упала, потому что добраться до неё стало значительно легче.

Основой счастливого духа и психического здоровья Нелл было то, что она с раннего детства беззаветно любила секс и этого не стыдилась:

> У меня не было ощущения вины или греха. Я никогда не верила, что секс греховен.

Это вам не Сонечки Мармеладовы или Катюши Масловы, вечно обделанные грехом и стыдом, описанные этими хило ебутцимися да отчаянно кающимися великими писателями и ничтожными мужчинами.

Несмотря на большой рост, высокую грудь и широкие бёдра, у Нелл была узкая талия, маленькие руки и ступни. От Бога ей было дано умение доить влагалищем хуй, чему большинству женщин приходится специально обучаться, если у них есть склонность к самосовершенствованию. Один лишь этот талант сразу завоёвывал для неё любовь многих мужчин.

Будучи девочкой, Нелл, как и все фермерские дети, во все глаза наблюдала за совокуплениями домашних животных. Это зрелище было эквивалентно нынешней порнографии, которая является энциклопедией секса для подрастающего поколения.

Кроме того,

> секс для большинства людей на ферме был единственным удовольствием… Секс и алкоголь. Те, что не пили, не еблись… делали угрюмые мины и пытались испортить удовольствие другим.

Отец Нелл чуть ли не каждый день сладкозвучно еб мать, и дети всё это слышали.

Кровосмешения между отцами и дочерьми, братьями и сёстрами были обыкновенным делом, хотя отец Нелл, вследствие своей набожности, к дочкам членом не прикасался, а только стегал их ремнём за малейшие провинности.

Вот что вспоминает Нелл о своём отношении к сексу в девятилетием возрасте:

> Один из работников, индеец-полукровка по имени Джо Дансер, заманил меня в амбар на чердак, якобы посмотреть на новорожденных котят. Он каким-то образом оказался позади меня, а когда я повернулась, то увидела, что джинсы Джо спущены до колен и у него торчит хуй. Он показался мне таким же большим, как у Джексона, племенного жеребца. Я удивилась, но для меня это не было неожиданностью. Уже несколько недель до этого Джо пытался залезть мне под платье (*и после этого девочка пошла за пим в амбар, прекрасно предвкушая, что может случиться. – М. А.*)
>
> Я сказала: «Прекрати, Джо. Отец проломит тебе череп ярмом, если узнает, что ты задумал».
>
> Джо просто качнул своим стволом в мою сторону: «Ты, наверное, уже не раз такое видела?»
>
> Я ответила, что да и что мне это безразлично. А он спросил, знаю ли я, для чего нужна эта штука. Я сказала: «Конечно же,
>
> чертов полукровка», – и скатилась вниз по горке сена и при этом смеялась как полоумная.
>
> Я никогда особенно не любила цветных, к тому же Джо был слишком прямолинейным. Если бы он, не торопясь, подбирался ко мне, уговаривал меня, сказал бы что-нибудь приятное, тогда, наверное, я поиграла бы с ним, а он со мной, и мы, может быть, немного

покувыркались бы.

Нелл признаётся, что главной причиной отказа был страх проникновения большого хуя в её девственную пиздёнку, потому что ей рассказывали, как это может быть больно. Однако боязнь боли не остановила бы её, если бы Джо вёл себя иначе.

Так что никаких психических травм, искалечивших всю последующую жизнь девочки, травм, которыми стращают ныне параноидальные паникёры, не возникло. Если травмы остаются, то от резкого и грубого подавления сексуальных порывов, а не от их поощрения.

Нелл рассказывает о своём детском опыте:

> Я уже пробовала экспериментировать с собой и с одной из своих сестёр. Мы сидели, как обычно это происходит у детей, и изучали друг друга, украдкой смотрели и трогали. А однажды моя сестра засунула себе в вагину гальку и щекотала меня большим пальцем ноги…это было настолько приятно и казалось нам таким возбуждающим и невинным, что мы никогда не думали, что делаем что-то грешное…

Вскоре Нелл научилась, мастурбируя, добираться до оргазмов, чему она со страстью регулярно предавалась: в наслаждении она чувствовала себя совершенной.

Я была сама собой, – определяет она это состояние.

Нелл совершенно ясно определила своё отношение к ханжам, преобладающим среди религиозных людей. Это люди, которые считали всякое человеческое удовольствие грязным. Всё для них настолько мерзко, что они боятся, как бы удовольствие не захватило их самих, и поэтому не хотят, чтобы кто-нибудь другой отважился на наслаждение.

Простой люд давно заметил близость религиозного и сексуального ража. Близость эта основана на том, что религиозный раж есть лишь замещение сексуального. Братья Нелл

> …часто ходили на проповеди. Там они присматривали девочку попроще, впадавшую в истерический раж от рассказов о грехах, разврате и плотских утехах, и легко её соблазняли.

Негативная проповедь действовала только возбуждающе и соблазняюще и лишь помогала совершать «грех», а не

сопротивляться ему. Как в математике существует доказательство от противного, так в морали существует метод возбуждения от «противного».

Нелл всю жизнь была чужда традиционной религии. Основа её атеизма зародилась в десять лет, когда она своими глазами увидела, как добрый и всеми любимый в деревне человек умер в жутких мучениях.

Такого рода атеизм основан на разочаровании в Боге как в человеке, который обязан обладать полным набором добродетелей. Бог для раболепного большинства – это добрый дядя или строгий, но справедливый папа. А когда этот дядюшка/папашка берёт и зверски уничтожает людей, то тогда на него начинают сердиться: мол, как же ты посмел быть таким жестоким? И за это Бога наказывают – «я в тебя больше не буду верить». А если Бог подкинет что-нибудь полезное, то тогда человек этот в качестве поощрения за боженькино хорошее поведение начинает в него верить. Простачкам из народа, да и из простецкой интеллигенции никак не взять в голову, что то, что нас создало и нами руководит, непостижимо, и от Провидения не следует ожидать соблюдения человеческих законов, так что нечего к нему подлизываться, давать взятки в виде жертв животными или собственными наслаждениями. Истинная вера заключается в том, что ты не пытаешься тщетно придать смысл божественным действиям, а живёшь, понимая, что этот смысл, совершенно очевидно, есть, но уразуметь его нам не дано. А тот, кто утверждает, что познал этот смысл, – либо дурак, либо лжец. Поэтому неудивительно, из кого состоит ортодоксальное религиозное духовенство.

Божественную веру в безгрешность, в святость ебли Нелл пронесла через всю жизнь, но, что самое важное, вселяла её в своих клиентов, обучая радости, а не греху, что и произошло с богатым промышленником сорока лет, взявшим её двадцатилетней на содержание из публичного дома и которого она научила всем прелестям разнообразной ебли. А ему, погрязшему в семье, всё это было в новинку и в диковинку. Потом его застукала жена, и Нелл пришлось уезжать из Сент-Луиса, но именно он впоследствии обеспечил возможность для Нелл открыть собственный публичный дом в Новом Орлеане, выслав ей солидную сумму деньжат.

Публичный дом для мужчины – это место, где он может наслаждаться медовыми месяцами всю жизнь, если у него достаточно денег. Один из клиентов Нелл оставил все деньги в её борделе и, уходя, сказал:

> Ты только тогда становишься настоящим мужчиной, когда начинаешь понимать, что деньги – это ничто, если их нельзя превратить в наслаждение.

Нелл гордилась своим успешным предприятием, справедливо сравнивая его с успешными фирмами в промышленности или в финансах.

> В секс-бизнесе имеется столько же всяких дел, требующих хозяйского глаза, сколько и в *US Steel Company*[7].

Понимая, каким искусством является содержание борделя, Нелл предвещала:

> Если исчезнут добротные публичные дома, то умрёт культура американского образа жизни.

Увы, так и случилось.

Ей пришлось закрыть свой последний бордель в ноябре 1917 года, что было поистине революционным событием, закончившим славный период легального существования публичных домов в США. С тех пор Америка пошла по пути усугублённого лицемерия и лжи, делая вид, что пизда не является главной женской ценностью, а значит, и добродетелью.

Итак, в 1917 году в России началось уничтожение человеческой индивидуальности, а в Штатах началось систематическое притеснение проституции – то же посягательство на свободу желаний.

Обе страны одновременно обреволюцились.

Примечательно, что одним из расхожих наименований борделя является «Cat House». Маршаковский «Кошкин дом» – это явный намёк на бордель. Уж Маршак со своим прекрасным знанием английского не мог не знать смысла этого выражения.

Другим популярным обозначением публичного дома является «Sporting House». Потому роскошный бордель в России может смело именоваться Домом спорта, а лучше – Дворцом спорта (следуя российской гигантомании, называющей институты академиями, а товарищей – господами).

Нелл описывает роскошный бордель в Чикаго, где повсюду торчало золото и прочие излишества. Там же была специальная ебальная комната, куда для экзотики запускались бабочки, а за ними – Набоков с сачком (про Набокова – шутка, про сачок – тоже). Цены в этом доме были доступны только самым богатым мужчинам. В связи с этим Нелл замечает:

Высокий класс определяется высокой ценой, но вкус состоит в том, чтобы эту цену не выпячивать.

Так как посетителями дорогих борделей являлись в основном люди солидные, а часто и старые, то Нелл считала, что мужчин влечёт [*сюда. – М. А.*] не столько секс, сколько возможность посидеть, поболтать в роскошном клубе. Если бы это не считалось немужественным, они бы признались, что им более интересно играть в карты, чем ебаться.

Но она уточняет, что последнее не относится к молодым, жадным до пизд клиентам.

Из этого можно сделать вывод, что в обыкновенных публичных домах с доступными ценами для молодых и ебучих схема поведения клиентов была бы существенно иной: меньше жратвы да разговоров и больше ебли.

Бордель борделю рознь, и Нелл Кимбэлл говорит прежде всего о своём и подобных борделях – то есть таких, куда ходили только богатые люди. Люди, не задумываясь тратящие большие деньги, могут себе позволить роскошь взять красивую проститутку для разговора и не ебать её. Это происходит оттого, что эти богатые люди либо бесятся с жиру, либо уже немолодые, с ослабленным сексуальным влечением. Можно ли себе представить человека ограниченных средств, который скопил нужную сумму, чтобы купить проститутку, а когда она готова раздвинуть ноги, он вместо того, чтобы её ебать, начинает с ней точить лясы? Это только зажравшийся ананасами и рябчиками буржуй может прийти к столу, заваленному ананасами и рябчиками, и их не тронуть. А голодный мужик, купивший обед, сожрёт его до последней капли и крошки да ещё хлебом будет тарелку вытирать, доедая и долизывая.

В итоге, богатые мужчины платят огромные деньги, чтобы отказаться от того, чтобы быть мужчинами. Быть мужчинами им тяжело, и они предпочитают болтовню, эстетство, жратву и азартные игры и платят за это деньги, держа при себе красивую бабу как символ своей власти.

В те времена девицы, как и прочие женщины, не брили подмышек. Поэтому Нелл была недовольна, когда началось поветрие, а затем и обязательность брить девицам подмышки. Нелл справедливо считала, что от небритых подмышек исходят обещания других частей тела.

А именно этого обещания асексуальное общество, притеснявшее и в итоге закрывшее публичные дома, старалось избежать.

Теперь же огромное количество женщин бреет и лобковые

волосы, лишая пизду значительной части её очарования – а всё во имя тех мужчин, для которых пиздяные волосы делают пизду более страшной в своей требовательности – они предпочитают иллюзию пизды несозревшей девочки, которая подчинялась бы любому мужскому неумелому и эгоистичному желанию и не требовала бы ответного наслаждения.

Я решил поискать информацию о Нелл Кимбэлл в надежде найти фотографию или какие-либо упоминания о ней. Я вышел на сайт редактора воспоминаний Нелл, к которому она обратилась в старости за помощью их опубликовать (Stephen Longstreet, http://www. stephenlongstreet.com). Но и там ничего не было. Я написал письмо по данному там адресу, и мне ответил муж Liz, правнучки Longstreet, отсылая меня к статье Longstreet, где подвергается сомнению достоверность сведений о корнях джаза, якобы зародившихся в борделях Нового Орлеана, о чём утверждал в одной из своих книг Longstreet.

Затем этот родственничек стал намекать, что нигде о Нелл ничего не упоминается, а её рукопись исчезла. И он всячески подводил меня к мысли, что воспоминания Нелл Кимбэлл – это сочинение самого Stephen Longstreet.

Мне в это не верится – уж слишком много в воспоминаниях типично женского и информации, которую Stephen Longstreet выдумать не мог. Вполне возможно, что он нашёл воспоминания или документы, принадлежащие не одной содержательнице борделей, а нескольким и скомпоновал это в одно. И если это так, то Нелл всё равно была, любила и я с ней не расстанусь.

Мне эта история с пропавшей рукописью Нелл напомнила мой случай с пропавшей рукописью *Тайных записок* Пушкина.

Но мне ничего не остаётся, как верить и тем и другим.

* * *

***Christine Wiltz*. The Last Madam. A Life in the New Orleans Underworld.**

New York: Farber and Farber, 2000. 244 p. ISBN 0-571-19954-2.

Под впечатлением Нелл Кимбэлл я нашёл книгу «Последняя мадам. Жизнь на нью-орлеанском дне» в надежде найти упоминания о ней.

Это описание жизни Norma Wallace (1901–1974), юной проститутки, а позже содержательницы публичных домов. Жизнь её внешне напоминает жизнь Нелл, тоже из беднейшей семьи – в

любимую проституцию и затем скорое владение собственным предприятием по предоставлению наслаждений. Норма была помоложе Нелл. Если Нелл в действительности существовала, то они наверняка знали друг друга – как-никак конкурентки-соратницы.

Norma приступила к делу раньше Нелл – в 18 лет она перестала проститутничать и стала мадам. Norma активно занималась самообразованием, читала, училась и быстро преуспела.

В последние два года своей жизни Норма наговаривала на магнитофон мемуары, и писательница Christine Wiltz чрезвычайно скучно пересказала её приключенческую жизнь. Однако самое важное для меня, что в повествовании нет и намёка на Нелл, хотя о других мадам Norma упоминает.

Но раз пошла такая пьянка, я уж решил почитать и о последовавших за ней владелицах, но уже не борделей (они были категорически запрещены и содержать их тайно было чрезвычайно трудно), а сервисов call girls[8].

Следующая, что я отыскал, была:

> **Mayflower Madam, The Secret Life of Sydney Biddle Barrows, by Sydney Barrows with William Novak. New York: Arbor House, 1986. 292 p. ISBN 0-87795-722-3.**

Она начала свой бизнес в 1979 году в Нью-Йорке и чрезвычайно успешно его вела, пока его не прикрыли в 1984 году.

В отличие от предыдущих, Mayflower была из зажиточной американской семьи первопоселенцев, никогда не занималась проституцией, более того, была весьма консервативных взглядов по отношению к собственной сексуальной жизни, но в силу случая она столкнулась с работой одного из эскорт-сервисов и увидела, как погано в нём ведутся дела и как можно из такого бизнеса сделать конфетку. У Mayflower были все данные деловой женщины по образованию и по наклонностям, и она, будучи по натуре благородным человеком, решила вести честный и доброжелательный бизнес для богатых людей.

Она набирала красивых девушек, которые никогда ранее не занимались проституцией, а просто хотели подработать. Её задача была сделать так, чтобы все были исключительно довольны: и девочки, и клиенты. А девочек она отправляла только в шикарные отели или богатые частные резиденции. Так, одна пришла в отель к шоколадному фабриканту из Швейцарии, который кормил её образцами шоколада, рассказывая о приготовлении каждого сорта – ей было так интересно и сладко во всех отношениях, что ей стало неудобно брать у него деньги,

когда пришла пора расставаться.

Опять-таки девочки для усталых бизнесменов были не только сексуальными партнершами, но и подружками, собеседницами, помощницами и психотерапевтами.

Бизнес Mayflower поставила на таком высоком идеологическом уровне, что пошла вразрез с, казалось бы, незыблемым законом проституции: она постановила, что девушки будут брать деньги с клиента в конце своего визита, а не в самом начале, как было принято повсюду. Она считала, что, требуя деньги сразу при входе, девушка с самого начала демонстрирует клиенту недоверие, а это накладывает неприятный отпечаток на все последующие отношения.

Высокоморальность Mayflower распространялась и за пределы секса – она была активной общественницей, а именно, она вела список бизнесменов, которых она не позволяла обслуживать, на случай, если вдруг они позвонят. Так, если какой-то Трамп возвёл небоскрёб посреди жилого района и тем обезобразил город и стеснил жителей, он сразу попадал в её чёрный список клиентов, не подлежащих обслуге ни за какие деньги.

Mayflower, первая и единственная, организовала медицинскую страховку для своих девиц.

Её забота о «чистоте» бизнеса вылилась даже в запрет на анальный секс, в котором она отказывала своим клиентам. Да что анальный секс – она вибраторы запретила использовать – тогда они были ещё в новинку. Девицы, конечно, могли делать всё что хотели, но если они отказывались от анальных или вибраторных требований клиента, а тот продолжал настаивать, то Mayflower позволяла девице уйти и компенсировала ей незаработанные деньги.

Короче, настоящий проституточный коммунизм, где не работа, а сплошное наслаждение.

Но больше всего мне понравилась пунктуальность, которой она заставляла придерживаться девиц: она гарантировала клиентам, что девица явится в пределах десяти минут от назначенного времени. Если этого не происходило по каким-то причинам, то клиенту звонили с извинениями и объясняли ситуацию, из-за которой девица задерживается более, чем на десять минут.

Несмотря на такое благоденствие, которое позволяло девицам быстро и с удовольствием заработать хорошие деньги, девицы эти продерживались у Mayflower в среднем не больше года.

Mayflower тоже вывела свои законы успеха в этом деле,

основываясь на рассказах своих работниц пизды, и законы эти она проповедовала среди новобранок.

Метод продержаться в эскорт-сервисе – это всегда думать только о деньгах. Если перестаёшь о них, проклятых, думать, то произойдёт одно из двух: либо ты начнёшь эмоционально вовлекаться в отношения с клиентом, что очень плохо, либо тебе быстро всё надоест, что нисколько не лучше. Но когда мысль о деньгах не покидает тебя, то работа делается сама собой.

Однако, несмотря на денежную ориентацию, всякая девица воспринимала свою работу как постоянное приключение: вот она сидит дома вся ухоженная, с причёской, с наложенной косметикой, со свежим маникюром и ждёт звонка – это её рабочий день. И вот звонит мадам, даёт координаты клиента. Девица надевает платье. «На выход!» – говорит она себе. Она останавливает такси, едет в роскошный отель, волнуясь, что опоздает – на улице затор от театрального разъезда. Наконец она подъехала к отелю, нагло проходит мимо охранников, поднимается в номер, стучит – и сердце трепещет: кто окажется по ту сторону двери? Дверь открывается, и она оказывается вдвоём с незнакомым мужчиной в уютном тихом номере посреди толпы и шума ночного Нью-Йорка. На столе бутылка дорогого вина или шампанского.

«Занавес!» – восклицает она про себя – и представление начинается.

Примечательно и то, что Mayflower никогда не платила взяток или откупных полиции или чиновникам. Но из-за подлятины законов, запрещающих проституцию и сводничество, ведение дел весьма осложнялось: если в разговоре по телефону клиент использовал слово «секс» или намекал на сексуальный контакт – сразу прекращался разговор – необходимо было играть в игру, будто баба приходит поболтать для того, чтобы взять 175 долларов за час. При такой ситуации нельзя было ничего сказать из желаемого в ебле, а когда приходила баба и ты говорил о своих сексуальных предпочтениях, она могла повернуться и уйти, потому что, видите ли, не любит анальный секс, или не глотает семя, или за это надо ей доплачивать огромные деньги. Тогда как в нормальной стране это всё можно было бы заранее выяснить по телефону.

С американским Интернетом теперь то же самое – в переписке с проституткой, рекламирующей себя как эскорт, надо делать вид, что ничего сексуального в твоём желании встретиться с ней нет, а если описать правдиво, что ты хочешь, то никто не откликнется на такое прямое предложение, поскольку заподозрят тебя в полицейской провокации. Так что с проститутками при

разговоре и при переписке в великой Америке нужно вести себя так, будто ты общаешься не с проституткой, а с девственной школьницей. За что прихватывают ещё крепче.

Одна из умненьких девиц, работающая на Mayflower, логически раздобыла аргумент в пользу проституции, основываясь на Конституции США.

Я недавно тоже до этого додумался, но она была явно первая, или до неё кто-то должен был допереть до по сути очевидного: Конституция США гарантирует право в числе прочего и на стремление к счастью. А раз так, то разве ебля не является одним из главных действий, для которого и придумали-то слово «счастье»? Тогда проституция и есть деятельность, предоставляющая счастье. Таким образом, влечение к проститутке есть не что иное, как «стремление к счастью». Запрещая основополагающее счастье жизни, тем самым эти запрещальщики посягают на Конституцию США.

Когда Mayflower стали судить за сводничество, она заявила, что нужно было судить не её за преступление закона, а судить сам закон за его античеловечность. Закон, который является просто-напросто антиконституционным.

Вот почему я рассматриваю проституцию в Америке как самую отважную и благородную форму гражданского неповиновения – жизненно необходимого сопротивления американскому Талибану.

Когда разразился скандал в связи с арестом Mayflower, полиция и прокуратура, почувствовав давление со стороны её влиятельных клиентов, сразу начали спускать дело на тормозах. Mayflower стала героиней прессы, и телевидение захотело было сделать о ней передачу. Но телевизионные сволочи отказались показывать проституток и клиентов, которые счастливы, им нужно было показать унижение, грязь, несчастье, связанное с проституцией. Они не хотели сделать образ проститутки завидной (что потом сделали в фильме *Pretty Woman*, а в России такая карьера среди женщин является пределом весьма разумных мечтаний). Телевизионщики делали симпатичным образ преступника, убийцы, но только не проститутки.

Так что от «идеологически правильной» передачи Mayflower категорически и гордо отказалась.

В итоге Mayflower была оштрафована на 5000 долларов и отпущена на свободу. Но в результате вторжения государства в интимную жизнь людей образцовый и идеальный эскорт-сервис перестал существовать.

Однако на смену ему пришёл другой, но уже на западном побережье Штатов, в Лос-Анджелесе.

Alex Adams, William Stadiem. **Madam 90210. My Life As Madam To The Rich And Famous. New York: Villard Books, 1993, 286 p.**

Алекс Адамс начала своё дело в зрелом возрасте, продемонстрировав свои деловые способности в управлении цветочным магазином. Замужем, дети. Приличная то бишь. И тут к Алекс обратилась одна из её клиенток и предложила купить её бизнес за небольшие деньги, так как собралась на пенсию, – а бизнесом оказался список девиц и их клиентов. После некоторых колебаний Алекс, как и Mayflower, решила предоставлять сексуальные услуги высшего класса. И тоже без всякого собственного проституточного опыта.

Сводничество по законам Калифорнии того времени являлось преступлением, за которое полагались обязательные три года тюрьмы. Какие законы сейчас в Калифорнии по этому делу, не знаю – противно узнавать, – уверен, что ещё строже. То есть творить добро – способствовать встрече мужчины и женщины для взаимного удовольствия и пользы – запрещено. Сексуальное наслаждение в США добром не является.

Закон будет милостивее к сутенёру, избивающему проститутку, чем к мадам, которая относится по-матерински к своим девочкам. И причина в том, что мадам делает гораздо больше денег. Закон ополчается не на защиту женщин, а на женщин.

В Лос-Анджелесе всегда паслось огромное количество красивых девушек, приехавших туда, чтобы сделать карьеру в кино, музыке и прочем, но, пока чудо не случилось, они работали продавщицами, официантками и в прочей обслуге. Их можно было купить за 100–200 долларов в час, ибо всё, о чём они мечтали, – это суметь каждый месяц заплатить за квартиру и не голодать. Если одна из этих красавиц додумывалась и находила способ добраться до Alex Adams, то та начинала их продавать втридорога арабским шейхам и голивудским воротилам. То есть абсолютно то же тело, за которое вчера платили сто, сегодня продавали богачам за тысячи. Искусство Alex состояло во взвинчивании цен и обдирании богачей как лохов, а те от этого были только счастливы. Если такому богачу предложить эту же бабу за сто, то он просто оскорбится.

Не ебля развращает женщин, а искусственно поднятые на них цены. Когда платят большие деньги за одежду, то потому, что она делается по специальному дизайну, из тщательно выделанных тканей, вручную и пр. Когда платят большие деньги за машину, то она тоже делается по спецдизайну с ультраудобствами и

супертехническими характеристиками. Когда же платят большие деньги за проститутку, то это потому, что она надела дорогую одежду и приезжает в дорогой машине. То есть ты платишь большие деньги не за проститутку, а за то дорогое, что она купила себе на твои же деньги и деньги других клиентов. Потому дороговизна проститутки – это понятие, впечатываемое в мозг богатого мужчины, чтобы он с лёгкостью отдавал большие деньги не за женское тело, а за вещи, которыми это тело пользуется.

Когда в конце семидесятых и восьмидесятых арабские шейхи стали отарами ездить в Штаты, они заказывали проституток пачками и заваливали их деньгами. Алекс решила поднять цену на своих девочек и для американских заказчиков. Кое-кто выказывал опасение, что американцы забастуют. Но они не только не забастовали, а молча и радостно стали платить больше. И впрямь, для мультимиллионера – какая разница 500 за час или 1000? Алекс никогда не теряла заказчика из-за повышения цены. Она знала физиологию мужчины: «Стоящий хуй не реагирует на цены». В теле мужчины недостаточно крови, чтобы одновременно заполнить мозг и хуй.

Все голивудские знаменитости, которым, казалось бы, все бабы должны отдаваться бесплатно, были счастливы платить и переплачивать за проституток, потому что ебля с ними не налагала на них никакой ответственности. Кроме того, всем им, кто на виду, надо делать вид, что они находятся в моногамных браках и до усёру любят своих жён, поскольку если они станут заводить любовниц, то это сразу станет известно жадным до сплетен журналистам и вся их карьера ёбнется из-за подлой публики, которая хочет видеть своих идолов высокоморальными. А с проституткой, которую поставляла им Алекс, всё было шито-крыто. Красивая баба на пару часов – что ещё надо мужчине? А деньги они всё одно не считают – что им: тыща сюда, тыща туда. У Алекс были клиенты, которые покупали у неё проституток в год на сотни тысяч долларов.

Кроме того, если знаменитого актёра застукают с любовницей, то жена с радостью подаст на развод, ибо автоматически получит половину состояния мужа. Калифорнийцы нашли определение алиментам: «Она тебя ебёт за то, что ты её ебал».

Так что богачам надо беречь семью, а потому проститутка опять же является Спасительницей (опять же см. моё эссе в «кирпиче» «Чтоб знали!»).

Один из клиентов Alex, знаменитый кинорежиссёр, встречался с проституткой в дешёвом мотеле, чтобы не привлекать к себе внимания. С той же целью он ездил на «хонде»,

отказавшись от «мерседеса». Войдя в номер, он задирал девице юбку и лизал пизду минут десять. Потом он вытаскивал член из брюк, отказываясь их снимать, так как он всегда торопился. Девица брала член в рот, и через пять движений вверх-вниз он выплескивается. За двадцать минут она получала от режиссёра 500 долларов. Какая баба, если она не сумасшедшая, откажется от таких лёгких денег?

Когда, отлизав, режиссёр начал сожалеть, что девица не кончила, она его утешила:

> – Я ведь в прошлый раз кончила два раза.
>
> Клиент воспрял духом: – Да?
>
> И проститутка издевательски пояснила:
>
> – Первый раз, когда ты мне заплатил, и второй раз, когда я эти деньги потратила.

И клиента эта издёвка только возбудила, как удар плёткой, на который он напрашивался. Ну как таких мужиков не обдирать как липку?

> Как бы самоуверенно и неотразимо ни выглядел актёр на экране, актёры – это самые не уверенные в себе люди, особенно в постели, —

утверждает Алекс. Потому они и обращались к ней.

Богатейшие мужчины так же боятся женщин, как мужчины бедные, и свой страх пред ними они выражают готовностью платить деньги, которых женщины совершенно не заслуживают.

У Алекс была иная заповедь для проституток, чем у Нелл:

> Никогда не удовлетворяй клиента полностью – чтобы он всегда хотел встретиться с тобой ещё.

Если Нелл учила, что проститутка становится рабой клиента на купленное им время и удовлетворяет все его желания, то в школе Алекс проститутка старается сделать клиента рабом с помощью неудовлетворения всех его желаний и прочих оттяжек и выжиманий денег.

Но самое забавное, что, какой бы «школы» ни придерживались проститутки, они всегда пользуются спросом и находят клиентов, которые будут радостно платить, лишь бы добраться до их тела.

Если один из владельцев эскорт-сервиса заключал контракт, по которому он брал комиссионные со всех встреч его девицы с клиентами, то Алекс брала только с первой встречи, потому как

если девица умудрялась назначить второе свидание с клиентом, то это благородная Алекс считала её личной заслугой, и девица брала всё себе. Алекс рассчитывала на то, что её клиенты всё время хотят новой пизды, а за новой они всё время обращались к ней.

В итоге, несмотря на двадцатилетние добрые отношения с полицией, Алекс взяли за сводничество. Она утверждала с полным основанием, что работающие в полиции нравов испытывают оргазм только тогда, когда они кого-нибудь арестовывают.

Успешное предприятие Алекс закончилось в 1993 году судом, но она избежала тюрьмы.

Эстафету у неё переняла её бывшая работница пизды – Heidi Fleiss.

Один её клиент говорил о Хайди, что мышцы её влагалища сильнее бицепсов Шварценеггера.

> **Pandering by Fleiss, Heidi; Los Angeles: 1 Hour Entertainment, 2002.**
> **(Страницы не указаны.)**

Heidi любила ебаться, но гораздо больше она любила деньги. Красотой она не блистала, а лишь наглостью. И она тоже решила сделать самый лучший эскорт-сервис (эксклюзивно-элитно-виповский – чтоб в России поняли, о чём речь).

Heidi тоже философствовала:

> Когда девушка совокупляется за деньги, большинство людей называют это проституцией и считают такое поведение отвратительным. В действительности это является проявлением заботы и сочувствия со стороны клиента. Плата означает, что мужчина заботится, чтобы счета этой девушки были оплачены, он хочет, чтобы у неё имелись красивые вещи, такие как одежда, машины… вещи, которые делают её жизнь легче…

Идея Heidi всё та же: брать 1500 в час, а не 35. Она чертит в книге две наглядные таблицы, где сравнивает, что девица получает в каждом случае – как гнусен мотель, где баба берёт 35, и как прекрасен, где она делает то же самое за 1500. Таблица полнится подобными противопоставлениями. Арифметика простая: чтобы заработать 1500 долларов, бабе, берущей 35, приходится переспать с 40 мужиками, тогда как дорогой бабе – с одним. Таким образом, мужчина покупает силы и внимание

женщины, выторговывая её у очереди мужиков.

Уже середина девяностых, а в Америке всё по-прежнему: полиция прикладывает нечеловеческие усилия, чтобы арестовать и осудить проституток и владельцев эскорт-сервисов, тогда как серийные убийцы женщин выпускаются на свободу и ловить их у полиции не хватает средств.

Heidi сумела проникнуть в недра самых богатых мужчин и стать чрезвычайно успешной. Но и у неё были свои специфические круглосуточные проблемы. Так, например, будят её в 3 утра: семь девушек, которых она послала развлекать богача, никак не могут разделить между собой миллион долларов, который они получили как чаевые от этого клиента.

Или звонит клиент, которому за любые деньги немедленно нужны две девушки.

Или девица, которую она послала в Грецию к клиенту, прилетела в аэропорт и не может найти лимузин, который должен был её встречать.

Другая девица вернулась из трёхнедельной поездки с богачом. Вернулась с 80 тысячами долларов. И, что самое интересное, за всё время она лишь один раз ему отсосала. Вот пример истинного разврата, такого, за который этих богачей надо экспроприировать. Это надо же? – выбросить такие деньги на одну, когда за них он таких блядей сотню мог поиметь.

Но, как и во времена Нелл, несмотря на огромные деньги, которые делали девицы, они всё равно умудрялись их сразу растратить и всё время просили в долг у Хайди. Проститутки – это женщины, которые не умеют копить деньги. Постоянно оставаясь без денег, они, по-видимому, находят в этом себе оправдание и стимул для продолжения занятий проституцией.

И как повелось – все были счастливы: и девицы, и мужчины. Девицы получали «порши», дома, драгоценности и даже предложения замужества. Мужики изливались или изгалялись.

Но пришла пора и взяли Хайди. Да ещё посадили в тюрьму на пару лет за то, что она выдала имена нескольких знаменитостей, которые пользовались её услугами, а это многим не понравилось. Вот и села, вместо того чтобы отделаться штрафом и условными сроками, как её предшественницы.

Хайди пытается объяснить причины античеловеческих американских законов:

> Мужчины сковывают женское тело законами, потому что они знают, что власть женского тела слишком велика.

Наверно, так и есть, но легче от этого не становится.

* * *

Вот они, представительницы бесконечной череды женщин, продававших великое и освобождающее наслаждение. Разные женщины, занимавшиеся одним большим делом, стараясь достигнуть в нём совершенства вопреки притеснениям и преследованиям со стороны тех, кто тайно хотел бы воспользоваться их услугами, да был слишком слаб, зол, беден.

Но только Голди, Нелл Кимбэлл, очаровала меня своей восхитительной красотой и… своим отношением к делу.

> Когда я оглядываюсь назад – а в другом направлении я сегодня смотреть не могу… —

так старая Нелл Кимбэлл начинает свои воспоминания. А если бы Нелл всё-таки взглянула вперёд, то она увидела бы меня и тысячи других, кто с упоением познавал её восхитительную жизнь.

Впрочем, сейчас, я уверен, она смотрит на нас под не ведомым нам углом, с горних вершин. Взирает.

Умелая красавица, соблазнительная умница Голди – I love you. I want to deal with you[9].

Воздухонепроницаемые

***Jenna Jameson with Neil Strauss.* How to make love like a porn star: a cautionary tale. New York: ReganBooks, HarperCollins, 2004. 580 p. ISBN 0-06-053909-7.**

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2005. № 125.

Дженна Джеймсон, знаменитая звезда порнофильмов (вот где пригодится просящаяся рифма к слову «звезда»), посвятила книгу воспоминаний своей матери, которая умерла от рака, когда Дженне было лет пять. Мать Дженны была красивой женщиной, которая в ранней молодости выступала в кордебалете одного из шоу в Лас-Вегасе, и именно по её стопам начала идти юная Дженна. Но зашла она значительно дальше, знаменуя тем самым благодатный прогресс поколений.

Обыкновенно воспоминания пишутся на исходе жизни или после достижения огромной славы. Однако Дженне на время выхода книги было лишь 30 лет, а славы она достигла только среди изготовителей и потребителей порнографии. Впрочем, если учесть недавние исследования о повсеместном и поголовном потреблении порнографии, то славу Дженны можно счесть вполне громкой, чтобы привлечь внимание читателей к её мемуарам. К тому же, прочтя эту книгу, я понял, что за свои первые 30 лет Дженна уже прожила несколько женских жизней и ей есть чем поделиться.

> Лучший метод приступать к чем-нибудь новому – это двигаться маленькими шажками, —

учит Дженна. Но она за свои тридцать лет шла по жизни шагами, которые для большинства людей покажутся семимильными.

Доказательством сему является и то, что печатать её мемуары взялось одно из крупнейших и весьма респектабельных издательств Нью-Йорка и рецензии на эту книгу появились в не менее респектабельных и крупных изданиях вроде *New York Times.*

По-видимому, по этой же причине книга оказалась закупленной сетью публичных библиотек Миннеаполиса в отличие от других книг, начисто отсутствующих в библиотеке, написанных порнодеятелями, книг, краткий перечень которых я привожу ниже.

(А вот замечательная иллюстрация того, как американское

общество терпимо и даже благосклонно к жестокости, изображаемой в книгах, кино и пр., и как нетерпимо и негативно оно относится к сексу.

Библиотека не пожелала закупить книгу о работе порнобизнеса (*Lights, Camera, Sexl*), но зато закупила во множестве экземпляров книгу о жестокостях войны (*Lights, Camera, War*). Что делает эту иллюстрацию яркой, так это почти полное совпадение названий двух книг, написанных разными авторами и изданных разными издательствами.)

Факт наличия книги Дженны в библиотеке, а вовсе не мой интерес к американскому порнобизнесу (вся разрешённая законом порнография в Америке до омерзения политически корректна), побудил меня взяться за её прочтение.

До ознакомления с рецензиями я о Дженне и знать не знал, хотя, быть может, и видел её тело, которое мелькало на обложках большинства мужских журналов, не говоря уже про Интернет и видео.

Мне также представляется, что эти воспоминания, поданные как «a cautionary taie» (предостерегающие), претендуют на благотворно воспитательное значение, и потому моральные стражи в издательстве и в библиотеке смотрели на них более снисходительно.

Вот я и попытался (уже многократно перевоспитанный и аморально устойчивый) вывести из этой книги предостерегающие или вдохновляющие для себя уроки.

Толстенная книга наполовину состоит из фотографий Дженны. У всех поз – единственный обманный смысл (о котором ниже): «Возьми меня, я – твоя». Причём красный крест имеет на фотографии смысл не медицинский и «скорой помощью» не является, а бравирует смыслом человеконенавистническим, ибо перечёркивает самую гуманную и самую божественную часть тела женщины. Это чтобы, не дай бог, дети не увидели… Желающие узреть детальные подробности восхитительной анатомии Дженны могут посетить её сайт, вложить деньги в её благосостояние и тем самым купить для себя ещё одну недостижимую мечту (см. http://www.clubjenna.com или http://jennajamesonclub.com).

Отец Дженны, по её утверждению, хронически мало обращал на неё внимания и был удручающе, а часто устрашающе для маленькой девочки эмоционально холоден, и это несмотря на то, что он глубоко и преданно любил её мать. После смерти жены, которая произошла в нестерпимых мучениях, отец предоставил Дженну и её старшего брата Тони самим себе или своим женщинам, в которых он искал утешение, а сам погружался либо в работу, будучи полицейским, либо в преступления и бегство от

погонь после того, как он ушёл из полиции.

Дженна, как и всякая дочка, жаждала любви и ласки от своего отца, но так и не дождалась и стала утолять свою жажду при помощи всех самцов подряд, предельно обнажаясь, лишь только у неё выросли грудь и зад. С этих самых 13–14 лет она ходила в облегающих маечках без лифчика, в коротких штанишках и была счастлива, когда её провожали глазами мужчины. Благо, погода в Лас-Вегасе позволяла ей демонстрировать своё голое тело круглый год.

В шесть лет с помощью струи джакузи Дженна случайно впервые испытала оргазм. После этого события она долго тренировалась, чтобы достичь того же ощущения пальцем. Прекрасно освоив способы добычи оргазма в одиночку, Дженна в четырнадцать рассталась с ненавистной ей девственностью. Мечтала она об этом давно, но духа не хватало дать, а точнее, не находилось парня покрепче, чтобы сломать её инстинктивное сопротивление, пока один толковый девятнадцатилетний не напоил её и не взял пьяную. Когда Дженна проснулась и увидела своего первого мужчину спящего рядом, а простыни под ней все в крови, она только обрадовалась, что наконец избавилась от препоны и теперь для неё открылся мир, женский мир. Так как её созревание происходило без материнской опёки и в основном без женщин (пара мачех не в счёт, так как контакта с ними не возникало), Дженна пишет, что ей даже в голову не пришло, что с ней произошёл классический случай date rape (изнасилование во время свидания). И она с воодушевлением продолжала ебаться со своим первым мужчиной, пока не стронулась с цифры один.

Вот пример здорового отношения к потере девственности и к ебле в пьяном, бессознательном состоянии во время свидания – так как ей не задурили голову, что это плохо и ужасно, Дженна радовалась происшедшему, а не впала в панику и не побежала в полицию. Ей повезло не испытать подлых натаскиваний на преступность ебли пьяной, без обязательной женской отмашки «да, еби». Урок для девиц незатейливый: «Не пей, коль не хочешь быть ёбанной в пьяном состоянии, а ебись трезвой с наслаждением».

Но критерий добра один: всё хорошо, что хорошо кончается. И коль кончается оргазмом, то это хорошо. А значит, элемент разумного насилия (то есть не приносящего увечий и боли) необходим, особенно с юной девушкой или с малоопытной женщиной, которые сопротивляются не по желанию, а по невежеству. Можно потратить дни, недели, месяцы на то, чтобы самку постепенно приучать к мысли о той или иной ебле, а можно всё это значительно ускорить с помощью, как я только что

сказал, разумного насилия, которое должно оправдываться обязательным доведением самки до конечного наслаждения и таким образом окутывать отсветом «хорошего» само разумное насилие, делая его тоже «хорошим».

Дженна в течение юных лет делала татуировки на разных частях своего тела. Среди татуировок были имена особо запавших в сердце любовников. Сама идея татуировки – это, с моей точки зрения, знак склонности к самоистязанию, а самоистязанием Дженна занималась значительную часть жизни, и одним из главных было потребление наркотиков. Всё началось с татуировки, которой она в 15 лет решила себя украсить, чтобы на неё ещё пристальнее смотрели мужчины, и татуировщик Джек, которому было за двадцать, положил на неё глаз и в конце концов – хуй, поскольку в итоге бросил её, умирающую от наркоты.

Когда Дженна первый раз не явилась домой на ночь, а отец резко на это среагировал, она ушла из дома жить к своему татуировщику, который был поначалу рад вкусить красивого юного мясца. Он-то и пристрастил её к наркотикам. Дженна, без друзей и без контактов с родственниками, стала полностью зависима от своего хахаля и добываемого им зелья. Между тем Дженна решила, что пора использовать своё тело для добычи необходимых денег.

Добыча началась с изнурительной и плохо оплачиваемой работы в кордебалете в одном из казино Лас-Вегаса – Дженна пыталась подражать своей матери и продержалась там пару месяцев, но не вынесла нагрузки – ей всё ещё 15–16, но она лжёт, что 18.

Так как жизненной задачей Дженны было привлекать внимание к своему телу как можно большего числа мужчин, то вполне логическим ходом оказалось заняться стриптизом, где можно было заработать гораздо больше денег и с меньшими усилиями, чем в кордебалете. На эту деятельность её вдохновлял Джек-татуировщик, жаждущий поживиться её доходами, ибо к телу Дженны он быстро привык и стал им пренебрегать. А Дженна была настолько под влиянием его гнусной личности, что даже представлялась не по имени, а как «подружка Джека».

Дженна солгала менеджеру популярного стриптиз-клуба, что ей 18, и тот дал ей шанс попробовать себя. Этим шансом Дженна воспользовалась на полную катушку. Ей доставляло восторг дразнить своим телом мужчин, глядящих на её постепенно увеличивающуюся наготу.

Незаурядность Дженны проявилась с самого начала: она поставила себе цель – стать самой лучшей стриптизёршей. Каждый вечер, возвращаясь с работы, она анализировала своё

выступление и пыталась придумать приёмы, с помощью которых можно было бы ещё сильнее возбудить мужчин и выжать из них ещё больше денег. Дженна хотела так завести всякого зрителя, чтобы он побежал к cash machine[10], вытащил последние деньги и прибежал бы обратно отдавать деньги ей.

В этой профессии существует немало трюков, на которые легко попадаются «мужественные мужчины». Когда клиент предлагал угостить Дженну коктейлем, то, по предварительному сговору с официанткой, клиенту подавался исключительно крепкий коктейль, тогда как для Дженны – разбавленный и слабый – таким простым способом клиента доводили до кондиции, когда он легче расставался со своими деньгами.

Вскоре Дженна добилась своего и стала лучшей стриптизёршей в клубе – она зарабатывала до четырёх тысяч долларов за вечер. Те, что грудились у сцены, заваливали сцену, на которой она танцевала, мелкими купюрами, от одного до десяти долларов. Но находилось немало богатых недоумков, что платили пятьсот или тысячу долларов, а то и две, лишь за то, чтобы она лично перед ними потанцевала, тыча им в лицо свои бёдра и груди. А ведь за такие деньги эти клиенты могли купить высокую и животрепещущую кучу баб не хуже Дженны, которые бы перед ними не только танцевали, но и опрокинулись бы навзничь, раскидав ноги по сторонам, позволяя клиенту в любой момент перейти к славным тактильным ощущениям от ущербных зрительных. Я могу лишь заключить, что ебля этих мужиков либо не интересовала (тогда Бог абсолютно прав, направляя их семя в землю, в штаны, в унитаз, но не в женское лоно), либо по какой-то причине ебля их страшила (и в этом случае Бог абсолютно прав – на хуя нам потомство от больных еблефобией – только народу гены портить).

Тут уместно воскликнуть: «О безумное перепроизводство сперматозоидов! Боже, как непостижимо щедр ты на жизнь и как непостижимо безжалостен ты с нею!»

Когда я впервые в жизни (в 29 лет) увидел хвалёный стриптиз, он меня так возмутил своей подлой лживостью, что я до сих пор питаю к нему отвращение и никогда в стриптиз-клубах больше не появлялся. Я думаю, что стриптиз-клуб – это самое позорное место для мужчин. Стриптиз хорош лишь в одном случае – как увертюра к ебле со стриптизёршей. Но если ты её ебать не можешь или не смеешь, а ходишь лишь поглазеть, то ты просто демонстрируешь свою немощь и глупость. Тем не менее ходить в стриптиз-клуб, по непостижимым для меня причинам, считается мужественным.

Отношение Дженны и её соратниц к посетителям их клуба

было вполне соответствующим моей позиции:

> они были тупы, они были пьяны и заслуживали это. Если вы делаете нас жертвами своих прихотей, то мы сделаем вас жертвами наших. Так что мы – квиты.

Больше всего Дженне было по душе, что она зарабатывает такие огромные деньги, не беря на себя никакой ответственности перед теми, кто ей платит. То есть она раздвигает ноги и ягодицы, но на безопасном для рук и тем более хуёв расстоянии.

Максимум, что позволялось в процессе lap dance (имитация танца стриптизёрши, елозившей на коленях у клиента), – это потереться о него своей грудью, но произойти это могло только во время так называемого «индивидуального танца», за который платились большие деньги. Причём не во время первого танца, а третьего-четвёртого (а за каждый надо было платить отдельно) – ведь первый танец исполнялся на большом расстоянии и цель его была в том, чтобы раскочегарить мужика на второй танец, в котором Дженна приближалась к нему чуть ближе, и на каком-то сумасшедшем платеже за очередной танец Дженна уже могла прикоснуться задом к платежеспособному клиенту. После таких танцев, – *пишет она*, – мужик шёл домой и уябывал вусмерть свою жену или задрачивал себя до посинения.

Из этой фразы можно бы сделать благожелательный и оправдательный для клиентов вывод, мол, якобы они не хотят изменять своим жёнам и ходят на стриптиз, чтобы невинно повозбуждаться, но ебут они, верные, только свою жену. Но вся эта вымученная верность их выеденных яиц не стоила – если бы Дженна не только развела перед ними ноги, но и дала бы команду: «еби». Верные (не жене, а своему хую) клиенты бросились бы кто как мог исполнить её повеление, начисто позабыв о своих жёнах. Так что на жён они если и накидывались, то не из верности, а из-за того, что не могли выебать Дженну.

Став звездой стриптиза, Дженна (а ей едва стукнуло 18) учит новенькую:

> Это всё ненастоящая жизнь – это игра, мощная игра по наябыванию.

Отчего же? – возражу я. – Это вполне настоящая жизнь, но с повышенной концентрацией иллюзий. А иллюзии – это и есть наябывание.

Попутный вопрос: зачем женщина, любящая своего мужа и верная ему, накладывает косметику и старается выглядеть

сексуально привлекательной, выходя на люди, даже тогда, когда муж её не сопровождает? Более того, она для мужа дома вообще косметикой не пользуется, но, уходя из дома на работу или ещё куда, жена намазывается до неузнаваемости. Красивой неузнаваемости. Почему она обнажается, носит декольтированные платья, открывает руки и ноги, не для мужа, а для всего честного народа?

Попутный стандартный ответ: эта верная жена «хочет выглядеть привлекательной». Но смысл этой обтекаемой фразы очевиден, если пошевелить хотя бы одним мозгом: она хочет выглядеть сексуально привлекательной для всех мужчин. Эта верная жена искренне не намеревается заводить любовников – она ведь мужа любит, но подсознательно она хочет всех мужиков держать в состоянии готовности её ебать. Кроме того, она не просто старается привлечь мужиков, но и продать себя подороже. Цена на одну и ту же женщину без косметики и с нанесённой косметикой разнится в сотни раз.

Таким образом, не сама женщина становится мечтой, а то, как выглядит её раскрашенное лицо. Вложив в женщину 100 долларов косметики, её можно продать за несколько тысяч долларов, тогда как без косметики она уйдёт максимум за сотню. Чем не выгодное вложение денег для любого сутенёра? А сама женщина только на этом доходе и строит свою жизнь. Она не выйдет из дома ненамазанной. И не важно, что женщина, любящая мужа и верная ему, не продаётся в данный момент – она смотрит вперёд и хочет установить себе репутацию дороговизны на случай, если придётся себя выставить на продажу, устроив аукцион среди самцов, жаждущих её ебать.

Нечто аналогичное делает и стриптизёрша – она тоже накосмечивается и оголяется, чтобы дразнить, чтобы держать мужиков на взводе, всегда готовыми излить в неё семя. Но образ стриптизёрши несёт в себе более обоснованную надежду на еблю, ибо всё происходит в специально отведённом месте, где пекутся сексуальные фантазии для мужиков, тогда как намазанная и полуобнажённая «верная жена» идёт по обыкновенной улице, охраняемая приличиями. А вот стриптиз-клуб – это место, где концентрация надежды повышается до такого уровня, после которого самцы готовы платить за продление жизни этих надежд.

Это не важно, что «верная и любящая жена» хочет всегда и для всех выглядеть сексуально привлекательной, не сознавая это, – большая часть нашей жизни вершится неосознанно. Но смысл женского желания – всегда на людях выглядеть соблазнительно – говорит лишь о том, что идея верности женщине исконно и генетически чужда (как и мужчине). Будь это

иначе, жена ходила бы дома вся намазанная и в соблазнительных шмотках, а на люди выходила бы лахудрой, какой она на самом деле ходит дома перед мужем.

Дженна убеждает, что была верна Джеку в течение всех своих стриптизных занятий и ни одного мужчину не выебла, – обнажая своё тело, она оставалась невинной и любящей единственного мужчину женщиной.

Дженна обучила новенькую хитростям стриптиза, а новенькая обучила Дженну лесбийской любви – здесь Дженна изменила Джеку, если связь с женщиной можно назвать изменой мужчине.

На протяжении многих страниц Дженна описывает различия между спецификой любви к женщине и к мужчине, и в течение последующих лет она многократно принимает решение отказаться от мужчин в пользу женщин, но это решение, как и многие другие, ею не выполняются. Однако самые главные свои решения вроде отказа от наркотиков ей удаётся воплотить в жизнь, правда, из последних сил, будучи на грани смерти, но всё-таки удаётся. Тем не менее через несколько лет наркотики снова берут своё, и её борьба возобновляется – к концу книги фиксируется очередной этап победы Дженны над наркотиками.

Несмотря на то, что на момент написания книги Дженна вроде бы уже наркотиков не принимает, она описывает свою девичью, полную наркотиков жизнь, не с новыми чувствами тридцатилетней женщины, покончившей с зависимостью, а с чувствами того, прежнего, наркотического периода – она испытывает гордость типичной наркоманки, удерживающейся от иглы. Она пишет о себе:

> Хорошие девочки только вдыхают, а не колются.

То, что ей удалось удержаться от иглы, делает для неё вполне приемлемым вдыхать наркотики.

Жутковато читать бредятину наркоманки, убеждающей себя, что она в состоянии контролировать своё потребление наркотиков, в то время как она переставала есть и превращалась в скелет. А потом она доказывает свою власть над зельем: чтобы быть в состоянии позировать для порнофотографий, она аж целые две недели не пользовалась наркотиками и ела до отвала, чтобы набрать вес. А потом, отснявшись и заработав денег, она опять погрузилась в наркоту, от которой чудом не умерла.

Всё это говорит лишь о том, что Дженне ещё предстоят тяжёлые битвы со своей зависимостью, несмотря на happy end[11] в её книженции, куда она втискивает и такую многообещающую фразу:

> Говорят, что время залечивает все раны. Наркотики делают это ещё быстрее.

Тони, единственный и старший брат Дженны, тоже по-крупному сидел на наркоте и занимался грабежами, но ему удавалось не попасться. Контакты с ним у Дженны прекратились, как и с отцом, и она была вся сконцентрирована на своём хахале, который поставлял ей наркотики. Потому Дженна держалась за него обеими руками и ногами и грудями, несмотря на постоянные ссоры, скандалы и на его многодневные исчезновения – она была уверена, что безумно любит его и не может без него жить.

> Личные отношения странны, – *пишет Дженна*, – потому что они не подчиняются логике. Вместо того, чтобы судить о них по фактам, мы оцениваем их по тому, что мы ожидаем от этих отношений.

Она всё ждала, что её хахаль Джек изменится. А он, на её удивление, становился всё хуже и всё глубже уходил в наркотики.

Все усилия Дженны направлялись на то, чтобы словить Джека на изменах, в которых она не сомневалась. Она устраивала слежки, обыски и прочую суету, чтобы доказать себе то, что она и так знала. Но её мозг был юн и задымлён наркотиками, а потому что же ещё было от неё ожидать.

Однажды Дженна пригласила свою знакомую присоединиться третьей, разумеется, по просьбе Джека. Дженна испытывала угрызения совести из-за того, что она изменяет ему с подружкой-стриптизёршей. Дженна хотела этой жертвой умилостивить бога справедливости. Её любовник сразу набросился на новое тело и через три движка туда-обратно вытащил хуй и переместился в Дженну, но та заметила, что перемещённый хуй весьма мягок. Дженна протянула руку к пизде подружки и почувствовала, что она вся залита семенем. И это взорвало Дженну – её любовник кончил так быстро в другую, будучи настолько возбуждённым новой пиздой, да и вообще, кончил не в Дженну. Она была так оскорблена, уязвлена и унижена, что устроила скандал и выгнала бедную невинную конкурентку. Дженну особенно задело, что последнее время Джек совсем её не ёб, а тут так разгорячился, что сразу кончил. И никак было Дженне не понять в год её совершеннолетия, что нет ничего нормальнее, как осточертеть своему сексуальному партнёру, когда живёшь с ним, и что точно так же нет ничего нормальнее, чем возбудиться хую от новой пизды.

Вот она, юная ревность (но и в тридцать она у неё та же), и нет никакой разницы между скандалом, устроенным из-за того,

что парень посмотрел на другую, и скандалом из-за того, что парень кончил в другую, – это всё одни и те же потуги утвердить монополию на сперму любимого самца. Но, по счастью, в природе установлены беспощадные антимонопольные законы с восхитительной конкуренцией всевозможных пизд и хуёв. Не говоря уже о задах. А как говорил вроде бы Френсис Бэкон: «Победить природу можно только подчиняясь ей».

Естественным шагом после стриптиза по пути зарабатывания денег и выказывания себя несоизмеримо большему количеству мужчин был шаг в мир фотографии – позировать обнажённой для порнографических журналов. Этот шаг Дженна без труда совершила, раз и навсегда преодолев глупенькие выдуманные моралью границы. Каждая из них, казавшаяся ей тараканищем, быстро оказывалась ничем:

> Раз – и нету великана:
> поделом таракану досталося,
> ничего от него не осталося.

(К. Чуковский. «Тараканище»)

Причиной начального никчёмного стыда был непривычный контраст: Дженна раздвигала ноги не перед голым любовником, а перед одетыми отстранёнными людьми. Если бы технические работники и фотографы были бы раздеты и со стоящими хуями, тогда бы Дженна чувствовала себя при деле и естественно. А то одетые люди вызывали у голой смущение. Одежда функционировала как укор. Не было круговой поруки обнажённости.

Сначала Дженне было стыдно снять трусики: танцевать с обнажённой грудью она уже привыкла, но без нижнего белья – нет, хотя Дженна описывает, как она находила thongs[12] с такими тонкими полосочками материи и как она их смачивала водой, чтобы они просвечивали, чтобы анус и пизда сияли сквозь них.

Здесь же, на фотосъёмке, она, видите ли, поначалу застеснялась снять трусики. Когда же она их всё-таки сняла, то вовсе не умерла, а радостно отснялась голенькой. Потом ей сказали, что настал черёд развести ноги. Это ей, бедной, ёбанной во все дырки, тоже было неудобно, но опять-таки развела и опять выжила.

Третий рубеж был славно преодолён, когда ей сказали show pink – покажи розовое – то есть разведи пальцами малые губы и покажи вход во влагалище. И это представилось Дженне поначалу неразрешимой задачей, но и с этим справилась без чьей-либо

помощи.

Главной причиной её стыда было то, что вокруг не еблись. Будь это оргией, тогда и ноги бы её разводились, и губы, а неудобство и стыд появлялись из-за противоестественности ситуации: ноги раздвигает, а никто её не ебёт. Вот она суть стыда: он возникает, когда ебля только мысленная, а не реальная, ведь стыд – это результат бездействия, ибо во время действия – не до стыда.

С другой стороны, стыд возникал из-за «художественности», то есть из-за противоестественности ситуации (а суть «художественности» и есть противоестественность) – демонстрация пизды не по назначению: не для ебли, а для холостого показа во имя красоты и, следовательно, провокации желания.

Ещё одной причиной смущения Дженны была безэмоциональность фотографа, его молчание во время съёмок – он не произносил ни слова одобрения, не давал никакой обратной связи, и Дженна опасалась, что она показывает свою розовую плоть недостаточно или что её плоть недостаточно розова. Таким образом, стыд существовал из-за недостатка внимания к её телу – недостатка опять-таки противоестественного для Дженны, когда она привыкла, что зрители её стриптиза трепетали, глядя на неё, даже не видя розового, а тут ни похлопывания по плечу или по жопе – неудивительно, что от стыда пизда не розовой, а красной станет.

(Будем же помнить, что на этом жизненном этапе Дженне всё ещё восемнадцать лет.)

В результате успешности фотосъёмок (к девятнадцати годам её пизда стала красоваться в большинстве порножурналов) у Дженны возникло новое утешение от наркотиков и от депрессии – знание, что половина мужского населения США дрочит, глядя на её фото.

> Я смеялась над ними всякий раз, едучи в банк, чтобы вложить деньги, —

радуется Дженна. Наглядным доказательством её популярности оказался мужик, который доставлял ей на квартиру заказанную в ресторане еду, – однажды он увидел Дженну на обложке журнала, узнал её и, когда в очередной раз принёс еду, хотел её изнасиловать. Дженна завизжала, напугала мужика, который в страхе убёг, а потом жила в ужасе, боясь выходить из квартиры.

Вот он, проблеск необходимой ответственности за обещание, данное разведёнными ногами.

После фото, естественно, последовало кино. (Помните Ленина? —

> самым важным из искусств является [*порнографическое*! – *М. А.*] кино.)

Чуть Дженне исполнилось двадцать, она решила сделать себе искусственные груди, которые необходимы для порнофильмов, где, чем больше грудь, тем выглядишь порнографичнее. А груди у неё были и так немалые. Но потом Дженна заявляет, что якобы сделала это, чтобы привлечь внимание её хахаля Джека, который ею давно объелся и лез в новые пизды, нашпиговывая себя наркотой.

Чуть грудь зажила после операции, как Дженна стала её выказывать всем подряд (опять-таки якобы как месть Джеку), но в то же время она объясняет новое состояние бесстыдства, которое рождается из ощущения, что искусственная грудь воспринимается не как своя, а как нечто чужое, приделанное, и потому искусственную грудь проще выставлять напоказ не смущаясь.

Для того чтобы сниматься в порнофильмах, девушка должна иметь крепкую психику и голову на плечах.

> Ежедневно твою жизнь все вокруг подвергают сомнению и даже ты сама начинаешь сомневаться. Так что если ты попадёшься в ловушку и начнёшь ненавидеть себя за то, чем ты занимаешься, то ты начнёшь в злобе нападать на себя и на всех.

Для психологической стабильности Дженне было важно получить одобрение от своих близких на съёмку в порнофильмах. Но все подруги и прочие так называемые близкие не одобряли её «ужасного» решения. Её ближайшая подруга, у которой Дженна жила в то время, даже прервала с ней из-за этого отношения, но через несколько лет эта подруга сама пошла в порнобизнес. Однако, несмотря на осуждение подруги, Дженна чувствовала своё призвание и предназначение в жизни. И тут Дженне удалось дозвониться и получить одобрение не от кого-нибудь, а от собственного отца. Он сказал:

> Я не могу сказать, что одобряю твоё решение, но я всегда буду поддерживать тебя.

И – понеслось!

Дженна стала сниматься в фильме за фильмом. Но установила для себя границы: анальным сексом не занималась

(одна из форм женской гордости) и сама выбирала себе партнёров. Да и вообще, за всю свою порнозвёздную карьеру она якобы имела только около 15 партнёров. То есть практически – девственница.

Дженна перечисляет три условия для того, чтоб женщине успешно работать порнозвездой:

1. Вовремя являться на съёмки.
2. Не принимать наркотики.
3. Не выходить замуж и не иметь любовников (ревнуют, мешают, присваивают деньги).

Несмотря на свой ограниченный репертуар, Дженна вызвала преданную любовь потребителей порнографии, которая, казалось бы, немыслима без анального секса в той же мере, как романтическая любовь без сердечных страданий. По-видимому, её противостояние анальному сексу должно являться ещё одним доказательством незаурядности Дженны.

Дженна категорически отрицала какое-либо влияние тяжёлого детства на её выбор профессии.

И действительно, большинство женщин, детство и юность у которых были полны трагедий и неприятностей, не стали работать в порнобизнесе. Они стали ничем, неврастеничками, депрессантками, никому не известными существами, просто несчастными или просто счастливыми, несмотря ни на какие страдания. А сколько женщин, у которых было счастливое детство и которые, несмотря на это, стали наркоманками и чёрт знает чем. В связи с этим Дженна утверждает, что карьеру порнозвезды она выбрала осознанно без всякого давления со стороны, даже вопреки давлению – и счастлива своим выбором. А сексуальные, трагические и прочие события детства важны не сами по себе, а тем, насколько правильно ты можешь к ним относиться и как ты сможешь их пережить, что определяется твоими родителями, твоей генетикой, твоим образованием.

Дженна доверительно сообщает, что быть порнозвездой – это профессия, в которой работаешь мало, а получаешь много. И кроме того, несмотря на то, что люди считают порнографию оскорбительной и унизительной для женщин, тем не менее это именно та профессия, с помощью которой женщина обретает небывалую сексуальную власть над мужчинами.

Дженна итожит: So, fuck Gloria Steinern. А Глория эта – одна из самых знаменитых феминисток, которые со слюнявым ртом (пизда-то уже от старости высохла) выступают против порнографии, унижающей и эксплуатирующей женщин, тогда как,

будучи молодой и красивой, сама позировала для *Плейбоя*.

Если посмотреть на порнографию с единственно верной стороны, то она унизительна не для женщин, которые в полной безопасности и безответственности оттягиваются на своей страсти к экстремальному кокетству (показ не глубокого декольте, а всей груди, показ не коротенькой юбочки выше колен, а того, что между колен), – порнография унизительна только для мужчин, которые используют её для возбуждения в вынужденном одиночестве. Общество умышленно создало суррогат – порнографию, вместо того чтобы выдать мужчинам достаточно живых пизд.

Порнография тычет носом в то, о чём ты мечтаешь, и в то, что в подавляющем большинстве случаев ты никогда не получишь. Это издёвка над твоими святыми мечтами, над твоей исконной сутью. Для некоторых людей порнография может служить стимулом для воплощения этих вожделенных образов при общении с партнёрами или для самообразования в премудростях секса. Но для большинства мужчин потребление порнографии – это капитуляция, это самоунижение, это примирение со своей безысходной сексуальной жизнью, в то время как порнозвёзды получают за это издевательство огромные деньги. Таким образом, против порнографии следует выступать мужчинам, требуя не иллюзий, не видений, а доступной плоти женщин, в неограниченном обилии и разнообразии.

В связи с этим возникает вопрос об ответственности женщин за порнографию, за общенародный показ своей пизды и зада, да и всякого куска тела, обнажённого с единственной целью – имитации, фальсификации своей всеобщей доступности. Этот феномен можно сравнить с дачей обещаний и отказом от их выполнения. То есть речь начинает идти о женской необязательности.

Налицо тотальная непунктуальность женщин в порнографии, да и не только (у меня пунктик с пунктуальностью) – они обещают свою пизду всем, но выполняют обещание считанным. Понятие пунктуальности, обязательности и, если хотите, честности такое: либо не обещай, а если обещаешь, то выполняй.

Мужская «непунктуальность» в сексе связана с ограниченными физиологическими способностями мужчины, тогда как женская непунктуальность связана с ограниченными нравственно-психологическими способностями.

Дженна, например, могла выворачивать свою пизду наизнанку перед камерами, но вне съёмок вести монашескую жизнь (многомесячный период своей жизни в Лос-Анджелесе Дженна, снимаясь в порнофильмах, жила совершенно одна в

квартире, ни с кем не встречалась и никуда не выходила, заказывая еду на дом). А вот проститутки честно обслуживают всех, кто им платит, но не пытаются соблазнить весь мир, зная, что это им не по плечу, а точнее, не по пизде.

Проститутка – это по сути своей обязательная женщина: она даёт тело за оговорённую плату. Тогда как фотомодели, порнозвёзды и прочие дразнилки прячутся за свою недосягаемость и «кажут» пизды издалека, не неся никакой ответственности за своё провокационное поведение. Посередине находятся так называемые обыкновенные или нормальные женщины, которые дразнят самим своим существованием (как в басне у Ивана Андреевича Крылова:

ты виноват уж тем, что хочется мне кушать).

А посему женщины прежде всего должны обучаться ответственности за обещания, которые даёт их тело, вместо того чтобы винить мужчин за сексуальные домогательства и date rape.

Девушку следует обучать ответственности за обещания, которые раздаёт её тело. Она должна точно знать, что, чем больше она обнажается, тем больше она обещает, а обещания следует выполнять. Она должна осознавать, что если остаётся наедине с юношей и тем более с мужчиной, то должна быть готова к тому, что они оказались наедине не для обсуждений политических или поэтических проблем, а лишь для того, чтобы совокупиться, поскольку согласие на уединение есть согласие на разведение ног. Но самое важное – это научить девушку, что если случится ебля с применением некоторой, не увечащей её силы, то это не конец света, а его начало и для этого надо лишь быть оснащённой противозачаточным средством.

Тем временем Дженна становилась восходящей звездой американской порнокинематографии. В 21 год она получила множественные премии на Каннском фестивале порнофильмов – есть такой фестиваль в Каннах, альтернативный традиционному фестивалю фильмов без ебли.

«Лучшая актриса» Дженна здраво оговаривается:

лучшая, по сравнению лишь с моими коллегами.

Однако победа на Каннском фестивале делает её карьеру ещё более заметной.

В 22 года Дженна скрепя сердце вышла замуж за режиссёра-сценариста-коллегу-ёбаря, надеясь, что замужество чудесным способом изменит их отвратительные отношения. Критерием отвратительности можно считать то, что она сама купила себе

обручальное кольцо, так как «любящему» жениху было не до этого. Чуда, как водится, не произошло, и после свадьбы они тотчас отвратились друг от друга ещё бесповоротнее.

Самое интересное, что ухаживание будущего мужа Рода за Дженной начиналось с помощью ебли во время съёмок, но он ей так не нравился, что Дженна долго отказывалась от его предложения встретиться после работы. Таким образом, частушка

Парень девушку ебёт – хочет познакомиться —

оказалась в порнобизнесе совершенно серьёзной ситуацией. Как со всеми её мужиками, Дженна уступила упорству Рода и в конце концов убедила себя, что влюбилась.

Любые возникавшие отношения с мужчиной Дженна основывала на идее верности. Она утверждает, что ей не приходилось наблюдать счастливую пару, у которой бы были открытые отношения, то есть которые ебли в открытую других – мол, всё быстро оканчивалось болезненным разрывом, так как один, более влюблённый, не выдерживал неверности партнёра. Дженна продолжает утверждать, что отношения без верности – это ничто. Но при верности превращается в ничто сексуальная часть отношений, и это на себе постоянно испытывала Дженна, вставая на опасный путь верности и влача на него своего очередного возлюбленного. Каждый раз она упиралась в стенку, которой этот путь верности заканчивается – и где приводится в исполнение смертный приговор сексуальному трепету и восторгу.

Женитьба – это торжественное жертвоприношение секса во имя надёжности существования. Однако это жертвоприношение замаскировано моралью под свою противоположность – под якобы бесконечную дозволенную моралью еблю. Но именно она помирает в браке первой, в лучшем случае оставляя за собой детей, взаимоуважение, дружбу, сочувствие. Но у Дженны после свадьбы не осталось абсолютно ничего, и она, честь ей и хвала, сбежала от своего ненавистного мужа безвозвратно.

В рекламных материалах, сопровождающих книгу, и в собственных предуведомлениях Дженны многократно подчёркивается, насколько правдива история, ею изложенная. Но в книге много противоречий, которые лишь подтверждают ненадёжный характер Дженны (а у кого надёжный, по большому-то счёту?). Вот самый вкусный пример. Дженна описывает, как она скоропостижно спуталась с певцом Merylin Manson, который так увлекался анальным сексом, что ей становилось невмоготу. А в другой части книги она целомудренно заявляет, что анальный секс – это особое дело, которое она позволяла вершить над собой всего только трём мужикам, да и то якобы не раньше, чем через

ШЕСТЬ месяцев со времени знакомства (небось вела подсчёт дней, зачёркивая на календаре). А про проникновенного (в её зад) Marilyn Manson она в том месте подзабыла. Вот и верь после этого порнозвёздам.

Но я особо верить ей и не собирался – ведь известно, что люди любят приукрашивать себя, особенно если это проститутка, которая профессионально лжёт, придумывая душещипательные истории своей жизни, сочиняемые согласно натуре того или иного клиента. Более того – наркоманка, кои известны своей патологичной лживостью, основанной на желании скрыть свою наркотическую зависимость. Но даже если в этой книге правды лишь на треть, то и в этом случае автобиография Дженны представляет несомненный интерес, да и складно врать тоже надо уметь, пользуясь по назначению приставленным соавтором-редактором-цензором.

Можно выдвинуть протест против именования Дженны и прочих порноактрис проститутками. И тут возникает любопытная проблема идентификации и аутентичности проституции в области порнобизнеса.

Удивительно, что производство порнофильмов не относят к проституции. Ведь женщина ебётся за деньги, оговорённые в контракте, а это и есть определение проститутки. Но специфика совокуплений в порнофильмах состоит в том, что плата за еблю производится не тем, кто ебёт, а третьим лицом, не участвующим в совокуплении, – режиссёром. Ещё забавнее, что режиссёр не считается сводником, поскольку в данном случае, несмотря на то, что он платит деньги женщине для совокупления со своим клиентом (актёром), режиссёр не получает денег от актёра. То есть денежная цепь: клиент – сводник – женщина – разрывается и остаётся лишь одно звено: сводник – женщина. Сутенёр, которым можно назвать режиссёра, делает деньги на ебле своей (по съёмочному контракту) бабы и платит ей гроши по сравнению с тем, что берёт себе сам. Но опять-таки всё выскакивает из привычной схемы и становится недостижимым для закона потому, что мужик (актёр-коллега), который ебёт, деньги не платит, а получает. Порноактёр, кстати, тоже ебёт женщину за деньги (ему тоже платит режиссёр), что создаёт прецедент удвоенной проституции, оплачиваемой третьим, не участвующим в ебле лицом.

Таким образом, всё концентрируется не столько на женщине, получающей деньги за еблю, сколько на мужчине, платящим деньги за еблю. Но с Дженной в нескольких случаях работал партнёром в фильме сам режиссёр, то есть тот, кто платил ей зарплату за еблю с собой, и тогда круг преступления замыкался и

этого режиссёра и Дженну можно было брать как за проституцию, так и за сводничество. Как ещё не открыли этой лазейки борцы против проституции?

Успешно преодолев скованность, неудобство, стыд при фотографической съёмке своей обнажённой натуры, Дженна продолжает сетовать на психологическую сложность обстановки при съёмке порнофильмов: яркий свет, вокруг одетые посторонние люди, а тут надо, чтоб у актёра стоял, не присаживаясь, а женщина должна принимать в себя по-всякому да ещё имитировать наслаждение. «Тяжела ты, шапка Мономаха» – констатируем мы. Но я их этими шапками сейчас закидаю.

Мне представляется, что сложности возникают не из-за яркого направленного света и не из-за одетых посторонних людей, наблюдающих за еблей, – не это накладывает психологический груз на плечи и мозги ебущихся перед камерой. Когда я бывал на оргиях, то любители часто записывали происходящее на видеокамеру. Ярких юпитеров, конечно, не было, но было достаточно света, чтобы камера усматривала малейшие подробности соитий. Среди окружающих бывали ещё не раздевшиеся или уже одетые люди, которые с любопытством наблюдали за действом и даже подавали реплики, напоминающие указания режиссёра. На увлечённых еблей счастливцев всё это никак не действовало. И всё потому, что никто не играл в наслаждение, а все были в него погружены с головой: счастливчики не только часов не наблюдали, но и наблюдателей с видеокамерой. Им и мне было наплевать, снимают нас или нет, я был увлечён лишь партнёршами, их наслаждением и своим. Ни я, ни мои соратники не боялись быть заснятыми в оргии – работать в государственных учреждениях я не собирался, женатым я тогда не был, а забота о «репутации» меня лишь умиляла своей глупостью.

И женщины на этом общественно-полезном мероприятии, перейдя определённый уровень возбуждения, становились настолько одержимы приближением к оргазму или его повторению, что, как правило, не обращали внимания ни на камеры, ни на зрителей. Уверен, что некоторых, с эксгибиционистской жилкой, камеры лишь подзадоривали.

Таким образом причина, почему профессионалы в порнофильмах часто испытывают психологическое напряжение, состоит в том, что в процессе съёмок мало похоти, которая ослепляла бы участников. Дженна описывает случаи, когда её партнёр бывал ей весьма угоден, и ею овладевала похоть – тогда ни о каких психологических напряжениях речи не возникало. Поэтому решение проблемы заключается в увеличении чувств,

ощущений, искренности участия, то есть в максимальном приближении порнофильмов к reality show, документальным фильмам – съёмкам истинных совокуплений любовников, обуянных похотью, а не актёров, которые вызывают отвращение или просто не испытывают никакого влечения друг к другу. Похоть ослепляет, и потому ебущимся в похоти не видно, что творится вокруг. Естественно, речь идёт о так называемых порноактёрах, которые в принципе расправляются со стыдом легко. А потому их нужно не заставлять играть (чего они всё равно не умеют делать), а вызвать в них искреннюю и сильную похоть. И тогда съёмки пойдут без проблем искусственности и напряга.

Но примечательно, что у порноактёров возникает страсть не к ебле, а к достижению некоего актёрского мастерства. Тщеславие одолевает похоть. Дженна пишет, что прекрасно понимает, как смотрящие её фильм (вперёдсмотрящие – в перед смотрящие) будут прокручивать сцены с её старательной актёрской игрой, устремляясь к местам, когда будет играть её пизда с хуем, но, даже понимая это, она тщится стать хорошей актрисой. То же самое происходило со знаменитым в своё время порнохером Джерри Батлером, обременённым в жизни лишь тремя проблемами: чтобы хорошо стоял (тогда ещё не было виагры), чтобы стать хорошим актёром и чтобы иметь достаточно кокаина (см. № 1 из перечня рекомендованной литературы).

Порнофильмы я разделяю на «художественные» и документальные. «Художественные» стараются привнести в еблю красоту из асексуального кинематографа, где ебля считается уродливой и непристойной, так что в силу этого противоречия попытка внести «художественность» в порнофильм всегда обречена на провал. Потому-то и смехотворны потуги порноактёров на демонстрацию актёрского мастерства. Ведь истинная ебля чужда актёрства, вся она самозабвенно натуральна, и по этой причине наиболее впечатляющи порнографические фильмы, где женщины не позируют, а находятся на такой высокой ступени возбуждения, когда им становится не до игры и любой так сказать «художественный» фильм превращается в документальный. То есть можно считать, что порнографический фильм предстаёт «художественным», когда участники имитируют наслаждение, и фильм переходит в документальный, когда наступает настоящий оргазм, который сыграть, во всяком случае мужчинам, невозможно. Таким образом, в порнографических фильмах как в капле воды отражается вся прочая жизнь, которая состоит из игры и соблюдения приличий (в порнофильмах – соблюдения

порнобизнесовских приличий, например, семя должно извергаться только наружу) и истинной жизни, которая наступает при великом наслаждении, когда игры прекращаются и тела устремляются к оргазму.

Неудивительно, что лучшие, по мнению Дженны, фильмы или куски фильмов, в которых она снималась, были те, где она воистину кончала, то есть не играла.

Дженна составляет свои десять заповедей, основываясь на которых она бракует мужчин, какими бы красавцами или богачами они ни были. (Однако мы знаем, и Дженна без устали это доказывает, что заповеди существуют для того, чтобы их нарушать.)

Вот они:

1. Да не езди ты на «порше», если у тебя однокомнатная квартирка в паршивом районе.

2. Да не смей произносить следующие выражения (идёт перечень из штук двадцати фраз, среди которых имеются такие):

– Это значит, что ты мне сегодня не дашь?

– Клянусь, что камера не включена.

– Я смогу устыдить всех мужчин, с которыми ты работала.

3. Да не смей держать в морозилке своих мёртвых домашних животных, завёрнутых в пластик.

4. Да не смей просить меня бросить курить, пить, принимать таблетки или смотреть по телевизору reality show.

5. Да не смей иметь ни одну из следующих вещей в своём доме (идёт перечень из восьми пунктов, среди которых имеются):

• тюбики с мазью от геморроя;

• обеды, приготовленные для тебя матерью на неделю вперёд, в банках, пронумерованных по дням недели;

• шубы в количестве большем, чем имею я.

6. Да не посмей вставить в себя искусственный хуй больших размеров, чем могу я.

7. Да не имей линии загара в форме thong.

8. Да не смей выпускать газы при мне, ковырять в носу и мять козявки пальцами, плакать на первом свидании или, что абсолютно недопустимо, засунуть руку себе в трусики, проверить свой запах, а потом наклониться ко мне, чтобы поцеловать, тогда как твое

лицо воняет жопой.

9. Да не смей делать вид, что хуй соскользнул (для мужиков, пытающихся вставить хуй один раз в зад, а другой – в пизду).

10. Ты можешь оставить сиденье на унитазе поднятым. Но ты не смеешь оставлять его опущенным и писать на него.

Часть этих заповедей, по-видимому, относится и к женщинам, к которым Дженна часто тяготела сильнее, чем к мужчинам, демонстрируя своё следование эгоистическим желаниям, которые даже не требуется запихивать в форму заповедей. Так, когда её любовница забеременела, Дженна устроила ей скандал за то, что та не испросила у Дженны на это позволения, и разгневанная Дженна, посчитавшая такое поведение предательством, разорвала с ней за это отношения.

С другой стороны, Дженна позволяла своему Джеку постоянно измываться над ней, в оправдание чему она дошла до такого подтверждения его любви:

> чтобы так издеваться надо мной, он должен меня любить

(русский вариант – кого люблю, того и бью – оказывался проамериканским).

А позже Дженна якшалась с молоденьким влюблённым в неё идиотом, который не только обкрадывал её, но не позволял ей использовать тампоны – ревновал к ним, хотел, чтобы ничего не влезало в её влагалище, кроме его хуя.

Очевидно, что мужиков Дженна выбирала не головой, а жопой, которую бы лучше подставляла хуям, чем приспосабливала для мышления.

Будучи специалисткой и профессионалкой, Дженна решает выдать один за другим секреты секса и излагает вторую десятку заповедей. (Сколько их ещё осталось в её почти сбритом заповеднике?) На этот раз она пишет заповеди на тему «Как следует отсасывать хуй». Подаётся это в виде добросердечных советов женщинам, донимающим Дженну неустанными вопросами о том, как познать искусство, которое, по их убеждению, поможет им привязать к себе мужчину с помощью не полой пизды, а языкастого рта.

Не стану приводить все десять, чтобы женщины сами выполнили домашнюю работу по достижению совершенства в минете, а замечу лишь, что в десятой заповеди Дженна предостерегает женщин от попадания семени в глаза. Но русский

народ сам давно открыл эту, с позволения сказать, заповедь, и в доказательство тому сочинена собственная заповедь в форме угрожающей поговорки:

За такие ласки – хуй тебе в глазки.

Объективности ради я решил посмотреть какой-нибудь фильм с Дженной. Платить за него я принципиально не хотел и потому скачал с Интернета. Я выбрал *Wicked One*, потому что Дженна пишет, что сценарий написал её первый муж Род. Тогда он ещё мужем не был, и ебла она его только на съёмочной площадке. Не нравился он ей. Но поворотным моментом в их отношениях послужили съёмки именно этого фильма *Wicked One*, в которых требовалось актёрское мастерство, которое якобы Дженна и выдала. Подкупило Дженну то, что Род исключительно внимательно следил, чтобы она хорошо смотрелась в камере. (Казалось бы, это в интересах любого режиссёра, чтобы, так сказать, актриса смотрелась лучше, а не хуже.) Далее, Дженна утверждает, что это были самые лучшие её кадры из всех фильмов, где она снялась, и что она кончила почти в каждой сцене, где она впервые снялась с двумя мужчинами. Именно в этом фильме партнёрша Дженны выдавила ей на пизду капли молозива из своей груди и потом вылизала их, что (в кои-то веки) вызвало в Дженне отвращение. От молока отвращение, а от спермы нет. Вот мать-то будет (а она мечтает ею стать). Если её отвращает молоко, то она что, ребёнка спермой кормить будет?

Как убогие мужчины ходят на стриптиз, так и убогие мужчины делают такие фильмы, потому что их фильм смотрят подобные им убогие мужчины. Разница между этими мужиками лишь одна – те, что ходят на стриптиз и смотрят фильмы, платят деньги, а те, что делают фильмы для них, берут их деньги. Посему производители такой порнографии, при всей их убогости, менее убоги, чем потребители, потому что хоть деньги делают.

Дряннее фильм трудно придумать – он может вызвать интерес только у подростка, у которого этот порнофильм – первый. Или у какого-нибудь великовозрастного иракца, впервые добравшегося до порнографии благодаря нашему их освобождению.

Ебальная униформа Дженны в фильме – голая, но непременно на высоких каблуках. Обязательные клише: сосёт хуй, глядя мужику в глаза (одна из её минетных заповедей), мужик никогда не кончает вовнутрь.

Весь фильм отснят в полумраке, в котором почти ничего нельзя разглядеть. Дешёвая игра тенями, только скрывающими дело, по-видимому, считается в порноиндустрии верхом

кинооператорского совершенства. Все интонации участников, когда они не стонут, а пытаются говорить, фальшивые. Актёрским мастерством не только не пахнет, но оно просто не существует, нечто из неживой природы.

Фабула недостойна называться этим именем, и пересказывать её мне просто стыдно.

Ебля происходит в тёмной комнате, на полу которой понатыканы ряды свечей, чем режиссёр задумал устроить романтичную обстановку (заимствованную из красивостей традиционных романтических антиебальных фильмов). Но из-за этого мрака ни хуя не видно (ни пизды тоже). Никаких устрашающих юпитеров, наводивших смущение на Дженну, при съёмках не использовалось. Иногда показывают крупным планом её рот, сосущий хуй, – тогда кое-как подсвечивают. Потом один из двух её партнёров бесконечно долго ебёт её сзади. Камера в течение всего фильма не стоит на месте, а медленно кружится вокруг совокупляющихся, и оператор кончает от радости – вот какой, мол, кинематографический шедевр он смастерил. А смотреть – тошно, потому что ничего не видать, кроме дёргающихся тел, и Дженна старательно вопит не своим голосом, который на удручение – её. Противный голос.

Мужик, ебя её, лёжа на боку и подняв ногу, тянет носок, как Барышников. Таким манером эстетствует режиссёр Род. Выродок.

Наблюдать однообразные возвратно-поступательные движения быстро надоедает. (А вот участвовать в них до оргазма – никогда.)

«Талант» режиссёра исчерпывался в фильме его умением темнить. Даже когда добираются до показа хуя, движущегося в пизде, всё равно их еле видно из-за недостатка ёбаных юпитеров.

После скучнейшей акробатики в гандоне мужик одним широким жестом стаскивает резину, чтобы кончить на грудь партнёрши Дженны, которую, кстати, славно ебут в жопу, в укор задравшей не зад, а нос Дженне.

Самое смешное, что Дженна и её партнёрша носят на груди цепи с огромными крестами. Это явно сделано для того, чтобы христиане, смотря этот фильм, чувствовали себя как дома. И с другой стороны, экспортируя этот фильм в мусульманские страны, режиссёр надеялся обратить неверных в христианство. Правда, владелец порностудии *Wicked Pictures*, создавшей этот шедевр, еврей – так что уж не знаю, куда ориентирован религиозно-идеологический потенциал этого фильма.

Но что больше всего разочаровало меня, так это то, что Дженна в фильме не имеет ничего общего со своей красотой на фотографиях. На фото она нигде не показывается в профиль,

потому что у неё крохотный, усечённый подбородок. На некоторых фото её лицо выглядит поистине красивым (аллилуйя косметике и хитрецу фотографу).

Дженна в кино выглядит вульгарной дешёвкой, чем, по сути, она и является, несмотря на то, что ей платили большие деньги. Но надо отдать должное – пизда и анус у неё, конечно, безусловно красивы. И даже искусственная грудь достойна пожатия. А ведь этого вполне достаточно для расторопной женщины, каковой Дженна несомненно является.

А то, что её сделали красавицей на фотографиях, так фотография – это остановленное мгновенье, и лишь оно может быть прекрасным.

Дженна утверждает, что она не может смотреть свои фильмы. Стесняется, значит. И правильно делает. Если остальные фильмы подобны этому (а они сделаны теми же людьми), то актёрской карьеры у Дженны не вышло. Хорошо, что хоть ебальная состоялась.

Дженна занимается просветительской деятельностью и приводит стандартный договор, присылаемый киностудией порнозвезде – ещё одно предостережение, в подтверждение подзаголовка её книги.

Читая этот контракт, становится очевидно, что он написан в пользу киностудии, в чём ничего удивительного нет. Тот, кто составляет контракт, всегда старается прежде всего защитить свои интересы. Дженна излагает напрашивающийся вывод: толковая баба, решившая ебаться при народе для камеры под светом юпитеров, должна не подмахивать контракт не глядя (это не задом подмахивать), а нанять адвоката, который внесёт исправления, защищающие интересы порноактрисы.

В контракте среди прочего существует градация трюков, среди которых – презабавный список вознаграждений за особые совокупления в дополнение к основной сумме контракта, который предусматривает только вагинальное и оральное совокупление с одним партнёром или партнершей:

> **Анальное совокупление с партнёршей (за исключением DP and Air Tight) $125 за эпизод.**
>
> **Анальное совокупление с партнёром (за исключением DP and Air Tight): $250 за эпизод.**
>
> **DP с партнёрами: $400 за эпизод.**
>
> **Air Tight: $650 за эпизод.**
>
> **Множественные партнёры (за каждого партнёра сверх трёх): $250.**

Раскроем же шифр сокращений:

• DP – double penetration – двойное проникновение – одновременное проникновение одного хуя во влагалище, а другого – в зад;

• Air Tight – воздухонепроницаемая ебля одновременно в три отверстия: пизду, зад и рот.

Вот она шкала женского богатства – чем больше дырок используешь и чем больше в них хуёв, тем больше розовое превращается в зелень.

Так, на одной из моих оргий счастливица была ебома тремя, не допускавшими в неё воздух, а когда те быстро покончали, она переместилась, ещё более счастливая, к следующим троим, терпеливо поджидавшим. Если бы их в это время снимали кинокамерой для продажи, то счастливица получила бы за полчаса «восхитительного наслаждения» (её собственное выражение):

$650 за первую воздухонепроницаемость +
+ $650 за вторую воздухонепроницаемость +
+ $250 за четвёртого партнёра +
+ $250 за пятого партнёра +
+ $250 за шестого партнёра

Итого: $2050 за полчаса наслаждений в дополнение к общей сумме контракта.

Я думаю, что такие условия могут стать мечтой для большинства женщин и особенно когда порнозвезда может оговорить, с какими именно партнёрами она хочет совокупляться. Причём это цифры самые минимальные, а порнозвезда калибра Дженны могла получать суммы в десятки раз большие.

Я уже вижу (предвижу) очередь красоток, выстроившихся на километры перед порнокиностудией, а непривлекательные женщины, если бы их и пригласили на такую посильную работу, просто бы смели своей толпой целые кварталы вокруг этой волшебной киностудии.

Дженна не хочет обидеть мужчин и тоже подготавливает для них советы – специально для тех, кто мечтает стать не порнозвездой, а порнохуем. Оказывается, что единственный реальный метод для мужчины попасть сниматься в порнофильмы – это заиметь подружку, которая уже втёрлась в эту индустрию и тогда она поставит условие режиссёру, мол, я хочу ебаться в фильме только с моим Васей, и у режиссёра не останется иного выхода как взять Васю, а всё из-за того, что ему прежде всего надо ублажить Васькину Маньку, на которую хотят смотреть толпы дрочащих на неё Ванек.

Сделав себе славу на порнофильмах, Дженна вернулась к стриптизу и разъезжала по разным городам с индивидуальными представлениями. Теперь на неё сбегались её почитатели и совершенно не жалели денег.

Делая на стриптизе сто тысяч долларов за три дня, она стала проводить свободное от работы время, посещая вечеринку за вечеринкой, вытворяя чёрт-те что, но это не включало еблю, что было бы идеалом для большинства людей. Весь интерес Дженны состоял в использовании своей сексуальной неотразимости, чтобы как можно больше получить всего бесплатно, не принимая никаких обязательств и не неся никакой ответственности.

Это было для неё легко осуществить потому, что мужчины воспринимали внешность Дженны как обещание ебли и ради этого обещания предоставляли ей блага и оказывали услуги как бы бесплатно, но надеясь на выполнение обещания. А так как это обещание ебли было только в воображении мужчин, то Дженна плевала на их надежды и брала всё, что могла.

Её последний хахаль Джей, за которого она счастливо выходит замуж в конце книги, тоже снимался с ней в порнофильмах. И вот в одной из съёмок он исполнил фантазию-экспромт: собираясь кончить, он вытащил хуй, излился ей на зад. Но на этом дело не закончилось: он слизал свою сперму с её ягодиц, переместился с полным ртом к её лицу и переправил ей в рот свою жидкость в страстном поцелуе.

Дженна комментирует этот подвиг:

> Я понятия не имею, что на него нашло, потому что мы никогда этого не делали в постели. Но по стандартам порнобизнеса это был знак наших здоровых отношений.

Быть может, они действительно были здоровыми, потому что Джей был первым мужчиной, с которым она нежилась и обнималась после ебли, тогда как от всех других мужчин она после наслаждения отодвигалась с отвращением подальше от их потного после любовной работы тела. А с Джеем она засыпала в обнимку.

Когда Дженна посетила Лас-Вегас, ей рассказали, что её Джек-татуировщик совершенно свихнулся от наркотиков и уехал в Мексику, и она с плохо скрытым сочувствием-сожалением излагает следующее, доказывая тем самым ещё раз, что, чем больше она изменяется, тем более остаётся прежней:

> Интересно, кусает ли он себе локти, ведь, если бы он не бросил меня, у него было бы сколько угодно денег,

чтобы принимать наркотики.

Теперь Дженна вроде бы закончила сниматься, а имеет с мужем собственную киностудию, где снимает порнофильмы и ещё изо всех сил мечтает заиметь ребёночка.

Снимая порнографические киноленты, Дженна плодит пока не детей, а новые иллюзии, подряжая женщин на создание недостижимой для большинства порнографической мечты. Обещания льются из рога изобилия в форме хуя.

Но вот моя заповедь для Дженны: женщина полностью выполняет свои обещания только в те моменты, когда она воздухонепроницаема.

Хотя и то не вполне – ведь ноздри-то остаются открыты для воздуха… Что ж, такое несовершенство и есть условие жизни.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА
(*ТОЖЕ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ*):

1. *Jerry Butler*. Raw Talent: The Adult Film Industry As Seen by Its Most Famous Male Star. Prometheus Books, 1990.323 p. ISBN 087975625X.

2. Traci Lords: Underneath It All by Traci Lords. HarperEntertainment, 2003.304 p. ISBN 0060508205.

3. *Christy Canyon*. Lights, Camera, Sex! Canyon Publishing, 2003. ISBN 0972747001.

Соблазнительные части и отвратительные куски ислама

Данная статья снята по просьбе издательства. Желающие познакомиться с ней могут обратиться к автору по адресу: mp@mipco.com

Жизнию жизнь поправ (Буддийские штучки)

Как я жизни и смерти боялся!

Алексей Шельвах

Впервые опубликовано в General Erotic. 2005. № 129.

Общие места пользования буддизмом

В юности мне в слове «буддизм» всегда слышалось «будущее». Потом мне казалось, что оно сродни слову «будить». А сейчас мне стало слышаться другое слово в слове «буддизм», это – «мудизм».

Как и прочие великие религии, буддизм возник из легенд о человеке, сумевшем произвести неизгладимое впечатление на современников своей необычной судьбой.

Siddhartha Guatama, сын провинциального царька на севере Индии, принадлежал к браминам – высшей касте в Индии. Родился мальчонка около 563 года до нашей эры. Какой-то волхв по имени Асита (небось предок волхвов, которые потом про Иисуса разнюхали) поимел видение, что боги возрадовались рождению сверхчеловека (опять двадцать пять!). Каким образом Асита узнал, где этот сверхчеловечек родился, неизвестно, но волхв безошибочно явился ко двору царя, где ему показали младенца. Асита с ходу предрёк, что если принц не покинет дворца, то он станет великим царём и покорит мир. Если же он уйдёт из дворца и посвятит себя религиозной жизни, то он станет Буддой и Спасителем (опять христиане терминологию своровали).

Царь-отец, испугавшись, что соприкосновение с людскими страданиями заставит сына покинуть дворец в поисках духовной истины, тотчас распорядился, чтобы слуги предохраняли принца от всякого контакта со злом и несчастьями. Если какой-либо слуга заболевал, его убирали с глаз долой, а стареющих слуг заменяли молодыми. Принца не пускали никуда за пределы дворца и всячески заваливали роскошью, чтобы гарантировать ему счастливое существование. Так, папаша подарил сыну дворцы и сорок тысяч танцовщиц (ни больше ни меньше), чтоб от одиночества онанизмом не занимался.

Когда принцу исполнилось шестнадцать лет, к нему заслали

(всего-навсего) пятьсот претенденток на жену. Но он выбрал свою кузину по имени… впрочем, какая разница какое её имя? – от их произношения только язык сломаешь, а от написания – клаве все зубы выбьешь. Да и вообще, мне противно употреблять буддийские имена и термины, которые используются лишь для нагнетания особой важности и значимости. А я всех этих царей и принцев насквозь голыми вижу. От меня терминами не укроешься.

Вскоре сынок вымахал в такого увальня, что отцу пришлось ослабить узы и позволить наследнику осмотреть свои владения. Принц поехал на прогулку в город. Там он увидел старика, который еле передвигался от груза лет и болезней, – и поразился принц, когда ему объяснили, что старость и болезни – удел каждого. Потом он увидел больного проказой – и опешил, когда ему рассказали, что некоторые болезни весьма ужасны, а часто и смертельны. А затем принц так вообще труп углядел – и совсем ошалел, когда ему по секрету сообщили, что и он когда-то станет трупом.

С тех пор Сиддхартха неузнаваемо и бесповоротно изменился. Открытие того, что люди смертны и подвержены ужасным болезням, повергло будущего Будду в полное смятение и уныние. И бросился он из дворца в народ искать истину. А произошло это в тот же день, когда у него родился сын. Хотя некоторые утверждают, что через семь дней после рождения его сына. Другие же настаивают, что сбежал он сразу после зачатия (умудрились микрокамеру в пизде жены установить). А скорей всего – он просто испугался ответственности за своего ребёнка и сбежал под предлогом поиска истины. Было ему к тому времени уже под самые тридцать.

Как бы там ни было, будущий Будда сначала хотел познать истину через самоограничения и самоистязания, через отречение от всех наслаждений и даже от элементарной гигиены. Сиддхартха морил себя голодом, временами ел только дерьмо, перестал мыться, так что наросшая грязь отваливалась от его тела под собственным весом. Спал он на колючках, в грязи, среди разлагающихся трупов. Но всё оказалось тщетно – в дерьме он истины не нашёл, как и в былой роскоши. Оставалась золотая середина умеренной жизни. Сиддхартха и выбрал её для продолжения жизни, назвав Срединным путём. (А польза умеренности была известна ещё и питекантропу, который решил не съедать убитого мамонта зараз, а оставить ещё на следующий день.)

В тридцать пять лет Сиддхартха, сидя в позе лотоса в состоянии медитации под деревом в течение семи недель

(наблюдатели вели ежеминутный подсчёт, спрятавшись в кустах) и в результате нашедшего на него просветления, дошёл до идеи переселения душ, реинкарнации, как основополагающей идеи объяснения мира.

После размышлений, делиться ли обретённым знанием с народом или не делиться, Будда всё-таки решил великодушно поделиться и стал учить всех подряд, чем занимался более сорока лет. Он ездил по всей Индии и учил, как избежать страданий. В какой-то момент он вернулся к себе на родину и, не пожалев отца родного, обратил его в свою «умеренную» (по уму) веру, и тот на старости лет отрёкся от своего царского трона (вот до чего старика отца буддизмом довёл).

В конце концов Будду накормили то ли испорченной свининой, то ли ядовитыми грибами, и он умер от «романтической» дизентерии 80 лет от роду.

Следует отметить, что подобно шалопаям-ученикам Моисея, Христа и Мухаммеда, ученики Будды тоже были разгильдяями и ничего за своим учителем не записывали. Только после его смерти сподвижники решили нанести слышанное от Будды на бумагу, но тут начались бесконечные споры, кто, что и как услышал и запомнил. Свара длилась так долго, что в письменном виде учения Будды появились только через четыреста лет после его смерти.

Любой человек в здравом уме может представить, какие кардинальные изменения в фактах, историях и событиях сделали четыреста лет словопрений. В результате жизнь Будды обросла нескончаемыми скудоумными чудесами. Так, апостолы, напрягшись, припомнили (хотя лично видеть они этого, естественно, не могли), что мать родила маленького Будду стоя, не испытывая никакой боли, а лишь наслаждение. Воды у неё не отходили, последа не вылезало, никаких выделений не было. Малыш родился как конь – сразу встал на ноги, сделал по семь шагов на юг, запад, восток и север и объявил себя властелином вселенной. (Скромный такой мальчонка уродился.) Причём под его ногами в процессе этого хождения в четырёх направлениях вырастали лотосы.

Новорожденный также провозгласил, что это его последнее рождение в череде реинкарнаций. Хотя по другой легенде, что ниже, идея о переселении душ явилась к Будде лишь в зрелом возрасте. (Так что поди узнай, был он вундеркинд или наоборот?) В этот момент провозглашения Буддой себя властелином в небе появились боги и прокричали ему славу, а по всей земле прошло рокотание.

Мать Будды померла на седьмой день после рождения сына –

как и все матери будд, – так как она выполнила своё высшее предназначение. (А вырастить ребёнка не входит в высшее предназначение матери?) Будду взращивала бабушка, которая стала первой буддийской монахиней (естественно, старушку никто ебать не хотел – куда ж податься как не в монахини, где можно будет молодых монашек себе пизду лизать заставлять).

Таковы буддийские народные сказки.

В русские волшебные народные сказки верят только дети, да и то младшего возраста, а если какой взрослый поверит в бабу-ягу да в избушку с куриными ножками, то его в сумасшедший дом спешно упекут, и правильно сделают. Но почему-то когда взрослым рассказывают буддийские (иудейские, христианские, мусульманские) антинародные сказки, то взрослые верят в них беспрекословно, каждую придумку воспринимают за чистую монету, и никому не приходит в голову этих людей в сумасшедшие дома сажать. Видно, русские народные сказки – самые лучшие (как и всё русское) и самые волшебные (как сама российская жизнь), а потому русские сказки ни у кого не вызывают сомнений в своей нереальности.

Вот ещё одна типично буддийская бредятина, о которой с упоением расписывают на полном серьёзе. Но она показательна, так как рисует Будду не только способным на великое терпение (обязательная черта всякого Будды), но и на величайшую глупость.

Однажды Будда был в ступоре, то есть, простите, сидел в позе одуванчика, простите – лотоса, и медитировал в лесу. Туда приехал царь со своими наложницами, и, поразвлекавшись с ними, он решил отдохнуть. Не удовлетворённые одним мужиком, будь то хоть сам царь, наложницы поскакали по лесу, занимаясь хуй знает чем, и наскочили на Будду. Увидев голых баб, Будда тотчас прикрыл медитацию и стал их учить, что наслаждения опасны и что аскетическая жизнь с бесконечным терпением в сто раз лучше. Бабы очаровались им (на безлюдье и Будда – мужик) и слушали его, раскрыв рты и пизды.

Тут царь проснулся и хватился своих баб, а когда он обнаружил их вокруг Будды, то рассвирепел и заявил, что тот не Будда, а самозванец, так как не обладает бесконечным терпением, присущим настоящему Будде (хотя тот ведь утерпел, чтобы голых красавиц не трахнуть – а не это ли и есть неопровержимое доказательство бесконечного терпенья?). Царь вытащил меч и отрубил одну руку Будде, потом вторую, а затем обе ноги отхватил и заодно – нос и уши. Хуй почему-то он не отрубил. А

Будда всё это время сидел в полном покое и проявлял высшее терпение (хотя кровь должна бы хлестать из отрубленных конечностей), но на рубаку-царя никакого зла Будда не держал и всё терпел. Тогда до царя дошло, что Будда – настоящий, и попёр царёк к дому-дворцу, но земля под ним раскрылась и поглотила его за то, что он надругался над святым человеком.

Каким образом Будда-самоварчик выжил, отросли ли у него конечности, в легенде не говорится. Скорее всего в новое тело спешно переселился – в одно из тел соблазнявших его красавиц, чтобы её изнутри ебать.

Вот такая густая и холодная лапша развешивается на уши правоверным буддистам.

Тем не менее буддизм за тысячелетие разросся на множество ветвей, продраться через которые в одиночку уже никому не под силу. И у каждой ветви буддизма своя писанина о жизни и учении Будды. Различные школы буддизма рассматривали Будду то как обыкновенного человека, то как космическую фигуру.

А всё потому, что в буддизме нет единой канонической книги вроде Торы, Нового Завета или Корана – у буддистов хватило ума не отливать один железобетонный кирпич, где была бы сосредоточена единственная и окончательная истина. В буддизме истина многообразна и может исходить не только от Будды. Да и Буддой – что значит «просветлённым» – может стать каждый, кто этого просветления достигнет, то есть избавится от невежества и связанных с ним непрерывных страданий, и также кто, достигнув яркого просветления, учит других тому, чему научился сам.

Так что Сиддхартха не был первым Буддой и не является последним (не то что явившиеся «раз и навсегда» Христос да Мухаммед). То есть Сиддхартха – один из многих.

Либерализм буддизма доходит до того, что для всякой иной религии явилось бы самоотрицанием, – буддисту можно быть иудеем, христианином, мусульманином, и всё равно ты следуешь по пути Будды, если делаешь добрые дела и медитируешь вусмерть. Никакой ревности, никакого требования «моногамии» в религии.

Будда перед смертью якобы просветил учеников, задавших ему вопрос: что делать, если его слова будут перевираться или чужие слова будут приписываться ему. Будда изрек:

> Любое слово, которое хорошо сказано, есть слово Будды.

Таким образом, он хитро наложил лапу на всё хорошее, кто бы его ни производил.

Но пора пояснить, в чём же суть буддизма. Итак, согласно

буддизму, жизнь человеческая состоит из страданий. Причины всех страданий – желания и страсти. А они, как и всё в жизни, бессмысленны и незначительны, ибо преходящи. Люди же одержимы невежеством, которое проявляется в погоне за преходящими наслаждениями и радостями. В результате этой «неправильной» жизни человек обречён на бесконечные перевоплощения (то муравьём родится, то скунсом, то, не дай бог, опять человеком). Путь к продолжительному счастью возможен, только отрекшись от суетных радостей с помощью медитации и правильного образа жизни. Тогда можно разорвать порочный круг перевоплощений, достигая состояния просветления («просветление» – по-русски «офонарение»), и благодаря этому впасть в нирвану, где ты освобождаешься от всех горестей. Конечная цель учения буддизма – это разработка теории и практики впадения в нирвану. А нирвана, разумеется, является буддийским аналогом христианско-мусульманского рая.

Очевидна удручающая близость буддизма к античному стоицизму и христианству, которые в один голос сетуют на ничтожность и преходящесть желаний, суетность жизни и призывают от желаний отказываться и готовиться к жизни иной.

Буддизму тоже данная нам жизнь не по нраву, и он пристально смотрит в зубы подаренной лошади. Нет, чтобы радоваться, наслаждаться, быть благодарным тому же богу или богам, так нет – и тем им жизнь плоха, и этим – им непременно вечную подавай, с нирвановым раем.

Такое «мудрое» отношение к жизни говорит не только о неблагодарности, но и о слепоте к чудесам, окружающим нас.

Можно стенать о смертности желания, но ведь оно не умирает навсегда, оно восстаёт из пепла, а значит, можно восторгаться вечной возобновляемостью желаний, делая акцент именно на их жизнеспособности, а не на временной смерти. Взгляд на желание можно уподобить взгляду на стакан, наполовину заполненный водой. Оптимист говорит, что он полуполный, а пессимист – полупустой. Вечная возрождаемость желания делает его в моих глазах полуполным, а его смертность делает его в глазах буддистов и прочих христиан – полупустым.

Всякая цикличность, со смертью и возрождением, является сутью жизни, но цикличность – это кошмар и ужас для буддиста. Ему подавай прямую неподвижную нирвановскую линию, которой описывается только смерть. А вот медитация, якобы ведущая к нирване, есть типичное состояние прострации, комы.

Психологически же медитация – это не что иное, как страусиное прятание головы в песок – мнимый побег от жизни и её чувств: мол, чего не вижу, того и нет.

Попытка избавиться от страстей с помощью медитации – это обратная сторона медали «За победу над жизнью!», на которой отчеканено избавление от страстей физическими методами – самокастрацией, самоистязанием и пр.

В конечном итоге, буддизм, как и скопничество, – это суицидное мировоззрение. Но у буддистов не хватает духу покончить с собой, чтобы радикально избавиться от всех желаний, они оправдывают трусливое продолжение своей жизни самосовершенствованием, но жизнь их, напичканная систематической борьбой с желаниями, есть тянущееся во времени самоубийство.

С помощью медитации – этой панацеи от всякого недуга – можно якобы утихомирить свою похоть. Есть даже детально разработанный приём: представляешь мир, наполненный скелетами. Другой «умный» метод – это вообразить красивую бабу, а потом представить её в виде разлагающегося трупа. Делается это для того, чтобы напомнить себе, что всё неминуемо умрёт и потому нечего к кому-либо привязываться, а ебаться и подавно. Но методы эти негодны для буддиста-некрофила, такие фантазии могут только разжечь его похоть. Однако, я уверен, что для некрофила буддисты разработали свой метод медитации – представлять перед глазами живых женщин, которые для некрофила должны воплощать полное омерзение.

Так что медитация для буддистов – это «наука побеждать» непримиримых врагов человечества: желания и страсти.

Для меня важно другое: если буддисты избавляются от желаний, то я стремлюсь их возрождать как можно скорее и чаще. Моя религия – это любовь к желаниям, а это и есть любовь к жизни.

Однако буддизм не останавливается на борьбе с желаниями. Он следует поговорке:

> Если не можешь победить врага, сделай его своим союзником.

Так что если христианство зациклено на подавлении секса, отрицании и порицании его самим бесполым рождением Христа с его безъебальной жизнью, то буддизм, осознавая мощь секса, старается переманить его на свою сторону и делает это с помощью тантры. Так что неудивительно, что именно на неё у меня обратилось главное внимание.

И хотя имеются ссылки на Будду, который якобы заявлял, что просветления возможно достичь только при безбрачии и при воздержании, тантристы всегда утверждали, что всё это – хуйня и вожделенное просветление можно достичь именно в сексе.

Плюнул бы я на этот суицид буддизма, если бы не заполонило Запад слово «тантра», которое родом из того же буддизма, но стало символизироваться с супереблей.

В любой религии привлекает прежде всего секс, в позитивной ли форме, как в исламе, или в негативной, как в христианстве, поскольку людям необходимо так или иначе жить сексом, будь то в мире с ним или в войне.

А тут, откуда ни возьмись, появляется учение, которое якобы говорит: ебитесь, да так, чтобы мозги отшибало, – и называется это учение тантрой. Неудивительно, что для людей, которых воротит от ортодоксальных религий, шугающих секс, стала привлекательна религия, которая сексом манит.

Что же это за такая тантра-шмантра?

В тибетском буддизме нет богов в западном понимании этого слова. Их божества – это будды, которые в прошлых жизнях были обыкновенными людьми, но которые преодолели «обыкновенное» с помощью медитаций и прозрений.

Когда тибетец повторяет свою краткую молитву (mantra), обращённую к какому-либо будде, то он не просто просит благословения или помощи – главная его цель самому стать буддой. Мудрость и сочувствие – основные качества будд. Причём забота о других – залог успеха, ибо всякие религиозные обряды будут лишены своей силы, если будут обращены только на самого себя.

Так как будда – это не бог, а всего лишь «просветлённый», то каждый им стать может. Каждый буддист-солдат мечтает стать генералом-буддой. Задача буддиста не клянчить бога о помощи, а стать самому богом, чтобы улучшать жизнь другим.

Разные пути медитации, связанные с изничтожением желаний, занимают несколько перерождений, чтобы добраться до состояния будды. А вот тантра является самым «передовым» учением, и она ведёт самым кратчайшим путём к тому, чтобы стать буддой в течение всего лишь одной жизни. Тантра – это не сплошной секс, он является лишь неотъемлемой частью её комплексного подхода к жизни, и потому для того, чтобы стать буддой за одну жизнь, надо обязательно заниматься сексуальной составляющей тантры. Слово «тантра» имеет немало значений, самое простое – это «сеть». Но также можно его перевести как «система», «ритуал», «доктрина».

Тантра – это теория и практика медитации, которая описана в старинных эзотерических текстах, где делается акцент на изменение мышления с помощью зрительных образов, символов и

ритуальных действий. Есть огромное количество школ тантры, исходящие от разных будд.

В отличие от аскетических традиций буддизма, которые пытаются найти счастье через сложные или болезненные медитации, тантра предлагает найти счастье через супервосторженное состояние ума. Тантра переводит наслаждение в состояние глубочайшего познания-осознания. Причём не только наслаждение, а все эмоции и действия направляются на достижение этого просветлённого состояния.

Для меня это представляется вполне конкретной картинкой. Сексуальный железнодорожный состав несётся на полной скорости к станции Наслаждение, где после недолгой стоянки он снова понесётся к городу Восторг и т. д. Но тут на железнодорожные пути выходит тантрист, переводит стрелку, и наш огнедышащий состав на полной скорости перескакивает на другие пути, которые ведут его в тупик, где наш состав разбивается вдребезги, но зато пробивает стену в небытие нирваны. Правда, никто, кроме самого стрелочника-тантриста, этой целесообразной катастрофы не видит, ибо поезд исчезает из виду и вполне возможно, что на путях, куда тантрист перевёл состав, никакого тупика-то и нет, а есть какой-нибудь полустанок под старым романтическим названием Сладострастье. Но тантрист держит это под строгим секретом и никому об этом не говорит и даже от себя изо всех сил скрывает.

Поясняю, тантра решила не подавлять похоть, за которой она признаёт огромную мощь, а осознанно перенаправлять её, использовать мощь похоти для освобождения от неё же. То есть тантра, используя современную терминологию, превращает сублимацию из подсознательного феномена в осознанный.

Проблема, с точки зрения тантры, не в сексуальном желании, а в его ложной направленности на объекты (баб), что ведёт к страданиям и рабству (у баб). Таким образом, если направить силу желания на медитацию, то оно становится методом преодоления желания. Буддисты даже поэтический образ для этого придумали: две палочки, которые трением рождают пламя, сами этим пламенем и пожираются. Вот какие умники эти буддисты-тантристы-палочники-дырочники.

Такое хитрое отношение применяется не только к сексуальному желанию. Тантра – это «системный подход» ко всем желаниям, который использует их лишь как средство к самосовершенствованию. Например, ты спишь, но не просто для того, чтобы спать, а чтобы отдохнуть для усиленной утренней медитации. Ешь, но не для утоления голода, а чтобы набраться сил для того же. Даже дефекация – это лишь торжественное

приготовление для дальнейших медитаций (я, например, считаю, что дефекация и есть медитация).

Пускание всего на пользу самосовершенствованию (которое, напомню, состоит в изничтожении желаний) иллюстрируется на примере одного тантринского ламы. Он бежал в Индию, когда Китай узурпировал Тибет, и работал чернорабочим на постройке дорог. Когда ламу случайно узнал его бывший ученик, он спросил своего учителя: почему тот все эти годы работал чернорабочим, вместо того чтобы объявить, кто он, – ведь тогда он сразу бы избавился от тяжёлой работы и снова обрёл бы множество учеников. Лама ответил так: ему, мол, всё равно, работать ли на строительстве дорог или жить в монастыре, ибо, когда он лопатил грязь, он представлял, будто он приносит дары буддам, а когда он ворочал валуны – это для него символизировалось с борьбой по устранению своих мыслительных границ. (Вот оказывается, чего не хватало для счастливой жизни советским строителям дорог в ГУЛАГе.)

Имеется четыре типа тантры, основанные на четырёх фазах влечения: взирании, смеянии, за руки держании и ебле. (Поцелуи почему-то не удостоились быть одной из фаз – видно, вызывают такие сильные желания, что их не перенаправить – через стрелку перескочат.) Теперь можно себе легко представить, как тантристы перековывают эти мечи на орала.

Тантра считает, что половая принадлежность – это иллюзия, что мужчина в процессе медитации (часто происходящей во время соития) может воображать себя женщиной, а женщина – мужчиной. Так что буддизм должен быть чрезвычайно привлекательным для гомосексуалистов и бисексуалов – он делает такие сексуальные предпочтения религиозно обоснованными. В каждом существует мужская и женская энергии. Мужская – динамическая, мощная, движущая сила. Женская энергия – статичная и пассивная. В каждом индивидууме существует различное соотношение этих энергий, и проявляется это в характере. Цель тантрического секса – объединить мужскую энергию и женскую (это, кстати, цель ебли, а не какой-то там тантры).

Но есть ренегаты и оппортунисты даже среди тантристов. Они заявляют, что ебля вовсе не нужна для объединения мужской и женской энергий. Что, мол, совокупления, описанные и нарисованные в тантринских анналах, – это лишь символическая демонстрация единения этих энергий (ни хуя себе – символическая?!). Но мы обучены, как с ренегатами и оппортунистами поступать…

Тантрический взгляд на мир признаёт существование

божеств, обладающих сверхъестественной силой. Тантристы ищут их помощи через медитацию, причитания, ритуалы и пр. Однако боги и богини, хотя и обладают большой силой и властью, но не настолько свободны, насколько мастера тантры. Боги могут обрести эту свободу, только если превратятся в человека. (И тут повторяющаяся разработка бредовой идеи богочеловека.)

Самая продвинутая ступень тантры включает совокупление. Оргазм – это тоже средство медитации и ни в коем случае не наслаждение. (Это в тех ситуациях сильнейшего возбуждения, когда от оргазма не удаётся удержаться, вопреки указам тантры. Но уж раз случился, так «туды же его в качель» медитации.)

Всё время буддисты подчёркивают, что совокупление они используют вовсе не для сексуального наслаждения, а для достижения каких-то там вершин познания с помощью строгого контроля за своим состоянием. (Это как католики оговариваются, что ебля допускается только для размножения.)

А вот что говорит сам Далай-лама:

> Поистине, ты только тогда можешь заниматься сексуальными упражнениями тантры, если у тебя совершенно нет сексуального желания. Требуемое состояние должно быть таким, как если бы кто-то дал тебе чашу вина, или стакан мочи, или блюдо с изысканной едой, или тарелку с экскрементами, то ты должен пить и есть так, будто между ними нет никакой разницы. Тогда, быть может, ты готов для этих упражнений.

Таким несусветным образом этот «пополама» саму святую еблю хочет выхолостить. Но этого им никогда не удастся. Они просто нагоняют страху, чтобы втихаря самим еблей заниматься, а народу говорить, что ебля и не ебля совсем. А для этого тантру нарядили в паранджу секретов и тайн.

Тантра – это секретная система, и требуется пройти специальную церемонию посвящения (недаром все прилавки книжных магазинов завалены книгами, описывающими все тантринские ебальные секреты).

«Секретные тексты» торжественно предупреждают, что для людей недостаточно интеллектуальных, недостаточно одержимых буддизмом и недостаточно духовно подготовленных. Тантра может оказаться чрезвычайно опасной.

Один тантрист в энном поколении, чьи предки в Индии творили чудеса многие столетия, сейчас обрёл западную докторскую степень по философии и продолжает проповедовать тантру. Этот учёный таким вот образом аргументирует опасность

тантры, почему она секретна и отчего её нельзя давать в руки-ноги кому угодно. Слушайте, детишки.

Некий юноша, ученик какого-то великого тантриста, нарушил запрет своего учителя и раскрыл тантринскую секретную книгу, читать которую можно только под руководством учителя. Там он вычитал, что, повторив такую-то мантру тысячу раз, ты возобладаешь огромной силой. И вот, путешествуя вдоль Ганга со своим учителем, этот юноша ночью на привале стал повторять с закрытыми глазами эту мантру. Когда он насчитал семьсот раз, он открыл глаза и увидел неподалёку гигантскую обнажённую женщину, сидящую у костра. Юноша снова закрыл глаза и стал дальше мантрить. Когда он досчитал почти до тыщи, он опять открыл глаза и увидел огромного голого мужика, подошедшего к женщине. И этот гигант сказал ей: «Я голоден – где еда?» На что гигантша ответила: «Ты же ничего не принёс, что можно было бы зажарить».

Юноша опять закрыл глаза и, наяривая мантру до тысячи, услышал, как гигант говорит гигантше: «А вот мальчишка – давай его зажарим». Парень-тантрист в ужасе открыл глаза и увидел гиганта, идущего к нему. Тут парень с перепугу сознание потерял. А когда он очнулся, его учитель стал выговаривать ему – вот, мол, что значит в тантру соваться невежде. Оказывается, надо было вокруг себя круг начертить и тогда гигант не мог бы подойти.

Вот такими байками этот учёный-тантрист пытается вызвать у нас уважение и серьёзное отношение к тайнам тантры.

Наивных неофитов заставляют поклясться хранить в тайне методы тантры. Чтобы им запудрить мозги, придумали ритуал посвящения, для которого используют смесь жидкостей, выделяемых мужчиной и женщиной в процессе совокупления. Нередко обряд посвящения состоит из интенсивной медитации на кладбище, сидя на трупе. Всё это, конечно, забавно, но к сути никакого отношения не имеет, как и любой ритуал, цель которого именно увести от сути и спрятать её, ибо она противоположна тому, что делается в ритуале. Ритуал – это оправдание для действия, которое нравы и обычаи обыкновенных людей считают предосудительным или опасным. Например, чтобы найти оправдание совокуплению, тантристы, совокупляясь, делают вид, что воспроизводят святое соитие богов Шивы и Шакти.

Тантрики любят совокупляться группами, и часто все эти совокупления «деградируют» в оргию – как пишет другой учёный-недоумок.

Ебясь, тантринские мужики озабочены одним: чтобы сперму,

якобы связанную с их умом, не излить, а сохранить в себе (у этих тантристов – разжижение мозгов спермой).

Тут мне уже не удержаться от «медитации», которой я уже где-то занимался, но повторение – ёб твою мать учения.

Одержимость тантристов не достигать оргазма и сохранять сперму – очевидная выдумка тантристов-мужиков. Женщины, хотя и допускаются якобы на равных к тантре, но, по сути, им не дают сказать ни слова, а заставляют следовать указаниям мужчин, которые используют их как средство для своих медитативных делишек. Известно, что мужчина, как правило, легко достигает оргазма. А часто даже слишком легко. После оргазма ему требуется какой-то отдых для возобновления действий, которых поджидает его партнёрша – ведь женщина в состоянии и рада ебаться часами и испытывает множественные оргазмы. Понятно, что мужчине, для того чтобы хоть как-то удовлетворить женщину, а тем более если не одну, требуется напрягать все силы и умения, чтобы не кончить. Это требование и превратилось в навязчивую идею мужиков-тантристов ни за что не кончать. То, что они вынуждают женщин на пренебрежение оргазмом, – это та же подлая мужская суть, заботящаяся только о себе. Тантристы хотят заставить женщину продолжать в тантре неудовлетворённую жизнь, которой она наелась и в обыденности, когда мужики кончают через десять секунд и ей не удаётся успеть самой кончить. Женщине хватает этой безоргазменной тантры и в обыкновенной ебле, а тут её ещё хотят убедить вообще завязывать с оргазмом. Но Васька слушает, да ест. Женщина не сопротивляется идиотам-тантристам, а сидит себе на хуе, выросшем из позы лотоса, покачивается и кончает себе сколько ей вздумается, не выказывая оргазмы воплями, а с серьёзной миной медитантки. А дурак-тантрист под ней уверен, что и женщина такая же дура, как и он.

Для того чтобы исключить эмоциональную зависимость (связь) или чувственное притяжение между совокупляющимися в ритуале, партнёршу выбирают беспорядочно, какая придётся. (Это тантрики придумывают оправдание, чтобы иметь разных баб.)

С женой ритуально совокупляться не рекомендуется, так как легче увидеть богиню в чужой женщине, чем в той, к которой эмоционально привязан. (Уж это они точно подметили.)

Девственницы не годятся для ритуальных совокуплений – они являются причиной вырубания мужской силы. (Ещё бы, учи её уму-разуму, невольно сам втянешься в наслаждение, которое она впервые испытывает, а ведь наслаждаться для тантрика нельзя.)

Тантра демократична и не обращает внимания на касты –

участвовать в святой ебле может кто с кем хочет. (И поистине – в ебле все равны.) В тантре существует церемония поклонения женским гениталиям – некоторые гуру рекомендовали заниматься только поклонением им, и ничему другому. Более того, эти редкие мудрые гуру считали, что без поклонения пизде нельзя достичь полного освобождения (от неё же).

В отличие от ислама, женские лобковые волосы не должны сбриваться! (Ещё бы – такая существенная часть символа пизды – как же ей поклоняться, безволосой-то.)

Вот один из секретных, но разглашённых по миру тантринский ебальный ритуал: пизду мажут пастой из сандалового дерева, чтобы сделать её подобной красному цветку – в этом также сквозит тантринская любовь к менструации. Согласно тому же ритуалу, женщине дают наркотический напиток или все хором курят марихуану.

Начинается ритуал тем (никому не рассказывайте – опять тайна великая), что мужик возбуждает женщину, сидящую на его левой ляжке, и произносит свою мантру. А баба пока надраивает себе пизду чем-то святым. Пиздяной сок мужик, изловчась, засасывает хуем или даже ртом – сок пиздяной, разумеется, святой. Часть соков смешивается с шафраном, и этой смесью мужик себе на лбу рисует пятнышко, в котором тантристы находят смысл ебучий.

Потом все участники ритуала входят в состояние экстаза и принимаются цитировать поэзию, или совокупляться с кем попало, или просто лежат (накурившись) в состоянии транса, или плачут от счастья – в этом они познают истинную реальность. (Недаром тантра так пришлась по вкусу западным отвязанным.)

Тантристы занимаются тем, что противоречит традиционным нравам в Индии – они совершают ритуальное совокупление с партнёром, который не является супругом, употребляют возбудители, алкоголь и мясо (что запрещено в традиционной вегетарианской культуре Индии), а также часто посещают кладбища для совершения некромантских обрядов. Во как!

Кстати, по поводу индийского и прочего вегетерьянства – опять отступлю на шажок. Нравственная основа вегетарианства состоит во фразе:

> не хотим есть живые существа, мы, быть может, сами обратимся в кого-то съедобного в следующем перевоплощении.

Вегетарианцы, как коровы, пожирают растения – не подыхать же с голоду. Но с какой стати растения решили считать неживыми существами и без души? Разве они «глупее» животных?

Растения размножаются, растут, болеют, цветут (пизды и хуи имеют), исторгают запах, дают нам кислород и пр. Да, дело в том, что вегетарианцам необходимо где-то провести линию жизни, чтобы хоть что-то ещё можно было жрать. Вот они и хитрят, не замечая души в растениях, и жрут их за обе щёки.

Недавно обнаружили интеллект в рыбах, так нашлись людишки, которые сразу зареклись есть рыбу, чтобы не быть варварами.

Западные жители не могут, видите ли, есть собак – друга человека. Друзей не едят. А на Востоке едят и не давятся. Уж лучше самому съесть друга, чем отдавать на съедение червям.

Нечто подобное возникает у гуманистов хуевых, которые торжественно договорились, что жизнь начинается с зачатия, а значит, оплодотворённую клетку трогать нельзя – человечек. А если клетка не оплодотворена, то на здоровье менструируй и сперму пускай по ветру. Но ведь и клетка ещё какое живое существо, сидящее в засаде, поджидающее сперматозоидов и выбирающая, какому позволить себя оплодотворить! А сперматозоиды, у которых хватает ума двигаться по влагалищу, находить вход в матку, лезть в фаллопиеву трубу, находить яйцеклетку, драться между собой за право её оплодотворить, и т. д. Это ещё какая жизнь! Не менее волшебная, чем любая другая.

Но малодушные людишки проводят фальшивую и напыщенную границу в жизни, называя одну одухотворённой, а другую бездушной, потому как если её не провести, то тогда нужно будет не только запретить аборты, а заставлять женщин оплодотворять и вынашивать каждую клетку, запретить менструации, а также сохранять все сперматозоиды, чтобы их на эти яйцеклетки заливать и не позволять ни одному пропасть зазря.

А самое ужасное – если признать и растения одухотворёнными, то тогда останется только камешки жрать.

Решение же существует лишь одно: откинуть фальшивый надуманный гуманизм-сентиментализм и признаться себе, что да, мы рождены не только для того, чтобы создавать, но и для того, чтобы уничтожать жизнь. Бог недаром так на неё щедр, предоставляя возможность во имя выживания одной жизни уничтожать другую.

Но есть категория лицемеров и скудоумных, которая тешит себя иллюзией, будто они так любят жизнь, что ни за что не лишат её даже комара. Существует легенда о Будде, утверждающая, что он, увидев львят, умирающих от голода, дал львице разорвать себя на куски, чтобы она могла их накормить.

Нынешним подобным безумием для вегетарианских

последователей Будды должен быть отказ от приёма спасительных антибиотиков при инфекционном заболевании, чтобы не убивать бедных бактерий в своём организме – они ведь тоже живые – и покорно скормить им себя заживо.

Рациональные зёрна тантры, связанные со святостью ебли и поклонением пизде, склёваны теоретическим отвержением наслаждения и подменой его на вымученный умственный экстаз. Однако на практике, мне представляется, тантристы ебутся вовсю и массово с настоящим наслаждением, но прячут это от народа с помощью таинственности, секретности, обрядности и прочей белиберды. Ещё бы – ебись они в открытую, их бы давно уничтожили доморощенные и инородные моралисты. Так что все трюки тантры – это лишь способ выживания в среде буддистов, борющихся с наслаждением, а также среди прочих, устрашённых собственной немощью в сексе.

Итак, наиболее жизнелюбивыми оказываются мусульмане, и они доказывают это тем, что плодятся больше всех. Они любят секс, наслаждаются им на земле, не хулят желаний и стремятся в свой рай, который является лишь продолжением земных наслаждений, только в концентрированном виде.

Буддисты же норовят вырубиться с помощью медитации. Русские вырубаются с помощью водки. Другие – с помощью наркотиков. И во всех случаях – это уход и даже побег от жизни.

Специфика буддизма состоит лишь в разработке наиболее совершенного методического и технического аппарата по тщетному побегу от жизни. Ибо жизнь – это прежде всего желания, вместе с успехами и поражениями в стремлении их удовлетворить.

Ударение на последнем слове

Возникновение буддизма обязано психологическому шоку, который испытал Сиддхартха Гаутама, открыв смертность всего живого, и прежде всего свою собственную.

Резко усугубляющим шок явился тот факт, что открытие это произошло не когда Сиддхартхе было 10–12 лет, как это обыкновенно бывает, а когда он уже был взрослым мужиком. Нередко и юный отрок, познав о своей неминуемой смерти, впадает в ужас и депрессию, а тут такой большой дядя – можно и с ума сойти. Вот Сиддхартха и сошёл с ума, и симптомом этого умопомрачения стали его отчаянные усилия спрятаться от смерти. А для этого он придумал впадать в кому медитации.

Так бы всё на нём и нескольких учениках и кончилось бы. Но

его адепты стали заниматься писаниной, пересказывая его жизнь и его параноидальные идеи, щедро добавляя к ним от себя.

Любая религия, основанная на так называемых «святых текстах», является производной от литературы. Библия, Коран и буддистские нагромождения – это всего лишь талантливые литературные произведения, написанные обыкновенными людьми, имеющими с богами те же отношения, как и любой другой человек. Влияние этих книг объясняется тем, что они апеллируют к человеческой неудовлетворённости и к желанию остановить счастливое мгновенье. А так как людей, не ценящих то, что имеют, и не умеющих достичь, чего хотят, – великое множество, то люди эти радостно хватаются за выдуманную талантливыми или подчас гениальными писателями альтернативу, изложенную в жанре религиозной фантастики.

Убедительность этих произведений велика также и потому, что они основаны на реальных исторических событиях, которые трактуются (как и в любом художественном произведении) в угоду основной идее. А идея эта обращена в мир, противоположный земному, и мир этот якобы лучше и бессмертнее.

Тут вспоминается интеллектуальное трюкачество буддизма – в данном случае его японского варианта Zen, славного парадоксальными фразочками вроде такой:

> Вещи вовсе не такие, какими они нам представляются, и даже не противоположные тому.

Моя же религия Генитализма основана не на текстах, а на действиях. Так что похерьте всё это чтение худлита и скорее идите на хуй, в пизду или в жопу – там, и только там, вы отыщете своих богов.

ИНФОРМАЦИЯ ПОЧЕРПНУТА ИЗ СЛЕДУЮЩИХ КНИГ:

1. *Pandit Rajmani Tigunait.* Tantra Unveiled. Seducing the Forces of Matter & Spirit. Penncylvania: Himalayan Institute Press, 1999.154 p. ISBN 0-89389-158-4.

2. *Georg Feuerstein.* Tantra. The Path of Ecstasy. Boston: Shambhala Publications. 316 p. ISBN 1-57062-304-X.

3. *John Powers.* Introduction to Tibetan Buddism. Snow Lion Publications, Ithaca. New York, 1995.502 p. ISBN 1-55939-026-3.

4. *Philip Toshio Sudo.* Zen Sex. The way of making love. SanFrancisco: Harper, 2000.198 p. ISBN 0-06-251679-5.

5. *Martin Walter.* Kingdom of the cults. Minneapolis, Minn.: Bethany House, 1997.704 p. ISBN 1-55661-714-3.

На проторённых просторах Торы

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2005. № 130.

Одно из самых больших книжных впечатлений в моей жизни – это покупка Библии у старушки за десять рублей, что произошло году в 1968-м в Ленинграде. В те времена в СССР слово «Библия» звучало так же преступно, как слово «порнография». А в виде библейской «порнографии» мне досталось издание с иллюстрациями Гюстава Доре – огромный, толстенный фолиант в кожаном переплёте с золотым тиснением. Помню, с каким трепетом я нёс эту драгоценность домой в портфеле, в который мне еле-еле удалось засунуть эту Книгу Книг.

Я читал её подряд, потом выборочно перечитывал, потом опять подряд – до этого я никогда не держал Библию в руках и только натыкался на отдельные извлечения и цитаты в дореволюционной литературе. А тут, целиком, без сокращений, да ещё с картинками! Новеллы Ветхого Завета оказались самыми интересными, а нуднятина «Левит» и «Чисел», состоящих из перечня бесчеловечных законов да тёмного генеалогического леса – кто кого родил, – меня клонила в сон.

Впечатление от прочитанного сразу образовалось критическим. Несмотря на некоторые красивые пассажи и любопытные истории, сексуальная мораль этого фолианта мне была противна. Вот типичный отвратный образчик:

> Если кто будет прелюбодействовать с женой замужнею, если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего, – да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка (Левит 20.10).

Конечно, чего размениваться по мелочам, если контра, то – сразу к стенке.

Но неизбежным следствием жестокости сексуальной морали является ложь и фарисейство, а их в Библии – пруд пруди.

Помимо жестокости, нападки на прелюбодеяние – это чистой воды фуфло для шахтёров. Ведь даже сама морфология слова «прелюбодействуй» какая дивная: приставка «пре», означающая превосходную степень, «любо» – корень не только слова, но и корень того, что всем любо. Причём любо не в робких помыслах, а в действии – «действуй».

«Прелюбодействуй!» – звучит как команда женщины робкому

любовнику.

Мудрость же Торы итожится очевидными даже для всякого атеиста или иноверца заповедями, вроде:

> Почитай отца твоего и мать твою (Исход 20.12).

Такая мудрость не впечатляет, ибо у нас в крови сидит. Есть ли какая религия, где бы наущали избивать своих родителей? Нет, почтение и любовь к родителям – это не в иудейской заповеди, а в общечеловеческой природе.

Так что Тора не произвела на меня никакого назидательного, не то что религиозного, впечатления, а лишь показалась местами интересной псевдоисторической беллетристикой.

И вот теперь, через много лет, в Штатах, расправившись с исламом, буддизмом и христианством (читай меня всего), я решил, что надо бы прийти к истоку христианства и ислама, попить из Торы и сообщить миру о том, до чего я додумался, испив этой живомёртвой воды – благо под рукой-глазами имеется русский перевод Библии в Интернете и не нужно ворочать бесчисленные страницы неподъёмного фолианта и или вглядываться в петит карманного издания.

Читал я, читал и никакого секса в Торе (а ведь он – основа всякой религии) не нашёл – сплошные жестокости, несуразицы, глупости и бесконечные убийства, делающие Моисееву заповедь «Не убивай!» (Исход 20.13) лишь ещё одним проявлением лицемерия. А вместо секса – сплошные запреты на те или иные формы его проявления (Левит 20), и большинство сексуальных преступлений наказывается смертью. В том числе даже такое, как совокупление с менструирующей:

> Если кто ляжет с женою во время болезни кровоочищения, и откроет наготу ее, то он обнажил истечения ее, и она открыла течение кровей своих; оба они да будут истреблены из народа своего (Левит 20,18).

Ну и кто после этого побежит срочно записываться в иудеи?

Поощряемый секс в Торе ограничивается нескончаемыми реестрами, кто кого родил, чтобы генеалогическое древо выстроить, у которого Бог поотсекал немало ветвей, будучи в мстительном состоянии духа.

В пояснение асексуальности Торы оказалось, что русский перевод во многих местах оскоплён попами-переводчиками. Недаром Лев Толстой под конец жизни бросился древнееврейский язык изучать, чтобы Тору в подлиннике почитать. Он весь мат на иврите выучил и на этом свихнулся – сделал себе обрезание,

взгромоздился на велосипед и поехал голым по местечку, выкрикивая мат на древнееврейском и распугивая своим русским акцентом евреев, вылезших из своих лавочек поглазеть.

Вот один из яснозвучных примеров оскопления перевода Торы. Есть там такое:

> И пришло время Израилю умереть, и призвал он сына своего Иосифа, и сказал ему: если я нашел благоволение в очах твоих, положи руку твою под стегно моё и клянись, что ты окажешь мне милость и правду, не похоронишь меня в Египте (Быт. 47, 29).

«Стегно» – это бедро, между прочим.

Однако древнееврейский текст этой части Библии говорит прямо:

> возьми в руку свою мои половые органы.

Оказывается, это был обычный в те времена метод клятвы – взяться за самое дорогое. (Теперь же вместо «положа руку на хуй» говорят: «положа руку на сердце»).

Как пишет Лео Таксиль:

> Ученые-этнографы объясняют это тем, что мужские половые органы были в большом уважении не только вследствие обряда обрезания, связывавшего их с Богом, но еще и потому, что они, как источник размножения рода человеческого и залог благословения Божьего, являлись признаком силы, мощи.

Переводчики и попы, что занимались кастрацией текста Библии, должны бы караться смертью по ветхозаветным законам, так как они изменяли слова, «изречённые Богом», и таким образом подменяли его речь своей – что является высшим святотатством.

В связи с этим общепринятым методом клятвы – хватанием за хуй – вспоминаются подозрительные шум и суета, поднятые вокруг Хама (Быт. 9, 22). Ной валялся в дрезину пьяный и голый, и сын его, Хам, отцовский хуй увидал и глаз не отвёл, чем якобы свершил ужасный грех. Когда Ной протрезвел и узнал, что случилось, он такой хай поднял, будто Хам его кастрировал. Думаю, истинная причина «преступления» Хама крылась не в том, что он смотрел на обнажённого отца, а в том, что он увидел. По-видимому, хуй у Ноя был такой маленький, что ему стало стыдно этой раскрытой сыном тайны, которую он ещё и всем разболтал.

Так как я совсем не Толстой, а целый Армалинский, то я древнееврейского не изучал и посему мне придётся довольствоваться русским подлым переводом, всегда напоминая себе, что имею дело с сексуально «обрезанной» Торой, что явилось русской данью еврейскому обычаю обрезания.

Для ясности напомню, что Тора – это первые пять книг Ветхого Завета: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие – основной источник знаний для правоверных евреев. Ортодоксальные евреи, кроме Торы, вообще ничего не читают. Долдонят, раскачиваются, а по ночам плодятся-размножаются – чем не святая жизнь?

У меня, кстати, есть несколько знакомых российских эмигрантов, которые свихнулись на иудаизме и из нормальных мужиков превратились в пейсатых тюбетеечников. Они сидят на тюремной диете, простите, на кошерной (это надо же – омара не поесть – одну из лучших ед на Земле!) и семенят пешочком в синагогу по субботам. Вот до чего развитый капитализм недоразвитых россиян доводит.

Знаю я также и таких российских эмигрантов, что на Христе помешались. Проповедуют с безумными глазами зазубренные евангелиевские призывы и зазывают вступить в единственно верное учение.

Но самое смешное, что большинство христиан и не подозревают, что Христос был евреем и что его обрезали. Крайняя плоть Христа является предметом поклонения и одной из наиболее драгоценных реликвий в церкви Святого Иоанна Латеранского в Риме. Эта крайняя плоть даже чудесным способом размножилась: та же реликвия имеется в Шарру (возле Пуатье), в Пюи-ан-Веле, в Куломбе (возле Шартра), в Шалоне-на-Марне, в Антверпене и Гильдесгейме (видно, шинковали, чтобы всем по кусочку досталось). И не знает большинство христиан, что день «обрезания Господня» отмечается Церковью в первый день года – 1 января (см. Лео Таксиля).

Так что в Новый год, в праздник обрезания Христа, христианам нужно ходить и лобызаться, обмениваясь восклицаниями: «Христос обрезан!» – «Воистину обрезан!»

Но – бегом обратно, к Торе.

Начал я было уличать её в небылицах, лжи, подтасовке, невежестве, бесконечных повторениях и, в конце концов, в обыкновенной глупости, но потом вспомнил, что этим уже давно и успешно занималось множество мудрых людей: от Спинозы и де Сада до Вольтера и Ницше. Есть даже целая наука «Библейская критика», которая каждое слово Библии обсасывает и

выплёвывает, поскольку они несъедобны для логики и здравого смысла.

Я также почитал замечательную книгу Лео Таксиля *Забавная библия*, написанную в 1897 году. Эта книга в СССР радостно издавалась антибиблейским советским правительством, а я тогда в силу одного этого факта сразу проникся к ней отвращением, не читая. И напрасно – оказалась остроумная и зоркая книга – советская власть издавала среди прочего и хорошие книги.

Итак, умные, а подчас гениальные писатели многократно разбили в пух и прах фальшивую божественность библейских текстов, но, несмотря на это, иудаизм вместе с христианством продолжают здравствовать и растить новых отчаянных приверженцев, не говоря уже о всёсметающем исламе.

Поэтому моё омерзение к наглым выдумкам невежественных древних отморозков на жаре Ближнего Востока, которые приписали Моисею авторство Пятикнижия, сменилось задумчивостью над вопросом: что же такое вера? Почему люди продолжают верить в заведомую ложь?

Верят же, что Элвис Пресли ещё жив, с таким же упоением, как и в то, что Моисей таскал за собой сотни тысяч евреев в течение сорока лет по пустыне, что он одной левой разводил море на две стороны, делая в нём пробор, чтобы евреи не потонули в его буйной причёске.

Инстинкт веры

Для меня совершенно очевидно, что инстинкт веры заложен в человеке подобно инстинктам самосохранения и продолжения рода. Если инстинкт самосохранения заботится о физической жизни индивидуума, то инстинкт веры печётся о здоровье духовной жизни. Кров и пища – для здоровья тела, а вера – это кров и пища для души.

Причём вера вовсе не обязательно должна быть религиозной. Существует вера в коммунизм, в себя, в абсолютную истину, в переселение душ, в сексуальную верность партнёра и в чёрт знает что.

Однако вера только тогда вполне удовлетворяет человека, а следовательно, может существовать в людях значительные сроки, когда она обещает вечную любовь и бессмертие. Потому-то вера в коммунизм или нацизм и в прочие «материалистические» идеологии давала лишь частичное удовлетворение инстинкта веры, ибо гарантировала уверовавшему заботу и любовь смертного вождя, вместо вечной заботы и любви Бога. Тем не

менее писульки Сталина и *Майн кампф* стали в те времена в той же мере святыми, как и Библия. Но времена эти в исторических масштабах были кратки.

Первую, и основополагающую, веру испытывает ребёнок по отношению к своим родителям (воспитателям). Недаром Бог отождествляется с отцом, а «всякая власть от Бога», и потому властители тоже именуются «отцами», как и священнослужители – батюшками, а церковная шушера елейно обращается к пастве – «дети мои».

Родители для ребёнка – это высший авторитет, гарантия справедливости и безопасности, любви и заботы. В детстве родительский авторитет аксиоматичен, не требует доказательств, является само собой разумеющимся. Потом ребёнок вырастает в подростка, и тогда авторитет родителей, вера в их всемогущество, непогрешимость и абсолютность их знаний, а также и любви начинает подвергаться сомнению, а часто и ниспровержению. Потеря веры в родителей сопровождается ощущением потери собственной безопасности, а также осознанием своей смертности и повергает подростков в отчаянные поиски компенсации этой потери. В такое время может оказаться отвергнутой и религиозная вера, в которой родители воспитывали ребёнка.

Именно в этот период подростки особенно подвержены влиянию всевозможных учений и верований, чем пользуются политики и религиозные деятели. Подросткам необходимо заменить исчезнувшую веру в родителей иной верой.

В новой вере (часто предстающей в образе любви) подростки стараются вновь обрести чувства, которые они испытывали в раннем детстве.

Однако жажда любви и бессмертия имеется в человеке, даже если его родители им пренебрегали или если ребёнок был сиротой – тем с большей силой при взрослении будет у него проявляться инстинкт веры.

Разочарование в вере, потеря веры – это всегда трагедия для человека, и душевное счастье человек может обрести только приняв иную веру (опять-таки вовсе не обязательно религиозную).

Взрослые люди тоже подвержены феномену уверования, когда их постигают трагедии, которые лишают их всякой уверенности в себе и в завтрашнем дне. Среди них появляются всяческие неофиты и в том числе «Born Again Christians»[13]. Они находят родителей в Боге или богах, которые якобы будут их любить и заботиться, в обмен на веру и соблюдение предписаний, якобы сделанных ими.

Переход из одной веры в другую лишь свидетельствует о

поиске наиболее эффективной меры по успокоению души в земной любви и будущем бессмертии.

Уверовав, человек попадает в особое «запредельное» состояние, характеризующееся тем, что все логические нападки на предмет веры и аргументы, направленные на сомнение в ней, перестают восприниматься и человек старается их избежать. Желание уверовать описывается фразой Василия Розанова:

Я не хочу истины, я хочу покоя.

Сомнения, которыми часто мучаются верующие, в конечном итоге лишь укрепляют их веру либо понуждают их сменить одну веру на другую, которая подчас может называться «безверием». Так, атеизм – это та же вера, но в отсутствие Бога. Однако атеизм оставляет человека беспомощным наедине со смертью и тем делает его жизнь безысходной, а значит, не в полной мере потакает инстинкту веры.

Уверовав, человек изо всех сил старается послушно следовать постулатам принятой веры, что напоминает поведение человека в состоянии гипноза. Но если в гипнозе человек отказывается совершать внушаемые гипнотизёром действия, которые нанесли бы пациенту вред, то в состоянии веры люди согласны идти на самоистязания и даже смерть ради сохранения наслаждения от следования инстинкту веры.

Уверовавший напоминает человека в состоянии паранойи, то есть одержимого навязчивой идеей – постулатами его веры. Такой человек наполняется зрительными и слуховыми галлюцинациями, подтверждающими основания его веры. Например, в пятнах на стене верующим видятся изображения Бога, а капли росы на пятнах убеждают верующих, что это – слёзы божества.

Так как религиозная паранойя, как правило, не является социально опасной, а, наоборот, часто делает подверженных ей добропорядочными гражданами и привносит стабильность в общество, то болезнь эту государство не рассматривает в клиническом аспекте, а более того, всячески потворствует распространению её эпидемии.

Религиозная паранойя имеет более благородный вид, чем паранойя ревности или мания величия, – но все они результат глубокой веры.

Инстинкт веры можно рассматривать как силу, ведущую человека к такому восприятию мира, в котором благодаря жертвованию логикой возникает долгосрочная уверенность в собственной правоте. Правота эта придаёт смысл жизни, которая начинает состоять из служения Богу или навязчивой идее.

Примечательно, что жажда веры в человеке может удовлетвориться любой ложью, которая внушает ему уверенность в том, что его любят и о нём заботятся и что после смерти ему обещано счастье, если он будет «хорошо себя вести». Верующий наделён способностью интерпретировать любое событие и любой факт как подтверждение своей веры подобно параноику, который интерпретирует все факты и события как подтверждение своей мании.

Монотеизм как форма тоталитаризма

Введение иудеями единобожия было первой успешной попыткой установления религиозного тоталитаризма, нашедшего позже своё воплощение в материалистическом тоталитаризме, «установлением единственно верного учения» Ленина – Сталина, Мао Цзэдуна, Гитлера и прочих диктаторов. Строгое требование единобожия-единомыслия было необходимым шагом для сплочения еврейского народа. Такого рода военная дисциплина в поклонении одному богу, тщательно разработанный религиозный и бытовой церемониал и жестокие наказания, якобы исходящие от самого бога за малейшие отступления от ритуала позволили держать народ в кулаке и огнем и мечом искоренять непослушных. Беспощадная борьба с инакомыслием проявлялась, в числе прочего, в нетерпении и уничтожении всяких идолов, отливавшихся из золота. (Евреев раздражала бесполезная трата золота на скульптуры, тогда как им можно было торговать или делать из него украшения.)

Монотеизм позволил сконцентрировать эмоциональное внимание, которое раньше рассеивалось на многочисленные божества. Монотеизм явился лупой, которая собрала в одну точку солнечные лучи эмоций и разожгла огонь одержимости в душах и разуме еврейского народа.

Цель законов иудаизма, которыми исписана Тора, – это держать еврейский народ сплочённым с помощью обязательного следования детально разработанным ритуалам. Эффективность подчинения достигалась крайней жестокостью, которая начиналась с самого рождения – обязательным обрезанием мальчиков. По мере взросления еврея законы карали его смертью за малейшее преступление, в особенности за сексуальное. Собранные такой военизированной и беспощадной религией в кулак, евреи смогли выжить века, сплотившись в самый долгоживущий цивилизованный народ, сохранивший свои родовые признаки.

Целью сплочения евреев было, как мне представляется, выпестовывание и сохранение генетического кода, которое осуществлялось, во-первых, борьбой с неконтролируемой еблей с чужими жёнами. Во-вторых, наказанием за изнасилование – насильное смешение генов, нарушающее гармоничный рост генеалогических дерев. В-третьих – карой за еблю с иноверцами. Так не только люди, но и их гены держались в кулаке иудаизма.

С точки зрения демонстрации иудейских нравов того времени, показательна история «бесчестия» Дины, дочери Иакова, и «террористической» реакции её братьев, своеобразно защитивших её «честь».

> И увидел ее Сихем, сын Еммора…, князя земли той, и взял ее, и спал с нею, и сделал ей насилие (Быт. 34.2).

Но суть не в этом, а в том, что прилепилась душа его к Дине… и он полюбил девицу (Быт. 34.3).

> И сказал Сихем Еммору, отцу своему, говоря: возьми мне эту девицу в жену (Быт. 34.4).

Так называемый насильник мужем хотел стать – до нынешних времён невест крадут, «насилуют» где-то, затаскивают в свою постель, а потом законно женятся. Но то, что здесь произошло, оказалось хитрее и жестче – уж не этот ли рассказ вдохновил мусульман на систематизацию и канонизацию такого поведения в грядущем? А произошло следующее.

Еммор пришёл к Иакову и стал просить отдать Дину замуж за своего сына. Сопровождал он свою просьбу такими словами:

> Сын мой прилепился душею к дочери вашей; дайте же ее в жену ему; породнитесь с нами; отдавайте за нас дочерей ваших, а наших дочерей берите себе (Быт. 34.8–9).

Между тем братья Дины решили отомстить за её поруганную честь. Они прикинулись, что вообще-то не возражают против брака, но оговорились:

> …не можем этого сделать, выдать сестру нашу за человека, который не обрезан, ибо это бесчестно для нас.

Влюблённый в Дину «насильник» сразу согласился, причём не только сам, но весь свой народ мужского пола уговорил сделать обрезание – можно ли найти сильнее доказательство искренности любви к бабе?

А братцы, дождавшись, когда все мужики обрезались и были в малоподвижном из-за произведённой операции состоянии, вытащили мечи и уничтожили весь беспомощный народ вместе с женихом и его отцом, а город разграбили. Оправданием было:

не бесчести нашу сестру (Быт. 34.10–23).

Примечательно, что нигде не упоминается какая-либо реакция самой Дины – что она думала по этому поводу, хотела ли она замуж за своего насильника и был ли он насильником вообще. Всё решили братья – так и происходит до сих пор в исламских странах – братья пекутся о чести сестры, чтобы её поведение прежде всего не обесчестило семью (об Исламе см. на с. 171 наст. изд.). Да и теперь регулярно воспроизводится эта библейская история жестокими недоумками. И аргументация та же:

> разве можно поступать с сестрою нашею, как с блудницею! (Быт. 34.31)

Но ведь блудницу насиловать не пришлось, они сговорились бы о цене – это только «порядочных» приходится насиловать.

Обыкновенный верующий не читает Торы, а если читает, то отдельные куски и не вдумывается в них. Толкователи – попораввины дают народу выжимки под определённым соусом, и таким образом из Торы и святых книг берётся лишь то, что удобно для данной ситуации и для данного времени, чтобы простой смертный мог беспрепятственно следовать своему инстинкту веры. Потому происходит много искажений, изменений в восприятии Торы.

Вот простая история возникновения слова «онанист»:

> Ир, первенец Иудин, был неугоден пред очами Господа, и умертвил его Господь. И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней, как деверь, и восстанови семя брату твоему. Онан знал, что семя будет не ему, и потому, когда входил к жене брата своего, изливал на землю, чтобы не дать семени брату своему. Зло было пред очами Господа то, что он делал; и Он умертвил и его (Быт. 38.7–10).

Как мы видим, Онан не дрочил, и напрасно его имя к мастурбации прицепили. Онан вытаскивал хуй из пизды перед самым извержением, чтобы жена брата не зачала. А Бог, как оказывается, весь за зачатия – ему надо, чтоб плодились,

размножались. Никаких контрацепций! Бог в католицизм обратился. Но Бог – какая ведь падла! – за простой слив убить человека!

Итак, coitus interruptus евреям запрещён, а в исламе разрешён – прогресс, по сравнению с иудаизмом.

О мастурбации Онана речи нигде нет, тем более о женской (Моисей и не знал, что таковая имеет место). Так что онанизм – это термин для ебущихся, а не для одиноких.

Но евреи, слава богу, не следуют в этом деле Торе, да и у Бога руки коротки за такое убивать. Таким образом, люди отсеивают из Торы абсурдное как противоречащее их реальным желаниям или воспринимают в Торе лишь то, что удовлетворяет похоть их веры.

Привлекая на свою сторону авторитет Бога и говоря от его имени, косноязычный Моисей со своим переводчиком Аароном изрекали законы веры и обещали евреям райские земли вместо пустыни, если этим законам следовать.

Всё, согласное этой вере, воспринимается как правда, не требующая доказательств, а всё, что противоречит этой вере, воспринимается как ложь, не требующая опровержений. Вера даёт спокойную, уравновешенную, ориентированную жизнь – то, к чему стремится большинство людей. Предмет веры становится непринципиальным, если он «исходит от бога», от того, кто заведомо превыше тебя, а значит, пользуется неоспоримым авторитетом, который всегда подкрепляется пряником чудес и кнутом наказаний.

Бог мстил не только виновному, но и всему его роду – сталинско-генетический подход к врагам:

> Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный, сохраняющий милость в тысячи родов, прощающий вину и преступление и грех, но не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода (Исход 34.6–7).

Конкуренция Богу может возникать только от других богов, которых он пренебрежительно называет идолами, и за всякое предательство (поклонение идолам) еврейский Бог карает мучительной смертью.

> Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я

> Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня (Исход 20.4–5).

Подобную систему скопировал Сталин и другие диктаторы. Но так как они, в отличие от Бога, оказались смертны, то их системы рушились с их смертью. Бог же авраамовский продолжает здравствовать по сей день и в жестокостях своих не стареет, а лишь укрепляется. Следуя Торе, Бог организовал Холокост за какое-то неповиновение еврейского народа: обращение к идолам коммунизма, например.

> И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время (Быт. 6.5).
>
> …и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем (Быт. 6.6).
>
> И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их (Быт. 6.7).

Ну хорошо, на человеков рассердился, а скоты и гады-то при чём? И такого Бога называют милостивым, милосердным? Добрым? Маньяк-убивец какой-то, а не бог.

Евреи славны тем, что помогают друг другу и никогда не оставляют своих братьев в беде. Я думаю, это связано с тем, что еврейский Бог такой жестокий и беспощадный, что евреям пришлось защищаться от его гнева, активно помогая друг другу, чтобы избежать его смертельного внимания.

Чуть какая-либо глупость изрекается от имени Бога, человек сразу теряет критические и логические способности и начинает в неё верить – то есть безоговорочно принимать ерунду за мудрость, ложь за правду. Увы, многие библейские фразы эквивалентны по глупостям фразам Сталина, которые воспринимались как гениальные.

Евреи первыми догадались, что ложь объединяет людей, а правда разъединяет, и воздвигли на этом выдумки Торы. Впоследствии это открытие стало основой любой организованной религии.

Большинство законов Торы направлено на подавление всех инстинктов за исключением инстинкта веры, а подавление инстинктов является ложью по отношению к природе человека. (Можно съехидничать, что тяга к подавлению инстинктов и является природой человека.) Но зато эта ложь способна

объединить людей в социальные группы, способные функционировать в обществе. Тогда как правда, снимающая ограничения и возвращающая человека к его основам, разъединяет людей, ибо природа человека эгоистична, похотлива и воинственна.

Когда события и факты, изложенные в Торе, предстают очевидной и уже невыносимой ложью, то комментаторы, припёртые к стене, начинают трактовать эти события и факты как аллегорию или поэтическую гиперболу. Взять хотя бы чепуху с Вавилонской башней и смешением языков (Быт. 11.3–9).

Человек с ружьём – Человек с обрезом – Человек с обрезанием

Обрезанием занимались давно и до евреев. Иудеи только стандартизировали процедуру и сделали обрезание обязаловкой, что перекочевало к мусульманам. Бог скомандовал: «А ну – обрезаться все как один (Быт 17.11), а за это буду вам потрафлять».

Из всего этого меня интересует одно: каковы были мотивы самого первого «пациента», чтобы пойти на такую операцию?

Ныне существует статистика, утверждающая медицинские преимущества обрезания, мол, обрезанные меньше подвержены воспалительным процессам и даже венерическим заболеваниям да и прочим хуёвым невзгодам. Но ведь поначалу-то обрезанных не было и не с кем было сравнить подвергаемость заражениям и наблюдать прочие преимущества обрезанности по сравнению с необрезанностью. Поэтому самый первый, решивший обрезаться, должен был руководствоваться не статистическо-медицинскими соображениями, а какими-то иными. Иными же могли быть только сексуальные. Подметить, что обнажённая головка необрезанного члена – весьма чувствительна, и дикарю было нетрудно. Первая дикарская мысль была прямолинейно логичной: если держать головку постоянно открытой, то и наслаждения от постоянного контакта с ней будет больше. Только ради увеличения наслаждения человек мог пойти на такое болезненное мероприятие. (Другое дело, что головка, постоянно открытая из-за обрезания, будучи в постоянном соприкосновении с внешним миром, становится уже не такой чувствительной, как в случае сокрытия крайней плотью – а потому цель первого сладострастника его избежала, как и у тех, кто женится для того, чтобы вдоволь ебаться, – желание ебли от постоянного присутствия одного и того же тела быстро ослабевает.)

Так и женщины ради наслаждения подвергали себя опасности

беременности и болезненности родов, которая была велика в давние времена. Таким образом мужчины через боль и опасность обрезания как бы уравнивались с женщинами в боли и опасности родов.

Только через долгие годы практики обрезания могла накопиться фольклорная статистика о медицинских преимуществах обрезания. А когда она впечаталась в мозги, то еврейский Бог намотал это на ус и приказал всем своим подопечным делать обрезание как условие своего покровительства. Ныне сомнительная медицинская полезность обрезания и стала логическим аргументом, подтверждающая мудрость Бога.

> Необрезанный же мужеского пола, который не обрежет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего, ибо он нарушил завет Мой (Быт. 17.14).

Грозно сказано. Но я знаю немало чистых по крови евреев и необрезанных. Они живут и здравствуют, не истребляются душой, а ебут они этого Бога своим необрезанным.

Всенародное восхищение жестокостью

Самое подлое, но почему-то вызывающее почтение и восхищение (даже у Бродского, который гениальную поэму состряпал по этому поводу, не говоря уже о художниках, измазавших этим сюжетом гектары холстов), – это готовность Авраама убить своего единственного сына Исаака якобы по приказанию Бога (Быт. 22.1–12).

Одержимость верой так сильна, что лишает человека даже родительских чувств, – из-за божеских обещаний будущих или посмертных благ.

Кажется, Голда Меир сказала, что арабский терроризм прекратится только тогда, когда матери-арабки будут любить своих сыновей больше Аллаха. А весь этот арабский фанатизм-то от Авраама идёт, недаром он – общий папашка евреев и арабов.

В нынешнее время этот Авраам взрывчатку бы на себя нацепил, если бы ему Бог сказал, и пошёл бы взрывать кого попало. Эта гнусная история должна служить предостережением, до чего может доводить религиозный фанатизм. А вместо этого её с благоговением читают как образец для подражания истинно верующими. Так что евреи и христиане не имеют права обвинять в жестокости арабских террористов, пока поклоняются своему Богу и почитают Авраама, послушного ему.

* * *

Все уничижительные эпитеты по отношению к Торе (и прочим «святокнижным» выдумкам) справедливы только в том случае, если воспринимать Тору всерьёз как напутствие Божие, где каждое слово якобы правдиво и волшебно.

Однако если принять Тору как обыкновенную художественную литературу, религиозную фантастику, то тогда многие её части могут заслужить лестных эпитетов с точки зрения стиля, образности и прочих литературных параметров.

Пятикнижие – это книжки новелл, а также собрание статей Уголовного и Гражданского кодексов. Так что меня не волнуют логические несуразности и фантазии в новеллах – на то она и литература. Но жестокость кодексов, где смерть – главная мера наказания, является весьма показательной для понимания духа того общества.

Если же принять игру жуликов и безумцев, провозгласивших эту литературу «словом Божьим», и верующих, слепо принявших эту ложь, то ты обрекаешь себя на подчинение их правилам игры, а в ней логика – проигрышная карта. Ты будешь приводить веские аргументы, но верующие их органически не воспринимают, а жулики, поддерживающие выгодную им веру, ополчатся на тебя, охраняя источник их социальных благ и денежных доходов.

Из моего прочтения Торы следует, что Моисей и Аарон вошли в сговор, чтобы прибрать власть над еврейским народом. Для придания легитимности своей власти они придумали, что к ним являлся Бог и законы, которые они составили, наговорены Богом, более того – выбиты им на скрижалях (жаль, никто не провёл графологический анализ, который бы, без сомнения, доказал, что почерк был не Божий, а моисеевский).

Врачами, психологами, полицией давно разработаны специальные методы по вызволению людей, завлечённых в культы, где *их* эксплуатируют и вьют из *них* верёвки, а члены культов только этому и рады.

Когда речь идёт о культах, то все едины во мнении, что необходимо их членов спасать от пагубного влияния, лишающего *их* индивидуальности и превращающего их в одержимых рабов. Однако ортодоксальный иудаизм (как и христианство, и ислам) – это такие же культы, но называемые благообразным словом «религия». Отличие культа от религии только в количестве верующих. При зарождении христианства с ним боролись как с культом, пока он не заразил собой сотни тысяч людей, и тогда этот культ переименовали в религию. Но именно те же методы, которые используют для вызволения из культов, можно

использовать для вызволения из одержимого состояния фанатичной веры.

Однако никто не только не берётся лечить и сажать в сумасшедшие дома фанатиков иудеев, христиан и мусульман, а, наоборот, они внушают трепет и почтение.

Для меня же чуть в тексте появляется слово «Бог», текст этот сразу превращается в художественную литературу, но для большинства людей появление в тексте слова «Бог» превращает этот текст в документальное повествование.

* * *

В Торе изображается вовсе не образ и характер Бога, а уровень интеллекта и пределы фантазии авторов, его придумавших. Иудеи не смогли нафантазировать Бога в виде летающей тарелки, а пошли по простому и наглядному пути – изобразили Бога по образу и подобию человека («человек есть мера всех вещей»). А чтобы оправдать поразительное сходство их Бога с человеком по психологии и чертам характера, авторы Торы вложили в Божьи уста заявление, что это якобы Бог создал человека по своему образу и подобию. Подлог этот органически необходим, так как Бог должен быть понятен народу, а потому-то и сделали Бога человекоподобным. Заодно человек преподнёс сам себе весьма лестный комплимент – богоподобие – он якобы одно лицо (и тело) с Богом.

На этом основании верующий ожидает от Бога проявления тех же чувств и эмоций, которые свойственны человеку. То есть Бог по Торе является таким же своим в доску мужиком, только бессмертным и со способностью творить чудеса.

А коль так, то у Бога хуй имеется и зад. Но нигде в Торе не говорится, как Бог ими распоряжается.

Кроме того, раз единобожие и никаких богов и богинь рядом не водится, то Богу остаётся только дрочить, поскольку людей, в отличие от греко-римских богов, он не ебёт. Так что монотеизм обрекает Бога на мастурбацию. Не станет же он унижаться, чтобы каких-то ангелов ебать.

* * *

В самой первой главе Бог приказал мужчине и женщине (ещё без имени) плодиться и размножаться (Быт. 1.28). И это было ещё до упоминания древа познания. Бог подначивал: «наполняйте

землю» – а значит, они еблись себе спокойно в раю и вовсе не из-за ебли Бог их изгнал. Поначалу Бог еблю боготворил.

Причём рай находился на Земле, а не в небесах. Вот адрес:

> И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал (Быт. 2.8).

С чего люди воздевают глаза к небу в поисках рая? Точно ведь сказано: на востоке. Вот и прите на восток. Рай – он на Земле, и радоваться этой жизни надо, райской.

* * *

Согласно недоумкам, вравшим о начале людской жизни на Земле, она вся состояла из сплошного кровосмешения – а то как могли иначе расплодиться Адам и Ева: не иначе как со своими детьми еблись, а их дети – друг с другом и всё последующее потомство было близкими родственниками.

Но прежде всего сами Адам и Ева генетически были ближайшими родственниками: как-никак Ева-то из Адамова ребра сделана была. Ближе брата с сестрой.

Это как в анекдоте про червя, что вылезает из земли и видит неподалёку другого червя, вылезшего из земли. Вот первый и обращается ко второму: «Давай поебёмся!»

А второй отвечает: «Дурак, я твоя жопа».

В данном случае достойным ответом Евы на поползновение Адама должно было быть: «Дурак, я твоё ребро!»

И несмотря на это, те же или уже другие авторы Торы спохватываются и от имени и по поручению Бога карают смертью даже за взгляд на обнажённых родителей, братьев, сестёр и прочих близких родственников (Левит 18).

А в чём конкретно состоит-то это добро и зло, которое Адам и Ева познали?

Это объясняется вполне ясно – до пожирания плода с древа добра и зла:

> были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились (Быт. 2.25).

Откушали яблочка и открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе

опоясания (Быт. 3.7).

Итак, добро, которое Адам и Ева познали, – это обнажённость, а зло, которое они познали, – это стыд. (Или наоборот, как утверждают иные.)

Недаром же говорится «умереть от стыда» – именно стыд стал причиной смертности Адама и Евы, накарканной Богом за вкушение яблочка.

Из этого следует важный вывод для верующих в Тору: борьба со злом должна состоять в борьбе с половым стыдом. Полное избавление от стыда должно вернуть людям первоначальное бессмертие, которым обладали не ведавшие стыда Адам и Ева.

Приятие обнажённости без стыда и даёт райские ощущения – именно те, что испытывают любовники. Чем более они бесстыдны, тем в более глубоком раю они пребывают. Короче, избавляйся от стыда половых органов и ебли – и тогда тебе рай гарантирован.

А вообще-то надо было Адаму и Еве поесть запретных яблочек, чтобы вкус почувствовать, а потом вставить два пальца в рот и выблевать их. Так бы и рыбку съели, и на хуй сели б.

Итого, в бесстыдстве вернёшь себе бессмертие и с ним – райское блаженство.

Не хуй и пизда с еблей – грех, а грех их стыдиться. Стыд оказывается причиной всех несчастий. А значит, избавление от стыда может стать решением всех людских проблем.

Любовники должны воздерживаться от ебли посреди улицы не из-за стыда, а лишь по соображениям безопасности, точно так же, как и водитель не будет ехать по стороне встречного движения не из-за того, что ему стыдно нарушать правила движения, а по соображениям той же безопасности. Точно по этим же соображениям безопасности, а не по соображениям морали, должны ограничиваться законом совокупления в общественных местах – слишком много соучастников и последователей остановят общественную жизнь, полностью заменив её на половую.

И тут мы видим, что моральный уровень придуманного Бога чрезвычайно низок: его не волнует проблема стыда, добра и зла – всё, чем обеспокоен Бог, – это конкуренция со стороны «самопальных» богов. Вот как Бог проговаривается словами Моисея:

> …вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно (Бытие 3,22).

Кого «Нас-то»? Это что, в кустах ещё несколько богов прячутся?

Адам с Евой на тот момент ещё полубоги: знают добро-зло, но лишены вечной жизни. А если ещё и вечную жизнь получат, то богами станут и хана еврейскому монотеизму. Так что изгнали из рая Адама и Еву, чтобы конкуренции не возникло, чтобы монополию монотеизма сохранить.

Расплодившись, люди добились множественности партнёров и пришли к идее многоженства и групповых совокуплений:

И взял себе Ламех две жены… (Быт. 4.19)

Это первое упоминание менаж труа. Причём нигде многожёнство не порицается и заповедь «Не прелюбодействуй» оказывается тем менее страшна, чем больше у тебя жён. Ибо при возможности множить количество собственных жён посягать ещё и на чужих – это просто жадность. Так что заповедь «Не прелюбодействуй» борется не с еблей, а с жадностью. Хочется новой бабы? – возьми себе восемьдесят пятую жену, а не лезь к чужой.

Это лишь когда Христос нарушил копирайт, перетащив к себе эту Моисееву заповедь, и установил моногамию, та же невинная заповедь «Не прелюбодействуй» превратилась в жестокий приговор: ебать одну бабу всю жизнь.

* * *

Адам жил 930 лет (Быт. 5.5) – по инерции от потерянного бессмертия. Ной и прочие первые прапапаши жили по нескольку сотен лет, а потом началась деградация – жили всё меньше и меньше (Моисею было проще врать про давних предков – никто по метрикам проверить-то не мог, кто сколько жил, вот он и накручивал. А о недавних людях и современниках Моисей уже не мог заламывать такие цифры, и они жили нормальный человеческий век). Объясняется эта ложь о прошлом долголетии тем, что Бог в какой уж раз возревновал к человеку, обиделся, надулся:

> И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет (Быт. 6.3).

Неча, мол, зажился, сказал Бог и поставил планку: сто двадцать лет – и в гроб.

* * *

Авторы Торы под ручку с Моисеем подтверждают извечные и неизменные основы сексуальных предпочтений мужчин, которые направлены на красоту женщины, а не на её душевные качества:

> …тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал (Быт. 6.2).

* * *

Характер Бога, который списали с себя и со своих знакомых создатели Торы, спрятавшиеся под псевдонимом Белкин, простите – Моисей, – нарисовали крайне несимпатичный автопортрет – портрет человекообразного Бога, напоминающего самодура. Этот Моисеев Бог – несёт чушь, и, вместо того чтобы на неё наплевать, читающий её народ в страхе начинает толковать эту чушь с позиций собственной виновности.

Еврейский бог – самодур, злобарь, не держащий своё слово, которое «сначала было» (всё время норовит забыть и не выполнить обещанное – Моисею приходилось несколько раз напоминать Богу, что тот обещал Аврааму покровительство над его расплодившимся семенем, а не уничтожение его). Такой Бог, сварливый и злой, очень напоминает народу его правителей. И потому в него легче уверовать, легче подчиняться и легче уклоняться от подчинений. Бог еврейский – это типичной чиновник, поддающийся на лесть, чревоугодник и взяточник. Вот каким образом Ной заново заслужил у Бога утерянное было расположение:

> И устроил Ной жертвенник Господу; и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых и принес во всесожжение на жертвеннике (Быт. 8.20).
>
> И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего… (Быт. 8.21).

Как вам нравится этот идиот-бог: понюхал вкусного мяса – и простил.

А ведь это точный портрет руководителя того времени!

Впрочем, и нынешнего тоже.

Другая характерная чиновничья черта человекообразного Бога – это взяточничество. Из подношений ему можно возвести Вавилонскую башню – «Музей подарков товарищу Богу» (см. Исход 25.1–8):

> И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым, чтобы они сделали Мне приношения; от всякого человека, у которого будет усердие, принимайте приношения Мне.
>
> Вот приношения, которые вы должны принимать от них: золото, и серебро и медь, и шерсть голубую, пурпуровую и червленую, и виссон, и козью, и кожи бараньи красные, и кожи синие, и дерево ситтим, елей для светильника, ароматы для елея помазания и для благовонного курения, камень оникс и камни вставные для ефода и для наперсника.
>
> И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их…

Так устраивали себе богатую жизнь священнослужители, требуя от имени Бога подношений для обеспечения своей комфортной жизни.

Мелочная забота богослужителей, авторов Торы, о своём благосостоянии простиралась и в область гигиены – они не хотели возиться с грязными прихожанами:

> сделай умывальник медный для омовения и подножие его медное, и поставь его между скиниею собрания и между жертвенником, и налей в него воды; (Исход 30.18)
>
> и пусть Аарон и сыны его омывают из него руки свои и ноги свои… (Исход 30.19).

Цензура небось удалила Божьи инструкции, чтобы жопы тоже мыли перед входом в скинию.

* * *

У авторов Торы наряду с паническим ужасом наготы (нудистского пляжа не видали, что ли?) существует и не менее панический ужас от пересыпа с чужой женой. Людей убивать сотнями и тысячами – пожалуйста, за это только почёт победителю, но ебать чужую жену – для Моисея ужасней

преступления нет.

Авраам и многие другие персонажи Торы, оказавшись с красивыми женами в чужих землях, договаривались с супругой, будто они брат и сестра. Тогда местные мужики не убивали мужа красавицы, чтобы до его жены добраться (высокая мораль: сначала мужа убей, а потом его вдову еби – а по очереди – ни за что, не говоря уже о том, чтобы втроём порадоваться). Так что чужие мужики ебли жён как сестёр, а мужья терпели, чтобы выжить, а часто на этом карьеру себе делали.

Так и с Авраамом получилось, когда в Египет с Сарой притащился (Быт. 12.11–19). Фараон сразу на нёе глаз положил и к себе в пирамиду затащил. А Бог, не будь дураком, – сразу фараона по башке за еблю чужой жены (Аврааму за враньё, что сестра, ничего не было). Фараон дорубил, что раз несчастья на него посыпались, так это непременно за еблю чужой жены, в остальном он был абсолютно безгрешен.

> И призвал фараон Авраама и сказал: что ты это сделал со мною? для чего не сказал мне, что она жена твоя? (Быт. 12.18)
>
> Для чего ты сказал: она сестра моя? и я взял было ее себе в жену.
>
> И теперь вот жена твоя; возьми и пойди (Быт.12.19).

Эта история с Авраамом и Сарой нудно повторяется позже (Быт. 20.2–18), а затем их сын Исаак устраивает ту же комедь со своей женой буквально слово в слово (Быт. 26.6–11) – ничего оригинального Моисею и соавторам придумать не под силу. Ни хорошего редактора, ни корректора при собирании Торы воедино, конечно, не нашлось – сваливали всё в кучу.

Ещё повезло Аврааму, что не прибил его фараон бейсбольной битой, а отпустил на все двадцать четыре стороны. Опять двадцать пять – Бог оплошал.

Но Сара хорошая баба была – не жадная и заботилась о сохранности и важности Авраамова семени. Не заставила Авраама – а ему 86 было – усыновлять кого-то чужого, а сама приволокла ему египтянку Агарь – еби её, коль мне не зачать, – пусть хоть от неё ребёночек будет (Быт. 16.3–5).

Сколько теперь найдётся таких благородных жён? Да они лучше хуй мужу отрежут, нежели дадут ему другую бабу ебать, не то что ребёнка сделать.

Да, поистине золотые времена были. В 86 лет без всякой виагры детей делать! (Быт. 16.16). И не только Сара такой доброй была, Рахиль и Лия – каждая Иакову служанку на лежанку подкладывала… (Быт. 30.1–9).

А то, что жена Лотова соляным столбом стала из-за того, что оглянулась (Быт. 19.26), – так это её Бог ублажил, чтобы её все лизать приходили, когда соль требовалась. Особенно солёным у неё клитор был.

Другим Божьим мотивом для обращения Лотовой жены в столб стала новая волна пропаганды кровосмешения. Две дочери, с которыми Лот жил в пещере, по очереди напоили его, переспали с ним да ещё забеременели (Быт. 19.30–36). Всё описано так деловито, будто ебли дочери своего пьяного отца из высших моральных соображений – забеременеть. А о том, кончили они или нет, а если кончили, то сколько раз и в какой позе, – об этом почему-то Тора умалчивает. А ведь это является самым главным – забеременеть ведь ничего не стоит, а оргазма с пьяным добиться – эта задача может быть непростой.

Одна из самых популярных историй Пятикнижия – это как Иосиф подвергся sexual harassment со стороны жены начальника и упорно её не ёб, несмотря на отчаянные зазывы голодной женщины (Быт. 39.1–23). Иосиф выстоял только потому, что у него не стоял, и, вследствие его слабины, ему присвоили звание «святой Иосиф». Но называть его так стали уже христиане, спешно именующие «святым» всякого, кто отказывается от ебли.

Славная ложь

Моисеевы заповеди, которые он приволок с Синая, были просто итоговыми выводами из наблюдений за человеческой природой, втемяшенной в человека на генетическом и ещё бог (хуй) знает на каком уровне.

Но генетика, что есть запрограммированная суть человека, ведь поистине создана Провидением, Богом или богами, и потому познавание этой сути – человеческих свойств – через практику и было не чем иным, как распознаванием божественных повелений. То есть через ложь (сказав, что заповеди и прочие законы написаны Богом) авторы Торы кое-где констатировали правду (например, что родителей чтят, что кражи вредны для здоровой экономики, что лжесвидетельство профанирует правосудие и, следовательно, дестабилизирует общество и т. д.).

Получается, что с помощью лжи (Бог написал) была утверждена правда (Бог сделал).

Попытка предотвращения прелюбодеяний и боязнь прикосновения к чужим жёнам имела своей целью слежение за генетической структурой каждого рода, чтобы сторонние примеси спермы не превращали садовое генеалогическое дерево в дикий

генеалогический кустарник.

Произошло объединение евреев с помощью лжи, для выполнения предназначения, уготованного Провидением. Другими словами, с помощью лжи вершилась правда Божьего Промысла.

Получается, что к правде можно прийти через ложь, ибо и ложь не творится без ведома Бога. Ложь – это одно из орудий для свершения планов Провидения, и таким образом иезуитское «цель оправдывает средства» рождается из сути Торы.

Великое моральное оправдание такого подхода состоит в том, что ложь произносится пророком (а не жуликами-священнослужителями) в состоянии крайней веры, то есть бессознательно, когда человек видит галлюцинации, слышит голоса и ни минуты не сомневается, что это явь. Таким образом, эта ложь ненамеренная, неосознанная, а потому для «лгущего пророка» ложью не являющаяся. Люди же, что слушают и повинуются пророку, тоже не знают, что это – ложь. Только люди вне системы, сторонние наблюдатели, могут эту ложь понять и увидеть.

Итак, ложь становится методом продвижения к правде, потому что правда без упаковки в ложь трудно перевариваема для народа.

* * *

Тору можно рассматривать в качестве подсказки того, как можно выйти на общение с Богом напрямую (то есть отвергнув её, как я). Тора – ложь, но в ней намёк. Большинство же не узнаёт, что это подсказка о божественном, и воспринимает Тору как само божественное.

* * *

Для большинства людей, чтобы уверовать, требуется глупость и ложь. Для отдельных людей, чтобы уверовать, требуется разум. Вот я, разумный, смотрю на цветок или в пизду и глубоко верю, что без божественного вмешательства такое чудо возникнуть не могло.

На каждого человека требуется своё чудо, чтобы уверовать. Впрочем, сам разум и есть то чудо, которое позволяет уверовать.

* * *

Глядя на неслучайность многообразия, хотя бы цветов, на запланированность жизни генами, на волшебные стечения обстоятельств, формирующие судьбы людей и мою собственную, я всё непоколебимее убеждаюсь в том, что и «волоса не упадёт с головы» без ведома Провидения. Такого рода тотальная предначертанность выводит меня к принятию чуть ли не всего, ибо, как я писал в юности: «Раз есть, значит, должно быть». Применительно же к россказням Торы моя позиция вынуждает меня принять в ней всё, что я так активно отвергал, поскольку тогда каждое слово в ней, как и в любой другой книге, есть именно тот «волос», который сам по себе не падает. Да и каждое движение моё и всех людей будет походить на движения марионеток, которыми управляет Бог. В таком случае я лучше срочно похерю эту веру про «волосы на голове» и найду себе веру посвободнее. Вот, например: если каждый волос падает с головы лишь по воле Провидения, то каждый волос с лобка падает только по воле ебущихся или дрочащих.

Причём чудес в этой области я тоже навидался достаточно, чтобы уверовать.

* * *

В Библии самой религиозной, полной высшего смысла фразой мне представляется:

В начале было Слово.

И то лишь потому, что я сам – писатель.

Но вещая фраза эта даже не в Торе находится, а в Евангелии от Иоанна.

Тем не менее толпы уверовавших продолжают носиться со «святыми книгами», как с писаной Торой.

Альфред Кинси среди самцов и самок

Читай о Кинси
и не кисни:
он все табу
видал в гробу.

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2005. № 132.

С делами Альфреда Кинси я знаком давно, но его судьба мне была неизвестна. Интерес к его личности возник у меня лишь после просмотра фильма *Kinsey*.

Краткая шестидесятидвухлетняя жизнь Кинси показалась мне много интересней, чем его исследования, хотя они и стали весьма важны для своего времени.

В фильме добросовестно обозначены главные вехи, но в силу специфики кинематографа в фильм невозможно втиснуть то, что свободно и полноводно движется в книгах. Так что взялся я за печатное слово.

Название самой последней и полной биографии Кинси, которую я штудировал – *Секс есть мера всех вещей*, – является обыгрышем знаменитого афоризма Протагора:

Человек есть мера всех вещей.

Так как человек насквозь и со всех сторон пронизан сексом (во всяком случае, с точки зрения Кинси), то человек – это и есть секс, а значит, название выбрано с поистине научной точностью.

Альфред Кинси родился 23 июня 1894 года в маленьком городке в Нью-Джерси. Добрую, заботливую мать подавлял деспотичный, но тоже заботливый отец Альфреда – маниакально верующий христианин, преподаватель местного колледжа.

Первые десять лет жизни Кинси – это сплошные болезни, отягчаемые бедностью семьи. Ревматическая лихорадка, рахит. Он болел, затем выздоравливал в долгом постельном режиме, потом снова болел – пропускал много школьных занятий. Над такими слабаками в школе издеваются и часто бьют. Так с Альфредом и делали. Однажды за ним бежали одноклассники, чтобы очередной раз поизмываться. У него в кармане были одноцентовые монеты, которые он бросил за собой. Мальчишки остановились их собирать, и так он избежал погони.

(Аналогичным образом он уже взрослым бросал в общество научные данные, чтобы оно его не побило за интерес к сексу. Это была масса экспериментальных данных, которые можно уподобить центам не по ценности, а по множественности.)

Мать регулярно посылала Альфреда по лавочкам и магазинам, чтобы он купил еду в долг. Это было чрезвычайно унизительно и противно для него, так и в будущем он не умел и не мог заставить себя просить деньги на свои научные исследования – к счастью, за него это делали его друзья и коллеги.

Меню бедных Кинси состояло в основном из картошки, и Альфред возненавидел её, а повзрослев, избегал её в своём рационе.

Несмотря на бедность, его мать и сестра страдали от тучности. А вот Альфред был стройный и высокий.

Обстановка в семье, которая формировала Альфреда, определялась его фанатичным отцом, самым ярым христианином из всей общины методистов, к которой он принадлежал.

Его никто не любил, а студенты подсмеивались над ним, подсчитывая, сколько раз за лекцию он произнесёт слово «я», которым он самодовольно злоупотреблял, ибо был убеждён, что ему известна окончательная истина.

Продажа детям табака в их городке была запрещена. Отец посылал Альфреда в магазин для провокации, чтобы тот попытался купить сигареты, а когда магазинщик, не в силах устоять перед выгодой, продавал пачку, отец врывался в магазин, заставая его с поличным, и устраивал скандал. За это Альфреда тоже не шибко любили в школе и вокруг.

В воскресенье не позволялось ни игр, ни развлечений – вместо них ходьба в церковь на три службы. Да ещё церковная школа, занятия в которой проводил отец.

Альфред вспоминал своё детство с омерзением и, кроме ненавистной картошки, он, став взрослым, не мог терпеть ноготки, циннии и глицинии, которые росли у них в доме: будучи изрядным цветоводом, он отказывался сажать их у себя.

С пяти лет Альфред увлёкся музыкой, причём пожизненно – тётка давала ему уроки фортепиано. У него был явный музыкальный талант, и к шестнадцати годам он становится замечательным пианистом. Альфред выступал на различных вечерах, включая школьные. Стал сам давать уроки музыки. Его любимцы – Бетховен и Шопен.

В 1903 году Кинси заболел популярным тогда тифом. Месяц проболел с высокой температурой, и в результате вдруг излечился от ревматической лихорадки. Клин клином вышибло.

Но врачи каркали, мол, болезни так ослабили сердце Альфреда, что не дожить ему до 21 года. Его явно впечатлило это предсказание, потому как работал он всю жизнь с величайшей интенсивностью и напором, чтобы успеть сделать побольше.

Отболев и выйдя в школу, Альфред вызвал сочувствие у двух главных хулиганов, которые взяли его под свою защиту, и издевательства над ним прекратились.

Самую великую радость тогда юный Альфред обрёл в природе. Отец пробудил у него интерес к ботанике, построив при доме маленькую оранжерею. А в школе училка по биологии проняла Альфреда животным миром и гульбой по лесам.

Кинси стал сам уходить в долгие походы в леса и горы. Он пригласил своих двух хулиганов-покровителей пойти с ним на ботаническую тридцатикилометровую прогулку с десятикилограммовыми рюкзаками и уморил своих крепких ребят, а сам был свеж как огурчик и тем доказал, что он не слюнтяй. А те почувствовали себя обманутыми – не может быть, чтобы у Альфреда было больное сердце, о котором все вокруг говорили и чем он вызвал их сочувствие.

В старших классах Альфред упорно, глубоко и успешно учился и получил кличку «Великий учёный». Наука в итоге заменила Альфреду христианство и помогла преодолеть диктат отца.

В 1908 году в Англии возникло движение бойскаутов, в 1910-м бойскауты появились в Америке. Главной целью этого движения было сделать американцев более мужественными (надо было для этого им больше пизды давать и мужать на ней). Кинси в 14 лет вступил в бойскауты, а повзрослев, оставался в этой организации вожатым до 27. (Советские пионеры содрали с бойскаутов даже свой лозунг «Be prepared!», переведя как «Будь готов!»)

Кинси воспитывался, окружённый довлеющим чувством вины за всё, что хоть как-то связано с сексом. Христианская догма, что любой секс является грехом, кроме как для мужа и жены и только с целью делания детей, отражалась во всех американских антисексуальных законах и нравах. По сути, разделение Церкви и государства не существовало. Но общество пошло даже дальше – согласно святому Августину первородным грехом было ЗНАНИЕ о сексе и, следовательно, чтобы бороться с грехом, нужно было вообще не говорить о сексе, а если уже никуда не деться, то говорить как можно меньше и туманнее.

Отец Кинси всячески внедрял такое поведение. Никакая степень наготы не позволялась в доме, особенно для взрослых. Он Альфреду запретил всякие отношения с девочками. Запрещалось

трогать себя, чтобы не выйти на мастурбацию. Кроме паранойи от мастурбации, существовал в то время и ужас перед венерическими заболеваниями, которые широко распространились после Первой мировой войны. Сифилис был неизлечим и являлся жупелом, как сейчас – СПИД. А потому половая жизнь рисовалась попами и моралистами ещё более устрашающей. О презервативах даже упоминать было невозможно.

Детальная история сексуальной жизни Кинси записана его двумя ближайшими друзьями-сотрудниками и закодированная лежит в сейфе *Kinsey Institute in Indiana.* (Когда-то это станет достоянием гласности, и все станут читать «Тайные записки» Кинси.) Однако помимо его личных откровений, существует значительное количество воспоминаний его ближайших друзей, писем и личных интервью, так что материалов набралось достаточно, чтобы восстановить детали интимной жизни Кинси, а не только научной и общественной.

Несмотря на все отцовско-христианские запреты, детская сексуальная жизнь шла своим непритесняемым чередом: лет в пять дети, и в том числе маленький Альфред, собирались в basement дома[14] и занимались интернациональной игрой в доктора и больного, рассматривали и трогали половые органы друг друга. Особо его впечатлило, как одна девочка пыталась просунуть ему в мочевой канал соломинку или что-то в этом роде. Впечатление оказалось настолько сильным, что, взрослея, он сам занимался засовыванием туда разных предметов в процессе мастурбации.

Кинси до женитьбы как будто и вовсе не ёбся. Все общения его были с мальчиками да юношами и цвели на фоне бойскаутства.

В мужских школах и интернатах запрещалось до 18 лет всякое общение с девочками, а посему расцветала любовь между мальчиками. Старший любил младшего. Кинси как вожатый выслушивал проблемы скаутов, и среди них обязательно были вопросы, связанные с сексом. Когда его друг признался ему, что он занимается мастурбацией, Альфред предложил ему вместе преклонить колени и помолиться, чтобы тот избавился от греховной привычки.

Обучаясь в колледже, Кинси тоже вёл безбабью жизнь. На студенческих вечеринках он играл на рояле и под его музыку парочки танцевали. Наверно, смотрел на парочки с музыкальной завистью или вообще не смотрел, а мечтал об очередной лекции по зоологии.

Короче, по его собственному признанию, он женился в 27 лет

девственником, будучи профессором, и произошло это событие 21 июня 1921 года. Просто кураж какой-то – поистине: из грязи девственности в князи секс-гуру.

Мужик-то Кинси красивый был, статный блондин, бабы по нему сохли, а он этого не замечал, занимался изысканиями в области мух да жуков – в насекомых влюбился, энтомолог называется. И из всей этой летающей, бегающей и ползающей жути он выбрал для изучения gall wasp – осу Кнопперса, или по-русски – орехотворку:

> надсемейство перепончатокрылых насекомых. Длина 1–5 мм, некоторых до 25 мм. Около 1900 видов. Распространены широко. Личинки паразитируют в тканях растений (чаще на дубах и розоцветных), вызывая образование галлов – большей частью в виде орешков (отсюда название); некоторые – в личинках других насекомых, напр. капустной и луковой мух.

Это из насекомой энциклопедии.

Ни летать, ни ужалить эта оса не может, а крылья использует для сохранения равновесия.

Кинси обнаружил, что орехотворка на то время была совсем не изучена. А заняться изучением того, чего ещё никто не изучал, давало гарантию стать международным экспертом по этому насекомому. Так учёные делают себе имя.

Вершин в постижении этих ос Кинси достиг действительно невиданных, он стал видным учёным, книг и статей про этих букашек понаписал горы. Забавно, что это редчайшее насекомое, которое может размножаться без совокупления самца и самки.

Кинси ездил в экспедиции по всем штатам и в Мексику, чтобы собирать своих блох. Он доказал, что эволюция его шершня и вообще у других сверчков может не быть постепенной, а происходить скачком и что изоляция его осы оказалась важнее для её эволюции, чем принцип выживания сильнейшего. (Мне же это говорит не столько о скачке эволюции, сколько о подталкивании божьим перстом в нужном направлении, что и воспринимается как скачок.)

К 1937 году Кинси стал суперэнтомологом, одним из ведущих учёных университета.

А женился он даже не по собственной инициативе, а по инициативе, проявленной его будущей невестой, Кларой МакМиллен (в будущем все её звали Мак). Она, ботаник и спортсменка, давно положила на него глаз в университете. Тоже, между прочим, девственница, Мак считалась университетским лакомым кусочком. Мак сама прихватила Кинси, добилась

приглашения на пикник его кафедры, там на природе подошла к Кинси и познакомилась, а тот уже давно для этого дела созрел и упал ей в подол, который потом радостно задирал. Но когда Кинси сделал Мак предложение, она согласилась не сразу, а носом вертела – был у неё ещё один претендент. Но всё-таки выбрала будущую знаменитость – унюхала женской интуицией.

Медовый месяц они решили провести в турпоходе. Лазали на какие-то сногсшибательные горы. А когда доходило до торжественного начала отправления супружеских обязанностей, то что-то не совпадало и не входило куда надо. Так и не поебясь, вернулись с похода туристы-учёные-молодожёны и сразу к врачу: почему не вставляется? Оказалось, что с одной стороны – огромный хуй, а с другой стороны – толстая плева. Врач надрезал где надо (нет, не хуй, а плеву), и тотчас соитие состоялось, к великой радости заждавшихся супругов.

Для Кинси, затюканного и лишённого совокупительных знаний, брак стал поистине сексуальной школой и революцией. Впервые он мог бабу ебать и исследовать сколько угодно, причём без угрызений совести и страха греха.

В результате счастливых соитий вылупилось четверо детей: Дональд в 1922-м, Анн в 1923-м, Джоан в 1925-м и Брус в 1928-м. Кинси менял им пелёнки, кормил, проявлял огромное участие в уходе за детьми, не характерное для отцов того времени. В 1925 году Дональд умирает от неизлечимой болезни. Кинси рыдает при людях (а многие говорили о его якобы малоэмоциональности). Да, он не лобызался с женой на людях, хотя брак, как показала жизнь, был крепкий и счастливый.

С детьми, даже чужими, у Кинси возникал мгновенный контакт, он никогда не сюсюкал с ними, а тепло разговаривал как со взрослыми, и дети к нему тянулись.

Кинси и Мак расхаживали по дому голыми (в противовес своим родителям), как только предоставлялась возможность, и поддерживали местный нудизм. В жаркое лето вся семья с детьми голыми обливалась в саду из водяного шланга.

(Но если одежда – это символ ограничения для нудистов, от которого они избавляются, то следует далее признать, что это ограничение не чего-нибудь абстрактного, а ебли. Поэтому, избавившись от одежды – ограничения – и фланируя голыми друг перед другом – свободными – становится странным, почему на этом всё останавливается у нудистов, а не начинается ебля, как того и требуют голые тела. Нудизм я воспринимаю лишь как вступление к оргии, а точнее – в оргию.)

В процессе копания над своими блохами, то есть осами, Кинси написал учебник *Введение в биологию.* В нём он дивится

тайне жизни, но с материалистических позиций. Кинси задаёт в книге риторический вопрос: «Что такое жизнь?» – но ответа, естественно, дать не может и приводит живописные примеры дива жизни: вот жука держали в бутылке пять лет без еды и воды, а он не умирал. И только ещё через месяц он наконец умер от голода и жажды. Или муравей, который бегал с отрезанной головой 49 дней.

Но в учебнике не было ни слова о людском сексе.

Самый важный вывод был таким: человек – это животное, но более сложное.

Книга стала бестселлером и в общей сложности была издана тиражом в полмиллиона экземпляров. Это было хорошим денежным подспорьем для большой семьи и скромной зарплаты профессора.

Помимо увлечения музыкой, Кинси завёл ещё одно хобби (и как на всё времени хватало, хоть и спал он по пять-шесть часов в сутки, а поужинав, уходил снова в университетскую лабораторию и работал за полночь). Он выводил ирисы, участвовал в цветочных выставках и, сделав каталог, продавал семена выведенных сортов.

Образ жизни Кинси вёл весьма здоровый. Нет худа без добра – из-за своего фанатика-отца, боровшегося с курением, Кинси не курил, несмотря на то, что большинство мужчин в то время не фигурировало без папиросы, сигареты или трубки во рту.

Кинси вкладывал всю душу в общение со студентами и постоянно замечал примеры потрясающего сексуального невежества среди них. Так, например, значительное число студенток колледжей в 30-х годах пребывали в уверенности, что зачатие происходит от поцелуя, что от мастурбации слепнут и сходят с ума. Студенты тоже недалеко ушли и убеждённо разделяли подобные иллюзии.

В 1930 году вышла книга Ван дер Вельда *Идеальный брак*, где с апломбом первооткрывателя автор описывал десять позиций совокуплений, будто сексуальная история человечества была уничтожена и только теперь с научным подходом открывался заржавленный велосипед. Будто бы не существовало испокон веков многочисленных Кама-Сутр. Таким способом якобы легализировались ебальные позиции помимо миссионерской. Эта книга была одним из самых популярных пособий того времени. Позиции женщины, сидящей на мужчине или стоящей на четвереньках, воспринимались многими как божественное (или дьявольское) откровение. А ведь по-христиански надо было каяться во грехе, если осмеливались совокупляться в какой-либо иной позиции, чем в миссионерской.

А вот научный авторитет Ван дер Вельде в своём сочинении милостиво разрешает оральный секс, но только как foreplay, поскольку оргазм от орального секса он называет патологией.

В то же время даже эта бредятина считалась администрацией университета порнографией и держалась в спецхране, доступная только избранным шишкам из университетского руководства. Студенты и прочие наслаждались лишь, дроча на рисунки нижнего женского белья, публикуемые в каталогах магазина *Sears*.

В 1931 году вышла книга известного гинеколога Дикенсона *Тысяча браков*, в которой он доказывал уже доказанное, велосипедное – что женщины испытывают оргазм. Его пациентки мастурбировали при нём, пока он вставлял трубочку в их влагалище и рассматривал изменения, которые там происходят. Дикенсон также один из первых стал использовать электрические вибраторы (см. *General Erotic*. 2005. № 131).

На Кинси, к тому времени уже женатого 12 лет, эта книга произвела сильное впечатление, и он стал подумывать о том, чтобы самому заняться исследованием в этой области.

Кинси был свидетелем и глубоко переживал, что его студенты так же безжалостно подавляются, как и он сам в юности был подавляем, во всём, что касалось секса. Кинси выступал в защиту студентов, которых пытались выгнать из университета за то, что они публиковали в студенческой газете что-либо противоречащее убийственной морали – Кинси один смело шёл против всей университетской шушеры.

Кинси был убеждён, что христианская Церковь – это главный виновник проблем, испытываемых молодёжью, которой запрещают сексуальное общение до брака.

В 1938 году Кинси 44 года, и он начал вести в университете курс лекций по брачным отношениям – это тогда была единственная форма, в которой можно было говорить о сексе. Ситуация в Университете Индианы отражала общую ситуацию в стране – о сексе запрещалось говорить, а тем более открыто обсуждать.

Предлогом для разрешения курса явилось резкое возрастание венерических заболеваний и возникшая вокруг них паника, замешанная на паранойе. Так, несколько железнодорожных аварий объяснялись в прессе тем, что у машинистов был запущенный сифилис. Посему, решило руководство университета, почуяв общее положение в стране, нужно сексуальное образование, а оно могло в то время предстать только в форме лекций по брачным отношениям.

Постановили, что курс из шести лекций могли слушать

только женатые или помолвленные пары. Ну и, конечно, профессора, которым дозволялось быть одинокими. Успех курса был необычайным. Одна девушка специально помолвилась, только чтобы иметь возможность слушать эти лекции.

Полицейский, посещавший лекции о браке, считал всех студентов, которые в парке целуются и обжимаются, извращенцами (еблю он за извращение не считал). В некотором смысле он был прав. Petting – это вынужденное занятие, так как баба не даёт ебать, а позволяет лишь целоваться, либо у парня не хватает духа идти дальше с уже согласной бабой, и третий случай – негде, хотя природа всегда готова предоставить какой-нибудь куст для влюблённых. Естественно, что petting – это извращённые в своей незавершённости действия. Так что полиция всегда права.

А вот цитата из лекции Кинси:

> Есть только три вида сексуальной ненормальности – это воздержание, безбрачие и откладывание женитьбы.

Под последним он имел в виду отсутствие добрачного секса, но прямо он об этом тогда сказать не мог – заклевали бы вусмерть.

Параллельно с лекциями Кинси проводил конфиденциальные опросы посещающих об их сексуальной жизни. Впоследствии отшлифованное для научного исследования интервью длилось в среднем между часом и двумя, и в нём было около трёхсот вопросов.

Сочувствуя студентам, Кинси практически помогал им поскорее совокупиться. Так он давал свою машину бедному студенту, которому было негде ебаться и от горя тот даже хотел бросить университет. Но, попрыгав на заднем сиденье с девицей, он продолжал успешное обучение. Кинси также предоставил машину молодой супружеской паре, которые вынуждены были в то время жить порознь.

К 1940 году пик возмущения курсом брака достиг апогея: попы, сгрудившиеся в жирнозадые организации, писали петиции в университет, чтобы прекратить этот разврат. Даже Ассоциация врачей присоединилась к попам, выражая возмущение тем, что биолог посмел читать лекции о человеческом поведении.

Религиозные деятели посчитали опросы сексуальной жизни слушателей аморальными, хотя опросы, естественно, проходили с согласия и по желанию опрашиваемых.

Чтобы бросить кость залаявшему общественному мнению, университет предложил Кинси компромисс, выбрать одно из двух: либо курс лекций, либо опросы.

Кинси выбрал опросы. Это решение окончательно определило

направление его грядущей научно-исследовательской деятельности.

Будучи по натуре коллекционером – на протяжении своей жизни Кинси собирал цветы, папоротники, первые музыкальные пластинки, своих блошиных пчёлок, а затем эротические книги и искусство, фильмы мастурбирующих до оргазма мужчин и фильмы совокупляющихся пар, Кинси полагал, что мог решить любую проблему коллекционированием. Он был уверен, что если собрать значительный объём материала по какой-либо теме, то в нём всегда можно найти ответ на вопросы в этой области. Весь свой гигантский опыт по исследованию пчёлок он перенёс на человека, считая его пчёлкой, но посложнее и большего размера. (Кинси собрал 4 миллиона этих насекомых и детально исследовал и классифицировал 150 000, написав отдельную статью о каждой детали их строения.)

Кинси делал опросы по специально разработанной им анкете, где имя интервьюируемого и данные держались в разных местах зашифрованными, чтобы сохранить полную конфиденциальность. Для представительности опросов ему нужно было опросить не только студентов, преподавателей, учёных, но и всевозможные иные категории населения.

Поэтому Кинси и его коллеги ездили на фермы, женские и мужские, где работали осуждённые. Он ездил и в тюрьмы, а также не пропускал никого из тех, кто попадался на его пути. Прежде всего он убеждал людей, что их информация служит науке и великому делу просвещения, и это раскрепощало и заинтересовывало интервьюируемых. Он сам поражался, с какой готовностью и увлечением люди исповедуются в своей сексуальной жизни совершенно незнакомому человеку – многие хватались за возможность наконец свободно поговорить о сексе. Дав интервью, люди испытывали облегчение от выложенного наконец секрета, тайны или того, о чём говорить не принято или запрещено.

Кинси брал интервью у многих влиятельных людей, тем самым как бы держа их в своих руках для будущего. Среди них были учёные, промышленники, представители богемы, в частности писатели: William Burroughs, Jack Kerouac, Allen Ginsberg.

Кинси, получив поддержку влиятельных людей в Университете Индианы, организовал *Institute for Sex Research* – Институт Исследований Сексуальных Отношений (после его смерти институт переименовали в *Kinsey Institute*, избавившись наконец от слова Секс в названии, которое раздражало и выводило из себя попов и моралистов).

Кинси нанял на работу учёных для того, чтобы вести массовые опросы о сексуальной жизни людей в разных слоях общества. Он хотел прежде всего получить существенную базу фактического материала. Кинси диву давался ничтожной эмпирической базе, на которой Фрейд построил свои мифы об Эдиповом комплексе, зависти женщин к пенису и мужском страхе кастрации. Так что выводы Фрейда он не считал научными. Кинси же исследовал многие тысячи людей и был первым, кто применил методы математической статистики для обработки результатов опросов.

Другая сторона учения Фрейда, которая была неприемлема для Кинси, состояла в том, что Фрейд, проповедуя освобождение от предрассудков и заблуждений по поводу человеческой сексуальности, которые расплодил XIX век, на самом деле просто переименовал в неврозы все иудо-христианские сексуальные грехи, навесив на них медицинские термины.

Медицинский подход Фрейда подразумевает поиск болезней, а потому, согласно этому подходу, в ебле должны быть найдены «болезни», коими и были названы все проявления секса, кроме бабы на спине, а мужика на бабе. Оральный секс, гомосексуализм, мастурбация, позиция со спины – всё это было названо патологией.

Кинси также был против фрейдовского бесстрастного и отстранённого метода интервьюирования – Кинси считал, что, напротив, необходимо демонстрировать участие и сочувствие при задавании вопросов, так как отвечать часто больно, стыдно и человека нужно поддерживать эмоционально.

Кинси допускал до проведения опросов только мужчин, которые должны были быть счастливо женаты. Если интервью вёл неженатый, то у интервьюируемого возникали подозрения в намерениях интервьюера. Все сотрудники Кинси должны были поведать ему свои сексуальные биографии в форме таких же опросов, и если у сотрудников выявлялись какие-либо моральные предрассудки, он их сразу выгонял. Религиозных людей Кинси в своей команде не держал.

Религия – это наш главный враг, —

говорил он своим коллегам.

Он также предпочитал, чтобы сотрудники имели гомосексуальный опыт, предпочтительно с ним самим. А также должны были быть готовы вступать во внебрачные связи.

В своём доме Кинси устроил тайную киностудию, где он в течение четырёх лет снимал мастурбирующих мужчин, а потом совокупления пар, в чём принимала участие его жена и жёны его

сотрудников. Единственный научный вывод, который он произвёл, засняв более двух тысяч оргазмирующих мужчин, – это что семя не выстреливает в подавляющем большинстве случаев, а лишь выливается.

Он также исследовал несколько сотен заик и обнаружил, что при сексуальном возбуждении они перестают заикаться (то же произошло и с заикой в фильме *One Flew over the Cukoo's Nest*).

Большинство неопытных в сексе людей считают, что их сексуальная жизнь такая же, как у всех, и что у всех она такая же, как у них. Кинси же открыл для себя и для многих людей наличие огромных вариаций в сексуальном поведении и что сексуальная жизнь каждого человека весьма индивидуальна.

По убеждению Кинси, люди – это животные и поэтому их сексуальное поведение основано на поведении других млекопитающих. А раз все «извращения» имеют место в жизни у млекопитающих, то, вследствие этого, «извращения» являются нормальным явлением. Концепция «ненормального» абсолютно неверна, а можно только говорить о «редкости» того или иного сексуального проявления. Когда говорят «ненормальный», люди имеют в виду, что это отличается от них самих, и в этом есть морально-оценочное заключение. А использование моральной оценки сексуального поведения всегда несёт в себе осуждение и запрет.

Вариации в сексуальном поведении – это основа всего. Если пчёлки-блошки Кинси отличались друг от друга на 1200 процентов, то людские сексуальные предпочтения отличались на 12 000 процентов.

Кинси предлагал, что всё должно изучаться с точки зрения сексуальных отношений. Мир исконно сексуален, но на него наложены нравы и нормы морали, ограничивающие и скрывающие сексуальную основу. Секс – это фабрика чувств, что становится особенно наглядно, когда снимается шелуха романтической любви, религии и морали. Если эту шелуху содрать, то в обществе наступит гармония, подобная той, которая существует в приматах, ближайших людям – шимпанзе Бонобо, для которых секс – это основная форма социальных отношений. Секс как улыбка, как рукопожатие, только более приятное – это клей, который скрепляет социальные отношения и поддерживает мир в обществе.

Кинси, подобно Фрейду, пришёл к убеждению, что все люди бисексуальны. А в себе Кинси это заметил давно. У него установились связи с его подчинёнными (сейчас бы его посадили за sexual harassment, несмотря на то, что он никого не

принуждал).

В результате своих исследований и личного опыта Кинси пришёл к выводу, что гомосексуализм – это просто одна из форм человеческой сексуальности, и всю свою жизнь он проводил кампанию по легализации гомосексуализма между добровольно вступающими в контакт самцами и самками.

Даже такой «ужас», как совокупления с животными, Кинси считал вполне естественными. Кинси выяснил, что 17 процентов фермеров в Индиане ебли всех животных, которых они разводили в хозяйстве: коров, быков, ослов, мулов, лошадей, кур и гусей (Ларри Флинт, живший среди фермеров в Кентукки, вспоминал, как он ёб цыплёнка и что это считалось в порядке вещей в этом штате). Спрашивается: а как лучше фермеру продемонстрировать свою любовь к животным?

(В Талмуде запрещается оставлять женщину наедине с животным из опасения, что она начнёт с ним совокупляться, – религия, придуманная мужиками, проецирует всё, в чём они не хотят себе признаться, на женщин.)

Кинси ездил в Чикаго по делам и проводил опросы о сексуальной жизни у всех, кто ему попадался. Он вошёл в контакт с подпольным миром гомосексуалистов и в своих опросах поразился огромному количеству гетеросексуальных мужчин, у которых были гомосексуальные приключения. В Чикаго Кинси повели по местам, где мужчины могут быстро перепихнуться совершенно анонимно, и он сам этим занялся – в определённых туалетах у писсуаров слонялись мужчины, которые предлагали отсосать.

Кинси открыл в себе влечение к мужчинам, которое, по мнению разных биографов, существовало в нём с детства. Так, он влюбился в своего студента Мартина, которого Кинси впоследствии включил в свою исследовательскую группу, и длилась эта любовь три года.

В какой-то момент Мартин спросил Кинси, не возражает ли он, если тот переспит с его женой. Кинси, женатый уже двадцать лет, почему-то был поражён, что такой молодой и красивый юноша хочет его жены. Он никогда ничего не скрывал от жены, и она была в курсе всех его сексуальных мероприятий и приключений. Поэтому Кинси прямо спросил её, хочет ли она совокупиться с Мартином, и Мак в открытую обрадовалась – ебля жены началась.

С тех пор все его подчинённые в исследовательской группе стали практиковать по его наущению открытые браки и обменивались вовсю жёнами. Причём сие было весьма успешным предприятием, поскольку они это делали с удовольствием и

вдохновением. К тому же мужчины его группы в порядке вещей регулярно отсасывали друг другу.

Всех своих сотрудников Кинси старался поселить рядом со своим домом, он давал им задания вести календари своих сексуальных занятий, сколько раз они достигали оргазма, каким путём и пр.

Кинси осознал, что, для того чтобы писать о сексе, ему нужно самому и всем членам его команды всё испробовать. Для настоящего учёного необходимо наблюдать и участвовать, а не только делать опросы. Проститутки разрешили Кинси и его сотруднику спрятаться и наблюдать, как они работают с клиентами. В том числе и как выкрадывают деньги из их кошельков.

Кинси ходил по притонам, гомосексуальным баням, ошивался в туалетах, где отсасывают, и т. д. Самое важное оправдание для тех, кто мог его прихватить на этом, – было бы то, что он это делает ради науки. Как прекрасна научно-практическая деятельность в сексе!

Исследовал ли Кинси на личной практике сексуальные отношения с животными и детьми, неизвестно.

Опыт и знания, накопленные опросами, личной и групповой сексуальной жизнью, пошли на создание первого уникального исследования о сексуальном поведении мужчин – *Sexual Behaviour in the Human Male.* После мужчин должно было последовать исследование женщин – *Sexual Behaviour in the Human Female.*

Характерно, что в названии не использованы слова «мужчина» и «женщина» (man and woman), а «человеческий самец» и «человеческая самка» (Human Male и Human Female), что отражает позицию Кинси, состоящую в том, что человек – это выходец из животного и его ближайший родственник. А между тем, утверждал Кинси, мы знаем о человеческом сексуальном поведении меньше, чем о поведении любого другого животного.

На дверях туалетов в *Институте Кинси*, и это, пожалуй, единственное место, до сих пор висят названия: Male и Female. (Обычно на туалетах указано: Men – Women или Ladies – Gentlemen.)

Кинси изучал всевозможные виды человеческого сексуального поведения, но принимал их в расчёт только тогда, когда данное поведение приводило к оргазму. Таким образом, оргазм был выбран как единица измерения.

Будучи одержимо увлечённым работой, связанной с сексом и своей половой жизнью, неудивительно, что всё, о чём разговаривал Кинси, – был секс, и любая тема сводилась к сексу. Если кто-либо начинал говорить о чём-то другом, это выводило

его из себя. Одна секретарша даже уволилась через некоторое время, потому что не могла выдержать постоянные разговоры о сексе.

Устное убеждение Кинси было, что человек должен заниматься сексом сколько ему угодно и любым способом, но без принуждения и насилия. Однако, чтобы выжить и не быть задавленным обществом, Кинси не печатал того, что проповедовал устно.

Точно по той же причине он посылал своих детей в церковь и воскресную школу, но дома учил их неверию, и делал он это для того, чтобы не направлять детей против течения, если оно достаточно сильно, ибо это принесёт им больше вреда, чем пользы.

В частной жизни и в своих отношениях с членами своей команды Кинси был исключительно честен и прям. Именно вследствие этих черт характера он не любил оперу и романы, так как они, по его мнению, слишком нереальны, далеки от фактов и показывают секс превратно. По той же причине Кинси не любил усы и бороды, ибо считал, что люди пытаются скрыть свою суть под ними, и требовал чисто выбритые лица у своих сотрудников.

Делая опросы среди заключённых в тюрьмах и в местах их принудительных работ, Кинси и его сотрудники оказались свидетелями действия жестокости американских антисексуальных законов. Кинси принимал близко к сердцу страдания, по сути, невинных людей. Он познакомился с юношами, посаженными в тюрьму на долгие годы за то, что их словили дрочащими в тёмных углах общественных мест. Кинси боролся за изменение сексуальных законов в США и утверждал, что 95 процентов американцев должно бы сидеть в тюрьме за то, что они обыкновенно делают в своих постелях, ибо оральный секс (он тоже назывался содомией), гомосексуализм и анальный секс были тогда уголовно наказуемы во всех штатах.

Кинси столкнулся с большим количеством уголовных дел, где девушка семнадцати лет добровольно совокуплялась со своим любовником, а когда об этом узнавал отец девочки или конкурент, то любовника присуждали к такому же суровому наказанию, как за изнасилование – ему грозила смерть или пожизненное заключение, потому что любовнице не исполнилось восемнадцати. Эти приговоры и сами факты заключения вызывали в Кинси особое негодование, которое он не стыдился изъявлять в открытую.

Кинси своими исследованиями доказал повсеместность и полезность мастурбации, в особенности для женщин, которым

она помогает научиться достигать оргазма с детства и тем самым делает их браки более счастливыми.

Мастурбация жестоко подавлялась в течение трёх тысяч лет еврейской истории, и в Талмуде мастурбация считается большим грехом, чем внебрачная ебля. Кинси заметил, что среди его знакомых евреев многие с большой свободой разговаривают о сексе, хотя эта свобода вовсе не распространяется на их сексуальное поведение. Он трактовал эту болтовню как форму мастурбации, но без прикосновения к половым органам, что делало эту мастурбацию безгрешной. Так и всё американское общество, пронизанное иудейско-христианским запретом на мастурбацию болтает о сексе больше всего, занимаясь «безгрешной» мастурбацией, но имеет самые драконовские антисексуальные законы, пресекающие всякие вариации в достижении оргазма.

Детская сексуальность тоже была предметом исследований Кинси (эта часть его исследований взрывоопасна в наше время, пожалуй, ещё больше, чем в его времена).

Кинси наблюдал многократные оргазмы у детей начиная с пяти месяцев.

(Floyd M. Martinson в 1972 году сделал исследование, подтверждающее выводы Кинси, что большинство детей научаются доводить себя до оргазма к пяти годам. Ни один издатель не захотел публиковать его исследование, и Martinson издал его за свои деньги. А недавно были получены ультразвуковые изображения, показывающие мальчика, мастурбирующего в утробе матери.)

То, что дети в состоянии испытывать оргазм с внутриутробного возраста, ещё раз доказывает мою теорию, что оргазм – это связь с Богом напрямую. Было бы странно, если бы человеческое существо рождалось без этой связи, а приобретало способность связаться с Богом (испытывать оргазм) только подрастя до зрелого состояния. С этой связью человек не только рождается, но и зачинается – это великий оргазм для двух клеток, соединяющихся в одну, а потом каждый процесс деления – это и есть последующие оргазмы связи. То есть человеческое существо, испытывающее оргазм, начинается со связи с Богом на клеточном уровне, а когда вырастает плод и клетки формируются в гениталии, человечек продолжает эту связь с помощью мастурбации, а повзрослев – и в соитии.

Итак, миф о «невинном детстве» полностью низвергается – дети начинают вести сексуальную жизнь, ещё находясь в утробе матери.

Травма для ребёнка, мастурбирующего или вступающего в сексуальные игры с другими детьми, заключается не в самих этих действиях, а в реакции родителей или взрослых, которые оказываются свидетелями этих игр и наказывают детей, стыдят и угрожают им страшными последствиями – именно это в будущем вызывает сложности при сексуальных контактах и в достижении оргазма.

Социальные последствия этих «открытий» представляются нынешнему обществу устрашающими. Ведь чуть ты признаешь, что, да, дети с малых лет испытывают сексуальное наслаждение, как неминуемо следует вывод – почему нельзя взрослым доставлять наслаждение детям? Кинси писал, что нет ничего автоматически ужасного от сексуальных контактов взрослого и ребёнка, если последний испытывает от этого наслаждение, и что весь нагнетаемый ужас – это всё религиозно-социальные трюки.

Основа простая. У тебя есть половые органы, и прикосновения к ним приятны. Причём вне зависимости, сам ли к ним прикоснёшься или кто бы то ни было – женщина, мужчина, ребёнок, животное, вибратор. Если это прикосновение с намерением доставить наслаждение, а не боль, то все прикосновения приятны без исключения. Всё остальное – это наносное втемяшенной морали и глупости.

Реакция родителей, полиции, общества является для ребёнка более вредоносной, чем сам сексуальный контакт со взрослым. Случаи причинения вреда детям или тем более убийства – редчайшие. Из 4441 случая, которые исследовал Кинси, был только один, когда контакт со взрослым вызвал у девушки кровотечение из пизды (целку порвал, значит).

Кинси утверждал, что подавляющее большинство людей, обвиняемых в сексуальных контактах с детьми, являются людьми, которые не наносят никакого вреда детям. Кинси задаётся вопросом: с какой стати девочка, которой издали показывает хуй эксгибиционист, должна быть травмирована одним только видом мужского полового органа? – Только оттого, что им накрутили мозги, что хуй – это ужасно, а у взрослого мужчины – вообще смерть. Дочки Кинси явно не испугались бы, так как видели хуй отца в избытке. Насколько показывают известные документы, Кинси и Мак не рассказывали своим детям о своих сексуальных эскападах. Но, принимая во внимание зоркость детей и свободу разговоров о сексе, которую вели родители, трудно представить, чтобы дети не подметили того, что родители старались от них скрыть.

Кинси был всегда против применения силы или принуждения к сексу и признавал, что в случае контакта взрослого с ребёнком

трудно определить, где есть принуждение, а где его нет.

В 1949 году Кинси узнал от коллеги, что в маленьком селении в штате Канзас все женщины легко и часто испытывают оргазм, причём в процессе совокуплений. Это было весьма необычным, и Кинси снарядился в поездку. Оказалось, женщины в этом селении успокаивали своих маленьких девочек, потирая им пиздёнки и доводя их таким способом до оргазма. Потом девочки учились делать это сами. Навык легко достигать оргазма оставался у девочек всю жизнь и оказывался весьма подручен в замужестве.

Кинси предусмотрительно не включил этот факт в том *Female*, опасаясь, что это будет воспринято как совет матерям мастурбировать своих детей, что, кстати, и делалось матерями в античные времена для успокоения плачущих младенцев.

Американские правые до сих пор считают Кинси причиной либерализации секса в США и ненавидят его, стараясь всячески дискредитировать Кинси и его открытия. А вот гомосексуалисты во многом обязаны исследованиям Кинси той свободой, которую они теперь достигли, и терпимостью населения.

Он считал, что как гетеросексуальное, так и гомосексуальное поведение – это результат обучения. Однако техника возбуждения и ебли гораздо сложнее гетеросексуальная, чем гомосексуальная, а потому в гетеросексуальных общениях больше неудач.

Чтобы добиться меньшего сопротивления общества к необходимости добрачного секса, Кинси утверждал, что воздержание до брака ведёт к гомосексуализму. А последний был значительно страшнее для народа, чем гетеросексуальная ебля, пусть даже добрачная.

Тем не менее отношение самого Кинси к браку было весьма уважительным. Кинси всегда считал, что брак – это основа взаимоотношений людей, на базе которых делаются остальные суждения о жизни человека. Кинси также всегда подчёркивал, что секс в браке далеко не самое важное, хотя и является существенным компонентом счастливых отношений супругов.

Кинси подчёркивал вред романтической любви, которая может разрушать семью, жизнь мужа, влюбившегося в новую женщину, счастливой жены и детей. То есть, вместо того чтобы тихо переспать и выпустить пары, в головы влезает возвышенная дребедень, которая всё равно оборачивается еблей, но производит разрушение стольких жизней. Так что романтическая любовь – это ветвь той же сексуальности, но специфическая в том плане, что подавляет секс, который ошибочно связывается с любовью. Секс же, по существующей морали, позволяется только как результат любви и причём лишь с одним партнёром. Поэтому

романтическая любовь – это всего лишь троянский конь, затащенный в наш век, нашпигованный средневековым осуждением секса.

Шестого января 1948 года вышел в свет том *Sexual Behaviour in the Human Male*, и слава буквально обрушилась на Кинси.

Не было газет, журналов или радиостанций, которые бы не разразились статьями и сообщениями. Портрет Кинси был опубликован на обложке журнала *Time*, что свидетельствует не только о славе, но и о влиянии, оказанном на общество. В большинстве ученые и простые читатели восторгались. Но появилось и немало критики. Реакция на критику книги, как и вообще на критику у Кинси, была яростной и нетерпимой.

Кинси обвинили в том, что он якобы является участником коммунистического заговора, так как выступает за разрушение традиционной семьи, а значит, разрушает основы государства, на которых стоит США.

Президент Принстонского университета Dodds сравнил работу Кинси с надписями, которые оставляют мальчишки на заборах. (Через много лет бывший главред *Огонька* Коротич писал про *Тайные записки* Пушкина:

> Фантазия у придумщика небогатая, так, на уровне школьного туалета для мальчиков… (См.: *Д. Баевский.* Парапушкинистика 1986–2012/А. *С. Пушкин.* Тайные записки 1836–1837 годов. Minneapolis, USA: M.I.P. Company, 2013. (Литературный памятник). ISBN 978-0-916201-29-6. С. 648.)

Несмотря на разделяющие их время и пространство, родство ханжей и глупцов остаётся неразрывным. Дурака учить – что мёртвого лечить.)

Однако далеко не все результаты своих исследований Кинси осмелился включить в книгу. Так, он не упомянул, что у негров из простонародья члены значительно больше размером, чем у белых, и что негры чаще ими пользуются и у них занимает 15–20 минут, чтобы достигнуть оргазма. Такие факты играли бы на руку ку-клукс-клановским и прочим антинегритянским организациям, которых в то время было предостаточно.

При всём при том гром славы перекрывал вопли недовольных. Кинси звонили среди ночи домой, а многие однофамильцы помещали в газетах объявления, заявляющие об отсутствии всякого родства с Кинси-учёным, чтобы оградиться от неуместного к ним внимания общественности. Кинозвезда Мае West прислала телеграмму, что мечтает с ним познакомиться, и

просила его позвонить ей в отель. Кинси проигнорировал.

Он стал объектом шуток комиков и персонажем комиксов – главные критерии популярности. Но Кинси отказался выступать по радио – микрофоны сковывали его, а впоследствии – и от выступлений по телевидению.

Кинси заваливали письмами со всего света. Среди примечательных писем пришло одно из Швейцарии от мужчины, который констатировал нехватку доступной ебли для мужчин. Его решением проблемы была установка по улицам стерильных дрочильных установок, подобных европейским уличным писсуарам.

На все письма Кинси отвечал лично. Только под конец жизни он доверил отвечать на часть стандартных писем секретарше.

Кинси приглашали в самые престижные места читать лекции для интересующихся современными исследованиями в сексе. Так получалось, что интересовались все. На лекции Кинси люди сбегались толпами – впервые услышать публично и с трибуны произносимые слова: клитор, оргазм – такое наэлектризовывало и возбуждало публику.

Жёны профессорско-преподавательского состава Университета Индианы обнаружили неожиданный интерес к университетским собраниям, когда на них выступал Кинси. Они приходили туда с вязанием, которое помогало им делать вид, что они увлечены не сексуальной информацией, излагаемой Кинси, а вязанием очередного носка.

Однако слава заставила его отказаться от быстрого секса в банях и чайных – его теперь могли бы легко узнать.

Тем временем продолжалась напряжённая безостановочная работа над томом о сексуальном поведении женщин.

В одном из писем 50-летняя женщина спросила, когда она сможет избавиться от пожирающей её похоти. Кинси ей ответил, что не может утешить её скорым сроком, ибо его исследования показали, что женщины испытывают похоть до 90 лет. То бишь всю жизнь.

О множественных оргазмах у женщин стало впервые широко известно благодаря исследованиям Кинси.

Фрейд настаивал на якобы должном смещении производителя оргазма – с клитора на влагалище – и дивился, что этого не происходит. Фрейд сетовал на клитор, что он упрямо держится за свою чувствительность.

Кинси же вообще перестал считать влагалище «за человека» с точки зрения производства оргазма (и напрасно, как меня убеждали некоторые женщины) и всю ответственность за него возложил на клитор.

Кинси обнаружил, что женщины сильнее реагируют на порнофильмы, чем на порнофотографии – им, практичным, подавай большую реальность.

Впервые так подробно говорилось в исследовании Кинси о женском оргазме: описывался процесс его протекания и симптомы.

Оргазм, считал Кинси, – это одна из самых примечательных форм человеческого поведения.

Он опровергал античную ложь, что якобы «после совокупления все животные выглядят грустными», – это когда оргазм не достигнут, тогда грустные. А когда он достигнут, наступает мир, покой и удовлетворение окружающим миром.

Нередкое поведение женщины в изнасиловании он сравнивал с поведением самки бабуина, которая активно ищет секса с разными самцами, но, если её ловит на измене главный самец, она сразу атакует своего ебального партнёра: как бы крича: «Я этого не хотела!» Большинство дел об изнасиловании, в особенности date rape, напоминают именно такое поведение.

Том *Sexual Behaviour in the Human Female* посвящается почти восьми тысячам женщин, которые предоставили информацию для этого исследования.

Кинси оговаривается, что в других странах многое может быть иначе и что его исследование описывает только женщин, живущих в США. (Это и было воспринято как самое страшное оскорбление – мол, наши американки не могут быть «такими». Если бы Кинси написал, что это исследование женщин, живущих в СССР, то книгу бы приняли на ура и благородно возмущались бы извращенками, живущими в коммунистической России.)

Задачей своих исследований Кинси считал увеличение знаний в области, где этих знаний – кот наплакал. Помимо формального права учёного исследовать любые области вселенной, включая человеческую сексуальную жизнь, Кинси приводит оправдание для такого учёного любопытства: добытые им знания можно использовать для улучшения брачных отношений. Против такого аргумента, казалось, никто выступить не мог, но на него почти не обратили внимания.

Кинси, используя свой тезис из тома *Male*, продолжает убеждать в естественности и необходимости половой жизни для тинейджеров. Он взывает к истории мировой литературы и напоминает, что все знаменитые и почитаемые любовные истории происходили не со зрелыми людьми, а с тинейджерами, у которых, разумеется, самые сильные страсти. Это Ахиллес и Деидамия, Акид и Галатея, Нарцисс, Елена и Парис, Дафнис и Хлоя, Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта – все они были

малолетки, а в Америке их бы преследовали, укоряли, судили.

Единственное, что предлагали тогда и продолжают предлагать теперь лицемеры, попы и моралисты тинейджерам, разрывающимся от похоти, – это воздержание. Некоторые юные идиотики попадаются на удочку взрослого авторитета и дают торжественные обещания не ебаться до женитьбы, и их благоговейно показывают по телевидению. Но, как показывает статистика, большинство из них натуральным образом не удерживается, а сколько из них втихаря мастурбирует – статистика знать не может.

Кинси пришёл к выводу, что мастурбация – самая популярная форма сексуальной активности среди женщин, причём даже после брака, поскольку мастурбация – самый надёжный метод для достижения оргазма женщиной.

Описывая женскую мастурбацию, Кинси указывает, что причина посещений спортивных клубов женщинами часто та, что при ритмических упражнениях, связанных с напряжением мышц ягодиц и прочих околопиздных мест, женщинам удаётся достигать оргазма.

Изучая сексуальные биографии женщин, Кинси и его сотрудники часто дивились, что внешность женщины не связана с тем, насколько активна её сексуальная жизнь. Уродка может ебаться много больше, чем красавица. А удивляться было нечему – красавица постоянно пытается выторговать большую цену за свою красоту, да и многие мужчины боятся женской красоты, тогда как уродка знает, что единственная её ценность – у неё между ног и нужно добыть побольше наслаждений, коль такая возможность есть, а мужчинам раздвинутые ноги милее красивого, но неприступно насупленного лица и сжатых колен.

В процессе исследований женщин Кинси начал было замерять размер их клитора, но у белых женщин он такой маленький, что делать это оказалось сложно, так что он это приятное дело забросил – хотя небось при замере вздрачивал клитора-то, в чём и находил стимул для научного исследования. Замер клиторов особо обозлил его врагов, которые, пронюхав, встали на дыбы – почувствовали, что Кинси добрался до самой сути.

А действовать ведь нужно было микрометром, а не стометровой рулеткой… Однако врагов всё равно сердить опасно, и Кинси прекратил замеры, но всё-таки успел зафиксировать, что у негритянок попадались клиторы размером в семь сантиметров и более.

Когда в 1953 году был опубликован том *Sexual Behaviour in the Human Female*, начался грандиозный скандал с резким перевесом на жёсткую критику в отличие от тома *Male*. Если сексуальную

жизнь у мужчины в США ещё могли допустить, то сексуальную жизнь женщины надо было «не пущать».

Больше всего возмущало упёртый народ и его вожаков, что американскую женщину Кинси сравнивает с кобылой, слонихой, коровой, бабуиншей и пр. Кинси называл женщин, как и мужчин, human animal – «человеческое животное».

Член палаты представителей стал требовать расследования Конгресса США по факту издания такого клевещущего на американских женщин исследования.

Газета *Вашингтон пост* опубликовала статью под названием *Новое исследование Кинси деградирует науку.*

Проповедник Билли Грэм, не прочтя книгу, писал:

> Даже невозможно определить тот вред, который она наносит уже разрушающейся морали нашего общества.

Кинси упрекали в том, что он для своих исследований использовал проституток (которые составляли незначительную часть опрошенных женщин). А ведь Кинси из прошлого поддержал меня (см. моё эссе *Спасительница* в уже упоминавшемся «кирпиче» *Чтоб знали*! на с. 441–496) и так высказался о проституции:

> Девушка, которую следует пригласить в ресторан, прежде чем она согласится на совокупление со своим любовником, вступает в такие коммерческие отношения, в которых ей не хочется себе признаваться.

Родная газета Bloomington, города, где находится Университет Кинси, советовала своим читателям обратиться к Библии, а не читать земляка.

Его также обвинили в бесполезном использовании фондов университета.

Общество католических женщин возмутилось пропагандой добрачной ебли.

Если его исследование *Male* приравнивали к атомной бомбе, то *Female* сравнивали с водородной.

Кинси исключительно болезненно воспринимал критику. Но самым страшным для Кинси оказалось то, что под давлением морализирующей общественности Рокфеллеровский фонд отказался от дальнейшего финансирования его исследований. Это было равносильно закрытию института.

Возникла проблема: где достать спонсоров, но Кинси ненавидел выбивать деньги, а по собственной инициативе никто их не предлагал. Ему устраивали встречи с богатыми людьми, но

Кинси только отпугивал их своим неумением обхаживать и клянчить.

Отсутствие денег на исследования чрезвычайно угнетало Кинси. Здоровье стало резко ухудшаться. Помимо проблем с сердцем были и раздражающие факторы разных размеров: в поиске острого наслаждения он обрезал себе крайнюю плоть перочинным ножом – пришлось обращаться за медицинской помощью. С 1953 года он страдал растущей импотенцией.

Кинси набрал вес, у него поднялось кровяное давление. Всегда быстрый в ходьбе, за которым с трудом поспевали, Кинси стал ходить с трудом. Но признаваться себе и другим в своей слабости он не желал – пыжился, хитрил: гуляя по крутым улицам в Сан-Франциско с коллегами из своей исследовательской бригады, он стал отставать. Обставил он своё отставание, выкрикнув такое:

> Подождите, я хочу посмотреть на нижнее бельё в этой витрине.

Будучи больным («сердце гремело как бетономешалка»), он продолжает помогать в защите знакомого негра, посаженного в тюрьму за содомию. В данном случае это был оральный секс с негритянкой.

Лебединой песней Кинси стала его поездка в Европу в октябре – декабре 1955 года – он посетил все основные страны за исключением Германии.

Послевоенная Европа, где секс был легко доступен за пачку сигарет, о чём писали ему его друзья, служившие в американской армии, представлялась Кинси сексуальным раем. Один из его друзей сообщал:

> Французы забавные люди – они ебут ртами и воюют ногами.

В Норвегии Кинси восхищался, что до 95 процентов людей занимались добрачным сексом, подчёркивал, что там не считают секс грязным, как в Америке.

В Лондоне он наблюдал самых навязчивых проституток и восхищался их красотой.

В Италии он провёл много времени в борделях, изучая их не только теоретически. Кинси приветствовал повсеместность гомосексуализма в Италии.

Перед своей кончиной Кинси стал сентиментален. Плакал, говоря о молодых людях, сидящих долгие годы в тюрьмах за незначительные сексуальные преступления.

Приближаясь к смерти, Кинси продолжал верить в своё полное выздоровление и вынашивал долгосрочные планы исследований и написания книг. Умер он в больнице от сердечных дел 25 августа 1956 года.

Жена Кинси прожила долгую жизнь. Последние годы она часто стояла в вечернем платье в саду своего дома и наблюдала за движением машин на улице. А также обливала водой кошек из кастрюли, отгоняя их от птиц.

Мак умерла 30 апреля 1982 года, упав замертво после принятия душа.

Дети Кинси живы и здравствуют.

* * *

Познакомившись с жизнью и исследованиями Кинси, неизбежно хочется сделать для себя выводы и поразмышлять о его влиянии на жизнь вокруг тебя и в тебе самом. Вот они, выводки и розмыслы:

Как Кинси отправлял детей в церковь, но учил их неверию, чтобы не ссать против ветра, так и каждый – не пытайся изменить мир, но делай потихоньку по-своему – еби кого хочешь, чтобы без шума и чтобы всем приятно было. Последнее условие – кардинальное. Но и первое тоже немаловажно.

Кинси, чтобы изучать сексуальное поведение, занимался бесчисленными опросами, которые требовали огромного времени и энергии, а потом выяснял достоверность ответов, отсеивал ложь. А ведь теперь все его старания можно было бы заменить скрытыми микрокамерами, установленными во всех спальнях, во всех туалетах, во всех кустах, чтобы попёрла точная информация на центральный компьютер и сразу стало бы ясно, кто, как и сколько чем занимается, – и никаких опросов и бумажек.

Кинси хотел легализовать так называемые «извращения» и доказать, что ими занимаются все подряд. Он попытался доказать это цифрами и воплощением афоризма:

Всеобщий грех – это ничей грех (Hans Sachs).

Однако христианство настаивает на всеобщности греха, поскольку каждый «рождён во грехе».

Но вот растёт новое поколение, невежественное по своей молодости – как оно может избавиться от предрассудков, окружающих их первые эксперименты, которые тоже подпадают под категорию извращений? Надо ли им читать для этого исследования Кинси и его последователей, чтобы убедиться, что

мастурбация – это нормальное явление и что оральный секс – это общепринятое наслаждение? Вовсе нет – лучшим обучением теперь будет не изучение таблиц и цифр, а повсеместно доступная порнография, с помощью которой подростки увидят и поймут, что извращений не существует, и наглядно обучатся различным совокуплениям. Так что борьба против порнографии – это прежде всего борьба против сексуальных знаний. Знаний анатомии, а также о том, какие половые акты существуют, как их осуществлять, что все они дают наслаждение и что можно их не стыдиться, а восторженно предаваться им подобно тому, как это делают участники порнографических пособий.

Так что и разнообразие человеческой сексуальной жизни, которое «открыл» Кинси, теперь можно открыть для себя любому с помощью интернетной порнографии.

Увы, Кинси не сделал никаких открытий, то есть не добыл знаний, ранее не существовавших у человечества, как, например, знание о генах и хромосомах, которые были для человечества неведомы. Нет, мастурбация, гомосексуализм и прочие сексуальные контакты были известны человечеству испокон веков, просто этих знаний людей лишали. По сути, Кинси потратил свою жизнь на то, чтобы бороться с моральной цензурой. То, что делали многие, но для борьбы этой он использовал более совершенный научный аппарат. И хотя результаты Кинси не имели никакой «человеческой» новизны, они благодаря своей обстоятельной научной упаковке вдохновили огромное количество последователей в науке продолжать изучение сексуальной жизни человека, и теперь с помощью новых технологий удалось найти в сексуальной жизни нечто поистине новое, что было никому не известно (например, тот же мастурбирующий в утробе мальчик).

Задачей Кинси было – осчастливить людей с помощью знания о наслаждениях друг друга. Так, некто дрочащий или ебущий в зад мучился навешенной на него виной, но, узнав от Кинси, что все дрочат и множество занимаются анальным сексом, осознавал, что он не один такой «развратник», и камень падал с его сердца. То есть работа Кинси имела умиротворяющее значение для тех, кто сексом занимался, но была провокацией для тех, кто секса избегал или ограничивал. Результат его «открытий» имел больше психотерапевтический характер, чем провидческий. Кинси всегда расстраивался, когда видел человека стыдящегося, испытывающего вину или пребывающего в тревожном волнении из-за какой-то специфики его сексуальности, и он всегда старался избавить этого человека от таких вздорных чувств.

Видя, как общество стремится ограничить сексуальные

наслаждения, мне становится понятно, почему оно ополчается против гомосексуализма и мастурбации, которые разрушают его неблагие намерения. Обществу хотелось упростить свою работу по подавлению секса с помощью разделения мужчин и женщин и выдачи лишь нормированного секса в браке. Но человек обходит разлуку полов и получает отнятое наслаждение в гомосексуализме, а чтобы и здесь человека ущемить, общество сажает его в одиночную камеру одиночества, но и тут человек умудряется найти наслаждение с помощью мастурбации. Тут-то общество взрывается в негодовании, так как человек со своим наслаждением ускользает из-под его влияния. Потому-то гомосексуализм и мастурбация – это самый сильный удар по асексуальному обществу. Вместе с зоофилией.

Один из результатов работ Кинси – это удар по сексуальному стыду, ослабление его. Стыд – это самое изощрённое наказание, которое общество накладывает на человека. Нам тело говорит правду, а религиозное общество утверждает, что тело дурно и лжёт, а потому тела следует стыдиться. Стыд ведь не генетический – детки рождаются бесстыдными, а обучает стыду общество для того, чтобы мужчина и женщина стеснялись не столько друг друга при ебле, а чтобы они уединялись, стыдясь свидетелей. Так что стыд сделан для того, чтобы предотвратить групповые совокупления.

Есть ныне знаменитый фотограф, который собирает тысячи голых людей на улицах городов и с важным видом творца искусства снимает их на плёнку, а надо было, чтобы эти тысячи обнажённых одновременно совокуплялись, и снять их на видео – вот это искусство!

Однако следует признаться в весьма важном, что, пропагандируя и устанавливая свободный секс, Кинси и вправду уменьшал военную, да и общественную мощь своего государства.

Обильная и доступная ебля расслабляет и умиротворяет мужчин, и потому она неопасна только тогда, когда государство окружено другими государствами с обильной и доступной еблей. Но если является иноземная армия, состоящая из сексуально закомплексованных и голодных, а потому чрезвычайно агрессивных воинов, которым обещали женщин в захватываемой ими стране, то при прочих равных условиях, как вы думаете, кто победит: уёбанные, удовлетворённые солдаты или давно не нюхавшие женщин воинственные самцы, которым вдобавок ещё и запрещали мастурбировать и заниматься гомосексуализмом?

Очевидно, что голодные победят сытых. Потому-то женщин в армиях не держали, поскольку женщины в армию идут лишь для активизации своей вялой или отсутствующей на гражданке

сексуальной жизни и тем понижают боевой тонус бойцов. Но если *их* немного, то они заменяют обозы проституток, которые следовали за армией в древние времена, поскольку полное воздержание тоже может нанести вред армии.

Почему в добровольную армию идут в основном религиозные, бедные, консервативно настроенные люди? А значит, люди с резко ограниченной половой жизнью или даже вовсе без неё? Потому что только такие люди способны на жертвы, подвиги, одержимость.

Так и демократия (неизбежно связанная со свободой секса) хороша только тогда, когда она окружена другими демократиями, а не террористами, готовыми пожертвовать своей жизнью – только бы её уничтожить. Здесь «демократическая» реакция на террористическое окружение равна самоубийству. Когда к нам является Гай Муций Сцевола и сжигает свою руку на огне, демонстрируя своё бесстрашие перед болью и смертью, то тут надо либо срочно заключать мир, либо выдвигать в противовес своих Муций Сцевол. Завинчиванием религиозных гаек и ограничением сексуальной активности населения Америка и пытается противопоставить мусульманскому терроризму своих воинов, готовых на смерть. Свобода и доступность секса расслабляет не только воинов, но и гражданское население, которое становится инертным в общественной жизни.

И с этой точки зрения, Кинси, как и все мы, пропагандисты свободного секса, являемся антигосударственниками, ослабляющими будущих и нынешних солдат провокацией на свободу и доступность сексуальных наслаждений. Мы проверяем прочность государства, насколько оно сможет сопротивляться безграничной ебле.

Продолжая смотреть с этой же точки зрения, стратегия Буша – уничтожить все тоталитарные режимы и установить демократию по всему миру – будет способствовать повсеместной сексуальной либерализации, причём совершенно правомерной, потому как не надо будет вести войн (вокруг сплошные демократии), а значит, и не будет оснований для сексуальных ограничений.

Правда, всегда останется угроза от инопланетян. Но нужно надеяться, что они ещё более сексуально свободны, чем земляне, и нам придётся с ними не воевать, а ебаться.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Sexual Behaviour in the Human Male. Philadelphia and London: W.B. Saunders Company, 1948. 804 p.

2. Sexual Behaviour in the Human Female. Philadelphia and

London: W.B. Saunders Company, 1953. 842 p.

3. Sex the Measure of All Things: A Life of Alfred C. Kinsey by Jonathan Gathorne-Hardy. Indiana University Press, 2000. 514 p. ISBN 0-253-33734-8.

4. The Sex Researchers by Edward M. Brecher. San Francisco: Specific Press, 1979. 410 p. ISBN 0-939846-02-8.

Философ в Бовуаре

***Hazel Rowley*. Tête-à-Tête. Simone de Beauvoir and Jean-Paul Sartre. Harper Collins Publishers, 2005. 416 p. ISBN 0-06-052059-0.**

И спросит женщина в соку:
– Зачем стучишься в двери?
И вот, пока я не солгу,
Она мне не поверит.

Михаил Армалинский.

«По обе стороны оргазма»

Любовь, конечно, не гранит,
её бы от разрухи
лишь одиночеству хранить,
но нет его в разлуке.

Ну я, я же. «Маятник»

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2006. № 135.

Жан-Поль Сартр (1905–1980) и Симона де Бовуар (1908–1986), пополнив сплочённые ряды знаменитых любовников, подобных Ромео и Джульетте, стали символом великой любви, неразлучной парой, причём с романтическим захоронением в одной могиле.

Однако специфика Сартра и Бовуар в том, что если предыдущие парочки славились безупречной верностью друг другу, сопровождаемой великой ревностью, если, не дай чёрт, возникали какие-либо подозрения, то Сартр и Бовуар, в разительную противоположность прочим, стали первой канонизированной историей парой, которая попрала верность как обязательный компонент «настоящей любви». В дополнение к этому Сартр и Бовуар изо всех сил (но, как оказалось, тщетно) пытались покончить и с ревностью (как с классом). Они стали друг для друга не ревнивцами, а сводниками.

Также весьма примечательно и то, что прочие «великие любовники» стремились узаконить свою страсть всеоправдывающим многодетным браком, на пути к чему, как правило, вставали непреодолимые препятствия, возглавляемые смертью. А вот Сартр и Бовуар с первого совокупления отвергли

брак, никогда не жили вместе и осознанно не произвели детей, хотя имели для этого все возможности.

Они открыто и демонстративно низвергли личным примером мораль моногамной любви как «единственно верной».

Самое поразительное, что отношения Сартра и Бовуар длились десятки лет в резком отличии от «великих любовников», чьи отношения были пламенными, но краткими.

Весьма существенно и то, что Сартр и Бовуар совокуплялись не только половыми органами, но и мозгами, которые у обоих были в изобилии. Общее дело и общие интересы сплачивали их теснее и надёжнее, чем ебля.

Таким образом, Сартр и Бовуар впервые так громогласно, благодаря своей великой славе, доказали, что длительные, восторженные и глубокие отношения возможны, при наличии сторонних любовных связей, из которых не только не делается секрета, а которые являются предметом зажигательных обсуждений.

Но я не хочу спешить с выводами, а предоставлю слово воспоминаниям, интервью и письмам, которые проштудировала Hazel Rowley, утверждая, что она в своей книге пишет не о литературе, философии или биографиях Сартра и Бовуар, а ищет истину о сути их отношений. Это как раз больше всего интересует и меня – их шашни.

Прочь лживую литературу, в которой, кстати, сам Сартр разочаровался к концу жизни. Но туда же и лживую политику, которой Сартр под конец жизни очаровался вместо литературы и нагородил массу глупостей.

Так что ни литературы, ни политики – а один только секс. (Если получится.)

* * *

В 1929 году 21-летняя девственница Бовуар была самой юной студенткой в Сорбонне, сдающей заключительный экзамен по философии. В дополнение к этому, многие звали её красивой (но уж точно не ногами – я фото видел).

Сартр сразу заприметил её, но никак не осмеливался подступиться к ней самостоятельно. Один из ухажёров Бовуар, сокурсник Сартра, который был уже женат и уж не поэтому ли не прикасался к Бовуар (к её сожалению), сообщил, что не может уважать женщин, которых он поимел (свою жену он, наверно, тоже не уважал. Или уважал, но не имел). Такого рода глупостью он возмутил Бовуар. Но зато он познакомил Сартра (которого

считал гением) с Симоной 8 июля 1929 года.

Затем три друга пригласили её вместе заниматься в комнату Сартра. Бовуар смело раздраконивала его идеи, несмотря на отвратившую её грязь, окурки на полу и задымленную курением атмосферу комнаты. Ей дали кличку Beaver (так называют по-английски не только «бобриху», славную трудолюбием, но и «пизду». Знали ли все они об этом втором значении? Авторша книги не разъясняет).

Приятели не стеснялись в выражениях в присутствии Бовуар и вели себя непринуждённо, особенно Сартр. Она была поражена, что такой высокий интеллектуализм беседы может одновременно давать столько удовольствия и быть таким развлечением. Когда занятия закончились, парни стали шутить, петь, пародировать, слушали джаз на граммофоне (но не поимели Бовуар сообща и даже в бутылочку не поиграли). Бовуар раньше никогда так не веселилась в мужской компании.

Сартр, по мнению многих, был уродлив, хотя на фотографиях, что я видел, он выглядит вовсе не страшно. Он был полненький и роста всего о 158 сантиметрах, с глазами, смотрящими в разные стороны, в круглых очках, неопрятный, грязноватый, с рябым лицом в угрях. Свою вящую непривлекательность он осознал ещё в школе, когда девочка, которая ему нравилась, во всеуслышание выкрикнула ему об этом. Подростковая жизнь Сартра была омрачена его непритягательностью для противоположного пола.

Своё уродство он решил компенсировать красивыми словами и соблазнять женщин не своим телом и лицом, а долгой и твёрдой речью.

Жизнь Сартра и Бовуар была пронизана русским влиянием, то ли прямо, через русских любовниц, то ли косвенно, на примере финансового краха семьи Бовуар. Значительная часть состояния отца Бовуар была вложена в ценные бумаги российских железных дорог и шахт. В 1918 году все эти бумаги обесценились (вот что значит not to diversify investments). Для Бовуар обеднение семьи стало благословением, потому как она перестала быть желанной невестой (оказалась без приданого) и должна была зарабатывать себе на жизнь. Бовуар хотела заниматься философией и учиться. Но её католическая семья боялась излишнего образования, тем более для дочери, однако тут уже ничего сделать было невозможно. Так что, не свершись Великая Октябрьская социалистическая революция, приданое Бовуар, основанное на российской частной собственности, вытолкнуло бы её замуж, она бы потонула в детях и не видать нам *Второго секса* и прочего её секса с большими номерами.

В 19 лет Бовуар сообщила своей лучшей подруге о том, что она больше не верит в Бога, и подружка в ужасе стала молиться за спасение души Симоны. В этом смысле она уже была готова к встрече с атеистом Сартром.

В 1929 году Сартр и Бовуар сдали сложнейший экзамен по философии, что пожизненно гарантировало им работу в школах Франции. Всего 76 студентов смогли принять участие в этом экзамене. 26 выдержали экзамен, и среди них были Сартр и Бовуар. К устным экзаменам они готовились в комнате их общего приятеля, студента, под большим плакатом с изображением Ленина. (Опять российское влияние.)

Сартр водил Бовуар по барам (в то время посещение баров было не принято для порядочных девушек), по кинотеатрам, где они смотрели фильмы про ковбоев (а не серьёзные фильмы по искусству, которые раньше только и смотрела Бовуар) – короче, ей открылся новый и разнообразный мир, столь отличный от того, в котором она жила прежде. И Сартр был её гид.

Сартр лишился невинности в 18 лет с замужней женщиной, которой было 30. Инициатива возникла с её стороны. Сартр воротил носом, так как она не была красавицей. Потом втянулся, ходил с приятелями по борделям, брал проституток в Люксембургском саду (не будь их, родных, он бы в юности свихнулся от отсутствия баб и не видать бы нам нобелевского лауреата). Сартр с приятелями, к возмущению Бовуар (а может быть, они лишь лгали ей), говорили, что презирают этих женщин, что, мол, девушки не должны себя так вести. Если это правда, то такое утверждение вызывало бы сомнение в умственных способностях Сартра, не говоря уже о его товарищах. Осуждать то, чем с удовольствием пользуешься, – это ли не верх буржуазного лицемерия, которое они так ненавидели? Но искать последовательности в словах не приходится, ибо есть только последовательность желаний, которые выстраивают слова и действия.

Спору нет, что интеллектуальная близость Сартра и Бовуар была основой их сближения и длительности их любви-дружбы. Бовуар не испытывала страсти к Сартру, её физически влекло к другим мужчинам, которые в силу разных обстоятельств не проявили к ней достаточного интереса.

Решение отдать свою девственность именно Сартру было рационально оправдано Бовуар тем, что он именно тот мужчина, что ей был нужен для освобождения духа и для большого дела. Разумеется, что половые органы Бовуар отреагировали наслаждением на умелые прикосновения Сартра, обучившегося на презираемых им проститутках (а не будь их, он бы исследовал

тело Бовуар методом тыка и мог бы отвратить её своим неумением, с которым бы она не смирилась, как смирилась с его непривлекательностью – опять спасибо проституткам за нашего нобелевского лауреата и косвенно – за лауреатку Гонкуровской премии).

Бовуар пишет, что никогда так не была счастлива, познавая новое, чувствуя впервые мужчину, да ещё такого, что был умнее её и который вселял в неё уверенность в себе и веру в неограниченность своих возможностей.

За Бовуар параллельно ухаживал другой приятель Сартра, красивый остроумный Meheu. Именно он у неё вызывал мощное влечение. Но он был женат. Однако это не помешало ему провести с Бовуар подряд два дня, слоняясь по Парижу. Оказавшись вместе с ним в отеле, после выпитой бутыли вина, готовенькая, Бовуар была разочарована, что этот красавчик, лёжа с ней на кровати одетым, даже не притронулся к ней. После такого фиаско прелестницы она, естественно, ещё больше зациклилась на Сартре, и он наконец лишил её невинности 14 октября 1929 года. Это надо же?! – три месяца он мурыжил её, а ведь она только и ждала, чтобы похерить девственность.

Вот как Бовуар уговаривала себя после разлуки с Meheu, в которого была влюблена:

> Как хорошо, что с этим чувственным мужчиной у меня не было ничего физического… тогда как с Сартром, в котором нет ничего сладострастного, гармония наших тел имеет смысл, который делает нашу любовь более красивой.

Такая вот разумная была девица Бовуар, ставшая женщиной.

Сартр пудрил Бовуар мозги своей теорией, подготавливая её для служения его желаниям. Главное по Сартру, что Бога нет, а значит, всё зависит от тебя самого. Мол, нет никакого естественного порядка вещей, а люди делают сами свою судьбу. Таким образом, Сартр освобождался от всякой сексуальной нравственности, исходящей из якобы божественных предопределений типа «не прелюбодействуй».

Бовуар считала, что это красивая философия. А баба, коль мужик уродлив, найдёт красоту в его бреде. Вот такой материалист, а потом чуть не коммунист был Сартр.

После активной двухнедельной ебли Сартр не сделал Бовуар предложение о женитьбе, вместо этого он предложил ей двухлетний контракт со встречами и расставаниями (он отправлялся на военную службу), и благодаря этому их отношения не деградируют в привычные и однообразные. Сартр с

самого начала заявил Бовуар, что моногамия его не устраивает и так же не должна устраивать Бовуар. Их любовь, их отношения будут первичными, главными, а остальные будут вторичными, незначительными. Любовь, по убеждению Сартра, не имела ничего общего с владением, обладанием. Щедрость любви состоит в любви человека, свободного в своих желаниях. Так что если Сартр и Бовуар будут друг другу рассказывать обо всём, что происходит в их сексуальной жизни, то тогда они не будут ощущать себя изолированными друг от друга попутными Любовями. Сартр ратовал за полную «прозрачность» отношений. (Подобно россиянам, мечтающим о «прозрачности» экономики, причём с таким же успехом.)

Перспектива множественных любовников на фоне Сартра не испугала Бовуар, но её взволновала необходимость полных исповедей друг другу. У неё остался противный осадок от былых исповедей в грехах священнику. Она понимала, что всем делиться она не хочет и вряд ли это возможно. Сам Сартр тоже вряд ли в это верил, судя по последовавшему поведению. Он просто нашёл умную женщину, которая купилась на его идеи при помощи первой свежести сексуальных отношений.

Сартрово отвращение моногамией не являлось новинкой для мужчины – новым было лишь то, что он открыто оповестил об этом свою партнёршу, полагая, что эта не убежит, как сделало бы большинство женщин, а примет его условия и желания благодаря своему недюжинному уму. Получалась весьма удобная ситуация, во всяком случае, для Сартра: он имеет постоянную любовницу, которая не возражает против его прочих женщин, а в награду и в утешение он предлагает ей то же разнообразие.

Сартр понимал, что от ревности лучше всего избавляться, имея многочисленных женщин. И то же самое понимала Бовуар, бросаясь на очередного любовника, когда Сартр был занят с другой женщиной. Ревность вступала в полную силу только тогда, когда такого любовника рядом не оказывалось.

Все подружки Бовуар только и мечтали, чтобы выйти замуж. И она сама в позднем детстве жаждала выйти замуж за своего кузена. Бовуар была ошеломлена, когда узнала, что этот кузен общается с ярко накрашенной девицей из бара, и даже в 21 год она была шокирована, когда узнала, что приятель Сартра Низан живёт в открытом браке.

Короче, вся эта свободная ебля была для Сартра нормальным делом, а для Бовуар – настоящим испытанием, и её следует хвалить вдвойне, что она его выдержала. Сартр мог потерять де Бовуар, но у неё в то время не было выбора, а потому она подчинилась своему первому любовнику. Именно Бовуар сделала

огромный для женщины её времени рывок в самоосознании, против чего ополчилось всё общество укоряющих нравов (приличная женщина должна была быть замужем и рожать детей, а не жить одной и менять любовников).

Так что сам Сартр, пошедший ва-банк, был удивлён своему выигрышу – тому, что Бовуар приняла его условия. А принять их ей позволил её интеллект и похоть. Простая баба запаниковала бы, устроила истерику и убежала б. А эта стала анализировать, синтезировать и сдержалась. Все предыдущие немногочисленные женщины, которым Сартр предлагал свободу ебли в обмен на свою, так или иначе исчезали, а тут Бовуар взяла и согласилась, что его не только озадачило, но даже и ввергло в меланхолию – по-видимому, Сартр испугался сам, справится ли он не со своей, а с чужой свободой.

Сартр сам чуть было не смалодушничал в юности и готов был жениться, но судьба хранила его от этого социального института. В двадцать один он сделал предложение девушке и готовился к свадьбе, но когда он провалил «госэкзамен», то консервативная семья девушки расторгла помолвку.

Однако, будучи ещё женихом, Сартр имел связь с известной куртизанкой Jollivet, старше его на три года. Она мечтала стать писательницей. Сартр дал ей список литературы для самообразования, вдохновлял и учил прямо как русский народоволец, спасающий проститутку, но, в отличие от русского варианта, он не отговаривал Jollivet от ебли, а склонял к ней. Сартр даже пригласил её на бал в *Ecole Normale*, где он учился, а она подарила ему настольную лампу, где абажур был сделан из её фиолетовых кружевных трусиков.

Впоследствии Бовуар мучилась ревностью к Jollivet, которую Сартр продолжал выводить в интеллектуальные люди. Та снималась в кино, писала тексты, соблазнила знаменитого женатого театрального режиссёра, который в итоге взял её на содержание, и именно её, Jollivet, Сартр ставил в пример Бовуар, когда замечал, что та недостаточно активна в своей писательской деятельности.

Сам же Сартр был весьма подвержен ревности, с которой он отчаянно боролся, веря, что подверженность ей зависит от способности индивидуума контролировать свои чувства. Тем не менее на протяжении всей жизни Сартр так и не избавился от ревности полностью. Он имел глупость требовать у Jollivet, чтобы она прекратила спать с другими мужчинами. Куртизаночка огрела его очевидной логикой, задав такие вопросы:

– Ты что, владеешь мной? Неужели ты думаешь, что

> я должна сидеть и ждать, пока ты соизволишь появиться на часик-другой когда тебе вздумается? А ты готов бросить ради меня свои занятия в колледже?

Ну и тому подобное, весьма здравое.

Сартр признал её правоту, сделал глубокомысленный вывод, что ревность – это жажда владеть, и потому решил никогда не быть больше ревнивым. Так, во всяком случае, Сартр поведал в одном из интервью.

Заодно с ревностью Сартр ополчался и на грусть-тоску.

> Грусть идёт рука об руку с ленью, —

писал Сартр той же Jollivet, когда она имела неосторожность пожаловаться на это состояние. Так что Сартр снарядился не позволять себе расслабляющих эмоций.

Сартр мечтал стать великим писателем, и для этого ему надо было в жизни испытать всё. Идея нудной работы, семьи, приобретения всевозможной собственности приводили его в ужас.

Бовуар под влиянием Сартра тоже стала относиться к идее брака с подозрительностью, которая неизбежно возникает, когда честен по отношению к себе, к своим чувствам и не боишься их называть своими именами. Брак являет собой феномен «окончательного выбора», который явно не вписывается в истинное положение вещей. Бовуар писала:

> Для меня выбор никогда не является окончательным, мы всегда находимся в состоянии выбора… Ужас окончательного выбора состоит в том, что ты связываешь с ним не только себя сегодняшнего, но и завтрашнего, а это делает брак аморальным в своей основе.

(По сути дела, любая клятва, основанная на сегодняшних чувствах и убеждениях, но которая претендует на всю жизнь, является аморальной, ибо будет противоречить неизбежно меняющимся чувствам и убеждениям, если ты человек интеллектуальный. Пожизненные клятвы годны лишь для тупарей, которые упёрты в одно и зацементированы в своих убеждениях с юного возраста.)

Бовуар понимала, что обрекает себя на одиночество в мире, который предъявляет к женщинам иные требования, чем к мужчинам (что вполне естественно, ибо нельзя предъявлять одинаковые требования к совершенно разным существам): женщины должны были быть девственными до выхода замуж, они не могли учиться в лучших учебных заведениях, курить и пить им

не разрешалось, даже появление в баре было попранием общественных норм. Бовуар понимала, что никогда при её уме и свободолюбии никто не сможет её знать и любить вполне, что она может рассчитывать только на себя.

Различность требований к поведению мужчин и женщин естественна, но ошибка в том, что право формулировать эти требования как для себя, так и для женщин, присвоили себе мужчины. Однако теперь женщины могут сами формулировать нравственные требования для себя и для мужчин, разумеется, отличные от тех, что состряпали ранее мужчины.

Бовуар поначалу не могла решиться на других любовников – действовала инерция предрассудков. Но чуть она попробовала одного, как нравственные преграды бесследно исчезли.

Поставив себе цель жизни стать знаменитыми писателями, Сартр и Бовуар, и в особенности Бовуар смирилась с перспективой бездетности. Вдохновляло её на бездетность то, что Сартр испытывал отвращение перед животами беременных женщин и перед детьми, которые, как он утверждал, воняют мочой. Бовуар тоже не выносила беременных женщин (подпевала Сартру?).

Сартр уехал в армию и часто наведывался в Париж. Он служил в метеорологической части (то есть служба для придурков, которая не шибко отягощала), а Бовуар учила школьниц философскому уму-разуму. Сартр и Бовуар переписывались жаркими словами, как и следует любовникам в разлуке. Тренировали язык.

В разлуке Бовуар изнывала от похоти, но, несмотря на договор об абсолютной исповедальности, Сартру об этом не говорила. Как в будущем и о многом другом. Она пишет, что её голод был сильнее, чем бы ей этого хотелось. (И только потому, что не было рядом любовников – ведь такого рода жалоба возникает лишь когда желание превышает возможности его удовлетворения.)

Отчим Сартра отказался принимать Бовуар в своём доме. По его понятиям, раз Сартр проводит время с женщиной, которой он не сделал предложение, значит, она блядь. Сартр не стал бунтовать, смирился (не постоял за свою возлюбленную, впрочем, это было ему на руку, чтобы не создавать иллюзий возможного брака), и иногда он с Бовуар встречался с его матерью в кафе на полчасика, так как мать панически боялась, что её муж пронюхает и ей не поздоровится.

Отец Сартра умер, когда ему было 15 месяцев. Его мать вышла замуж вторично, когда Сартру исполнилось 11 лет. Замужество матери стало для него трагедией, так как он счёл его

за предательство. Отчима своего Сартр ненавидел.

Основным пунктом договора Сартра и Бовуар был тот, что они будут иметь других любовников, но при условии, что их любовь – это главная любовь, а всё остальное – это по боку. Сартр держал вокруг себя только красивых друзей и любовниц. Красота была условием для дружбы с ним и тем более для ебли.

Два уродца являют собой удручающее зрелище, —

заявлял Сартр, точно оценивая свою ситуацию.

В 1931 году Бовуар была назначена преподавателем в школу в Марселе, а Сартр – в предместьях Парижа. Сартр предложил ей жениться, чтобы не разлучаться, мол, подумаешь, формальность, но тогда Бовуар оставили бы в Париже. Но Бовуар, уже побывавшая в руках других мужчин, решила не ссучиваться и, на радость Сартру, который сделал красивый жест, или ему на горе, так как он был, быть может, готов смалодушничать, отказалась от замужества, и они решили продлить свой двухлетний контракт свободы на всю жизнь. Бовуар уехала в Марсель. Сартр приехал туда навестить Бовуар и переспал с её коллегой-подругой, а потом Бовуар и коллегша ревновали Сартра друг к другу. Но всё обошлось мирно и даже любовно.

В том же году для компенсации разлуки (Сартру было 26, а Бовуар 23) они впервые поехали за границу – в Испанию. С тех пор совместные поездки в разные страны стали для них частью обязательного распорядка жизни.

Ученики любили, а подчас обожали как Сартра, так и Бовуар. Сартр держался с учениками непринуждённо, одевался небрежно, галстука не носил, не смотрел ни в какие записи. Он вёл занятия, будто разговаривал с друзьями. Последовав примеру одного из учителей, он начал заниматься боксом и стал зазывать учеников на тренировки. Он боксировал вместе с учениками, и те били его так сильно, как могли (снимали напряжение – били не куклу учителя, а самого учителя).

Если ученики восхищались своим учителем, то в случае Бовуар ученицы в неё влюблялись. Красивая, умная, свободомыслящая женщина, Бовуар производила неизгладимое впечатление на юных девушек. Первой её любовной добычей стала Ольга Козакевич, семнадцатилетняя дочка эмигрантов из России: отец – русский офицер, мать – французская гувернантка, прихватившая русского офицера.

Ольга поразила Бовуар своим сочинением по работам Канта. Ольга была в смятённых чувствах, неуверенная в себе, плакала – короче, полово созрела. Бовуар предложила ей встретиться после уроков в ресторане. Произошёл долгий разговор и какое-то там

духовное сближение, начались встречи, прогулки, игры в шахматы и пинг-понг.

Бовуар потчевала её книгами и вдохновляла на писательство. Потом у неё началась активная переписка с Ольгой, когда Бовуар уехала с Сартром в отпуск на лето.

Бовуар познакомила Ольгу с Сартром, и тот с 1935 по 1937 год без толку сходил с ума по Ольге.

А пока Бовуар ходила с Ольгой в театры, гуляла с ней по Парижу и даже написала, что существуют только два человека, которые самые важные для неё, причём Ольга одна из этих двух.

Однажды они вместе пили бренди и пьяная Ольга упала с лестницы и заснула у первой ступеньки. Бовуар и Ольга ходили в танцевальные бары, и Ольга учила подружку танцевать. Короче, развлекались девочки.

В июле 1935 года Ольга провалила экзамены на медицинский факультет – родители хотели сделать из неё доктора. Ольге надо было возвращаться домой, в городок вдали от Парижа. И тут Сартр предложил Бовуар взять Ольгу на содержание и оставить жить вместе с ними. Ольге было к тому времени двадцать, что ещё не считалось совершеннолетием, и требовалось согласие родителей. Бовуар съездила к ним и уговорила – мол, она будет развивать Ольгины способности и учить её философии. Девушку поселили в хорошем отеле и купили ей полку с книгами по философии, являвшиеся фоном для любовных объятий Бовуар и Ольги.

Однако вскоре Ольга продемонстрировала полную неспособность к самостоятельным занятиям, и вся идея занятий философией рухнула. Несмотря на это, содержать её продолжали, а Ольга, загипнотизированная влиянием старших почитаемых учителей, подчинялась им, как могла.

Страсти-мордасти Сартра к Ольге происходили на виду у Бовуар, которая мучилась всем этим в большей степени, чем просто ревностью. Сартр воспринимал всерьёз каждую выходку Ольги, а потом в подробностях делился всем с Бовуар, которая выступала арбитром в частых перепалках Сартра и Ольги. Если она принимала сторону Ольги, Сартр зверел. Если она принимала сторону Сартра – Ольга днями молчала и дулась. Бовуар размышляла: а каково её место в этих отношениях? Сартр часто казался ей просто чужим человеком:

> Временами я спрашивала себя, не зиждется ли всё моё счастье на гигантской лжи?

Все эти чувствования перепевались в произведениях как Сартра, так и Бовуар, которые каждый по-своему их описывали.

Сартр посвятил Ольге свой первый сборник рассказов *Стена*.

Сартр жестоко ревновал Ольгу к красавцу, который появлялся в их круге, и бесился, когда видел с ним Ольгу, уходящими куда-то, держась за руки. Бовуар старалась его успокоить.

Но самое смешное, что Ольга Сартру не дала, несмотря на его объяснения в любви, ухаживания и содержание. Она ему твердила в лоб, что его не любит. Она терпеть не могла толстых, а у Сартра было брюшко. Ольга даже не позволяла ему к себе притрагиваться. Сартр осаждал её, поджидал, когда на неё находила слабина, и всё, что ему удавалось, – это поцеловать её. Ольга стала просто избегать Сартра и снюхалась с Бостом – ещё одним красавчиком из круга Сартра. Сартр сам подначивал Боста на эту связь, делая вид, что ему безразлично, а потом кипел и умирал от ревности, исповедуясь Бовуар.

Зато у Ольги была младшая сестра Ванда, родившаяся в 1917 году, и с ней Сартр оказался более успешен, но далеко не сразу. В 1937 году Ванда приехала погостить к сестре в Париж. Провинциалка, подавленная сартровским непрекращающимся потоком умных слов, буквально немела в его присутствии. Он принялся её соблазнять, очаровательную и полненькую. Сартр повёл её показать Монмартр, а когда они возвращались домой в такси, он притянул её к себе и поцеловал в губы. Двадцатилетняя девственница была весьма шокирована. После этого она пряталась от Сартра и боялась встретиться с ним на улице.

Шесть недель лета 1937 года Сартр и Бовуар провели в Ереции. Три из этих недель с ними был красавчик Бост – тот, кто соблазнил Ольгу. Нигде в книге не говорится, еблись ли они вместе или по очереди? Скорее всего так и так. Бовуар часто проводила время с Бостом, пока Сартр писал. Каждый день он писал письма Ванде.

В Париже Сартр и Бовуар жили на разных этажах одного отеля. Собирались вместе для литературствования. Писали в разных концах комнаты, чтобы не отвлекаться на разговоры. Читали друг-дружьи рукописи и критиковали.

В 1937 году после многочисленных переделок и отказов наконец опубликовали сартровскую *Тошноту*. Она, книга, была посвящена Бовуар. (Уверен, что не тошнота.)

А тем временем Бовуар влюбила в себя ещё одну свою студентку, Бианку Бененфельд: умненькую, красивенькую, шестнадцатилетнюю. Вскоре каждое воскресенье они проводили вместе, и Бовуар рассказала ей о своих отношениях с Сартром, что, мол, не хотят детей, не хотят жениться, что спят с другими и никогда не ревнуют. Девица отпала. Это ведь получше всякой порнографии. (Или похуже?) Бианка стала во всём подражать

Бовуар, её речи, одежде, жестам. После окончания школы Бовуар и Бианка отправились в турпоход и там спали в одной кровати и, естественно, подолгу не спали. Девчонка признавалась Бовуар в любви и утверждала, что никого не будет любить так, как её.

Сартр был увлечён «театром соблазнения», который он так хорошо изучил. Он описывал его «гастроли» как «литературную работу», что состоит из использования красивых слов, многозначительного молчания и умело выбранной точки обзора. Однако Сартр сетовал, что в отличие от литературы соблазнение женщин не придаёт ему благородства:

> Я прихожу со свидания с сухим ртом, с усталыми мышцами лица от чрезмерных улыбок, голосом, всё ещё сочащимся мёдом, и сердцем, полным… омерзения.

Эти симптомы напоминают недомогание неудачного свидания, когда баба ему не дала, а он напрасно болтал языком и улыбался, потому как если бы дала, то рот у него был бы не сухой и он бы не улыбался, а серьёзно и всерьёз занимался бы ласками.

(И я в ранней юности открывал тот же велосипед и на нём катался:

> Как тошно разговор плести,
> велеречивостью давиться.
> А в руки взял – кричит: «Пусти!»
> – Куда тебя пустить, девица?
>
> *«Маятник»)*

Сартр держал осаду Ванды целый год, но она ему упорно не давала. Девушка в открытую твердила, что физически он ей противен. Ванда ужасалась сартровской диете (жирное мясо, отсутствие овощей, обилие сладкого и спиртного), которую она считала причиной его плохой кожи. Но отказ только подстёгивал Сартра. Надежда и упорство были ему необходимы, чтобы не пасть духом от первых отказов, которые он встречал у большинства женщин.

Сартр взял Ванду в загородную поездку, они спали в одной кровати. Ванда позволяла ему любоваться её обнажённым телом, но не позволяла в себя углубляться. А Сартр, потирая ручки, рапортовал Бовуар, что он с каждым разом захватывает всё больше и больше новой территории.

Но когда Сартр подпоил Ванду и умудрился поцеловать, она бросилась в туалет и блеванула. Он утешал себя, что это смесь

рома и шерри сделала своё дело, а не его отвратительные для Ванды прикосновения.

В этот период отверженности Вандой Сартр писал страстные письма Бовуар, которая путешествовала с Бостом.

Бовуар в ответ сообщала Сартру детали своего романа.

Воет лавировал между Ольгой и Бовуар. (Это вместо того, чтобы их вдвоём в постель положить. А может, и пытался, но в книге о тройственных и более совокуплениях ни слова.)

Ольга сердилась на Сартра, что он пытался соблазнить её сестру, а Сартр лгал им обеим. Он утверждал, что есть люди, в отношениях с которыми лгать просто необходимо.

(Под людьми он имел в виду женщин.)

Пока Сартр возился с Вандой, Бианке стукнуло 18. Она изучала философию в Сорбонне и по-прежнему жарко общалась с Бовуар три раза в неделю. Воет знал о Бианке, но Бианка не знала о Босте.

Сартр принялся за Бианку, и та была польщена его вниманием – это ведь был идол её возлюбленной Бовуар.

Сартр окунул Бианку в омут своих словес и очаровал её ими до такой степени, что она ему отдалась. Сартр был первым мужчиной у Бианки. Она описывает противненькую сцену в отеле, куда она согласилась с ним пойти. Сартр начал любовное свидание с того, что мыл ноги в раковине, задирая сначала одну, а потом другую. А заключает Бианка это описание тем, что никакого удовольствия она с ним не получила, хотя позднее была весьма счастлива со своим мужем и вкусила оргазмов от мужчины.

Возникшая связь Сартра с Бианкой внесла напряжение в её отношения с Бовуар, которая писала, что Бианка не понимает, что поток нежности возникает между двумя, но не между тремя участниками. (Откуда она научилась такой арифметике? – ума не приложу.)

Весной 1939 года Ванда переехала жить в Париж, и её стал содержать Сартр. Он вознамерился сделать из неё художницу. Сартр врал ей, будто они с Бовуар только друзья. Бовуар почувствовала, что он её этим предал. А Сартр был готов сказать женщине что угодно, только бы к ней в пизду залезть. И, надо сказать, правильно делал.

В конце июля 1939 года он путешествовал с Вандой по югу Франции и оттуда оповещал Бовуар:

> Сегодня утром я впервые переспал с ней. В результате я оставил её в кровати, чистую и трагичную, заявившую, что она устала и что ненавидела меня все 45

минут.

Сартр выбежал в кафе, чтобы написать это Бовуар. Прежде всего, словам Сартра доверять нельзя, ибо он врал своим бабам направо и налево. Почему он оставил Ванду в кровати «чистой»? Так и не смог поиметь? Значит ли, что она ненавидела его все 45 минут, пока он по ней елозил?

А затем он продолжает, что с Вандой у него идеальная любовь, смотрение в глаза друг другу, держание за руки.

Получалось, что за два года он соблазнил девчонку, и, излагая их сексуальные упражнения, он пишет:

Похоже, что она получает от этого удовольствие.

Что значит «похоже» – да и кто, кроме них самих, мог знать, что в действительности происходило между ними в закрытой комнате?

В то лето Сартр был настолько одержим Вандой, что Бовуар не просыхала от ревнивых слёз. Она плакала легко и обильно. Бост, любовник Бовуар и обладатель «серьёзных намерений» по отношению к Ольге, намекал ей, что с Бовуар у него просто интрижка, а любит он только Ольгу. Так что Бовуар боялась, что теряет всех своих мужчин. Но как всегда – напрасно.

Что касается политической головы Сартра, то он был на неё слаб до позора. В 1939 году, когда все только и ждали начала войны, Сартр убеждал своих друзей, что войны не будет, что Гитлер не может начать войну, зная ментальность немцев. А после войны он влюбился в СССР и славил социализм заодно с коммунизмом с одержимостью комсомольца тридцатых годов.

Несмотря на сартровские пророчества, война неизбежно приближалась, и Сартра призвали. Он был в ужасе, что Ванда о нём забудет, и обещал писать ей каждый день. Сартр просил её тоже писать ему каждый день, причём он не забыл уточнить, что будет по-прежнему содержать её, чтобы она могла продолжать свои занятия живописью в Париже.

Перед отъездом на сборный пункт последние часы он, кусая ногти (очаровательная привычка), провёл с Бовуар.

К началу 1940 года ещё один романчик образовался у Бовуар со своей ученицей, и опять русской: Натали Сорокиной, своенравной и с резким характером, по сравнению с которым характер психопатирующей Ольги выглядел овечьим. Мать Натальи, разведённая, хотела, чтобы дочь пошла работать. Но Бовуар предложила оплатить её учёбу в Сорбонне.

Бовуар сообщает Сартру в письме, что Наталье недостаточно целоваться в губы и держаться за руки – она, мол, хочет с ней

спать.

(Бедная Бовуар, мечтавшая только о платонических воздыханиях и бежавшая всякого секса!)

Бовуар рассказывает Натали про бордели и про проституток, и это естественно горячит её молодую пизду, так что к январю 1940 года у них уже полным ходом бурлит страстный роман. В переписке с Сартром Бовуар педалировала своё лесбиянство и восхищение телом Натали. А в переписке с Бостом всячески приуменьшала.

Когда Сартр приезжал на побывку со своей военной службы в Париж, он делил время между Бовуар и Вандой, вместо того чтобы общаться с ними одновременно, прятался от Ванды, когда был с Бовуар, а Ванде врал, что, мол, был у матери.

Половая жизнь Сартра и Бовуар перестала быть страстной, как оно и должно было быть – даже их сексуальная свобода не смогла сохранить остроты секса, которая возможна только с новым партнёром.

> Но зато, – *пишет Сартр*, – наша половая жизнь стала более упорядоченной.

Это не влияет на его любовь к Бовуар, и он продолжает писать ей всякие нежности. Нежности, необходимые для удержания при себе женщины, находящейся на расстоянии, – они снова лезут из него, проголодавшегося в разлуке.

А пока приехавший на побывку Бост навещает Бовуар. Она с ним проводит три дня и три ночи напролёт и пишет Сартру:

> Одно, в чём я теперь уверена, это в том, что Бост является частью моего будущего, причём неотъемлемой частью.

Тут она забывала или умышленно нарушала условия их отношений с Сартром: её второстепенные отношения становились первостепенными. Но временно.

Сартр же убивался тем, что не получает писем от Ванды. А Ванда снюхалась со студентом актёрского колледжа, которому актрисочка, с коей некоторое время назад переспал Сартр, сказала, что он якобы её изнасиловал, и показывала студенту Сартровы любовные письма.

Этот студентик, не зная, что Ванда – любовница Сартра, ужасался им, а она, скрывая свои чувства от студентика, негодовала и отвращалась узнанным о Сартре. Сартр пошёл в наступление и возмутился, почему Ванда верит студентику, а не ему, и также написал гневное письмо актрисочке, заявляя, что

никогда её не любил, а лишь использовал. Такие вот плелись «опасные связи».

И потом Сартр кается в письме к Бовуар, что он напрасно связался с Вандой – что, мол, она ему? А вот Бовуар для него – это да…

В то же время он бомбардировал письмами Ванду и плакался, как она ему нужна и как он ради неё поступится даже Бовуар. Сартр процитировал это откровение для Бовуар, поясняя, что цель оправдывает средства, но что он не чувствовал себя на высоте, написав такое. Однако он клянётся, что никогда не лжёт Бовуар и она, мол, для него всё и вся. И пусть она не подозревает его во лжи ей и даже в полулжи.

Но ведь только дурак (или дура) может поверить, что некто будет правдив с какой-то одной женщиной, если он лжёт всем остальным. Просто Сартр, быть может, лгал Бовуар чуть меньше и более изощрённо, так как она была много умней всех его прочих пизд.

Так что опять поди угадай, что было на самом деле? Ни слову нельзя верить, когда дело доходит до описания их сексуальных отношений.

Сартр в разлуке почувствовал, как дорога ему Бовуар, и написал письмо разрыва Бианке – мол, хватить мне одной Ванды для разнообразия. Бианка была поражена – пару дней назад писал страстные письма и – бац – разрыв без объяснения причин. Она чувствовала, что где-то таится ложь, и даже стала подозревать Бовуар. Та, узнав о письме разрыва, стала отчитывать Сартра – как можно так резко, и, вообще, люди страдают из-за нас. В итоге у Бианки возникло психическое расстройство, от которого она так и не смогла до конца оправиться.

А всё из-за того, что Сартр и Бовуар позволили девчонке зациклиться на себе, вместо того чтобы сразу её научить совокупляться с разными партнёрами, и только потом разрывать, чтобы у Бианки было бы на кого переключиться. А то пропагандировали свободу ебли, а, промежду прочим, девочек придерживали для себя и ревновали их до неприличия.

В конце марта 1940 года Сартр опять приехал в Париж на побывку.

Ольга крутила роман с известным парижским красавцем, скрывая это от Сартра и Бовуар, но они пронюхали и раздумывали, сообщать ли об этом Босту, который запал на Ольгу.

Сартр был возмущён, что Ольга изменяет Босту, в то время как тот на фронте, рискует жизнью. (Однако сам не отказался бы поживиться той, которая ему так и не дала.) Сартр также злился,

что Ольга скрыла свою связь от него. Он отговорил Бовуар сообщать об этом Босту, разве что Бовуар будет готова заменить Ольгу в жизни Боста, чего она сделать не могла, так как Сартр уже занимал главное место в жизни Бовуар. («Накрррученонаворррочено», – как говаривал Аркадий Райкин.)

Красавец любовник Ольги написал воспоминания, где говорил о связи со славянской женщиной из клана Сартра, явно имея в виду Ольгу. И далее он так поясняет очарование славянок:

> таинственные по виду, но не являющиеся таковыми на самом деле.

Четырнадцатого июня 1940 года нацисты вошли в Париж. Комендантский час. Пустые безмашинные улицы.

Натали Сорокина вернулась в Париж в объятия Бовуар. Наташка была изобретательной воровкой (вот оно, таинственное очарование славянок) и выкрала два велосипеда, один из которых дала Бовуар. Они разъезжали на велосипедах по опустевшим улицам Парижа.

Одиннадцатого июля Бовуар получила записку от Сартра, где он сообщал, что его взяли в плен.

Вернулась в Париж и Ольга. Беременная. Бовуар устроила ей тайный аборт.

В лагере, где находился Сартр, он чувствовал себя свободным, как никогда ранее. Это была шарашка, где он мог писать своё сочинение *Бытие и ничто* и общаться с интеллектуалами-заключёнными. Немцы по его просьбе радостно дали ему читать пронацистского Хайдеггера.

(Почти солженицынская шарашка, где он тоже чувствовал себя счастливым. Да только Солженицын не захотел встречаться с Сартром, когда тот ошивался в Москве, – уж слишком Сартр благоговел перед коммунистами всех сортов и особенно московского разлива.)

А Натали становилась всё более и более ревнивой. Она требовала, чтобы Бовуар проводила с ней больше времени. Она караулила Бовуар у отеля, у школы, где она преподавала. Устраивала скандалы, которые стали притчей во языцех среди обитателей отеля, где жила Бовуар.

В сентябре 1940 года вернулся в Париж Бост и стал жить с Ольгой в одном из отелей. Туда же переехала и сестричка Ванда. Этот отель был в пяти минутах ходьбы от отеля, где жила Бовуар. Бовуар и Бост ежедневно встречались на ланче, а также секретно – в отеле. Всё это не мешало Бовуар отчаянно ждать Сартра, видеть перед собой наяву его лицо и мучаться ночными кошмарами, в которых ей представлялось, что он её больше не

любит.

Бовуар была в разлуке с Сартром одиннадцать месяцев. В марте 1941 года он объявился в Париже. Сартр в лагере считался гражданским, а нацисты отпускали больных. Он симулировал болезнь, и его отпустили.

Сартр вернулся из лагеря изменившимся человеком. Он не хотел наслаждаться полученной свободой, он хотел действовать и организовать группу Сопротивления.

Сартр связался со знакомыми интеллектуалами, и дюжина их собиралась в отеле в комнате Бовуар. Они быстро пришли к выводу, что это не их дело бросать бомбы и гранаты, а заниматься они будут распространением новостей. Составлять, печатать, разносить. Сартр, под впечатлением кучной жизни в лагере, которую он посчитал социалистической, стал себя считать социалистом. И название для труппы выбрали: *Социализм и Свобода.* В 1942 году группа распалась после того, как арестовали 19-летнюю бывшую членшу, которая ушла и присоединилась к коммунистической группе Сопротивления. Опасно ведь, как-никак.

Сартр продолжил преподавать в Лицее, где он отказался подписать бумагу, в которой он должен был утверждать, что он не еврей и не масон. Директор лицея тоже состоял в Сопротивлении, и потому Сартру это сошло с рук.

Хотя Бовуар и Сартр жили в одном отеле, все ночи он проводил в отеле, где жила Ванда. Сартр не переставал восхищаться их союзом, мол, и как он прекрасен, и как он вообще. Трилогию *Пути к свободе* он посвятил Ванде. Бовуар будет хранить молчание о Ванде в своих воспоминаниях и мемуарах – уж слишком большую роль играла эта женщина для Сартра во время войны.

Если Сартр с Вандой проводил все ночи, то Бовуар с Бостом – только одну ночь в неделю. От этого неравенства Бовуар страдала.

К тому же отношения с Вандой у Сартра были открытыми для публики, а Бовуар должна была скрывать свои отношения, так как Воет официально любил только Ольгу. Причём Сартр уже не скрывал от Ванды степень своей близости с Бовуар. Но самое смешное, что Ольга и Ванда жили на содержании у Сартра, и даже Бовуар подбрасывала им денег. Так что бедная Бовуар весьма переживала. (Не могла себе ещё любовников найти? Или умалчивает об этом в своих воспоминаниях?)

Hazel Rowley, авторша книги, безапелляционно заявляет, что на то время Сартр и Бовуар закончили свою половую жизнь друг с другом и с тех пор только дружили, держась за ручки.

Спрашивается, откуда ей знать? – неужто на основании того, что пишут эти лгуны и позёры? Чем больше Сартр и Бовуар хотели быть откровенными, тем больше они вставали в позу, которая превращалась в миф, затвердевавший в памятник. И они себя поливали и поливали гипсом переписки и воспоминаний, чтобы окаменеть именно в этой позе.

Авторша ссылается на различные строчки в романах Бовуар и Сартра, подтверждающие, что, мол, всё: любви-сексу – хана.

Бовуар тогда было всего 33 года, но якобы Сартр потерял к ней всякий сексуальный интерес. В воспоминаниях Бовуар высосала из пальца (а авторша книги досасывала) причины сартровского «сексуального безразличия» или «сексуального холода» и пришла к глубокомысленному женскому заключению, что Сартр был не в состоянии отключиться, а постоянно, видите ли, пребывал в состоянии осознания происходящего, и что, мол, секс для него всегда происходил с налётом садизма, поскольку его партнёрша отдаёт своё тело ему, а он никогда не отдаёт своего.

Затем приводится кусок из интервью 69-летнего Сартра, причём не нейтральному лицу, а самой Бовуар. Вот что он говорит, с её слов:

> Я был больше мастурбатором женщин, чем ёбарем… Для меня главной и чувственной частью общения были объятия, ласки и поцелуи, которыми я покрывал всё тело… Так как моё оборудование было в должном порядке, эрекция была быстрой и лёгкой, я часто совокуплялся, но без большого наслаждения. Разве что некоторое наслаждение в конце, но весьма слабое… Я был бы вполне счастлив голый в кровати с голой женщиной, лаская и целуя её, но не доходя до совокупления.

А что он делал с женщинами, которые требовали «fuck me hard»[15], но по-французски? Что же за «сексуальное безразличие» овладело Сартром по отношению к Бовуар? Что там за мистику разводят? Если он ёбся каждую ночь с Вандой и она его умаривала, то может оказаться понятным, что у него просто на уже известную вдоль и поперёк Бовуар не хватало желания. Но, с другой стороны, он мог и из вежливости или даже из провозглашённой любви к Бовуар находить время для удовлетворения её желаний, тем более что, как он утверждает, всё, что ему было нужно, – это ласкать, лизать да целовать. Да и о каком там конкретно «сексуальном безразличии» идёт речь? Что Бовуар брала его хуй в рот, обсасывала полчаса, а Сартр, вместо

того чтобы кончить, засыпал от своего «сексуального безразличия»? И вообще, это безразличие могло бы наступить, если бы он безвыездно ебал одну только Бовуар, а при постоянной Ванде Бовуар должна была бы казаться ему посвежевшим куском мяса.

Тут они явно что-то недоговаривают, причём весьма существенное. Какой же сделать вывод из этого якобы «сексуального безразличия»? – Что с тех военных пор Сартр ни разу больше не трахнул Бовуар или не лизнул её клитор? Не поверю – это идёт против логики и абсурда желаний.

Другое дело, было бы интересно узнать, когда он её последний раз в жизни поимел. Ведь отмечали они день первого раза. Почему бы не погоревать над днём последнего раза?

Когда вышел роман Бовуар *Она пришла, чтобы остаться*, где якобы описывались её свободные отношения с Сартром, критики дивились героям романа, которые состоят в непонятных отношениях. Один критикан задавался вопросом: «Пьер и Франсуаза были вместе десять лет. Являются ли они парой, которая имеет сексуальные отношения или уже не имеет?» Даже критик не мог различить художественную литературу от сексуальной жизни, которая, разумеется, была ему неизвестна.

Итак, Сартр и Бовуар содержали Ольгу и Ванду, помогали денежно Босту и Натали Сорокиной. Бовуар и Сартр, оба преподаватели в парижских школах, решили, что больше не могут позволить себе ходить по ресторанам, так как денег не хватало, и Бовуар переехала в гостиничный номер с кухней. Впервые стала жарить-парить, ходить и покупать еду, и то денег еле хватало. В военное время она всегда испытывала чувство голода – в дополнение к половому, который она испытывала и в мирное время.

Продолжая хронологию ебли, следует сделать зарубку, что Натали Сорокина переспала с Бостом, а затем без труда соблазнила Сартра и отзывалась о нём так:

Воображает из себя гения.

Она впустила в себя ещё одного знакомого из клана Сартра, и он описывал в воспоминаниях, как это произошло в отеле, за который он заплатил. Натали ушла, захватив с собой полотенца и простыни, чем поставила его в весьма неловкое положение перед администрацией отеля.

Натали соблазняла всех подряд, и у неё был любовник, молодой богатый парень, за которого её вовсю сватала мать. Несмотря на свою бурную гетеросексуальную половую житуху, Натали безумно ревновала Бовуар. А Бовуар тоже не переставала

млеть по ней и посвятила Натали свой роман *Кровь других*.

В марте 1942 года мать Н. Сорокиной подала официальную жалобу на Бовуар в Министерство образования, обвиняя её в том, что Бовуар совратила её несовершеннолетнюю дочь, а потом проституировала её, передавая своим друзьям, Сартру и Босту. Более того, мать заявляла, что её дочь является не первой жертвой, которую Бовуар пустила по этому пути.

Жалоба вылезла потому, что Наталья разорвала отношения с богатым парнем, которого прочили ей в женихи, но до этого она имела неосторожность рассказывать ему о своих приключениях. Отвергнутый жених пересказал всё матери Натали. И вот французская полиция стала допрашивать Бовуар, Сартра, Сорокину, Боста, Ольгу и Ванду – делать полиции было больше нечего во время войны. Кроме того, полиция допрашивала родителей Козакевич, директоров школ, где работала Бовуар. А также посетила несколько отелей, где она проживала, и допрашивала постояльцев.

Сартр и Бовуар разработали стратегию защиты и вымуштровали свой клан лгать единообразно и безапелляционно. Все сыграли свои роли замечательно, и дело закрыли за недостаточностью улик. Однако Бовуар всё-таки уволили из школы, так как её моральный облик не соответствовал французской морали под немецким телом: Бовуар была не замужем, открыто сожительствовала с Сартром, не имела собственного жилья, а проживала в отелях, проверяла работы школьников в кафе и преподавала творчество писателей-гомосексуалистов: Жида и Пруста – всё это во времена, когда «Франция стремится возродить моральные нормы». Таким образом, после двенадцати лет преподавания Бовуар была уволена из когорты учителей в июне 1943 года. После окончания войны её восстановили в звании преподавателя, но она решила больше никогда не заниматься этим делом.

В 1942 году Ольга попробовала себя в театре в маленькой роли, и режиссёр в ответ на её просьбу о более значительной роли ответил, что лучший метод получить главную роль в пьесе, если её напишут специально для тебя. Когда Ольга рассказала о совете режиссёра Сартру, он ответил:

– А почему бы мне не написать пьесу для тебя?

И написал-таки, несмотря на то, что Ольга ему так и не дала. Видно, он продолжал надеяться, что купит её чем-то, хотя авторша пишет, что так как Ольга была частью клана, то он хотел ей помочь. Как бы не так! Скорее всего Ольга ему за это дала. Но это не попало ни в письма, ни в мемуары. Я уверен, что

написание пьесы для Ольги было условием её ногораздвижки для Сартра.

В 1943 году Сартр написал пьесу *Тупик*, где была выделена роль специально для Ванды. Она уже год как занималась в актёрской студии, и, хотя её актёрские способности были поменьше, чем у Ольги, Сартр считал, что её успех – это лишь дело времени. Альбер Камю был режиссёром и также играл одну из ролей в пьесе. Камю не знал, что Ванда любовница Сартра, и однажды признался ему, что русская душа Ванды его пленила. Ванда тоже была небезразлична к очаровательному Камю.

На одной из вечеринок Камю исчез с Вандой в спальне. Вполне возможно, что именно из-за этого произошёл впоследствии разрыв Сартра с Камю – дело было не в политике, где они могли бы сосуществовать как друзья, но Сартр, несмотря на провоцирование своих любовниц на связи с другими мужчинами, всё равно испытывал забитую, но бессмертную ревность.

Во время той же вечеринки Ольга пошла искать исчезнувшего Боста и обнаружила его в постели с актрисочкой. Она устроила скандал, вопя и вытворяя.

Когда в феврале 1944 года одну из актрис, участвующих в репетициях *Тупика*, арестовало гестапо, Камю из солидарности с ней прекратил работу над спектаклем.

После романа Камю с Вандой отношения с ней Сартра стали портиться и сошли на нет. Сартр не мог ей простить связь с Камю. Но, несмотря на это, Сартр содержал её всю свою жизнь. Он проводил время с ней вдвоём дважды в неделю (пишет Hazel Rowley, а как проводил? – не книжки же вслух читали – значит, содержал не зря, просто закончилась исключительность отношений, но периодическая ебля жила и здравствовала). Сартр написал шесть пьес для Ванды, где она играла главные роли. В 1965 году он купил ей квартиру в Париже. А Ванда, у которой было множество любовников, продолжала безумно ревновать Сартра, и особенно она не терпела Бовуар.

(А если бы он не содержал её, ревновала бы она, ведь вся эта ревность, быть может, основана на боязни потерять содержание? Деньги не столько портят отношения мужчины и женщины, сколько замутняют их истинные мотивы.)

В августе 1944 года немцев выперли из Парижа. Камю, редактор газеты *Комбат*, послал Сартра в командировку в Америку в группе журналистов. Америка оплачивала двухмесячную поездку, в течение которой журналисты должны были освещать участие Америки в войне. Сартр был в восторге – ещё будучи мальчиком, он мечтал побывать в этой великой

стране. И вот 13 января 1945 года Сартр впервые в жизни на самолете летел в страну своей мечты. Он также представлял правую газету *Фигаро*.

Сартру не пришлось долго раздумывать над тем, как узнать Америку и выучить английский – для этого требовалась местная любовница. Через пару дней пребывания в Штатах он познакомился с Долорес Винетти, которая работала на французской радиостанции в Америке. Она родилась во Франции, работала актрисой, в ней бурлила смесь итальянской и эфиопской кровей. Долорес была замужем за богатым врачом.

Сартр мгновенно очаровал её своими словесами. А также интенсивным вниманием, предупреждая каждое её желание. Долорес разъезжала и разлётывала с Сартром по всей Америке и показала ему то, что осталось бы недоступным простому туристу.

Долорес подарила мне Америку, —

говорил впоследствии Сартр. В результате Сартр остался в Америке на дополнительные два месяца – доёбывать. А Бовуар отвлекалась от тоски о Сартре в объятиях актёра опять-таки родом из России – Михаила Витольда.

Воет в то время был военным корреспондентом на фронте в американской армии. Так что это был весьма реалистический вариант симоновского стихотворения:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.

Бовуар ждала Сартра в объятиях любовников. Причём искренне ждала, но без иудо-мусульмо-христианских самоистязаний и жертвоприношений.

Вернулся в Париж Maheu, студенческая любовь Бовуар. После интенсивного гуляния по Парижу они впервые совокупились, на радость друг другу.

В мае 45-го Сартр вернулся в Париж. В июне ему исполнялось 40, и он ненавидел это наступающее событие. Он ушёл из преподавательства и решил зарабатывать исключительно писательским трудом.

Долорес Ванетти заявила Сартру, что не потерпит другой женщины, и просила его больше ей не писать. Бост вскоре поехал в Америку от той же газеты *Комбат* и переспал с Ванетти. Более того, он стал исповедоваться Бовуар, что, мол, тоже влюбился в Долорес. Бовуар трагедийствовала: двух мужиков, Сартра и Боста, уводит от неё одна и та же женщина.

В это время на Сартра обрушилась литературно-философская слава и заодно – на неразделимую с ним Бовуар. Слово «экзистенциализм» стало модным и звучным.

Одновременно были изданы несколько романов Сартра и Бовуар. Поставили пьесу Бовуар *Бесполезные рты*, в которой главную роль играла Ольга. Организовали литературный журнал *Новые времена* (по Чаплину), где Сартр – главный редактор и Бовуар – в редколлегии.

Литературный манифест в первом номере *Новых времён* Сартр посвятил Ванетти. Бовуар призналась, что изо всех женщин, которые были у Сартра, Ванетти была для неё самая тяжкая.

Вместо проведения рождественских праздников с Бовуар, как та надеялась, Сартр отправился в Нью-Йорк на двухмесячное рандеву с Ванетти. Но Бовуар времени не теряла, она писала свой очередной роман, редактировала *Новые времена* и подготавливала к печати работы Сартра, но самое важное – проводила время с Камю, восхищаясь им в письмах Сартру, – под предлогом откровенности мстила ему своей еблей. И добавляла, что счастлива своей жизнью с Сартром и желает ему весело проводить время.

Доктрина экзистенциализма, по Сартру, удручающе ограниченна и самонадеянна: поскольку Бога нет, то человек сам ответственен за свою судьбу. А так как не существует априори некой «человеческой сути» или «человеческой природы», человек сам выбирает, кем он становится. И потому нет человеку прощения или извинений за то, что он совершает. Люди «обречены на свободу», но избегают её.

(Красивая чепуха, вроде «человек – венец природы». Чепуха, ибо частное возведено в общее, с пренебрежением главным – Богом и его повелениями в форме генетики. Продолжение бреда Руссо с его «табула раса».)

Сартр продолжает: нечего плакаться – мол, «я не испытал великой любви» или «я не написал великой книги». Всё бы смог, коли задом шевелил. Просто люди обманывают себя, отрицая собственную свободу. Не болтай, а делай. Экзистенциализм – это не возможности или намерения, а реальные дела. (Прекрасная философия для России, но именно поэтому экзистенциализм не пользовался особой популярностью, поскольку перед мордой ставил зеркало. Россия всегда увлекалась идеалистической требухой, а от практических советов Россия только отмахивалась.)

С любовницами Сартра тоже происходили изменения. Бианка вернулась в Париж со своим мужем. Через пять лет после того,

как Сартр её похерил, она так и не могла оправиться от этого удара. Причём Бианку он не содержал – её родители были богатыми людьми. Она то и дело плакала во время обеда с Бовуар, и Бовуар писала Сартру с угрызениями совести, что это человек, которому они действительно нанесли серьёзный вред.

Натали Сорокина стала большой специалисткой по соблазнению американских военных и мечтала таким способом поскорее перебраться в страну изобилия. Это ей триумфально удалось. Она забеременела от красавца военного и собиралась уезжать к нему в Калифорнию. Её жених мечтал стать киносценаристом и действительно им стал, причём весьма знаменитым.

Бовуар и Бост продолжали время от времени совокупляться. А между тем Бовуар писала Сартру, как она разрывается от нежности к нему и как она мечтает поехать куда-нибудь с ним на несколько месяцев и вместе работать.

Затем Бовуар полетела давать курс лекций в Тунис и Алжир.

Что за половая жизнь была у неё в этих странах, авторша не рассказывает.

Когда Бовуар вернулась в Париж, Сартр всё ещё пропадал в Америке, Бост находился в Италии, Ольга – с родителями, а Натали умотала в США. И тут Бовуар познакомили с писателем Борисом Вианом, что оказалось весьма кстати.

Сартр плыл морем в Америку восемнадцать дней. Раньше он шутил над Бовуар, что подверженность морской болезни зависит от силы твоей воли. Однако теперь он если не блевал, то не мог ни писать, ни читать, несмотря на свою хвалёную силу воли. Экзистенциализм не сработал, но сработала физиология.

Все на корабле знали о Сартре, и он даже прочёл для пассажиров лекцию об экзистенциализме.

Сартр вместе с другими мужчинами принялся ухаживать за красивой женой бразильского консула, которая была среди пассажиров. Однако она предпочла красивого капитана корабля. Так что женщины не всегда поддаются на словеса, а часто предпочитают красивое лицо и тело. Сартр был удручён поражением и с ужасом ощущал себя насекомым.

Ванетти вспоминает, что только во время второй поездки Сартра по Штатам она влюбилась в него. Что же она подразумевает под «влюбилась»? Уж не после ли того, как она переспала с Бостом? Просто Ванетти созрела – захотела развестись и выйти замуж за Сартра.

А Сартр делится с Бовуар, что он мечтает о встрече с ней и что любовь Ванетти его пугает. Но Сартр скрыл от Бовуар, что сделал предложение Ванетти. Так как она была ещё не разведена,

то они договорились, что Сартр вернётся в Париж и они проведут вместе три-четыре месяца в конце года. А потом посмотрят, как пойдут дела. 15 марта 1946 года Сартр на самолёте вернулся в Париж.

Бовуар ужасно переживала и в какой-то момент спросила его напрямик:

– Скажи мне честно, кто тебе более дорог, Долорес или я?

Сартр ответил хитро:

– Долорес для меня чрезвычайно дорога, но ведь сейчас я с тобой, а не с ней.

Бовуар приняла этот ответ за подтверждение выполнения их пакта и решила, что большего желать ей не следует.

Сартр переехал жить в квартиру к своей матери. Впервые он почувствовал за собой уход, жильё стало комфортабельным, появился свой кабинет, дубовый письменный стол, кожаное кресло. В распоряжении Сартра оказалось пианино, он стал собирать собственную библиотеку – раньше он раздавал свои книги. Мать всю себя посвятила уходу за своим сыном. Она была так счастлива, что эту новую жизнь со своим сыном она назвала своим «третьим замужеством».

В это время у Ольги, которой было уже 29 и которая играла в новой постановке *Мух*, обнаружили туберкулёз в обоих лёгких. Сартр ежедневно ходил в больницу навещать Ольгу, часто вместе с Бовуар.

С тех пор как Бовуар прекратила преподавательскую деятельность, Сартр помогал ей деньгами. Воет и Ольга часто просили денег в долг и никогда их не отдавали. Многие просили у Сартра деньги на врачебную помощь, переезды и прочие расходы. Он никогда не колебался и выписывал чеки или давал наличными.

Летом 1946 года Сартр и Бовуар поехали на отдых в Италию. Там он провёл три недели с Вандой, а Бовуар одна лазила по горам, время от времени присоединяясь к ним. Осенью Сартр и Бовуар снова поехали в Рим.

В Париж приехал Артур Кестлер, автор романа-бестселлера *Слепящая тьма.* Он и Камю были ярыми антикоммунистами и отчаянно спорили с Сартром по поводу его симпатий к СССР. Стычки на политической основе между Камю и Сартром продолжались. На фоне этого Бовуар соблазнила Кестлера и провела с ним ночь.

В январе 1947 года Бовуар пригласили читать лекции в Штаты на четыре месяца.

Перед отъездом Бовуар посетила Ольгу в горном санатории в Швейцарии. Несколько месяцев назад Ольга и Бост поженились. Это был романтический и практический шаг. Во-первых, Ольга могла в любой момент умереть, а во-вторых, Босту как мужу было легче получить разрешение на регулярные посещения Ольги.

В Америке Бовуар стала искать американского любовника. Пример Сартра был, как всегда, поучителен, но ей это не удавалось осуществить так быстро, как Сартру.

Бовуар настояла на встрече с Ванетти, которая должна была вот-вот улететь к Сартру в Париж и не шибко хотела встречаться с Бовуар. Но они встретились и проговорили до трёх часов ночи. Обе женщины нервничали и напились виски. Бовуар писала Сартру, как Ванетти ей понравилась и что она полностью понимает теперь Сартра и одобряет его выбор. Перед отъездом Ванетти устроила публикацию нескольких статей Бовуар в журналах, чтобы у неё были лишние деньги. А в середине февраля Бовуар отправилась по Америке со своими лекциями. Покидая Нью-Йорк, она писала:

> Я никогда не думала, что смогу любить какой-либо город так же сильно, как Париж.

Нью-йоркские приятели дали Бовуар адрес писателя Нельсона Алгрена в Чикаго, и она позвонила ему по телефону. Дважды он вешал трубку, думая, что к нему звонят назойливые эмигранты с сильным акцентом. Наконец Бовуар удалось дать ему понять, кто с ним разговаривает, и они условились встретиться. Бовуар приехала к нему в бедную квартиру. Алгрен был мужиком представительным и даже красивым, и Бовуар сразу замечтала провести оставшееся до её отъезда время у него в постели. Но Алгрен потащил Бовуар осматривать окрестности. А когда пришла пора ей уезжать, он нашёл в себе силы её поцеловать и пригрозить приехать к ней в Нью-Йорк, если она сама к нему не вернётся в Чикаго. Напугал пизду хуем.

Через два дня езды на поезде Бовуар прибыла в Лос-Анджелес, где её встречала Натали Сорокина. У неё уже была дочка и муж стал успешным сценаристом в Голливуде. Натали оставила ребёнка с нянькой, муж дал им большой красный «паккард», и они поехали в путешествие в Сан-Франциско. А потом сам муж возил их по всяческим местам.

После отъезда Бовуар они интенсивно переписывались и пожалели, что им не удалось переспать друг с другом, ибо они признались во взаимном вожделении.

В процессе своего путешествия Бовуар поразилась, что в Америке женщины менее свободны, чем во Франции.

Ей представлялось, что американская женщина – это синоним понятия «свободная женщина». Её удивило, что американки одеваются сексуально вызывающе, что не соответствует их сексуальному поведению. Везде в журналах и где бы то ни было всё посвящено тому, как женщине словить выгодного мужа. Причём незамужняя женщина ещё менее уважаема в Штатах, чем в Европе. Бовуар заметила, что отношения между полами в Америке представляют из себя постоянную борьбу. И главным наблюдением, которым обогатилась Бовуар, было то, что мужчины настроены к женщинам не любовно, а враждебно, и женщины к мужчинам испытывают такую же враждебность. Бовуар объясняла это тем, что мужчины при общении с женщинами весьма лаконичны в своей речи, тогда как для образования дружественной связи необходим разговор. Ещё одну причину враждебности Бовуар увидела в отсутствии доверия друг к другу у мужчин и женщин, отвращение, которое часто носит сексуальный характер (ещё бы, мужчин отвращает запах пизды, вид и вкус женского молока и процесс кормления грудью, менструальная кровь, беременный живот, волосы на пизде – то есть всё по сути исконно женское – им подавай лишь пастеризованную бритую пизду или рот в темноте, в которые можно всунуть хуй и быстро кончить).

В середине апреля 1947-го Бовуар вернулась в Нью-Йорк. Накурившись впервые марихуаны, она страстно целовала Бернарда Вульфа, бывшего секретаря Троцкого, у входа в её отель (это то, что засвидетельствовано, а что происходило в самом отеле, в воспоминания не попало). Одно ясно: Бовуар мечтала о Сартре, целуя секретаря.

Бовуар собиралась возвратиться в Париж 10 мая и просила Сартра сделать для неё возвращение приятным. Чтобы он две недели провёл только с ней (это после заявления авторши, что их сексуальная жизнь прекратилась, – значит, не притрагиваться друг к другу в течение двух недель, а только языком болтать да книжки читать?).

Сартр ответил ей горячим письмом, что ждёт её и жаждет. И Бовуар строчит Сартру, что не дождётся, чтобы прикоснуться к нему (это чтобы по-дружески пожать руку?).

Однако 3 мая она получила от Сартра телеграмму с просьбой отложить свой приезд на неделю, так как его отношения с Ванетти приняли неожиданный поворот. Это ввергло Бовуар чуть ли не в отчаянье. Она отложила отъезд и, чтобы скоротать с кем-то неделю, позвонила секретуту Троцкого, мол, давай,

поразвлекаемся недельку, но он стал на жену ссылаться, которая ему яйца оторвёт, коль узнает, и Бовуар ничего не оставалось как позвонить далеко в Чикаго Нельсону Алгрену и напроситься на приезд.

Мудозвон Алгрен (и он не раз докажет это своё свойство в будущем), вместо того чтобы сразу взять готовенькую мокренькую Бовуар в постель, потащил её, удивлённую и разочарованную, на экскурсию в зоопарк. Но его мудозвонство не удовлетворилось зверями. После зоопарка, вместо того чтобы повезти её к себе, о чём Бовуар только и мечтала, он устроил её в отель и ушёл. А вечером он потащил её в джазовые бары и только в самом конце ночи, в такси, отыскал в себе мужество её поцеловать. Тогда уже Бовуар его крепко прихватила, и ему ничего не оставалось, как превратиться из мудозвона в любовника. Так что 10 мая вместо дня возвращения в объятия Сартра стало днём начала ебли с Алгреном, который Бовуар и Алгрен отмечали потом многие годы.

На следующий день Алгрен одел на палец Бовуар дешёвенькое мексиканское колечко. Она сказала, что будет носить это кольцо до самой смерти и проносила – она выполняла обещания, потому-то и не хотела замуж, чтобы не обещать верности, которую при её обязательности пришлось бы выполнять.

Но вот она – суть любви (жажда увидеть Сартра), которая мгновенно переключается на близоказавшегося (Алгрена). Торжество взаимозаменяемости наслаждения. То, что невозможно в дружбе (незаменимость друзей), которая у неё была с Сартром и благодаря которой их близость просуществовала столько лет.

Вскоре Бовуар надо было возвращаться в Нью-Йорк, и Алгрен полетел с ней, впервые в жизни сев на самолёт. Алгрен, кстати, был знаменитым писателем и получил какие-то американские литературные премии.

Когда Бовуар вернулась в Париж, стояла тёплая весна, а Сартр был прохладен, ибо Ванетти ещё не вернулась в Штаты, торчала в Париже и как будто не собиралась его покидать. Она давила на Сартра, чтобы он на ней женился, а он тянул резину. Сартр был влюблён в Ванетти, и она, чувствуя это, не хотела размениваться на меньшее, чем замужество.

Бовуар уехала в предместье Парижа, и Сартр приехал к ней на обещанные две недели. Ванетти звонила туда, устраивала скандалы и угрожала. По истечении двух недель Сартр вернулся в Париж.

Бовуар ещё оставалась в деревне два месяца, и к ней приезжали Ольга и Бост и пару раз сам Сартр.

Бовуар изо всех сил переписывалась с Алгреном, почти избегая упоминать Сартра и вовсе не упоминая Ванетти.

Из-за всех этих страстей-мордастей Бовуар стала принимать наркотики, чтобы избавиться от депрессии. Сартр принимал уже некоторое время бензедрин – лекарство, которое давали лётчикам, чтобы их не клонило в сон во время полёта, теперь это зелье называется «speed». Сартр дал попробовать его Бовуар, и хотя оно помогало ей в работе, но не помогало от депрессии.

В июле Сартр наконец проводил (выпроводил) Ванетти в Штаты. Та предупредила, что она вообще больше никогда не вернётся в Париж, а если вернётся, то лишь для того, чтобы выйти за Сартра замуж.

В сентябре 1947 года Бовуар полетела в Чикаго на две недели. Алгрен взял её на экскурсию по Штатам и хотел, чтобы она вышла за него замуж и осталась в Чикаго. Бовуар пыталась ему объяснить, что корни её в Париже, что она не сможет жить в Чикаго, но Алгрен был не в состоянии этого понять (мудозвон никак не уразумевал, что страстная ебля и брак не имеют никакой связи).

Когда Бовуар вернулась в Париж в конце сентября, Сартр обзавёлся новой любовницей – он познакомился с ней на Каннском кинофестивале – американской журналисткой Салли Свинг (хороша фамилия[16], но оправдывала ли она её с Сартром?). Свинг занималась тем, что подготавливала впрок некрологи для ещё живых знаменитых людей.

> – У вас есть возможность повлиять на людей некрологом до своей смерти, —

сказала она с усмешкой Сартру. Но Сартр и так этим всё время занимался.

Бовуар почувствовала неимоверное облегчение, что двухлетнее увлечение Сартра Ванетти закончилось и что он завёл новую любовницу. Он в своём расписании отвёл Свинг время с вечера среды до утра четверга, а также субботу после полудня до воскресенья. Она негодовала, что Сартр встречается с женщинами по расписанию. Но она была в него влюблена, а значит, расписанию подчинилась. Сартр играл на фортепиано, а Свинг на скрипке, они устраивали музыкальные дуэты. Свинг считала его замечательным любовником (не торопился кончить в пизду, как американские мужчины, а облизывал и ласкал до бесконечности), а он жаловался Бовуар, что Свинг слишком требовательна в сексе (fuck me hard?). Спали они только в её квартире и никогда в квартире Сартра, где он жил с матерью.

К своему позору, Сартр начинает активно втягиваться в

политику, выступая против войн и преклоняясь перед Советским Союзом, который, в отличие от США, якобы искренне хочет мира.

Между тем Сартр и Бовуар строили детальные планы еблидружбы. С мая по сентябрь 1948 года Ванетти должна была приехать в Париж к Сартру. Он сразу предупредил Салли Свинг, что он не сможет с ней встречаться в течение пребывания Ванетти. В это же время Бовуар отправлялась к Алгрену, чтобы с ним путешествовать по Миссисипи в Новый Орлеан, а затем в Мексику и Гватемалу. Но за несколько дней до того, как женщины должны были быть переброшены через океан к соответствующим любовникам, Ванетти написала, что её не устраивают сартровские условия. Сартр принял это за отказ приехать и переиграл с Салли Свинг, учредив её основной любовницей. У Бовуар же появился выбор: остаться в Париже на подхвате у Сартра или уезжать к Алгрену на четыре месяца – такой срок вдали от Сартра без Ванетти представлялся ей слишком большим, и она, после совещания с Сартром, решила урезать свою поездку в Штаты до двух месяцев. Однако Алгрену она об этом не сообщила, решив сказать ему об этом при удобном случае.

Бовуар была достаточно разумна, чтобы позаботиться о предстоящих противозачаточных средствах. Она боялась забеременеть в течение длительной поездки, когда сделать безопасный аборт было бы негде. Так что она поделилась своими заботами с Алгреном. Тот предложил использовать резинки или вытаскивать до семяизвержения, но Бовуар не хотела, чтобы он жертвовал своим наслаждением. А потому испрашивала, есть ли какие новые американские изобретения в области противозачатья. По прибытии в Чикаго её свели с гинекологом, который вооружил её против сперматозоидов диафрагмой.

Мудозвон Алгрен купил фотокамеру и фотографировал Бовуар в процессе их путешествия по Миссисипи, но ни одна из фотографий не проявилась. Засветил плёнку или не знал, какую кнопку нажимать. Сколько бы порнофоток Бовуар осталось для грядущих поколений! А теперь приходится довольствоваться одним лишь её задом, да ещё с нераздвинутыми ягодицами (фото у меня на сайте http://www.mipa). com/win/GErl35.html заимствовано из рецензируемой книги).

Представляете такую голозадую фотографию Анны Ахматовой или Марины Цветаевой? Или хотя бы Ахмадулиной. Вся российская интеллигенция разом бы покончила самоубийством после непроизвольного оргазма.

Несмотря на бездарность своего любовника как фотографа, Бовуар перевела один из его рассказов и опубликовала в *Новых временах.*

Когда Бовуар сообщила Алгрену, что она должна уехать на два месяца раньше, чем намеревалась, он посчитал это предательством (я же писал – мудозвон). Он заявил, что не может любить на таких её условиях. Бовуар хотела всё обговорить, но он не желал разговаривать. Бовуар опять залилась слезами и соплями. Когда она покидала Штаты, Алгрен по-прежнему нудил, что готов на ней жениться. (Сильнее доказательства любви, чем согласие на собственное рабство, у мужчин не существует.)

Вернувшись в Париж, Бовуар написала письмо Алгрену:

> Я не могла бы тебя любить больше, чем люблю, хотеть больше, чем хочу, или тосковать по тебе больше, чем уже тоскую. Ты, наверно, знаешь об этом. Но ты также должен знать, что может тебе показаться самонадеянным, в какой степени Сартр нуждается во мне. По сути, он очень одинок, разрываем внутренними противоречиями, беспокойный, и я его единственный настоящий друг, который понимает его, помогает ему, работает с ним вместе и даёт ему некоторый покой и утешение. Почти двадцать лет он делал для меня всё: он помогал мне жить, он помог мне обрести себя, он принёс ради меня много жертв… Я не могу покинуть его, я не могу оставлять его на долгое время и поэтому не могу отдавать всю свою жизнь никому другому. Мне неприятно снова говорить об этом. Я знаю, что навлекаю опасность потерять тебя, а я осознаю, что это может для меня значить.

Но вдруг оказалось, что Сартр решил уехать на два месяца в Северную Африку. Бовуар, узнав об этом, сразу послала телеграмму Алгрену, что планы изменились, может ли она приехать к нему на месяц.

Он убил её ответной телеграммой:

> Нет, слишком всё это тяжко.

А планы Сартра изменились потому, что Ванетти позвонила Сартру из Нью-Йорка, рыдая, сообщила, что не может вынести разлуки с ним, и просила провести с ней месяц на юге Франции. Сартр согласился. Получалось, что Бовуар сократила свою поездку на два месяца, чтобы быть с Сартром, а он предал её.

Бовуар снова написала Алгрену выдуманную историю. Мол, она стремилась в Париж помочь Сартру с его киносценарием, но всё, мол, отменилось и фильм делаться не будет («кина не будет, кинщик заболел»), и она Сартру не нужна, а он предложил ей

оплатить поездку в Чикаго в качестве компенсации за изменение ситуации (Сартр почувствовал себя виноватым и отмазывался деньгами). Как всегда, Бовуар ни слова о Ванетти не упоминала. Через пятнадцать лет после этого, когда она в книге *Сила обстоятельств* рассказала правду и Алгрен узнал, что Бовуар ему лгала, он прервал с ней всякие отношения.

Сартр провёл месяц с Ванетти на юге Франции, а потом он и Бовуар поехали на шесть недель в Алжир. На некоторое время к ним присоединился Бост.

По возвращении в Париж Бовуар вела свою жизнь с Сартром, а Алгрен был в одиночестве и писал, что ему пора завести собственную женщину. (Додумался наконец.)

После восемнадцатилетней жизни по отелям, в октябре 1948 года, Бовуар переехала в маленькую квартиру. Район был арабский, бедный, на улице часто происходили драки, потолок в квартире протекал во время дождя, но она всё равно любила собственное жилище.

Когда под квартирой Бовуар освободилась маленькая однокомнатная квартирка, в неё вселились Бост и Ольга. Но у Ольги опять обнаружилась дырка в лёгком, и она уехала в швейцарские горы, лечиться. Вскоре после любови с Алгреном Бовуар перестала спать с Бостом (с её слов). Он якобы ужасно ревновал её, хотя у него не было недостатка в любовницах. Но Бовуар всё равно осталась с ним друзьями и *Второй пол* она посвятила Босту.

Бовуар, как Сартр, считавшая, что «человеческая природа» – это фикция, а существуют лишь социальные обстоятельства, написала фразу, которая получила широкое хождение среди женского народа:

> Женщиной не рождаются, женщиной становятся.

(Это испокон веков было само собой разумеющимся: рождаются девушкой и становятся женщиной, когда рвут целку. Но Бовуар конечно же имела в виду высшие социальные материи – а что толку? Суть оставалась та же.)

Естественно, если женщину определять не по пизде, а родившегося ребёнка считать среднего рода, и только после того, как общество втиснет его в своё прокрустово ложе нравственности, решать, какого пола является дитё, в зависимости от того, какие части Прокруст отрезал, то тогда Бовуар становится более-менее права. Но ведь всё божественное, генетически вложенное в нас, определяет девочку по пизде, а мальчика по хую и экзистенциалистские штучки с убогим атеизмом, с пренебрежением половыми органами и генетикой

попахивают советской властью, которую Бовуар с Сартром так возлюбили.

Алгрен заявился в Париж в мае 1949 года. До его приезда Бовуар успела закончить *Второй пол.* Все её утверждения в этой книге выстроены на идее свободы. Мол, если женщина несвободна, то её либо притесняют, либо она выбирает несвободу, и в обоих случаях это является ужасным злом. Бовуар пишет о методах избегания свободы, которыми женщины пользуются: замужеством, житьем на содержании у мужчин – это, мол, лёгкий выход. Ей не пришло в голову, что свобода – это вовсе не универсальное благо, что большинство людей рады быть несвободными, только чтобы хозяин заботился о них. Что, наконец, сама свобода может существовать только как противопоставление рабству.

Вот снова я, былой, молоденький и умненький:

> Я цепи прошлого сорвал
> и впрягся в настоящее.
> Зачем же я себе соврал,
> что рабство преходящее?
>
> Всегда – рабы или чужих,
> или своих желаний.
> Свобода, ты среди живых
> когда-нибудь жила ли?
>
> *(«По направлению к себе»)*

Такую бредятину о женской свободе могла написать только бездетная женщина, чуждая детей, гнушающаяся беременности. Самое смешное, что Бовуар брала на себя смелость выступать от имени всех женщин, тогда как женщины, подобные ей, бездетные, одержимые в основном еблей, а когда её нет – писаниной, составляют меньшинство. Продолжая линию бовуаровских рассуждений – женщины, для того чтобы достичь максимальной свободы, должны вообще отказаться от деторождения.

В то время в круг притяжения Сартра попала молодая пара – Мишель и Борис Виан, которые устраивали смачные вечеринки. В мае 1949 года на одной из них Сартр стал заговаривать с без передыху танцующей Мишель, прося её остановиться хоть на минуту и поговорить с ним.

> Я подходил к любой и заговаривал —
> так одиночество своё я заговаривал.

За болтовню за эту, за галденье
мне баба открывала загляденье.

(Обратно я. «Вплотную»)

Мишель остановилась и сказала:

– Я скучная, со мной не о чем говорить.

Она и Борис женились девственниками в июле 1941-го, и Мишель забеременела от разорвавшегося в первую брачную ночь презерватива. Они участвовали в движении Сопротивления с названием *Zazou.* Смысл этого сопротивления заключался в том, что его участники вызывающе одевались, тайно танцевали свинг и слушали джаз, что было запрещено во время немецкой оккупации (то есть они были предвестниками российских стиляг во время оккупации России коммунистами в конце пятидесятых).

Борис был джазовым музыкантом и пользовался значительным успехом у женщин. Когда Мишель стала выражать недовольство его похождениями, он посоветовал ей самой завести любовника и поучиться половой жизни. Борис сам толкнул её в объятия шестнадцатилетнего джазового кларнетиста Андре Ревелиотти, так что в 1948 году Мишель родила второго ребёнка, который поразительно походил на Андре, и брак с Борисом затрещал по швам. Мишель всё больше времени стала проводить с Ревелиотти.

После вечеринки Сартр позвонил Мишель и пригласил её на свидание. Они проговорили три часа и с тех пор встречались целый месяц почти ежедневно и разговаривали. Сартр не прикасался к ней (небось боялся по морде схлопотать). А Мишель кончала оттого, что с ней ведёт беседы самый знаменитый интеллектуал Франции и он такой понимающий и деликатный по отношению к её чувствам.

А потом Сартр уехал в путешествие с Ванетти, оставив Мишель дозревать.

Когда Алгрен приехал в Париж, Бовуар была чрезвычайно счастлива. Они, как юные любовники, ходили, держась за руки и заглядывая друг другу в глаза. Алгрен волновался перед встречей с Сартром. Но чуть он с ним познакомился, волнение сразу прошло, и Алгрен почувствовал себя непринуждённо. Ольга и Мишель особенно пришлись по вкусу Алгрену – они говорили по-английски и внимали, раскрыв рты, его рассказам.

Бовуар и Алгрен отправились в двухмесячную поездку по Италии, Алжиру, Марокко и Тунису.

Пока Бовуар путешествовала с Алгреном, Сартр три месяца путешествовал по Центральной Америке с Ванетти. Когда он вернулся в октябре, он стал активно прихватывать Мишель.

Она вспоминала:

> Я не смела произнести и слова, у меня не было уверенности в себе, я всегда молчала и улыбалась, не зная, что делать. Сартр научил меня разговаривать. Он сказал, что у меня есть умные мысли. Он считал, что люди должны думать и разговаривать. Мне было с ним исключительно интересно. Мне не важно, был ли он красивым или нет. Мне нравились его губы, они были того же типа, как у Бриджит Бордо (мощный комплимент для мужчины). Верхняя губа такая же, как и нижняя. Как у его матери… Когда я видела его, моё сердце начинало колотиться. Я думала про себя: вот она радость, вот оно веселье.

В декабре Сартр поцеловал Мишель в такси, возвращаясь из ночного клуба. А потом они поеблись днём у него на квартире, так как его мать отсутствовала. Начался новый романчик. А в феврале 1950 года Мишель забеременела. Сартр по-прежнему занимался своим любимым противозачаточным методом: вытаскиванием члена до семяизвержения, считая его идеальным средством. С Мишель это не сработало – какой-то капли Сартр недосчитался, а Мишель беременела чрезвычайно легко.

Она знала, как Сартр не любит детей, а у неё уже было двое, так что Мишель решила сделать аборт. Сартр хотел спросить у Бовуар адрес врача, но Мишель была этим шокирована и решила попросить помощи у своего брата, студента-медика. Сартр собирался снова уезжать. Он и Бовуар отправлялись на два месяца в Африку. Мишель умоляла Сартра отложить поездку на несколько дней до того, как она сделает аборт. Но Сартр был твёрд – он не мог подвести Бовуар (откуда известно, что именно это было мотивом для твёрдого отказа остаться на несколько дней. Кто может знать, кроме него самого? Быть может, он боялся остаться лицом к лицу с женщиной, делающей от него аборт или уже сделавшей его? Да и вообще, могла быть тысяча других причин. Надо было посмотреть, как бы он себя повёл, если бы для него развела ноги свеженькая красавица, при условии провести с ней в Париже несколько дней.)

Мишель рассердилась на Сартра, бросившего её на растерзание аборта, который ей произвёл братан-медик (брата не стеснялась, а сказать Бовуар об аборте и попросить адрес врача застыдилась). Брат внёс инфекцию, и Мишель лежала с высокой

температурой.

Сартр послал ей из Алжира орхидеи. Также он слал ей нежные письма. Но Мишель не отвечала. Для неё это было концом мечты. Начав встречаться с Сартром, она рассталась с Ревелиотти, объясняя разрыв тем, что она влюблена в Сартра. Но она не говорила ему, что ебётся с Сартром. Сартру же не говорила, что ебётся с Ревелиотти. Теперь, когда Сартр уехал, она вернулась к своему прежнему любовнику. Мишель вспоминает, что она жила в то время в двух мирах одновременно, ведя двойную жизнь.

Сартр и Бовуар, путешествуя, оба страдали: Сартр – потому что не получал писем от Мишель, а Бовуар – потому что не получала писем от Алгрена. (В таких случаях принято восклицать: мне бы их заботы!)

По возвращении в Париж Сартр узнал, что Ванетти наконец развелась, за что, между прочим, платил Сартр, и что она живёт в Каннах, ожидая, когда он приедет и женится на ней. Сартр жаловался Бовуар, что Ванетти требует от него всё больше денег и времени. Сартр согласился провести с ней несколько недель, чем огорчил Мишель, которая была уверена, что Сартр порвал с Ванетти.

– Такие вещи нужно делать постепенно, —

объяснил ей Сартр.

Летом 1950 года он действительно разорвал с Ванетти. Она не устроила сцену, а приняла это с лёгкими слезами, чем даже огорчила Сартра. Он льстил себя более бурной реакцией брошенной им женщины.

А Бовуар напросилась опять приехать к Алгрену в Чикаго на лето, пока Сартра не было в городе. Алгрен вяло согласился, а когда она приехала к нему, он был с ней холодноват. На третий день у него не встал, чем Бовуар была весьма огорчена. На её вопросы, что случилось и почему он с ней такой прохладный, Алгрен сообщил, что устал от её приездов и отъездов, что его бывшая жена захотела его обратно и он думает согласиться. Последние дни перед отъездом были особо тягостны – Алгрен и Бовуар спали в отдельных кроватях, и Бовуар еле дождалась, когда она вернётся к Сартру. Она писала ему страстные письма, обещая начать с ним новую жизнь по приезде.

Но Сартр к тому времени весьма изменился. Он одержимо работал, и у него не было больше времени, как бывало, пойти с Бовуар в кино или прогуляться по Парижу. Он принимал большое количество таблеток коридрана, выкуривал по две пачки сигарет без фильтра в день, пил огромное количество крепкого кофе и

чая, вечером выпивал полбутылки виски, а затем принимал четыре или пять снотворных таблеток, чтобы заставить себя заснуть. Кроме того (или вследствие того), он всё больше убеждался в бесполезности литературы в мире, где дети голодают (смотрите-ка, полюбил детей) и где повсюду царит несправедливость. Он пришёл к выводу, что политика много важней литературы.

Сартр по-прежнему содержал Ванду, которая полностью зависела от него. Ванда триумфально сыграла в новой пьесе Сартра.

Ольга после лечения снова хотела взяться за театр, но её былой огонь пропал, и она провалилась в новой постановке *Мух*.

Борис Виан всем рассказывал, что Сартр увёл у него жену. Он хотел развода, а Мишель боялась, что если в бракоразводном процессе докажут, что она была изменщица, то её могут лишить детей. Поэтому, когда она проводила время с Сартром, то гримировалась, надевала тёмные очки, и однажды Сартру пришлось хорошо заплатить детективу, который их выследил, чтобы тот не сообщил о своих расследованиях Борису. Сартр обещал Мишель заботиться о ней и о её детях, нанял лучшего адвоката, и в сентябре 1952 года состоялся развод, причём виновной стороной был признан её муж.

А Бовуар опять страдала – Сартр вновь отдалился от неё. Он всё больше погружался в марксизм. Бовуар интересовалась политикой в значительно меньшей степени.

В сентябре 1951 года она провела месяц в Чикаго с Алгреном. Но когда они простились и Бовуар написала ему письмо с просьбой держать её в его сердце или отринуть, чтобы она не хваталась за несуществующую любовь, Алгрен ей пояснил, что между ними всё кончено.

Бовуар купила себе машину на деньги, заработанные на успешных продажах *Второго секса*. Машина пока заменяла ей любовника и любовниц. В сорок четыре года она страшилась, что больше не окажется в мужских объятиях.

Америка бомбила Северную Корею, и Сартр пришёл к выводу, что США является мировым агрессором, а СССР искренне борется за мир. Причём коммунистическая партия – это единственная организация, которая защищает интересы рабочих. В то время как все европейские интеллектуалы отстранялись от сталинизма, Сартр писал статью *Коммунисты и мир*, яростно защищая коммунистов. (Ещё одно доказательство вреда наркотиков, курения и алкоголя для умственных способностей.) Правда, у Сартра хватило ума не вступить в компартию. Он считал, что рабочие должны поголовно вступать в неё, чтобы защищать свои

интересы, а интеллектуалы не должны вступать ни в какую партию, чтобы оставаться независимыми в своих мнениях.

Сартровские шашни с французской компартией и его прокоммунистические взгляды вызывали недовольство и вражду со стороны многих коллег, и прежде всего со стороны Камю. Сартр написал оскорбительную статью против Камю, и их дружба разорвалась. Разумеется, что Бовуар приняла сторону Сартра.

Весной 1952 года на редакторских совещаниях *Новых времён* появился новый член редакции, Клод Ланцман. Он был красивым двадцатисемилетним мужчиной и напоминал Бовуар своим темпераментом Сартра. Ей было трудно поверить, что он мог увлечься ею, но он увлёкся. Летом Бовуар и Сартр собирались ехать в Италию, а Клод – впервые посетить Израиль. Но до отъезда Клод успел провести в её постели две ночи, убеждая, что он считает её красивой и 17 лет разницы в возрасте для него ничего не значат.

Бовуар, проводя время с Сартром, который только и хотел, что заниматься своей работой, плавала в сладких воспоминаниях о жарких ночах, проведённых с Клодом.

Вскоре после возвращения Бовуар в Париж Клод переехал к ней жить. Это был первый мужчина, с которым Бовуар жила вместе. Клод настоял, чтобы они перешли на «ты». Бовуар и Сартр всю жизнь говорили друг другу «вы».

Сартр обращался к Босту, Бовуар, Ольге и Ланцману на «вы», а к Ванде и Мишель на «ты». Бовуар обращалась к Ланцману на «ты», а ко всем остальным – на «вы».

Для еврея Ланцмана еврейство было самым важным пунктом в жизни. Вещь Сартра 1946 года *Портрет антисемита* произвела на Клода грандиозное впечатление, и из-за неё он якобы остался во Франции, а не уехал жить в Израиль.

Клод был другом секретаря Сартра, и они, как выяснилось, заключили пари – кто из них соблазнит Бовуар. Но Клод быстро вошёл в роль и из соблазнителя превратился во влюблённого.

По воспоминаниям Клода, Бовуар была человеком слова – если она обещала что-то сделать, то она это непременно делала.

Бовуар глубоко любила Клода, но никак не ограничивала его свободы. Более того, она сама предлагала ему, чтобы он встречался с другими женщинами, и он не заставлял себя упрашивать.

Весной 1953 года Бовуар с Клодом и Сартр с Мишель и её двумя детьми поехали на отдых. Мишель с детьми остановилась в доме, который снимал её экс-муж, а остальные – в отеле. Бовуар часто оставалась одна с двумя мужчинами и ходила в ресторан то с одним, то с другим. По давнему договору с Сартром, Бовуар

рассказывала ему всё о Клоде, а когда обедала с Клодом, рассказывала ему всё о Сартре (всё ли?).

Эта откровенность могла быть орудием для возбуждения похоти или ревности у того, кому эта выборочная откровенность изъявлялась.

Всегда около полуночи Сартр звонил своим женщинам. К каждой он обращался одинаково – «моя крошка», но тон со всякой у него был свой. Клод вспоминает, как Сартр звонил Мишель и Ванде.

Всем он говорил одно и то же, но скрывал существование одной женщины от другой.

Если ты лжёшь, то лгать нужно умело… —

говаривал Сартр. Кроме того, ему был нужен сообщник по лжи, и таковым являлась для него Бовуар.

В тот год Бовуар заново обговорила условия общения с Сартром. С одной стороны, она не хотела ради Клода поступаться ежегодными двухмесячными поездками с Сартром, но, с другой стороны, Бовуар не хотела оставлять Клода на такой долгий срок. Поэтому она договорилась с Сартром, что две недели из двух месяцев Клод будет проводить вместе с ними. А во время трёх недель путешествия Сартра с Мишель и затем двух недель путешествия Сартра с Вандой Бовуар будет уезжать путешествовать с Клодом.

У Клода была красавица младшая сестра Эвелин, опять же актриса, о которой прознал Сартр и попросил познакомить его с ней. Клод устроил обед и предсказал Бовуар, что это приведёт к интрижке. Не надо было обладать проницательным умом, чтобы такое предвидеть. Бовуар шутила об Эвелин, она такая, мол, красавица, что люди поражаются её уму. Намёк был на то, что от красивых женщин никто не ожидал большого ума, а Эвелин была на редкость эрудированной умницей.

Весной 1953 года Эвелин с успехом играла в пьесе Сартра *Тупик*. У них начался пылкий роман. Сартр стал опять ревнивым – впадал в тревогу, если не получал от неё писем. Эвелин знала, что она не единственная женщина в жизни Сартра, но он уверил её, что он ни с кем из них больше не спит. Сартр тщательно скрывал свою связь с Эвелин от Мишель, с которой продолжал встречаться и писать ей страстные письма. Эвелин переживала, что она не может рассказывать всем подряд о своей связи с Сартром, не может с ним путешествовать и появляться на людях – он держал её в полусекретном положении.

Когда они познакомились, Эвелин жила в отеле. Сартр переселил её в трёхкомнатную квартиру в пяти минутах от

квартиры его матери. Он обещал Эвелин, что напишет пьесу специально для неё. Финансовая часть отношений, как всегда, вступила поддерживать сексуальные.

Сартр изрядно растолстел, у него поднялось кровяное давление, но он по-прежнему любил поесть жирную пишу. Он ненавидел овощи и фрукты, но любил пирожные, шоколад и сладкие десерты. Сартр никогда не притрагивался к омарам, устрицам и пр. (Трудно представить, что мужчина, любящий пизду и её нутро, причём языком, не любит устриц и всякой живности в раковинах.)

Он уже принимал по двадцать таблеток коридрана в день. Когда Бовуар и Ланцман говорили Сартру, что он себя убивает этими таблетками, он отвечал, что ему всё равно – он лишь хотел зажечь «солнце в своей голове» – так он описывал ощущение от коридрана.

По словам Бовуар, Сартр ненавидел природу, насекомых и пр. Кое-как он переносил море и пустыню. Он был человеком города.

Когда Сартр узнал о казни Этель и Джулиуса Розенберг в США, обвинённых в шпионаже в пользу СССР, его возмущению не было границ. Он написал разгромную статью, виня Америку во всех грехах, называя её фашистской страной.

Советская шушера вмиг отреагировала, и в конце мая 1954 года Сартр уехал на три недели в СССР по приглашению Союза писателей. На сплошных приёмах и банкетах гость старался не отставать от своих хозяев по потреблению водки. На одном из сборищ Симонов дал Сартру на слабо́ выпить рог вина. В результате Сартр провёл десять дней в советской больнице из-за подскочившего давления.

Бовуар в его отсутствие занималась управлением сартровскими делами: утешала Эвелин, горюющую из-за отсутствия писем от Сартра, передала деньги Ванде и Мишель, разговаривала с его матерью.

После приезда из России Сартр пребывал в депрессии, лишённый всякой энергии в течение нескольких месяцев. Он опубликовал статью, в которой утверждал, что в СССР существует полная свобода слова, за что даже Илья Оренбург упрекнул его в приукрашивании. Потом Сартр оправдывался, что написал эту статью в помрачении ума. (Вполне возможно, что в советской больнице ему всадили лекарства, которые действовали на голову.) Сартр никогда публично не критиковал СССР до 1956 года, когда советские танки вошли в Венгрию.

Чтобы оправиться от Москвы и прочей дряни, он уехал отдыхать в Рим с Мишель. Там он начал работу над автобиографией, которая позже превратилась в книгу *Слова.*

Сартр пришёл к выводу, что он религию заменил литературой, то есть подменил одну форму слепоты на другую. Литература, мол, это такая же вредная иллюзия, как и религия.

В 1954 году Бовуар получила Гонкуровскую премию за роман *Мандарины*, где подробно описывала свои связи, включая связь с Алгреном. Ему и была посвящена книга.

На деньги Гонкуровской премии она купила себе маленькую квартирку в прекрасном месте Парижа.

В начале сентября она и Сартр слетали в Китай, а на обратном пути остановились в Москве. Симонов опять пытался спаивать Сартра и заодно – Бовуар. На этот раз за всем следила Бовуар и Сартр в больницу не попал.

В мае 1956 года перевод *Мандаринов* был издан в США. И всем из посвящения стало ясно, кого имела в виду Бовуар под именем своего героя. Алгрен в то время находился в жутком положении, он вторично развёлся со своей женой и проиграл в азартные игры остаток своих денег. (Я же говорил, что он – мудозвон.) Последний его роман был отвергнут издательством, публиковавшим предыдущие романы. В Париж Алгрена не пускали американские службы безопасности, как не пускали за границу всех, кто был хоть как-то связан с коммунистической партией. Так что, давая интервью по поводу *Мандаринов*, он всячески хаял Бовуар с литературной точки зрения и утверждал, что связь с ней была для него простой интрижкой, а Бовуар просто раздула из неё нечто большее. Потом Алгрен письменно просил прощения у Бовуар за резкость, и она простила его. Опять ей удалось остаться друзьями с бывшим любовником.

В июле 1956 года Сартр с Мишель и Бовуар с Клодом отправились в Грецию и Югославию.

Сартр и Бовуар выработали новое расписание, которого они придерживались уже до конца. Сентябрь и октябрь они проводили в Риме. Это было время совместного отдыха после проведения пяти недель с их возлюбленными. Сартр и Бовуар брали в отеле соседние комнаты в центре Рима и работали. В восемь утра Бовуар стучала в дверь Сартра, они одевались и шли на площадь покупать газеты, которые просматривали во время завтрака. Сартр заказывал три двойных эспрессо. В десять они возвращались в свои комнаты и работали до двух. Они ланчевали без алкоголя. Заканчивали ланч мороженым и шли на прогулку. К трём часам они возвращались к своим письменным столам и работали ещё три-четыре часа.

После вторжения советских войск в Венгрию Сартр выступил с резкой статьёй в консервативной газете, порывая с коммунистами.

В это время Эвелин порвала с Сартром после их трёхлетней связи. Она нашла другого мужчину, с которым она не должна была скрываться. Почему Сартр мог открыто встречаться с Бовуар и Мишель, но не мог с ней? – писала Эвелин. Сартр обещал Эвелин, что никогда не бросит её, что он будет помогать ей финансово. А также что они будут видеться три раза в неделю и что он скоро напишет для неё пьесу.

В 1956 году Сартр получил письмо от девятнадцатилетней франко-алжирской девушки Арлет Элкайм, наполовину еврейки. Она изучала философию и писала диссертацию на тему несправедливости. Она спрашивала, может ли она встретиться с ним, чтобы обсудить проблему? (А у Сартра – ушки на макушке – конечно же – молодуха сама в руки плывёт!)

Началось, как принято, обучение уму-разуму, после чего они любовничали всего несколько месяцев, якобы из-за того, что Сартр больше чувствовал себя отцом, а не любовником в отношениях с Элкайм (но он радостно обсасывал привлекательные для него идеи кровосмешения в переписке с Бовуар).

В 1957 году подопечная Элкайм провалила экзамены. Сартр пытался пристроить её журналисткой, но и здесь она не сумела себя проявить. В итоге Сартр взял и её на содержание. Однако он не представил её членам своего клана и встречался с ней по расписанию, в фиксированные часы и дни.

Секретарь Сартра, молодой человек, Жан Кау был свидетелем постоянной лжи своего босса женщинам. Сартр звонил подряд своим любовницам и каждой говорил индивидуально приготовленную ложь. Мораль его была весьма гибкой. Он называл её «временная мораль».

1958 год был поворотным. Бовуар исполнилось пятьдесят, что она воспринимала чуть ли не с ужасом. Они поехали с Клодом кататься на лыжах.

А Сартр пил всё больше и становился всё более зависим от таблеток.

Он теперь учил, что личность имеет слишком мало власти в современном обществе и что она может обрести свою свободу только с помощью группового революционного акта. (Вот всё, что осталось от хорохорящегося индивидуализма в его экзистенциализме.)

Пребывая с Мишель в Риме, Сартр уделял ей мало внимания – всё писал и писал. Мишель мучилась. Вдруг появился Ревелиотти, который выступал со своей музыкой в Италии и, узнав, что Мишель в Риме, явился «хуже татарина». Мишель всё это время спала с ними двумя, и якобы это её ужасно тяготило

(видно, потому что по очереди, а не одновременно). Так Сартр впервые узнал, что Мишель была ему неверна. (Ему, значит, можно, а Мишель нельзя или можно, но при условии подробных рассказов о ебле с другими.) В тот вечер Мишель исчезла с Ревелиотти. Сартру было известно, что Мишель всячески помогает Ревелиотти с его музыкой, будучи его менеджером, но Сартр наивно надеялся, что они не ебутся. Причём Эвелин несколько раз говорила Сартру, что пора ему протереть глаза. Но он считал, что Эвелин просто ревнует его к Мишель и хочет настроить его против неё. (Такой вот специалист-философ: верил, что баба будет с бывшим любовником, от которого у неё ребёнок, тесно общаться по работе и не давать ему, хотя бы время от времени.)

Когда Бовуар узнала, что Клод влюбился в красивую тридцатипятилетнюю богачку, она, погоревав, выступила с конструктивным предложением: хорошо, мы будем с тобой встречаться по очереди. Но та баба не хотела делиться. По мнению Бовуар, большинство женщин стремятся «завоевать и уничтожить». Связь Клода прекратилась через полгода, когда он обнаружил, что его любовнице в действительности не тридцать пять, а сорок пять. Бовуар и Клод снова стали общаться, но уже не так пылко, а больше друзьями, чему оба были весьма рады – опять удалось остаться в добрых отношениях.

После убёга Мишель Сартр стал проводить больше времени с Арлет Элкайм. В сентябре 1959 года он с ней улетел в Ирландию, где они жили в поместье американского кинорежиссёра Джона Хьюстона. Тот хотел сделать фильм о Фрейде по сценарию Сартра. Арлет служила переводчицей. Позже Хьюстон ужасался уродству Сартра и его постоянным монологам, в которые Хьюстону невозможно было вставить и слово.

Нельсон Алгрен снова явился в Париж в феврале 1960 года. Они с Бовуар не виделись восемь лет. Бовуар была в то время на Кубе с Сартром, там Кастро три дня лично возил их по острову, и они провели там «медовый месяц революции», как выразился Сартр.

Бовуар оставила для Алгрена ключи от её квартиры, наказав Ольге, Босту и Мишель позаботиться о нём. Мишель после попытки самоубийства была снова принята в семью Сартра. Алгрен ухаживал за Мишель и однажды в такси взял её руку и положил себе между ног. Когда она рассказала об этом Сартру, он так возбудился, что выеб её, чего уже не имело места два года. Таким образом, их сексуальные отношения возобновились. (Ещё одно доказательство возбудительной цели откровенности, на которой настаивал Сартр со своими любовницами.)

Мишель была счастлива, что Сартр снова её захотел, но уже не тешила себя иллюзиями по поводу времени, которое он будет ей уделять. Они встречались раз в неделю на два часа. Она решила заиметь ребёнка от Сартра, и он не возражал. Но она, которая всегда так легко беременела, никак не могла зачать. Она пошла к гинекологу, и обнаружилось, что у неё перекрыты фаллопиевы трубы. Ей сделали операцию, но всё равно она не смогла забеременеть. У неё было три аборта от Сартра, и вот теперь она стала из-за них стерильной.

А Бовуар провела замечательное время с Алгреном, как в былые времена. Они вместе работали и путешествовали по Испании, Стамбулу, Греции, Криту.

В августе Бовуар полетела с Сартром в Бразилию, а Алгрен остался ещё на несколько недель в Париже.

В июне 1962 года Сартр и Бовуар снова полетели в Москву, надеясь увидеть там изменения к лучшему. Сартр, как и прежде, получил приглашение от Союза писателей. Стояла хрущёвская оттепель. В аэропорту их встречала Лена Зонина, приставленный к ним переводчик и гид в течение их трёхнедельной поездки. Зонина была литературным критиком и переводчицей и собиралась перевести на русский работы Сартра и Бовуар. Теперь, помимо банкетов, их приглашали в дома людей, и Сартр с Бовуар почувствовали в СССР ветерок свободы.

Зониной было тридцать восемь, она была дважды замужем, разведена и жила с двухлетней дочкой и матерью. Она была ярой защитницей справедливости, весёлой, остроумной, и у них образовался тесный контакт в процессе долгих разговоров за водкой в квартире Зониной.

Через две недели после возвращения в Париж Сартр опять полетел в Москву, на этот раз один, на Всемирный конгресс мира. Лена Зонина по-прежнему была его переводчицей. Они, разумеется, стали любовниками, и Сартр, по возвращении в Париж, стал заваливать её письмами. Зонина как-то поведала ему в разговоре, что она всегда первая прекращала отношения с мужчинами. И это заставило Сартра нервничать.

Из-за советской цензуры они пересылали письма через нарочных. Илья Оренбург им в этом помогал.

Зонина была настроена гораздо более критично к советскому правительству, чем Сартр, и она пыталась избавить его от политических иллюзий.

В своих письмах Зониной Сартр, по своему обыкновению, требовал, чтобы она рассказала ему, если она будет спать с другими мужчинами.

В декабре 1962 года Сартр и Бовуар полетели в Москву

провести Рождество с Зониной. Под прикрытием Бовуар ему было легче оставаться с ней наедине.

Летом 1963 года Сартр и Бовуар провели шесть недель в Советском Союзе и путешествовали по Крыму, Грузии и Армении.

Сартр сделал предложение Зониной, но она отказалась уезжать из России, потому что это означало бы, что она никогда не сможет вернуться. Она знала, что ей не позволят взять с собой мать, а она не могла её оставить. К тому же она никогда не могла согласиться стать одной из сартровских женщин, которые от него зависят.

В 1964 году были изданы *Слова.* Сартру было 59. Издатель спросил его, какие у него планы по поводу его литературного наследства. Сартр никогда об этом не задумывался. И тогда он решил удочерить Арлет. Назначать Бовуар своим литературным распорядителем было бесполезно, так как она с ним почти того же возраста. Арлет привлекала Сартра и тем, что была не столь меркантильна, как другие его женщины, и достаточно молодой, чтобы его пережить на много лет. Но Бовуар недолюбливала Арлет и возмущалась тем, что она находится в полной финансовой зависимости от Сартра и не делает попыток как-либо самой зарабатывать деньги.

В том же 1964 году Сартру присудили Нобелевскую премию. Посоветовавшись с Бовуар, он пришёл к выводу, что, если он примет её, он тем самым признает буржуазные ценности, против которых он выступал. Сартр также решил узнать мнение молодёжи. Вся редакция *Новых времён* была единодушна в решении, что он должен премию принять.

Но Сартр с Бовуар спросили 21-летнюю девчонку, членку социалистической партии. Она написала ему письмо, что все военизированные члены её партии считают, что Сартр будет не Сартр, если он примет Нобелевскую премию. Девица напомнила ему, что Нобелевская премия Борису Пастернаку в 1958 году была дана только для того, чтобы опозорить СССР. Этот аргумент был решающим для окончательного решения Сартра и Бовуар – отказаться от премии.

Сартра угораздило заявить, что он сожалеет, что премия Пастернаку была дана раньше, чем Шолохову, и что единственная литературная работа советского периода, которая удостоилась на то время Нобелевской премии, не только не публиковалась в самом Советском Союзе, но даже была запрещена к прочтению (сам факт запрета литературного произведения его явно не тревожил).

В ноябре Сартр написал Зониной, от которой уже давно не было писем, спрашивая, каково её мнение по поводу его отказа от

Нобелевской премии. Но ответа он не получил, Зонина сама прибыла в Париж в декабре 1964 года. Зонина сообщила, что возмущена решением Сартра и его реверансами перед сталинистами. И, вообще, с какой стати Сартр решил, что Шолохов заслуживает Нобелевскую премию больше, чем Пастернак? Разве он не знает, что Шолохов был сталинский лакей? Она сообщила, что все диссиденты в СССР насмехаются над Сартром и его решением.

Книга *Слова* была посвящена Зониной и, быть может, именно поэтому её выпустили посетить Сартра. Не позволь КГБ ей поехать, начался бы шум, что женщине, которой посвящена нобелевская работа, не дают посетить писателя, посвятившего ей эту работу. Тем более что Зонина перевела *Слова*, и эта книга пользовалась огромным спросом в СССР (впрочем, как и все западные книги в России в то время). Зонина провела в Париже три недели.

Бовуар переехала к Сартру и отдала свою квартиру для Зониной.

Я тебя люблю ещё больше, —

писал Сартр Зониной на следующий день после её отъезда. (Интересно, каким мерилом он пользовался для измерения своей любви? А, знаю… всегда подручным прибором лжи-лести.)

Восемнадцатого марта 1965 года двадцативосьмилетняя Арлет стала официальной дочерью Сартра (которого в момент удочерения надо было бы посадить в тюрьму за кровосмешение). Таким образом, Сартр вручил Арлет юридические и моральные права, которые он никогда не давал ни одной женщине (включая и Бовуар). После его смерти Арлет стала весьма богатой женщиной, так как распоряжалась всем его литературным наследством и, следовательно, всеми деньгами за любое его использование.

Народ был ошеломлён решением Сартра – ведь в *Словах* он писал, что не существует хороших отцов (мощное обобщение на основе своего опыта с отчимом и личной нелюбви к детям). Все друзья Сартра были тоже неприятно поражены. Ванда, Мишель и Эвелин были во гневе. За несколько месяцев до этого события Сартр обсуждал его со своими женщинами и обещал каждой из них, что он не сделает этого шага без её одобрения. Ванда, узнав об этой новости, стала ломать мебель в своей квартире. Эвелин рыдала: «Ты не смел так поступать со мной». Мишель грозила самоубийством. Но обошлось – изменить уже ничего было невозможно.

В июле 1965 года Сартр и Бовуар снова двинули в СССР. В то

время вся интеллигенция была возмущена процессом над Бродским. По просьбе Эренбурга Сартр впервые попытался вмешаться в советские дела – он написал письмо в Верховный Суд СССР с просьбой о помиловании Бродского. Но письмо было написано слишком подобострастно. Зонина в своём обязательном отчёте КГБ была более жёстка в своих выражениях:

> Обвинения против Бродского настолько абсурдны и нелепы, что друзьям СССР, включая Сартра, становится трудно защищать нашу страну.

После месяца, проведённого с Зониной, Сартр путешествовал три недели с Арлет (ёб или не ёб? – вот в чём вопрос: его же так влекла идея инцеста), а затем две недели – с Вандой. (Как заботливый хозяин, Сартр выгуливал своих сучек регулярно и по очереди.)

А Бовуар поехала отдыхать со своей новой пассией Сильвией Ле Бон. Ситуация была с прежнего конвейера (устроилась охотиться на любовниц у своей интеллектуальной кормушки). В 1960 году семнадцатилетняя Сильвия написала Бовуар восторженное письмо. Они встретились, и пошло-поехало. Сильвия изучала философию, и Бовуар стала ей помогать – соблазнение длилось достаточно долго. Но летом в августе 1965 года они поехали на Корсику, и Сильвия назвала это путешествие «медовым месяцем».

Кстати и между прочим, у Сартра с Сильвией Ле Бон тоже была сексуальная связь – Бовуар сама подначивала её иметь любовников, а Сартр только этого и ждал.

Бовуар попала в автомобильную аварию, возвращаясь из итальянской поездки с Сартром (он уехал в Париж чуть раньше). Клод и Сартр бросились в Италию. К счастью, ранения были не опасны для жизни. Сартр оставался с Бовуар всё время и перевёз её в Париж. Бовуар была в постели три недели, и Сартр, Ланцман и Сильвия по очереди дежурили у её кровати. Квартира Бовуар была завалена цветами, и самое сложное было – избавляться от людей, которые хотели её посетить.

Зонина снова приехала в Париж в середине ноября 1965 года. Её пустили с трудом – Сартру пришлось писать письма, что она его переводчица и что её приглашает журнал *Новые времена.* Он поселил её в отеле поблизости от своей квартиры. На этот раз Сартр скрыл её приезд от своих женщин. Но они пронюхали и устроили ему бенц, а Сартр опять отпирался отчаянным враньём.

Со 2 мая по 6 июня 1966 года Сартр и Бовуар опять в Советском Союзе. В то время шёл процесс над Синявским и Даниэлем. Зонина подписала письмо группы писателей с

требованием их освобождения, чем подвергла себя преследованиям. Она попала в «чёрный» список тех, кого могли больше не пустить за границу. Сартр и Бовуар поехали с Зониной в Ялту и Одессу, и на каждом шагу они встречались с запретами: иностранцам нельзя туда, иностранцам нельзя сюда.

В 1965 году дали Нобелевскую премию Шолохову – замечание Сартра, по-видимому, повлияло на решение Нобелевского комитета.

Когда Зонина пыталась организовать встречу Сартра с Солженицыным, Солженицын не пожелал встречаться с Сартром из-за его ремарок о Нобелевской премии Пастернаку.

Зонина вышла из Союза писателей в качестве протеста и высказала Сартру свои разочарования в нём. Она думала, что он свободен, но оказалось, что он не говорит то, во что верит, и не делает то, что он хочет. Сартр был убит и не мог работать (аж!) целую неделю. Он писал ей, что становится стар, что приходится делать уступки жизни и что единственная его настоящая свобода – это она, Лена, и его любовь к ней.

В сентябре 1966 года Бовуар и Сартр летали в Токио. Популярность Сартра и Бовуар в Японии была огромной. *Второй секс*, переведённый на японский в том же году, был бестселлером. Приставленная к ним переводчица Томико Асабуки по отработанной схеме стала любовницей Сартра.

А на обратном пути они снова остановились в Москве – это был их одиннадцатый, и последний, визит в Керосинию. Связь с Зониной на этом прекратилась.

Восемнадцатого ноября 1966 года покончила с собой Эвелина. В своих предсмертных записках Клоду и Сартру она подробно освобождала всех от ответственности за её шаг. Но её смерть сильно повлияла на Сартра, и он находился в тяжёлом психическом состоянии.

Ванда, всегда недолюбливающая Бовуар, стала ей угрожать, что убьёт, мол, и купила для этого пистолет. Сильвия Ле Бон взяла дело в свои руки и с бойкими подружками по колледжу явилась на квартиру к Ванде, они избили её и отняли пистолет. Они также хотели взять письма, которые ей писал Сартр (Бовуар опасалась, что Ванда может их уничтожить), но не нашли их.

Тем временем Бовуар издала новую книгу своих мемуаров, и Нельсон Алгрен опять залупился. Он писал в рецензии:

> Рекламировать интимные отношения между двумя людьми – это значит их разрушить.

Бовуар со своей стороны писала, что она и Сартр вступили в соглашение: иметь свободу любить других, но они всегда

избегали вопроса, а что будет чувствовать третья сторона по поводу их соглашения. Их партнёры и партнёрши, воспитанные в традиционных понятиях любви, верности, семейных отношений, часто страдали от свободы, на которую их обрекали Сартр и Бовуар.

В мае 1981 года Нельсону Алгрену исполнилось 72. Его избрали в престижную Академию Искусства и Литературы, и у него взяли интервью, где зашла речь о Бовуар. Он уже не поддерживал с ней связи долгие годы и изрёк такую фразу:

> Я бывал в борделях по всему миру, и женщина всегда закрывает дверь, будь то в Корее или в Индии. Но эта женщина (Бовуар) открывает дверь нараспашку, приглашая смотреть публику и прессу… У меня нет зла на неё, но я считаю, что это было оскорбительное действие с её стороны.

На следующий день после этого интервью он умер от сердечного удара. Бог правду видит. Ведь если бы Бовуар писала о нём, что у него хуй в полметра и что он мог ебать раз за разом твёрдо стоячим, то он бы не имел к Бовуар никаких претензий, а сам бы открывал дверь нараспашку. Мудозвон – ну что ещё о нём сказать?

После шестидневной войны Сартр встал на сторону арабов, а Бовуар – на сторону Израиля. Она видела, что цель арабов не мирное сосуществование с Израилем, а его уничтожение. Клод, который так впечатлился эссе Сартра об антисемитизме, теперь называл Сартра антисемитом. Сартр в ответ называл Клода империалистом.

В августе 1968 года советские танки вошли в Чехословакию. Сартр переименовал его недавно любимых советских руководителей в «военных преступников». В конце ноября он с Бовуар поехал в Прагу для демонстрации солидарности с чехами. Сартр написал Зониной, что больше не поедет в СССР и полностью порывает с советским правительством. Это означало, что они больше не увидятся, разве что она появится в Париже.

Но из огня да в полымя – Сартр увлёкся маоистами. Бовуар не разделяла его новой политической страсти.

Восемнадцатого мая 1971 года у Сартра случился удар – правая рука была частично парализована. С этого времени началось его скатывание в общепредназначенную пропасть. В марте 1973-го случился второй удар. Зонина приехала в Париж в конце года. Но ситуация была напряжённой, и во время первого ланча в ресторане вместе с Бовуар и Ле Бон, Сартр едва сказал пару слов. Он ослеп. Бовуар читала ему запрещённый в Союзе

Архипелаг ГУЛАГ.

В июне 1975 года праздновалось семидесятилетие Сартра. Ванде было 58, Мишель 55, Арлет почти 40. У Сартра началась интрижка с Еленой Ласситиотакис – гречанкой, которой было чуть более двадцати. Она приехала в Париж изучать философию.

Я чувствую себя с ней будто мне тридцать пять, —

говорил Сартр. Но с Еленой случился психический приступ на улице, и Бовуар с Ле Бон поместили её в психиатрическую клинику. Они пошутили над Сартром, что он сводит с ума всех женщин.

В 1977 году Сартр прервал связь с Еленой. Но, как и с остальными женщинами, он поддерживал с ней дружеские отношения.

До конца своей жизни он имел сексуальные отношения (но не совокупления) с Мишель.

Однажды Сартра спросил его приятель, как он может поддерживать отношения со столькими женщинами одновременно, когда они так ревнивы.

– Я лгу им, – *объяснил Сартр*. – Это проще и более достойно.

– Вы лжёте им всем?

Сартр улыбнулся:

– Да, всем.

– Даже Бовуар?

– Особенно Бовуар.

На его семидесятичетырёхлетие в 1979 году Франсуаза Саган прислала ему любовное письмо с просьбой разрешить его публикацию. Она любила его как писателя и как мужчину, писала она. После этого Сартр и Саган встречались регулярно. Он брал её в рестораны, она разрезала ему мясо и держала его за руку. Она также проносила ему виски, пить которое ему было запрещено, и конечно же ненавидела Бовуар.

Сартра знакомили и с другими женщинами, он спрашивал, красивые ли они, и лапал их. Они тоже трогали Сартра за нужные места и рассказывали детали из их половой жизни, что весьма увлекало Сартра.

Сартр умер после очередного удара в больнице в 1980-м. С ним по очереди дежурили члены его клана-семьи.

После похорон Сартра Бовуар в безутешном горе заболела пневмонией и еле-еле выжила.

Бовуар настояла на удочерении Ле Бон, которая поначалу

сопротивлялась. Но кто-то должен был распоряжаться и её литературным наследством.

Бовуар опубликовала письма Сартра к ней. После её смерти Ле Бон без всякой цензуры опубликовала письма Бовуар к Сартру, что вызвало скандал. Всем стало ясно, что никакой «прозрачности» в их отношениях не было – было наслаждение пересказом любовных похождений и куча недоговорок и лжи.

Бовуар умерла 14 апреля 1986 года.

Место в Париже на углу, где была квартира Сартра, назвали именем Сартра – Бовуар.

Выводок выводов

Даже из «аморальной» истории мне всегда хочется извлечь мораль. Как же после этого можно меня называть аморальным?

Одним из объяснений, почему меня тянет извлекать мораль из всех историй, о которых я пишу, может быть то, что во всём мне видятся басни, а этот жанр требует морали в конце.

Не вызывает никаких сомнений, что «свободно-честные» отношения, подобные тем, что были у Сартра и Бовуар, существовали до, во время и после них. Но в отношениях этих состояли либо люди неизвестные, либо скрывающие свои отношения от общественности. В случае же Сартра и Бовуар впервые знаменитые и уважаемые люди на личном примере громко пропагандировали половые отношения, которые перечёркивали мораль их и нашего времени. Оказалось, что любовная пара может вести внебрачную активную сексуальную жизнь, причём они не подонки и подлецы (как это любят представлять религиозные и политические ханжи, стоящие у власти), а люди благородные, добрые, талантливые и глубоко любящие друг друга и других.

Узаконивание Сартром и Бовуар повелений похоти сделало саму похоть пристойной и ей перепало даже от романтичности.

Следует, однако, иметь в виду, что Сартр и Бовуар не имели детей, а будь у них дети, то это заставило бы Сартра и Бовуар прибегать к ещё большей лжи, чем та, которой они пользовались для «воспитания» своих любовниц и любовников. Так что провозглашённая Сартром и Бовуар свобода и честность более-менее возможны только в бездетном состоянии. А так как большинство пар заводит детей, то «массовое производство» подобных отношений не грозит стабильности семейного «рынка».

Неизбежно возникает иной вопрос: насколько описания отношений Сартра и Бовуар (будь описания сделаны самими

Сартром и Бовуар или их современниками, свидетелями этих отношений) соотносятся с истинной сутью их отношений? То есть насколько их слова соответствуют их делам?

Бовуар, например, всегда публично отрицала свои сексуальные отношения с женщинами, но в опубликованных её письмах Сартру всё предстало совершенно иначе – там она подробно описывала свои любовные ночи с юными ученицами.

(Кстати, в американском издании *Tête-à-Tête* имеются извлечения из дневников Сартра, но из французского издания они изъяты по настоянию приёмной дочери Сартра, единолично распоряжающейся его литературным наследством. Только когда дневники Сартра будут опубликованы полностью, можно будет серьёзнее говорить о правде в отношениях Сартра и Бовуар, так как ложь одного из них сможет в какой-то степени нейтрализовать ложь другого.)

То, что происходило с Сартром и Бовуар на самом деле, неизбежно претерпело изменения, будучи ими занесено на бумагу, потому как они прекрасно осознавали, что каждое их слово будет изучаться будущими поколениями, а потому даже при их искренности по отношению к самим себе, они манипулировали будущим общественным мнением, создавая свой посмертный образ, который непременно со временем превратится в миф.

Сартр утверждал ненужность секретов частной жизни. Проявлялось это в том, что он не желал скрывать свою частную переписку от потомков. Мол, чем прозрачнее, тем лучше. Он хотел, чтобы потомки знали о всей его жизни, и он не стыдился её в, так сказать, частных, личных проявлениях. Однако всё это было на словах, ибо всякий раз, когда он брался за перо, естественность и непринуждённость пропадали, а появлялась неизбежная поза.

Потому, составляя мнение о Сартре – Бовуар, следует руководствоваться не их красивостями и ложью, а человеческой сутью (наличие которой они отвергали), гоняющейся за собственными наслаждениями и старающейся в то же время подладиться под уже существующие мифы, чтобы казаться привлекательной для тех, кто им поставляет наслаждение.

Было бы интереснее, если бы Сартр с Бовуар не отделывались словесами, а позволяли запечатлевать свои половые дела с помощью фотографии и кинемото-тоже-графии.

Выборочность их откровенности разительна. Например, они нигде (во всяком случае, в этой книге ничего об этом нет) не упоминают о своих венерических заболеваниях. А ведь при сартро-бовуаровской активной половой жизни хоть раз, но

должны же были они что-то подхватить.

Или вот такое: в ноябре 1976 года авторша книги Hazel Rowley интервьюировала Бовуар у неё в квартире. Бовуар утверждала, что якобы между ней и Сартром не было ревности. Однако *их* собственные письма и все документы говорят о противоположном.

Также Сартр и Бовуар помалкивали (судя по *Tête-à-Tête*, а эта книга является самым полным изложением известных документов), устраивали ли они оргии? Или хотя бы менаж труа[17]? Трудно себе представить, что нет, ибо при их сексуальной раскрепощённости – это разумное и логическое следствие свободы сексоизъявления.

Совсем ничего не говорится о Сартровом опыте с мужчинами. Что-то там должно быть, к тому же он где-то обмолвился, что женщин любит больше, чем мужчин. Значит ли это, что Сартр любил мужчин, но меньше?

Так что речь идёт не об открытости Сартра и Бовуар, не об их «прозрачности», а лишь о некотором уменьшении закрытости. Вот почему нельзя доверять словам Сартра и Бовуар, а только их действиям. К сожалению, наблюдение за *их* действиями было весьма ограниченным, и всё, что нам осталось, – это пересказ этих действий, который полон искажений и недомолвок. (Эх, живи они в наше время, можно было бы установить камеры у них в квартирах и устроить Reality TV, тогда бы *их* действия у нас на виду сделали бы *их* жизни «прозрачными», как они мечтали.)

Сартр вполне осознавал, что пишет он для того, чтобы соблазнять этим женщин. Однако читатели принимают его писанину за чистую монету и всерьёз размышляют над красивыми выдумками и подчас бредом, не подозревая или не осмеливаясь думать, что всё, ими читаемое, есть не что иное, как крик самца, призывающего самок. Если бы читатель, берущий книгу в руки, стряхивал с себя благоговение и трепет перед тем или иным писательским именем и читал написанное не как манифест или руководство к действию, а с осознанием, что писанина – это всего лишь трюки, чтобы обратить на себя внимание женщин или мужчин, – то читатели реагировали бы на художественную литературу как на документальную, но завуалированную и приукрашенную сексуальную исповедь писателя.

Впрочем, и слова, как мы уже знаем, были у Сартра далеки от истины его интимных отношений. Он лгал своим женщинам, и винить его в этом нельзя, ибо правда разрушительна для всех интимных отношений, основанных на иллюзии верности.

Ещё одна причина для осторожного восприятия исповедей Сартра и Бовуар была высказана ими самими. Они не раз

говорили, что были бы значительно откровенней в рассказах о своей половой жизни, если бы их не удерживало то, что в неё вовлечены другие люди. А эти другие – ад, как писал Сартр. И прежде всего потому, что они не разделяли его сексуальных (а потом – политических) убеждений.

Помимо писаний, как способа привлечений к себе женщин, Сартр, как и все мужчины, использовал деньги.

Общеизвестна феноменальная щедрость Сартра – он раздавал деньги друзьям и ничего не просил взамен (так уж ничего?). Он никогда не позволял никому платить в ресторане, сам платил за всех. (А вот Рудольф Нуриев, читал я где-то, был прямой противоположностью – никогда не платил в ресторане, позволяя всем платить за себя, а он был побогаче Сартра. И значительно красивее – он не боялся, что его перестанут любить, если он не будет разбрасывать вокруг себя деньги.)

Ещё в детстве Сартр украл у мамы деньги, чтобы угостить одноклассников пирожными, желая вызвать таким способом к себе расположение.

Если ты скуп, то можешь быть уверен, что твои друзья проводят с тобой время не из-за денег. А в случае Сартра всегда возникает мысль: не будь он таким щедрым, кто из его баб оставался бы с ним? Одно дело – переспать разок со знаменитостью, а другое дело – регулярно встречаться с нею на унизительных условиях расписаний.

Регулярная доступность женщины может быть обеспечена только деньгами.

Меня удивило больше всего, что при всей своей пожизненной любви к Бовуар Сартр ничего ей не завещал – всё ушло к приёмной дочке Арлет Элкайм. Чем руководствовался Сартр при принятии такого решения? Вот что хотелось бы узнать.

Бовуар не любила жаловаться, зудить, и это тоже способствовало длительности их отношений. Она была терпелива и сносила то, что вряд ли бы снесла любая другая женщина. Она считала, что обязана Сартру стольким многим в своей жизни, что делала чрезвычайные попытки смотреть на происходящее его глазами. Бовуар считала, что любит Сартра больше, чем он её.

Одним из критериев силы любви является размер жертвы, на которую пойдёшь ради своего возлюбленного. Бовуар, без всяких сомнений, жертвовала значительно большим, чем Сартр. Бездетность гораздо страшнее для женщины, чем для мужчины, она и есть главная жертва женщины. Хотя, по косвенным данным, Бовуар не имела ни одного аборта, и это выяснилось к концу её жизни в процессе её борьбы за права женщин, в том числе и за легализацию абортов. Если это действительно так, то скорее всего

Бовуар не могла родить, так как невозможно представить, что на протяжении всего своего детоносного возраста, при активной сексуальной жизни со множеством любовников она ни разу не залетела. Сартр практиковал свой любимый метод предохранения – вытаскивание хуя до семяизвержения. Метод этот – и впрямь хуёвый, и Сартр то ли по невежеству, то ли по эгоизму им пользовался всю жизнь. В результате от Сартра беременела куча женщин. Поэтому, быть может, жертва материнства, которую принесла Сартру и своей карьере Бовуар, была вовсе не жертвой, а физиологической особенностью Бовуар, вынудившей её на бездетную жизнь.

Поучительная суть сексуальных взаимоотношений Сартра и Бовуар состоит в моральной дискредитации сексуальной верности, в том, что возлюбленным нужно биться не за верность друг другу, а за верность своей похоти, которая цветёт только от разнообразия партнёров. Идея верности как таковая осталась, но она почестнела, ибо стала соизмеряться с желаниями людей, а не с выдумкой общества, направленной на пресечение половой жизни.

Сексуальная верность с открытием генетики стала нравственным атавизмом и становится бессмысленной. Ведь необходимость верности основывалась не на моральных принципах, а на практической необходимости следить за сохранностью генного набора рода. Практичные евреи прослеживали «чистоту расы» по матери, поскольку рождение данного ребёнка из данной пизды является неопровержимым доказательством материнства. Доказать же отцовство в те времена было невозможно и оставалось полагаться только на установление и поддержание женской верности. А вот антисексуальные христиане решили прослеживать родство по отцу, пренебрегая тем повсеместным фактом, что младенец не «в отца, а в проезжего молодца». В результате чего евреи сохранили свой генный набор, узнаваемый до сих пор, тогда как христиане и прочие, основывающие род на отцовстве, превратились в аморфную массу.

Сартр и Бовуар, отвергнув сексуальную верность, сделали упор на дружескую верность, которая есть основа длительных человеческих отношений.

Как в традиционной семье, дружба между супругами много важнее, чем секс, так и долголетие отношений Сартра и Бовуар было основано на дружбе. А потому Сартра и Бовуар надо перевести из разряда великих любовников в разряд великих друзей.

В битвах ебли и ревности Сартра и Бовуар «победила

дружба».

Вильгельм Райх – чудной психоаналитик с «красной нитью»

You can't always get what you want…[18]

Mick Jagger, 1969

God, gave me everything I want.[19]

Mick Jagger, 2001

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2006. № 142.

Имя Вильгельма Райха привлекло моё внимание потому, что я узнал о его работе с пылающим названием *Функция оргазма.* Я же, как читателям *General Erotic* должно быть известно, оргазмом интересуюсь теоретически, практически и даже феноменологически. Даже специальное эссе ему посвятил – *Гонимое чудо*, которое в моём «кирпиче» (*Чтоб знали*!) имеется. И в *General Erotic* о ём, родимом, писал видимо-невидимо. Но больше – видимо.

Вот я и взял в библиотеке *Функцию оргазма*, прочёл, разочаровался и решил узнать, что же это за ученичок Фрейда, такой упёртый и помпезный, хотя местами и здравомыслящий. Грустно, что его оргазменная функция фукнулась, кончилась пшиком, но я зато расскажу, как ему следовало бы и теперь следует за оргазм браться, чтобы его получали не пайкой по общественной разнарядке, а по потребностям и по возможностям, помимо или в дополнение к мастурбации.

Вот как протекала бурная жизнь Вильгельма Райха.

Родился он 24 марта 1897 года в Галиции, что была тогда частью Австро-Венгрии. Матери было 19 лет, когда она родила Вильгельма, который отзывался о ней как о красавице, хотя на фотографии, приведённой в книге, она выглядит отвратительненькой, причём не только по моему мнению, но и по мнению биографа. Тем не менее сыну мать всегда кажется красавицей, как и сын – матери. Однако невзрачность мамаши не мешала Вильгельмову отцу, что был по меньшей мере на 10 лет старше, безумно ревновать её. Причём слово «безумно» вовсе не является преувеличением. Сцены, которые отец закатывал без всяких причин, и даже рукоприкладство, которое он себе позволял, были непрестанным фоном счастливого детства Райха.

Отец приобрёл скотоводческую ферму на большом участке земли (причём приобрёл с помощью дяди своей ревнуемой жены) и весьма успешно повёл хозяйство. Так что маленький Вильгельм был частым и трепетным свидетелем совокуплений различных животных, что помогло ему быстро разобраться с сексуальной жизнью людей.

Формированию его либеральных взглядов на секс способствовал не только вуайеризм, но и внерелигиозная обстановка. Хотя отец и мать были евреями, они не были ортодоксами и принимали участие лишь в главных религиозных праздниках, для того чтобы не дразнить гусей-родственников. Отец не позволял детям играть ни с крестьянскими, ни с еврейскими детьми, говорящими на идиш, – он хотел воспитать детей в светском духе и хорошо образованными.

Папаша был настоящий деспот и правил семьёй железной рукой. А попутно он сделал Райху братца, наречённого Робертом.

Короче, к четырём годам Вильгельм уже прекрасно разбирался в сексуальной жизни, в чём ему также помогла нянька. Несколько раз он оказывался свидетелем не только совокуплений животных, но и служанки со своим любовником. Как-то Вильгельм попросил её поиграть с ним в любовника, и нянька позволила ему поелозить по ней.

В 11 с половиной лет Вильгельм переспал-таки со служанкой по-настоящему, что ему, разумеется, весьма понравилось, но за что сейчас бы эту служанку разорвали на части, а Вильгельмчика довели бы до состояния неискупной вечной вины, обозвав всё это изнасилованием. Но в то время все были молча довольны.

Райха учили наёмные учителя, а школьные экзамены он ездил сдавать в Черновцы (никуда не деться в психоанализе от российского духа, коим будет разить в течение всей жизни Райха). Там он ходил по борделям, где время от времени натыкался на своих преподавателей.

Вслед за первой еблей Вильгельма произошла семейная трагедия. То есть сначала любовная драма, а потом уже трагедия. Причём любовной драмой я называю великое наслаждение, запрещённое подлым человеческим стадом. А под трагедией я подразумеваю наказание за наслаждение. Об этом событии Вильгельмушко не заикался всю жизнь и под страшным секретом рассказал лишь одному-двум человекам. Да Еве, дочке своей, через много лет признался. Но безвыходно держать это в себе он не мог, и поэтому двадцатидвухлетний Райх, уже практикующий психоаналитик, опубликовал свою первую научную статью под названием *Прорыв запрета на кровосмешение в период полового созревания.* В ней изложена подробная исповедь пациента о своих

отроческих годах. Но это был лишь литературный приём – за маской пациента скрывался сам Райх. А дело было так.

Мать Райха спуталась с репетитором Вильгельма, что жил в их доме. Отец, как принято в анекдотах, уехал в командировку. А молодая (и явно полная неуёмной похоти) мать ходила каждую ночь в комнату молодого учителя, которая находилась в том же коридоре, где спальня Райха, которому было уже 12 годков. Вильгельм стал следить за происходящим, стоять у двери комнаты учителя, слыша звуки любовников в похоти. Сначала Райха обуревал стыд за мать и гнев за её обманное поведение (дурачок, радовался бы радости матери), но, приходя к двери ночь за ночью, он всё более проникался похотью, мечтая ворваться в комнату и под угрозой рассказать всё отцу переспать с матерью. Райх не уточняет, какую роль в это время должен был играть учитель – соучаствовать или наблюдать.

Тем временем Вильгельм усмирял свою похоть со служанкой, а ночами занимался кровосмесительным вуаеризмом.

Когда папашка вернулся, сын мучился как буриданов ослик – сказать или не сказать, взять сторону матери или отца. В конце концов он решил скомпромиссничать и лишь намекнуть отцу о замеченном. Папашка сразу скрутил сынка в бараний рожок, и тот раскололся полностью. Тогда разъярённый рогоносец приволок Вильгельма к матери как неопровержимую улику.

Тут вообще семейный ад разверзся, и бедная мать не выдержала, отравилась и умерла в жутких мучениях.

Разумеется, Вильгельм корил себя всю жизнь, что послужил причиной смерти матери. Но, как я вижу это событие – он предал еблю во имя морали, высосанной из грязного пальца общества. Предательство было двойное – захотев переспать с матерью, он, во-первых, не посмел и, во-вторых, свою сексуальную нерешительность он подленько оправдал нравственностью доноса на секс. Это предательство секса повторится и позже в принципиальных вопросах, что повлечёт за собой… но не будем забегать вперёд.

Райх прежде всего винил в случившемся мать, мол, не надо было позорить «честь семьи». Таким способом он, вместо того чтобы признать свою немощь, переваливал на мать вину в самоубийстве. Так и в будущем злобу от собственных неудач он будет вымещать на других. (Вот уж поистине «благородно-привечающая» черта характера.)

У Райха с малых лет был псориаз на лице, который всю жизнь то обострялся, то отуплялся. Когда началась болезнь – никто не знает, но исследователи рады предположить, что она возникла после самоубийства матери – тогда всё психоаналитически

складывается в красивую и ёмкую коробочку – вот оно, соматическое наказание за сдержанные сексуальные чувства.

Отец возил Вильгельма в санаторий, где его лечили мазью, содержащей мышьяк, от чего болезнь только ухудшилась, а Райх на всю жизнь возненавидел врачей и не верил им.

Отец после самоубийства жены, видно, допёр, что перебрал в ревности, и уже обречённо пребывал не в себе. Ещё бы – довёл жену, мать его детей, до самоубийства. В один прекрасный день, когда Райху было 17 лет, его папаша застраховал свою жизнь на большую сумму и пошёл в холодную погоду на пруд якобы рыбачить. Но он задумал помереть от болезни, а не совершать самоубийство, так как смерть из-за самоубийства страховка не покрывала. Отец заработал-таки пневмонию, которая затем перешла в туберкулёз, и в 1914 году он целенаправленно умер.

Так Райх оказался пусть косвенной, но причиной смерти обоих своих родителей. Самое обидное, что страховки Райх всё равно не получил. Почему? – причины не известны, но с тех пор Райх возненавидел страховые компании и никогда ничего не страховал, будучи уверен, что, застрахуйся он, его обязательно обманут.

В 17 лет Райх остался сиротой и сам управлял фермой и имением, не прекращая учёбы.

А в 1915 году русская армия разграбила его ферму и разрушила поместье, так что из богатого барчука Райх превратился в бездомного бедняка. Вот ещё одно творческое влияние России на развитие мирового психоанализа.

Райх и его пятнадцатилетний брат Роберт уехали в Вену. Роберт стал жить у бабушки, а Райха вскоре мобилизовали в армию.

Самым значительным событием в армии (и во всей жизни) у Райха оказалась связь с итальянской молодой женщиной, когда часть была расквартирована в деревушке в 1916 году. Девятнадцатилетний Райх испытал с ней нечто, чего никогда не испытывал с другими женщинами. Что это было такое, он никак объяснить тогда не мог. Но эти ощущения легли в основу его будущего учения об «оргастической потенции». Все его претенциозные термины, включая и этот, видимо, были основаны на том, что ему после дохлых немок да австриячек попалась пылкая итальянка, которая, быть может, кончала не единичными выстрелами, а длинной очередью, как из автомата. Вот она и изрешетила впечатлительного юношу, который пошёл из этого науку делать.

Надеюсь, мы узнаем подробности этого определяющего события из архива Райха, который, согласно завещанию, станет

доступен в 2007 году – вскоре мы станем зрителями свистопляски исследователей на оставшихся бумажках.

* * *

После демобилизации в 1918 году Райх поступил в Венский университет. Его брат Роберт к тому времени имел хорошо оплачиваемую работу и содержал Вильгельма. Договор был, что сначала Роберт будет помогать Вильгельму, а потом Вильгельм будет помогать Роберту. Но вторая часть договора осталась невыполненной: в 1924 году Роберт заболел туберкулёзом и уехал лечиться в санаторий на север Италии. В течение долгих месяцев лечения Вильгельм ни разу не съездил навестить брата, хотя он устраивал себе весёлые отпуска с катанием на лыжах в Швейцарских горах. Роберт был весьма огорчён этим и умер в 1926 году.

Райх начал учёбу на юридическом факультете, но вскоре из-за скукоты перешёл на медицинский. Он увлёкся молодёжным социал-демократическим движением и вскоре стал клеймить «эксплуататоров», которые сексуально подавляли народ и наживались на этом.

Райх посещал семинары по сексологии и быстро пришёл к разумному и естественному выводу, что как вся общественная жизнь, так и внутренняя жизнь личности вращается вокруг секса. А тут уже было недалеко и до изучения писаний Фрейда, жившего по соседству.

Райха сразу увлекла фрейдовская идея детской сексуальности, которая подтверждала, что секс – это нечто гораздо большее, чем просто периодическое взаимодействие гениталий взрослых, и выводила секс далеко за пределы отправления функции размножения.

Райха поразило, что Фрейд может постулировать наличие сексуальной энергии «либидо», не ставя никаких научных экспериментов, чтобы хоть как-то её количественно определить. В будущем Райх решит это смехотворно исправить.

В 1919 году Райх лично познакомился с Фрейдом и был очарован прямотой его речи и простотой в обращении. Райх начал работать на Фрейда, и в 1920 году его, студента, допустили в Венскую Психоаналитическую Ассоциацию. Многие тогда восхищались райховской энергией и целеустремлённостью, но в то же время отвращались от его «танкового» напора и частой грубости.

Его студенческая любовь, Лия Ласки, вспоминает, что он был

неуклюжим любовником (уж казалось бы, начав в одиннадцать с половиной лет, можно было кое-чему и научиться). Однако, несмотря на «неуклюжесть», Райх хотел жениться на Лии, но она здраво отказалась. Райх продолжал преследовать её, закатывал сцены ревности, убеждал, что её жизнь – в психоанализе, но Лия, бросив медицину, вышла замуж за другого.

Параллельно с этой любовью Райх регулярно ёб училку в школе медсестёр, которая сделала от него нелегальный аборт, вследствие чего умерла. Так, на совести Райха оказалось уже три трупа. Зато смерть любовницы вдохновила его на борьбу за легализацию абортов.

Помимо Ласки и училки, у Райха было много третьестепенных женщин. Но они не мешали ему, а скорее помогали упорно и много учиться. Он даже успевал заниматься музыкой, дроча виолончель. Бетховен стал его любимым композитором.

Мучимый псориазом, Райх везде старался быть лидером и требовал, чтобы все делали всё, как он, и во всём с ним соглашались. Но удавалось это ему лишь с некоторыми, микромягкотелыми и миломалодушными.

В те начальные годы психоанализа коллеги-психоаналитики то и дело анализировали друг друга, исповедуясь во всех сексуальных делах и мечтах, а поэтому знали друг-дружью подноготную. Лучшим методом соблазнения любой бабы было подвергнуть её анализу. А те и валили валом на модное и сексуальное откровенничанье.

В 1922 году Райх закончил медицинское образование в университете. Он стал работать «анализатором» в клинике, которая обслуживала простой люд: рабочих, фермеров, студентов, то есть тех, у кого не было денег оплачивать длительную психотерапию. Это дало Райху возможность познакомиться с народными проблемами, а не с проблемами избранных. Если у зажиточных или богатых пациентов симптомы были вроде мытья рук по сто раз в течение дня или истерического паралича какой-либо части тела без всяких соматических причин, то у многих простых людей Райх обнаружил, как он назвал, «импульсивный характер», который проявлялся не в конкретных симптомах, а в хаотическом, неорганизованном образе жизни. Бедняки то и дело совершали антиобщественные поступки, и этих людей чаще называли плохими, чем больными. Райх написал целую книгу под названием *Импульсивный характер*, которая понравилась Фрейду, узревшему в ней «ценное содержание». Репутация Райха как психоаналитика полезла вверх.

В 1924-м Райх стал лидером практического семинара

психоаналитиков (сексуальным опытом обменивались) и держался на этой позиции до 1930 года, наживая себе всё больше и больше недоброжелателей и врагов из-за своего резкого и упёртого (импульсивного?) характера. Райху удалось разработать особую технику психоанализа, которую он назвал «анализом характера». Анализ характера сводился к определению наличия или отсутствия «оргастической потенции». Соответственно, имелись невротический характер (плохой) и генитальный характер (хороший). Райх начинал анализ пациента с изучения его сексуального поведения.

Райх считал причиной множества ужасных болезней то, что человек – это единственный из живых особей, который не выполняет естественные законы сексуальности. Причём тяжесть всякой психической болезни зависит от степени нарушения генитальных функций. А вероятность излечения зависит от возможности достичь полного генитального удовлетворения.

Фрейд разрешил Райху заниматься психоанализом пациентов, когда тот был ещё студентом. И в какой-то период многие считали, что он – любимчик Фрейда. Это вызывало бурную или затаённую зависть более старших коллег, тоже жаждавших внимания Фрейда. Началась закулисная возня и строительство тайных препон для Райха. Один из главных коллег прижимал его через голову Фрейда. Этот высокоморальный администратор-психоаналитик был возмущён излишним акцентом на сексуальность, который делал Райх. Райх же утверждал, что целью психоаналитического лечения является придание пациенту способности полного генитального самовыражения, всё той же «оргастической потенции».

Понятие оргастической потенции Райх считал краеугольным камнем своей теории, хотя среди психоаналитиков он подвергался насмешкам и его называли «пророком улучшенного оргазма» и «основателем генитальной утопии». Однако Райх был первым среди психоаналитиков, кто стал говорить не вообще о сексе, а об оргазме. И сие для меня весьма важно в связи с моими собственными помыслами.

В то время в психоанализе говорили об Эросе, но боялись говорить о сексуальности, аналитикам запрещалось уточнять сексуальные ощущения у пациентов более, чем на уровне «я спал с женщиной» или «я спала с мужчиной». Фрейд опасался обвинений ненавистников психоанализа в том, что психоанализ является «опасностью для культуры», и своей теорией сублимации пытался мирно вписать в неё психоанализ.

Райх же утверждал, что все его пациенты были генитально озабочены, то есть они не достигали полного удовлетворения при

совокуплении. Это было связано с ранним фрейдовским утверждением в 1905 году, что неврозу нет места при наличии нормальной сексуальной жизни (позже Фрейд передумал).

Райх ставил акцент на освобождении эмоций при половом акте и пытался определить, каким он должен быть, чтобы назвать его выполненным «на отлично», то есть удовлетворительным.

Райх писал, что оргастическая потенция, коей должны обладать участники для совершения полноценного совокупления, – это вовсе не способность к эрекции и эякуляции, которые являются лишь условиями оргастической потенции. Она же представляет из себя способность отдаться потоку биологической энергии без всяких сдерживаний; способность полностью высвободить накопившееся сексуальное возбуждение через непроизвольные и приятные конвульсии тела.

Этой способности якобы всегда не хватает невротикам. Способность к оргастической потенции основывается на наличии «генитального характера» (генитальной личности), то есть на отсутствии патологических защитных «панцирей» в поведении и в мускулатуре. «Панцирями» Райх называл бессознательное сопротивление «оргастической потенции», которое может выражаться в поведении, препятствующем оргазму, а также в мускульных напряжениях, которые выказывают это сопротивление.

Люди, которые воспитаны с негативным отношением к сексу, обретают страх наслаждения, который физиологически проявляется через хронические мускульные спазмы на лице, ниже пупка и на прочих неожиданных и ожиданных местах тела.

Определение «оргастической потенции» Райх дал весьма расплывчатое, которое трудно назвать научным:

> Оргастическая потенция включает в себя соединение нежности и чувствительности к партнёру, ритмические фрикции в процессе совокупления, частичную потерю сознания в пике возбуждения, «вибрацию всех мускулов» в течение фазы разрядки и чувство благодарной усталости, следующей за совокуплением.
>
> …Парадоксально, что критерием здорового разума Райх выбирает способность его лишаться во время оргазма, полностью отдаваясь инстинкту наслаждения —

замечает автор биографии.

Но ведь именно этим парадоксом (временным безумием) и становится возможно разрешить противоречие между наслаждением и социальной ответственностью у члена общества.

В этом так называемом определении «оргастической потенции» слышится автобиографическое воспоминание «эталонной» ебли, испытанной Райхом с итальянкой во время войны.

Интимные наблюдения Райха были основаны на собственном опыте и на словесном описании пациентов:

> Согласно общему мнению среди потентных мужчин и женщин, наслаждение тем сильнее, чем медленнее и нежнее фрикции и чем более они гармоничны у партнёров. Это предполагает способность отождествления себя со своим партнёром.

Райх, в отличие от Фрейда, считал, что сублимация вовсе не является терапевтически достаточной для излечения и что с её помощью невозможно избавиться от сексуальных желаний. Райх признавался, что испытывал острые чувства физического дискомфорта, когда он не мог регулярно совокупляться, и это несмотря на его титаническую (но слаботворческую) работу. Так что следовал ещё один тривиальный вывод: ебля обязательно нужна, несмотря ни на какую сублимацию.

Райх первый делал акцент именно на гениталиях, и поэтому многие его коллеги среди психоаналитиков называли Райха аморальным, зная о его многочисленных любовных связях вне брака.

Но Райх рубил правду-матку, что истинная цель психотерапии – это сделать пациента способным к оргазму.

Вот вполне разумные цитаты из Райха, которые говорили, что он стоял на верном пути.

> Очевидно, что антисоциальные и разрушительные импульсы, которые наполняют подсознание, становятся опасны, если эта биологическая энергия не может разрядиться из-за преграждённого сексуального пути.

> …Человек, способный на сексуальное удовлетворение, никогда не бывает садистом. Таким образом, садистское поведение – это указатель на подавленность естественной сексуальности. Каждый кажущийся спонтанным разрушительный поступок является реакцией организма на неудовлетворённость жизненной необходимости – в особенности сексуальных нужд.

Итак, психическое заболевание – и это не вызывало сомнений

– есть результат сексуального подавления. Психоанализ в теории и терапии призывал к прекращению подавления сексуальных инстинктов. Следующим вопросом являлся такой: а что произойдёт с освобожденными от подавления инстинктами?

Согласно психоанализу, они осуждаются обществом и сублимируются. Психоанализ избегал упоминать об удовлетворении инстинктов, потому что бессознательное рассматривалось как опасные, асоциальные, извращённые импульсы.

Кардинальный вопрос, которым задавался Райх, смотря в корень: является ли подавление секса необходимым компонентом развития культуры?

Райх отвечал так:

> Мои исследования убедили меня, что сексуально удовлетворённый человек является более продуктивным в сфере культуры.
>
> Если сексуальное наслаждение есть основа человеческой жизни, то тогда должно быть рациональное распределение наслаждений подобно тому, как рационально распространение товаров происходит в экономике.

Примечательно, что, исследуя оргазм и ставя его на такую высоту, Райх доверялся лишь его неизбежно лживым или уж во всяком случае неточным описаниям пациентов. Он никогда не наблюдал его на пациентах (за исключением случаев, когда он их соблазнял или они его). Тогда как, казалось бы, лучшим лечением было бы дать пациенту – хорошую бабу, а пациентке – мужика (гомосексуализмом Райх мало интересовался). И тогда психоаналитические разговоры свелись бы к минимуму. А то анализ превращается в кормление соловья баснями. Все эти психоаналисты по сути своей – это Крыловы с Лафонтенами и эзопами. Ведь всё, что у Райха имелось в наличии – это лишь его собственный сексуальный опыт с оргазмами, а тогда каждый может быть, но не учёным, – для которого нужны массовые систематические эксперименты, – а лишь писателем и в лучшем случае – философом. Но для того времени сам разговор об оргазме был уже чрезвычайно революционным. Потом Кинси ставил людские эксперименты (см с. 211–236 наст, изд.), о которых он тоже не мог открыто говорить, а лишь снимал на плёнку и прятал её, и только Masters and Johnson впервые описали наблюдения за оргазмирующими людьми в своей книге *Human Sexual Response*: устраивали научный вуайеризм и научные оргии, которые становились морально приемлемыми, подобно

тому как для женщины – раздвинуть ноги для незнакомого мужчины, если он – гинеколог.

Свои идеи по сексуальности Райх внедрял агрессивно и фанатично, чем продолжал вызывать во многих коллегах неприязнь и вражду.

Но как в СССР ссылка на Ленина обеспечивала твёрдость любого научного шага, так и Райх утверждал, что его идея оргастической потенции является лишь усилением идеи Фрейда об освобождении либидо от прегенитальной фиксации (оральной и анальной). Райх, мол, лишь фиксировал проблему на самих гениталиях.

Фрейд же (тогда ещё живой в отличие от Ленина) в конце концов высказался по поводу райховской оргазменной потенции в том плане, что «полный оргазм» не является исчерпывающим ответом. Всё равно, мол, остаются прегенитальные желания, которые не могут быть удовлетворены даже оргазмом. И главный вывод Фрейда: нет какой-то одной причины, которой можно было бы объяснить существование неврозов.

Длящимся возражением Райху является то, что даже среди «оргастическо потентных» людей имеются невротики и прочие психи.

Фрейд поначалу считал, что бессознательность желания является условием появления симптомов болезни, а выведение этого желания в область сознательного должно гарантировать излечение. Позже Фрейд понял, что этого тоже недостаточно. (Напрашивалось логическое – коль желание стало осознанным, теперь его надо удовлетворить, но выйти из кабинета психоаналитика и удовлетворить желание чаще всего было для пациента невозможно из-за повсеместных запретов или недоступности партнёра.)

Было даже замечено, что у многих пациентов наступает не улучшение, а ухудшение после выявления бессознательного желания (ещё бы – выявили, но не удовлетворили, а тем только раздразнили). Фрейд пытался объяснить это некой силой бессознательного «эго», которое не даёт пациенту испытать улучшение. Райх объяснил иначе: мол, эта сила выявила себя как физиологический страх наслаждения и органическая неспособность испытывать наслаждение – то, что Райх назвал отсутствием оргастической потенции.

Между тем Райх влюбился в 17-летнюю пациентку Анни, которая пришла к нему психоанализироваться, и женился на ней в 1922 году. Таким образом, он выудил себе из психоаналитической кушетки первую жену. Она впоследствии подвергала себя анализу у дочери Фрейда – Анны, чтобы

избавиться от мужнего влияния и получить, так сказать, объективный анализ.

Психоанализ по сути явился прекрасным мутным прудом, в котором ловили рыбку похотливые психоаналисты. Некоторые из них под предлогом экзаменации пациентов прикасались к их половым органам. А один, узнав, что его пациентка в целях предотвращения беременности практикует прерывание совокупления (страшное табу в психоанализе, из-за которого якобы возникала куча неврозов), воспользовался случаем и сам установил пациентке диафрагму. Так психоаналитик радостно переквалифицировался в гинеколога. А затем – и в любовника.

Родители Анни хорошо надавили на 25-летнего Райха, поскольку он жениться не хотел, но всё-таки женился. Это послужило мощным стимулом для начала пропаганды Райхом добрачной половой жизни, что по сей день является революционным заявлением, особенно для США, несмотря на то, что подавляющее большинство ныне ебётся до брака. Однако открыто призывать к этому всё равно считается недопустимым.

Анни, жена Райха, вовсе не восторгалась направлением работы, которую избрал её муж, – копание в оргазмах, но поначалу она особо не сопротивлялась – тоже ведь врачом была как-никак.

В 1927 году Райх сам подхватил туберкулёз и провёл несколько месяцев в санатории в Швейцарии, но ему удалось вылечиться. Райха охватила сильная депрессия, и вполне возможно, что туберкулёза-то и не было, а было охлаждение к нему Фрейда, смерть брата и проблемы семейной жизни. Райх попросил Фрейда, чтобы тот его лично проанализировал (среди психоаналитиков этот обряд – как среди обезьян искать блох друг у друга), но Фрейд отказался, что стало для Райха ещё одним ударом.

Многие считали, что именно после возвращения из санатория Райх свихнулся, стал обозлённым и подозрительным.

К 1928 году у Райха уже народилось две дочери. Оба родителя были практикующими врачами, так что они делали хорошие деньги и держали манек и ванек для ухода за детьми, а сами работали не покладая языков.

К середине 20-х годов Райх стал посвящать большое количество времени и жертвовать немалые деньги на поддержку левых молодёжных движений.

Он читал еженедельные лекции для молодёжи о вреде воздержания, о контрацепции, легализации абортов, о внебрачной и добрачной половой жизни.

Райх выступал против института брака, который он назвал

пожизненной принудительной моногамией.

А воздержание до брака он считал одной из главных причин, почему браки становятся средоточием сексуальных страданий.

Браки, учил Райх, разрушаются в результате углубления противоречия между сексуальными нуждами и экономическими условиями. Сексуальные нужды могут быть удовлетворены одним партнёром лишь в течение какого-то ограниченного периода времени, а потом невыносимо начинает хотеться новенького. С другой стороны, экономические условия, мораль и привычка требуют постоянства отношений.

Сексуальное партнёрство и дружба заменяются в браке отцовскими и материнскими отношениями, а также обоюдным рабством и зависимостью, что, по сути, является замаскированным инцестом. Так с ораторским мастерством убеждал Райх.

Всё это настолько возбуждало молодёжь, что начальник соцдемократической партии, под эгидой которой проводились эти лекции, был вынужден их прекратить. Партия также не хотела терять голоса правоверных католиков, которые относились нетерпимо к либерализации секса.

В 1927 году Райх стал участвовать в левых демонстрациях и штудировать Маркса и Энгельса. Он симпатизировал коммунистам и записался в группу врачей, близких компартии. Однако Райх понимал, что коммунисты, призывавшие к революции, численно и по влиянию значительно меньше и слабее, чем социал-демократы, к которым он принадлежал. Но ему нравилась политика коммунистов – на силовые приёмы правых отвечать такой же силой. (Райх от иудейства своего отмахивался, а иудейский принцип «око за око» в коммунистическом изложении полюбил.)

С помощью анализа, верил Райх, можно освободить индивидуума от внутренних препон и высвободить поток естественных энергий, а с помощью радикальных социалистов и коммунистов удастся освободить массы от внешних притеснений и высвободить естественную социальную гармонию народа, создав бесклассовое общество, запруженное по горло сексуальной свободой.

Помимо участия в демонстрациях, Райх решил помочь народным массам в их сексуальных проблемах. (Попутно черпая свеженьких любовниц.) Общаясь с простым людом, он узнал, что народные представители гораздо более открыты и прямы в сексуальных вопросах, в отличие от утончённых пациентов высших классов. (Невелико открытие – почитай любой фольклор и сравни его с романами из серии «Своими руками» или «Что и

кого делать?».)

В 1929 году Райх открыл клиники сексуальной гигиены для рабочих и служащих. Там работали психоаналитики и гинекологи. Райх лечил множество юношей и девушек, ещё не достигших совершеннолетия, и можно легко представить Райха прожорливым козлом в бесплатном огороде. К скорой ебле располагали словоблудное лечение и обсуждаемые с клиентами темочки: преждевременное семяизвержение, фригидность, стыдливость, депрессия, контрацепция, а также и российская проблема: отсутствие места, где можно было бы проводить время с партнёром. Большинство молодёжи мастурбировало. Но Райх отрицал правомерность мастурбации, называя её, по антимастурбатору Лоренсу (D. H. Lawrence),

жалкой подменой любви.

Вместе с тем Райх выступал за легализацию детской мастурбации в противовес общей позиции психоанализа и нравственности, утверждавших, что это плохо и ребёнка нужно либо отваживать от мастурбации, либо отвлекать на полезные дела. Но что может быть более полезным и необходимым для ребёнка, чем мастурбация? Райх считал, что родители должны не наказывать мастурбирующего ребёнка, а поощрять его.

Об этом он держал речь в 1930 году на собрании Всемирной Лиги Сексуальных Реформ (да-да, именно той Лиги, куда Остап Бендер советовал обратиться Паниковскому, который жаловался, что его девушки не любят).

В течение всей своей деятельности Райх проводил различие между терпимостью к проявлениям детской сексуальности и одобрением её. Он считал, что терпимость только углубляет мистику секса, окружает его молчанием.

Точно такое же приветливое отношение Райх выказал и к детским гетеросексуальным играм. (Гомосексуальные детские игры, столь же популярные, Райх не включил в список разрешённого.)

Райх считал, что нагота детей даже в присутствии взрослых должна восприниматься само собой разумеющейся (Кинси был следующим, кто выступал за такой нудизм). Например, когда купаются на пляже или принимают ванну.

Райх также считал вполне нормальным, если ребёнок увидит родителей совокупляющимися, он был убеждён, что никакой душевной травмы от этого не будет.

Цель подавления в детях и подростках сексуальности – это сделать их слепо подчиняющимися родителям и обществу. Таким образом, формирование негативного сексуального характера (то

есть сексуальной забитости) является реальной, хотя и бессознательной целью образования.

А вот сексуально негативный характер лишает взрослого человека «оргастической потенции» – и пошли неврозы и прочая шизофрения.

Выступая против «пожизненной принудительной моногамии», Райх предвидел преобразование института брака в череду последовательных моногамий – того, что сейчас стало общим местом: boyfriends– girlfriends, а также многократные браки и разводы.

Райх ввёл термин «сексуальное отупение» – то, что происходит с течением времени с любой некогда страстно влюблённой парой. Здоровые люди умеют осознать этот эффект, и поэтому им проще контролировать стремление к новизне, если оно не слишком сильно и если имеющиеся отношения приносят им радость. Райх любил говорить, что любовные отношения характеризуются их качеством, а не их продолжительностью.

Райх также выступал за экономическое равенство женщин, которое позволило бы им свободнее распоряжаться удовлетворением своих сексуальных потребностей, а также против предрассудков, позволяющих мужчинам ходить на сторону, но не допускающих это для женщин. Райх боролся с мифом, что женщины сексуально пассивны в отличие от мужчин. Однако следует иметь в виду, что в то время не он один боролся за эти свободы, а имелось немало учёных и видных деятелей в Европе, которые провозглашали подобные истины.

И при всём этом либерализме Райха по отношению к женщинам ревность всегда держала его за горло крепкой хваткой, часто перекрывая дыхание, особо необходимое для работы мозгов.

Из капиталистического далёка марксисту Райху казалось, что в Советском Союзе проводится либеральная сексуальная политика, которой нужно учиться и воспроизводить в Европе. Летом 1929 года он поехал с женой на несколько недель в СССР, где читал лекции. (Интересно, удалось ли ему попробовать россиянок? И если да, сравнимы ли они были с итальянкой, которая потрясла его в молодости?)

Райх вернулся убеждённый, что только с помощью социальной революции можно сделать революцию сексуальную. Райха впечатлили в СССР упрощённая процедура разводов, легальные аборты, экономическое равенство женщин,

сексуально раскрепощённые детские коллективы —

уж не знаю, что он имел здесь в виду.

Так что Райх ещё больше возмечтал соединить Фрейда, решающего сексуальные вопросы на личном уровне, с Марксом, решающим их на уровне общественном.

(Александр Эткинд в своей истории психоанализа в России посвятил Райху и его визиту в Москву полторы страницы сбивчивого и поверхностного текста с фактическими ошибками.)

В письме Троцкому в 1933 году Райх объясняет возникновение реакционных сил в России остановкой в 1923 году сексуальной революции. К тому времени психоанализ уже встретил в СССР идеологический отпор, и Райху не удалось возродить сексуальную революцию в России, несмотря на свои пылкие лекции.

Райховские траты денег на пожертвования партии и на прочие дела вызвали растущее недовольство у его жены Анни – всё-таки два ребёнка и поддержание зажиточного образа жизни. При том, что Анни сама неплохо зарабатывала, денег не хватало на бытовые нужды.

Но Райх добывал любовниц через свою общественную работу, так что эти траты были для него поистине необходимыми.

Свои прогрессивные взгляды на воспитание детей Райх отрабатывал на своих собственных дочерях. Так, старшенькой Еве рассказали о деторождении, когда ей было года четыре, и она гордилась, когда дети старше её обращались к ней за сексуальной информацией.

Райх брал своих дочерей на коммунистические демонстрации. Девочки подчинялись через силу. На одной им приходилось скандировать со всеми: «Голод! Голод! Дайте нам хлеба!» Кто-то подошёл к Еве, ущипнул её за пухлую щёчку и сказал: «А ты ведь вовсе не голодаешь». И девочка подумала: это ведь правда, я не голодаю, но я лгу. Так что весь свой энтузиазм, которому Райх хотел подчинить всех, кто оказывался поблизости, в данном случае, как и во многих других, произвёл обратный эффект – его дочь Ева возненавидела политику на всю жизнь.

* * *

В сентябре 1930 года Райх переехал из Вены в Берлин. Причин для переезда было немало, и среди них главные: охлаждение к нему Фрейда и конфликт с социал-демократической партией. Чем больше Райх уходил в социальное из психоаналитического, тем меньше энтузиазма высказывал Фрейд по отношению к его деятельности. Радикальные политические взгляды Райха не нравились психоаналитикам и

самому Фрейду, ибо они были помехой в его научной работе и придавали психоанализу агрессивность.

Райх призывал к резким изменениям в сексуальной и экономической жизни общества, чтобы страну не захлестнула эпидемия неврозов. Фрейд же, напротив, придерживался мнения, что цивилизация строится именно на отречении от удовлетворения инстинктов.

Райха в конце концов исключили из социал-демократической партии за радикальность и нежелание компромисса с христианскими социалистами, а также за работу с коммунистами.

В Берлине Райх вступил в коммунистическую партию. Снова пошли доклады перед молодёжью о сексуальной политике, о фиаско буржуазной морали. Райх особо любил вещать на молодёжь – ему нравилось, когда ему смотрели в рот. Беря в рот.

Однажды беременная девчонка из Гитлерюгенда пришла к Райху, говоря, что слышала, мол, у «красных» есть доктора, которые могут помочь. Райх устроил, чтобы её роды прошли в должной обстановке. (Быть может, коммунист Райх испытывал особую «оргастическую потенцию», ебя девушку из Гитлерюгенда в оплату за помощь – но это лишь моя рабочая гипотеза.)

Всемирная лига сексуальных реформ была существенно ретроградnее Райха и выступала против его постулата, что каждый вправе вести такую сексуальную жизнь, какую партнёры хотят при условии, что они не наносят вред другим. Райха сразу обвинили в извращениях, а он парировал, что обвинение в извращениях – это типичная реакция сексуально не удовлетворённых людей на борьбу здоровых людей за сексуальное счастье.

Поэтому от Райха отмежёвывалась и эта многозначительная лига.

В начале тридцатых Райх стремился объединить сексуальные реформы с марксистской программой. Он уговорил коммунистических лидеров создать сексуально пропагандистскую организацию, которая включалась бы в культурные организации компартии. Свою организацию Райх назвал «Немецкая Ассоциация Пролетарской Сексполитики». Райх стал одним из её директоров. Первый съезд был проведён в Дюссельдорфе осенью 1931 года, где Райх представил программу из семи пунктов (заповедей?):

1. Свободное распространение и массовая пропаганда противозачаточных средств.
2. Отмена законов, запрещающих аборты. Обеспечение бесплатных абортов в народных больницах.

Финансовая и медицинская помощь беременным и кормящим матерям.

3. Отмена всех юридических различий между женатыми и неженатыми. Свобода развода. Уничтожение проституции, устраняя её экономические и сексэкономические причины. (Здесь уже сразу видно, что мужик свихнулся. – *М. А.*)

4. Устранение венерических заболеваний при помощи всеобщего сексуального образования.

5. Избежание неврозов и сексуальных проблем при помощи жизнеутверждающего образования. (Обеспечение сексуального удовлетворения подростков является основой профилактики неврозов.) Изучение принципов сексуальной педагогики. Организация терапевтических клиник.

6. Обучение докторов, учителей, социальных работников и пр. вопросам сексуальной гигиены.

7. Лечение, а не наказание за сексуальные проступки. Защита детей и подростков от совращения взрослыми.

Важным вопросом, резонирующим с российскими проблемами, являлся вопрос жилья. Райх провозглашал, что здоровая сексуальная жизнь предполагает возможность любовников находиться наедине без помех. Таким образом, необходимо предоставить квартиры всем нуждающимся, в том числе и молодёжи.

На первый съезд собралось 20 тысяч желающих сексуально освободиться. В общей сложности в движении участвовало 40 тысяч человек. Райх ездил по всей стране и помогал открывать клиники сексуального спасения утопающих в буржуазной морали.

Райх с самого начала увидел в Гитлере опасность в противовес большинству его однопартийцев, которые Гитлера не принимали всерьёз. Райх видел, как тот умело манипулирует людьми с консервативными моральными принципами, насаждёнными антисексуальным воспитанием в буржуазном обществе.

В свастике Райху виделись два переплетённых тела, что служило для него одним из примеров эффективности гитлеровской пропаганды.

Другую причину успеха Гитлера Райх видел в немецком обществе, где люди слепо и жадно подчиняются авторитету. А добиться этого удалось с помощью главного метода для вырабатывания подчинения у взрослых – подавления

сексуальности, когда они были маленькими детьми и подростками.

Райх полагал, что возможность добиться единства природы и культуры, работы и любви, морали и сексуальности останется лишь мечтанием до тех пор, пока человек будет осуждать биологическую нужду удовлетворять сексуальные желания. Истинная демократия и свобода тоже обречены на иллюзорное существование, пока эта нужда не будет удовлетворена. До тех пор будет преобладать лишь разрушение жизни с помощью порабощающего воспитания и войн.

Райх под впечатлением экономики Маркса ввёл термин «сексэкономика», который он определял как собрание знаний, описывающих распределение биологической энергии, подобно тому, как в марксизме экономика описывает распределение товаров. Райх считал, что рациональная сексуальная политика не отличается от экономической политики: там и там есть спрос и потребление.

Райх установил, что психическое здоровье зависит от оргазменной потенции, то есть способности человека отдаться максимальному возбуждению в сексуальном акте. Психическая болезнь, по Райху, – это результат нарушений естественной способности любить.

В случае оргазменной импотенции, которой страдает подавляющее большинство людей, сдерживание биологической энергии становится источником иррациональных поступков. Главным требованием для излечения психических отклонений является восстановление натуральной способности любви. (Или оргазма?)

А по большому счёту, психическая болезнь – это следствие сексуального хаоса в обществе. Исходя из всего этого, Райх хотел навести в обществе порядок.

Счастье в рамках культуры вообще и сексуальное счастье в частности являются, по Райху, истинным содержанием жизни, и оно должно быть целью любой практически реальной политики.

Однако коммунистические функционеры были против такого счастья и выражали недовольство, что Райх говорит только о сексе и ничего о классовой борьбе.

Между тем Райх написал детскую книжку для чтения детям от 8 до 12 лет. Фабула её такая: собираются вместе мальчики и девочки и начинают обсуждать, откуда берутся дети. Кто рассказывает про журавля, кто про капусту. Одна девочка предлагает спросить её родителей, которые, как она уверена, скажут правду. В несколько приёмов отец девочки объясняет

детям суть совокупления, подчёркивая наслаждение, которое оно даёт, причём он говорит о совокуплении не в контексте женитьбы или продолжения рода, а вообще. Он также объясняет детям суть противозачаточных мер. Дети торжествуют от полученных знаний. Однако одного из мальчиков жестоко наказывают родители, когда он рассказал им о своих познаниях. Дети помогают мальчику спрятаться от разгневанных родителей. А мальчик из страха начинает каяться. Но дети его спасают и от слабости духа. Весь рассказ напичкан политической подоплёкой, мол, если поверить аистовой или капустной лжи, то тогда поверишь и лжи капиталистов.

Райх хотел, чтобы эту и другие его просветительские книжки для детей и юношества опубликовала немецкая компартия. Но бдительные партийцы послали книжки в Москву на одобрение. Москва книжки одобрила и не возражала против их печати, но при условии, чтобы они печатались не в издательстве немецкой компартии, а на стороне.

Потом пошли партийные задержки и проволочки. Райх не выдержал и организовал собственное издательство, где и тиснул книжки. (Кстати, его психоаналитические статьи перестали печатать профессиональные журналы, так что он стал печатать свои работы сам, чем и занимался до конца жизни – никто его печатать не хотел.)

В 1932 году Райх по-серьёзному спутался с Эльзой Линденберг. Она была коммунистка, а также танцевала в Берлинском оперном театре. Красивой Эльзе исполнилось 25. Романтическое знакомство произошло в поезде, который вёз их на первомайскую демонстрацию. На демонстрации они шли рука об руку и, обнявшись, слушали скучную речь коммунистического лидера, в которой не понимали ни слова от взаимной похоти, мечтая, как бы поскорее добраться до кровати.

В конце семидесятых годов Эльза вспоминала об этом времени:

> Мы были убеждённые коммунисты и очень дисциплинированные. Какие же мы были идиоты!

Райх не скрывал своего романа от жены, и вскоре от брака ничего не осталось. Анни уехала в Прагу, где завела собственную медицинскую практику, а девочки жили с родителями жены. В итоге Анни вышла замуж за Томаса Рубинштейна, бывшего секретаря Керенского.

Старшая дочь Райха Ева вспоминает, что отец приводил её на семинары и не делал различия между взрослыми и ею. Этим, разумеется, возмущалась мать и её родители. Но это ещё ничего –

по пути с загородного пикника с Эльзой и Райхом Ева купалась обнажённая в озере вместе с ними.

Райхом всё более и более овладевали жуткие взрывы ревности и неудерживаемого гнева, если кто-то противоречил, критиковал его или если ему казалось, что его обманывают. Все должны были беспрекословно подчиняться его желаниям, делать, как он считает нужным.

Райх рассказал близкой знакомой о своём страхе, что он может сойти с ума.

В 1933 году Райха исключили из компартии за «контрреволюцию» – коммунисты заявили, что проблемы с оргазмом существуют только у буржуазии, но не у пролетариата.

А тут ещё и Еитлер победил на выборах. Райх, не долго думая, уехал в Копенгаген. Там в журнале перепечатали его статью про нудизм, и министр юстиции привлёк к ответственности журнал за порнографию. (Слава богу, с тех пор Копенгаген к порнографии значительно потеплел.) Редактор получил тюремный срок в сорок дней. А датские коммунисты обвинили Райха в предательстве редактора.

Несмотря на исключение из компартии, Райх продолжал считать себя коммунистом. Партию он ощущал как свой «второй дом» – она ему давала выход на общественную жизнь, на собственную значимость, на секс с юными девицами.

Посланцы Четвёртого интернационала Троцкого нанесли визит Райху, но он не почувствовал в них серьёзного интереса к его сексполитике, да и вообще Райх был против проституции, а значит, и против «проститутки Троцкого».

Из Дании Райху пришлось уехать в Швецию, а затем в Норвегию. Везде он плодил вокруг себя врагов и недовольных им.

С 1934 года Райх начал проводить биоэлектрические эксперименты, которые окончательно продемонстрировали, что он безнадёжно свихнулся. Райх получил доступ в лабораторию в университете Осло и задумал доказать, что электрический заряд на коже в эрогенных зонах повышается с повышением сексуального возбуждения (замер либидо). Деньги на исследования он брал из своих гонораров за психоанализ. Пациентов было хоть отбавляй, так как у Райха была репутация ученика Фрейда и большой опыт в этом деле.

Целью биоэлектрических экспериментов было количественно замерить наслаждение, то есть описать его электрическими единицами измерения. Райх приравнивал электрический заряд к возбуждению и замерял электрический потенциал на половых органах. Автор биографии не пишет – на чьих. Во время совокупления замеры сделать не удалось, так как электроды

навесить на нужные места не получилось по техническим причинам: возвратно-поступательные движения при совокуплении и электроды с зажимами входили в неразрешимое противоречие. Так что для эксперимента приходилось ограничиваться мастурбационным возбуждением и также поцелуями обнажённой парочки с невзаимодействующими гениталиями.

Райх разбил оргазм на четыре этапа, которые он посчитал универсальными, формулой жизни, годящейся в том числе и для описания деления клетки:

механическое напряжение —
биоэлектрический заряд —
биоэлектрическая разрядка —
механическое расслабление.

Оргазм рассматривался Райхом как накопление электрической энергии, а потом её разрядка.

Затем Райх сделал обратный ход: раз наслаждение связано с ростом электрической энергии, то тогда сексуальные проблемы возникают из-за ненормального распределения биоэнергии.

Несколько учёных поначалу заинтересовались экспериментами Райха, но, поставив собственные эксперименты, не смогли воспроизвести связь сексуального возбуждения с ростом электрического потенциала кожи в области эрогенной зоны. Более того, один видный учёный, который сначала благоволил к Райху, стал требовать его изгнания из Норвегии как нежелательного эмигранта, утверждая, что Райх совершенно неспособен к работе в области электрофизиологии. Неудивительно – ведь Райх не имел никакого опыта и весьма ограниченное количество знаний в этой области.

Дальше – больше: Райх придумал, что открыл промежуточное звено между живой и неживой материей, которое он назвал бионами.

Бионы, как описывал их Райх, – это микроскопические пузырьки, заряженные особой энергией. Бионы образуются из неживой неорганической материи посредством нагрева и разбухания, а потом размножаются, как бактерии. Бионы якобы возникают самопроизвольно на земле, как клетки возникают в опухолях рака, а также из гниющей органической материи.

Если раньше Райх занимался людьми, их сексуальностью, то теперь он ушёл в область совершенно ему чуждую, и на Райха стали смотреть как на одержимого и сумасшедшего.

Райх принялся изучать в микроскоп простейшие организмы, протозоа. Он пытался рассмотреть в них движение энергии на

самом начальном уровне, энергии, которая выказывает себя как при делении клетки, так и в оргазме.

Райх рассматривал пузырьки, которые образовывались от разложения травинки. Когда внутри пузырьков он замечал внутреннее движение, вращение или пульсацию, он называл их бионами.

Энергия, которая поселялась в бионах, навела его на ещё одну бредовую мысль – на существование оргонной энергии (разумеется, происходящей от оргазма и при оргазме). Эта энергия образует бионы – промежуточное звено между живой и неживой материей.

Сотрудники, учёные и прочие, кто поначалу присматривался к проектам Райха и даже давал деньги на исследования, вскоре разочаровывались и стали требовать деньги обратно. Возникали неприятные сцены, Райх бушевал.

Он обратился за грантом в Рокфеллеровский фонд в Париже, и ему отказали.

Когда Райх продемонстрировал свои бионы знаменитому норвежскому биологу, тот спокойно сказал, что это обыкновенные бактерии, попавшие под микроскоп из воздуха, он также указал, что Райх – невежда и не знает основ бактериологических и анатомических исследований. Такого рода оценки он получил не от одного учёного-биолога. Но Райх продолжал носиться со своими бионами как с писаной торбой.

Райх продолжал делать хорошие деньги, анализируя невротиков. Причём драл он с пациентов огромные деньги, и люди с готовностью платили. Технику анализа Райх модернизировал по-своему. Так как он изучал мышечные напряжения и расслабления, указывающие на наличие «панциря», то есть на сопротивление личности раскрытию её сексуальных тайн, то Райх анализировал пациентов в полуголом состоянии: мужчин в трусиках, а женщин в лифчике и трусиках. (Вот дорвался до дармовщинки, которая ещё ему приплачивала.) Этим он нарушал два кардинальных табу психоанализа: дотрагиваться до пациента и видеть пациента обнажённым.

То, что Райх делал, было не массажем – он просто пальцем нажимал на место напряжения мышц: на шее, спине, челюсти, груди, и это часто вызывало у пациента всплеск гнева или слёз. (У мужиков гнева – больно, а у женщин – слёз: не там нажал.) Райх начинал с мышц, наиболее далеко отстоящих от половых органов – лица, а надо-то было именно с половых органов начинать. Таким образом, физиогномия и восточные приёмы расслаблений приобретали новую райховскую интерпретацию.

Главная задача Райха оставалась прежней – добиться у

пациента оргастической потенции. Метод – сделать расслабон, чтобы поток наслаждения пошёл по всему телу, медленные движения (оргазменный рефлекс) во время терапии, и чтобы этот терапийный опыт проявил себя у пациента как оргастическая потенция, когда у него случится совокупление.

Одно время Райх даже хотел называть свою терапию как оргазмотерапию, но решил, что это будет слишком для впечатлительного народа.

По сути, Райх старался проимитировать половой акт во время терапии, тогда как еблю напрашивается лечить еблей, а не заменять её дурацкими нажатиями на разные обнажённые точки тела пациента. В этом состоит вся глупость терапии, ибо лучше один раз увидеть и почувствовать, чем сто раз услышать. Но об этом позже.

А пока в норвежской прессе начался шум о нарушении Райхом нравственности: его обвиняли в сексуальных отношениях с пациентами и стали появляться запросы и статьи, требующие выдворения Райха из Норвегии. Но за год до этого под давлением Советской власти Норвегия выслала Троцкого (с которым Райх встретился, но безрезультатно.) Так что в случае с Райхом норвежское правительство, раскаявшись в мягкотелости перед СССР, не хотело повторять ошибку и высылать учёного только за то, что норвежские учёные не соглашались с его методами и учениями.

Типичный анализ пациента, который делал Райх, состоял из пяти сессий в неделю, то есть поток денег у него ослабевал.

Если пациент осмеливался критиковать Райха (а пациентами бывали и его коллеги), то гневу его не было границ. Райх, кстати, считал, что люди, которые не могут свободно выказать свой гнев, не могут свободно конвульсировать в оргазме. Не потому ли он сам гнев свой демонстрировал часто и со всеми?

В 1934 году Райх официально развёлся с Анни, и в Норвегии жил с Эльзой, которая всячески ему помогала и во всём поддерживала. Попутно она учила хореографии рабочих. Когда она забеременела, Райх настоял на аборте, к её великому огорчению. После этого в их отношениях возникла неизлечимая трещина.

Дочки Райха под влиянием матери практически не приезжали в гости к отцу, так как Анни и её родители опасались преждевременной сексуальной активизации девочек под влиянием их либерального отца. Анни с детьми эмигрировали в США в июле 1938 года. (В 80-е годы Ева Райх, врач, всё ещё путешествовала по миру с лекциями о работах её отца) У неё

самой было ощущение, что отец вовлекал её в разные дела до того, как она была к этому готова.

Когда в 1937 году началась антирайховская газетная кампания в Норвегии, все заметили в нём разительную перемену – он стал вымещать свою злобу на близких и на своих пациентах. Пример его неразумного поведения даётся биографом малоубедительный – Райх переспал с красивой актрисой, которая пришла к нему анализироваться именно с целью его соблазнить. Когда Райх порвал их связь, актриса была так взбешена, что хотела передать в газеты подробности их связи и её еле уговорили этого не делать.

Когда Райха обвиняли в неэтичности связей со своими пациентками, он отвечал вполне разумно:

– Мужчина должен иногда делать глупости.

Сумасшедший, сумасшедший, а иногда прямо в точку попадал.

Эльза тоже сообщала, что после открытия бионов Райх стал совершенно нетерпимым, злым и ревнивым. Если раньше она могла критиковать его, то теперь нельзя было произнести и слова критики. Ревность к Эльзе стала безмерной. Это Райх, борец за права женщин, требовал, чтобы она бросила работу и была безраздельно с ним, а в 1938 году он побил композитора, в чьём балете она участвовала, подозревая, что он её любовник. Скандал еле замяли, чтобы не подключать полицию. Причём это всё происходило на фоне райховского романа с молоденькой дизайнершей Еерд Бергерсен, которую он, ранее неудачливую с мужчинами, обучил сексу, да так, что она испугалась своей похоти, полностью овладевшей ею и разрушительно на неё действующей. Повинуясь страху перед захватившей её похотью, Еерд прекратила отношения с Райхом.

В 1939 году Райх решил эмигрировать в США, его пригласил туда его бывший пациент-психоаналитик. В августе Райх один уплыл в Штаты, Эльза с ним ехать отказалась. А в сентябре началась мировая война. Сепаратный договор СССР с гитлеровской Германией до конца убедил Райха в том, что он утверждал уже несколько лет: обещания русской революции оказались невыполненными.

* * *

Райх поселился в предместье Нью-Йорка, снял дом в Forest Hills, в подвале которого устроил лабораторию. Люди работали

на него бесплатно или почти бесплатно, зачарованные его идеями оргазма (видно, мечтали научиться получить натурой и в изобилии). Опасаясь врагов, Райх ходил по дому с пистолетом на ремне.

Вскоре Райх познакомился с Илсе Оллендорф, эмигранткой из Германии, тоже левой и разведённой. Райх предложил ей работать на него и быстро подмял под себя, а она только об этом и мечтала, впечатлённая его представительностью и европейской известностью. Илсе не шла ни в какое сравнение с красотой и пылкостью Эльзы, но это было только на руку Райху. Илсе, готовая во всём ему помогать, оказалась единственной женщиной в его жизни, которая была не заинтересована психоанализом и не подвергалась анализу.

Райх следил за каждой мелочью своих дел, вникал во все детали, проверял каждый счёт и часто утверждал, что его обманывают.

Чтобы представиться американскому научному сообществу, Райх решил написать новую книгу под старым полюбившимся названием *Функция оргазма.* Книга с таким названием была издана в Германии в 1927 году. Теперь он решил её заново переписать. Тема оргазма, как говорил Райх, проходила в его жизни «красной нитью». И название книги для него было важно, чтобы это подчеркнуть.

У книги имелся подзаголовок: Том 1 *Открытие оргона.* Однако второго тома не последовало. В книге, изданной в 1942 году, подводился итог его работы до 1940 года, а об энергии «оргон» до этого он почти ничего не писал. Такие несоответствия его не смущали.

Чтобы опубликовать эту книгу, Райх и его преданный переводчик и сотрудник Теодор Вулф организовали издательство, потому что ни одно из существующих издательств не согласилось бы печатать такую книгу. Они также стали печатать научный ежеквартальный журнал – всё про то же. За несколько лет продалось только 450 экземпляров книги.

Райх отказывался проходить необходимые экзамены для получения медицинской лицензии в Нью-Йорке – он считал, что ему должны дать лицензию без экзаменов за его достижения в психотерапии.

А пока Райх всё более отдалялся от коммунизма. Когда на выборах президента Рузвельта, за которого он болел, коммунисты и социалисты выступили против, он выразил своё омерзение ими.

Анни с дочками тоже жили в Нью-Йорке, и она скрепя сердце позволяла редкие встречи дочерей с Райхом. Анни не исключала, что Райх мог соблазнить Гву, и опасалась его гипнотического

влияния на дочерей.

Двенадцатого декабря 1941 года ранним утром сотрудники ФБР явились в дом Райха и забрали его. Допрашивали три недели: его прежние коммунистические связи вызвали подозрение. Когда Райха выпустили, он был убеждён, что его взяли по доносу экс-жены и её друзей.

Он также активно подозревал, что Вульф и Илсе спутались, пока он сидел в тюрьме.

Эльза собралась приехать к Райху, но он написал ей письмо, горькое и обречённое, где уже не винил её, а лишь себя и предрекал себе горькую судьбу, что он умрёт один, как собака. Поэтому Райх не хотел, чтобы Эльза, рождённая для любви, веселья и радостной жизни, делила бы с ним эту судьбу.

* * *

Главным своим открытием Райх считал оргон – энергию, которую он назвал от слова «оргазм». Энергия эта, по Райху, излучается бионами. Он задумал её замерить, причём Райх почему-то решил, не приводя никаких доказательств, что эту энергию металл отражает, тогда как органический материал поглощает. Оргон, выдуманную энергию от выдуманных бионов, он наблюдал в синих сполохах, которые якобы порхали в тёмной комнате, где эти бионы хранились. Райх начал не с гипотезы, а с неколебимого убеждения в существовании оргазменной энергии «органа».

Он решил собрать эту энергию в кучку, а для этого построить коробку с глазком для наблюдения в одной из стенок. Все стороны этой коробки были изготовлены из слоёв металла и органического материала. Оргонная энергия, излучаемая бионами, что помещены в этот домик, скапливалась в этом оргонном ящике, который Райх назвал аккумулятором. Райх смотрел в глазок и видел голубые сполохи. Но потом оказалось, что от этих сполохов не избавиться, даже если бионы из коробки убрать. Тогда Райха осенила идея, что оргонная энергия существует не только в бионах, но везде и повсюду (по принципу love is in the air[20]).

Статическое электричество Райх тоже считал проявлением органной энергии (пробежала искра по платью, когда его стягиваешь – вот тебе и оргазм, простите – оргон). Потом Райх уверился, что оргон убивает раковые клетки и различные бактерии.

Райх принялся замерять температуру внутри коробки-

аккумулятора и снаружи его и заметил, что внутри температура на градус с мелочью больше, чем снаружи у стенок.

Вдохновлённый, Райх увидел в этом неопровержимое доказательство скопления оргона в аккумуляторе и уверился, что открыл универсальную энергию мироздания.

В декабре 1940 года он написал письмо Эйнштейну в Принстон с просьбой о встрече с ним для обсуждения исследований оргонной энергии. Райх написал, что его открытие может помочь в борьбе с Гитлером. Эйнштейн клюнул – эта тема его волновала, и встреча произошла 13 января 1941-го в Принстоне. Со слов Райха встреча длилась якобы пять часов. Эйнштейн был весьма приветлив и согласился исследовать оргон, но для этого ему требовался в лаборатории маленький аккумулятор этой ебальной энергии. Райх его быстренько соорудил и уверился, что Эйнштейн теперь рука об руку будет с ним работать и вокруг них сплотится когорта великих учёных и пр., и пр.

Через две недели Райх притащил аккумулятор с собой и показывал Эйнштейну сполохи. Эйнштейн подтвердил, что тоже видит там сполохи, но заметил, что он также видит их в других тёмных местах и что это всё весьма субъективный зрительный феномен. Потом Райх рассказал Эйнштейну о результатах замеров температуры, на что Эйнштейн ответил, что такого быть не может, но если бы это оказалось правдой, то стало бы подтверждением революционного открытия. Эту шутку Райх воспринял всерьёз, что уже якобы революция им совершена, ибо он ведь там уже что-то намерил.

Райх начал измерять разницу температур внутри и снаружи аккумулятора и тыкал термометр в глаза Эйнштейну. Эйнштейн пятился и уклончиво говорил, что за этим эффектом ему надо понаблюдать самому. Райх откланялся, потирая ручки.

Вскоре Эйнштейн написал Райху письмо, сообщая, что причиной разницы температур является конвекция воздуха снаружи ящика и отсутствие таковой внутри его.

Райх тут же отписал Эйнштейну ответ на 25 страницах, приводя кучу сторонних фактов, а также взывая к срочности этих исследований, которые могут помочь раковым больным, а также жертвам войны.

Эйнштейн не ответил ни на это письмо, ни на несколько последовавших за ним.

После этого научного фиаско Райх гордо заявил, что ему не нужно ничьего признания, и с ещё большим энтузиазмом принялся за оргон.

Биоэлектрическая энергия, оргон, решил Райх, витает в

атмосфере, и это та же энергия, что и находится в человеке. Он решил, что люди болеют раком, потому что у них не хватает органа и если ракового больного посадить в органный аккумулятор, то наступит заметное улучшение (слово «выздоровление» у него ещё хватало ума не произносить). Так что Райх советовал использовать сидение в ящике аккумулятора в качестве профилактики и лечения рака, а также и других заболеваний.

Райх придумал термин «биопатология», которым он, в дополнение к раку, пользовался для описания сердечных заболеваний и шизофрении. Речь шла об эмоциональной структуре человека, которая определялась количеством имеющегося в теле оргона.

В мае 1941 года, после вдохновляющих экспериментов на мышах, Райх стал сажать в аккумуляторы людей, больных раком. Сидели по полчаса в большой, специально выстроенной коробке. Райх утверждал, что в результате пребывания в аккумуляторе гемоглобин у больных повышался, а опухоли уменьшались. С 1941 по 1943 год у него было всего 15 пациентов, и на основании этих считанных он делал глобальные выводы про терапевтические силы оргона. Причём ни один больной, несмотря на повышение гемоглобина, не вылечился, а все померли, но зато оздоровлённые органом в ящике.

Райх также утверждал, что лечение оргоном ускоряет заживление ран и ожогов.

Нарисовалось несколько врачей, подверженных влиянию Райха, или просто смышлёных бизнесменов, которые учуяли метод выжимания денег из наивных пациентов. Они стали покупать эти ящики у Райха, которые он стал изготавливать в специальной мастерской. Врачи эти утверждали, что сидение в аккумуляторных ящиках помогало излечиваться от простуды, ангины, повышенного давления, лёгочного туберкулёза, а также чесотки. То есть налицо было изобретение панацеи.

Автор биографии Райха, бывший его ученик, жену которого Райх сделал своей любовницей, имеет наглость сожалеть, что до сих пор слишком мало проведено исследований влияния оргонного аккумулятора. Ну не интересуются учёные аккумулятором оргона – и всё тут. Хотя от райховских оргазмов предательски не отказываются.

В Штатах, как и в Европе, главным источником существования для Райха была психотерапия. Он анализировал от 4 до 6 часов ежедневно и брал по 50 долларов за приём. А на свои бредовые идеи с 1936 по 1950 год он потратил 350 000 долларов. Ебал одних, чтобы наёбывать других.

Отсутствие всемирного признания его идей приводило Райха к разочарованию человеческим обществом. Свои наблюдения за ненавистным скоплением людей Райх свёл к следующим трём максимам:

> **1. Людские массы не способны быть свободными.**
>
> **2. Способность к свободе может быть обретена только с помощью ежедневной борьбы за свободную жизнь.**
>
> **3. Из этого следует, что массы, не способные к свободе, должны иметь руководящую социальную силу, если им когда-либо удастся обрести способность к свободе, а также к её созданию и поддержанию.**

Не шибко хитрые откровения, надо заметить.

Райх в своих писаниях подробно излагал личные социальные пристрастия. Он стремился навести порядок и установить контроль над иррациональным, неразумным. Райх считал, что свобода слова и прочие свободы, которые также даются иррациональным индивидуумам, обеспечивают возможность таким людям, как Гитлер, беспрепятственно побеждать. Свободу, полагал Райх, надо давать только рациональным людям (разумеется, он имел в виду прежде всего себя).

Райх возмущался, что нужно получать лицензию, чтобы стать парикмахером, но не нужно никакой лицензии, чтобы плодить детей негодным родителям, которые взращивают их невротиками. Все врачи и социальные работники, контактирующие с детьми, должны предъявлять доказательство своего сексэкономического здоровья.

Но кто будет определять сексуальное здоровье? Райх полагал, что это будут такие же сексуально здоровые люди, как он сам.

Гнев из-за отсутствия общественной реакции («убийство замалчиванием», как он выражался) на свою работу Райх обращал на «маленького человека», заражённого, как он называл, «эмоциональной чумой». (В российском лексиконе таких людей определяют словом «обыватель» и «мещанин».) Райх описывал заражённого этим недугом человека так:

> злостно сплетничающий о соседях, объединяющийся вместе с себе подобными, чтобы преследовать «аморального» человека.

Когда Илсе забеременела, Райх стал настаивать на аборте. Он не хотел, чтобы его работа пострадала от наличия ребёнка – это

всё, что его заботило. Но потом он вдруг передумал и снова с радостью стал отцом. В 1944 году у Райха и Илсе родился сын, которого назвали Питер. Райх за ним наблюдал не столько по-отцовски, сколько по-научному. Обыкновенная забота о ребёнке была ему не под силу. Однажды, когда потребовалось сменить памперс, Райх, оставшийся на некоторое время один с ребёнком, в панике бросился искать Илсе, чтобы она помогла ему в этом сложнейшем и страшнейшем деле.

Когда сын был двух недель от роду, Райх зафиксировал у Питера первый «оральный оргазм» (это только придумать?! – всё равно, что «анальный сарказм»). Открытие произошло во время кормления грудью. Райха осенило, что биоэнергия концентрируется в соске и во рту младенца. И вот в какой-то момент глазки Питера закатились, ротик начал трепетать вместе с языком, спазмы прошли по лицу – всё это заняло около десяти секунд. Потом мышцы на лице расслабились.

Наукообразное объяснение было таким: контакт рта младенца с соском матери является подобным контакту гениталий во время совокупления. Таким образом возникает соединение двух бионов через «радиационный мост».

Если есть психическая болезнь, называемая «философическая болезнь», симптом которой проявляется в бесконечных тривиальных умствованиях по любому поводу, то у Райха был клинический случай «научноватой болезни».

* * *

В 1949 году Райх организовал Оргономический Исследовательский Центр Младенцев. Этот центр состоял из самого Райха. Там он проповедовал (и правильно), что сразу после рождения ребёнок должен быть отдан матери – важен эмоциональный контакт (в то время новорожденного в американских больницах давали матери не сразу, как и в России). Райх также резко выступал против искусственной стимуляции родов, против обезболивающих лекарств, использующихся при родах, а также против применения щипцов для вытаскивания за голову младенца и против надрезов влагалища для облегчения выхода плода. То есть он выступал за натуральное и естественное. (Для этого вовсе не надо быть учёным-оргонологом, а лишь активным ненавистником лжи, кем и был Райх.) Центр Младенцев просуществовал недолго, и Райх консультировал всего 15 матерей.

Это движение к естественному, к исконному, данному нам

Богом, а потом извращённому иудо-христианской вкупе с мусульманской моралью, злободневно особенно сегодня на примере растущей народной одержимости к natural food – уходу от пичканья коров антибиотиками, растений – ядами, а еды – химией.

Ведь последовательная задача моралистаторов – всё нормальное считать извращением и наоборот. Вот несколько разительных и поразительных примеров, о которых я долдонил и раньше, но отрывочно, не собирая воедино. А здесь – соберу.

Уже больше столетия американская пищевая индустрия совместно с советской и прочими в мире работают, чтобы сделать еду невкусной и часто вредной, но зато дешёвой и бесконечно долго хранимой без видимой порчи. Потому американцы никогда не пили настоящего молока (кроме фермеров, имеющих собственных коров), они не ели настоящей колбасы (разве что ходили в маленькие магазинчики, где владельцы не подчиняются массовости изготовления мясного дерьма для толпы).

Последние годы до народа дошло, что всё время его травили, лишали истинного вкуса еды, и люд всё настойчивее отказывается покупать химикалии, упакованные в виде продуктов питания. Благодаря здоровому капитализму, сразу стали возникать магазины, где продают только неотравленные продукты, а в огромных супермаркетах химикалий стали выгораживать отделы для органической еды.

Но тяга к органическому, исконно природному ограничивается у американцев на уровне живота, а точнее – мочевого пузыря, и не опускается ниже, где по-прежнему процветает ужас перед богоданным.

Женские волосы на лобке стали устрашать мужчин, а женщины к мужчинам всегда подлаживаются, как к клиентам. Большинство нынешней порнографии, то есть то, что мужчин по определению возбуждает, состоит из женщин, у которых бритые лобки и большие губы. Если же ты хочешь посмотреть на женщин с волосатыми лобками, то они размещены в порнорубрике «извращения», вместе с поеданием дерьма. То есть даже для порнографии естественный вид женщин стал считаться ненормальным. Вот вам тихая победа ислама в США, который пускает свои эстетические щупальца – бритьё лобка.

Недавно вновь появившиеся призывы кормить детей грудью встретили возмущенную реакцию среди многих американских женщин, посчитавших, что тем самым посягают на их личные права. Нормальным они считают кормление младенцев не грудью, а «формулой». В самой этой фразе «кормление формулой» есть ужас от личины нормального, напяленной на

рожу искусственности. Женщины и здесь со своей якобы независимостью, с готовностью ложатся под мужские вкусы. Ведь у большинства американских мужчин кормление грудью и вид женского молока вызывает рвотный рефлекс и желание убежать от этого зрелища. И это считается вполне нормальным. Таких мужчин не лечат принудительно, надевая смирительные рубашки – они формируют сексуальные нравы общества.

Испокон веков самым правильным и прекрасным было, когда зрелая женщина учит любви пылкого отрока. Теперь это называется изнасилованием. Раньше мудрые матери сами устраивали такую учёбу для своих юных сыновей, чтобы те попали в опытные и добрые женские руки и научились уму-разуму для будущей жизни. Нынешние матери, узнав, что их сына обучает умелая женщина, доносят на неё в полицию, и её бросают в тюрьму на долгий срок, как за убийство.

Когда мужчина мирно, вежливо и без насилия предлагает женщине наслаждение, то это теперь возмущает женщину и является уголовным преступлением. А ведь это самое естественное, что может предложить женщине мужчина, помимо денег. Если же мужчина предлагает женщине деньги, то его бросают в американскую тюрьму, где он по телевизору может смотреть на улыбающееся лицо старика Хью Хефнера, в окружении многочисленных купленных им юных блондиночек. Если же смотреть на этот групповой оплаченный секс станет невыносимо, заключённый может переключить канал и наслаждаться репортажами из борделей в Неваде, где в американской сексуальной пустыне разрешили вырастить оазис нормальных сексуальных отношений. Но стоит отъехать на десять миль в сторону, как тебя за то же человеческое желание, удовлетворённое за плату, предадут суду.

То есть американский оазис борделей – это единственное место, где человеку разрешают быть самим собой, а именно: беспрепятственно получать наслаждение, если у тебя есть возможность его оплатить.

Вместо того, чтобы, как прежде, окружать места квартирования солдат публичными домами, теперь, запретив проституцию, американцы дали выход солдатской похоти с помощью наёма в армию женщин. А женщины рвутся в армию, чтобы быть окружёнными избыточным вниманием мужчин, которого они были лишены на гражданке.

Мой знакомый работает компьютерщиком в государственной организации. Я послал ему адрес своего сайта, чтоб позабавился, и он рассказал мне о его посещении.

– Как только я открыл сайт, то в глаза бросилось слово erotic. Я сразу сайт закрыл. У нас за этим следят, и если увидят, что ты на порно или эротическом сайте, то сразу увольняют. Причём ты можешь не прийти на работу, и тебя простят, ты можешь явиться пьяным или под наркотиками, и тебя пошлют бесплатно лечиться, ты можешь нахамить начальнику, и он не посмеет тебя уволить без решения специальной комиссии, которая определит, виновен ли я и по какой причине я хамил. Но чуть заметят секс – и тебя сразу увольняют. Почему?.. – *задался неразрешимым вопросом мой приятель.*

Вот о такие стены лжи и лицемерия бился головой Райх, пока его голова не подвела. Ему приходилось говорить об оргазме в те времена, когда открытый разговор, эксперименты и наблюдения за оргазмом были уж слишком против шерсти общества. А ведь оргазм – это самое естественное человеческое наслаждение (в отличие от искусственных – алкоголя и наркотиков), которое до сих пор многими считается самым противоестественным, постыдным и грязным.

* * *

Райх женился на Илсе в 1945 году по совету адвоката, ибо женатому получить американское гражданство было значительно легче, чем сожительствующему с женщиной вне брака. Бракосочетание являло из себя гражданскую церемонию без знакомых и родственников, а в качестве свидетелей позвали прохожих. Райх объявил Илсе, что они разведутся сразу, как получат гражданство. Институт брака Райх преданно ненавидел.

Он получил гражданство в 1946 году, но по неизвестным причинам они продолжали оставаться женатыми.

В 1947 году Илсе поехала в Англию навестить свою мать и брата, а Райх немедля завёл интрижку. Но когда Илсе вернулась, он ей устроил грандиозный скандал и расследование по поводу её возможных измен в Англии.

С дочками у Райха были напряжённые отношения. Когда младшая, Лори, сюрпризом нанесла ему визит после долгой разлуки, он отказался её принять под предлогом того, что у него распухла челюсть от вырванного зуба. Лори была глубоко оскорблена и с тех пор прервала все контакты с отцом.

В конце 1948 года Райх организовал «Американскую

Ассоциацию Медицинской Оргономии». Двадцать один врач стали членами. В уставе этой Ассоциации Райх писал:

> **Мы опираемся на знания, а не на форму, на исследования, а не на пустые законы, на факты, а не на звания, на глубинные знания в человеке о законах жизни, а не на политиков, на любовь, а не на свидетельство о браке, на хорошо проделанную работу, а не на мнение других об этой работе…**

Райх всё больше отстранялся от внерабочего общения с людьми. Он был погружён в работу, которая, как он считал, должна изменить мир. Райх не принимал участия ни в каких вечеринках, он возненавидел пустые разговоры и бесполезную трату времени.

* * *

Райх утверждал, что его открытие космической оргонной энергии решило проблему Бога и эфира, ибо оргонная энергия, подобно Богу и эфиру, находится везде и проникает во всё.

Биограф Райха пишет, что видел его разработки двигателя на основе оргонной энергии (ещё один вечный двигатель). Схема этого двигателя была такова: аккумулятор органа соединён с колесом, которое приводилось во вращение электрической энергией, а потом подключалась оргонная. Но так как Райх боялся, что его идею украдут, он ничего о двигателе не опубликовал.

В штате Мэн, среди лесов, на холме у пруда Райх построил большой дом и назвал его Органоном. Там он соорудил себе научную лабораторию. Выбирая название Органон, должен же был широко образованный Райх знать об аристотелевском Органоне и бэконовском Новом Органоне и потому небось умышленно притирался к знаменитым ассоциациям.

В 1950 году Райх и ещё шесть человек его помощников переехали в Органон на постоянное место жительства. Помимо Илсе туда поехала его дочь Ева, она к тому времени закончила медицинское образование, и её интерес к работе отца постоянно рос.

Райх напродавал около двухсот пятидесяти аккумуляторов, и им заинтересовалась государственная организация, следящая, среди всего прочего, и за шарлатанами в медицине (FDA – Food and Drug Administration). Они начали расследование аккумуляторной деятельности Райха.

Следующая бредовая идея, которая охватила Райха, устанавливала связь между ядерной и оргонной энергией. Он возымел убеждённость, что оргонной энергией можно нейтрализовать вредное действие излучения и таким образом лечить от лучевой болезни.

Для эксперимента над мышами Райх заказал два миллиграмма чистого радия. Один миллиграмм он засадил в свой аккумулятор, а другой оставил снаружи для сравнения, рассчитывая, что тот миллиграмм радия, что помещён в оргонном аккумуляторе, будет забит оргонной энергией. Но в результате счётчик Гейгера зашкалил, Райх и его сотрудники облучились, несмотря на свинцовые предосторожности. Как и следовало ожидать, придуманная оргонная энергия никак не влияла на ядерную.

Вот такими физическими экспериментами занимался психоаналитик без всякой подготовки в физике.

У Илсе вскоре обнаружили рак матки. Илсе посчитала причиной этой болезни облучение радием.

В марте 1952 года пришлось всех эвакуировать из Оргонона, так как счётчик Гейгера продолжал зашкаливать. Жильцы Оргонона переселились в дома и квартиры в ближайших городках.

Следующая идея Райха была уж совсем умопомрачительно гениальна – высасывать оргонную энергию из облаков с помощью длинных металлических труб, соединённых кабелем с глубоким колодцем. Таким образом он вознамерился, в зависимости от направления труб, или уничтожать тучи высасыванием из них энергии, или нагонять тучи на небо.

Райх сообщил в Национальное бюро погоды, что он собирается проводить эксперименты по модификации погоды, но никаких статистически убедительных результатов, разумеется, ему добиться не удалось.

Илсе отсутствовала шесть недель: операция в Нью-Йорке и поправка после неё. Райх использовал это время, чтобы организовать развод и даже не поехал к Илсе, матери своего ребёнка, поддержать в такое тяжёлое время, будучи к тому же ещё и причиной её болезни. Райх не хотел прерывать с ней отношения, а считал, что поддерживать их будет легче, если его не будет давить свидетельство о браке. Развод состоялся 13 сентября 1951 года.

А между тем Райх начал совокупляться со своей подчинённой. Когда Илсе вернулась, она была оскорблена и удручена этой новой связью Райха, однако, несмотря на это, никто не хотел разрыва отношений, и им удалось прожить втроём

три года – уж не знаю, в постели ли втроём, но в одном доме.

Однако всё это не мешало Райху устраивать жестокие скандалы ревности Илсе за то, что она якобы спала с Вульфом, который предоставил ей жильё, где она набиралась сил после операции.

Новой любовнице тоже перепадало его ревности.

Биограф находит причины безумной ревности Райха в его неотанализированной гомоэротичности. Он вспоминает, как однажды признался Райху во время анализа, как к нему стал приставать гомосек и как неловко от этого себя анализируемый почувствовал. На это Райх гордо заявил:

> Ко мне никогда не приставали гомосеки – они чувствуют, что во мне этого нет.

Биограф удивился, как антианализаторски бестактно и непрофессионально прозвучало это замечание – оно осуждало и зацикливало пациента.

В итоге – самого своего преданного помощника Вульфа Райх оскорбительно ревновал, требуя от него покаяний. Вульф не выдержал хамства и прервал отношения с Райхом и вскоре покончил жизнь самоубийством. Быть может, для такого решения было множество причин, но уж слишком много вокруг Райха образовывалось трупов. Никаких сожалений Райх не высказал, бросив, что Вульф оказался жертвой «эмоциональной чумы».

Живя в Оргононе, Райх почти прекратил аналитическую практику и все доходы шли от продаж аккумулятора оргона.

В 1951 году у Райха произошёл первый сердечный удар. Он был уверен, что это явилось следствием эксперимента с радием, для которого он тоже придумал научное название, коим я уже не хочу перегружать этот обзор.

Райх пролежал месяц в постели, в депрессии из-за того, что не мог продолжать свою научную работу. Зато с перепугу прекратил курить, чем занимался с остервенением всю жизнь без всякого передыха. В больницу ехать он категорически отказался и лечился своей органотерапией. Никому из близких и знакомых он не доверял, подозревая всех в злом умысле, и к нему приехала Ева, чтобы ухаживать за ним.

Когда Райх выздоровел, всё вновь пошло по тому же кругу.

Несколько раз он бил Илсе и однажды ударил её в присутствии своего десятилетнего сына. Другой раз он дал ей такую оплеуху, что повредил ей барабанную перепонку.

Райх пребывал в уверенности, что вокруг него плетут козни «красные фашисты», но что в правительстве США у него есть свои покровители, и прежде всего сам президент Эйзенхауэр, который

является его тайным другом, а также что самолёты военно-воздушных сил, пролетавшие над Оргононом, доказывали, что Райха охраняют и заботятся о его безопасности.

Летающие тарелки, о которых стали писать в прессе, он считал причиной провала его ядерного эксперимента с радием.

Некоторые друзья Райха, ещё с европейских времён, видели его умопомрачение и советовали ему лечиться. Но он допускал возможность лечения только у того, кто бы полностью разделял его идеи, а таких врачей не было. И поэтому о лечении для Райха не могло быть и речи.

* * *

После долгих добросовестных исследований аккумулятора органа в лучших клиниках США Государственная комиссия в феврале 1954 года вынесла запрет на изготовление и использование этого пустого чёрного ящика. Эксперты-медики, которые были наняты для исследований, диву давались, как всерьёз можно изучать это шарлатанство.

Органная энергия была объявлена комиссией несуществующей, а органные аккумуляторы – бесполезными. Помимо запрета на продажу этих ящиков, литература, в которой упоминался оргон, была сочтена рекламной литературой для продажи оргонного аккумулятора, а потому тоже запрещена к распространению.

Взбешённый Райх принялся писать нудные и длинные письма в разные инстанции, включая судью, который должен был слушать дело. На суде Райху была предоставлена возможность высказать свои аргументы против заключений комиссии.

Он же отказался признавать правомочность комиссии решать научные вопросы и отказался явиться на суд. Таким образом, Райх автоматически проиграл дело, и было вынесено решение об уничтожении всех аккумуляторов и рекламной литературы. Причём уничтожать должны были сам Райх и его сотрудники в присутствии представителей Food and Drug Administration.

Райх, находящийся в перманентном бешенстве, стал угрожать, что он докажет существование органа тем, что с помощью своих трубок вызовет наводнения и засухи. Где-то действительно пошёл дождь, и Райх послал злорадные телеграммы Президенту США, Эдгару Хуверу, и в *Associated Press.* В остальном погода оставалась без существенных изменений.

Чтобы обжаловать решение суда, Райх подал петицию в Верховный суд США, но суд отказался рассматривать это дело.

Посреди юридического провала Райху удалось соблазнить жену автора биографии, у которой был малый ребёнок, – диву даёшься, с какой благожелательностью биограф после всего этого описывает Райха, его сумасшедшие идеи и дела. Видно, у самого биографа были гомосексуальные поползновения на Райха – недаром же он латентный гомосексуализм у Райха ущучил.

Несмотря на решение суда об уничтожении аккумуляторов и литературы, их рекламирующей, Райх, думая, что всех перехитрит, переправил имевшиеся аккумуляторы к своему коллеге в Нью-Йорк, а с ним договорился, чтобы тот в случае чего сказал, что якобы сам их забрал без ведома Райха.

FDA следующим шагом, затягивающим петлю, подало на Райха в суд за невыполнение решений суда. Тут уже Райх на суд явился как миленький. Суд состоялся 6 марта 1956 года. Но вместо того, чтобы дать объяснения, почему он не выполнил решение суда, Райх, выступая сам как собственный адвокат, стал нести чушь о презумпции науки и обвинял FDA, которая якобы нарушает американскую Конституцию, а также о высших покровителях и прочей лирике, не имеющей отношения к сути дела: факте невыполнения решения суда. Присяжным потребовалось совещаться всего лишь минут пятнадцать, чтобы единогласно признать Райха виновным по всем пунктам.

Приговор должен был быть объявлен 25 мая 1956 года. А пока, выпущенный под залог, Райх развлекался со своей новой любовницей, почитательницей, лет на двадцать его моложе. Она даже за Райха замуж рвалась, и он было согласился, даже документы брачного договора подготовили, но так почему-то и не женились.

Перед оглашением приговора Райх попросил судью зачитать его письменное обращение, что судья и сделал. В обращении Райх разглагольствовал о «красных фашистах», преследующих его по указанию Москвы. Судья вынес приговор Райху – два года тюрьмы.

Следует сказать, что судья ещё при первом появлении Райха хотел сделать ему психическое освидетельствование. Судья посоветовался об этом с Илсе. Та отговорила судью это делать, так как Райх воспринял бы освидетельствование как сверхоскорбление и всё пошло бы вразнос.

Райх подал обжалование на тех же бредовых основаниях, и, естественно, высшая инстанция оставила решение суда в силе.

Возмущение кучкообразных сторонников Райха, связанное с последовавшим сжиганием его книг, вызывает, конечно, некоторое сочувствие от воспоминаний о сожжении книг Райха нацистами. Но по сути – это стандартная акция охраны здоровья

от шарлатанов, от вреда, который приносит шарлатанство больным, вселяя в них ложные надежды и опустошая их карманы.

(Было множество случаев, когда чрезмерно религиозные родители отказывались лечить своего ребёнка, уповая на молитву и доброту Бога. Дети умирали. Не следует ли и религию считать за шарлатанство, когда она используется вместо медицины, а не является лишь теологией, как оргономика – лишь теорией. Как только религию начинают применять в терапевтических целях, она сразу подпадает под категорию медицины, и тут уже вступают в силу критерии полезности, реальности, а на этих основаниях можно уничтожать всю литературу, где слово «Бог» используется в лечебных целях. Так уничтожали все книги Райха, где фигурировало слово «оргон».)

Подобно Фрейду, Райх всегда рассматривал ненависть, с которой относятся к его работе, как знак того, что он задел открытый нерв. Однако он уже давно не задевал нерв, поскольку забросил оргазм в пользу мировой универсальной энергии. Райх уже вызывал не столько ненависть, сколько раздражение и недоумение.

Сумасшествие Райха выражалось также и в том, что он не хотел, чтобы его называли евреем. Он гордился, что избежал «еврейского шовинизма» и воспитывал своих детей в интернациональном духе.

Двадцать пятого февраля 1957 года Верховный суд отказался от пересмотра решения суда низшей инстанции. Райх побежал в ФБР, чтобы обвинить в шпионаже следователей, которые занимались его делом, а также требовал личного свидания с Эдгаром Хувером. Но, разумеется, тщетно в обоих случаях.

В своих рассылаемых в разные инстанции письмах Райх пугал, что если его посадят в тюрьму, то весь мир лишится возможности узнать об открытом им уравнении, связывающем пространство и отрицательную гравитацию. Эта формула якобы у него в голове и никому не известна. Райх был уверен, что если его посадят в тюрьму, то он там умрёт.

До помещения в тюрьму, а потом и в тюрьме его обследовали государственные психиатры, и оба поставили диагноз: мания величия и паранойя.

Находясь в тюрьме, Райх утверждал, что Бог и оргонная энергия – это одно и то же (вариант знаменитого постулата: Бог – это любовь).

Третьего ноября 1957 года Райх умер во сне от инфаркта.

Краткое сообщение о его смерти появилось в журнале *Time*. Его там называли изобретателем прибора, который якобы вылечивал рак, простуду и импотенцию. Ни в одном

профессиональном психиатрическом журнале не сказали ни слова о его смерти.

На похоронах в его поместье в штате Мэн присутствовало около пятидесяти человек из его друзей, учеников и молчаливых почитателей.

Райх оставил детальные распоряжения своих похорон. Никакой религиозной церемонии. Играет пластинка с *Аве Мария* Шуберта.

За год до своей смерти он купил для себя гроб. Он также выбрал место захоронения, смотрящее на горы и озёра. Также он выбрал простое гранитное надгробье со словами: William Reich. Родился 24 марта 1897. Умер__

Сейчас там проводятся экскурсии и даже конференции.

В итоге можно привести афоризм Райха, который точно обращён к нему самому:

> Великий человек знает, когда и в чём он зауряден. А заурядный человек не знает, что он заурядный, и боится это узнать.

* * *

Взирая с высоты двадцать первого века на жизнь и дела Райха, я прихожу к выводу, что он был средненький сексуальный теоретик, который обзавёлся бредовыми идеями в дополнение к разумным, а произошло это, как мне представляется, потому, что он не смог или не посмел реализовать свои разумные идеи. Вследствие этого из-за возникшей неудовлетворённости Райх придумал идеи бредовые, воплощать которые было безопасней, хотя и бесполезней.

Интересно, что немногочисленные последователи Райха до сих пор не способны или просто не желают отделять его разумные идеи от бредовых и продолжают долдонить про оргон и аккумуляторы органа, предлагая инструкции, как их делать самим.

Я, будучи литератором, а не учёным, в отличие от Райха, любую свою идею преподношу с усмешкой, тогда как учёный лишается чувства юмора, когда говорит об идее, которой он одержим.

Например, и у меня есть бредовая идея (и не одна), что возвратно-поступательное движение есть основа жизни. Оно, необходимое для достижения оргазма, по сути, является прообразом спазм в оргазме. Возвратно-поступательное движение

– это, по сути же, бег на месте. В результате такого движения не происходит перемещения в пространстве (все остаются на своих местах), а только во времени. Возвратно-поступательное движение есть прообраз круга, основы бытия.

Концентрация на феномене оргазма и его панацейности для психического здоровья могла бы быть решающей, если бы оргазм был сколько-нибудь продолжительным. К сожалению, оргазм и приближение к нему длятся лишь минуты, а после него наступает время, по своей длительности значительно превышающее оргазм, и поэтому встаёт насущная задача, как и чем это время между оргазмами заполнять. Психоанализ и Райх этим не занимались. Потому-то и возникает необходимость иметь интересное дело жизни, на которое бросает солнечный отсвет радостный обильный оргазм или на которое бросает тень отсутствие такового. Потому-то люди с целью в жизни могут страдать от отсутствия соитий, но продолжать жить полноценно, а люди, счастливо ебущиеся, но не знающие, чем себя занять между еблей, маются жизнью и часто уходят из неё преждевременно, стараясь продлевать эйфорию с помощью искусственных средств.

Вот Райх «открыл» прелесть оргазма с желанной и пылкой женщиной, благодаря своей связи с прекрасной итальянкой. Он понял, к чему нужно стремиться самому и к чему вести своих пациентов. Если уж ты осмелился договориться до главного, то надо бы на это и жать, причём делами, а не только словами. Необходимо было обеспечить обилие и доступность партнёров, с которыми можно до этого идеального оргазма добираться. Казалось бы, проституция может частично решить этот вопрос, но Райх выступал против неё и за экономическую независимость женщин. Для мужчин – это был удар в поддых. Это как же без покупной любви – зачем тогда деньги нужны? И это как же, чтобы женщина не нуждалась в деньгах? А зачем тогда нужны мужчины?

Но самое главное, что являлось и продолжает являться препятствием к идеальным оргазмам – это сексуальный стыд вместе с насаждаемой оскопляющей верностью и обучением «греховности и грязи» секса. Райх понимал, что в свободном воспитании детей кроется их счастливое сексуальное будущее, а значит, и сексуальное будущее человечества. Косвенно это, конечно, способствовало уничтожению стыда и греховности секса. Но саму борьбу с сексуальным стыдом Райх не затрагивал.

Одна из великих функций порнографии, которую Райх тоже не любил, хотя определения порнографии я у него не нашёл, – это избавление от стыда её потребителей (не говоря уже об участниках и творцах порнографии). Приучение к естественности зрелища половых органов и их взаимодействий – это ещё один

гвоздь, вбиваемый в гроб сексуального стыда. Порнография – это «луч света в тёмном царстве» стыда – ведь даже в наше время многие пары совокупляются в темноте и не представляют, как выглядят половые органы друг у друга.

Среди причин женской неспособности достигнуть оргазма, а также осознанного или неосознанного избегания женщиной оргазма Райх приводит такие: страх выпустить газы или струю мочи во время оргазма, страх «попасть под власть мужчины», страх получить увечье и пр. В результате этих страхов возникают спазмы влагалища, чтобы предотвратить введение члена. Стараясь избежать оргазма, некоторые женщины лежат неподвижно, другие, наоборот, двигаются слишком быстро (чтобы заставить мужчину кончить побыстрей). С той же целью женщины задерживают дыхание, не позволяя себе дышать глубоко, что бы способствовало росту возбуждения.

Райх писал:

> Если человечество мечтает и поэтизирует сексуальное счастье, то почему бы не взяться за осуществление этой мечты?

Но сам по психоаналитической традиции вместо осуществления лишь словесничал.

Самым эффективным лечением женщины, избегающей оргазма, было бы – предоставить ей умелого и привлекательного для неё мужчину, который бы под руководством Райха (или при его участии) стал бы женщину заверять на деле, что если она выпустит струйку мочи, то это будет ему лишь в наслаждение, так же как и звук выхода и запах её газов. Что подпадание «под власть мужчины» сразу же снимается другим мужчиной, который займётся ею сразу после этого. Короче, заниматься не болтовнёй, а показательной и примерной еблей. Райх в некоторых случаях этим занимался, когда он перепихивался со своими пациентками, но лечение делом, а не словом надо было сделать главным методом для всех пациентов. Но на него и так ополчились за безнравственность и пускали слухи, что у него на приёмах происходят оргии.

Однако именно они и должны были происходить. Кабинету психоаналитика следовало бы состоять вовсе не из кушетки с одетым или – в случае Райха – полураздетым невротиком, а из огромной многоспальной кровати. Психоаналитическая клиника должна быть оазисом, где пациенты учатся быть сексуально освобождёнными. Болтовня должна использоваться лишь для объяснения пользы происходящих там магических действий. А магические действия имеют цель сорвать с пациента не только

одежду, но и стыд, предрассудки, заблуждения. То есть не только освободить, но и удовлетворить его сексуальные желания. Мастера-мужчины и мастерицы-женщины воспитывают пациентов в течение не часа, а дней, обучая их не стесняться наготы, естественных отправлений, приваживают к многочисленным оргазмам, смене партнёров – то есть демонстрируют, что все сексуальные табу – это мыльные, но ядовитые пузыри и что вот он – святой оазис на земле, где возможно счастливо совокупляться. Другими словами, психоанализ должен, сказав А, говорить Б и осуществлять психосинтез (соития).

Уж коль кардиолог лечит сердце, то было бы странным, если бы лечение ограничивалось разговором.

Так и психоаналитик, который, по Райху, прежде всего нацелен обеспечить «правильный» оргазм у пациента, не смеет ограничиваться лишь разговорами об оргазме. Пациент, испытав все эти радости и освободившись от стыда, моногамной верности и ощущений греховности, пойдёт в прежнюю жизнь и устроит свой собственный оазис по образу и подобию испытанного.

Психоанализ выволок наружу сексуальность, а уж додумавшись до повсеместности секса и признавшись в нём, надо было не продолжать болтать, а творить сексуальные оазисы в пустыне общества. Если Райх ближе всех для своего времени подошёл к оргазму, то с него и больше всех спрашивалось – предоставить практическое применение осознанного.

В итоге больше всего женщинам помогали не болтуны-психоаналитики, а гинекологи, которые с давних времён занимались тем, что мастурбацией доводили пациенток до оргазма, успешно леча их оргазмом от истерии и прочих неврозов – см. *GE.* 2005. № 131.

А то что же в психоанализе и особенно у Райха получалось? – пациента максимально возбуждали описанием идеальных оргазмов, а потом, после окончания приёма, выбрасывали разгорячённых психоневротиков в мир, мол, добывай себе сам не омрачённый стыдом и грехом оргазм в мире, ополчённом против секса, где тебе за это не поздоровится.

Существует великая разница между тем, чтобы осмелиться воскликнуть, что королева голая, и тем, чтобы, осознав это, броситься и выебать королеву. То есть смелость и способность сказать вслух очевидное, всеми в глубине души знаемое, или воплотить это знаемое в наслаждение – вот уж совершенно разные уровни смелости и способности.

Трагедия Райха, обернувшаяся сумасшествием, произошла оттого, что он, вместо добывания оргазмов для своих пациентов, принялся за замеры параметров оргазма и оправдывание его с

помощью выдумки органа – ибо существование этой энергии было бы индульгенцией для его греховного и грязного, с точки зрения общества, славословия оргазма.

Но Райху пришлось уступить непробиваемому человеческому обществу, и вследствие этого он по своим грандиозным притязаниям стал невесёлой пародией на Фрейда и Эйнштейна.

А пока дело его кое-как живёт среди его одержимых последователей, которые видят в нём пророка. Но это уже – обыкновенная религиозная история.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОЛЕЗНЫЕ САЙТЫ:

1. Fury On Earth. A Biography Of Wilhelm Reich by Myron Sharaf. New York: St Martins Press/Marek, 1983. 550 p. ISBN 0312313705.

2. Wilhelm Reich The Function of the orgasm. Sex-Economic Problems of Biological Energy. Translation by Vincent R. Carfangno. New York: The Noonday Press, 1999. 400 p. ISBN 0-374-50204-8

3. *Александр Эткинд.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: «Медуза», 1993. 464 с. ISBN 5-87775-01-1

4. http://orgone.org

5. http://www.orgonelab.org

6. http://www.orgonomicscience.org

7. http://www.wilhelmreichtrust.org

«…Подтёр Шопена…» (Музыкальный момент)

Сидели мы раз за Чайковским и Балакиревали. Закусывал я Бизе со Сметаной. Вдруг у меня в животе Пуччини и во двор Паганини. Я надел Шуберта, вышел во Дворжак, от ветра – Шуман. Повесил я Шуберта на Шостаковича, присел на Мусоргского – Бах, Бах… Навалил я Могучую кучку. Взял Лист, подтёр Шопена. Возвращаюсь, а мне говорят: «*У тебя на сапоге Глинка*». *Я почесал Бородина и отвечаю*: «*Это не Глинка, а Гуно*».

Детский эротический фольклор

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2007. № 150.

Одно из моих самых ранних музыкальных воспоминаний – это вальсы Шопена, которые играла на пианино моя мама.

Когда я пошёл в первый класс, у нас в школе оказалось два кружка: кружок танцев и кружок игры на фортепьяно. Родители спросили меня, в какой кружок я хочу записаться, я без сомнения выбрал танцы – там были девочки. Но родители решили, что игра на рояле будет поважней, тем более что у нас в столовой подпирало стену расстроенное пианино *Красный Октябрь*. Родители убедили меня, что с музыкой жить лучше, чем с танцами, и я внял им без боя. Семь лет я отбренчал на пианино, и кое-какие факты из этого периода попали в мой рассказ «Любимый вальс». (См. мой «кирпич» *Чтоб знали*!)

Только к концу седьмого года, уступив моим настоятельным просьбам, моя учительница музыки позволила мне разобрать один из самых технически простых вальсов Шопена – музыкальным талантом я, увы, не обладал, а лишь настойчивостью.

Однако моей главной целью была *Фантазия-экспромт*, которую я услышал в каком-то фильме с Максимиллианом Шеллом, где герой исполнял эту волшебную вещь. Затем в библиотеке пионерского лагеря я наткнулся на роман Джорджа Дюмарье *Трильби*, где злодей Свенгали гипнотизировал красотку и та под гипнозом виртуозно исполняла сложнейшие музыкальные произведения и в том числе шопеновскую *Фантазию-экспромт*.

Когда я заикнулся о ней учительнице, она сказала, что это

слишком сложная для меня вещь.

После седьмого класса я перешёл в другую школу и мои уроки музыки закончились. Однако дома я продолжал сам тренькать, благо имелись дореволюционные ноты – толстый том избранного Шопена, по которым играла мама. Я разобрал *Фантазию-экспромт* и играл её корявыми пальцами, к своему собственному удовольствию. Так же я курочил и один из полонезов Шопена.

В день моего восемнадцатилетия родители устроили дома большое сборище всевозможных родственников и близких знакомых. Они хотели похвастаться перед ними совершеннолетним сыном, и я задумал исполнить перед гостями *Фантазию-экспромт*. К сожалению, ко времени моего выступления я уже выпил несколько рюмок водки, чего раньше в таком количестве никогда не делал, и, оказавшись у клавиатуры, к своему удивлению, обнаружил, что пальцы меня совершенно не слушаются. Так моё первое и последнее публичное исполнение Шопена торжественно не состоялось. Однако это фиаско не повлияло на мою безответную любовь к музыке Шопена, которую я перестал играть, но продолжал слушать.

В Штатах я узнал, что *Фантазию-экспромт* (которая, кстати, была издана только посмертно, так как Шопен это своё произведение не жаловал) переделали в популярную песню. Быструю часть было под силу исполнять только Трильби, а песня заимствовала только медленную, среднюю, часть, и называется она *I'm Always Chasing Rainbows*. Эту песню впервые исполнили в 1918 году, а потом в разных аранжировках её пели Judy Garland, Frank Sinatra, Barbara Streisand и многие другие. Разумеется, что большинству слушателей и в голову не приходит, что это – Шопен.

* * *

И вот вдруг меня потянуло разузнать подробнее о Шопене, а то что это за любовь без желания узнать обо всём, что связано с предметом твоей любви?

Набрал я книг (см. ниже) и стал читать. Биографий о Шопене написаны сотни, так что пересказывать писаное-переписаное не буду, а лишь кратко обозначу факты, мне интересные, и тогда станет понятно, что из них вышло.

Фредди Шопен, то есть Фредерик, умер в 39 лет в Париже от чахотки в 1849 году. А родился он, стало быть, в 1810-м. Папашка

его, француз, из низов, вырвался из своей французской деревушки в Польшу карьеру делать. Стал учить французскому у богатых и так опольшился и поляризировался, что даже в армии Костюшко служил, и во Францию больше никогда не вернулся, и все связи с ней прервал, хотя у него там родственников навалом осталось. Всем врал, что они погибли во время Французской революции, – так он своё крестьянское происхождение скрывал, а может, ещё что.

Женился он на бедной дворянке, Шопен был вторым ребёнком – три остальные были девочки, и одна из них умерла от чахотки, когда ей исполнилось только 14 лет. Быть может, она и заразила братца чахоткой.

А любопытно, скольких своих знакомых, учеников и прочих сам Шопен заразил своим туберкулёзом?..

Шопен был классическим вундеркиндом – в семь лет сочинил марш, который так понравился наместнику русского царя в Варшаве, Великому князю Константину, что тот стал под этот марш солдат гонять на парадах. А когда этот (или другой?) военный самодур из российских оккупационных войск впадал в злокачественную депрессию, он вызывал маленького Шопена, чтобы тот его лечил музыкой.

Потом пошли концерты, слава, сочинительство. Вскоре маленький Шопенчик явно перерос Варшаву, а затем и Вену и в 1931 году устремился в Париж – завоёвывать Францию, папашкину родину. Но Шопен уже никогда не вернётся на свою родину в Польшу. Круг, как и полагается ему, замкнулся.

В Париже Шопену крупно повезло – через Ротшильдов он попал в высший свет, тоже как учитель, но не языка, как отец, а музыки, причём для самых богатых и знатных. Зашибал он огромную деньгу, был законодателем моды, денди. Бабы не него вешались. Но не забудем главного – Шопен сочинял и исполнял музыку. Причём божественную. С Богом у него был контакт напрямую, потому он в церковь не ходил, перед иконами не молился и только, когда умирал, его детский приятель-поп вынудил его, немощного, покаяться и согласиться на поповские церемонии, которые они отправляют над умирающими.

Это было время грандиозных оркестровых композиций, а Шопен писал будуарную «женственную» музыку. (Некоторые пианисты мирового класса в наше время отказываются исполнять его произведения, мужчины – чтобы не потерять своей мужественности, а женщины – чтобы не впадать в стереотип пианистки-женщины.)

Исполнять перед большими толпами он панически боялся и

потому в основном играл на интимных светских междусобойчиках. Бальзак и прочие утверждали, что импровизации Шопена были гораздо сильнее, чем его оконченные работы.

Главной шопеновской любовью-страстью-напастью была Жорж Занд – самая знаменитая женщина и писательница Франции того времени. Побыв вместе года четыре, они расстались.

Богатая ученица-почитательница-шотландка свозила Шопена на несколько месяцев в Лондон и Шотландию (это вместо Италии – будто нарочно чахоточного убить захотела), он еле-еле вернулся в Париж и там вскоре умер.

А теперь забавные детали. Разумеется, сексуальные.

Многие называли Шопена ангелом, а его музыку – ангельской. Быть ангелом – значит быть бесполым («бесполым» его называла дочка Жорж Занд). Желание представить его именно таким основано на желании сделать его символом польско-мировой культуры, а символом культуры не может быть ёбарь. Чем меньше в человеке сексуальности, тем больше шансов у него стать святым.

Шопен в своей переписке был весьма сексуально сдержан, то есть вообще там секса не было никакого. А писать письма он любил и по многу. Современники тоже не замечали за ним ебливости. Хотя в отрочестве он активно приударял за девочками, назначал им свидания, но когда он влюбился в Констанцию Гладковскую, 19-летнюю студентку оперного класса – а было это перед самым отъездом в Париж, – Шопен в течение года наблюдал за ней издали, не в силах подойти и представиться. Просил друзей передавать ей письма, бегал от неё, переживал и только за несколько дней до отъезда он осмелился с ней встретиться и что-то там сказать и даже обменяться кольцами. Стали ли они любовниками? Скорее всего нет. То есть в Париж, как многие утверждают, он уезжал девственником.

Ходят слухи, основанные опять-таки на письмах Шопена, что у него были гомосексуальные отношения – учился он в мужской школе и даже из Парижа писал страстные письма другу Титусу Войчековскому. Шопен обращается к нему: «моя любовь, моя жизнь» и выдавал и такое:

> Я собираюсь помыться, так что пока не целуй меня, я ещё не вымылся. А ты? Даже если я умащусь византийскими маслами, ты всё равно не поцеловал бы меня, если бы я тебя не заставил каким-либо магическим способом… Тебе будет сниться сегодня, что ты меня

целуешь.

Или эдакое:

> …я знаю, что ты не любишь, когда тебя целуют, но уж позволь мне сегодня поцеловать тебя.

Увы, ни одного письма Титуса Шопену не сохранилось.

Приводя эти цитаты из писем Шопена Титусу, все авторы старательно оговариваются, что не было никаких прямых доказательств гомосексуальности Шопена (то есть фотографий и видеозаписей) и что в то время было обычным для поляков проявлять жаркую эмоциональность в переписке со своими друзьями мужского пола.

Как бы там ни было, но это волнует лишь тех, кто рвётся делать из Шопена ангела. Я же из него никого не делаю – пусть ебётся с кем хочет в фантазиях историков и идеологов и тем делает их жизнь кошмаром.

По пути в Париж «ангел» прихватил какую-то венерическую болезнь – скорее всего, французский насморк (чтобы офранцузиться ко въезду в Париж). Некая Тереза наградила его недугом и заодно лишила его гипотетической девственности, которую он блюл до 21 года. Вот что пишет Шопен, оглядывая свежим взглядом любовную жизнь Парижа:

> …столько добрых женщин гоняются за тобой. Но я так сожалею о полученном подарке от Терезы, несмотря на попытки Бенедикта, который посчитал моё несчастье столь незначительным. Мне нельзя пробовать запретный плод.

Бенедикт, возможно, был доктором. Так что недаром Шопен в том же письме описывает, как на каждом шагу, гуляя по Парижу, он замечает объявления о лечении венерических заболеваний.

После упоминания о своей неприятности Шопен пишет с сожалением:

> Я уже познакомился с несколькими певицами – и они, даже в большей степени, чем тирольские, хотели бы петь дуэтом.

Из-за своего заболевания Шопен был вынужден отклонить предложение хорошенькой соседки прийти погреться к ней у камина, когда её муж находился в отлучке.

(Венерические заболевания в то время в Париже были весьма

распространены, так, шопеновские коллеги Паганини и Шуман страдали от запущенного сифилиса.)

Если и впрямь Шопен в двадцать лет покинул Варшаву девственником и его первая женщина Тереза, о которой больше нигде не упоминается впоследствии, наградила его триппером, то это был весьма болезненный первый шаг в гетеросексуальный мир. Но по тону в письме Шопена не чувствуется, чтобы он впал в панику или отчаянье.

А вот биограф Zamoiski (4) вообще не упоминает о Терезе, и нежелание Шопена попробовать запретный плод соседки он приписывает чахотке Шопена – и таким образом с Шопена снимается «грязное обвинение» в гонорее.

Мода на Шопена как на учителя музыки, блестящего композитора и исполнителя обеспечивала ему нескончаемый поток красивых и знатных учениц, которые его боготворили. Будучи козлом в огороде, трудно представить, чтобы он их не пригубливал. Уж слишком против здравого смысла и мужского здравия шло бы. (Шопен, почти каждую свою вещь посвящал кому-нибудь. Так, моя любимая *Fantaisie-Impromptu Opus No. 66,* созданная в 1835 году, посвящена Baroness d'Est. Ни в одной книге, ни на Интернете я не смог найти о ней ничего, кроме того, что она была ученицей Шопена. Но если просто ученица, то с какой стати посвящать ей свои вещи? А может, он посвящал только тем ученицам, с кем переспал?) Однако самое любопытное, что Шопен не посвятил ни одной своей вещи Жорж Занд.

Зато имеются сведения ещё об одной романтической, теоретической любви – Мария Водзинская, бывшая ученица, которой он сделал предложение, но мать девушки быстро раскусила, что из Шопена муж никудышный и спустила помолвку, которая держалась в тайне, на тормозах. Шопен жутко переживал и писал по этому поводу прекрасную музыку.

Примечательна фигура постоянно маячившего около Шопена маркиза де Кюстина. Да, да, того самого, который посетил Россию в 1839 году и написал свои проницательные путевые заметки, которые поставили Россию на должное место в сознании многих людей.

В 1824 году де Кюстин был избит кавалеристами и выброшен голым на мостовую из-за того, что он сделал гомосексуальное предложение одному из солдат. Это событие сделало де Кюстина на время парией в обществе. А до всего этого с ним произошли трагедии – смерть жены и сына-младенца. Но де Кюстин вышел из этого скандала триумвиратором, опять завоевав популярность – красивый, чисто выбритый, с литературным талантом и связями в

свете. Да, чуть не забыл – богатый ещё.

Де Кюстин держал весьма влиятельный литературный и музыкальный салон, куда он завлёк Шопена. Шопен не раз приезжал музицировать в роскошный особняк де Кюстина, где тот проживал с постоянным любовником-англичанином, беря время от времени непостоянных. Известно приглашение де Кюстина Шопену на вечер 4 мая 1835 года, где присутствовали Гюго и Ламартин. Де Кюстин обращался к Шопену как хороший приятель: Dear Chopinet. Причём приветствие на приглашении было таким:

> Выражение дружбы, предназначенное для друзей, которых он любит.

Утверждают, что Шопен интересовал де Кюстина только как знаменитость. Ну-ну.

Жизнеопределяющее женское знакомство Шопена с Жорж Занд произошло 24 октября 1836 года на приёме, который устроил Лист и его любовница Мари д'Агулт. Шопену в то время ни много ни мало – 26 лет. Жоржик шокировала свет, являясь в мужской одежде и куря сигары. Объясняют, что она начала одеваться в мужскую одежду, чтобы к ней не приставали мужики, когда она ходила на галёрки на театральные представления. Певец Nouriitt писал о парочке Шопен – Занд:

> Я их очень люблю, ибо он так напоминает изысканную леди, а она – идеального джентльмена.

Жорж Занд на шесть лет старше Шопена. Но он предпочитал таких женщин – они за ним ходили как матери. Удобно. Занд тоже была падка на любовников моложе себя.

Жоржик писала роман за романом, гребла деньги, воспитывала сына и дочку, на которую Шопен не мог не посматривать как на наполняющуюся соками женщину. Летом Шопен ездил к ней на дачу – в старинный особняк – и там сочинял вальс за вальсом и мазурку за мазуркой.

Большинство долгосрочных любовников Жоржика были хилыми, немощными и больными, так что она испытывала угрызения совести, что её похоть их убивает, но зато ходила за ними как мать, нянька и врач одновременно.

Но она уж точно обучила Шопена «премудростям любви», то есть как удовлетворять женщину. Ненавидя эгоистичных в наслаждении мужчин начиная с мужа, она задавала такой вопрос своему итальянскому любовнику:

> Когда я удовлетворю твою похоть, будешь ли ты знать, как отблагодарить меня?

Но, видно, всё равно мужчины оказывались неблагодарными. Только актриса, с которой она была в связи, знала, как её ублажить. Лист писал, что

> Жорж Занд презирает мужчин в большей степени, чем Дон-Жуан презирал женщин.

И было за что.

По её свидетельствам, сексуальная жизнь с Шопеном быстро прекратилась, и отношения их перешли в дружеские, включая выхаживание больного из очередного приступа болезни.

Многие биографы считают, что Шопен начал свои отношения с Занд, будучи девственником, – его приключение с трипперной Терезой – не в счёт.

Когда Занд и Шопен расстались, её место тут же заняла бывшая ученица и тайная почитательница Шопена, знатная шотландская богачка Джейн Стерлинг. В то время ей было 44 года. Джейн ненавидела Занд и даже не пустила на порог посыльного, которого та отправила проведать о здоровье Шопена. Джейн никогда не была замужем, хотя была недурна собой, но в Шопене, если верить его письмам, она не вызывала ничего, кроме благодарности и уважения. Джейн же мечтала выйти за него замуж и таскала по замкам своих знакомых и родственников, пэров и лордов. Шопен мучился от чахотки, от грубых британских музыкальных нравов, от одиночества и подступающего безденежья. Так, одна великосветская британка взяла у него девять уроков и сыграла динамо, уехав из Лондона.

Вернувшись в Париж на последнем издыхании, Шопен через несколько месяцев умер среди друзей. Прознав о его тяжёлом состоянии, в Париж из каких-то курортов примчалась его бывшая ученица, знатная красавица, как её называли «Дон-Жуан в юбке», прекрасная певица Дельфина Потоцкая. Она по просьбе умирающего Шопена успела пропеть ему прощальное. Вот в связи с ней и начинается самое интересное – то, почему Провидение вдруг направило мой интерес на Шопена.

* * *

В одной биографии (1) приводятся извлечения из писем Шопена Дельфине Потоцкой, из которых неукоснительно следует, что они не только были любовниками, но что Шопен всячески

смаковал секс, раздумывал о нём и был славно обучен Потоцкой делу любви и хорошо подготовлен к встрече с Жорж Занд. В сей книге говорится, что письма эти были обнаружены только в двадцатом веке Полиной Черникой (Paulina Czernicka), исследовательницей Шопена и дальней родственницей Потоцкой. В других книгах вообще ничего не говорится об этих знаменательных письмах, а кое-где о них лишь пренебрежительно упоминается как о подделке. Вот эти извлечения из писем Шопена Потоцкой с весьма занудными повторениями:

> …Я долго раздумывал над природой вдохновения и творчества и постепенно сделал важное открытие. Вдохновение, идеи приходят ко мне только тогда, когда у меня давно не было женщины. Когда же я всё из себя изливаю, то вдохновение покидает меня и ни одна музыкальная идея не приходит мне в голову. Подумай, как странно и замечательно это устроено – энергия, которую я трачу на оплодотворение женщины, на создание жизни внутри неё, оказывается той же самой энергией, которая создаёт произведение искусства. Это та же драгоценная жидкость, создающая жизнь, и мужчина растрачивает её ради мгновенья наслаждения.
>
> Та же самая сила управляет научными работами, и учёные, которые посвящают себя исследованиям и открытиям, держатся в стороне от женщин (*как бы не так – читай моего Эйнштейна на с. 385–409 в: Михаил Армалинский.* Что может быть лучше? М.: Ладомир, 2012. – *М. А.*). Рецепт успеха оказывается простым – творческий человек должен избегать женщин, чтобы скопляющаяся в нём энергия не уходила из его яиц через член в женскую утробу, а шла в его мозг в форме вдохновения, что может обеспечить рождение великого произ-
>
> ведения искусства. Задумайся над этим – соблазн, который влечёт мужчин в женские объятия, может быть трансформирован во вдохновение! Но это справедливо только для тех, у кого есть талант, потому что если простой смертный решит жить без женщин, то он только будет сходить с ума от неудовлетворённого желания и всё равно не будет способен создать произведение искусства…
>
> Ты только представь, моя сладчайшая Финдела (*так Шопен звал Дельфину.* – М. А.), сколько драгоценной жидкости и энергии я бесцельно потратил, отделывая

тебя, – ведь я тебе не сделал ребёнка и только Бог знает, сколько замечательных музыкальных идей потеряны внутри тебя… Баллады, полонезы, даже целые концерты, быть может, навечно утеряны в твоей des durka (*эта фраза, напоминающая польскую «маленькая дырочка», Шопен придумал для ласкового обозначения пизды. – М. А.*).

Я настолько погружён в любовь к тебе, что я едва мог что-либо сочинять – вся моя творческая энергия ушла из моего члена и яичек прямо в твою des durka, и теперь ты носишь мою музыку в своей утробе…

Святые правы, когда говорят, что женщина – это ворота в ад. Нет, нет, беру свои слова обратно, я отрекаюсь от них. Но я не зачеркну их, потому что знаю – ты меня не оставишь в покое, пока не выпытаешь, что же я такое зачеркнул, а у меня нет времени переписывать письмо заново. Ты для меня – ворота в рай, ради тебя я откажусь от славы, от работы, от всего…

Я знаю, тебе нравятся мой член и яички, и после этого трактата ты должна зауважать их ещё больше, потому они не только источник наслаждения, но и источник моих достижений в искусстве. Высшее наслаждение, творение жизни, наука, искусство – всё исходит из них, всё могущественное, так что да здравствуют они!

О Финдела, только моя маленькая Финдела, как я жажду быть с тобой! Я дрожу и трепещу – такое ощущение, будто муравьи бегают по мне от мозга вниз к моему члену.

Когда ты наконец вернёшься, я прильну к тебе так крепко, что ты целую неделю не сможешь исторгнуть меня из своего нутра. Долой все эти вдохновения, идеи и произведения искусства.

Я придумал новый музыкальный термин вместо des durka. Отныне давай называть её «пауза». Позволь мне объяснить. В музыке пауза – это дырка в мелодии, то есть дыра в музыкальном смысле самым лучшим образом описывает des durka…

Целую всё твоё дорогое маленькое тельце и его нутро.

Твой преданный Фрисек, твой самый талантливый

ученик, который постиг искусство любви…

Дальше следует *PS*, где Шопен просит Дельфину родить от него ребёнка, который, как уверен Шопен, будет музыкантом ещё лучше, чем они.

А вот одно из учительских наставлений Шопена Дельфине:

> Будь осторожна с педалью, моя маленькая Финдела. Она, шельма, чувствительная и шумная одновременно. Относись к ней вежливо и с тактом, ибо она может быть полезна, но весьма нелегко завоевать её близость и любовь. Как светская дама, заботящаяся о своей репутации, она не уступит легко. Но когда она всё-таки уступит, она творит чудеса, как опытная любовница.

В другой книге (2) приводится ещё один отрывок из письма Шопена Потоцкой:

> Я всегда смотрю на красивых женщин с восхищением, и, если какая-то из них возбуждает во мне страсть, я затаскиваю её в постель… Этим женщинам я даю мою постель, моё тело и немножко моей животворной жидкости, но ни одной из них я не отдавал моё сердце.

И вот в книге Замойского (4) я обнаружил приложение, посвящённое происхождению этих писем. Вот о чём в нём рассказывается.

В 1939 году некая Paulina Czernicka связалась с *Радио Вильно* и сообщила, что у неё имеется несколько неопубликованных писем Шопена к Дельфине Потоцкой. Paulina Czernicka предложила радиостанции сделать программу, посвящённую этим письмам. Но тут началась война и стало не до этого.

В 1945-м появилась та же дама, живущая в то время в Западной Польше. На этот раз она обратилась на *Радио Познани* и прочла куски из так называемых писем Шопена Потоцкой. Это вызвало большой интерес, подстёгиваемый тем, что значительное количество польских архивов было уничтожено немцами. Но когда Черника опубликовала часть писем, то эротические откровения, которые излагаются Шопеном в порядке вещей, вызвали скандал. Начались громкие дебаты о том, мог ли Шопен написать такие эротические пассажи и была ли в действительности у него связь с Дельфиной Потоцкой.

Только что основанный в то время Институт Шопена попросил Чернику предоставить оригиналы, чтобы определить подлинность этих писем и опубликовать полностью такие драгоценные материалы. Черника подписала договор с

институтом, где обязалась предоставить оригиналы писем. Однако через несколько месяцев она заявила, что оригиналы «на данный момент потеряны», но что она предоставит их фотокопии. Черника объяснила пропажу тем, что в 1939 году несколько оригиналов она отдала французскому офицеру в Вильно, и что они находятся во Франции, но, мол, остальные оригиналы спрятаны в Польше и вскорости она их покажет. В день, когда Черника должна была доставить оригиналы в Варшаву, в Общество Фредерика Шопена, от неё пришла телеграмма, что якобы, пока она ожидала поезда, у неё из рук вырвали папку, в которой находились оригиналы. Вора, как утверждала Черника, подослали её родственники (потомки Потоцкой), которые не хотели, чтобы компрометирующие Шопена письма были напечатаны. Черника якобы предлагала и другие объяснения, согласно одному из которых оказывалось, что письма находятся в Австралии, а согласно другому – что они находятся у её тётки в Америке. Но никто так до сих пор оригиналов не нашёл.

Paulina Czernicka покончила с собой в 1949 году.

Черника утверждала, что она получила письма от одного из потомков Потоцкой. Давно ходили слухи, что у Потоцкой хранился ларец, где она держала письма от Шопена. Однако никто из родственников Черники не слыхал об этих письмах ни слова.

Из опросов (а скорее, из допросов свежевыпеченным польским КГБ) близких и знакомых Черники выяснилось, что она была психопаткой, вела «бездуховный образ жизни» (коммунистические формулировочки) и в семье Черники были сумасшедшие – её мать и оба брата тоже покончили с собой.

Сама Полина Черника якобы с малых лет повернулась на Шопене, сделала из него «культ личности» и собирала всё, что появлялось о нём в печати, короче, безумная – что с неё возьмёшь?

Через несколько лет после смерти Черники все её бумаги и среди них фотокопии писем Шопена были найдены. Их бросились изучать на предмет, являются ли они копиями истинных оригиналов.

Нашлось два полных письма, одно из которых датированное, и много фрагментов: стиль типично шопеновский, выражения – его, игра слов именно та, что присутствует и в других его письмах.

Однако обнаружили и много слов, которые использовались в современном смысле, а не в том, какой они несли во времена Шопена, нашли также заимствованные фразы из переписки современников.

Некоторые даты не совпадали в письмах с истинными событиями. Но больше всего якобы уличало то, что в письмах используется фрейдистская теория сублимации. Мол, такое понимание экономии энергии во времена Шопена существовать не могло. Но ведь и древние китайцы тоже были чрезвычайно озабочены потерей спермы, в которой якобы содержалась духовная сила мужчины.

Письма дали известному графологу на экспертизу, и тот сказал, что они – подделка. Дали другому – он сказал, что нет. Тогда подключили уголовную полицию и Интерпол, их окончательный вердикт: подделка.

Несмотря на все подозрения и обвинения в подделке, нашлось немало людей и исследователей, которые приняли материалы Черники о Шопене как подлинные.

А в 1999 году к 150-летию со дня смерти Шопена в Англии вышел художественный фильм *The Strange Case of Delfina Potocka* (Странное дело Дельфины Потоцкой), посвящённый любовной связи Шопена с Потоцкой, основанный на письмах Черники.

Вот вам уже не клубничка, а «черничка».

* * *

Из всей этой истории меня больше всего интересуют мотивы действий Черники, если считать, что она подделала письма Шопена. В большей или меньшей степени был сексуален Шопен? – для меня дело десятое. Но очевидно, что для Черники это было чрезвычайно важно. Совершенно ясно, что в намерения её не входило опорочить, запятнать Шопена, композитора и человека, пред которым она преклонялась. Она явно хотела сделать добро для Шопена: приукрасить, оживить его образ, а сделать это можно лучше всего с помощью секса, то есть показать своего героя не бесполым ангелом, каким привыкла его представлять польская католическая общественность, а страстным, опытным мужчиной. Чернике как женщине это было особенно необходимо, чтобы самой испытывать от музыки Шопена больше наслаждения. (Один викторианский критик в Англии называл произведения Шопена неприличными из-за их страстности.)

С другой стороны, в версии Черники шопеновская теория умышленного удержания семени была бы прекрасным объяснением его известной нерешительности в любовных делах.

Шопеновское упоминание о регулярном затаскивании в постель своих учениц делает его чуть ли не донжуаном. Быть

может, Черника хотела опровергнуть знаменитую цитату из письма Жорж Занд, в которой она в процессе длительного соблазнения Шопена сетовала на то, что он на её откровенное предложение переспать ответил, что не хочет близостью портить их дружеские отношения. Занд возмущённо писала приятелю:

> Не может же он верить в это? Кто была эта жалкая женщина, которая дала ему такую идею о физической любви? Была ли у него любовница, его недостойная? Бедный ангел! Вешать надо таких женщин, которые унижают в мужских глазах самое благородное и святое в творении, божественную тайну, наиболее серьёзный и грандиозный акт во всей вселенной.

Черника легко опровергает зандовское понимание реплики Шопена – по черниковским письмам получается, что Шопен просто пошутил или использовал это как предлог, чтобы избежать близости с Занд, которая поначалу его совершенно не привлекала – ведь он после первой встречи даже сомневался, женщина ли она.

В дополнение ко всему черниковские письма опровергают мнение, что Занд была первой женщиной Шопена – ею была Дельфина Потоцкая.

В 1842 году Шопен, желая восстановить связь с Потоцкой, вернувшейся в Париж после долгой отлучки, писал, что Жорж Занд нужно, чтобы он её ёб по пять раз за ночь, а он не мог – здоровье не позволяло. Но в то же время у него, мол, достаточно сил и опыта, чтобы восстановить связь с Потоцкой. Далее он писал:

> У меня были интрижки, но только постельные, а не сердечные. Только ты и Занд владели моим сердцем. Но Занд – иностранка и не поймёт меня так, как можешь ты. Тем женщинам я давал страсть, моё тело и немножко той животворящей жидкости, но не давал им моего сердца.
>
> С теми женщинами я осторожно расходовал мои силы и экономил живородящую жидкость, тогда как с тобой я был готов пожертвовать всей моей творческой энергией.
>
> Доказательством моего безразличия к тем женщинам является большое количество замечательных произведений, которое я создал. А когда я был с тобой, я мог только корректировать уже написанное и подготавливать его к печати – все мои силы уходили на тебя. А тут объём созданного мною говорит сам за себя…

> Ты была моей первой любовницей и будь моей последней.
>
> …я, твой бывший ученик, покажу тебе штучки, которым научился у Занд, весьма необычные и любопытные. Я знаю, как удовлетворить тебя. Ты же сама говорила, что я виртуоз и в любви.

Вся эта тема сохранения энергии вполне могла быть близка самой Чернике – какой-нибудь её творческий любовник не ёб её, и ей необходимо было придумать причину, которая бы не ущемляла её женское самолюбие или этот любовник сам ей нёс чепуху в оправдание своей сексуальной инертности.

Вполне возможно, что таким способом Черника также хотела утвердить шопеновскую гетеросексуальность и отвести от него всякие слухи о шашнях с мужчинами.

Черника сделала Шопена таким, каким ей хотелось его видеть, и таким он действительно выглядит гораздо привлекательней, чем до неё. Но ей не дали насмотреться на него, ею усовершенствованного, – её либо довели до самоубийства, либо его инсценировали ксендзы и партийные моралисты. Так я думаю.

* * *

Шопен боялся быть захороненным живьём и просил перед смертью разрезать его тело, чтобы убедиться, что он действительно мёртв. Его сердце вырезали и положили в наполненную спиртом склянку, и Людвига, его сестра, вывезла её (наверно, под юбкой, чтобы русские пограничники не конфисковали – спирт же: выпили бы, а сердцем закусили бы) в Польшу. Сердце покоится в церкви Святого Христа, рядом с домом Шопена в Варшаве.

Однако правильнее было бы отрезать Шопеновы хуй и яйца – ведь именно они были ответственны за его музыкальную производительность. А саму Полину Чернику в награду за её заботу об имидже Шопена следует удостоить звания «Посмертной любовницы Фредерика Шопена».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В ДЫМ ЛИТЕРАТУРА:

1. *Ruth Jordan.* Nocturne: A Life of Chopin. New York: Taplinger Publishing Company, 1978. 286 p. ISBN 0-8008-5593-0.

2. *Jeremy Siepmann.* Chopin. The Reluctant Romantic. Boston: Northeast University Press, 1995. 280 p. ISBN 1-55553-249-7.

3. *Jeffrey Kaliberg.* Chopin at the Boundaries. Sex, History, and Musical Genre. Harvard University Press, 302 p. ISBN 0-674-12790-0.

4. *Adam Zamoyski.* Chopin. A New Biography, Doubleday. 1980. 374 p. ISBN 0-385-13597-1.

5. *Tad Szulc.* Chopin in Paris. The Life and Times of the Romantic Composer. Scribner, 1998. 444 p. ISBN 0-684-82458-2.

Жирный железный мужчина

Ron Jeremy with Eric Spitznagel. **The Hardest (working) Man in Showbiz. New York: HarperCollins Publishers, 2007. 344 p. ISBN 978-0-06-08-4082-2.**

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2007. № 154.

Во имя равенства между мужчинами и женщинами следует мне обозреть книжку не только о порнозвезде (см. с. 146–170 наст, изд.), но и о порностолбе. Видно, специально для этого и вышла книга (в том же большом и респектабельном издательстве) про актёра, не вылазящего из порнофильмов и мозолящего не только глаза, но и пизды своей перманентной (сперманентной) эрекцией, что и обыгрывается в названии книги.

Речь идёт о Ron Jeremy (настоящая фамилия Hyatt), родившемся в 1953 году. По его собственным подсчётам, он снялся более чем в 1750 порнофильмах и отымел более 4000 женщин своим хуем размером в 9,75 дюйма.

Если карьера порнозвезды для многих женщин фальшиво, но со сладким ужасом представляется предосудительной, то вряд ли найдётся мужчина, который не позавидовал бы карьере Рона – ебать обильных доступных красавиц и ещё получать за это деньги. Рон пишет, что сам часто не мог поверить счастью, которое свалилось на него.

А началось всё по чистой и великой случайности. В ранней молодости Рона его любовница сфотографировала любимый ею большой хуй любовника, и они, «резвяся и играя», отправили фото в журнал *Playgirl.* В журнале восприняли фото весьма серьёзно, их напечатали, и Рону посыпались предложения широко и повсеместно использовать его уникальное по своим размерам и твёрдости орудие производства.

Самое для меня (и не только для меня, а прежде всего и для Рона) радостное в этой истории то, что Рон является одним из трёх детей в интеллигентной еврейской семье, которая жила (и живёт) в любви и веселье. Он подробно рассказывает о героических военных судьбах своих родителей и дядей, и становится очевидно, что никаких проблем отцов и детей в семье Рона не наблюдалось. Сам отец благословил его впоследствии на такую необычную карьеру.

Рон учился музыке, занимался спортом, пребывал в счастливом детстве и отрочестве, будучи любящим и любимым. Он окончил колледж, стал работать преподавателем с умственно отсталыми детьми, но мечтал стать актёром, ходил на актёрские

курсы и вёл активную половую жизнь, радуясь ей, а не пугаясь или стыдясь её. Рон никогда не принимал наркотики, не курил и пил весьма умеренно, то есть это человек, который родился в здоровой семье и вёл во всех смыслах здоровый образ жизни – и в итоге стал работать в порнобизнесе, который общество считает чуть ли не средоточием всякого зла и психического нездоровья.

Если о Джене Дженсон, о книге воспоминаний которой я писал (см. с. 146–170 наст, изд.), можно предположить, что выбор её профессии был связан с её тяжёлым детством, семейными обстоятельствами и наркотиками, то в случае с Роном можно подумать, что именно так должна складываться жизнь любого счастливого юноши, которого Бог наградил выдающимися мужскими доспехами.

Книга воспоминаний Рона Джереми – одна из наиболее оптимистичных из ставшей (к счастью) популярной серии книг, суть которых покончить с демонизацией порнобизнеса и его работников и работниц. Мол, бизнес как бизнес, с той лишь разницей, что люди в нём не отделяют деловые отношения от половых, как это происходит на обычных рабочих местах, а где, наоборот, деловые отношения и есть сама половая жизнь. Недаром попасть в этот бизнес мечтает несметное количество мужчин и женщин – вот где наглядно срабатывает известный совет о выборе профессии: надо найти такую работу, выполнять которую ты будешь рад даже бесплатно, тогда к тебе неминуемо придёт удовлетворение, успех и финансовое благосостояние.

Однако последнее относится преимущественно к порнозвёздам, ибо им платят значительно больше, чем порностолбам. Почему-то здесь феминистки и социальные активисты, борющиеся за равную оплату мужчин и женщин, стыдливо молчат, смиряясь с финансовым притеснением мужчин. Но какой мужчина станет жаловаться, если его рабочий день начинается так, как начинается книга Рона Джереми:

Полдень ещё не наступил, а я уже выеб 14 женщин…

…Три часа подряд уже ебётся Рон, пора отдохнуть, пьёт как лошадь – нелёгкое это дело марафонисто совокупляться, причём, как пишет он, без виагры, от которой он гордо отказался, когда ему предложил таблетку режиссёр.

– Разве у тебя есть основания мне её предлагать??? – возмутился Ронни, покачивая свой столб.

Он оскорблялся, когда ему предлагали виагру. Будучи профессионалом и великим потентом, Рон считает, что использовать виагру – это значит обманывать. Кого? – непонятно.

Однако такие твёрдые нравственные убеждения не мешают

Рону пользоваться fluffers – то есть женщинами, которых нанимают специально для того, чтобы они, не участвуя в фильме, умело отсасывали мужчин-актеров и приводили их в состояние готовности для совокупления ко времени начала съёмок.

Такое понимание честности сразу вызывает подозрения в умственных способностях Рона, и эти подозрения по мере чтения книги не раз подтверждаются, что свидетельствует лишь о том, что прославила Рона не голова на шее, а головка на толстой и длинной шее хуя.

Так вот Рон часами отгоняет оргазм, представляя перед собой мёртвых животных, которые действуют на него отрезвляюще, а то, встречаясь взглядом с лежащей под ним красавицей, испытывающей явное наслаждение, он может быстро кончить. Оказывается, геракловый подвиг Рона состоит не в том, что он может достигать множественных оргазмов с минимальным перерывом для отдыха с по-прежнему сильной эрекцией, а в том, что он часами не позволяет свершиться одному-единственному оргазму.

Larry Levenson, владелец знаменитого покойного нью-йоркского свинговского клуба *Plato's Retreat*, выиграл пари, что он кончит 18 раз за 24 часа. Об этом пишет сам Рон, не ведая, что продемонстрировал пример совершенно иного типа половой мощи.

Динамичная фабула воспоминаний (которую придумал для Рона его соавтор) весьма удобно развивается благодаря умению Рона задерживать свой оргазм, а точнее, сами воспоминания служат делу отвлечения Рона от оргазма – он ебёт в зад красавицу негритянку и размышляет о своих деяниях, не связанных с сексом. Главный бзик у Рона, как и у большинства порноактёров, – это быть признанным за свои актёрские таланты в традиционном кинематографе. Рон оправдывает этот свой зуд тем, что с юности хотел стать актёром и уже почти стал им, но только в силу случайности принялся работать не в Голливуде, а в пиздах, ртах и задах. Однако актёрского мастерства, не говоря уже о таланте, Рон в этих глубинах не поднабрал – там другие ископаемые. Так, в фильме *Олимпийская лихорадка* он даже пытался имитировать русский акцент, исполняя роль русского шпиона, – но уж лучше бы он имитировал русскую еблю. Я досмотрел до конца лишь один художественный фильм с его участием – *Orgasmo* и пришёл к выводу, что с такими актёрскими данными ему разумнее полагаться лишь на свой хуй.

Однако Рон придерживается явно противоположного мнения, которое основывается у него на вере, и потому он изо всех сил продолжает алкать чудес и устраивает знакомства с бесконечным

количеством кинознаменитостей и с теми людьми, которые могут хоть как-то помочь ему прорваться в Голливуд.

Рон детально перечисляет, в каких художественных фильмах он пытался сняться и как в последний момент эпизоды с его участием вырезались.

Рон старательно именует известных людей, с которыми он знаком, и подтверждает это обильными фотографиями, где он стоит плечо к плечу с каким-нибудь знаменитым актёром или общественным деятелем. (Интересно, поместят ли эти знаменитости в своих книгах воспоминаний фотографию, где они сняты рядом с Роном?)

Так Рон удостоился того, что Robin Williams назвал его «человеческой треногой». А когда Rodney Dangerfield узрел хуй Рона, он воскликнул:

Все люди равны? – Что за хуйня!

Рон радуется, что он вошёл в историю, и для него не важно, являются отзывы о нём оскорбительными или нет.

Такое доброкачественное тщеславие – единственная слабость, которая замутняет светлый образ Рона Джереми.

Впрочем, у него есть и ещё одна черта, которая никак не вредит другим людям, а потому и вообще простительна и умилительна. Свою порноактёрскую карьеру Рон начинал стройным смазливым обильно волосатым юношей, но его любовь к еде, которая подчас преобладала над его любовью к женщинам, преобразила его в толстячка, что не мешает ему продолжать пользоваться успехом не только у женщин, но и у режиссёров порнофильмов. Однако для большинства фильмов Рону приходится брить спину (по эстетическим критериям его богатой аудитории) и лобок (чтобы и так большой хуй казался без прикрывающих его волос ещё больше). Однако несмотря на всё его мужское очарование, на лицевой стороне обложки книги помещена вовсе не фотография Рона (она только на корешке книги и на обратной стороне обложки), а чувственный женский рот, держащий в сочных губах сосучую конфетку, раскрашенную под американский флаг. Каким бы знаменитым и красивым ни был Рон, с его мордой книгу не продашь, а его внушительный хуй помещать на обложку не позволят. Так что спасает, как всегда, женский рот, выглядящий двусмысленно, но всё-таки приемлемо, и в то же время обеспечивающий эрекцию интереса для чтения-ебли.

Помимо жажды прослыть великим актёром вне порно, Рон всячески заботится о сохранении девственности у своей гетеросексуальности. Всякий намёк на гомосексуализм вызывает

в нём резкое отвращение. Так, одной из достопримечательностей Рона было умение сосать собственный хуй (уж не знаю, позволяет ли ему последние годы это делать его брюхо). Разумеется, почитатели, узрев или хотя бы узнав о таком таланте, интересуются, не доводил ли он себя сим способом до оргазма и не кончает ли себе в рот. Именно это и является тщательно охраняемой границей между гетеросексуальностью и гомосексуальностью, которую Рон никогда не пересекал. Да, он сосёт свой хуй, но только для съёмок и никогда не доводит себя до семяизвержения, ибо чуть семя, пусть даже своё собственное, попадает тебе в рот, как ты мгновенно и навсегда превращаешься в гомосека. Так что те разы, когда кинематографы поднаряжали Рона на это занятие, семяизвержение снимали у другого члена и потом подгоняли его под член Рона (это, в отличие от принятия виагры, Рон не почитал за обман).

Нетерпимость к чужой сперме – основная манифестация гетеросексуальности Рона, которую он не устаёт педалировать. Его красавица подружка, которую он привёл на вечеринку в особняк Хью Хефнера, попросила устроить для неё gang bang, то есть чтобы её выебли несколько мужчин (групповое неизнасилование). Желающих нашлось немало, и ей посчастливилось принять 12 мужиков за час. Заключительным аккордом она захотела Рона. Но прежде чем удовлетворить желание своей дамы, Рон взял её в джакузи, подставил пизду под струю воды и держал её так, пока не вымыл последние следы спермы других самцов, после чего только ввёл туда своё добро.

Каков чистоплюй! Что же остаётся думать о 12 мужиках, которые её ебли один за другим и не отмывали пизду от спермы предыдущего – значит ли это, что все они были гомосеками?

Рон даёт советы страждущим самцам, желающим попасть в порнобизнес, и пытается их предостеречь, а быть может, даже напугать. Рон рассказывает, что не всё так просто и приятно в этом деле: так при двойном проникновении в женщину (double penetration), если ты лежишь внизу, женщина сидит на твоём хуе, а сверху в зад её ебёт другой мужчина, то часто его яйца ударяются о твои или о твою промежность, что ужасно и отвратительно для настоящего мужчины-негомосека. А если верхний кончит, то его сперма может потечь по женщине и стекать на тебя – предостерегает Рон романтиков порноактёрства.

Узнав о таком возможном ужасе, всем претендентам придётся ещё хорошенько подумать, прежде чем идти в порноактёры. Откуда Рону знать, что, когда бабу пускают под трамвай и в пизде становится уж слишком жидко, женщину ставят на расставленные ноги и встряхивают несколько раз, чтобы вытекла избыточная

сперма. А её остатки радостно воспринимаются очередью как смазка, а саму женщину сперма предохраняет от натирания пизды. Мужикам в очереди и в голову не приходят гомосексуальные идеи – им бы до пизды дорваться. А пресыщенный обилием женщин Рон выпендривается со своими джакузями да спринцовками.

В связи с таким отвращением к чужой сперме, которым хорохорится Рон, возникает вопрос о самом ценном кинематографическом достижении порнографии – cum shot, то есть о кадрах семяизвержения, которые даже называются среди работников порноиндустрии «money shot».

Если мачо отвращается от всего, что ему может напомнить или подтолкнуть к гомосексуализму, и прежде всего от чужой спермы, то его должны отвращать все порнофильмы, где участвуют мужчины. Ведь каждую порноактрису, на которую мачо смотрит, он мечтает выебать прежде всего сам, а тут на экране её ебёт другой мужик. Казалось бы, у гомофоба должно рождаться отвращение, ревность и неприязнь, но в действительности он неотрывно смотрит, как «его» бабу ебёт другой, как чей-то член, который тоже должен у него вызывать отвращение, движется в пизде желанной бабы, и, что самое важное, гомофоба почему-то возбуждает, когда мужик вытаскивает член и изливается наружу. Ведь кадры семяизвержения смотрят в основном мужчины и делаются они для них – почему чужое мужское семя, изливающееся из хуя, пусть на тело женщины или на её лицо, вызывает такое возбуждение у мужчин? Ведь с целью избежания чужой спермы мачо должны наслаждаться только теми порнофильмами, где участвуют одни женщины, чтобы чужих мужчин и духу не было. Ан нет, эти мачо почему-то чрезвычайно возбуждаются, когда множественные хуи заливают обильной спермой не глубины, а поверхность женщины.

Что бы это возбуждение значило?

Натура Рона была специально слеплена для его порнокарьеры, ибо с самого юного возраста он научился разделять еблю и любовь (которой он бездетно болел пять раз). Рон утверждает, что никогда не испытывал ревности, когда его возлюбленная еблась с другими мужчинами (он только после каждого ёбаря прочищал шомполом в щёлоке пизду своей возлюбленной, чтобы спермы не осталось). А вот если его возлюбленная нежничала с другим, обнималась, держалась за ручку – тут он бешено ревновал. Да только его возлюбленные не обладали такой способностью разделять секс и любовь и мешали всё в кучу, из которой Рон выбирался в одиночку. Он, оказывается, признаёт «духовную моногамию», но физическая

моногамия для него невыносима. Однако проверка духовной моногамности невозможна (иди проверь, что у него/у неё на уме), да и сам Рон не пытается. Наверно, он имеет в виду – не держать других баб за ручку и не целовать в щёчку.

Судя по тому, как либерализируется секс и как порнография проникает во все области жизни, становясь общедоступной и приемлемой (см. с. 457–478 в: *Михаил Армалинский.* Что может быть лучше? М.: Ладомир, 2012), наука и техника, очевидно, позволят нам победить мораль, делая общедоступной информацию, сохранение которой в тайне является сутью существования морали. Так, преследование порнографии, которое было реально осуществимо для печатной продукции, стало значительно сложнее контролировать с появлением кино-, видеозаписей и практически невозможно – после появления Интернета.

Порноактёры дают нам образец грядущей жизни и общений, когда люди отринут половой стыд, и первое знакомство будет прежде всего сексуальным, а не именным. Обоюдное наслаждение станет веской причиной для продолжения отношений внесексуальных. (А останутся ли такие?) Как мода шла из порно и проституции и подхватывалась mainstream, так и повсеместность секса позаимствуется из порно – идеальной жизни в наслаждениях.

Рон пишет, что не возражает, если на его надгробье будет написано:

> Здесь покоится Рон Джереми, парень с большим хуем.

Но он хочет, чтобы там также была ещё сноска, что этот парень умел играть на скрипке. Вот уж где мачизм Рона жухнет, и он начинает напоминать женщину, которой всегда мало страстной ебли, но которая ещё хочет выйти замуж.

А я бы хотел, чтобы на моей могиле было написано только «Михаил Армалинский», но чтобы всякий, прочитав моё имя, испытал неожиданно нагрянувший оргазм.

Вникши в Ницше

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2007. № 156.
Нумерованный список литературы см. в конце исследования; при отсылке на него в скобках указан номер работы или работа и цитируемые страницы.

Про половую жизнь Ницше практически ничего не известно скорее всего потому, что проходила она в такой форме, которая осуществляется в одиночку, без партнёров, каковые могли бы стать историческими доносчиками.

Поэтому в философии Ницше нетрудно узреть оправдание прискорбной формы его сексуального существования, а по этим оправданиям можно догадаться и о самом существовании.

Фрейд отказался посмертно анализировать Ницше из-за недостатка фактов о его сексуальной жизни (3:29). И правильно сделал.

Я же решил поступать неправильно.

А вот духовная половая жизнь Ницше (то есть жизнь сексуальных фантазий) была весьма насыщенной, ибо она до сих пор пылает в его текстах, большинство из которых посвящено эмоционально-логическому уничтожению морали, и прежде всего уничтожению источника этой напасти – христианства.

Однако продолжение существования морали и христианства доказывает, что они основаны не на логике и не на эмоциях, а на чём-то принципиально ином, иначе бы христианство вместе со своей моралью давно рухнуло бы от беспощадных атак Ницше и его предшественников, вроде Вольтера и де Сада.

В одном Ницше оказался безупречно прав, считая христианскую мораль моралью слабых и ничтожных – как мы видим, ислам захватывает и целится уничтожить христианский мир.

Атеизм и антиобщественные взгляды Ницше, при всей их литературной яркости и психологической точности, на практике оказались пшиком – религия и лицемерие процветают, а его наивные и расплывчатые призывы к превращению людей в сверхчеловеков прикарманил Гитлер точно так же, как кабинетный бред Маркса оказался в когтистых лапах Ленина – Сталина. Эта парочка сделала своего сверхчеловека («архичеловека», как сказал бы Ильич), и они оказались успешнее Гитлера прежде всего в том, что гитлеровского «сверхчеловека» в своё время почти уничтожили, а российский «архичеловек» («советский человек») выжил и его потомки населяют Россию.

Дань биографии

Родился Фридрих Ницше в 1844 году в маленькой деревушке рядом с Eutzen. (Я тоже живу рядом с городком Eutsen, но в Миннесоте, на чём наше сходство и кончается.) По воспоминаниям Элизабет, Ницшевой сестры, Фридрих начал говорить поздно, в два с половиной года. Но затем рванул – и в четыре уже читал и писал.

Ницше жил в самой гуще христианства: отец – обнемечившийся поляк, пастор-лютеранин, а мать – молоденькая немка. Так что с христианством Ницше был знаком, так сказать, изнутри, что, наверно, помогло образоваться ненависти к этой религии. К тому же Ницше всё себя поляком считал, испытывая ненависть к современной ему немецкой философии.

Отец Ницше умер в страшных мучениях от размягчения мозга, что пытались скрыть от соседей и наворачивали разные истории, чтобы не подумали, что от сифилиса, поскольку именно эту болезнь тогда считали ответственной за размягчение мозга. Одна такая выдуманная история попала в биографию, написанную Галеви (11):

> Отец упал, ударился головой о камни и целый год перед смертью провёл в безумии и боли.

Таким образом, репутация папы-попа была сохранена.

Итак, отец Ницше умер в 36 лет от роду, когда Фридриху было всего четыре годика. А на следующий год умер годовалый братец Фридриха. Две смерти в семье не прошли не замеченными для психики мальчика. Оставалась сестра Элизабет двумя годами моложе, которая сыграла огромную роль в судьбе брата, посвятив свою жизнь уходу за обезумевшим под конец жизни Фридрихом и за его литературным наследством. Она создала из Ницше прижизненный, а потом и посмертный культ, одевала его, невменяемого, в белые хламиды и показывала почитателям-посетителям, которые интерпретировали его сумасшедшую отстранённость от мира как позу углублённого в самосозерцание гуру.

В 1934 году Элизабет добилась, что Гитлер трижды посетил созданный ею музей-архив Ницше, сфотографировался почтительно уставимшимся на бюст Ницше и объявил музей-архив центром Национал-Социалистической идеологии.

Экземпляр *Так говорил Заратустра* вместе с *Майн кампф* и розенберговским *Мифом двадцатого века* были торжественно положены вместе в склеп Гинденбурга.

Гитлер пожаловал Элизабет солидную пожизненную пенсию за заслуги перед отечеством (4: XIX).

Как это Гитлера угораздило выбрать в философские основатели нацизма полуславянина, то есть «рабочего», а не «господствующего» арийца, да ещё ненавистника антисемитизма?

Наверное, у Гитлера была тайная страсть к старушкам, вот Элизабет его и соблазнила, будучи старой антисемиткой, а в качестве платы уговорила Гитлера дать братцу звание главного идейного пахана Третьего рейха?

Неслабая гипотеза. Глядишь, найдутся историки и докажут с психоаналитическими фактами в руках.

О сестричке Элизабет следует поговорить несколько подробнее.

Элизабет Форстер-Ницше была распорядительницей литературного наследства и издавала подтасованные, переделанные ею книги братца, а многие материалы не позволяла издавать. Так, книга под названием *Воля к власти* была в плане работ Ницше, но он так её и не написал, а сестра и его бывший приятель скомпоновали куски из черновых записей по своему вкусу и издали этот винегрет под таким ходовым названием.

Элизабет также изъяла все ремарки брата по поводу его отвращения к ней и к матери. Подготовленный Элизабет обезображенный двадцатитомник являлся эталоном для переизданий Ницше до середины XX века (1:12).

Только в 1967 году итальянские учёные опубликовали без искажений старые и ещё не опубликованные работы.

Так вот сестричка эта вышла замуж за Форстера, активного антисемита, который решил уехать в Парагвай, чтобы там организовать колонию немецких подвижников, опять же антисемитов. Элизабет уехала с ним в 1886 году, но вскоре муженёк попал в какие-то финансовые передряги и покончил с собой. Вдова вернулась и оказалась при деле, то есть при Фридрихе. Он же порвал с сестрицей на какой-то срок из-за её антисемитизма, но потом нужда в заботе о себе заставила брата восстановить отношения с сестрой.

В своих произведениях и жизни Ницше относился к евреям весьма благосклонно, а подчас и восторженно. Так что Гитлер, выбирая Ницше как идеологическую базу, осознанно решил сделать акцент на самых абстрактных, а значит, произвольно толкуемых идеях Ницше, а не на его весьма конкретном почитании евреев.

Вот один из множества примеров – из письма Ницше сестре в 1887 году в связи с её замужеством (8):

Самое прискорбное при этом, что наши интересы и желания здесь диаметрально расходятся. Поскольку Ваше предприятие – предприятие антисемитское…

В глубине души ваши благие намерения не вызывают у меня никакого доверия и даже особой доброжелательности. Если дело доктора Форстера удастся, то я, ради Тебя, выкажу удовлетворенность этим и постараюсь как можно меньше думать о том, что это одновременно триумф движения, которое я ни в грош не ставлю; если же оно не удастся, то я порадуюсь гибели антисемитского предприятия и буду тем паче сокрушаться о том, что из-за любви и долга Ты связана с подобной затеей.

…Напоследок выскажу свое пожелание, чтобы Вам немного помогли с немецкой стороны, а именно – вынудив антисемитов покинуть Германию. Думаю, не стоит сомневаться, что всем другим странам они предпочли бы Вашу страну «обетованную» Парагвай. С другой стороны, евреям я все больше желаю того, чтобы они пришли к власти в Европе и наконец избавились бы от тех качеств (вернее, больше не нуждались бы в них), за счет которых они до сих пор пробивали себе дорогу. Кстати, вот мое искреннее убеждение: немцу, лишь оттого, что он немец, претендующему быть чем-то большим, нежели еврей, место в балагане, если не в сумасшедшем доме.

Несмотря на полную «невиновность» Ницше, в Англии и в США он стал известен как «философ нацизма». Его фразы: «мораль господина» и «мораль раба», «высшая раса», «белокурая бестия» и «сверхчеловек» – врезались в сознание людей из-за их яркости и значительности звучания. Вот они и нашпиговывались человечьим фаршем, который изготовляли на мясорубках гитлеровские интерпретаторы и пропагандисты.

После начала Второй мировой войны и с её окончанием многие набросились на Ницше как на идеологического виновника всех нацистских зол.

Но это было после смерти Ницше, а в начале своей жизни он учился в частной школе, потом в университете, и всё на фоне головных болей, болезней глаз и прочих немощей. С ранней юности Ницше был обуреваем словом и музыкой – он писал, и играл, и даже сочинял нечто музыкальное.

Ницше преподавал филологию в университете Базеля, став молодым профессором, где ему дали звание без защиты,

впечатлившись его талантом.

В 1868 году произошло знакомство Ницше с Рихардом Вагнером, сначала восторженное, а потом превратившееся в обременительное.

Была недолгая служба санитаром в армии во время Франко-Прусской войны в 1870 году – Ницше таскал трупы и ухаживал за больными, в результате чего заразился дифтеритом и дизентерией (1:67). Ницше выжил и вскоре вышел в отставку по болезни – сильные головные боли, рвота, головокружение и болезненное давление в глазах – доходило до чуть ли не полной слепоты (1:178).

Скромной профессорской пенсии хватало, чтобы ездить по Европе, писать книжки, быть одиноким и проникаться к себе отношением, как к пророку. Однако это не мешало (а помогало) Ницше понимать необходимость регулярной ебли. Но прямо сказать и написать об этом он не мог, и потому желание это выражалось в обезображенном желании жениться. Если он и посещал публичные дома, как утверждают некоторые, то на частые посещения у него явно денег не должно было хватать.

Ницше писал своей приятельнице Мейзенбух:

> Я по секрету скажу вам, мне нужно хорошую жену (11:179).

А в письме к сестре уточнял, что значит «хорошую»:

> Приметы её должны быть следующие: она должна быть весела, молода ещё, красива, короче, это должно быть храброе маленькое существо… (11:226).

В 1882 году Ницше пишет своему другу, что он готов для женитьбы (стало совсем невтерпёж):

> Мне нужна молодая особа, которая интеллигентна и образована в достаточной мере, чтобы работать со мной. Я бы даже согласился на двухлетний брак для этой цели, в случае которого будут выдвинуты ещё кое-какие условия (1:250; 9).

Здраво мыслил Ницше насчёт двухлетнего брака: поматросить, да не долго чтобы так – и бросить. Но близок локоть, да зуб неймёт. Что-то никто не вешался на шею Ницше, а точнее, ни одной серьёзной кандидатки даже на горизонте не было. Однако трезвое ограничение брака двумя годами, а не безумным пожизненным сроком говорит о том, что Ницше

планировал два года пылкой ебли, купленной браком, который будет аннулирован по времени истечения похоти. Таким образом, опыт общения с проститутками, реальный ли, воображаемый ли, у Ницше имелся.

По мнению Paul Deussen, друга Ницше, философ не познал ни одной женщины. Однако друг вспоминает, что Ницше, мечтая о женитьбе, выразился, что он легко бы вымотал трёх жён (2:24). Ницше жадно просчитал, насколько сильна его похоть.

Коль Ницше действительно не знал женщин, то удивительно, что он не свихнулся при таких белоколенных страстях значительно раньше. Слава онанизму, благодаря которому он дожил в (относительном) разуме до 45 лет.

Две девицы, достойные звания жены, все же встречаются на его пути. В 22 года Ницше делает предложение Mathilde Trampedach после всего трёх встреч с нею. Та, ошарашенная, отказывается и «взволнованным лицом бежит пруду».

Ницше отступил и вёл себя с ней, будто ничего не произошло. Без всякого следа любви или страсти (1:249).

Второй кандидаткой в жёны стала полурусская (специально для полуполяка) Лу Саломе, двадцатилетняя сумасбродка, в которую втюрился Ницше и делал ей предложения дважды – это он-то, хорохорившийся гордец, которому первого отказа оказалось мало, так он второй раз попробовал. Разумеется, произошло расставание с горячей ссорой, не без помощи злодейки-сестрички Элизабет.

Ну а после разлуки пишется книга за книгой с головными болями, болезнями, одиночеством и растущей манией величия.

Третьего января 1889 года Ницше окончательно и бесповоротно свихнулся в экзотическом припадке, о котором мне писать здесь не по теме. Мать его пеклась о сумасшедшем сыне, а после её смерти за попечительство взялась сеструха и попутно издавала сочинения братца, наводя в них цензурный порядок. Стоило Ницше бесповоротно свихнуться, как слава его стала расти в геометрической прогрессии, а уж как помер, то в тригонометрической.

Фридрих Ницше умер в 1900 году, а Элизабет – в 1935 году в возрасте 89 лет.

Вот вкратце жизненный путь. У Ницше всё путём. А попутно подробности будут.

* * *

Самая популярная конфетка в биографии Ницше была да и до

сих пор сосётся любителями клубничного flavor – это якобы его смерть от сифилиса. За неимением ничего сексуального в его биографии народ жаждет утешиться хотя бы венерическим заболеванием, которое заодно и бросило бы мстительную тень на нравственность Ницше (на радость ненавистным Ницше христианам). Причём подцепил он сифилис не где-нибудь, а в борделе, что вообще должно уничтожить Ницше как духовное существо. Вот христиане и прочая высоконравственная шушера потирает елейные ручки, мусоля вожделенный диагноз.

В действительности же, к сожалению, у Ницше сифилиса не было. К сожалению для меня – потому, что сифилис подтвердил бы, что Ницше хоть раз хуй в пизду вставил. Но увы.

* * *

В 2003 году врач Leonard Sax опубликовал глубоко аргументированную статью, которая полностью уничтожила сифилис как причину смерти Ницше (5). Смысл статьи в том, что все симптомы Ницше, которые были детально зафиксированы при его осмотрах сразу после его помешательства, не имели никакого отношения к необходимым симптомам, появляющимся при сифилисе третьей стадии, а именно такой диагноз ему поставили врачеватели.

Одна из важнейших причин постановки неправильного диагноза состояла в том, что Ницше в то время был ещё совершенно никому не известным человеком, и в результате этого никто не уделил ему особого внимания, чтобы заметить неувязки между симптомами и диагнозом.

В январе 1889 года Ницшевый друг Overbeck привёз его в сумасшедший дом в Базеле. Там Ницше держали как обыкновенного пациента несколько недель, пока его не переправили по просьбе матери в другой жёлтый дом в городе Джене, чтобы быть поближе к дому. Там он был помещён в общую палату, так как у матери не было денег, чтобы заплатить за отдельную.

В то время для 44-летнего мужчины, сошедшего с ума, имелся стандартный и автоматический диагноз – сифилис, который на последней своей стадии разрушает мозг. Таких пациентов в клинике было немало. Типичными симптомами последней стадии сифилиса является: безэмоциональное выражение лица, бессвязная неразборчивая речь и самое характерное – непроизвольное дрожание языка, когда его высовывают изо рта. В течение недель, иногда месяцев возникают

конвульсии, сопровождающиеся слабостью и переходящие в паралич. Смерть наступала в течение 18–24 месяцев (а Ницше прожил 19 лет после помутнения разума), и никакого эффективного лечения в то время не было.

Врачи, принимавшие Ницше в психлечебницы, внимательно его обследовали и анамнезы были записаны. Настроенный на сифилис, врач сразу попросил Ницше высунуть язык и записал, что никакого дрожания нет. Единственная аномалия у Ницше была в том, что правый зрачок был больше левого, но врач не знал, что такая асимметрия была у Ницше с детства. На основе этого и бреда величия (который был вполне чётко выражаем, без всякого речевого искажения или задержки) умный врач поставил диагноз сифилиса, как ставил всякому простолюдину. Знай он, что это сам Ницше, он бы отнёсся к пациенту с большей логикой.

Sax заключает, что у Ницше скорее всего была медленно растущая опухоль с правой стороны мозга. У многих людей с такого рода опухолями появляются мании и слабоумие, и до изобретения томограммы и исследований с помощью магнитного резонанса таких людей отправляли в сумасшедшие дома, и правильный диагноз ставился лишь после вскрытия. Такого рода опухоль вызывает сильные головные боли, которыми страдал Ницше, и также существенно ухудшает зрение, что также испытывал Ницше.

Таким образом, все документированные факты анамнеза Ницше говорят против сифилиса, и никаких иных документов, подтверждающих сифилис, не было (вскрытия трупа Ницше сделано не было).

Был пущен слух, что Ницше лечился у двух берлинских докторов от сифилиса, однако ни имени докторов, ни документов, подтверждавших слухи, никто не смог найти. Всё это оказалось сплетней, пущенной одним из биографов, которая повторялась затем из биографии в биографию. Sax убедительно демонстрирует и мотивы для пускания такой сплетни лживым биографом.

И ещё одно соображение против сифилиса на общечеловеческом уровне: как Ницше мог бы делать предложения женитьбы двум женщинам, зная о своём сифилисе? Было известно, что болезнь эта заразная, а Ницше не был подлецом, чтобы согласиться заразить женщин, на которых хотел жениться.

* * *

Вторая большая надежда биографов Ницше – это выудить из

блеклых и мифических сексуальных фактов биографии не доказательства (на них уже перестали надеяться), а намёки на гомосексуализм.

Когда кто-то предположил, что Ницше подхватил сифилис от мужчины-проститута, то сестра и почитатели возмутились и соглашались допустить, что да, он заработал сифилис, но «нормальным путём» (4: XV).

Попытки обвинить Ницше в гомосексуализме при его жизни могли всерьёз испортить ему настроение и репутацию. Однако все старания посмертно навесить на Ницше гомосексуализм жалки хотя бы потому, что это лишь вселяет добропорядочное торжество в моралистов, липово уличающих Ницше в том, что его анус заполнялся хуями. Для моралистов, видно, дерьмо становится слаще, если оно смешано со спермой, и они с отвращением, переходящим в вожделение, тычут туда пальцем. Но самое важное, что мнимый гомосексуализм Ницше (или пусть даже не мнимый) уже никак не изменит сути им написанного.

* * *

Среди биографов Ницше находятся и такие, которые наслаждаются предположением, что Ницше спал с Элизабет. Разумеется, никаких подтверждающих сведений об этом не имеется. Но запретить мечтать невозможно.

Так что жизнь Ницше оказалась короткой и прошла без эротических и прочих приключений, единственным из которых стало сумасшествие.

С Ницше всё ясно

Литературное, или, как Ницше называл, филологическое, творчество по-крупному началось с книги *Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм.* Работал он над ней с 1869 по 1871 год. Ещё плохо осознавая, что ему нужно, молодой Фридрих, не видя корешков, бросился на вершки. Античная культура была давно облюбованным садом, в котором европейские интеллектуалы срывали пахучие цветочки, стыдливо сторонясь плодов. Всё это сопровождалось романтической тоской по золотому веку, о котором те знали только по вымыслам историков, мифам и прочей культурной белиберде, не имеющей никакого отношения к реальной жизни до нашей эры. И на этих иллюзиях и фантазиях о дальнем прошлом формировались мечты и желания,

обращённые в настоящее, что из-за заведомого несоответствия выдумки и реальности рождало сентиментальную неудовлетворённость настоящим.

Однако Ницше сделал важный шаг самопознания и надёргал букет древних цитат, которым украсил свою тянувшуюся и, как впоследствии оказалось, пожизненную половую неудовлетворённость, а точнее – великий крах. Идея книги, многословно, витиевато и напыщенно выраженная, проста: есть Аполлон, который олицетворяет духовную культуру, и есть Дионис, который заведует чувственной жизнью. Так вот Ницше обеими руками – за Дионискy, поскольку именно то, что за ним стоит (или торчит), и есть не только истинное, но и самое приятное. Ну, а Аполлошка – это фальшивка. Таким образом, прячась за Диониса и используя его исторический авторитет в качестве тарана, Ницше попёр на обхристианенное общество, которое только тем и занимается, что всё чувственное зажимает огромными тисками морали.

А «рождение трагедии» происходит тогда, когда оказывается, что Дионис не помогает, и ты всё равно набиваешь шишку о каменные стены церквей и храмов.

В этом раннем произведении обозначились идеи, над которыми Ницше будет размышлять и шлифовать от произведения к произведению, и все книжки будут, по сути, об одном и том же, хотя под разными названиями. Его поздняя любовь – Достоевский, которого случайно открыл Ницше к концу своего разумного существования, заметил, что «каждый писатель пишет все свои вещи из одной чернильницы» (неточная цитата).

Позже Ницше опомнился и перестал писать бесконечные, непроходимые тексты, а решил концентрировать мысли в кратких афористических выжимках. Ларошфуко, Шамфор, Монтень были его образчиками лаконичности и заострённости мысли.

* * *

Понимая искусственность своей научной увлечённости сомнительной античностью, Ницше вопрошает:

> Не есть ли научность только страх и увёртка от пессимизма? Тонкая самооборона против истины? И, говоря морально, нечто вроде трусости и лживости? Говоря неморально, хитрость? (6:49)

С тех пор Ницше начинает писать более откровенно, не прикрываясь «научностью».

Я, разумеется, на научность плевал, а следил и подмечал всё, что так или иначе у Ницше связано с сексом, поскольку именно недостаток или полное отсутствие секса в его жизни стали фундаментом, на котором Ницше строит все свои претензии и недовольства моралью, составляющие суть его произведений.

* * *

Примечательно, что Ницше прежде всего пытается изучить самого себя – начиная с детства, он пишет несколько автобиографий, с каждым разом всё более углубляясь в подоплёку своих поступков и чувств.

Ницше осознаёт свои слабости, в том числе стилистические, и со временем преодолевает их, но только на языковом уровне. Сексуальные преграды ему не только не удалось преодолеть, но они, казалось, росли перед ним всю его жизнь и под конец довели его до сумасшествия (кто знает, если бы он вёл активную половую жизнь, то и опухоль в мозгу могла взять и рассосаться).

Вот что Ницше пишет о *Рождении трагедии*:

> …книга эта «пересахарена до женственности» (6:50).

Таким образом, женщина ему видится сладкой, как сахар, и в то же время он связывает женственность со всем негативным в человеческой душе, с рабством, с тем, с чем он так отчаянно борется во всех своих книгах. (Кого люблю – женщин, – того и бью.)

С самых юных лет Ницше на словах женщин не жалует, осуждая в них то, что порицается моралью, которую сам же Ницше ненавидел. С одной стороны, он славит Дионискину похоть, а когда он видит её в женщине, то называет её не похотью, а принижающе-уничижительно: «похотливостью» (6: 92). (Надеюсь, перевод с немецкого точный, а то мои аргументы рухнут.)

* * *

Главный смысл философии Ницше – это изменить мир так, чтобы недоступные ему женщины стали доступными. Он метафорично называет свою душу менадической (6:51). И мы (вместе с Ницше) прекрасно знаем, кто такие менады с точки зрения ебли.

Ницше ставит вопрос о злокачественности морали:

> И сама мораль – что если она есть «воля к отрицанию жизни», скрытый инстинкт уничтожения, принцип упадка, унижения, клеветы, начала конца? (6: 54).

Вскоре Ницше сам ответит резко положительно на этот вопрос.

Естественно, что христианская мораль запрещает, притесняет половую жизнь, и об этом в открытую Ницше напишет и возмутится, гордо назвав себя «имморалистом».

Ницше грезилось (уж коль не удалось наяву) прочно связать себя с Дионисом – и по простой причине, сладострастно изложенной Ницше:

> Почти везде центр празднеств Диониса лежал в неограниченной половой распущенности, волны которой захлёстывали каждый семейный очаг… тут спускалось с цепи самое дикое зверство природы, вплоть до отвратительного смешения сладострастия и жестокости… (6:64)

Но Ницше было не дотянуться до Диониски даже на уровне потребления алкоголя. Ницше совсем не мог пить – тело не принимало. В школе Ницше был лишён ранга первого ученика за то, что пришёл пьяным после вечеринки с товарищами (1). С тех пор он с этим делом завязал.

Тем не менее Ницше видел сновидение и опьянение как символы аполлонического и дионисического начал (6,59).

Однако опьянения не получалось. И прежде всего – безалкогольного опьянения, в которое можно было себя вогнать с помощью сексуального возбуждения:

> В конце концов мы любим наше собственное вожделение, а не предмет его (7:304), —

чем Ницше регулярно и занимался.

Сексуальное возбуждение преобразовывалось в слова с кпд чуть ли не в 100 процентов – ведь температура изложения у Ницше всегда на уровне кипения, переливания через край, то есть семяизвержения.

Шашни Ницше

Лу Саломе – это самая сильная страсть Ницше, страсть,

которая, судя по всему, так и не выплеснулась внутрь Лу, а размазалась по Ницшевому животу. Влияние Саломе на Ницше было столь велико, что именно после разрыва с ней Ницше сел за писание своей ставшей самой известной вещи *Так говорил Заратустра.*

Вот кратенько об этой пассии не только Ницше, но и многих известных мужчин разного калибра.

Лу (Леля) Андреас-Саломе родилась в Петербурге в 1861 году (10). В 17 лет она написала письмо местному пастору Гийо, проповеди которого её проняли. Лу жаловалась на одиночество и необычность своих желаний, следовать которым значило «сделать что-то неприличное». То есть, переводя на честный язык, девушка давно созрела, сочилась и жаждала любовника. Пастор, конечно, резво клюнул и стал заваливать Лу книгами по философии и религии, а Лу смотрела на него, раскрыв глаза и рот, как на бога. Далее то ли сам Эткинд недопонял (10:15), то ли он цитирует какого-то «недо», но он пишет: Лу и поп сближались всё больше, и это было тяжело для обоих.

Это почему же тяжело? Ответ один: не еблись, вот и тяжело. Что подтверждает следующее:

> Однажды она потеряла сознание, сидя на коленях у пастора (10:15).

Это значит 17-летняя кобылица невзначай забралась, как трёхлетняя девочка, на колени к дяде? Возбудилась небось, чувствуя твёрдый хуй, на котором сидела, да не кончила, иначе бы не сходила у него с колен. Либо поп кончил и залил её фонтаном спермы.

Тоже мне бесполая романтика – «потеряла сознание». И то, что Лу отказала попу, когда тот предложил ей выйти за него замуж и более того – полностью отвратилась от него, говорит лишь о мужской неумелости попа и, следовательно, о разочаровании в нём. Лу потеряла в Гийо бога второй раз – вот что значит не давать регулярного оргазма жаждущей женщине. Потом якобы много мужчин не могли преодолеть её «телесную холодность», которая, как мы знаем теперь, есть выдумка неумелых мужиков. Но меня интересуют её шашни с Ницше.

Ницше встретился с Лу в 1882 году в Риме, их представили в соборе Святого Петра, и Ницше, как и полагается неопытному, голодному и одинокому самцу, втюрился с первого взгляда. К тому времени Ницше страдал от ухудшавшегося зрения да головных болей и перманентно нуждался не только в жене, но и в секретарше, вот друзья и посводничали, рассказав о незаурядной

девушке из России, приехавшей с матерью за границу на лечение. На то время Лу уже общалась с философом Полем Рэ, другом Ницше. Но Лу и Рэ якобы умышленно и единогласно решили не заниматься сексом. Рэ тоже фальшиво проповедовал возвышенную любовь, но, повстречавшись с Лу, сразу забыл о своих убеждениях и сделал ей предложение. Она отклонила его под предлогом финансовых трудностей такого предприятия и тут же предложила взамен житие втроём трудовой интеллектуальной коммуной, в одной квартире, где для соблюдения приличий должны были бы жить мать Лу или сестра Ницше (но жизнь втроём так никогда и не осуществилась). Ницше же радостно ухватился за хоть такое сожительство после отказа на его первое предложение. Примечательно, что Ницше своё первое предложение Лу сам сделать не решился, а передал его через Рэ.

До какого сексуального отчаянья надо дойти, чтобы стремиться жить с бабой, по которой оба «дионисничают» и которая ждёт мужика, посмеющего её изнасиловать, но в то же время заниматься исключительно болтовнёй и тайной дрочкой.

Вскоре Ницше удалось погулять наедине с Лу по горе Monte Sacra, и там произошло нечто, что наполнило Ницше фантазиями, которые никак не материализовались. Лу в своих воспоминаниях не может вспомнить, поцеловались они там или нет (вместо языка Ницше забил ей рот своими усами, и Лу его облевала). Вскоре, окрылённый таким интимом, Ницше сделал второе предложение, на что получил вторичный отказ. Очевидно одно: нечто влекло Лу к Ницше, а нечто отвращало (1: 251). И это нечто совершенно ясно просматривается – её влёк Ницше-мыслитель и отвращал Ницше-мужчина, у которого усы (удивительной красы) были единственным мужским достоинством.

Сестра Ницше, проведшая некоторое время с Саломе наедине, переругалась с ней и наябедничала Ницше, что якобы Саломе над ним насмехалась, говоря, что он принуждал её жить с ней во грехе и что он чрезвычайный эгоист, что видно из его безумных произведений (1: 253). Свидетелей при разговоре не было, и это лишь версия сестры. Ницше писал, что когда Элизабет сообщила ему об этих разговорах, то он чуть не сошёл с ума.

Саломе поведала в дневнике, что они с Ницше обговаривали всё до смерти и до таких деталей, что если бы кто-то их подслушал, то подумал, что два дьявола разговаривают между собой.

Она писала в своём романе позже:

> Чувственная страсть никогда не может перейти в

интеллектуальное общение умов, но обратный путь существует во множестве вариантов (1:255).

Так случилось с Ницше: его умничание уже являлось преображённой похотью. Но у Саломеи перехода не получилось, ей тогда нужен был только крепкий мужик, чтобы была одна лишь «чувственная страсть», ибо разговорами она уже давно объелась.

После разрыва с Лу Ницше дал волю своим чувствам, в неотправленном письме Рэ, описывая Лу:

> Костлявая грязная вонючая мартышка со своими накладными грудями – ужас! (1:255) —

«Вонючая?» – что это за вонь у Лу унюхал Ницше? Где он увидел грязь? Нащупал ли накладные груди в поисках настоящих?

После разрыва Ницше и Лу они больше не встречались и не общались.

* * *

На знаменитой фотографии изображена вся троица, снятая в Люцерне, на фоне Альп: Ницше и Рэ стоят, запряженные в двуколку, в которой сидит Лу, помахивая кнутиком. Как пишет Саломе, идея композиции и выбор фотографа принадлежали Ницше. То есть Ницше был согласен стать рабом, пусть сексуальным для Лу, но когда она ему не дала, а он не смог её взять, то пришлось всё вымещать на женщинах.

> Ты идешь к женщине? Не забудь плетку! —

это выражение почему-то все с готовностью интерпретируют, мол, эта плётка для того, чтобы ею стегать женщину. Но своей фотографией Ницше убедительно доказал, что он имел в виду дать эту плётку женщине, чтобы она плёткой стегала его самого!!!

Я думаю, это моё открытие должно полностью перевернуть понимание Ницше, и обвинения его в женоненавистничестве должны замениться похвалой в мазохизме. Всякая феминистка теперь должна быть исключительно счастлива, сжимая кулак, в котором она скоро будет держать плётку, что ей вручит мужчина, жаждущий, чтобы она его ею исполосовала.

* * *

В 1886 году (Лу стукнуло 25 лет) она наконец-таки выходит замуж за сорокалетнего Фреда Андреаса, специалиста по восточным языкам, – она ставит своё стандартное условие: живём без ебли. Тот согласился с тайной надеждой, что в конце концов ему перепадёт. Так Лу выпендривалась, пока ей в конце концов не попался настоящий мужик, показавший, что к чему, и тогда она, прозрев в наслаждении, бросилась на мужчин, меняя любовников со скоростью ебли – что ещё раз доказало, какие хилые мужики, включая Ницше, ей попадались до тех пор. Затем Лу срочно погрузилась в психоанализ, ибо он был обоснованным освобождением от романтической ерунды, которой она была вынуждена закрываться от слабаков, способных только болтать. А к тому же молодые ученики Фрейда были одним из источников, из которых Лу черпала любовников.

Фрейд сам слал ей цветы и провожал после своих лекций до отеля. Эткинд комментирует это так:

> Между Андреас-Саломе и Фрейдом не было и быть не могло сексуальных отношений (ей было 50, Фрейду 56).

Только кабинетный учёный, не понимающий сути сексуальных отношений, может отрицать какую-либо возможность проявления их вездесущности.

Ницше сказал (со слов одного из любовников Лу), что она – это воплощение совершенного зла, и любовник этот поспешно уточняет, что, мол, только в гётевском смысле это то зло, которое порождает добро. (10:33)

Вставая по ту сторону добра и зла, к чему призывал Ницше, всё сводится к очевидному. По Ницше, зло – это баба, которая не даёт, а у него не хватает сил и опыта её взять. А вот добро состоит в том, что у Лу всё-таки есть пизда, и когда она наконец её даст, то зло превратится в добро.

В итоге Лу так возлюбила сперму, что стала известна своей этой страстью (4). Не зря же Ницше называл её самой умной женщиной в мире (11:187). Но к тому времени, когда она помешалась на сперме, Ницше давно сошёл с ума, и ей было его сперму уже не добыть. Впрочем, могла бы, если бы его по-настоящему любила – могла бы навестить его в сумасшедшем доме.

* * *

Итак, разорвав с Лу, Ницше забирается в итальянскую

рыбацкую деревню и пишет за десять недель первую часть *Заратустры* (11:190).

Ницше, естественно, не терпелось увидеть *Заратустру* опубликованным, но издатель задерживал печатание, так как сначала ему надо было выпустить собрание христианских гимнов, а потом серию антисемитских брошюр (11: 195). Это был издатель омерзительно широкого спектра литературы, но для Ницше главным было – увидеть свою книгу напечатанной.

Своё правомерное честолюбие (или тщеславие?) Ницше привычно вставил в уста свежеиспечённого Заратустры:

> Кто пишет кровью и притчами, тот хочет, чтобы его не читали, а заучивали наизусть (6:29).

Впоследствии на некоторых изданиях работ Гитлера печаталось уже в повелительном наклонении:

> Не для чтения, для заучивания.

Однако Ницшево пренебрежение людьми и их мнениями существовало лишь на словах, а в реальной жизни он был «слишком человеком». Будучи в Цюрихе в 1889 году, Ницше бегал в библиотеку и разыскивал упоминания о себе в журналах (11:215).

* * *

Самая великая сексуальная история о Ницше – это та, что он рассказал о себе сам. У Ницше была богатая фантазия, а потому трудно решить, правдив он или подвирает. А дело было якобы так.

В 1865 году, в 21-й год ото дня своего рождения, Ницше поехал в Кёльн и взял гида, который повёз его по местным достопримечательностям. Но когда Ницше попросил отвезти его в ресторан, гид вместо этого отвёз его в бордель. Ницше поначалу не понял, куда он попал, и чуть не отключился, когда его окружили женщины в прозрачных одеждах.

> Он потерял дар речи и инстинктивно бросился к пианино, стоявшему у стенки, как будто это было единственное существо с душой. Сыграл несколько аккордов – это его привело в себя, и он выбежал из борделя (1:21).

Прежде всего в этом пересказе подразумевалось, что проститутки – существа бездушные. Как, например, животные в христианском понимании.

Историю эту очень любят толковать как яркое подтверждение духовности Ницше: мол, любовь к музыке спасла его от греха.

Одна биографша, правда, считает, что Ницше приврал и что он таким способом пытался обосновать любимого Шопенгауэра, утверждавшего, что музыка компенсирует другие человеческие порывы (3:62).

Если это правда, то Ницше всего лишь несколькими аккордами вывел себя из состояния нахлынувшей похоти, тогда как отцу Сергию понадобилось отрубать палец. Ницше же безболезненно засовывал палец в клавиатуру и кто ещё знает куда.

Легко допустить, что никакой «музыки» вовсе и не было, а просто у Ницше не оказалось денег на девочек, и его выгнали из заведения, как впоследствии портной отнял у Ницше сшитый для него костюм, когда тот, напялив его, отказался платить деньги за неимением оных (1:56). Истории, как мы знаем, повторяются.

(Можно попутно сделать вывод, что люди, которые не отдают денежные долги, не отдают и оргазменные долги, а заботятся только о том, чтобы получить наслаждение, тогда как он – есть лишь долг, который возвращается женщине её оргазмом, а то и с процентами многократных оргазмов.)

Впрочем, возвращаясь к Ницше, можно допустить, что он поимел проститутку, но рассказ об этом был бы слишком обыденным, а вот побег от доступной пизды звучал романтически и многозначительно.

Как бы там ни было, но многие биографы утверждают, что ницшеанские единичные сексуальные общения были лишь с проститутками и что у него не было связи ни с одной приличной женщиной (3:28).

При ницшевской прямоте, ненависти к морали и проникновении в собственные глубины такое толкование вполне правдоподобно: Ницше видел женщину и сразу хотел ебать её, причём признаваясь себе, а не прячась от желания, ибо над этим он постоянно размышлял. Однако не могло быть и речи, чтобы Ницше осмелился предложить еблю приличной девице (поэтому он сразу предлагал женитьбу), а играть в игры он не умел и не хотел. Разговорами заинтересовать можно было далеко не всякую, так что если ему что и оставалось, так это бордели, где он мог за деньги творить свою «вечную музыку» без долгих и утомительных репетиций.

Но Ницшевы музыкальные умения были явно на

самоделочном уровне. Как-то, заявившись очередной раз к Вагнеру, Ницше сел импровизировать на рояле, Cosima (Вагнерова жена) вежливо слушала, а сам Вагнер вышел из комнаты, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

Потом Вагнер тактично предложил Ницше заниматься филологией и просвещать его в этой науке, а Вагнер будет просвещать Ницше в музыке, другими словами, он призвал Ницше заниматься своим делом – словами, а не звуками (1).

Так что, сев за рояль в публичном доме, вполне возможно, Ницше разогнал своими звуками всех девиц, и тогда он был уже вынужден покинуть бордель не солоно хлебавши.

* * *

Есть ещё одно свидетельство женобоязни Ницше, которое опять исходит из его уст, а потому – иди верь нарассказанному без свидетелей. В июле 1868-го он был на курорте в Wittekind, и, как писал в письме Sophie Ritschl, еврейской жене своего профессора, менеджер отеля прислал ему в комнату девушку, но Ницше вежливо отказался. А там паслось немало таких доступных красоток… (4:89)

Но вот фраза Ницше, которая может говорить о его некотором опыте с женщинами:

> Одинаковые аффекты у мужчины и женщины всё-таки различны в темпе – потому-то мужчина и женщина не перестают не понимать друг друга (2: 294).

Если Ницше под словом «аффект» подразумевает процесс достижения оргазма и то, что мужчина часто достигает его гораздо более быстрым темпом, чем женщина, то тогда следует признать некоторый сексуальный опыт Ницше, причём негативный.

А вот ещё одна сексуально многомудрая фраза Ницше:

> многие изобретения настолько хороши, что являются как грудь женщины – одновременно полезными и приятными (2,149).

Такое фривольное сравнение может говорить о каком-то «грудном» опыте, впрочем, быть может, всего лишь воображаемом. В таких случаях мне всегда вспоминается Саша Чёрный:

Провизор, влюблённый и потный,
Исследовал шею хозяйки.
И думал в истоме дремотной:
«Ей-богу, совсем как из лайки.
О, если б немножко потрогать…»
И вилкою чистил свой ноготь.

* * *

Дружба Ницше с Вагнером пошла на спад, как только Вагнер, видя психическое состояние Ницше, дал ему непрошеный совет. Быть может, этот совет разбередил рану Ницше, оставшуюся от неудачного посещения (или посещений) публичного дома, ибо Вагнер предложил именно проституток как один из методов обретения душевного равновесия. В начале 1870-х Вагнер мягко посоветовал Ницше не увлекаться большими дружбами с мужчинами и не пренебрегать женщинами, если он действительно хочет избавиться от своей чёрной меланхолии. Вагнер советовал Ницше жениться или узнать места, где можно достать женщин, не крадя их (1:248).

То есть покупая.

В дополнение, Вагнер убеждает Ницше бросить жёсткое вегетарианство, которому тот себя подвергал (безуспешно борясь таким способом с похотью).

В 1877 году врач делает осмотр Ницше, находит болезнь глаз и запрещает ему читать и писать на несколько лет. Вагнер, узнав о таком диагнозе, пишет доктору, что, с его точки зрения, болезнью Ницше является мастурбация, и его «сдвинутый» образ мышления является результатом противоестественных наклонностей, указывающих на гомосексуализм. Когда Ницше узнал об этом (не раньше 1883 года, по смерти Вагнера), он назвал диагноз Вагнера «смертельным оскорблением» (1).

Шли слухи, что Ницше женоподобен и хронический мастурбатор. Если принять во внимание ужасы, которые приписывали мастурбации в XIX веке, то можно представить, как Ницше себя клял, объясняя свои болезни мастурбацией и особо слепоту, то, чем больше всего страшили мастурбантов.

(В конце жизни одиночество и сумасшествие вынудили Ницше начать разговаривать с самим собой, а это ведь тоже вид мастурбации.)

* * *

Что же пишут о Ницше женщины, с которыми он был знаком?

Прежде всего Лу Саломе сообщает о душе и философии Ницше, поскольку скрывает всё физиологическое (пусть малое), что ей удалось проведать о нём через разговоры и проживание с близкими соседями. Она пишет:

> Кто… захочет руководствоваться лишь внешней жизнью Ницше для понимания его внутреннего мира, тот опять-таки будет держать в руках лишь пустую оболочку.
>
> Ведь, в сущности, никаких внешних событий в его жизни не происходило. Все переживаемое им было столь глубоко внутренним, что могло находить выражение лишь в беседах с глазу на глаз и в идеях его произведений. (*Но о содержании «дьявольских» бесед она не рассказывает. – М. А.*)
>
> В обыденной жизни он отличался большой вежливостью, мягкостью, ровностью характера – ему нравились изящные манеры. Но во всем этом сказывалась его любовь к притворству, к завуалированности, к маскам, оберегающим внутреннюю жизнь, которую он почти никогда не раскрывал (12).

Вот что сообщает другая Ницшева знакомая Ida von Miaskowski:

> Его поведение по отношению к женщинам было таким предупредительным, естественным и дружеским, что даже теперь, когда я состарилась, я не могу считать Ницше женоненавистником. А что касается нескольких резких выражений, которые он написал о женщинах, то я не считаю их враждебными – это просто укоры в женских слабостях, их можно отнести за счёт следов его болезни, которые появились ещё в его ранних работах. И в то же время сколько замечательных слов у Ницше о женщинах и браке, которые полностью снимают обвинения в женоненавистничестве, которыми он как философ себя опровергает (2: 52).

Или вот мнение Ida Overbeck, жены друга Ницше:

> В Ницше была некоторая женственность (2: 33).

Malwida von Meysnbug:

> 1877 – гуляли вдоль берега моря и решили, что

главная цель жизни – это поиск истины.

(А ебля – не самый ли эффективный способ поиска истины?)

Они обсуждали вскоре провалившуюся идею организовать совместную, но только интеллектуальную, жизнь девушек и юношей, где Ницше сразу согласился быть их учителем (Козлом в огороде.).

Malwida посоветовала Ницше не торопиться публиковать его соображения о женщинах, потому как он знал слишком мало женщин. Malwida процитировала ему мысль Рэ, которую она нашла отвратительной и фальшивой, что, мол, женщины всегда предпочитают опытных мужчин.

Ницше улыбнулся её возмущению и сказал:

> Полагаешь ли ты, что существует хоть один молодой человек, который думает иначе?

Баба опять рассердилась, что Ницше тоже так думает, и сказала, что это является лишь ещё одним доказательством, что он не знает женщин (2: 83).

Переводчица Ницше на английский Helen Zimmern, о которой Ницше сказал:

> Очень умная женщина, очень живая, англичанка и, конечно, еврейка (2:169), —

вспоминает так:

> Ницше относился к таким мужчинам, которые изобретают о женщинах теории, но никогда не применяют их на практике (2:168).

Итого, Ницше – женственный, интенсивно размышляющий о женщинах, но весьма поверхностно с ними знакомый (так и не нашедший в них должных и присущих им глубин). Но Ницше-то бредил в своих вещах мужественностью, безжалостностью, жестокостью. В то же время он ненавидел солдатский образ жизни, когда приходилось его вести, но тем не менее грезил себя зверем и писал со службы:

> …я смелый зверь, даже воинственный (3: 37).

Такая ожесточённость против женственности приводит к тому, что она видится Ницше во всём, что ему ненавистно:

> …я внезапно положил конец всему привнесённому в

меня «мошенничеству высшего порядка», «идеализму», «прекрасному чувству», «Богу» и прочим женственностям…. (6:789).

Под конец сознательной жизни у Ницше начинались галлюцинации, отражавшие тщательно скрываемое им желание обилия красивых женщин, его желающих. Он пишет:

> Красивые девушки заигрывают со мной. Люди чувствуют, что я бестия (зверь) (3:136).

Нелады с моралью

Для того чтобы предоставить пространство для деяний сверхчеловека, Ницше требовалось сначала расчистить это пространство от хлама христианской морали. Ницше со своей свободолюбивой натурой настрадался от неё как никто другой. Жаль, что ненависть к морали и её попечителю – христианству, – лишила Ницше веры в Бога и он стал атеистом. Но под конец своей разумной жизни он так уверовал в самого себя, что почитал себя за бога и, стало быть, обрёл веру.

* * *

Ницшева потасовка с моралью является прежде всего попыткой атаковать собственные немощи и попытаться избавиться от них, предложив нечто противоположное, компенсирующее прискорбную сексуальную ситуацию, в которой он пребывал всю жизнь. Вот перечисление главных немощей Ницше:

1. Физическая слабость и болезненность.

> …Воля к здоровью, которая уже часто отваживается рядиться и играть роль настоящего здоровья (6:235).
>
> Во все времена хотели «исправить» людей – это прежде всего называлось моралью (7:585).

Исправление состояло из посадки человека в клетку, клетка разрушает здоровье человека, как и у зверя, посаженного в клетку (7: 586). В результате как животное, так и человек становятся больными.

2. Страдание от одиночества.

Ницше страдает от озноба и тревог одиночества, на которые осуждает всякая безусловная различность взора (6:232).

В то же время одиночество – свирепая мать страстей (6:235).

3. Неспособность сблизиться с женщиной. Желание быть настоящим мужчиной:

> Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. Поэтому хочет он женщины как самой опасной игрушки (7:47).

И в то же время он сам ударяет себя по рукам, придумывая оправдание своей неспособности взять женщину за вымя:

> …одухотворённый взор может иметь большее значение, чем прекраснейшее строение тела… (6:241)

4. Ницше, по натуре своей сочувствующий и соболезнующий – провозглашал безжалостность власти.

> …путь принуждения и авторитета вернее, чем путь хитрости (6:275).

5. Ненависть к женским качествам и жажда женщин.

> Всё в женщине – загадка, и всё в женщине имеет одну разгадку: она называется беременностью (7:47).

(Всё в Ницше – загадка, и она, быть может, имеет три ответа: маленький, плохо стоящий или/и быстро кончающий хуй, который нагнал пожизненный страх перед женщиной, перед своей неспособностью её удовлетворить.)

Главное в моралеразрушительной способности Ницше – это реабилитация наслаждения плоти.

Затем он хочет приспособить к этому подходу женщин, становящихся строптивыми под влиянием новых веяний суфражистской свободы.

Следующим шагом Ницше переиначивает мораль слабых христиан в мораль сильных антихристов, и делает он это с помощью отвергания таких добродетелей, как сочувствие, романтизация женщин, ответственность, понятие «нечистой совести» и пр.

Власть силы, а не компромисса – вот что проповедует Ницше.

Самое омерзительное в отношениях с женщиной – это процесс ухаживания, домогания – именно то, чего её тело совершенно не требует. Насилие, столь воспеваемое Ницше, было гимном изнасилованию.

> Кто может повелевать… кто предстаёт насильником в поступках и жестах – какое ему дело до договоров! (7:463)

Не следует упускать из виду, что основа отношений между мужчиной и женщиной – это компромисс. Женщина раздвигает ноги в обмен на какие-то блага, которые представляет мужчина. Компромисс достигается в процессе переговоров, то есть ухаживания, где прощупывается, у кого имеется какая слабина, чтобы выторговать для себя побольше благ. Мораль – это то, что вынуждает людей идти по дороге компромисса и установления договора, то есть по пути хитрости, лицемерия, лжи – именно того, что было так ненавистно Ницше. Он не умел и не хотел ухаживать – он сразу делал предложение (женитьбы на той, какую хотел, или шёл в бордель и платил деньги или ухватывался за мастурбацию). Сила, которой Ницше наделяет сверхчеловека, так прельщает его именно потому, что она позволяет избегать переговоров и компромиссов, и берёт то, что хочешь – на то она и сила. Причём у сверхчеловека есть не только сила, но и дух, который необходим для того, чтобы решиться своей силой воспользоваться.

Сила духа, которая необходима для насильника-сверхчеловека, обеспечивается свержением христианской морали и установлением морали сильного. Сильному компромиссы не нужны. Обращение к компромиссу – знак слабости.

* * *

Под конец своей вменяемой жизни Ницше понял, что легально получить женщину с помощью женитьбы ему не удастся, и он успокаивает себя, придумывая себе оправдание:

> Женатый философ уместен в комедии, таков мой канон… (7:480)

Идея обладания женщиной, по Ницше, – это насилие. Таким образом, Ницше не уничтожает мораль вообще, а заменяет одну мораль на другую, которая ему представляется более человечной (сверхчеловечной). Но так как у Ницше не хватает духа и физических сил жить, следуя своей новой морали, то он для этого придумывает сверхчеловека, которому такая мораль по плечу.

Прежде всего не следует забывать, что имморализм Ницше – это всего лишь слова. Что касается действий, то Ницше не убивал слабых, более того, сам был слабый, больной, временами почти

слепой. Выступая против сострадания, Ницше сам жаждал его, но гордость не позволяла это признать, и он изо всех сил хаял сострадание, как лиса отвергала недоступный ей виноград.

* * *

В Заратустре имеется мудрёная главка «О целомудрии», в которой Заратустра говорит (голосом Ницше):

> В городах трудно жить: там слишком много похотливых людей.

Почему же трудно? – Да потому, что есть огромное желание подражать этим похотливым людям и в то же время полная неспособность это сделать?

И далее Ницше изгаляется:

> Не лучше ли попасть в руки убийцы, чем в мечты похотливой женщины? (7: 39)

Что же его так драматично страшит в том, чтобы женщина его возжелала? Не то ли, о чём Ницше отчаянно мечтал, но никто не хотел брать его ни в мечты, ни тем более – в объятия. Можно подумать, что Ницше решил прикинуться святым Иосифом, верным своему боссу – философии.

Дрожащим от похоти голосом Ницше принуждает Заратустру вещать и такую чушь:

> И посмотрите на этих мужчин: их глаза говорят – они не знают ничего лучшего на земле, как лежать с женщиной.

Эта тирадка, которую доверчивый читатель готов воспринимать как обличение разврата, есть по сути чистой воды зависть Ницше к мужчинам, лежащим с женщиной. А лучше – с женщинами.

* * *

> Как ловко умеет сука-чувственность молить о куске духа, когда ей отказывают в куске тела! —

чревовещает Ницше, держа в руках куклу Заратустры (7:39).

Так Ницше точно очертил суть духовной жизни, возникающей как результат полового голода. Вскоре Фрейд разработал на той же идее свою теорию сублимации.

* * *

Интересно также, что Ницше называет себя:

> я – старый имморалист… (6:233).
>
> Мы, имморалисты!.. – болваны и очевидность всегда против нас! (7:347)

Из такого термина должно бы следовать, что Ницше выступает против морали как таковой, оставляя вместо неё пустое место. Но, как водится, природа не терпит пустоты, и христианская мораль заменяется моралью сверхчеловека.

Подобное происходит, когда Ницше называет себя антихристом – в итоге он не оставляет пустоту атеизма, а заменяет Христа Заратустрой, сверхчеловеком, то есть собой. Оба эти негативные определения имморалиста и антихриста обрекают на вечную зависимость от того, что отрицаешь, а следовательно – на вторичность. Поэтому даже позитивное содержание этих определений всегда обусловливается ненавистными Ницше моралью и христианством, тем самым гарантируя им жизнь до тех пор, пока отрицательные приставки *анти-* и *им-* являются сутью Ницшевых определений.

Кстати, позитивное понятие «сверхчеловек» опять-таки зависимо от «человека», столь ненавистного Ницше. Приставка *сверх-* связывает по рукам и ногам весь Ницшевый радикализм, попадающий в зависимость от «человека». Так «сверхчеловек» недалеко ушёл и от «недочеловека».

Радикальнее было бы придумать слово, как отражающую суть сверхчеловека, например, назвать его «ёбарь».

* * *

> Мораль отрицает жизнь… (7:526) —

пишет Ницше. А в чём состоит та жизнь, которую мораль отрицает? Интеллектуальную жизнь Ницше вёл в полной мере свободную, и ничьи «отрицания» не мешали его мыслительному процессу. Жил он повсюду, где хотел, и мораль не стесняла его

свободы передвижения. Но мораль всячески отрицала его половую жизнь – она установила преграды, которые Ницше не мог преодолеть.

В другом месте он сам подтверждает, что все его проблемы с моралью сводятся к сексу:

> Всякая здоровая мораль подчиняется инстинкту жизни… Противоестественная мораль, то есть почти всякая мораль, которой до сих пор учили, которую чтили и проповедовали, направлена… против инстинктов жизни. Святой, угодный Богу, есть идеальный кастрат… (7: 575).

Половая мораль – это не что иное, как метод установления принудительного разделения половых органов друг от друга, позволяющий собирать дань за право их совокупления. Практически это осуществляется с помощью насаждения стыда.

Значит, противоположностью кастратской морали, прочь от которой стремился Ницше, является мораль гедонизма (истинного служения Богу с помощью наслаждения) – задачей которой в противоположность нынешней, становится добровольное соединение половых органов с помощью искоренения стыда.

Стыд – это синтезированный обществом страх, который оно вливает, как яд, в кровь здорового человека. Человек рождается бесстрашным перед своей и чужой наготой, но его втягивают в общественный заговор стыда. Этот заговор против самих его участников, и многие из них вовремя раскрывают его, но стыд на всю жизнь оставляет кровавый след в душе.

Самый грандиозный заговор, подлость, ложь в человеческом обществе – это половой стыд, это насильно навязываемая запретность нагого тела.

Борьба с моралью у Ницше сводилась к борьбе с сексуальным стыдом, который зловеще материализуется в женской недоступности.

Не зря Ницшевый Заратустра лишён стыда:

> Я сорвал с себя одежды. Я не стыжусь своей наготы! (4: XV)

Если только вдуматься в это привычное умопомешательство стыда, то можно снова помешаться и таким способом выйти в нормальные. Это ведь подумать только: самое важное, что занимает умы, души, жизни людей, – это как и с кем совокупиться, а потом, когда это «сверхжелание» так или иначе

свершается, его удовлетворение делают высшей тайной, за раскрытие которой грозит не только тюрьма, но часто и лишение жизни. То есть делать открыто то, для чего человек рождён и существует, запрещено, а совершать это можно только скрыто, будто это преступление, которое терпится обществом лишь потому, что оно не хочет вымереть.

Когда научатся конвейерно оплодотворять в пробирках и вставлять эмбрионы в матки для высиживания, секс останется лишь для наслаждения, и тогда у радикалов-моралистов появится основание его практически полностью запретить. Если Церковь выступает против искусственного осеменения, то скоро она одумается и будет его пропагандировать изо всех сил, так как искусственное осеменение сделает в глазах Церкви ненужным половой акт с его наслаждением, которое испокон веков стоит христианству поперёк горла.

* * *

Несмотря на оскопляющие ужасы христианства, которым подвергались и подвергаются народы, несмотря на атаки Ницше и иже с ним, христианство по-прежнему функционирует, и люди радостно обманываются, из чего следует заключить (а бизнесмены, включая попов, давно это уразумели), что люди рождены для слепой надежды, и пытаться это менять – значит выступать против природы. Природы быдла. Овец надо пасти и стричь – вовсе не случайный евангелический лозунг. И единственно возможное равенство между пастухом и овцой может произойти только в момент их совокупления.

* * *

Жестокость возникает от мстительности за настойчивое удержание от тебя того, чем ты хочешь владеть. Видя жестокость, всегда можно утверждать, что за ней кроется месть. Ницше пытается жестоко мстить морали за то, что она лишила его женщин. Но мораль только ухмылялась, молча сводя его с ума.

* * *

Самое подлое в христианской морали – это прощение врага. Прощение – это красивая мина при плохой игре немощи. Как

компромисс возникает от бессилия, так же от него рождается самоистязание прощения. Непокаявшегося врага надо уничтожать, а за покаявшимся следить, чтобы при необходимости уничтожить. Ницше не простил Лу за то, что ему не дала, но месть его оказалась лишь на уровне сплетен.

* * *

Серьёзно говорить о морали, биться с ней – это значит вставать с ней на одну ступень, значит воспринимать её по той высокой цене, за которую она себя продаёт. Нет, к морали следует относиться только с издёвкой, с иронией, с юмором.

Сверх кого?

«Сверхчеловек» – это краеугольный камень Воздушного Замка Мечтаний имени Ницше. В США сверхчеловек обернулся суперменом, который обладает сверхчеловеческими физическими и умственными способностями и который, как ванька-встанька, выходит невредимым из любых смертельных битв и приключений. (Сверхчеловеки населяют фольклор всех народов с давних времён: Гераклы, Братья Ли, Иванушка-дурачок и др.). Ницше придумал новое цепкое слово и начинил его многозначительными намёками на то, что он так и не осмелился произнести. Гитлер договорил за Ницше свой вариант сверхчеловека – эсэсовца, гестаповца и прочих людоедов. СССР сделал своего – коммуниста, стукача, передовика.

В *Так говорил Заратустра* говорится о сверхчеловеке наиболее подробно и пылко. И тем не менее я, к своему удивлению, обнаружил, что Ницше из рук вон плохо объяснил, что это за фрукт.

Сверхчеловек у Ницше – это пустой сосуд чарующей формы, в который можно наливать любую жидкость, и оттого она будет казаться точно перенявшей формы сосуда. В том-то и опасность красивого сосуда, что даже яд в нём будет смотреться красиво и притягательно.

Меня заинтересовало, что же Ницше представляет под этим завлекающим словом «сверхчеловек», какими качествами он его наделяет, кроме тех, что якобы находятся по ту сторону добра и зла (то есть по шею в аморальном кодексе сверхчеловека). Что же этот сверхчеловек делает? Чем занимается?

Однако ничего, кроме помпезных поэтических образов, я не

нашёл.

Ну что сделать с такими красивостями из *Заратустры*?

> Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – это молния, он – это безумие!

Или вот красивость чуть многословнее:

> Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?
>
> Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Оказывается, Ницшева теория эволюции выглядит так: зверь – человек – сверхчеловек. Но что же всё-таки сверхчеловек, что у него за личные качества? Характер? Чем, наконец, сверхчеловек отличается от просто человека? И что нужно делать, чтобы «превзойти себя» (то есть выше хуя прыгнуть)?

Ответов на эти вопросы у Ницше не имеется, но зато в изобилии присутствует поэтическая бессмыслица:

> Сверхчеловек – смысл земли. Некогда смотрела душа на тело с презрением: и тогда не было ничего выше, чем это презрение, – она хотела видеть тело тощим, отвратительным и голодным. Так думала она бежать от тела и от земли.

Ага, значит, некая (христианская) душа презирала тело, а оказывается, оно не так уж плохо, особенно когда оно сверхчеловечье. Итак, у сверхчеловека тело не вызывает презрения, как это происходит у человека.

А земля тем временем полнится смыслом, и этот смысл – сверхчеловек. Нет, – говорю я себе, – до сих пор непонятно, что же из себя этот сверхчеловек представляет?

Ищу и нахожу ещё одно «математически точное» определение:

> Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью (*7:9*).

То бишь канат над пропастью во ржи.

Ницше изъясняется о сверхчеловеке так:

> …он – это море, где может потонуть ваше великое

презрение.

Ух ты как завернул! Но от этого понятнее, кого имеет в виду Ницше под сверхчеловеком, не становится. Скорее наоборот.

Но Ницше вдруг плюёт на море и бросается в небеса, где размещает своего сверхчеловека:

> он – это молния, он – это безумие!

Стало быть, сверхчеловек ведёт себя так, как для человека бы посчиталось безумием. Что же это за такое «безумное поведение»?

Имеется у Ницше и такое признание:

> Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы когда-нибудь жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели.

Прежде всего здесь Ницше заявляет, что любит себя, ибо он на протяжении всей жизни утверждал, что живёт для познания. Предчувствуя собственную скорую гибель (во всяком случае, как познающего существа), Ницше мостит дорогу к признанию значительности своей гибели, ибо она произойдёт не напрасно, а во имя сверхчеловека, на котором он и свихнулся (то есть погиб в качестве познавателя). Ницше развивает библейское «умножая знания, умножаешь скорбь» в «умножая знание, добьёшься смерти», но это в то же время и способ сотворить сверхчеловека.

Эдакий бред может прельстить только впечатлительные поэтические натуры, каковых в мире нашлось немало. Но по-прежнему Ницше изо всех сил избегает сказать что-либо конкретное о сверхчеловеке. Если жулики-прорицатели предсказывают события в чрезвычайно общих выражениях, чтобы любой ход будущих событий смог вписаться в их «пророчества», то Ницше избегает всякого намёка на конкретность описания сверхчеловека, потому что, как я считаю, он не осмеливается до конца признаться в своих истинных желаниях.

* * *

Так верещал Заратустра – это напыщенное хмурое произведение, лишённое юмора – того, что Ницше так ценил в других произведениях. Все эти пышные фразы Заратустры – подобны призывам КПСС. Так что к сверхчеловеку и прочему Заратустриному нельзя относиться хоть сколько-нибудь серьёзно. Сам Ницше призывал в *Весёлой науке* презирать, когда

человеческий род постановляет:

> есть нечто, над чем абсолютно нельзя больше смеяться! (6:515)

Так что давайте посмеёмся над Ницшевым Заратустрой!

* * *

Всё это витиеватое, литературно-орнаментальное убегание от сути сверхчеловека делает *Заратустру* самопредательством Ницше. Заратустра – это лобовое подражание стилю Нового Завета, где ненавистного Ницше Христа шилом на мыло заменил помпезный Заратустра. Ницше взял мифического персидского пророка и стал его нашпиговывать своими несбывшимися страстями. Причём Ницше тщеславно вещал устами Заратустры и тем самым думал, что свергал Христа, становясь на его место, воображал себя пророком и в конце концов самим Христом, когда окончательно свихнулся.

Из-за стилизации под Новый Завет *Заратустра* и стал наиболее популярным произведением Ницше: притчи, призывы и пророчества – надёжный стиль для завоевания (чел?)овечьих душ. Это самая приглядная упаковка залежалого товара.

Гипнотизирующий рефрен (hook) в конце каждой главки – «Так говорил Заратустра» – создаёт музыкальный приём припева, и благодаря этому текст впечатляет слабодушных новозаветным муляжом-мухляжом.

* * *

Подоплёка сверхчеловека у Ницше весьма прозаична и прозрачна – он пишет:

> …вы бы назвали моего сверхчеловека – дьяволом!

Ясное дело – Ницше хочет стать не столько сверхчеловеком, сколько дьяволом, но называть сверхчеловека этим христианским термином для ебли было бы слишком тривиально, да и самовыдающе. Кроме того, дьявол по своей сексуальной сути – это тот же Дионис в садистско-христианском исполнении. Причём если поначалу Ницше лишь мечтает ими быть, то под конец он уверен, что он и есть помесь сверхчеловека с дьяволом. Ну а если он не дьявол, то сатир.

Я предпочёл скорее быть сатиром, чем святым, —

пишет он в *Esse Homo* (6: 694). Разумеется, сатиром лучше, ибо святой – это кастрат, а Ницше хочет быть прежде всего ёбарем, но не осмеливается сказать об этом и пользуется околичностями (Диониской, дьяволом и сатиром) – персонажами, которые прежде всего связываются с беспорядочной и обильной еблей. То, что больше всего волнует Ницше и чего он больше всего желает, он всячески изымает из своих писаний, вернее, не допускает до письма и ищет своей правды в недоговорках и ходульном образе сверхчеловека.

* * *

Есть только одна, по-видимому самая важная, характеристика сверхчеловека, которую Ницше просто не в состоянии утаить. Любя тех, кто живёт для познания, Ницше (Заратустра) пишет:

> Так говорит познающий: стыд, стыд, стыд – вот история человека!

Разумеется, сверхчеловеку, оттолкнувшемуся от человека, будет прежде всего неведом стыд. И далее:

> И вы, мудрые и знающие, вы бежали бы от солнечного зноя той мудрости, в которой сверхчеловек купает с радостью свою наготу.

Итак, мы выяснили, что сверхчеловек лишён стыда и ходит нагим. Причём мудрость его – в наготе. Выудив это признание у Ницше, я опять попадаю в его пустопорожние обещания:

> К созидающим, к пожинающим, к торжествующим хочу я присоединиться: радугу хочу я показать им и все ступени сверхчеловека.

А где они, эти ступени? Ни одной Ницше не показывает и ведёт свою проповедь так, чтобы ничего не сказать, по принципу: «Пойди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что».

* * *

Известно, что одиночество мучило Ницше, и потому он

вкладывает в уста Заратустры такое пророчество:

> Пусть друг будет для вас праздником земли и предчувствием сверхчеловека.

Ницше так не хватало близких друзей, что в каждом из них ему виделось свое светлое будущее, полное друзей-сверхчеловеков.

* * *

Не давая никаких объяснений, как же всё-таки появится сверхчеловек из обыкновенного человека, Ницше скатился на ту же христианскую проторённую тропу чудесного рождения. Хорошо, что он хоть не упоминает непорочность зачатия. Вот как он обращается к женщинам, будучи не в состоянии сам посодействовать рождению у них сверхчеловечка:

> Пусть луч звезды сияет в вашей любви! Пусть вашей надеждой будет: «О, если бы мне родить сверхчеловека!»

Потом Ницше пускается в ещё более сложную генеалогию и напускает такого туману, что о процессе появления сверхчеловека можно только сказать, что «процесс пошёл».

> Вы, сегодня еще одинокие, вы, живущие вдали, вы будете некогда народом: от вас, избравших самих себя, должен произойти народ избранный и от него – сверхчеловек.

Ну, и как он должен «произойти»?

> Так чужда ваша душа всего великого, что вам сверхчеловек был бы страшен в своей доброте!

Ага, оказывается, сверхчеловек и ещё и добрый. Причём настолько, что становится страшно. Вот оно как!

> …я угадываю, вы бы назвали моего сверхчеловека – дьяволом!

Давайте-ка вспомним личную характеристику дьявола и сравним с тем, что мы выяснили о сверхчеловеке?

Оба любят наготу, лишены стыда – но что же ещё сверхчеловек позаимствовал у дьявола, что его можно так легко с

ним спутать? Об этом Ницше умалчивает. Но мы-то знаем – это, говоря по-английски, sex drive, и, продолжая по-русски – огромный член и ложащиеся под него женщины.

* * *

Неопределённость черт сверхчеловека напоминает неопределённость бога-папашки. В какой-то момент Ницше торжественно восклицает:

> Бог умер: теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек.

Сверхчеловек вполне обладает признаками языческого бога – почему бы ему не занять место иудо-христианского?

В конце концов появляется ещё одна черта сверхчеловека – злость, которая необходима для эффективного мщения, о чём писалось выше.

> «Человек должен становиться все лучше и злее» – так учу я. Самое злое нужно для блага сверхчеловека…
>
> Могло быть благом для проповедника маленьких людей, что страдал и нес он грехи людей. Но я радуюсь великому греху как великому утешению своему.
>
> Но все это сказано не для длинных ушей. Не всякое слово годится ко всякому рылу. Это тонкие, дальние вещи: копыта овец не должны топтать их!

О каком таком «великом грехе» говорит Ницше? Причём о таком, о каком не следует говорить «всякому рылу», ибо нельзя дразнить гусей, и для этого знание делается эзотерическим. Великий грех сверхчеловеческой бесстыдной ебли нельзя отправлять всенародно, чтобы не давать пример низшим рылам, которые должны послушно рыть землю и в конце концов удобрять собой почву для произрастания сверхчеловека.

* * *

В своей работе *Антихрист* Ницше осторожно даёт понять, что сверхчеловек, оказывается, не дело будущего, а попадался уже и в его время (как снежный человек):

> …в единичных случаях на различных территориях земного шара и среди различных культур удаётся

проявление того, что фактически представляет собою высший тип, что по отношению к целому человечеству представляет род сверхчеловека. Такие счастливые случайности всегда бывали и всегда могут быть возможны. И при благоприятных обстоятельствах такими удачами могут быть целые поколения, племена, народы.

Вот практически и всё, что сказал Ницше, пытаясь описать «сверхчеловека». Из всего этого поэтического бреда можно сделать следующие выводы о вожделенной для Ницше сути сверхчеловека: сверхчеловек кое-где уже существует и даже при «благоприятных обстоятельствах» проживает в значительном количестве. Вот опознавательные знаки сверхчеловека:

Превращение в сверхчеловека осуществляется через познание.

Сверхчеловек любит телесное и ни в коем случае им не пренебрегает в пользу так называемой души.

Поведение сверхчеловека идёт вразрез с общепринятыми нормами и может представляться безумием. В основном это происходит потому, что сверхчеловеку неведом стыд.

Для сверхчеловека дружба будет основанием для большой радости.

Доброта нагого сверхчеловека такова, что у человека может вызвать страх, причём такой силы, что сверхчеловека посчитают за дьявола.

Злость и великая греховность – необходимые компоненты сверхчеловека.

Прежде чем сверхчеловек населит собою всю землю, сверхчеловеки будут на положении избранного народа, который должен хранить в секрете для себя свою сверхчеловечность.

* * *

Ницше ревновал женщин к ко всему, что отвлекало их от главного назначения – половой и семейной жизни. Он яро выступал против их свежей вовлечённости в борьбу за социальное равенство.

…говорить о равноправии с женщинами – признак плоскоумия.

Человек с умственной глубиной склоняется к выводу

Востока – женщина предмет обладания… (7:356)

Ницше не понимал, что женщины взялись бороться за социальную справедливость именно потому, чтобы получить возможность больше и беспрепятственней ебаться, но, не осознавая или скрывая это, женщины прятались за экономические и социальные лозунги.

Женская половая жизнь была основой для появления в будущем сверхчеловека, и Ницше изо всех сил её охранял.

* * *

Ницше теоретически расправился с моралью, но сделаться сверхчеловеком самому и жить по ту сторону добра и зла он не смог, он лишь называл себя имморалистом, а жить имморалистом не сумел. Из-за несоответствия своей духовной свободы и неспособности её использовать в физическом мире Ницше сошёл с ума. (Не моча ударила в голову, а сперма.)

* * *

Хочется пофантазировать: что бы Ницше стал делать, удовлетворив свою «волю к власти», обретя её, став сверхчеловеком.

Избавившись от морали и обладая властью, будучи злым и сильным, он смог бы прежде всего и как минимум изнасиловать Саломе – именно то, что он не посмел сделать, неоднократно находясь с ней наедине. А в те времена изнасиловать одинокую девушку было проще простого. Саломе не пошла бы жаловаться в местную полицию, что её изнасиловал респектабельный мужчина, её близкий знакомый. Это было бы немыслимо. Мужчины-родственника, который бы защитил её честь, рядом не имелось. Если Ницше был бы мужиком, именно тем, кем он хотел видеть суперчеловека – лишённым сострадания (к просьбам бабы: пожалей, не трожь, не еби), лишённым стыда (ебущим её во все дырки), лишённым угрызений совести (взял силой – только так и надо), радующимся от плотских наслаждений (своих и Саломеи), то именно так он бы и поступил. О чём небось Ницше фантазировал за писанием *Заратустры.*

* * *

Из своей личной проблемы философ создаёт мировую, то есть занимается проецированием своей проблемы на мир и пытается теоретически решить её, потому как в мировом масштабе её возможно решить только теоретически, да и теоретическое решение для философа гораздо легче практического. Вот Ницше и создал монстрика сверхчеловека, чтобы уладить свои личные делишки.

«Я хочу ебаться – дайте мне бабу!» – есть предмет философии Ницше в иносказании просторечия.

Мы, сверхчеловеки!

«Все мы боимся истины… (7: 714) —

замечает Ницше и прячется за общими словами о сверхчеловеке.

И впрямь – только сумасшедший говорит правду. Достаточно ли я сошёл с ума, чтобы высказать правду?

* * *

Полупризнаваясь в сути своих желаний, Ницше не осмелился произнести их вслух, а изображал их отстранённо-поэтически, помпезничая, хотя часто и с ухмылкой. Из-за того, что Ницше не осмелился сказать как есть, он в результате наплодил новые мифы, интерпретировать которые принялись как дураки, так и злодеи.

Я же доведу его мечту если не до конца, то до всем наглядного воплощения. Смысл – не выдумывать сверхчеловека, а увидеть его.

Так что Ницше прав – сверхчеловек существовал уже в его время. А я скажу, что сверхчеловек существовал испокон веков, существует и ныне. Ницше говорил о «счастливых случайностях и благоприятных обстоятельствах», при которых возникают племена сверхчеловеков, однако Ницше, как обычно, не разъяснил, в чём же состоят эти случайности и обстоятельства.

Сверхчеловеки всегда испытывали на себе пренебрежение, а чаще притеснение со стороны толпы, и особенно религиозной. Имя этим сверхчеловекам – ёбари, бляди, развратники, либертины. Это люди, которые обладают не только сильными, но и быстро возрождающимися желаниями. Вследствие своего призвания эти люди лишены стыда, брезгливости, угрызений

совести. Сексуальная верность для них равносильна смерти. Их сверхчеловечность обусловлена тем, что большее количество оргазмов приближает их к Богу, а точнее, они чаще находятся с ним на связи. Эти люди славят похоть и видят в ней настоящую любовь, а не христианскую бесполую мертвечину.

Дар ебли узнаётся в сверхчеловеке с самого детства. Его интересы фокусируются на сексуальных играх с собой и с детьми. Вовсе не касты, не богатство, не социальное положение, не классы объединяют ёбарей. Сверхчеловеки объединяются по бесстыдству и неуёмности похоти, сметая границы, наведённые классами, сословиями, деньгами.

Так как все вокруг ополчаются на них по моральным соображениям, эти люди не афишируют себя, тайно узнают друг друга (рыбак рыбака видит издалека) и стремятся объединиться в группы. Группового секса, например.

* * *

Литература подобна заговариванию зубов от боли – она заговаривает человека от похоти. Но мне теперь и литература не помогает. Именно похоть, никогда не удовлетворяемая до конца, выводит из тюрем: тюрьмы одиночества, тюрьмы моногамии, тюрьмы свободы.

* * *

Устрашающе унизительно исчезновение похоти.
Всеохватно вдохновляюще её возвращение.

Ницше справедливо пишет:

> Человек совсем не венец творения, каждое существо рядом с ним стоит на равной ступени совершенства (7:641).

Абсолютно верно, и тогда зверь может развиться в «сверхзверя». Сверхчеловеку будет под стать иметь рядом сверхзверя. Хотя бы для удовлетворения сверхзоофильских порывов.

* * *

В момент приближения к оргазму и во время него каждый человек ощущает себя сверхчеловеком, а именно, вне морали и стыда, полнящимся силой и властью, по ту сторону добра и зла. В эти «минутные мгновения» человек не только ощущает себя, но и в действительности превращается в сверхчеловека. Таким образом, чем дольше длится сексуальное наслаждение, тем дольше мы пребываем сверхчеловеками. Поэтому становится ясен путь, который ведёт к сверхчеловечеству – продолжительная, часто возобновляющаяся ебля.

* * *

Оргазм настолько самоценен, что пребывает по ту сторону добра и зла. Таким образом ницшевская мечта – пребывать по ту сторону есть не что иное, как мечта об оргазме. Тогда становится понятным и стремление сверхчеловека – учащённо испытывать оргазм и перманентно кружиться вокруг него. Так как женщинам это удаётся лучше, чем мужчинам, то они гораздо ближе к сверхчеловеческому состоянию, нежели мужчины, но только с помощью обилия мужчин они в состоянии реализовать свою потенциальную мощь.

* * *

> Всякая религия есть дело черни (7:762), – *писал Ницше.*

А вера есть дело сверхчеловека, – уточняю я.
Однако Ницше парирует:

> Верой называется нежелание знать истину (7:678).

Но я не уступаю: для сверхчеловека вера сливается со знанием истины, которая обретается в оргазме. Вера не длится, а раз за разом ищет своего подтверждения чудом оргазма.

Сверхчеловек живёт эзотерически. Privacy – это нынешнее воплощение эзотеризма, это ограда, но не от стыда, а от зависти черни к бесстыдству и сексуальной жажде сверхчеловека.

Великая сила полового влечения – это критерий опознавания сверхчеловека. Он узнаётся своей мощной похотью, чуть ли не сразу возвращающейся после своего удовлетворения. Это не те унылые существа, которым хватает одного оргазма в неделю, не те, кому хватает одного оргазма в день, а также не те, кому

хватает одного оргазма в час, а также не те…

* * *

Невозможно быть честным и искренним нигде, пока ты не честный и искренний в сексе. Более того, будучи искренним в сексе, ты неизбежно становишься искренним везде. Сверхчеловек всегда искренен, ибо не умеет скрывать своих желаний, ибо они несут наслаждение всем, с кем он (она) соприкоснутся.

* * *

Всякое подавление секса есть самое нетерпимое преступление в глазах сверхчеловека, так как оно направлено против основ жизни как таковой.

Сверхчеловек силой приводит к наслаждению всех непокорных, а злостно препятствующих наслаждению – уничтожает.

* * *

Горестное время ползёт, счастливое время летит. Таким образом, сверхчеловек движется по направлению к Богу гораздо быстрее.

* * *

Избавление от стыда даст свободный выход бессознательному в сознательное, и таким образом исчезнут все неврозы – одна из характеристик сверхчеловека. Освобождение от стыда происходит с помощью познания, которое, согласно Ницше, является целью жизни. Единственное познание, которое приносит истинное наслаждение, – это познание женщин.

Первый шаг на этом пути – перестать испытывать стыд за свои сексуальные фантазии, какими бы неприемлемыми они ни казались с точки зрения общества. Самобичевание за сексуальные фантазии – признак недочеловека. Свершение всех сексуальных фантазий – привилегия сверхчеловека.

* * *

Ницше и Рэ, будь они сверхчеловеками, сделали бы Лу double penetration, и ей бы стало не до философских разговоров, как и им самим. А то, разглагольствуя о назначении женщины, недомужики не смели её использовать по этому назначению.

* * *

Я привязываю философию не к абстрактному добру или злу, не к метафизической или относительной истине, а к неопровержимому оргазму. Оргазм – это аксиома, на которой строится теория и практика сверхчеловека.

* * *

Библейские заповеди состоят из запретов. Негативность морали – в набрасывании уз на желания. Мораль же сверхчеловека позитивна и состоит из единственной заповеди: «Наслаждайся, принося наслаждение».

Вместо десяти заповедей, она одна, и только одна, повторяется десять раз для лучшего её заучивания и усвоения. Так что заповедь сверхчеловека несёт также функцию мантры.

* * *

Ницше утверждал:

> Из всего написанного я люблю только то, что пишется своей кровью (7:28).

А я предпочитаю писать спермой. Кровь – это настоящее, сперма – это будущее.

Писать спермой – всё равно что писать симпатическими чернилами: поначалу ничего не видно, но писанное проявится через 9 месяцев. Писать в стол пизды – весьма продуктивно: все увидят и прочтут.

* * *

Относиться серьёзно ко всему, что Ницше написал, – это значит перенять его сумасшествие без его гениальности. Я посмеиваюсь над Ницше, но серьёзно смотрю ему в усы, то есть в

глаза. Ницше призывал меня, моё появление, называя меня и мне подобных «весёлыми и дерзкими ребятами» (6,233).

Активная и творческая ебля возможна лишь при веселье и дерзости. Недаром пессимизм – неизлечимый недуг старых идеалистов и лгунов (6: 236),

> которыми и являются те, кто сторонятся половой жизни или её клянут.

* * *

Секс – это основа, исходный материал, абсолютная изначальная энергия, stem cells, из которых может вырасти любой орган, любое духовное явление. Сверхчеловек – средоточие этой энергии.

* * *

Желание пылко убеждает: «Я буду длиться вечно, ибо я – вечный двигатель».

Но когда после оргазма желание бесследно исчезает, ты обращаешься к нему вослед с укоризной: «Что ж ты меня обмануло?»

И тогда желание отвечает из сиюминутного будущего: «Я не говорило, что буду длиться непрерывно, но повторяю: я буду длиться вечно, ибо я приостанавливающийся вечный двигатель».

* * *

Категоричность и прямота – это желание упростить. А упрощение необходимо для того, чтобы выйти из размышлений и предпринять действие.

Если же меня за мою прямоту упрекнут в глупости, то я могу заслониться, как щитом, цитатой Ницше:

> …иногда даже глупость делается маской рокового, слишком уверенного в себе знания (*По ту сторону Добра и Зла*).

* * *

Философия – великая наука хотя бы потому, что может всё объяснить, а следовательно – оправдать.

ИСПОЛЬЗОВАННОЕ:

1. Nietzsche. A Philosophical Biography by Rudiger Safranski. New York: W. W. Norton, 2002. 410 p. ISBN 0-393-05008-4.

2. Conversations with Nietzsche. A life in the Words of His Contemporaries. Edited by Sander L. Gilman. Oxford University Press, 1987. 276 p. ISBN 0-19-504961-6.

3. Nietzsche in Turin. An Intimate Biography by Lesley Chamberlain. New York: Picador, 1996. 256 p. ISBN 0-312-19938-4.

4. *Joachim Kohler.* Zarathustra s Secret. The Interior Liffe of Friedrich Nietzsche. Yale University Press, 2002. 278 p. ISBN 0-300-09278-4.

5. *Leonard Sax.* What was the cause of Nietzsche s dementia? *11* Journal of Medical Biography. 2003. № 11. P 47–54.

6. *Ницше Фридрих.* Сочинения/В 2 т. ISBN 5-244-00138-8. М.: Мысль, 1990. Т. 1.

7. *Ницше Фридрих.* Сочинения / В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. *2.*.

8. Письма Ницше // Дружба народов. 2007. № 5.

9. Письма Ницше // Дружба народов. 2003. № 12.

10. *Эткинд А.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. С. Петербург: Медуза, 1993. 464 с. ISBN 5-87775-001-1.

11. *Галеви Даниэль.* Жизнь Фридриха Ницше / Репринт, 1911. Рига, 1991. 272 с. ISBN 5-7960-0112-4 1911.

12. *Лу Андреас-Саломе.* Фридрих Ницше в зеркале его творчества.

13. http://lib.ru/FILOSOF/SALOME/nit.txt

14. Ницше в Рунете http://lib.ru/NICSHE/ и http:// www.nietzsche.ru

15. Лу Саломе в Интернете: http://xyz.org.ua/russian/win/ discussion/ erotic.html

Чувства и механика

Doris Lessing. **The Golden Notebook. New York: HarperPerennial, 1999. 640 p. ISBN 0-06-093140-X.**

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2008. № 164.

В скобках указаны страницы приведённой книги.

С невероятным усилием я заставил себя прочесть сто страниц из шестисот сорока. Остальной текст я прицельно просматривал. Я подверг себя таким мучениям лишь потому, что Doris Lessing (родилась в 1919 г.) получила Нобеля за литературу в 2007 году. Именно этой вещью она якобы потрясла фемин и принесла им свободу феминистическую.

Впервые *Золотая тетрадь* была издана в 1962 году. То есть автору было 43 года – должна была быть опытной женщиной. Но, как известно, всякий опыт (даже мой) – относителен.

Состоит книга из пяти глав, и все они имеют одно и то же название: «Free Women»[21]. Это зело говорит о фантазии авторши и о её упёртости в тему. Хорошо хоть, что номера у глав разные.

Мелкая вязь текста демонстрирует мастерство литератора (и вязальщицы), но рассматривать её почти так же утомительно и нудно, как и плести. Тем более что текст – это не ковёр, который надо сделать определённого размера, чтобы им укрыть данное пространство. Пространство книги определяет сам автор, в зависимости от своего чувства меры. А в этой книге можно было бы поставить слово «конец» после первых пятидесяти страниц безо всякого ущерба для общего содержания.

Прежде всего книга вызывала у меня непреходящее раздражение, ибо загажена коммунизмом. Все или почти все герои книги – коммунисты, активные или пассивные, то есть бывшие. Сплошной Сталин, кое-где Хрущев, Коммунистическая партия и обсуждения, «что такое очень хорошо» коммунизма и «что такое очень плохо» капитализма. Назойливо описывается затянутая фаза прозрения западных коммунистов после «разоблачения культа личности Сталина». И бесконечные, безбрежные, бескрайние разговоры и разговорчики.

Не раз уже доказано, что вся суть политики и причины, по которым женщины и мужчины ею занимаются (в этой книге и в жизни), состоят в неспособности вдоволь оргазмировать или, говоря красивше, вдоволь любить. Свободные, бля, женщины (героини романа) растят детей без мужей и становятся членами компартии, так как не могут найти хорошего члена. Вся эта партийная сублимация, которая стоила жизней сотен миллионов

людей, решалась бы просто, смоги героиня и ей подобные иметь хорошего мужика. Вот признание одной из «свободных женщин»:

> Истина в том, что мне наплевать на политику и философию и на всё остальное, всё, что для меня важно, чтобы Майкл повернулся в темноте и уткнулся лицом в мои груди (285).

То ли с иронией, то ли с марксистской серьёзностью героиня замечает:

> Если марксизм имеет какой-то смысл, то этот роман должен отражать истинное положение вещей в обществе, поскольку эмоции есть не что иное как результат функционирования общества (41).

Вся эта несчастная женская политика сдабривается сексуальными откровениями, которые и произвели впечатление на женщин времени выхода книги из печати. В этих откровениях светятся набитые столетиями «фонари» женских заблуждений о мужчинах.

Так, авторша вкладывает в уста мужчины такую чушь. Он жалуется на своё безразличие к некогда желанной жене:

> – Как сделать, чтобы у меня вставал на женщину, на которой я женат пятнадцать лет? (30) —

сокрушается муж.

Вот она, извечная иллюзия женщин по поводу мужчин, что, мол, желание непременно и обязательно выражается в эрекции. А если нет эрекции, значит, мужчина женщину не хочет. Это заблуждение подобно мужскому по отношению к женщинам: раз она мне даёт, значит, она меня хочет. Тогда как, разведя ноги, женщина думает об ожидающей её большой стирке (или о других мелких делах), пока муж в ней копошится. Так и женщина приравнивает мужское желание к эрекции, тогда как импотент может безумно желать женщину, а у другого мужика эрекция возникла без целенаправленного желания, например со сна поутру. Однако именно в этом заблуждении и сказывается практичность женщины: по сути дела, ей наплевать на желание мужчины, а ей нужна долгая и сильная эрекция, чтобы успеть самой кончить, и не раз. И поэтому эрекцию она радостно и с готовностью посчитает и за свидетельство любви. А если на неё не стоит, значит, он её не любит – такова деловая женская логика.

Именно проблема с эрекцией и является основополагающей в

Золотой тетрадке – одна из свободных женщин горюет:

> Из десяти мужчин, с которыми я переспала за последние пять лет (*Всего-то два в год? И это называется свободная женщина*? — *М. А.*), восемь были либо импотентами, либо кончали слишком быстро (439).

Хорошо хоть, что эта женщина не говорит «романтическим» языком, всегда навязываемым женщинам мужчинами: «восемь либо меня не любили, либо любили, но недолго».

Весь роман полнится по меньшей мере раздражением против мужчин, а иногда – просто ненавистью. И эти чувства весьма обоснованны: мужчины недодают женщинам наслаждения веками и к тому же преследуют и уничтожают тех женщин, кто осмелится распоряжаться своим телом в поисках денег или наслаждений.

Но в то же время традиционное женское непостоянство желаний вызывает раздражение и ненависть у мужчин, поскольку у многих женщин в период овуляции, менструации и в прочее время желание меняется по силе и направленности, тогда как мужчина пребывает всегда с одинаково сильным и направленным желанием при наличии обновляющихся пизд. Однообразная прямолинейность мужского желания воспринимается женщинами как глупость:

> Мужчины глупы, и они думают, что мы этого не понимаем (267) —

иронизирует героиня с полным на то основанием.

Перманентная неудовлетворённость и разочарование в мужчинах определяют взгляд героини на мир:

> Иногда мне кажется, что мы все находимся в сексуальном сумасшедшем доме (438).

Женские жалобы в книге можно разделить на две категории:

1. Нет мужиков.
2. А если есть, то они дрянные и глупые.

Так, актрисочка Молли жалуется:

> Все мужчины в труппе – гомосеки, кроме одного, которому шестнадцать. Ну что я там делаю? (45)

Разумеется, работа для женщины (даже творческая, на примере актрисы) ей интересна, только если рядом снуют жаждущие её мужчины.

Или вот другая свободная женщина, Анна, думает, глядя на мужчину, взвешивая, дать или не дать:

> Что ж, он не хуже прочих отморозков, с которыми я спала (43).

А вот и пример из подавляющей второй категории жалоб. Бедная писательница пишет:

> Он вошёл в неё почти сразу и кончил через несколько секунд… Она лежала рядом с ним, улыбаясь, стараясь сдержать своё физиологическое разочарование (309).

Тем не менее правомерные женские претензии к мужчинам не в состоянии существовать самостоятельно, ибо претят женской натуре, состоящей в непрестанной смене настроения, а следовательно, неуверенности в себе, неуверенности, которая выражается в утомительной саморефлексии, почти непроглядно обволакивающей эти претензии. Вот ход мышления героини.

> Она понимает, что он не хочет заниматься с ней любовью. Его пенис вялый, хотя он трётся о её бёдра.
>
> Она говорит резко:
>
> – Я хочу спать.
>
> Он останавливается, а она сразу чувствует себя виноватой, что задела его самолюбие. И вдруг она ощущает, что член стал очень большим. Но теперь её сковывает мысль, что он захотел её лишь из-за того, что она ему отказала (*Это же надо так изощрённо интерпретировать стоячий хуй*! – *М. А.*). Но она ведь влюблена и поворачивается к нему (309).

Все эти саморефлексии, женские умничанья, бесконечное взвешивание и примеривание, прежде чем развести ноги, а также в процессе и после, вызывают у героини, которая является писательницей, сомнение в честности изложения своих мыслей и чувств даже в самом откровенном своём дневнике:

> Если бы я написала: в девять тридцать я пошла в туалет посрать, в два поссать и в четыре я вспотела – это было бы гораздо честнее, чем описывать то, что я думала (448).

Лучший тест на честность (и на ум) – это описание женщиной, как она достигает оргазма и в чём она видит его суть.

Doris Lessing берётся за эту задачу и проводит непреодолимую границу между клиторальным и вагинальным оргазмом и ставит вагинальный оргазм превыше клиторального, что вызовет торжество у фрейдистски настроенных мужчин и недоумение у многих женщин.

> Поль стал всё больше полагаться на возбуждение рукой наружной части, вызывая в Элле клиторальный оргазм. Это было прекрасно, но что-то в ней всегда возмущалось таким оргазмом. Поль этим показывал своё нежелание сближения. Вагинальный оргазм – это чувство и ничего более, он ощущается как чувство и выражается так же как оно. Вагинальный оргазм напоминает растворение в туманном, тёмном всеохватывающем чувстве, напоминающем пребывание под тёплыми струями в ванне.
>
> Имеется несколько различных видов клиторального оргазма и они более сильные (это мужское слово), чем вагинальный оргазм. Может быть тысяча острых ощущений, восторгов и т. д. но существует только один настоящий женский оргазм и это когда мужчина в пике своего желания и нужды берёт женщину и жаждет её ответа. Всё остальное это суррогат и подделка. И даже самая неопытная женщина чувствует это инстинктивно.
>
> Ей не нравилось, что Поль всё больше предпочитал её доводить до оргазма клиторально (204–205).

Давайте-ка разберёмся в этой логике, которую приходится назвать женской. Прежде всего из описания следует, что Поль дрочил её пальцем, не лизал языком. Так как она объясняет это нежеланием Поля с ней сближаться, значит ли это, что он даже хуй не вводил ей в пизду? Он явно не хотел, чтобы она забеременела, а это для женщины оскорбительно, если она любит мужчину, ибо она от любимого мужчины хочет рожать детей. Вот почему она так жаждет вагинального контакта с Полем. Кроме того, пальцем доводить себя до клиторального оргазма женщина может и сама.

Если бы этот Поль лизал ей клитор, да ещё бы в это время ебал её пальцами в две дырки, то тогда эта баба подобрела бы к клиторальному оргазму.

Более того, вагинальный оргазм, по мнению героини, является манифестацией и неоспоримым доказательством любви женщины к мужчине:

> Когда Элла впервые совокупилась с Полем… она

> сразу испытала оргазм, причём вагинальный оргазм, что тотчас скрепило их отношения доказательством, что она его любит. И она не могла бы испытать оргазм, если бы не любила Поля. Оргазм создан мужской нуждой в женщине и её уверенностью в этой нужде (204).

А я уверен, что женщины посмеются над этим бредом громче, чем мужчины (см. статью *Миф о вагинальном оргазме*, написанную Anne Koedt http://svobodna.org.ua/my-body/anatomy/mif-o-vaginalnom-orgazme / и *General Erotic*. 2005. № 131 и 2006. № 139). В особенности смешно (или совершенно серьёзно?), если предположить обратное, мол, раз испытала с кем-то оргазм (ладно уж, вагинальный) то, значит, этого мужика любишь. Есть легко кончающие женщины, которые, следуя такой схеме, полюбят любого мужчину.

Doris Lessing осмелилась говорить о своём оргазме, клиторе, влагалище, что для того времени представлялось подвигом, а получилось, что она осмелилась говорить чушь.

Написалась удобная высокоморальная ложь, что, мол, вагинальный оргазм для женщины – это награда за её любовь. А если не любишь, то получай себе только убогий клиторальный оргазм (за который, кстати, большинство женщин радостно отдадут свои души и тела).

Даже обыкновенную мастурбацию авторша пытается выдать за ещё одно доказательство необходимости любви, без которой якобы не существует полного сексуального удовлетворения для женщины.

> С момента, как ушёл Поль, она не могла достичь оргазма вагинально, а только получала острый и буйный оргазм наружным прикосновением, представляя руку Поля вместо своей руки, полностью забываясь в стонах (293).

Итак, острый и буйный оргазм с полным самозабвением – это плохой оргазм, а вот вагинальный – это всё, что женщине поистине нужно. Но по тексту становится ясно, что вагинального оргазма она не может достичь с другими мужчинами, потому что они кончают слишком быстро, а вовсе не потому, что она их не любит.

Lessing защищает вагинальный оргазм по той же причине, по которой хочет отвлечься от «механики секса» (см. ниже), ибо клиторальный оргазм – это и есть чистая механика, которой разум женщины не способен противостоять, – ведь если лизать клитор правильно и достаточно долго, то женщина кончит, как

бы она этому умственно ни сопротивлялась, и это ущемляет её самолюбие, попирает её «женскую гордость», которая есть не что иное, как способность противостоять своему желанию.

Так что «острый и буйный» клиторальный оргазм эта женщина хитро не принимает в расчёт, а ставит акцент на вагинальный, который, по её собственному определению, есть чувство. А в эмоциях, как известно, женщины рулят – здесь они могут выкидывать кренделя, наворачивать и выпендриваться. Но лишь только приступаешь к клитору, женщине некуда деваться от неизбежного наслаждения и она теряет контроль над ситуацией, то, чего феминистки страшатся допустить. Женщина с присущей ей лёгкостью не испытывает вагинальный оргазм и, если это ей покажется выгодным, объяснит это отсутствием любви. А при клиторальном оргазме места для интерпретаций, да и просто для болтовни, не остаётся.

Утверждение вагинального оргазма как настоящего, ибо основанного на чувствах, позволяет женщине удобно приравнять его к любви. Вот как разглагольствует одна из героинь:

> Где же наша свобода! У них стойт только на женщин, на которых им наплевать, а мы не можем достичь оргазма, если не любим его. Разве в этом есть свобода? (439)

Следующим шагом женской логики является испуг от чистой похоти, то есть похоти, не направленной на какого-то конкретного мужчину (которого любишь), а такой похоти, когда просто хочется чуть ли не любого. Нравственность женщины от этого, разумеется, страдает. И она начинает выдумывать приятные обществу оправдания, чтобы из себя сделать любящее существо, а не существо, радостно ебущее всякий длительно стоящий хуй.

> Элла начинает мучаться похотью. Это её пугает, так как раньше похоть связывалась у неё с каким-либо мужчиной или фантазией о нём. Теперь она не может заснуть, она мастурбирует под аккомпанемент фантазий и ненависти к мужчинам. Она испытывает сексуальное влечение в пустоте. Она глубоко оскорблена, придя к выводу, что она стала зависима от мужчин, от необходимости, чтобы те её ебли, обслуживали, удовлетворяли. И этими фразами она нарочно унижает себя.
>
> Она вспоминает, что с Полем она чувствовала похоть только тогда, когда он был рядом. А когда он уезжал,

> она ничего не чувствовала, пока он не возвращался. Она стала думать, что её нынешняя похоть есть просто голод по чувствам. А когда она снова полюбит мужчину, тогда она вернётся в нормальное состояние: она станет женщиной, у которой сексуальное желание будет как прилив и отлив – реакцией на желание мужчины. Женская сексуальность, можно сказать, ограничена мужчиной: если он настоящий мужина, он её усыпляет, и женщина не думает о сексе (436).

Вся эта трескотня, которой «хероиня» хочет оправдать свою похоть, вовсе не освобождает от похоти, как надеется авторша, а делает женщину ещё более затюканной собственным трусливым умишком.

На вечеринке Элла знакомится с мужчиной. На следующее утро он является без приглашения с цветами и джином. Без долгих разговоров они оказываются в кровати. И происходит привычное:

> Элла даёт ему наслаждение, но сама ничего не испытывает.
>
> А потом он спрашивает:
>
> – Что случилось? Разве я тебя не удовлетворил?
>
> Она торопится заверить его, что удовлетворил, хотя вовсе нет.
>
> У него большой пенис, и он думает, что из-за этого он хорош в постели (437).

А произошло-то именно то, что мужик слишком на хуй положился, то есть на вагинальный оргазм, так сказать. Элла оргазма не испытала и заключила, что этого мужика не любит. Простенько, но со вкусом. Дерьма. Дерьма морали.

Проблема возможности любви на деле определяется возможностью оргазма. Мне хорошо знаком тип самок, которые тревожились тем, что поначалу кончают с трудом или вообще первый раз с новым любовником не могут кончить, что им надо приладиться к мужчине и не к каждому удаётся. Но как только они испытывали со мной первый оргазм (а долго это не занимало), то они сразу с облегчением давали понять, что теперь они могут планировать длительные отношения со мной, ибо необходимое условие (оргазм) было выполнено. Истинная проблема, как правило, заключалась в том, что только это необходимое условие меня и интересовало выполнить, а достаточные условия, которые женщины навешивают, как гирлянды на ёлку-палку, являются не гирляндами, а гирями и

цепями и волочить их на себе я не намеревался.

Именно такой метод женского мышления и демонстрируется в диалоге, что ниже.

> Секс. Для женщины сложно писать о сексе, потому что он лучше всего тогда, когда о нём не думаешь, не анализируешь его. Женщины умышленно решают не думать о механической стороне секса. Они раздражаются, когда мужчины говорят о механике, и делают это женщины из самосохранения: они хотят сохранить спонтанные эмоции, которые им необходимы для удовлетворения (203).

(Откуда ей было знать, что немало женщин испытывают спонтанную эмоцию, когда видят большой хуй и представляют механику его движения в своих нутрах.)

> Секс в основном для женщины – это эмоциональное состояние. Сколько раз уже об этом писали? И тем не менее всегда наступает момент, когда даже самый тонкий и умный мужчина не в состоянии понять женщину (*Авторша имеет в виду меня. – М. А.*). И она вдруг чувствует себя одинокой, стремится забыть это непонимание, потому что, если ей это не удастся, то ей придётся думать (*о клиторальном оргазме. – М. А.*).
>
> Боб рассказывает историю о чьём-то разводе:
>
> – Всё дело было в сексе. Несчастный мудак, у него был член размером со спичку.
>
> Юлия:
>
> – Я всегда думала, что она его не любила.
>
> Боб, решив, что она его не расслышала:
>
> – Нет же, он всегда ужасно переживал, что у него такой маленький.
>
> Юлия:
>
> – Но ведь она никогда не любила его, каждый замечал это, глядя на них вместе.
>
> Боб, теряя терпение:
>
> – Это не их, несчастных кретинов, вина – природа была против них с самого начала.
>
> Юлия:
>
> – Конечно, это была их вина. Она не должна была выходить за него замуж, если не любила его.
>
> Боб, раздражённый её глупостью, начинает длинное техническое объяснение, в то время как она смотрит на меня, вздыхает, улыбается и пожимает плечами.

Через несколько минут она резко прерывает его злобной шуткой, не позволяя ему продолжать (204).

Таким образом, женщина, согласно Lessing, ни за что не хочет думать о сексе, а предпочитает эмоции, которые ведут к вагинальному оргазму, а следовательно, к убеждению, что она любит этого мужчину, иначе бы она вагинального оргазма с ним не испытала.

Это мне напомнило женщин, которые оскорбляются или равнодушны к фотографиям хуев, присылаемых претендентами по электронной почте или выставленных в объявлениях искателей пизд. Женщина не хочет начинать с хуя. (Но это относится только к определённой категории женщин, а есть, к великому счастью, и такая категория, которая именно с хуя и хочет начинать.) Женщина обычно ориентирована на продолжительные отношения, и она понимает (или чувствует), что процент времени, отводимый под еблю в длительных отношениях, не превышает считанных минут. Ну сколько чистого времени в течение суток парочка будет заниматься еблей? В первые дни близкого знакомства, ну, скажем, четыре часа в сутки, а через пару месяцев, если это будет час, то будет прекрасно. А через лет пять – по пять минут в неделю. Ну возьмём оптимистический случай: полчаса чистой ебли из 24 часов. Ну, восемь часов на сон. Остаётся 16 часов минус счастливые полчаса ебли: 15 с половиной часов. Чем их занять? Как партнёр будет вести себя с женщиной и она с ним? Очевидно, что по времени именно несексуальная часть становится значительно важнее сексуальной. А для женщины это особо важно, ибо она настроена на последствия ебли, то бишь на детей. Потому глупо первым делом совать ей хуй под нос, который-то (хуй) она будет чувствовать, да ещё неизвестно как, всего минут десять в день, а то и в неделю. Но зато если мужик злой и хам, то она будет это чувствовать из часа в час, изо дня в день, из года в год. Баба ведь не мужчина, который пизду увидит, и этого ему вполне достаточно, чтобы в неё быстро кончить и дать дёру. Вот женщина и не хочет этих начальных «механических сторон секса». Но зато когда она сочла характер мужика приемлемым для возможных продолжительных отношений, тогда она может и расслабиться и посвятить своё внимание и похоть самому хую. И размер хуя ей тоже становится небезразличен:

У него был большой хуй. Мы совокупились (568), —

ведёт повествование Lessing.

Другим достижением женской свободы, провозглашённой Doris Lessing, является принятие женщиной собственных запахов без стыда и отвращения.

> В какой-то рецензии мужчина-критик писал, что ему было бы отвратительно читать описание об испражняющейся женщине. Мне было это неприятно, потому что он в действительности имел в виду, так это то, что он не хотел бы романтический образ женщины сделать менее романтичным (325).

Ей не хватает чувств (или ума), чтобы указать, что романтический образ женщины должен включать в себя её испражнения, которые должны украшать, а не обезображивать мечту о женщине.

Но и здесь Lessing делает исключение. Все запахи хороши, кроме менструальной крови, который ей всё-таки не нравится (325) (несмотря на то, что она против называния менструации «проклятием женщины»), а значит, тем самым она позволяет и всем своим читательницам и читателям отвращаться от запаха менструирующей женщины. Но хотя бы говорить о менструации она считает нужным:

> Я забыла, что у меня начинается менструация. Я решила, что инстинктивное чувство стыда и скромности является фальшивым, нечестным – чувства, не годящиеся для писателя (324).

Пиком женской свободы в романе является даже не событие, свершившееся с героиней, а фантазия, рассказ, который она хочет написать, – на само действие у героини всё-таки не хватает свободы. Еолубая эротическая мечта женщины предстаёт в виде такой фабулы рассказа: женщина решает быть свободной и заводит двух любовников, с которыми спит попеременно: одну ночь с одним, другую – с другим. Любовники друг о друге знают, и каждый хочет её иметь только для себя. И освобождением для женщины в рассказе должен стать момент, когда она может себе сказать, что с каждым из них она получает равное наслаждение.

Но, спрашивается, о каком равенстве наслаждений может идти речь с двумя различными мужчинами – уж такую азбуку знает любая баба, у которой было больше одного любовника. И если от двух любовников два одинаковых наслаждения, то зачем тогда, спрашивается, второй любовник? В том-то и смысл, что одинаковых наслаждений быть не может – от каждого и от каждой наслаждение различное (с теми любовниками, от которых

женщина получает наслаждение, а с импотентами или «скорострелами» – с ними и впрямь может быть одно и то же).

На этой невежественной глупости свобода героини и, следовательно, авторши кончается. Представить и описать ситуацию, где бы её ебли два любовника одновременно, такое её литературный и женский таланты не позволяют. А что они позволяют, так это бесконечно занудствовать, переливая из пустого в порожнее. Делает это она – да, с проникновением в женскую психологию, но психологию не только не свободную, а изощрённо рабскую.

Я не знаю, о чём пишет Lessing в других своих книгах, но количество ею написанного – огромно. За одно только терпение писать в таких деталях талантливую хуету – можно дать Нобеля. Вследствие своего многословия Lessing говорит детально о сексе только потому, что не может ни о чём говорить не детально, и это уже не столько её смелость, сколько болезнь. Она вынуждена излагать правду, так как правда состоит не из обобщений, а из деталей. А коммунизм, на который клевали героини её романа, состоял именно из обобщений, завораживавших женщин как раз тем, что обобщения эти отвлекали их от ненавистных деталей, или, как называет Lessing, «механики любви».

Осмелиться говорить о ебле, бесконечно болтая о чувствах и политике, – это вовсе не освобождение женщин, а ещё большее закабаление их во лжи и невежестве. К счастью, большинство женщин полагаются в познании наслаждения не на нобелевскую лауреатку, а на свой клитор и «механику» вибраторов. А то, что они говорят и пишут, – дело десятое. Ведь женщина становится честной в своих чувствах только за мгновенье до того, как её пронзит оргазм.

Непонятый порнограф

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2008. № 184.

В 1978 году, через год после приезда в США, опробовав первые американские пизды, я решил изложить свои впечатления о процессах их вкушения и процедурах, им предшествующих. Так получилась статья *Сексуальная контрреволюция в США*. Статью вскоре опубликовал канадский эмигрантский журнал (см.: Современник. Торонто, 1979. № 43–44; 1980. № 45–46), после чего несколько членов редакции в качестве протеста вышли из редколлегии. Туда им была и дорога.

Статья состояла из двух частей – краткого обзора сексуальных нравов в СССР и более распространённых описаний того, что мне удалось увидеть и почувствовать в США, вернее в Миннеаполисе, а ещё вернее, в его крохотном срезе, который мне оказался доступен.

Я показал свою статью приятелю-американцу. Он недавно стал успешным бизнесменом, похерив малоденежное профессорство в колледже. К тому же он имел Ph D[22] по русской истории, хорошо говорил по-русски, не раз бывал в России и проявлял живой интерес к моим писаниям. Искренность этого интереса подтвердилась в том, что он сам вызывался бесплатно перевести эту статью на английский.

Я послал английский перевод статьи в разные журналы (прежде всего в святую троицу: *Playboy, Penthouse, Hustler*), но никто не отреагировал должным образом, то есть предложением напечатать. Исчерпав, как мне казалось, все возможности, я отложил эту статью до лучших времён. Они наступили в 1986 году, когда я издал *Тайные записки 1836–1837 годов* А. С. Пушкина, а потом их перевод на английский и стал рассылать книгу по журналам для рецензий.

К тому времени я прознал про нью-йоркский еженедельник *Screw* и послал туда экземпляр *Тайных записок.* И вот, в номере от 24 октября 1988 года в обзоре литературы под рубрикой *Fuckbooks*, которую вёл известный исследователь эротической литературы Michael Perkins, была опубликована благожелательная заметка о *Тайных записках.*

Вдохновлённый реакцией *Screw*, я послал им *Сексуальную контрреволюцию в США*. Разумеется, размер её был слишком велик для газеты, так что тогдашний ответственный редактор Manny Neuhaus выбрал лишь места из моей первой части про сексуальные нравы в СССР, разумно наплевав на мои скороспелые

мнения про секс в США, – уж редакция и авторы *Screw* прекрасно знали и писали об американском сексуальном фарисействе и чувствовали его на себе значительно сильнее, чем я.

И вот 22 мая 1989 года в номере 1055 еженедельника *Screw* появилась выжимка из моей статьи под названием *In the Pinko.*

Screw всегда полнился издевательскими ассоциациями, аллюзиями, переделками, которые высвечивали сексуальную суть чего бы то ни было. Потому-то и в самом названии шла сексуальная игра слов. Людей, симпатизирующих коммунистам, презрительно называли розовыми (pinko). Но, с другой стороны, розовой (pink) принято звать преддверие влагалища. Show me your pink – так обращается режиссёр порнофильма к актрисе, чтобы она растянула пальцами в стороны малые губки.

Те, кому не лень прочесть подписи под картинками и рассмотреть сами картинки, найдут в них немало сексуальных каламбуров и шуток (см.: http://www.mipco.com/win/GErl84.html).

На первой странице этого номера *Screw* моя статья подавалась как Soviet Sex Secrets[23]. В то время я плохо представлял, кто такой Al Goldstein. Я видел его имя на первой строчке выходных данных как издателя и главного редактора. На второй странице была его краткая заметка, которая являлась «разборкой» с конкурентом и выводом злодея на чистую воду с помощью публикации его домашнего адреса. (Видно, надежда была на незваных гостей, которые завалятся по указанному адресу и устроят там оргию, невзирая на хозяина.)

Я вёл переписку с ответственным редактором, и личных контактов с Al Goldstein у меня не было. И нет.

Вдохновлённый публикацией, я послал в *Screw* мой американский флажок, за который они тоже радостно ухватились и напечатали его на всю первую страницу ко Дню независимости в номере 1061 от 3 июля 1989 года. Как говорится, I made the cover![24]

Этот флажок я использовал как логотип для моего журнальца *General Erotic* и воспроизвожу на обложке данной книги.

Денежек они платили мало, но зато исправно.

На этом моё славное пребывание на страницах *Screw* закончилось.

Недавно я посмотрел документальный фильм об Al Goldstein – там речь шла о судебном процессе 2002 года, на котором Голдстейну дали срок за оскорбления и угрозы бывшей секретарши. То, что Голдстейна заставили отвечать за оскорбления и угрозы, он тщетно и убого пытался представить как ограничение его свободы слова. Голдстейн напомнил мне

Паниковского, которого девушки не любили. Но, в отличие от пассивно страдавшего Паниковского, Ал Голдстейн активно протестовал, спуская брюки в коридорах суда и показывая всем свой жухлый зад, а также приставая к журналисткам с невостребованным предложением полизать им пизды. Все эти «души прекрасные порывы» сопровождались громогласными обращениями к миру, и состояли они в основном из фразы: Fuck you! которую Голдстейн обращал даже к своему любимому сыну.

Ал Голдстейн вызывал у меня жалость и удивление его полным непониманием унизительности и глупости ситуаций, в которые он себя, состарившегося, помещает. Между тем Larry Flynt, которого интервьюируют в фильме, говорит, что Голдстейн – самый непонятый людьми человек.

Вот я и попытался понять этого Голдстейна – я ведь всё-таки в его *Screw* отметился.

Я прочёл автобиографию Голдстейна, полностью доверять которой было бы весьма опрометчиво в силу специфики характера автора да и вообще автобиографий. Тем не менее в книге, помимо, а часто и согласно воле самого автора, всё-таки обозначается стезя, по которой шествовал знаменитый порнограф, во многом ставший первооткрывателем в прилюдном стягивании штанов с общественной половой морали.

Alvin Goldstein родился в 1936 году в Нью-Йорке. Дед его был раввином из России. Отец работал фотографом и приобщил сына к этому занятию. Мать заикалась, была недурна собой и взяла в любовники их семейного врача, чему отец то ли не препятствовал, то ли просто принципиально не замечал сторонних интересов своей жены. Забегая вперёд, следует отметить характерное отношение матери к *Screw*, оно ярко описывалось её фразой:

> Screw – это хорошая газета, потому что шутит над сексом.

Отец подходил к *Screw* с другой стороны и парировал укоры, оправдывая сына:

> Ну и что – главное, что он начальник и на него работают другие.

Мать хвасталась перед знакомыми:

> Это мой сын Алвин – он Великий Порнограф.

Она пикетировала офис прокурора, когда шли судебные

процессы над её сыном.

Отец же оставался в стороне – он не хотел устраивать сцен.

В 19 лет Ал добровольно загремел в армию на два года. Там он тоже фотографировал. Например, своего командира, которому отсасывала проститутка. Затем он подхватил сифилис от мексиканки. Уверяет, что вылечился. Хотя в анализах крови до сих пор вылезает нечто, напоминанием о случившемся.

В 1956-м Ал Голдстейн демобилизовался и поступил в университет, воспользовавшись государственными привилегиями для отслужившего в армии. В университете имелся свой американский КВН, но назывался он кружком, где проводились диспуты. Ал стал капитаном команды спорщиков и с помощью заядлых перепалок избавился от заикания, которое его преследовало с детства.

Ебаться он хотел постоянно, но девиц для этого у него было не шибко много. Полгода у него водилась любовница-негритянка. Но в то время на чёрно-белые парочки смотрели так косо даже в либеральной Greenwich Village, что им пришлось расстаться.

Имелась у Голдстейна и белая красотка, но давала она ему только, наколовшись героином. Он и сам под её влиянием попробовал пару раз, но уверяет, что с тех пор больше не кололся. А девица эта, разумеется, вскоре отбыла навечно в мир грёз от перебора любимого снадобья.

В 1962 году Голдстейн сопровождал свиту Жаклин Кеннеди в её поездке в Пакистан – авиалиния наняла его фотографом. Фотографии были напечатаны в *Chicago Tribune*. Думал ли он тогда, что в 1973 году в его собственной газете, в номере 206 он первый опубликует фотографии обнажённой Жаклин, совершив тем самым международный скандал?

Вот свидетельства пионерства Голдстейна – он купил эти фотки за 10 000 долларов у итальянского папарацци. Даже календарь сделал потом из этих фот. А через полгода Tarry Flynt перепечатал фоты в *Hustler*. Но знаменитую переделку фразы Джона Кеннеди, ставшую подписью к «фотосессии» Жаклин, придумал Голдстейн (см. с. 72 наст, изд.):

> Ask not what your cunt can do for you – ask what you can do for your cunt. (Не спрашивай, что твоя пизда может сделать для тебя, а спрашивай, что ты можешь сделать для своей пизды.)

Hustler многое заимствовал из *Screw*, раскручивая идеи Голдстейна в крупном, международном, цветном и глянцевом масштабе. Рубрика в *Screw* под названием *Smut from the Past* в *Hustler* преобразилась в *Porn from the Past*, издевательское *ShitList*

превратилось у Ларри Флинта в *Asshole of the Month.* Даже знаменитая шутка, доведшая Флинта до Верховного суда, была заимствована из *Screw*, где на фоне той же рекламы *Campan* обшучивались кровосмесительные дела Голдстейна, которого в *Hustler* заменили на Falwell.

Голдстейн утверждает, что множество тем, на которые появлялись материалы в *Hustler*, можно найти в ранее вышедших номерах *Screw.*

В 1968 году Ал Голдстейн был принят на редакторскую работу в газету *Village Voice* – он писал о скандальных новостях. Кое-какие новости он просто выдумывал. В текстах нельзя было использовать мат, а можно было лишь использовать слова «совокупляться» и «прелюбодействовать», но зато о жестокостях позволялось писать в любых выражениях.

Голдстейн нанял себе в помощники Jim Buckley, с которым они вместе сетовали на пуритански держимордные американские газеты.

Однажды Джим предложил:

– Давай издавать собственную газету.

Ал уточнил:

– Давай делать секс-газету.

(Делать то, что другие не смеют, а именно – писать о сексе и изображать его в деталях, причём без всякой жестокости.)

Голдстейн рассуждал так: «Мне 32 года, у меня не так уж много женщин и в то же время я одержим лизанием пизд. А издание секс-газеты привлечёт очереди женщин, желающих мне отдаться». Логика была безошибочной.

Джим, правда, был не по этому делу – католик и вообще. Но и он не возражал поиметь одну-другую пизду бесплатно.

В тот, 1968, год Ал женился на красивой стюардессе Мэри Филлипс, что каким-то образом могло способствовать принятию и проведению в жизнь краеугольного решения.

Он и Джим вложили в газету по 175 долларов, всего 350. Первый счёт за печать газеты составил 217 долларов. Типография сразу уничтожила гранки, чтобы не осталось следов, что в ней печатался такой ужас. Издатели поместили объявление о выходе *Screw* за 75 долларов. В редакции значились три человека: Голдстейн, Бакли и новоиспечённая жена Мэри Филлипс.

Первый номер *Screw* появился в киосках 4 ноября 1968 года. 12-страничная газета большого формата с чёрно-белыми иллюстрациями стоила 75 центов. Ни один из дистрибьютеров газет не хотел связываться с таким товаром, и Голдстейн со своим партнёром вручную развозили газету по киоскам. Большинство киоскёров отказывались брать на продажу *Screw.* В течение

восьми недель продавцы, которым Голдстейн предлагал *Screw*, обзывали и стыдили его. Один даже назвал его «омерзительным еврейским сукиным сыном». Но с каждым выпуском *Screw* распродавался всё лучше, и вскоре газета стала продаваться в больших количествах, чем *Time, Life, Newsweek* и *Playboy*, – разумеется, только в киосках на Манхэттене.

Полиция начала угрожать киоскёрам, тогда Голдстейн взялся подначивать полицию – мол, арестуйте нас, редакторов *Screw*, или заткнитесь. Эта подначка была напечатана в третьем номере: тогда у редакции ещё не было своего офиса, и поэтому Ал и Джим опубликовали в газете адрес, по которому можно было найти издателей.

Но полиция не спешила их арестовывать и молча шила дело. На шестом номере *Screw* подловили – в нём оказалось напечатанным объявление педофилов, ищущих молоденьких девочек. Ал тискал тогда все объявления подряд, не разбираясь, о чём они. К счастью, великий адвокат Herald Price Fahringer (который впоследствии выиграл дело Ларри Флинта в Верховном суде Америки) вызволил Голдстейна.

Затем последовали шестнадцать арестов каждые две недели по обвинению в непристойности. На одном из судов затеяли слушание показаний экспертов, которые должны были определить, изображён ли на иллюстрации в *Screw* хуй распятого Иисуса Христа в состоянии эрекции или нет. Такого рода дискуссия весьма веселила читателей *Screw* и его издателей.

В 1970 году Голдстейн полетел в Калифорнию интервьюировать Генри Миллера, своего любимого писателя. С гордостью он заметил, что у Миллера на столе лежал номер *Screw*. Миллер сказал ему якобы такое:

> Зачем вы так много материтесь, вы ведь такой хороший писатель.

Al Goldstein был поистине вперёдсмотрящим, а точнее, в перед смотрящим. В 1971 году его судили за показ лобковых волос на фотографиях в *Screw*. И вслед за ним *Playboy* и *Penthouse* заросли женскими лобковыми волосами.

Как не посчитать глубоко символичным тот факт, что первый офис редакции *Screw* располагался в здании, где ниже этажом находилась штаб-квартира Коммунистической партии США. Так что сотрудники обеих организаций мило общались в общем лифте. А коммунисты сбросились и купили подписку на *Screw*, который они рассматривали на партийных собраниях, чтобы не уснуть. (Последнее предложение – моя рабочая гипотеза.)

К 1974 году четырнадцать штатов разрешили к продаже

Screw, а в 36 он был запрещён.

В 1975 году партнёр Голдстейна Jim Buckley предложил продать свои 50 процентов за миллион долларов. К тому времени деньги были в достатке, и таким образом Ал стал единоличным владельцем *Screw*.

Screw поднялся в свой зенит около 1980 года. Ал Голдстейн называет себя Великим Порнографом, что нельзя считать преувеличением. К тому времени у него уже имелись лимузин с телохранителем, вилла во Флориде, недвижимость в Нью-Йорке, он тратил по 40 тысяч долларов в неделю на путешествия, дорогие сигары, на коллекцию золотых часов, на рестораны, дорогие безделушки и компьютеры, которые он даже не знал как включить. Женщины шли косяками бесплатно.

На оргиях в *Plato's Retreat*, владелец которого Larry Levenson был близким знакомым Голдстейна, Ал интересовался больше вкусной едой, там подававшейся, чем женщинами, которые ему приелись.

Я всегда предпочитал еду сексу, —

признаётся Голдстейн. Оттого он и набрал вес и стал похож на бегемота, а с излишним весом пришли множественные болезни. Расточительство, неумение вести бизнес, дорогостоящие жёны и ещё более дорогостоящие разводы привели к тому, что *Screw* стал хиреть.

В феврале 2002-го Ал Голдстейн был приговорён к 60 дням тюрьмы за оскорбления и угрозы в адрес своей бывшей секретарши.

Screw прекратил своё существование в октябре 2003 года после тридцати пяти лет и 1800 выпусков. Сайт *Screw* со словом forever (http://www.screwmagforever.com) не работает, несмотря на слово «навечно» в названии. Было бы правильнее его переименовать в http:// www.screwmagnevermore.com, тогда отсутствие такого сайта делало бы его название справедливым.

К 2005 году Ал Голдстейн потерял одиннадцать миллионов долларов, оказался бездомным, спал в ночлежках и еле ходил по Нью-Йорку с мешочком лекарств в руке.

Ему шунтировали желудок, чтобы он не мог обжираться, так что он чуть похудел; какие-то благодетели устроили ему квартирку, где он живёт. Ездит он на пароме в психбольницу, ибо если раньше его от сумасшествия спасала семья —

Я сохраняю свой рассудок только потому, что вечером возвращаюсь домой к жене и сыну, —

то теперь, ожесточив и обозлив всех против себя, он остался наедине с осточертелым собой.

Последние новости о Голдстейне можно было прочесть в его блоге (см.: http://www.algoldstein.com) – теперь он пустой. По-прежнему он всем кричал «Fuck you!». Но, как он признаётся, член у него еле стоит даже с обильной виагрой и даже если стоит, то вряд ли у него есть в кого его засунуть. Хотя он предпочитает лизать пизды, что удобно, ибо это не требует эрекции. В прежние годы он должен был лизать пизду каждый день, иначе его бросало в холодный пот.

Видно, в пиздяном соке имеются какие-то наркотики. Однако его вкусы с возрастом поменялись:

> Полвека я был лизателем пизд, но к преклонным годам приобрёл более изощрённый вкус к женской прямой кишке.

Если уж зашла речь об изощрённости, то будет уместно пройтись по некоторым событиям и фактам жизнедеятельности Голдстейна, и тогда мы сможем лучше понять великого порнографа, о непонятости коего твердил Ларри Флинт.

Вот как браво расписывал Голдстейн своё отношение к миру в период расцвета *Screw*:

> Мой жизненный стимул не любовь, а ненависть.
>
> Я бы не смог с радостью вставать утром с кровати, не будь у меня так много врагов…
>
> Бессонная ночь (если была без секса) проходит в составлении в уме распоряжений назавтра, кому и за что выдать по первое число.
>
> В отличие от других, на которых достигнутый успех действует умиротворяюще, на меня он так вовсе не влиял – я оставался обозлённым и даже становился всё более психом. Я просыпался каждое утро, чтобы биться со своими врагами. И это было прекрасно!
>
> Каждый номер *Screw* – это ещё один выпад против мира.

Как вам нравится этот самурай? Вот какие грозные самоутешения он для себя придумывает:

> Я – неумолимый и непреклонный: ты либо мой враг, либо друг. Да, я потерял дружбу Нью Хефнера и Ларри Флинта… Но много людей, которые любят меня и восхищаются мной, каждую неделю я оплачиваю

большие ресторанные счета широкого круга друзей, мужчин и женщин…

Действительно, Голдстейн был щедрым человеком и всегда платил в ресторанах за всех приглашённых. Однако это не могло компенсировать его нарочитого оскорбительного отношения ко всем окружающим, даже к самым близким. Его любимое обращение: failures and losers (неудачники и бездельники).

> Я всегда считал своих сотрудников за клинекс – использовал и выбросил, —

утверждает Голдстейн.

Неудивительно, что, испытывая на себе жизненное кредо Голдстейна, многие его редакторы перебежали работать на Ларри Флинта, тогда как Голдстейн обвинял его в переманивании сотрудников.

Так что щедрость Голдстейна в оплате ресторанных счетов вызывала часто обратную реакцию. Один из его литературных сотрудников, наполнявших материалами *Screw*, так написал о своём бывшем начальнике:

> То, что он платил за всех в ресторане, не могло сгладить отвращение от наблюдения за его обжорством.

Одна из глав книги называется «Жёны и прочие посторонние» (Wives and Other Strangers).

Голдстейн жалуется, что все женщины либо разбивали его сердце, либо обкрадывали его, легально или нелегально.

> Женщины – такие хищницы! —

побеждённо констатирует он.

У Голдстейна было пять жён. Последняя жена, имя которой он скрывает, вышла за него в 27 лет, когда ему было 67. Невесту он соблазнил своим знаменитым и скандальным именем, а также тем, что первым долизал её до оргазма. Брак был зарегистрирован в Неваде, в штате, где можно мгновенно жениться, пока не остыла похоть и не прошёл хмель. На свадьбе шафером был Ron Jeremy (о нём см. с. 346–352 наст изд). Жениха и шафера объединяла не только область их деятельности, но и общая страсть к обжорству, что отразилось на их зашкаливающем весе. О нынешнем состоянии своего последнего брака Голдстейн в своём блоге помалкивает.

Чтобы отомстить за возбуждение дела о разводе главной

жене, матери его единственного сына, Голдстейн в 2002 году опубликовал номер её телефона в *Screw*, заполнив страницы обнажёнными фотографиями жены. Там же он обвинил жену в том, что это именно она занесла в Америку вирус СПИДа, поебясь со знахарем с Гаити. Ал, не усомнившись, использовал фотографии своего маленького сына для рекламы подписки на *Screw*. В дополнение ко всему, Голдстейн опубликовал фальшивую фотографию, где его жена сосёт хуй его якобы мёртвого сына-гомосека.

В книге муж и отец Голдстейн признал, что тут он перебрал, сжёг мосты, и что жалеет об этом.

Но запоздалых сожалений оказалось недостаточно для экс-жены и сына, которые прервали с ним всякие отношения. Так что Голдстейн зовёт своего сына экс-сыном.

Суд, однако, не внял мстительному ражу Голдстейна и защитил жену от злобств экс-мужа, отняв у него последние деньги, а в приговор также включался запрет на занятие секс-бизнесом. А это – единственный бизнес, который Голдстейн знал и каким умел заниматься.

И всё-таки Голдстейн был способен на добрые дела. Например, когда Tarry Tevenson, владельца *Plato's Retreat*, хотели показательно посадить в тюрьму якобы из-за нарушения налоговых законов и прикрыть его райский оазис, Голдстейн под залог своего нью-йоркского таунхауса выложил 160 000 долларов, необходимых, чтобы Larry Levenson оставался на свободе до суда.

Да и видно, что человек он не злой, каким старается казаться, а добрый, но со злым и безрассудным языком, который он использует не только для лизания пизд и обжорства, а для оскорблений всего и вся.

Но главное качество, которое в нём ценно, – это бесцеремонное чувство юмора. Правда, оно ему изменило на старости лет и вообще подлежит сомнению после просмотра серии телеинтервью и комментариев под названием *Midnight Blue*. Кроме того, в фильме одна из сотрудниц редакции заявляет, что материалы для *Screw* писали другие люди, а Голдстейн их только подписывал.

На одном из многочисленных судебных процессов против Голдстейна его адвокату удалось доказать, что если изображение является смешным, то оно не является «грязным», непристойным. Примером могут быть фотографии, которыми проиллюстрировали мои статьи, включая Горбачёва, любующегося голым задом. (Напомню, что в детстве всё, связанное с сексом, вызывает смех, а значит, детьми ничто

сексуальное не воспринимается как непристойное или грязное, ибо смех и радость – это единственная здоровая реакция на секс. И как известно, уста младенца глаголят истину – в том числе его смеющиеся уста.)

Так вот, приведу примеры юмора, для многих сомнительного, но для меня несомненного.

Когда Папа Римский приехал со свитой в Нью-Йорк, в *Screw* торжественно сообщили, что единственная цель визита Папы – это пройтись по мужским публичным туалетам с чисто гомосексуальными намерениями. Наборщики-католики в типографии забастовали и отказались набирать это святотатство, но Голдстейн был готов к этому – у него всегда была в запасе команда наборщиков разных вероисповеданий. Небось мусульманские наборщики согласились набрать такое сообщение бесплатно.

Или вот такой юмор – один из сотрудников *Screw* публичную устроил дегустацию различных сортов пива, и осуществил он это посредством охочей красотки, которая пробовала то одно пиво, то другое, а потом мочилась ему в рот, и таким образом дегустатор выбирал лучшее.

Больше всего смеялись в *Screw* над сильными мира сего: в нескольких номерах там помещали объявление о клубе для женщин «Золотой язык», где якобы самые подвижные и сильные языки в роскошной обстановке удовлетворят женщин и где хуи такие большие и сильные, что на них можно повесить по десять зонтиков. Мужчины в этом клубе одеты в голубую одежду, и здание, в котором находится клуб «Золотой язык», внешне походит на полицейский участок. Соль шутки заключалась в том, что указанный адрес и телефон клуба были адресом и телефоном полицейского участка в Мидтауне Манхэттена. Полицейские радостно сносили эту шутку, и многие полицейские из других участков стали проситься, чтобы их перевели работать на этот рекламируемый. Но полицейские жёны пронюхали и пожаловались начальству. Полицейским пришлось Голдстейна арестовать и предать суду. В обвинительном заключении преступление определялось как «harassing a police station» (оскорбление полицейского участка), что вызвало дополнительную волну смеха.

Если Голдстейн хотел помочь какому-либо политическому деятелю на выборах, он громогласно объявлял в *Screw* о своей поддержке его оппонента, и это было самым сильным ударом по конкуренту, потому что никто не хотел ассоциировать себя с порнографом. Уличённый в связи с Голдстейном, конкурент автоматически проваливался на выборах.

Голдстейн лучше всего доказал своё чувство юмора тем, что сам смеялся над собой и позволял своим сотрудникам смеяться над ним.

> Нигде надо мной нет больше издевательств, чем в моей собственной газете *Screw*, —

гордо заявлял он.

Но одну шутку над собой ему было трудно пережить.

Приятели Голдстейна, Mitchell Brothers (владельцы порнокинотеатров и создатели ставшего классическим порнофильма *Behind the Green Door*, 1972 год), на одной из оргий пригласили для него на сцену девиц. Разгоревшемуся Голдстейну братишки напутствовали на ухо, чтобы он не кончал с первыми пятью, так как шестая будет суперкрасавицей. Когда Голдстейн выеб пятерых, изо всех сил удерживаясь от оргазма (из чего состояла эта ебля, он не рассказывает: всунул и вытащил по разу каждой?), он приготовился кончить с шестой, но тут объявили, что шестой не будет, так как она заболела и не явилась. Вместо неё вдруг выскочила какая-то баба в костюме гориллы и с пристёгнутым большим хуем, чтобы выебать Голдстейна. Братцы Митчел упали с золочёных кресел от хохота. Ал в страхе бежал, опасаясь за свою жизнь и прежде всего за зад, и, он пишет, что до сих пор испытывает неудовлетворённость из-за того недостигнутого оргазма.

И тут к горлу подступает главный вопрос: что, окромя генетики, создало такого человека, как Ал Голдстейн? Его появление в Америке можно рассматривать как реакцию природы на общественное попрание её. Под попранием я имею в виду то, о чём Голдстейн писал так:

> За исключением африканских стран, таких как Судан, Сомали, Эритрея, Мали и Джибути – где девочкам насильно вырезают клитор, а женщинам увечат половые органы, Америка – это наиболее сексуально ёбнутая страна из всех стран на свете. И именно поэтому я в ней родился.

Причём если в любой другой стране его тотчас назвали бы выродком и уничтожили или по меньшей мере посадили в тюрьму, то в США Голдстейну первая поправка к Конституции позволила оставаться на свободе и расширять границы приемлемости секса, который всё более перестаёт прятаться за ложную стыдливость. Бывший партнёр Голдстейна Jim Buckley сказал, что не Ал защищал Первую поправку, а Первая поправка

защищала его.

Как бы там ни было, но еженедельник *Screw* во многом способствовал тому, чтобы ебля перестала представляться грязной, греховной и запретной, и делалось это со смехом, а значит – доброжелательно.

Sally Eaton из труппы музыкального спектакля *Hair* («Волосы») в своём интервью *Screw* заметила:

> Самое доброе, что могут делать два человека по отношению друг к другу – это ебаться… Америка настолько стерилизована, что такое простое дело, как ебля, нам приходится выдавать за романтические отношения.

Именно эту никчёмную худосочную романтику и выкорчёвывал Ал Голдстейн:

> Выстроенный мной фасад аморальности и безответственного секса был всегда лишь способом замаскировать страх, что мне могут причинить боль. В этом нет ничего нового. И *Screw* был таким антиромантическим изданием для утешения от этого страха.

Получается, что ебля – это доброе дело хотя бы потому, что не только даёт наслаждение, но и спасает от страха боли. Однако боль появляется сразу, как только из секса исчезает наслаждение. Эта боль чаще всего является в форме разочарования. В Голдстейне, разжиревшем, обедневшем и состарившемся, женщины разочаровывались по-крупному. Только продвинутая в сексе порнозвезда Seka провозгласила в интервью для *Screw*, что она далеко не всегда обращает внимание на внешность, ибо отвращаться внешностью есть дурная сексуальность.

Прогоревший *Screw* перестал защищать Голдстейна от боли, и он остался лицом к лицу с немощью всевозможного вида. Он пишет (вернее, повторяет кого-то), что первооткрыватели работают на собственное истребление. Звучит трагично, но истина гораздо проще и жёстче. Возьмём соратников Голдстейна, а именно: Хью Хефнера, Боба Гуччионе и Ларри Флинта. Все они к старости остались богатыми людьми. И они вели и ведут себя достойно даже при всех эскападах, которые они себе позволяли. Забавно и то, что вся эта троица – христианская, тогда как еврей Голдстейн оказался безденежным, что в корне противоречит стереотипу богатого старого еврея. Бедность в старости особо тяжела, когда она контрастирует с былым богатством в

молодости и зрелости.

Непонятость Голдстейна, о которой упоминал Ларри Флинт, стала абсолютно понятна к его старости. Она высветилась его безденежьем, хамством и немощью его мантры: Fuck you! Различить за этой буффонадой слабость, ранимость и одиночество тоже не составляет большого психоаналитического труда.

Так что единственный практический вывод, который можно сделать, глядя на подытоженного Голдстейна, – это резкая и отчаянная необходимость денег в старости.

И даже если предположить справедливость утверждения, что любовь не купишь, то за деньги можно купить любые наслаждения. А наслаждаясь, о любви забывают. Или наслаждение принимают за любовь.

Но ежели уточнять до самого конца, то наслаждение – это и есть любовь.

ИСПОЛЬЗОВАННОЕ:

1. I, Goldstein. My Screwed Life by Al Goldstein and Josh Alan Friedman. New York: Thunder s Mouth Press, 2006. 272 p. ISBN 978-1-56025-868-1.

2. Television Series «Midnight Blue». Vol. 5. Porn King, 2006. (DVD).

3. Блог Al Goldstein http://www.algoldstein.com

Пожизненное счастье (Huge Hugh Hefner – охуенный Хуй Хефнер)

Когда интервьюер спросил мою мать,
гордится ли она мной, она ответила:
«О да, но я бы не менее гордилась, если
бы он был миссионером».
Позже я сказал ей:
«Мама, но я ведь и был миссионером».

Хью Хефнер

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2009. № 191. Нумерованный список литературы см. в конце исследования; при отсылке на него в скобках указан номер работы или работа и цитируемые страницы.

Приговор пожизненного счастья Хью Хефнеру вынесло Провидение, а приводить его в исполнение взялся он сам.

Жизнь этого человека стала и до сих пор является рафинированным воплощением мечты любого мужчины, женщины, гермафродита. Причём это жизнь долгая и, я бы сказал, вечная.

Ознакомление с биографией Хью Хефнера стало для меня открытием бытия, а вернее, подглядыванием в бытие, которое свершалось и вершится одновременно с моим, но о котором я знал понаслышке и не представлял той мощи и яркости, что косвенным образом влияли и на мою жизнь – обеспечивали свободу писать всё, что мне сексуально вздумается.

Читать биографию живого великого современника – это познание самого себя, ибо, читая её, ничего нельзя списать на далёкое прошлое, а истины, которые тебе открываются, предстают перед тобой либо укором, либо предостережением, либо вдохновением. И ты вольно или невольно сравниваешь свою жизнь с великим современником и либо признаёшь своё ничтожество, либо предаёшься зависти, либо продолжаешь делать своё дело с ещё большим азартом, узнавая то же Провидение,

приговорившее тебя к той жизни, которую ты сам приводишь в исполнение.

* * *

Hugh Hefner родился 9 апреля 1926 года. Христианствующие родители любили Хью и его младшего брата, заботились о них, но никаких эмоций не проявляли. Ни поцелуев, ни объятий, ни криков. О сексе не произносилось ни слова. Однако по семье пронеслась тайная сексуальная драма: 61-летнего деда по отцу арестовали за то, что он хватал двух девочек десяти и одиннадцати лет за пиздёнки. Его посадили на год (тогда такое не приравнивалось к убийству, как это делается сейчас), а жена его сняла комнату рядом с тюрьмой, чтобы регулярно его посещать (не отказалась от мужа, не развелась – видно, потому что всего год дали. Так мягкими приговорами за мягкие преступления сохранялись семьи).

Как повлияло на Хью это событие, я могу только воображать. Воображу так – он испугался и на малолеток никогда не запрыгивал.

Отец работал с утра до вечера, и когда маленький скучавший по отцу Хью однажды поцеловал его в щёку, тот так смутился, будто Хью взял отца за яйца. С тех пор Хью больше не пытался проявлять свои чувства по отношению к отцу. Все невымещенные эмоции Хью переключились на рисование комиксов, увлечение кинематографом и на прочие источники фантазий и мечтаний.

В школе Хефнер, чтоб его полюбили девочки, стал щёголем, вёл журналы, назвался Хефом вместо Хью, участвовал в театральных представлениях, сделал любительский фильм, где также и актёрствовал, короче, был в центре внимания у девочек и активно целовался и, вполне возможно, хватал их за груди и залезал в штанишки. Но самое главное, что он оставался девственником. (Трудно поставить рядом два слова: «девственник» и «Хефнер». Но в то время они шли рука об руку.)

После школы Хефнер пошёл в армию. Так как он умел печатать на машинке, то его после курса общей подготовки взяли писарем. В процессе годовой службы, которая продлилась до всеобщей демобилизации в 1946 году, он часто ходил на танцульки, завёл кучу подружек, но, несмотря на рукоприкладства к разным частям девиц, всё ещё оставался девственником (чем дальше, тем всё труднее и труднее это представить).

Хефнера поразили антисемитизм и расизм, которые тогда

свирепствовали в армии. Мать научила его, что все люди равны и оцениваются по делам, так что все разговоры не по делу ему были чужды. (Позже, на гражданке, по этой же причине он через несколько месяцев работы начальником отдела кадров ушёл, не желая участвовать в притеснениях негров и евреев при приёме на работу.)

Воспользовавшись привилегиями для демобилизованных, Хефнер поступил в колледж, где училась его давняя зазноба Милли Уильямс (Mildred Williams). Два года они занимались чем угодно (он – психологией, она целилась на училку), но только не еблей – Милли боялась забеременеть. А Хефнер – по-прежнему девственник (фантастика какая-то)!

Наконец, когда Милли уже заканчивала колледж, они решили совокупиться, поехали в маленький городок и в грязненьком мотеле перепихнулись. И тут же единогласно разочаровались в столь долгожданном процессе. Милли, скорее всего, не кончила, а, может, даже ей больно было, а Хефнер кончил, но быстро и не туда. Тем не менее оба от девственности наконец избавились.

В итоге решили жениться. Хотя сильная любовь была у них лишь тогда, когда они были в разлуке, а чуть вместе, то ругань да тоска. Но никуда было не деться – путь в те времена был предначертан: познакомился с годной девушкой, а за этим женитьба, дети, хорошая работа – и ишачь всю жизнь.

* * *

В колледже Хефнер редактировал студенческий журнал *Shaft*, куда он писал статьи, рисовал карикатуры и придумал там рубрику «Студентка месяца», куда помещалась фотография какой-нибудь смазливки и описание её внеполовых достижений. Эта рубрика оказалась предтечей подобной рубрики в будущем *Плейбое* с той разницей, что на фотографии месячная красотка там была голой.

Огромное впечатление на Хефнера произвело вышедшее исследование Альфреда Кинси (см.: с. 211–236 наст, изд.) о сексуальной жизни американских мужчин и особливо такие выводы:

> если выполнять все существующие антисексуальные законы, то 95 процентов мужчин должно сидеть в тюрьмах за сексуальные преступления. Наши моральные требования и лицемерие в сексе привели нас к неописуемой неудовлетворённости, преступности и

несчастью (1:46).

А тут ещё оказалось, что невеста Хефнера, ставшая школьной учительницей, переспала с учителем физкультуры. Для блюдшего верность Хефнера это оказалось сильнейшим ударом: измена ведь – не что-нибудь. Правда, Милли привела веские женские аргументы для утешения жениха: мол, переспала всего один раз и, мол, никакого удовольствия не испытала.

Хефнер продемонстрировал своё великодушие (которое для него весьма характерно и впредь), простил Милли и женился на ней в 1949 году.

Жить поначалу они стали в доме его родителей в Чикаго, часто производя ебальные стоны, которые смущали родителей, так что мама должна была сказать сыну, чтобы молодожёны приглушили страсти. Хефнер признавался, что через год после свадьбы он любит жену больше, чем в день свадьбы.

В результате в 1952 году родилась девочка (через много лет взявшая на себя рушившуюся империю отца и спасшая его и её от разорения), а в 1955 году родился мальчик (который вышел гомосексуалистом и о котором папа никогда не упоминает – может, также и потому, что жена подстроила вторую беременность против воли Хефнера).

Милли, чувствуя вину за свою измену, позволяла мужу лёгкие интрижки и принимала, не выяснено, какое по активности, участие в первых групповых совокуплениях, которые начал устраивать Хефнер. Так, он невзначай переспал с женой брата. А также он с Милли и другой парой еблись в одной постели, но жёнами якобы не менялись. Он также снял любительский порнофильм на квартире у друга, где он и баба еблись в масках, чтобы их никто не узнал. Потом у него была годовая связь с ебучей медсестрой, которая в этом деле была яркой противоположностью его жене, уровень сексуальности коей был слишком низок для мужа.

Так что нужные тенденции у Хефнера прослеживались с первых сексуальных шагов. (Забавно и то, что в спальне супругов висели в качестве украшения обрамленные рентгеновские снимки груди Милли и Хефнера. В этом я узрел милую связь с обложкой моей книги *Мускулистая смерть,* для которой я использовал рентгеновский снимок своей головы.)

Хефнер работал на разных работах, писал тексты к рекламам в универмаге, потом трудился в редакции журнала *Esquire*, затем в редакции журнала *Art Fotography*, где печатались фотки голых тел (ню – по-искусствоведчески) и потому в редакции стоял постоянный страх, что почтовое ведомство запретит рассылку

непристоя. Одно время Хефнер даже работал в детском журнале. Всё не напрасно – он набрался журнальных знаний, которые вскоре весьма пригодились.

В 1951 году Хефнер издал книжку своих комиксов про чикагскую ночную жизнь. Книжка привлекла внимание и оказалась относительно успешной. Он почувствовал вкус славы: выступления на радио, телевидении, кое-какие денежки. Хотел было с партнёром начать журнал с комиксами про Чикаго, но не удалось найти спонсоров.

К декабрю 1952 года Хефнер почувствовал себя в рабочем, семейном и ебальном тупике. Он осознал, что надо менять жизнь, причём кардинально. К тому времени он понял, что в морали нет абсолютных стандартов, а вместо них следует измерять каждый отдельный поступок по количеству счастья или несчастья, которые он приносит людям (1:42).

И вот Хефнер решился сделать то, о чём мечтал, – издать собственный журнал, причём о сексе, о том, что интересовало его больше всего. Он чувствовал, что и всех мужчин секс интересует больше всего. В 1953 году, когда ебля считалась тотальной крамолой и одобрялась только в браке с целью размножения, причём исключительно в миссионерской позиции, Хефнер решил провозгласить на всю Америку, что ебля, причём вне брака, – это прекрасное и здоровое дело, что голая баба – это не ужас, а прелесть, что «красиво жить не запретишь» и надо модно одеваться, вкусно есть, покупать быстрые и роскошные машины и другие дорогие вещицы, с помощью чего успешно соблазнять тех же самочек. Неча, мол, копить на будущее – живи сейчас и с красивыми бабами. Он писал:

> В нашем обществе есть тенденция жить ради завтрашнего дня.
>
> И когда ты так живёшь, он никогда не приходит (1:173).

Вот и я писал в своё время в книге *После прошлого* (Ann Arbor, 1982. ISBN 0-938920-30-8):

> Откладывать жизнь на потом – прискорбная форма мечты.

Первый номер журнала должен был стать «пощёчиной общественному вкусу», чтобы произвести неизгладимое впечатление на публику, и потому Хефнер купил права на печатание фот голой Мерилин Монро, отснятых когда-то для календаря, который так и не вышел. Хефнер засадил эти фотки в

первый номер *Playboy*. Чтобы издать его, он занял деньги у кого только мог, заложил мебель и сделал нужные шаги по распространению первого номера – благо он уже имел опыт в журнальном деле. Хефнер сам написал и отпечатал на машинке статейки про то и про сё и склеил журнал на картёжном столике в своей квартире.

Успех *Плейбоя* был абсолютный и мгновенный. Сразу пошёл в работу второй номер, в появлении которого Хефнер не был уверен, готовя к печати первый, и поэтому он даже не указал на нём его номер.

Публикация в журнале высококачественных фотографий обнажённых женщин на мелованной бумаге и продажа такого журнала в киосках и по подписке – такое было в то время революцией. Разумеется, обнажённые тела в журнале окружались весьма респектабельными статьями, карикатурами и шутками, а это было исключительно важно для Хефнера, ибо революцию он хотел делать бескровную (уж точно не проливая своей крови). Позже он чётко формулировал свою стратегию:

> We re trying to project an acceptable rebel voice. – Мы стараемся выступать с приемлемой мерой протеста (1:142).

В первых номерах *Playboy* он обрушился на викторианские сексуальные традиции и на женщин, которые заманивают мужчин в брак, чтобы потом, разведясь, получать с них пожизненно деньги. Он рассматривал это как покушение на мужскую свободу. Получалось, что внебрачный секс предохраняет мужчину от западни брака, а моногамия – это искусственный анахронизм, придуманный попами. Мол, полигамия – вот это да. И опять тут же в качестве аргумента – фотография очередной голой бабы.

Какой здравый мужик, да ещё в те времена, не клюнул бы на такие просексуальные проповеди? Число молящихся на *Playboy* стало неудержимо расти.

Всевозможные попы и моралисты бросились тявкать на молодого *Плейбоя* и кусать его за икры (с целью повалить и вцепиться в горло). В 1955 году глава почтового управления не выдал лицензию на рассылку журнала, называя причиной отказа его непристойность. Хефнер подал в суд на почту и заявил, что почтовый администратор должен заниматься не редактированием журналов, а доставкой почты. Суд признал правоту Хефнера, да к тому же постановил, чтобы почтовое ведомство выплатило ему 100 000 долларов за понесённый ущерб.

Хефнер, в отличие от многих либералов того времени, был антикоммунистом, поскольку свобода слова, тем более

сексуального слова, была возможна только при капитализме. Так что *Плейбой* являлся оружием в холодной войне, поскольку демонстрировал, как хорошо жить при капитализме. В 1959 году Никсон ездил в Москву открывать «Выставку достижений народного хозяйства» США и заявил, что американское изобилие, а не оружие выиграет холодную войну. Помню роскошные каталоги американских автомобилей, и у каждого из них стояла или сидела в нём роскошная женщина. Но что меня потрясло больше всего – это названия цветов машин: одна, которую в СССР обозвали бы красной, именовалась в каталоге имеющей цвет «брызги бургундского». А ведь именно такие машины и такие женщины заполняли журнал *Плейбой.* Так что *Плейбой* не только радикально менял нравы в США, но и содействовал разрушению СССР, открывая прослышавшему о журнале советскому народу глаза на способ жизни много лучший, чем на благо Советской власти.

В том же 1959 году Хефнер мирно (что для него характерно в отношениях с женщинами) развёлся со своей женой.

Журнал *Playboy* рос, цвёл, плодоносил. Редакция полнилась красивыми женщинами как сотрудницами, так и желающими обнажиться для фотографии в *Плейбое,* ну и, конечно, переспать с главными помощниками Хефнера, а ещё лучше – с ним самим. В то время, как поведал Хефнер, он имел якобы по 15–20 связей в год. Видно, ему теперь память изменяет, или под связью он имел в виду не просто разовую еблю на столе редакции (которых было просто не счесть), а женщин, с которыми он встречался по нескольку раз.

Как бы там ни было, но в редакции все еблись друг с другом. Если в других фирмах связи между сотрудниками были запрещены, то здесь они всячески поощрялись и были основанием не только для служебного повышения, но и для поднятия духа.

Тем не менее дисциплина в редакции тоже поддерживалась – так, Хефнер запретил ассистенткам и секретаршам жевать на работе резинку.

Джеймс Бонд был (и есть) любимым героем Хефнера. Ян Флеминг посетил редакцию в 1960 году и сказал на радость издателю, что Бонд, будь он реальным лицом, непременно был бы читателем *Плейбоя.*

Хефнер стал расширять своё деловое и идеологическое влияние. Он открыл ночные клубы под тем же названием *Плейбой.* За членство мужики платили приличную сумму и получали за это возможность входа, чтобы пускать слюней на зайчих (Bunnies) – официанток, одетых в закрытые купальники с пристёгнутым ватным хвостиком, который должен был вызывать

ассоциации с заячьим. А на голову насаживали нечто, напоминающее заячьи уши. Мужики от этого вида баб кончали себе в коктейли и залпом их выпивали. Под страхом увольнения официанткам этим запрещалось общаться с клиентами на территории клуба и даже давать телефоны для встречи вне клуба (чтоб Хефнера не обвинили в насаждении проституции). Но, разумеется, те, у кого были хорошие деньги, ебли этих зайчих во все их хвосты и уши.

Попутно Хефнер стал делать телепередачи, где он, хозяином огромной квартиры, а потом – особняка, организовывал вечеринки, на которых выступали знаменитости, танцуя с красотками. Одна из таких программ называлась *Playboy Penthouse*. (Не потому ли вскоре Боб Гуччионе, подражавший формату *Playboy*, выбрал название *Penthouse* для своего журнала.) Через некоторое время Хефнер уже не в Чикаго, а в Лос-Анджелесе сделал телешоу *Playboy After Dark*.

Затем начались постройки отелей с казино, создание книжных и пластиночных издательств, агентства манекенщиц, лимузинового сервиса, финансирование фильма Романа Полански *Макбет* и «ещё чёрта в стуле» и – всё под названием *Playboy*. Так что не без оснований Хефнер начал считать себя самым успешным человеком из всех, кого он знает, и называл себя без всякой ложной скромности – гениальным. Противоречить этому мог только завистник.

Хефнер создавал о себе прижизненную легенду, которая, по его убеждению, должна была укреплять позиции журнала – он был олицетворением плейбоя, именем которого именовался журнал и все фирмы в империи Хефнера.

В 1960 году Голливуд решил (с подачи самого Хефнера) сделать о нём фильм. Хефнер имел в виду фильм, рассказывающий историю его жизни и успеха, но студия предоставила сценарий комедии об издателе, запутавшемся в женщинах. Комедия Хефнеру была не нужна – ему нужна была эпопея. Стали исправлять сценарий, но так и не сделали, как это хотелось Хефнеру, и к 1963 году фильм похерили.

Для *Плейбоя* писали лучшие писатели и журналисты, и платились им самые высокие гонорары, что было великим стимулом для привлечения талантов, которым предоставлялась полная свобода выражения мнений вплоть до резкой критики самого журнала и Хефнера.

Так как *Playboy* критиковали все кому не лень с точки зрения нравственности и морали, то Хефнер решил обстоятельно ответить по всем пунктам и написал пространное эссе *Философия*

«*Плейбоя*».

Оно начало печататься в журнале в декабре 1962 года и продолжало печататься с продолжением в 25 номерах. Всё это время Хефнер сидел на таблетках speed, к которым он пристрастился. Они позволяли ему не спать в течение нескольких суток, да ещё отбивали аппетит. Он выпивал несметное количество банок пепси-колы, почти ничего не ел, а коль ел, то junk food[25], отощал и впадал в параноидальное состояние борьбы за правильность каждого слова, каждой запятой в тексте, перечёркивая и исправляя несметное количество раз написанное им и его ассистентами. На Хефнера работала группа редакторов, которые искали нужные исторические материалы для подтверждения его тезисов и многократно переделывали, согласно его указаниям, тексты, тоже не спали сутками, еле-еле успевая подготовить очередную порцию эссе в идущий номер.

В эссе Хефнер обрушился на христианство как на давильню человека, секса и радости потребления.

Ральф Гинзбург (см. *General Erotic.* 2002. № 74 и 2004. № 114) писал, что это самый сильный удар по цензуре за всю историю США. Но другие критики канючили, что вся эта философия – лишь предлог для делания денег. А ещё один выдал, что все Хефнеровы теоретизирования не скроют простого факта, что большинство американцев будут платить большие деньги, чтобы посмотреть на голые сиськи.

Если всё, о чём философствовал Хефнер, было, по сути, действительно связано с обоснованием собственной ебли и свободы ебли для других, то и вся критика на моральных и религиозных основаниях была связана с обыкновенной чёрной завистью, которую к нему испытывали все критиканы, признаться в которой большинство не смело даже самим себе.

Однако многословие хефнеровского эссе в конце концов вызывает лишь утомление, ибо борьба с инстинктами на уровне логики всегда обречена на провал, общество, борясь со своим смертельным врагом – сексом, никогда не примет его в той мере, в которой хочется каждому человеку, – в виде свободной и обильной ебли с мечтаемыми партнёрами. Потому-то одна фотография голой бабы в журнале являлась гораздо более мощным оружием, чем тысячи слов.

Арт Бухвальд ухмылялся:

> Многие боятся, что Хефнер завоюет Америку не силой, а сексом.

Именно секс делает общество бессильным, и потому оно выживает только с помощью ограничения и контролирования

секса.

Вот почему последующие журналы *Penthouse* и *Hustler* (не считая множества им подобных, но менее известных) двинулись в сторону изображения гениталий, а не демонстрирования логики их правомерности. Само существование гениталий есть аргумент, опровергнуть который можно только членовредительством. Потому-то общество боится больше всего порнографии, а не интеллектуальных статей, которые обосновывают её полезность, законность, естественность и пр.

Но не буду сам вязнуть в теоретических словесах. Вот словесные картинки.

В 1967 году после поездки в Лондон Хефнер резко изменил свой образ жизни – он стал есть здоровую пищу и спать ночами. Начал делать физические упражнения, сменил гардероб на более яркий, стал больше возлагать обязанностей на редакторов и помощников, ибо почувствовал, что может сломаться под тяжестью империи, которую он воздвиг и которая была непосильна для одного. Сексуальная жизнь его тоже активизировалась, он вспоминал, что в 60-х каждую ночь он спал с новой девушкой. Это был фон, на котором развивались его продолжительные романы. И потому он никогда не страдал долго от любовных разлук.

(В юности я додумался до теории «достойной замены», состоящей в том, что все любовные страдания полностью аннулируются, если разлука с одной женщиной сменяется близостью с другой женщиной, которая так же или более хороша, чем та, с которой разлучился: как говорится, «лучшее лекарство от любви – другая любовь». Хефнер всякую теорию подобного рода воплощал в жизнь наглядно и убедительно.)

В 1968 году он познакомился с восемнадцатилетней Barbara Klein. На его приставания девственница отчеканила стандартную фразу «вы мне в отцы годитесь» и, чтобы утвердить свою девичью простоту, добавила:

> Я никогда не встречалась с теми, кто старше двадцати четырёх.

Хефнер ответил:

> Ну и что? Я – тоже.

Но нет такой бабы, а тем более девственницы, которая бы устояла против денег и славы, так что после соответствующей обработки Барби призналась, что Хефнер ей уже больше не кажется старым. Она была студенткой университета в Лос-

Анджелесе. Ухажёр в то время жил в Чикаго и посылал ей цветы в студенческое общежитие в таком количестве, что она раздавала их всем девушкам. Барби признала, что Хефнер знает, как ухаживать за девушкой. Ей ли, восемнадцатилетней девственнице, было знать, что значит уметь или не уметь ухаживать? Под «умением ухаживания» для женщины подразумевается обилие и щедрость затрачиваемых на неё денег. Тем не менее Барби отказывалась расстаться с девственностью, потому что это для неё означало total commitment (принятие на себя полных обязательств). Женщины в длинный перечень этих обязательств включают долгосрочную еблю только с ней, а также трату денег и времени только на неё. С Хефнером Барби удалось добиться этого, лишь заменив слово «только», на «преимущественно».

Ломалась (торговалась) Барби несколько месяцев. Хефнер даже поехал знакомиться с её родителями. Все эти излишества он мог себе позволить ради развлечения, ибо тем временем ёб множество других баб. Это – в отличие от общенародно пропагандируемого ухаживания всухую, не ебясь ни с кем, доводя себя до умопомрачения, когда от невыносимой похоти согласен жениться на всякой суке, которая, пока не кончил, кажется тебе красавицей. Но подумать только – сколько девичьей подлости и расчётливости надо было этой Барби иметь, чтобы месяцами (!!!) с Хефнером целоваться, жаться, истекать пиздой и всё равно не давать. Какая жестокая торговля и наглая проституция! Но именно такое поведение именуется нравственным.

Ещё раз можно лишь подивиться терпеливости и благожелательности Хефнера.

А когда на Валентинов день 1969-го Барби наконец согласилась дать Хефнеру на его знаменитой круглой кровати, над которой светилось зеркало, она в своих воспоминаниях не радовалась оргазмам, которых, быть может, поначалу Хефнер не мог в ней вызвать, а пишет, что была в психологическом шоке после ебли и лишь с облегчением думала, что хотя бы теперь не надо будет об этом деле волноваться. Не слишком лестный отзыв о хефнеровской сексуальной заботе о её наслаждении.

После дефлорации они вскоре отправились с тремя парами Хефнеровых друзей на курорт в Мексику. Хочется надеяться, что там они устраивали оргии, но, прослеживая отношение Хефнера к своим любимым бабам, он мужиков к ним не подпускал. Однако марихуану они там курили – это засвидетельствовано. Кстати, как и то, что Хефнер наркотиками не интересовался, и, зная об этом, никто в его присутствии не нюхал популярный тогда кокаин и тем более не кололся. Для Хефнера марихуана была редко

приемлемым максимумом.

Именно поэтому совершенно абсурдным стало сфабрикованное обвинение против него в потреблении и распространении кокаина. В 1974-м враги в правительстве и Церкви затеяли травлю знакомых Хефнера, чтобы они дали показания на Плейбоя, будто он раздаёт им кокаин на вечеринках в своём особняке. Никсоновские псы (а Хефнер значился в позднее обнародованном списке врагов Никсона) жестко допрашивали и засудили Bobbie Arnstein, главную помощницу, правую руку Хефнера, бывшую его разовую любовницу, которая его обожала, но которая действительно пользовала наркотики на стороне, никак не связанные с Хефнером. Ей присудили 15 лет тюрьмы, но предложили свободу, если она скажет, что наркотиками её снабжал Хефнер. Она отказалась, и в январе 1975 года, не выдержав давления следователей, прокурора и прочих бандитов, покончила с собой, приняв кучу снотворных таблеток. В предсмертной записке она писала, что все обвинения её и Хефнера в распространении наркотиков не имеют никаких оснований и Хефнер, что бы о нём ни говорили – высокоморальный человек.

Хефнер, потрясённый смертью своей преданной подруги и соратницы, наперекор советам адвокатов широковещательно продолжил борьбу и добился того, что все обвинения с Bobbie Arnstein были посмертно сняты. Следователи и прочие извинились, но, увы, никто публично не уничтожил тех, кто затеял этот процесс. А это было бы единственной формой восстановления справедливости.

В 1980 году была убита Dorothy Stratten – одна из красивейших и милейших плейбоевских «Playmates of the year»[26]. Её застрелил муж и выеб труп в зад, а потом застрелил себя. Они были женаты всего несколько месяцев, и Dorothy согласилась выйти за него замуж только потому, что чувствовала себя обязанной ему за то, что он уговорил её, тогда молоденькую продавщицу, пойти сфотографироваться к представителю *Playboy*, приехавшему к ним в город за местными красотками для пополнения хефнеровского гарема и журнала. Девицу сразу выписали в Лос-Анджелес, и все в неё буквально влюбились. Хефнер с ней переспал разок-другой для порядка, а друг Хефнера, кинорежиссёр Богданович (Peter Bogdanovich), предложил Dorothy роль в своём новом фильме, и, разумеется, они сразу стали любовниками. Когда она объявила своему сутенёру-мужу, который рассчитывал разбогатеть на её карьере, что она хочет с ним развестись, и попросила отпустить её в доказательство его

любви к ней, он решил доказать иначе: купил пистолет и совершил этот смертельный трюк. Еибель Dorothy была горем для всех в *Плейбое* – глядя на неё в оставшихся документальных кадрах, прекрасно понимаешь, почему она вызывала к себе такую всеобщую любовь. (См. её интервью на шоу у Johnny Carson незадолго до гибели.)

Но самое болезненное и подло-несправедливое для Хефнера произошло, когда свихнувшийся от горя Богданович в 1985 году издал книгу, посвящённую жизни и смерти Dorothy Stratten, где обвинял своего бывшего друга Хефнера в том, что тот косвенно виноват в смерти Dorothy тем, что подверг его любовницу психической травме, втянув её в светско-сексуальную жизнь. Богданович корил Хефнера, что, мол, вся его философия и индустрия созданы лишь для того, чтобы ему было легче переспать со множеством красавиц. (Додумался-таки, умник!) Тем временем Богданович переспал с матерью покойной Dorothy и женился на её младшей сестре.

В итоге, испугавшись суда, Богданович публично извинился перед Хефнером.

В тот же период в стране работала комиссия, возглавляемая министром юстиции (Attorney General) Edwin Meese, потратившая десятки миллионов народных долларов, чтобы доказать, будто порнография толкает людей на преступления, а потому её нужно запретить. В списке первых врагов человечества именовался Хефнер с *Плейбоем* в руках. В результате весь учёный мир посмеялся над псевдонаучными выводами этой комиссии. И хотя ходу этим выводам формально не дали, но уголовное инквизиторство достаточно попортило крови невинным людям.

Всё это послужило причиной инсульта, который хватил Хефнера в 1985 году. Но благодаря интенсивному вмешательству врачей и использованию экспериментального лекарства он через месяц уже был на ногах в полном здравии. Однако краткий период, когда у него был лёгкий паралич и он не мог читать и связно выражать свои мысли, заставил его задуматься над жизнью так, как он давно не думал. Испугавшись инсульта и ослабевшего здоровья, Хефнер решил жениться и стать моногамным. Ведь в моногамию бросаются только от страха и слабости, в том числе и сам Хефнер.

Всю жизнь ему сказочно везло, повезло и на этот раз. Подвернулась очередная звезда *Плейбоя* Kimberley Conrad, которая ему пришлась так по вкусу, что в 1989 году он на ней женился. Она родила ему двух мальчишек, Хефнер тоже радовался отцовству, как мальчишка, и прожили они с Кимберли десять лет, пока она не перестала давать Хефнеру, а начала

совокупляться с дворецкими и охранниками, которыми полнился особняк и в которые набирались молодые и красивые самцы. Хефнер это обнаружил, но не воспылал местью, не убил, не выгнал, а лишь огорчился, купил ей дом напротив, в котором она и стала жить с детьми, а раз в неделю Кимберли с мальчишками притопывали к Хефнеру на обед. Как первая жена изменила верному Хефперу, так вторая сделала с ним то же самое. Верным быть Хефнеру было явно противопоказано.

Хефнер горевал недолго, понял, что молодой бабе захотелось молодого мяса, и сам взялся за свеженькое мясцо, которое с готовностью заполнило его особняк, изрядно очищенный Кимберли от самочек.

Все снова стали довольны, и обильная хефнеровская ебля, возрождённая виагрой, вернулась на круги своя. Хефнер после разрыва с Кимберли ещё раз убедился, что брак – это действительно смерть страсти и что моногамия – это пытка.

Дочка Хефнера от первого брака Christie стала раскручивать плейбойскую империю, так как её папашка увяз в ебле, перестал интересоваться бизнесом и империя *Playboy* стала разваливаться. (В начале 2009 года Christie ушла из *Плейбоя* – с 1982 года отпахала президентшей, а начала работать там с 1975-го.) Christie избавилась от убыточных предприятий и добавила порнографические прибыльные бизнесы, чем папаша Хефнер был недоволен – он всегда был против порнографии. Хочется надеяться, что лишь по политическим соображениям, а не по практическим.

Благодаря передаче управления дочери у Хефнера появилось больше времени для развлечений, но он всегда следил за происходящим в компании и принимал в нём участие.

Последние годы приобрело большую популярность телевизионное reality show *Girls Next Door*, где показаны карьеры, в которые впихнул Хефнер своих трёх недавних любовниц. Это даёт Хефнеру деньги, да ещё он стал сдавать особняк и его окрестности с зоопарком, бассейном, гротом и всякой всячиной разным фирмам для устраивания там приёмов и вечеринок. На мероприятиях этих он появляется как свадебный генерал, за что ему в карман сыплются дополнительные деньги.

Конкуренция в обнажённости

В 1962 году вышел первый номер журнала *Eros*, который издал Ralph Ginsburg. Как и Хефнер, он раньше работал в журнале *Esquire*. Вышло всего четыре номера *Эроса,* после чего Гинзбурга

засудили и посадили в тюрьму. А журнал в твёрдой обложке *Эрос* был много невиннее, чем *Playboy*.

Гинзбурга посадили с помощью подлого крючкотворства: не за непристойность журнала (в этом его не могли обвинить из-за очевидной его невинности), а за pandering – «совращение» с пути истинного с помощью рекламы этого журнала, рассылавшейся по почте. Я вижу несколько причин, почему государство и прочая дрянь так тяжело обрушилась на Гинзбурга.

Во-первых, название журнала использовало ужасное слово «eras», которое напрямую связано с еблей. Тогда как слово «playboy» – весьма нейтральное по смыслу и может означать вполне не связанные с сексом вещи.

Во-вторых, *Playboy* назывался «журналом для мужчин», а мужчинам американская мораль прощает мелкие сексуальные игры, тогда как *Eros* был направлен также и на женщин и девушек (журнал общеобразовательный). А развращать женщин и детей позволить было нельзя.

В-третьих, Гинзбург был еврей в отличие от христианина Хефнера, а потому особенно мозолил глаза государственным и моральным антисемитам.

Четвертого ноября 1968 года вышел первый номер нью-йоркского еженедельника *Screw*, который основал Al Goldstein (см. с. 405–417 наст. изд.).

Так как это была лишь газета да лишь с чёрно-белыми фотографиями, то с *Плейбоем* она конкурировать не могла, но зато составляла мощную идейную конкуренцию *Плейбою*, суть которой сводилась к тому, что *Screw* открыл американцам, что у женщин есть не только груди и обнажённые, но сжатые ноги, а также и пизда. Однако чёрно-белость пизды, лишавшая её притягательной розовости, не могла ошарашить так, как это сделал цветной *Хастлер* на мелованной бумаге. Однако *Scew* подал много идей, которые подхватили и развили цветные секс-журналы.

В 1969 году появились объявления о выходе нового журнала *Penthouse*, который Bob Guccione привёз из Англии в Штаты. Реклама с ружьём, нацеленным на логотип *Playboy*, предупреждающе возвещала:

Мы отправляемся на охоту за зайчихами!

Формат *Пентхауса* был весьма похож на плейбойский, но в *Пентхаусе* сделали шаг по направлению к пизде. Позы женщин на фотках были покруче, да ещё делались заходы в лесбиянство, фетишизм, тройственные союзы – в противовес красивеньким бабёнкам со сжатыми коленками в *Плейбое*. Guccione атаковал

Плейбой как старомодный и архаичный журнал, поддавая жару с помощью скандальных интервью и разоблачений знаменитостей.

Началась (теперь смешная, а тогда не на шутку) конкуренция, кто покажет больше лобковых волос. Из номера в номер с 1970 года *Пентхаус* и следующий за ним *Playboy* зарастали лобковыми волосами всё больше и больше.

В меморандуме для редакционных работников Хефнер написал, что теперь лобковые волосы не являются табу, если они показываются со вкусом (вкус лобкового волоса во рту весьма неизбывный). Когда Хефнера спросили в интервью, готова ли публика к виду лобковых волос, он ответил: спросите Бога, который их там поместил. Правда, Бог поместил ещё много чего, помимо лобковых волос, в тех же окрестностях, но об этом разговора не заводили.

Чтобы конкурировать с *Пентхаусом*, Хефнер стал выпускать журнал *Qui* с французским акцентом, где бабы размахивали лобковыми волосами, но *Qui* переманивал читателей не у *Penthouse*, а у самого *Плейбоя* и дохода он не давал. Так что Хефнер его продал в 1981 году.

В 1974 году вышел первый номер журнала Ларри Флинта (Larry Flynt) *Hustler* (см. с. 64–97 наст. изд.). По сравнению с ним *Пентхаус* выглядел консервативным, как *Плейбой* – по сравнению с *Пентхаусом. Хастлер* показывал розовую мякоть преддверия влагалища с растянутыми в стороны малыми губками.

Стараясь отгородиться от лобовой лобковитости *Пентхауса* и тем более от розовой и сверкающей плоти в *Хастлере, Плейбой* тем не менее решил показать свою «кузькину мать» и в 1975 году впервые напечатал лесбиянок, а в следующем номере аж женскую мастурбацию. Разумеется, пизды нигде видно не было. Такое свободомыслие вызвало возмущение у рекламодателей *Плейбоя.* Главный редактор того времени Arthur Kretchmer (тот самый, который хотел опубликовать *Тайные записки 1836–1837 годов* Пушкина только при условии, что я ему предоставлю доказательство их подлинности) признал, что *Плейбою* впредь надо быть более осторожным,

> чтобы не пересекать границу между чувственностью и вульгарностью.

А ведь именно полное уничтожение этих границ и есть цель сексуальной эволюции, которая некогда непристойное и вульгарное делает приемлемым и общепринятым. Каким образом женская красота (а именно ею является пизда) может быть интерпретирована как вульгарность?

Хефнер принял, как всегда, мудрое решение – прекратить

соревнование, кто больше покажет пизды, и сделал шаг назад. Он объявил миру и рекламодателям, что *Playboy* не будет соревноваться с новыми журналами в открытости пизды, что его журнал не является порнографией, и пр. и пр.

Снова по коммерческим, а также и по искренне личным Хефнера соображениям восторжествовало викторианское прошлое под маской высокого вкуса – назад к сжатым ногам и сокрытым лобковым волосам!

В 1976 году Хефнер приказал публиковать в *Плейбое* романтические истории, объяснив своё решение так:

> Когда имеется романтическая история, переходящая в секс, тогда атаковать секс становится сложнее (1: 313).

А ведь, по сути, чем занимался Хефнер, не показывая пизды, так это продолжал утверждать, что в женщине есть нечто запретное, постыдное, страшное – но сокрытие это происходило под предлогом возвышенности вкуса и борьбы с так называемой вульгарностью. Однако такой подход продолжал внедрять в мужчин и женщин негативное отношение к пизде, противореча всей сексуально-революционной деятельности Хефнера. На каком-то уровне пизда начинает устрашать его, прочих да общество и вдобавок вызывать отвращение. Так, даже в *Хастлере* никогда не показывали менструирующей пизды, или пизды мочащейся, или на фоне вылезающего дерьма из ануса. Другими словами, женщину (пусть с усилием) в приемлемых обществом журналах всё равно оставляют недораздетой на разных уровнях.

Так называемая свобода изображения женской красоты, которая борется с тайной женской красоты (не забывайте, что женская красота это есть пизда), состоит не в уничтожении границ, а в сохранении некой границы. Поскольку движение это не поступательно во времени, а возвратно-поступательно (символизирующее движение в пизде), то граница эта, в зависимости от терпимости общества, в разные времена перемещается от полного запрета на показ пизды до раскрытой пизды. Но всегда даже в самом либеральном обществе устанавливается некая граница, пресечение которой карается законом. И на этом держится тайна пизды.

Сексуальная же революция неизбежно содержит в себе ограничение и боязнь, ибо она явление общественное, а не индивидуальное и, как и всякое общественное явление, самоограничивается, создавая нравственный ли, моральный ли, эстетический ли предел обнажения пизды.

И только отдельным личностям под силу рвануть к полному обнажению пизды, и это-то и сделает их изгоями или

преступниками, ибо одиночка окончательно раздевает женщину – до костей, то есть обгладывая до костей.

А вокруг в то время появилась масса мелких журналов вроде *Gallery, Genisis* и прочих, которые, как мелкие хищники, откусывали кусочки рынка, захваченного тремя гигантами (*Playboy, Penthouse* и *Hustler*).

Не следует забывать и об истинно литературном журнале *Evergreen*, который издавал Barney Rosset, владелец книжного издательства *Grove Press*. Именно он впервые издал в Америке Лоуренса (1959), а затем Генри Миллера, Берроуза и не вылезал из судов, куда затаскивало его по обвинениям в публикации непристоя правительство США, военизированные феминистки и религиозная шушера. Россета эти суды и провокации разорили, а Хефнер вылезал из любых ям, в которые его спихивали, и снова петлял зайцем с зайчихами.

А вся-то борьба, все трагедии и шум были о голом короле, вернее, о голой королеве, которая есть пизда. Сексуальная революция, раскрученная Хефнером, началась с публичных изображений голых бёдер, потом она перескочила на волосы на лобке, затем явились чуть разведённые ноги, где большие губы не раскрыты, потом разведённые ноги, где большие губы раскрыты, но не раскрыты малые. А уж после этого и малые развели, чтобы показать вход во влагалище и клитор.

Хорошо, что у женщин не десять пар губ, а то бы их раскрытие заняло ещё двадцать лет, чтобы наконец узреть вход во влагалище.

Тот же уровень общественного «ума» наблюдался и в литературе: когда Россет издал *Любовника леди Чаттерлей*, то на суде эту книгу называли порнографией и растлением американского народа. Когда после этого он издал *Тропик Рака*, то к тому времени *Любовника леди Чаттерлей* уже называли замечательным произведением беллетристики, а *Тропик Рака* стал воплощением ужасной порнографии и растлевал американскую молодёжь. А когда вскоре Россет издал *Naked Lunch*, то *Тропик Рака* превратился в восхитительный роман, а Берроуз оказался воплощением самого дьявола.

Как можно после всего этого, а также всего, что происходило на протяжении веков, принимать всерьёз мораль, нравственность и прочую дрянь? Но нас заставляют принимать их всерьёз, когда набрасывают удавки, которыми перекрывают дыхание телу и духу.

Если в СССР в конце 50-х и начале 60-х боролись со стилягами, тунеядцами и за высокий урожай, то в Америке боролись с сексом, с не меньшей силой, но с большей глупостью.

После этого в 70-х и 80-х в СССР боролись с влиянием буржуазной идеологии и по-прежнему за высокий урожай, а в Америке продолжали бороться с тем же сексом. Итак, в России всегда борются за урожай, а в Америке всегда сражаются с сексом.

Но если раньше в США судили за использование в литературе слов «fuck» и «cunt», то теперь судят четырнадцатилетнюю девушку, которая поместила свои собственные обнажённые фото на mySpace. Причём ей предъявлена статья по распространению детской порнографии.

Учил, учил Хефнер и прочие сексопросветители Америку сексуальному уму-разуму, а всё без толку. Заставь дурака богу (пизды) молиться – так он лобок отшибёт.

Попутно с демонстрацией пизды революционным явлением стало проскальзывание в неё негритянского хуя. Ебля всегда подразумевалась, чуть белая и чёрная фотографировались вместе даже с закрытыми бёдрами. В *Плейбое* таких пар не было и первую чёрную centerfold сделали в 1965 году. *Пентхаус* опубликовал голые с лесбийским уклоном фотографии негритянки Vanessa Williams в 1984 году, за что её лишили почётного звания Miss America. Но это не помешало ей сделать блестящую карьеру певицы и киноактрисы.

Однако когда Флинт поместил в *Хастлере* фотографии чёрного и белой, якобы занимающихся еблей, то он за это в 1978 году получил пулю в позвоночник.

Хефнер всегда выступал против расизма и в своих телевизионных шоу и вечеринках устраивал смесь негров и белых, что тогда было невидалью. Потому несколько южных штатов отказались транслировать эти шоу.

Но нигде никто не найдёт фотографии Хефнера, обнимающего негритянку. Неужто такой любитель женщин остался холодным к чернокожим да заодно и восточным красоткам (за исключением песенных объятий). Уж слишком он однообразен в своих сексуальных вкусах – недаром он признавался в одном из интервью, что пуританское воспитание всё ещё продолжает оказывать на него влияние.

Подглядки

Хефнеру удалось балансировать на грани приемлемости, не раздвигая ей ног. Принципиальное различие между Хефнером, Гуччионе и Флинтом, которое спроецировалось в их журналы и стало их эстетическим кредо, состоит в степени приближения к пизде и углубления в неё. А именно: Хефнер показал обнажённые

бёдра, Гуччионе показал разведённые ноги, Флинт показал растянутые малые губы. Этим определилось всё – и прежде всего выживаемость в обществе. Гуччионе не выжил, так как стал полумерой, средней точкой среди усиливающихся полярностей. На этой неустойчивой середине продержаться невозможно: либо иди в романтику *Плейбоя*, либо – в пизду *Хастлера.*

Трудами этих подвижников теперь понятие «полуголая женщина» оказалось весьма относительным. Если, по Хефнеру, это женщина, которая обнажила груди, но скрывает бёдра, то можно считать, что Хефнер показывал в *Плейбое* обнажённых женщин, то есть с обнажёнными бёдрами.

Однако, согласно Гуччионе, понятие «полуголая» должно означать женщину, которая полностью обнажила тело, но ноги не развела. Он в *Пентхаусе* оголил женщин, раздвинув им ноги, и обнажил их на более высоком уровне.

А вот Флинт своим *Хастлером* научил, что женщину можно считать полуобнажённой даже с разведёнными ногами, пока она не растянула малые губки, и только тогда она становится поистине обнажённой.

Я же считаю, что женщина полуобнажённой быть вообще не может. Она может быть обнажённой на треть и на две трети. По моим критериям, я называю женщину обнажённой только тогда, когда в ней заполнены хуями все три отверстия. Если же женщина с хуем только в пизде, то я её считаю обнажённой лишь на треть.

Есть немало мужчин, которые предпочитают ебать, отводя взгляд и нос от пизды, вид и запах которой их отвращает, страшит или угнетает. Но если женщина развела ноги и мужчина радуется открывшемуся ландшафту и аромату и не использует это движение женских ног только для того, чтобы поскорей засунуть член, то он пойдёт взглядом дальше, вглубь, куда как раз его и приглашает флинтовский *Хастлер.* Вот потому-то и загнулся прежний *Пентхаус* как вялая полумера.

Хефнер же обслуживает *Плейбоем* романтиков, которых полно даже среди ёбарей, причём можно смело предположить, что он сам им и является. С уверенностью можно было бы это утверждать, только если бы удалось понаблюдать, как он ебёт своих баб. (Одна из его любовниц пишет о слухах, что всё, происходящее у него в спальне, записывалось на видео. Вот до чего добраться бы для полного портрета Хефнера.) Но есть много косвенных доказательств, использование которых часто бывает достаточно, чтобы доказать даже убийство, а чтобы доказать романтичность по отношению к пизде, косвенных доказательств может хватить и подавно.

Романтичность отношения Хефнера к пизде исходила из его общей романтичности. Так, он заваливал дорогими подарками своих баб, которые должны были быть счастливы только тем, что им позволили жить в его дворце. Одной возлюбленной он дарил подарки ежедневно в течение нескольких лет. Он также умудрялся жить долгие годы с разного рода истеричками, закатывающими скандалы.

Средний заработок девицы, которую он поселял у себя в особняке, составлял около ста тысяч долларов в год, не обкладываемых налогом. Он (по сведениям десятилетней давности) платил каждой по тысяче в неделю на карманные расходы плюс бесплатная квартира в его дворце, плюс любая самая изысканная еда, которую она заказывала, проговорив желаемое в телефонную трубку, плюс медицинская страховка, плюс оплачиваемые походы к косметологу, маникюршам и прочим волосовыдиралам. Хефнер даже оплачивал операции по наращиванию грудей. Имея длиннющую очередь красавиц, он, вместо того чтобы выбрасывать за порог любую взбунтовавшуюся неблагодарную блядь и брать другую, нянчился с ними и терпел чуть ли не семейные скандалы.

Одной его сильно любимой предложили учиться актёрскому искусству, чтобы хоть как-то заполнить её безделье, на что она сказала, что актёрским искусством она полностью овладела, раз играет так, что Хефнер думает, что она его любит (даже имени этой неблагодарной суки называть не хочется).

Ну не добрейший ли человек Хефнер после этого?

Не следует забывать, что Хефнер занимается мультимиллионной благотворительностью, и если в ебле (потусторонней жизни) он, судя по всему, думает только о себе, то в повседневности (посюсторонней жизни) он изрядно думает о других. И если первое может быть огорчительно для его девиц, то второе радостно для всего человечества.

Тягу Хефнера не ко всем красивым женщинам, а исключительно к молодым, не старше 24 лет, многие из которых попадались ему девственницами, можно объяснить тем, что мужчина чувствует себя в максимальной сексуальной уверенности и безопасности с неопытными женщинами, а с девственницей, так вообще, что бы он ни сделал, всё воспринимается ею как сексуальная истина в последней инстанции, тем более что Хефнер не позволял девушкам, и в особенности его главным любовницам, с кем-либо совокупляться, кроме него. Таким образом, он пытался лишить девиц возможности сравнить его сексуальные возможности и предпочтения с тем, что им могли показать другие мужчины.

Как же можно пренебрегать женщинами с двадцати пяти до тридцати лет, тридцатилетними, сорокалетними и даже… летними? Настоящий плейбой любит всех женщин.

Кстати, одно из сексуальных предпочтений Хефнера – заниматься еблей, облив себя baby oil[27]. То есть ему нравится елозить своим телом по женскому с минимумом трения. Можно представить, что только для девственницы такая масляная ебля может показаться единственно нормальной. (Как тут не вспомнить античную басню про девственницу, что вышла замуж за мужчину, у которого воняло изо рта. Так она уверилась, что вонь изо рта – это общее качество всех мужчин.)

Возлюбленная Хефнера поздних лет (после того как он стал жить со второй женой раздельно) пишет, что Хефнер просто плавал в этом масле, отчего многие девицы получали молочницу (yeast infections). Заболевание это может возникнуть, только если масло попадает во влагалище, то есть Хефнер, видно, смазывал маслом не только свой торс, но и хуй. Женской смазки ему мало?! Получается, что либо он ничего не делал, чтобы пизда начала сочиться, либо бабы были к нему так равнодушны, что оставались сухими.

Предпочитать какое-то масло женским пиздяным сокам – это кое-что говорит о мужчине.

Нигде не говорится о венерических заболеваниях, которые Хефнер должен был бы обязательно подхватить, поимев столько сотен женщин, но сообщается про грибок на ногах, подхваченный в армии, который он скрывал, нося белые носки даже при ебле.

Любовница Хефнера пишет, что некоторые девицы, живущие в особняке, симулировали месячные, длящиеся якобы до трёх месяцев – только чтобы не ебаться с Хефнером. Это значит, что он так брезгливо относился к менструальной крови, что упоминание о ней было достаточным, чтобы не прикасаться к женщине. Что же это за любитель женщин, который отвращается от того, что является одной из женских сутей? Вот уж истинный романтик.

Также Хефнер оплачивал своим девицам процедуры по удалению волос на теле – а это значит, что он не любил лобковые, промежные и задовые волосы у женщин. Тоже симптомчик для мужчины.

Если Хефнер не мог терпеть менструальную кровь, то можно с уверенностью сказать, что анальный секс и тем более дерьмо, легко являющееся наружу при глубоких заходах, тоже вызывали у него отвращение.

Всё это – типичные симптомы романтика, который мало заботится о наслаждении женщины, считая его автоматически у неё возникающим, как результат его собственного наслаждения.

И действительно, все девицы-приживалки в Хефнеровом поместье говорили, что отношения строились только на желаниях Хефнера (хотя он всегда щедрый и милый), что им приходилось подстраиваться под все его прихоти.

Его любимой комбинацией была группа самок, где он был единственным самцом. Разумеется, что один мужчина едва ли может до конца удовлетворить даже одну женщину (ту, которая имеет кое-какой опыт), а об удовлетворении одновременно двух и более не может быть и речи. Разумеется, он сталкивал девиц языками и клиторами, чем они могли снимать часть своего напряжения, но можно смело сказать, что по окончании оргии полностью удовлетворённым мог быть только сам Хефнер.

Девушки же находили себе радость с мужчинами на стороне, несмотря на все усилия Хефнера держать их пизды только для себя.

Романтичность Хефнера, которая отражалась в журнале тем, что он показывал ретушированные женские тела без пизд, ярко демонстрировала себя и в реальной жизни. Через некоторое время после возникновения главенства Барби Клейн Хефнер тайно от Барби завёл себе ещё одну постоянную девицу, Karen Christy, якобы лишь для ебли – она в этом деле дополняла ему нечто, чего не хватало у Барби. Скорее всего – блондинистость, так как Барби была шатенкой. Барби не знала о существовании конкуренции, и он ёб Кристи, пока Барби отсутствовала, а когда та приезжала, выпихивал Кристи через задний выход особняка в поджидавший её лимузин. Однако Барби узнала о сопернице и со скандалом выехала из особняка, сняла квартиру, но вскоре вернулась. Потом ушла насовсем. К тому времени она уже попробовала других мужчин.

Кристи после скандала ушла жить к подружке в квартиру, а Хефнер побежал её искать, нашёл и клянчил, чтоб вернулась, пока та не снизошла. А ведь у него было вокруг подобных девиц как грязи, мог ведь он сказать: проваливай, коль не желаешь делать, что я хочу – недаром же он провозглашал себя доминирующим самцом. Хефнер не собирался жениться ни на Барби, ни на Кристи, не хотел иметь с ними детей. Оказывается, что романтик согласен отдать власть и деньги ради конкретной пизды, и они не делают романтика умнее. Благо, Хефнер был достаточно умён, чтобы не отдать всю власть и все деньги.

Романтичность может оставаться даже на оргии. Особняк его был легализированным местом для оргий, которые он устраивал для знаменитостей. В июле 1968 года в его апартаментах в Лос-Анджелесе он устроил оргию на семьдесят человек. Здесь (http://www.youtube.com/watch?v=9EHyOXaalGE) Хефнер очень

осторожно объясняет, каково быть участником оргии.

Он признаётся, что, несмотря на то, что большое количество людей обеспечивает эмоциональную безопасность, он имеет свойство всё равно эмоционально вовлекаться. Опять-таки романтик, что должно весьма ограничивать свободу его движений, чувств и предпочтений.

Кроме того, Хефнер берётся говорить о моральности и аморальности, что можно лишь извинить его умением политически балансировать на общественно приемлемых позициях. Однако в старости, когда женщины, и особенно девушки, смотрят сквозь тебя, не замечая твоего существования, и взгляд их останавливается только на твоей руке, если в ней пачка долларов, тогда приходится отказываться от романтики хотя бы частично, что и делает Хефнер.

Близкая приятельница Хефнера, глядя на окружающих его девиц, спросила его:

> – Не думаешь ли ты, что эти девушки здесь из-за твоих денег, а не из-за тебя самого?

Хефнер материалистично ответил:

> – Мне не важно из-за чего они здесь, главное, что они – здесь.

(И сразу выгнал из спальни одну из девиц, у которой вдруг началась менструация.)

Уравниловка равенства

Равенство между мужчиной и женщиной определяется прежде всего тем, что женщина должна получать сексуальное наслаждение от ебли не меньшее, чем мужчина. Но так как женщина способна на гораздо более продолжительное наслаждение, чем мужчина, то о равенстве при традиционном (один на один) положении вещей не может быть и речи. Если мужчина после первого оргазма, обессиленный, отваливается от женщины до лучших, вторых времён, то женщина после первого оргазма только начинает свой путь наслаждений, по которому её может не медля повести второй, третий и последующие мужчины.

Сексуальная свобода для «девушек по соседству» (girls next door), которую провозгласил Хефнер, оказалась для большинства из них великим разочарованием, ибо девушки и женщины, решившись разводить ноги не только для мужей, взамен

получали так называемую фрустрацию от невежественных и эгоистичных мужчин, дорвавшихся до их пизд и кончающих в лучшем случае через минуту. В итоге женщины обозлились на Хефнера и компанию хуеобразных, обещавших им золотые горы наслаждений, а на самом деле в лучшем случае предоставлявших золото долларов, и организовались в феминисток, самые радикальные из которых решили, что мужчины вообще не нужны, а женщины могут удовлетворить друг друга со знанием дела, ибо оно – их общее. Однако впрямую им было ни осознать истинную причину, ни выразить, а потому феминистское движение ополчилось на изображение женщин как сексуальный объект (не доёбанный мужчинами объект). Они утверждали, что такое отношение является эксплуатацией женщин (ещё бы, возбудили и бросили – что может быть более унизительно для женщины, чем недоведение её до оргазма).

Объектом этих резонных недовольств феминистки, как и следовало ожидать, выбрали прежде всего *Playboy* и в 1969 году начали серию протестов. Феминистки рассердились, что Хефнер спровоцировал их на сексуальную свободу, но не обеспечил мужчинами, способными женщин удовлетворить. А те малопривлекательные из женщин, что всегда готовы ебаться, не могли привлечь мужиков, которые развратились красотками из «Плейбоя» и хотят только им подобных.

Хефнер как в *Плейбое*, так и в личной жизни следовал утверждению, что женщины должны свободно заниматься сексом, но свободу множества партнёров оставлял только себе и мужчинам. Женщинам же он предопределял еблю только с одним. В то же время Хефнер утверждал, что женщина должна знать своё место (быть дополнением к мужчине, тогда как три мужчины есть дополнение к одной женщине) и выражал недовольство растущей силой женщин, которые начинают конкурировать с мужчинами (в сексе женщины всегда оказывались победительницами.)

Хефнер утверждал, что миром управляют мужчины, и так это должно оставаться (1:234).

На страницах *Плейбоя* и вне их Norman Mailer (http://en.wikipedia.org/wiki/Norman_Mailer) забил тревогу, что женщины становятся более мужеподобны, агрессивны, менее нежны и более похотливы.

Смазливая журналистка-феминистка Gloria Steinern нанялась зайчихой в один из клубов *Playboy* и проработала там несколько недель, чтобы изучить изнутри, что это такое. Затем в двух номерах журнала *Show* Глория описала свои впечатления-приключения. Никаких криминальных разоблачений там не было, но в форме дневника она описала день за днём унизительную и

нудную работу «зайчих». Такова работа у всех официанток, но зато в *Плейбое* у них была возможность подцепить богатого клиента, сотрудника Хефнера или даже его самого, что бывало не раз.

Глория описала, как гости приставали к ней и другим официанткам, как с наиболее богатыми ожидался ногоразвод (мой неологизм – патентую). Заканчивается репортаж такой слезоточивой сценой: она возвращается с работы усталая и видит на улице проститутку, которая ей улыбнулась и Глория улыбнулась в ответ. Проститутка стояла готовой к ногоразводу.

Во всяком случае, она выглядела более честной, —

влепляет заключительный аккорд Глория.

О бог ты мой, какой ужас! – ведь зайчихи жаждали продать своё тело, как и все остальные женщины. Потому-то они и шли в клуб *Плейбой*, а не в *Perkins*[28], чтобы продать себя подороже.

Статья вызвала дополнительные проклятия *Плейбою* со стороны не сумевших выгодно продаться баб – а таких, как известно, большинство!

Между тем Глория флиртовала с Хефнером, пытаясь его соблазнить, но у того не случилось времени, и ей с горя пришлось писать ебливые статейки в *Vouge* и *Glamour*.

Так и не добившись Хефнера, Глория совсем ошалела и встала во главе феминистского движения против порнографии.

Хефнер был удивлён: как женщины могли выступать против него, женщины, которых он, как ему представлялось, освободил от оков, чтобы те могли беспрепятственно ебаться. Но его двойной стандарт (1:245), разрешавший мужикам ебаться направо и налево, а женщинам – только направо, да ещё не давая им достойного и заслуженного удовлетворения, вызвал взрыв у формально освобождённых женщин. Одно дело – быть неудовлетворённой, живя без мужиков, а другое дело – позволить себе ебаться и всё равно оставаться неудовлетворённой – это уже оскорбление двойное. Уж коль Хефнер и прочие сказали для мужчин А, то нужно было сказать и для б… А ещё лучше не сказать, а сделать.

Хефнер любит появляться в сопровождении нескольких баб. Если бы он действительно любил женщин, он бы расхаживал лишь с одной да ещё с одним-двумя молодыми самцами. Этим бы он демонстрировал заботу об удовлетворении желаний женщины.

А то какой пример для подражания он подаёт самцам всего мира? Иметь множество не удовлетворённых тобою женщин? Такого рода поведение является вовсе не сексуальной революцией, а старой песней.

Что делать? А вот что.

Хефнер с помощью *Плейбоя* постарался выйти из викторианства, жестоко подавляющего секс, к высвобождению желаний под предлогом узаконенного американской Конституцией «стремления к счастью» (persuite of happiness). Однако счастье, изображаемое и излагаемое в *Плейбое*, разит недоговоренностью и недоделанностью, ибо он не показывал девиц с хуями в дырках, а только это и есть счастье. То, что Хефнер делал в *Плейбое*, – это лишь намекал на счастье, обещал его. Именно поэтому он так идеально вписался в общество, которое построено на обещании, а не на исполнении желаний. Хефнер делал легализованной мечту, а не реальность.

Обилие изображений просто голых или голых и ебущихся тел создаёт мнимое изобилие секса, ибо цель желаний – изобилие не изображений, а доступной женской и мужской плоти.

Пора кончать с картинками, клипами, недостижимыми мечтами, пора поставлять мясо, свежее, вкусное, доступное и красивое, ибо всё до сих пор было обманом, но теперь генетика сможет доставить наслаждение не единицам, подобным Хефнеру, а буквально всем. Генетика сделает женскую красоту (понимай как хочешь) повсеместной и доступной.

Порнография – это шаг к сексуальному освобождению через клонов. Сексуальная история человечества идёт по пути оживления сексуальных фантазий: сначала делали рисунки фантазий, затем – фотографии, кино, видео, трёхмерное изображение, человекоподобные механические куклы и роботы, а теперь дело неминуемо идёт к созданию клонов людей специально для ебли. (Клонировать животных для ебли уже возможно.)

Идеальный секс-журнал в нынешнем виртуально-генетическом понятии был бы неким сайтом с демонстрацией всевозможной трёхмерной ебли со всевозможными партнёрами. Любой посетитель (посетительница) за некую общедоступную мзду могли бы заказать клоны персонажей, которые бы доставлялись электронно (то есть мгновенно) заказчику. После использования клона его (её) можно было бы расщепить на частицы и отправить на склад для будущего вызволения при нужде или просто в мусор.

Красота спасёт мир в том смысле, что когда наклонируют (наклонят открытым задом) любое желаемое количество красавиц, то войны, драки, споры из-за доступной красоты, присущие всей предыдущей истории человечества, прекратятся – красота в своём обилии и доступности спасёт мир.

Пока существует мастурбация во взрослом возрасте, она означает, что люди одиноки и неудовлетворенны. Цель – уничтожить необходимость мастурбации – обилием и мгновенной доступностью красивых женщин и мужчин. Поэтому в случайном одиночестве у человека, настигнутого желанием, рука потянется не к своему хую или клитору, а к кнопке, нажатие которой предоставляет тебе в пользование желаемую плоть. А после удовлетворения твоих желаний она исчезнет от нажатия другой кнопки (или даже той же кнопки). Сперма будет собираться в специальном спермоприёмнике, и каждый сперматозоид (коль здоровый) будет использоваться для оплодотворения клеток красавиц, которых будут искусственно множить, чтобы количеством они достигли количества сперматозоидов. Этими миллиардами и триллионами людей будет заселяться вселенная. Такое кардинально успокоит от волнений всяческих охранителей и защитников жизни (прежде всего в виде человеческого зародыша). Ведь коль защищать жизнь, то надо защищать и яйцеклетки со сперматозоидами, ибо отрицать в них жизнь – просто безумие.

Когда смотришь на девиц в *Плейбое*, неизбежно возникает желание: я хочу такую. И такую. И такую. Задача – не говорить по-хефнеровски: вот иди, ищи, веди переговоры (соблазняй), покупай, – а найти возможность оживления картинки и обеспечения тотчасной ебли той, что захотелось.

В итоге Хефнер и прочие не удовлетворяют желания, а лишь провоцируют их возникновение и рост да толкают народ в мастурбацию.

Настоящая сексуальная революция произойдёт лишь тогда, когда путь от желания бабы до получения её будет сокращён до мгновения.

Вот путь, по которому пойдут будущие хефнеры.

ИСТОЧНИКИ:

1. Mr. Playboy: Hugh Hefner and the American dream by Watts, Steven, John Willey & Sons. Inc. 2008, 530 p. ISBN 978-0-471-69059-7.

2. Hugh Hefner: Once Upon a Time (Documentary). Lynch/Frost Production, 1992. DVD.

3. Bunny Tales: My Life at the Playboy Mansion, The World s Greatest Reality Show by Izabella St. James http:// www.hollywoodinterrupted. com/ documents/bunnytales.pdf

4. The Playboy Philosophy by Hugh Hefner http:// www.playboy.com/ worldofplayboy/hmh/philosophy/the-playboy-philosophy-part1.html

5. Hugh Hefner: American Playboy (Documentary). 2003. DVD.
6. Obscene (Documentary), 2007. DVD.

Жёны ближних твоих

***Gay Talese*: Thy neighbor's wife. New York: HarperCollins Publishers, 2009. 588 p. ISBN 978-0061665431.**

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2009. № 194.

Книга *Жена ближнего твоего* впервые была издана в 1980 году и произвела фурор. Дюжину недель она торчала на первом месте по продаваемости в списке книг в *New York Times.* Автор Gay Talese получил за неё миллионы, Голливуд взялся из неё фильм делать, да, как всегда, скис, чуть дело заходит о настоящей ебле, а не о её имитации.

Talese работал над книгой девять лет, причём не академически наблюдая и научные книжки читая, а всячески и лично участвуя: он устроился работать менеджером массажного кабинета, посещал проституток и принимал участие в оргиях, вёл несчётное количество непристойных разговоров с простыми людьми и знаменитостями, читал горы похабных книжек и дрочил на пачки порножурналов. Такой активной подготовкой к написанию книги он поставил под угрозу свою женитьбу (жена то ли протестовала, то ли требовала того же участия в оргиях и чтения похабных книжек вслух). Но брак устоял. И не только брак, а даже интерес к книге, которую только что переиздали. В новом издании добавлены незначительные авторские комментарии о том, что произошло с персонажами после первого издания книги.

Примечательно, что все герои – это реальные люди, и выведены они в книге под собственными именами.

Цель книги – продемонстрировать значительность изменений в отношении к сексу, которые произошли в американском обществе с сороковых годов. И также чтобы люди не принимали нынешние сексуальные свободы как само собой разумеющееся и не обманывались бы тем, что так было всегда.

А изменения произошли действительно громадные, стоит лишь оглянуться назад. Талибан, который творится сейчас, представляется детским садом по сравнению с Гулагом, который творился тогда. И хотя жаловаться нельзя, но требовать надо, ибо несмотря на возросшую терпимость общества к сексу, путь к раю ещё долог. Хотя рай уже виден на горизонте с помощью подзорной трубы науки (которая моралистам видится позорной – но об этом позже).

Книга начинается с описания жизни мастурбатора Harlold

Rubin, школьника, что дрочит на любимую девицу в журнале. У него стопки журналов с её изображениями, и он изо всех сил работает руками. Он одержим именно этой девицей, и никакой другой, – любовь то бишь. (У меня есть на эту тему рассказ *Недоступность*, но более интересный в *Что может быть лучше*?).

Дело происходит в сороковых годах двадцатого века, и позже этот молодой человек окажется владельцем массажного кабинета, таким способом значительно уменьшив необходимость мастурбировать. А девица в журнале – Diane Webber тоже появляется в последующих главах – она из нудистки стала «крольчихой», распечатанной по страницам *Playboy* в 1955 году.

Тут же даётся биография Hugh Hefner и история его успеха (см. с. 418–443 наст. изд.).

В те времена запрещался показ лобковых волос и непонятно, почему Hefner и прочие не обошли этот запрет, сбривая волосы. Сейчас бреют лобок, чтобы обойти злободневный запрет на детскую порнографию – безволосым лобком имитируют несозревшую девочку. Всем этим лишь доказывается великое значение женских лобковых волос, с которыми борются под разными предлогами: от гигиенических до эстетических и религиозных (см. О *волосах лобковых* в *Что может быть лучше*?).

В книге поведана поучительная история про Anthony Comstock – легендарного начальника американского почтового ведомства, который устроил такую перлюстрацию в поисках секса и непристоя, что о нём до сих пор вспоминают с ужасом. Потом он письменно исповедовался, что в юности непрестанно дрочил и, повзрослев, дрочить не перестал, но зато боролся со всем, что провоцирует мастурбацию – и прежде всего с порнографией.

Gay Talese и все, кто в здравом уме, торжествуют, что ныне смертный грех мастурбации стал восприниматься вполне безгреховно, а порнография стала полноправной и выразительной частью современного социального ландшафта.

Больше всего притесняли и били издателей, причём, как вскоре оказалось, ни за что. Однако за битьё это никто не понёс последующего наказания, и об этом я сожалею больше всего.

Так, издателя Samuel Roth таскали по судам и сажали многократно. Сначала за издание запрещённого за непристойность *Улисса*, потом за рассылку изданной им книги Perfumed Garden в 1936-м (у меня валяется экземпляр, никто не покупает – столько их наиздали – вот уж действительно прогресс: Roth в тюрьме гноили, а теперь эта книжка и за порно не считается, а за целый литпамятник). Те, кто сейчас называет что-либо непристойностью (например, фоты и описания ебли парней и девушек до 18 лет) и сажают людей за распространение их

изображений, знайте: через столько-то лет всё это будет нормальным и в порядке вещей. Самые большие и самые бесполезные страдания падают на людей из-за преступления сегодняшних сексуальных границ-ограничений. А именно эти границы есть самые произвольные и зыбкие, вызывающие завтра лишь ухмылку. Все те, кто сегодня преследует людей за сексуальные преступления (не связанные с нанесением увечий), завтра станут сами почитаться за преступников. А потому их надо предавать суду сегодня.

Так что Roth отдал свою жизнь за право читать что хочешь. А после того, как он отсидел и суд наконец признал, что *Улисс* – это первоклассная литература, Random House напечатал массовый тираж *Улисса.* Roth с грустным сарказмом писал по этому поводу:

> Богатый издатель позволяет бедному издателю создавать прецеденты установления новых моральных стандартов.

Право читать всё, что хоть как-то связано с сексом, отнимали у людей церковники, ФБР, полиция, правительство и все, у кого была хоть какая-то власть.

Беззакония и произвол, которые вершились против политических оппонентов в СССР, использовались в США против издателей невинных эротических сочинений. В СССР это называлось борьбой против буржуазной идеологии, а в США – борьбой с порнографией и непристойностью. Да, в США не расстреливали за это, не соорудили Гулага, но сажали в тюрьмы и калечили жизни с таким же энтузиазмом.

В 1956 году (после более 20 лет непрерывных преследований) вершился суд над Roth за перепечатку книги Оскара Уайльда *Venus and Tannhauser* и за почтовую рекламу этой книги «двусмысленного» характера. (А ведь *Playboy* с голыми цветными бабами выходил с 1953-го и его не трогали). Roth был еврей и потому особо ненавистен борцам с еблей.

Кинси (см. с. 211–236 наст, изд.) отказался от просьбы Roth быть свидетелем на суде, сказав, что не хочет вступаться за непристой (сексовед не хотел пачкать свою репутацию научного ёбаря).

Roth осудили на пять лет. Ему было тогда 62 года. Дело дошло до Верховного суда, который в апреле 1957 года оставил приговор в силе. Вот уж действительно мученик за нашу свободу, а не какие-то там христианские одержимцы, отдавшие свою жизнь за насаждение людского духовного рабства.

И таких мучеников было немало: Barney Rossett; Jack Kahane – *Obelisk Press*, Paris, тот, что опубликовал *Tropic of Cancer*; Anais

Ninn, Frank Harris, его сын Mourice Girodias – *Olympia Press*, Paris, тиснувший *Лолиту*; Ralph Ginzburg и нескончаемая череда издателей-великомучеников, большинство из которых – евреи.

Помимо издательского дела Gay Talese рассказывает о распространении группового секса, обмена жёнами и о прочих нужных и полезных деяниях. Знаменитый американский сексолог и писатель Albert Ellis провозгласил, что многие браки можно спасти с помощью «здоровой измены». После измены муж любит жену ещё больше. Жена после измены любит мужа ещё крепче.

Однако следует помнить, что в Америке существовали общины с общими женщинами в XIX веке. Самая известная и успешная – это община *Oneida* (см. с. 458–494 наст, изд.)

А пока любопытные штрихи.

Ещё Иероним Босх состоял в сообществе *Братья и сёстры*, участники которой группово еблись в тайных церквах, что кое-как отражено на его картинах. Так что оазисы в сексуальной пустыне христианства возникали то там, то здесь, а точнее – то тут, то там.

Oneida возникла в 1848 году и совершенно верно рассматривала секс как путь к совершенству. Но на этом пути возникали проблемы. Так, одна – нежелательные беременности. Сразу подвели идеологическую базу (не отходя от христианства), без которой нельзя влиять на коллектив – John Hamphrey Noyes, начальник, выдал бредовую идею вреда, наносимого мужчине от потери семени. Поэтому все мужики в *Oneida* обучались, как задерживать семя и не кончать в бабу (анальный и оральный секс для решения этой проблемы почему-то не рекомендовали).

Организатор *Oneida*, Noyes, делал такие разумные провозглашения:

> Стыдиться половых органов – это значит стыдиться божьих творений. Мораль, которая исходит из чувства стыда, является безнадёжной борьбой с природой.

В этом мире мудрых мыслей существовали и мудрые дела. Например, в *Oneida* девочек лишали девственности зрелые или старые мужчины, так как они могли не только искусно сдерживать семя, но и учить наслаждению (во всяком случае, подразумевалось, что старость равна сексуальному мастерству). Это было не только полезно девочкам, но и приятно старичкам – ну где, кроме как в *Oneida*, могли бы старички добраться до юных тел, да ещё бесплатно?

О мальчиках тоже не забывали – их лишали девственности женщины, прошедшие климакс, и потому мальчики, не умеющие сдерживать семя, могли радостно в них кончать без опасности,

что старушки забеременеют. Кроме того, женщины обучали мальчиков сексуальным хитростям и сами радовались свежим и сильным хуям. Ну где, кроме как в *Oneida*, могли бы старушки добраться до юных тел, да ещё бесплатно?

Никаких избранно-постоянных сексуальных контактов не допускалось – все должны были ебаться со всеми. Имелись амбарные книги, где велись записи, кто с кем и когда спал, чтобы, не дай бог, два раза подряд мужик не ёб одну и ту же бабу. Согласно оставшимся записям следует, что женщины имели от двух до четырёх любовников в неделю, а многие молоденькие по семи. Чем не рай?

Право на рождение детей давалось начальником – он сам выбирал оптимальные пары, и дети воспитывались в общем детском саду, а матерям не разрешалось жить со своими детьми.

В 1879 году свободная ебля закончилась официальным распадом коммуны.

С конца 50-х XX века снова завелись свободоебливые сообщества: люди бросились обмениваться жёнами. Смысл таких обществ простой: то, что дерьмо для одного, является золотом для другого (см. рассказ *Парность* в моём «кирпиче» *Чтоб знали*!). В 1970-м насчитали до 2000 коммун со свободной еблей.

Talese подробно рассказывается об основателях самой знаменитой общины *Sandstone Retreat* (см. видео кратких воспоминаний http://lockerz.eom/u/20648020/decalz/7228422/ a_swinging_good_time_ at_the_sandstone_re). А дело было так: муж и жена, ебущиеся с кем вздумается на глазах друг у друга, купили землю неподалеку от Лос-Анджелеса, отстроили старый особняк, что там гнил, и стали приглашать туда парочки, чтобы там жить, работать и с кем вздумается совокупляться. Среди любителей *Sandstone* живёт легенда о самоотверженности Барбары, жены основателя этой «гостиницы для путешествующих в прекрасном». Однажды Барбара ехала, как обычно, на еблю и увидела, что в припаркованной машине мужик пытается изнасиловать бабу. Барбара остановилась, подошла к машине и крикнула мужику: «Оставь её в покое! Если хочешь кого-то выебать, еби меня!» Мужик ошалел, отпустил бабу и ретировался. Эта история говорит не столько о смелости Барбары, сколько о трусости мужика. Нет чтоб доизнасиловать бабу, а потом за Барбару взяться, которая, будучи бисексуальной, могла бы в процессе и изнасилованную утешать.

На первом этаже отстроенного особняка *Sandstone* гости и хозяева в обнажённом состоянии вкусно питались, разговоры разговаривали, а когда хотели ебаться, спускались в нижний этаж, где в полутьме общались кто как хотел. В *Sandstone*

постоянно околачивались любители беспрепятственной ебли из знаменитостей. Например, Alex Comfort, что написал *Joy of Sex,* постоянно там присоединялся то к одной бабе, то к другой. Бывал там и покойный «групповик» Robert Rimmer, с которым я переписывался лет двадцать назад. Rimmer подготовил рецензию на *Тайные записки 1836–1837 годов* Пушкина, которую так и не удалось нигде опубликовать. Он написал фантастический роман *The Harrad Experiment* про колледж, где молодёжь учили свободной любви. А в *Sandstone* он занимался практическими делами, а не литературными.

Расслаблялась в *Sandstone* и антрополог Sally Binford, у которой до этого было три почтенных мужа (один за другим), сторонившиеся не только сексуальных экспериментов, но даже её обыкновенного клитора. Sally в отчаянии мастурбировала, воображая оргии, до которых прежде прибытия в *Sandstone* ей было не добраться. Неудивительно, что в университете она стала активисткой в борьбе за мир, что является отражением оргии – борьбой с пламенем внешним, мечтая унять пламя внутреннее.

Мужья и жёны в *Sandstone* проходили тренировку избавления от ревности с помощью наблюдения, как муж ебётся с чьей-то женой, а жена – с чьим-то мужем. Разумеется, там возникали комбинации из трёх и более счастливцев, где ревность уничтожалась в массовом порядке.

Завистники-моралисты с прочими христианами попытались засудить владельцев *Sandstone*, да не вышло – хороший адвокат защитил.

Затем парочке основоположников заведения *Sandstone* вся эта возня с администрированием ебли надоела, и они продали своё предприятие другим женатикам-энтузиастам. В 1975 году состряпали документальный фильм про *Sandstone.*

Sandstone строили сами члены коммуны, изматываясь за день под палящим солнцем и из последних сил ебясь вечером. Я думаю, что идея сексуальной коммуны противоречит идее свежего секса, необходимого для поддержания его сладости. Единственное, что даёт коммуна, – это увеличение числа партнёров. Но когда это благо происходит на фоне ежедневного совместного труда, обязанностей и постоянного пребывания друг перед другом, это общежитие превращается в ту же постылую асексуальную женитьбу. Вся прелесть ебли состоит в том, что ты, завершив её, можешь удалиться от партнёра или партнёров и не обязан продолжать смотреть на них, терпеть их, смиряться с их присутствием, соизмеряться с общими обязанностями. Вся эта коммуна делается лишь для того, чтобы держать имеющихся баб готовыми к ногоразводу, когда ты захочешь ебать ту или иную.

Короче, держать баб в состоянии готовности. А суть-то состоит в том, чтобы не возиться с ними, когда они тебе не нужны, а чтобы они исчезали и появлялись по твоему мановению всегда готовыми (над этим сейчас наука работает, обещая человеческие клоны лепить на конвейере). Так что коммуна – это то же ненавистное общество, а секс для высшей его приятности должен быть максимально антиобществен.

Почему проституция существует всю историю человечества (без перерывов на обед), а коммуны свободного секса могут продержаться только несколько лет? Потому что проституция – это оптимальная организация секса – на личном, а не общественном уровне, то есть без всяких обязательств по отношению к обществу. Проституция подобна Интернету, где нет главного компьютера, разрушив который можно разрушить весь Интернет. Так и нет главной проститутки, засадив которую, можно было бы уничтожить проституцию. А в общинах-коммунах всегда есть главный пророк, со смертью которого всё рушится или необратимо меняется. Проституция основана не на идеологии, всегда временной и ущербной, а на личной пизде – вечной и неуязвимой, напрямую связанной с наслаждением.

Наука, становясь всё более теистической (свидетельствующей о Боге), обретает силу настолько существенно изменять сексуальную мораль, что вскоре суть морали обернётся своей противоположностью, а именно: вместо того чтобы всячески сдерживать, порицать и ограничивать половые контакты, мораль будет призывать к безграничным и многообразным половым общениям лишь с гуманным основополагающим ограничением – запретом на пренебрежение наслаждением партнёра(ов). Однако и это ограничение с помощью развития той же науки будет аннулировано в морали, ибо клоны, созданные исключительно для половой жизни, будут автоматически испытывать наслаждение при любом сексуальном контакте, прикладываешь ли ты к тому усилия или нет. Благодаря клонам полностью исчезнет порабощающий и ныне обязательный этап на пути к пизде – этап соблазнения. Если теперь мужчина, оправдываясь, говорит жене, узнавшей о его сторонней ебле, что это для него был только безэмоциональный секс, то вскоре муж будет оправдываться тем, что он ебал всего-навсего клона, и его жена сразу успокоится, ибо клон будет сделан так, что ни родить, ни заразить, ни увести мужчину не может. И после его оргазма бесследно исчезает.

Другими словами, наука упразднит сексуальную мораль при общении с клонами и тем самым создаст абсолютную сексуальную свободу. Только при сексуальном общении человека

с человеком по-прежнему останутся досадные ограничения, на которые будут соглашаться в крайних случаях безумной любви. А вот наука, которая создаст клонов для сексуальной жизни, – неограниченное количество красивых самцов и самок, мгновенно и восторженно реагирующих на любое прикосновение, любого или любой, – именно наука, освобождённая от пут антисексуальной морали, сможет создать рай на земле, а не на каких-то там облаках, да ещё после смерти, как нудно пророчили лживые религии – человеческие самоделки.

Но меня снова занесло в футуризм. Пора вернуться к представлению, которое идёт в рецензируемой книге. Следующим номером (главой) программы (содержания) выступает история возникновения и процветания массажных кабинетов, описанная параллельно с историей еженедельника *Screw* (см. с. 405–417 наст, изд.), потому как его владелец, Al Goldstein, регулярно путешествовал по массажным кабинетам, и ему, как большому человеку, давали пробовать услуги бесплатно, а он за это ставил им оценки в своём еженедельнике, который все использовали как путеводитель по злачным местам Нью-Йорка.

Массажные кабинеты навозникали (вовсе не от слов «навоз» и «кал») разные и многие – в одних стены были увешаны образами персонажей литературных произведений, в других антураж был сделан под медицину, и массажистки расхаживали в белых халатах, а в третьих служительницы красовались в туниках под древний рабский Рим. Однако все эти массажные кабинеты были всего-навсего дрочильнями, и это было немало для затюканных семейной жизнью мужиков: молодая и красивая девица держит за хуй его, наконец осознавшего, что «всегда найдётся женская рука». Задроченные одиночеством или семейными обязанностями, мужчины являлись к массажистке боящимися, дрожащими, вспотевшими и нервными, не могущими кончить или эректировать, а выходили они подроченными, уверившимися в своих сексуальных возможностях, для чего психотерапевтствующим массажисткам приходилось в процессе дрочки хвалить, а подчас и ругать или успокаивать клиента, чтобы тот кончил. Впрочем, за дополнительные деньги можно было организовать отсос или обеспечить еблю. Деньги имеют свойство разнообразить сексуальную жизнь.

Сначала в Америке не имелось законов, чтобы прихватывать нежданно-негаданно расцветшие массажные кабинеты, но вскоре моралисты с политиками быстро придумали сволочные законы и стали теснить и прикрывать массаж, как и всё, что даёт сексуальное наслаждение за обыкновенные деньги.

Эпоха Никсона была нашпигована не только политической

подлятиной, но и антисексуальной. В 1969 году Никсон назначил главным инквизитором Charles Keating, который своими длиннющими руками стал хвататься за горло порнографии. Аскетическая харя этого иезуита, его высокая тощая фигура сразу говорит любому зрячему, что это за подлое существо. Keating организовал общество *Citizens for Decent Literature* (Граждане за благопристойную литературу). Так вот, Никсон назначил Китинга в «Президентскую комиссию по непристойности и порнографии». Задачей комиссии было установить связь порнографии с преступлениями, на которые она якобы вынуждает. Такой вывод дал бы основание для запрета порнографии и всего того, что эти крестоносцы решили бы назвать порнографией. Но так как в комиссию вошло несколько умных и честных людей, то выводы её оказались для Китинга ужасными: оказалось, что никакого влияния порнографии на преступность обнаружено не было. Более того, комиссия пришла к выводу, что порнография вовсе не является общегосударственной проблемой, каковой пытался её представить Китинг. (Разве можно вообразить, что в России комиссия, организованная правительством, сделает выводы, которые будут противоречить генеральной линии или вертикали партии и правительства?)

Возмущённый Китинг организовал кампанию, в результате которой отчёт комиссии был запрещён к публикации, а Никсон выступил с заявлением, что отвергает результаты отчёта этой комиссии как предвзятые, и заверил публику, что, пока он президент, он будет бороться за чистоту нравов и против грязи порнографии. Но в США (это же не великая Россия) можно было только оттянуть публикацию отчёта, но не запретить, так как это являлось делом Конгресса и Сената – получить отчёт Комиссии. И отчёт был представлен в правительство, став открытым. Взбешённый Китинг потребовал, чтобы ему позволили издать собственный отчёт (контора пишет). Ему позволили, и он опубликовал писульку на 175 страниц, где отвергал все выводы Комиссии и предлагал свои, известные: уничтожить порнографию и всем, кроме него и его дружков вместе с президентом Никсоном, отрубить хуи, а пизды законопатить. (В 80-х он долгосрочно сел в тюрьму за финансовые махинации – Бог правду видит.)

Но вскоре последовало самое интересное – издатель William Hamling раздобыл и издал отчёт Комиссии по изучению порнографии и присовокупил туда 546 иллюстраций самой злоебучей порнографии, которую изучали члены комиссии в процессе своих исследований. Книга эта разошлась мгновенно стотысячным тиражом с издевательской благодарностью Никсону

за предоставление возможности издать такую важную книгу. Вот библиографическое описание этого шедевра порнографии и её апологии:

> **The Illustrated Presidential Report of the Commission on Obscenity and Pornography. San Diego: Greenleaf Classics, 1970.**

В своё время Hamling, хорошо знакомый с Hugh Hefner, отказался финансировать первый номер *Playboy*, не поверив в правое дело. Через пару лет разбогатевший Hefner приехал к Hamling на новом «кадиллаке» и за разговором предложил не шибко успешному Hamling самому начать издавать журнал с голыми бабами – голодный на женскую плоть рынок заглотит и ещё один журнал. Hamling воодушевился успехом приятеля и решил похерить свой привычный консерватизм. Вскоре Hamling издал первый номер журнала *Rogue*, но лишь с чёрно-белыми фотографиями. Несмотря на это, к концу 1956 года его журнал расходился тиражом 300 тысяч экземпляров. Попутно Hamling стал издавать эротические paperbacks, нанимал писателей, строчащих легкочитаемые романы, с заголовками, в которых непременно присутствовали слова «грех», «страсть» и «стыд».

Тут американское правосудие взялось за Hamling. Вот ссылки на стенограммы американской инквизиции по борьбе с грехом, со страстью, но за вечный и обязательный для всех стыд:

> **http://openjurist.org/418/us/87**
> **http://supreme.vlex.com/vid/hamling-v-united-states-19986732**

Дело дошло до Верховного суда, как это уже много раз происходило в борьбе моралистов-политиков с издателями (см., например, *Человек, который из свободы сделал женщину*, с. 64–97 наст. изд.). Огромную часть своего времени Верховный суд Америки посвящал решениям, что есть непристойность, а что нет.

В Верховном суде США заседал интереснейший и редчайший Верховный судья William O. Douglas. Он писал:

> Конституция была создана для того, чтобы государство не мешало народу.

Douglas отработал судьёй Верховного суда 37 лет – дольше всех судей. Консерваторы и моралисты пытались трижды организовать импичмент, но все попытки потерпели неудачу. Первый раз – в 1953 году, когда Douglas разрешил отложить

(отменить не удалось) казнь супругов Розенбергов, обвинённых в шпионаже в пользу СССР. Второй раз пытались скинуть Douglas за его третий развод. (В 1963 году ему было за шестьдесят, и он женился на женщине, которой ещё не было тридцати. А через три года он женился на другой, двадцатилетней.) Третий раз его пытались сбросить, когда он издал *кишу Points of Rebellion,* в которой моралисты узрели подстрекательство на бунт, анархию и неподчинение властям.

Вот как писал судья Douglas о непристойности:

> Что бы ни называли непристойностью, она не поддаётся измерению как преступление и может лишь быть описана как грех. Одним людям она представляется в качестве греха, а другим – не представляется, и поэтому непристойность слишком субъективна для применения к ней каких-либо юридических санкций.

К сожалению, помимо Douglas, в Верховном суде заседало немало консерваторов, вот почему издателя Hamling всё-таки посадили. Но не сразу. Сначала он выиграл несколько дел. Вот одно из самых важных. В 1966 году простой человек по имени Robert Redrup заменил своего заболевшего приятеля и торговал с лотка книгами на Times Square. Среди них были книжки, изданные Hamling. Полицейский в гражданской одежде купил у лоточника две книжки под названиями *Омут Страстей* и *Агент по стыду*. Redrup этих книг не читал и не знал, о чём они, но ему предъявили обвинение в продаже непристойной литературы и арестовали, грозя многолетним тюремным заключением. Защиту его решил оплачивать издатель Hamling, на что он потратил 100 тысяч долларов, но это были эффективно потраченные деньги. Дело дошло до Верховного суда в 1967 году, где было принято решение, что эти книги не содержат непристойности. А раз так, то и все подобные книги перестали считаться непристойными и, таким образом, уголовные преследования за издание литературы стали принципиально невозможны. Однако с изданным Hamling *Государственным отчётом по непристойности и порнографии* дело обстояло критически иначе.

Весьма показательно, что *Playboy* отказался рецензировать *Отчёт*, решив не дразнить государственных гусей. Hamling счёл это предательством со стороны Хефнера, убоявшегося Никсона и его кампании против порнографии. В ответ на отказ Hamling написал Хефнеру злое письмо. Там были такие строки:

> Христианские мученики гибли за веру, которая по-прежнему глупа и фальшива, ибо все люди всё равно

остались в грехе и каждый за себя должен искать спасения, прощения, покупать индульгенции. Мученики же от порнографии страдали за свободу всех людей, и благодаря им мы теперь вправе печатать любые книги и никакая полиция, никакой суд не вправе преследовать нас за печатное слово. Жертвы издателей и писателей были исключительно полезны, важны и самоотверженны.

Очередной суд над Hamling начался в октябре 1971 года – его обвиняли в не одобренной правительством перепечатке *Государственного отчёта* и в распространении порнографии. Порнографические иллюстрации в книге сопровождались текстом государственного отчёта, являлись его органической частью и потому не являлись непристойностью. А вот рекламная рассылка, которая содержала только иллюстрации без «государственного» текста – вот это суд счёл непристойностью. На основании лишь этого судья дал Hamling 4 года тюрьмы и 87 тыс. долларов штрафа. Hamling был отпущен под залог, пока началось обжалование. В 1973 году Калифорнийский суд высшей инстанции оставил приговор без изменений. Подали в Верховный суд. Но как раз до начала слушания дела Hamling Верховный суд изменил определение непристойности: вместо критерия

> **произведение должно быть совершенно лишённым социальной значимости**

теперь считалось, что в печатном издании должна присутствовать

> **значительная литературная, художественная, политическая или научная ценность,**

а если нет – значит, непристой. Иди доказывай «значительность» того или иного текста.

Как раньше, так и теперь защищал Hamling знаменитый адвокат Stanley Fleishman, специализировавшийся на защите страдальцев свободы слова. До этого суда никто из издателей и порнографов, благодаря блестящей защите Флейшмана, не сел в тюрьму.

Он также вёл защиту коммуны *Sandstone*, которую пытались засудить за нарушение замшелого антинудистского закона 30-х годов. Флейшман доказал, что сам закон – антиконституционный, ибо лишает людей права на свободные ассоциации и встречи, гарантированные Конституцией. Все обвинения сразу испуганно сняли.

Судьба Флейшмана была весьма необыкновенной. Родители его были эмигрантами из России. В детстве он заболел полиомиелитом и остался инвалидом на всю жизнь. Он передвигался на костылях и в корсете, но бил всех наповал своим умом и напористостью. Юный Флейшман уехал от своей заботливой, во всём его опекавшей мамы, один, в университет Джорджии и там учился и мучился, ковыляя по лестницам без перил и мылся, падая на скользком полу в душах без ручек на стене. Там студент-отличник приковылял в бордель и впервые поёбся, и это ему так понравилось, что он туда зачастил. Студенточки с ним радостно болтали, но не давали.

В конце 40-х – начале 50-х в США боролись с коммунистами в Голливуде, а потом перекинулись на порнографов. Флейшман сначала защищал порнографов бесплатно, чему дивились сами порнографы и судьи, но благодаря этому и своим победам он быстро приобрёл высочайшую репутацию. Как инвалид, долго лишённый женской плоти, Флейшман считал, что порнография скрашивает вынужденное одиночество людей, подобных ему. Потом-то он женился на медсестре, с которой познакомился в больнице, и сотворил с ней немало детей.

Так вот, слушание в Верховном суде дела Hamling оказалось первым поражением Флейшмана. Голосами 5 к 4 суд оставил приговор Hamling в силе. Вскоре ему сократили приговор до почти года при условии, что он больше никогда не будет заниматься не только публикацией эротики, но вообще ничем эротическим (не знаю, запретили ли ему саму еблю).

А между тем первый полнометражный порнографический фильм *Deep Throat* триумфально шёл по стране (см. *Вечный голод, или Святая Порнография* в *Что может быть лучше*?). Появлялись первые видеопроигрыватели. Тут уже моралистам стало не до книг.

Знаменитой и активной участницей плотных общений в *Sandstone* была ныне здравствующая Betty Dodson.

Замечательная художница, писательница, пропагандистка женской мастурбации и пр. и пр., она активно выступала против брака, который, по её неоспоримому мнению, является продажей пизды за долгие отношения и является разновидностью проституции. Dodson боролась за освобождение женщин от экономической зависимости и высвобождение их сексуальных чувств. Она справедливо назвала клитор женским фаллосом и организовала собрания женщин для совместного рассматривания пизд, на которые женщины раньше страшились смотреть или смотрели с омерзением. Они укрепляли выросшую в результате этого любовь к пизде с помощью совместной мастурбации.

Женщины наслаждались собственными пиздами и пиздами соратниц и дивились разнообразию форм губ, клитора, волос, запаха и цвета. Так у женщин происходило радикальное переосмысление уродства в красоту.

Свои мастурбационные размышления Dodson собрала в книге, изданной в 1974 году, *Liberating Masturbation: a Meditation on Self-love*, которая стала не только женской энциклопедией, но и Библией.

Среди агрессивных феминисток вроде Andrea Dworkin свирепствовало мнение, что всякая ебля – это надругательство над женщинами. Dodson же была не свирепа, а прозорлива и так описывала женщин, которые реагировали на упоминания о сексе как о чём-то ужасном:

> Если сексуальный опыт женщины связывается у неё только с негативными эмоциями, то, глядя на изображения сексуальных контактов, она, по вполне понятным причинам, будет чувствовать себя оскорблённой.

Из этого следовал простой вывод: обеспечь женщин сексуальным наслаждением, и тогда противниц секса не останется. (То же самое относится и к мужчинам.) Задача – как эффективно осуществить это обеспечение, которому сопротивляется мораль, Церковь, государство. Как с помощью Интернета обошли все запреты на порнографию и сделали её обильной, разнообразной и доступной каждому, так и с сексуальным наслаждением проблема решится с помощью науки: генетики и прочей арифметики.

Dodson выступает за открытый брак, где муж и жена свободно занимаются сексом на стороне. И ни одна женщина не остаётся равнодушной к такой возможности, когда она ей предоставляется. Dodson вполне справедливо указывала, что мужчины называют фригидными тех женщин, которые не в состоянии испытать оргазм за пять минут в миссионерской позиции от движений, которые доставляют наслаждение мужчине. Ещё бы,

> пизда не калач – один не съешь (см. *Русские бесстыжие пословицы и поговорки*).

В 80-х началась паника со СПИДом, и интерес к этой книге Gay Talese поувял, да и общество с государством принялось давить секс как источник всех бед. В 1986 году был опубликован новый отчёт Государственной комиссии по порнографии, возглавленной жирным министром юстиции (Attorney General)

Edwin Meese. Перепуганный гигант *Walmart* отказался продавать *Playboy* и другие мужские журналы. А те, кто продолжал их продавать, запеленали их в непроглядные обложки. Обнажённые тела, ставшие было обычными на экранах кинотеатров в семидесятых, вынуждены были напялить на себя трусики, лифчики да и прочие причиндалы. Если бы не Интернет, то в Америке задавили бы секс под корень. Но выход из тупика всегда предоставляет наука, и с совершенно непредвиденной стороны. Именно поэтому ортодоксальная религия как раньше, так и сейчас выступает против использования научных открытий под гуманными предлогами этики, морали, придуманными для того, чтобы задавливать пизды «прекрасные порывы».

Книга заканчивается такими фразами послесловия, дописанного в 2009 году:

> Итак, в *Жене ближнего твоего* нет ничего нового. И в то же время в книге нет ничего устаревшего.

Зачем, спрашивается, отправляться в путешествия для поиска идеальной возлюбленной, когда под боком есть жена ближнего твоего. А ещё точнее – жёны ближних твоих.

Коммунизм – светлое прошлое Соединённых Штатов

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2009. № 196.

Ленину надо было учиться строить коммунизм у американцев, тогда сейчас говорили бы не о русской ментальности и менталитете, а о русской сексуальности и сексуалитете. Фурье, Томас Мур и прочие утописты разглагольствовали об идеальных обществах, а американцы эти общества строили.

Самый выдающийся и самый успешный строитель – John Humphrey Noyes – создал коммунистическую общину *Oneida*, идеальность которой была неоспорима, ибо основывалась она на изобилии и разнообразии секса. А ведь чем свободнее и обильнее секс в обществе, тем оно более миролюбиво и тем более оно достойно подражания.

Ещё в 1875 году журналист Charles Nordhoff (1830–1901) написал книгу *The Communistic Societies of the United States* (Коммунистические общины в Соединённых Штатах). В XIX веке их насчитывалось более сорока.

По сексуальным (то есть наиглавнейшим) нормам поведения коммунистические общины находились на двух полюсах. С одной стороны, трясуны (Shakers), которые полностью отрицали и порицали сексуальные отношения, а потому члены общины не размножались, так что община могла расти и развиваться только с помощью приёмных детей и набора новых членов. То есть эта «пирамида» не брезговала пользоваться «плодами греха» ради продолжения своего «безгрешного» существования.

На другом полюсе находилось община *Oneida*, где сервировался «множественный брак» и прочие сексуальные деликатесы, неведомые до тех пор христианской кухне. Эта коммуна (в ней отсутствовала частная собственность) была самая успешная и просуществовала дольше всех. Именно о таком завидном сексуальном коммунизме и поведу я речь.

Основатель *Oneida* Society John Humphrey Noyes родился в 1811 году в Вермонте в респектабельной семье. Он закончил *Dartmouth College*, стал изучать юриспруденцию, поработал год адвокатом, а в 1831 году объявил, что посвящает себя Богу, и перекинулся на теологию. Он хотел стать путешествующим по миру миссионером и закончил для этого Йельскую теологическую школу.

В 1834-м Noyes вернулся домой, проповедовал и печатал свои проповеди. Отец-банкир подбрасывал ему денег. Но не всегда. Одно время Noyes скитался по Нью-Йорку и прочим местам в поисках средств для проживания и пребывал в состоянии отчаянной бедности. Но он молился, и Бог его вытаскивал за уши из долговых и прочих ям.

Как известно, в христианстве всё делается под предлогом и с целью спасения души, которая якобы постоянно находится под угрозой попадания в доступный ад, вместо вожделенного рая, на пути к которому стоят надолбы дьявольских соблазнов. Обыкновенно христиане изо всех сил устраивают ад на Земле, а Noyes для разнообразия и человеколюбия (себялюбия) решил устроить на Земле рай.

Однажды Noyes услышал проповедника, который сулил спасение души с помощью перфекционизма (Perfectionism), суть которого есть достижение морального и духовного совершенства методом немедленного и полного отказа от греха. Таким несложным образом обретался рай при жизни и к тому же гарантировался рай после смерти. Главное – отказаться от спиртных напитков, эгоизма и немедленно покончить с рабовладением. Также перфекционисты считали, что евреи из-за их особой связи с Богом являются верховным народом. (Это тоже показательно, ибо антисемитские социальные образования всегда нетерпимы к свободе секса, а чем свободнее в стране евреям, тем свободнее в ней отношение к сексу.)

Вообще-то, перфекционисты объявились много столетий назад во Франции, но те, чтобы спасти душу, лишали себя всего и главное – секса. Нойс же использовал то же слово perfectionism, но наполнял его вожделенным ебальным смыслом. То есть обыкновенный брак он заменил множественным, под предлогом избавления от частной собственности – нет, мол, разницы между владением вещью или владением женщинами и детьми.

(Но ведь само совокупление одного мужчины с одной женщиной тоже можно считать обладанием частной собственностью – телом женщины, а посему единственный метод искоренения такой частной собственности – это одновременно ебать женщину нескольким мужчинам, причём не по очереди, потому что это опять-таки будет чередой частных собственностей, а именно сразу, заполняя три отверстия одновременно, поистине превращая личную собственность женского тела во всеобщую.

Ну не смешно ли всерьёз рассматривать перфекционизм и другие теории или веры, придуманные лишь для того, чтобы с их помощью обосновать и одобрить похоть. Ведь в те времена бесправным «приличным» женщинам, прежде чем дать ход своей

похоти, обязательно требовалось «поверить» в её божественную дозволенность.)

Нойс после долгих размышлений пришёл к выводу и объявил, что он безгрешен, а если человек безгрешен, то он становится превыше моральных законов, которые и нужны-то лишь для грешников, чтобы сдерживать их порочные желания. А безгрешные желания сдерживать не надо, тем более когда они желания самого Нойса.

Услышав такое, Совет Попов (или как его там?) лишил Нойса права проповеди и погнал из семинарии (или как её там?).

Что ж, раз нельзя проповедовать устно, то можно проповедовать печатно – и Нойс стал издавать газету *Perfectionist*, в которой он обосновывал свою веру в свободу секса на основе своей трактовки Библии.

Разумеется, чтобы сделать какую-либо идею приемлемой, и тем более радикальную идею, надо было это осуществлять только на основе Библии и ни в коем случае просто на здравом смысле. Библией можно оправдать любой абсурд, и наоборот – любую светлую идею можно посчитать абсурдом, если она не укладывается в Библию. Подобие такого подхода существовало и в СССР, когда любые мероприятия должны были быть привязаны к идеям Ленина – Сталина – Хрущёва – Брежнева – N-го съезда партии, и только тогда они могли быть дозволены для народа.

Таким образом, если ты строишь свою сексуальную жизнь, обосновывая её правоту Библией, то ты можешь стать реформатором христианства. Если ты строишь свою сексуальную жизнь на основе только *своих* желаний, то ты становишься преступником.

Однако Библия тоже не была охранной грамотой для того, кто брался её интерпретировать. Кирпич Библии бумерангом ударял по лбу, вышибая мозги. Интерпретация Библии, которая в принципе может быть любой, должна совпадать с довлеющим в данное время общественным мнением или лишь незначительно отличаться от него.

Нойс проповедовал свою веру почти каждый день не в церквах, а в частных домах, которые ему радостно предоставляли его сторонники, число которых упрямо росло. Стиль проповедей Нойса был спокоен и доверителен. Он не стращал никого муками ада, не вставал в позу, а просто читал какой-то кусок из Библии, давал ему своё толкование и предлагал открытое обсуждение этого куска всем присутствующим. Люди устали от помпезных проповедников того времени, устраивавших из проповеди цирковое представление, с увлечением слушали Нойса и дружно

обращались в его веру.

А он убеждал, что следовать желаниям Бога (ведь Нойс все их знал назубок) есть самое правильное и естественное.

Нойс, провозглашая себя, безгрешного, выше морали, был ещё в то время до смешного невинен и всерьёз смущался женщин. Он также запрещал поцелуи и объятия молодых людей на его проповедях свободы от морали, чтобы не скомпрометировать свой перфекционизм (а скорее всего, чтобы не спровоцировать соблазн самому броситься на внимающих ему красоток).

Как-то две уверовавшие в него девицы явились за полночь в его комнату и забрались к нему в постель. Сделали это они якобы для того, чтобы проверить своё сопротивление соблазну. Нойс утверждал, что, мол, ничего не произошло. Но поползли слухи, а это было опасно для репутации перфекционизма. Быть может, именно тогда он вкусил прелесть одновременного разнообразия женских тел и ещё отчаяннее ухватился за свою интерпретацию Библии.

В молодости Нойс считал себя некрасивым и опасался, что женщины не будут в нём заинтересованы как в любовнике (вот он, стимул для проповедей, – заинтересовать если не собой напрямую, то опосредованно через перфекционизм). Однако когда Нойс стал проповедовать свою веру, то делал это он с такой страстью и умом, что впечатлительные девушки и женщины влюблялись в него сразу и надолго.

Мужчин он тоже влёк за собой без особого труда – ещё бы, обещал им обильную и разнообразную еблю, тут он бы и козлов с быками заманил в своё такое христианство.

Однако мать Нойса скептически относилась к его притязаниям на божественное предназначение и особенно когда он в 26 лет повелел ей называть его своим «отцом».

Нойс был жесток и нетерпим к тем людям, кто, сначала попав под его влияние, потом начинали бунтовать. Но со своими сторонниками он всегда был мягок, терпелив и держался непринуждённо, был не чужд чувству юмора, хотя сам юмористом не являлся.

А пока для начала в 1838 году Нойс женился на тридцатилетней Harriet A. Holton, сироте, жившей у своего дедушки, богатого члена Конгресса. Она ранее помогала деньгами Нойсу издавать его газету.

Ещё в период начальных ухаживаний Harriet объявила Нойсу, что, будучи под впечатлением его писаний, она теперь любит всех и не может любить исключительно Нойса. Нойс такого не ожидал и после долгого разговора с ней взял обратно своё предложение женитьбы, которое он успел уже сделать, а Harriet торжественно

заявила, что навечно отвергла брак.

Однако через год, продолжая размышлять о богатстве Harriet, Нойс послал ей письменное предложение партнёрства, которое он не хотел называть браком, пока не придумает ему точное определение. Harriet тотчас согласилась, но пыталась поставить условие, что они будут жить как брат и сестра, на что Нойс твёрдо возразил, что раз совокупление не является порочным актом, то нет оснований от него отказываться.

Жениху Нойсу было 27 лет, но он женился якобы девственником, хотя ухаживал за женщинами и прижимал их в тёмных углах (которых из-за отсутствия тогда электричества было на каждом углу), но ебать боялся или просто не удавалось. Так, во всяком случае, вспоминает Нойс. Но можно ли доверять всему, что пишется, тем более когда он научился чёрное (в Библии) называть белым (ебальным). Сомнительно, что он за эти годы не добрался до проституток, которые кишели тогда повсеместно. Трудно представить, что он не проник в какую-либо льнувшую к нему прихожанку. Для меня совершенно очевидно, что нельзя полагаться исключительно на письменные воспоминания, которые неизбежно подвергались по меньшей мере самоцензуре. Существуют неизменные общечеловеческие способы поведения, предполагать которые вполне правомерно, даже если они не упоминаются в письменных свидетельствах. Существует прежде всего физиология, отрицать которую могут только христиане у ангелов. Кроме того, в те времена большинство людей не осмеливалось писать достаточно откровенно и ясно о своей физиологии, а в лучшем случае отделывались намёками, которые даже не были прозрачными. Например, вот такими метафорами излагал физиологию совокупления сам Нойс. Описывая технику сдерживания и избежания оргазма (его главный пунктик), Нойс, не называя его по имени, рассказывал о водопаде, к которому приближается лодка и задача гребца (ебца) не допускать лодку слишком близко к водопаду, потому как лодка будет после какого-то момента затянута в водопад и рухнет в него. А умелый ебец (гребец) будет подплывать к краю водопада, но держаться от него достаточно далеко, чтобы в него не рухнуть. Однако никаких конкретных методов и приёмов Нойс при этом не описывает, хотя нет сомнений, что при личном разговоре с тем или иным мужчиной Нойс рассказывал о них без всяких метафор.

Нойс в то же время любил пищевые метафоры для описания половой жизни, так что можно ему в тон привести такое сравнение: ебля без оргазма – это как бесконечное жевание пищи без её проглатывания.

Трудно поверить, что, будучи девственником до 27 лет, Нойс

теоретически додумался и активно проповедовал столь революционные сексуальные идеи в консервативном обществе, в котором он жил. Нойс хитро проинтерпретировал слова Христа из Нового Завета о том, что на небесах не будут жениться и выходить замуж, не так, как было принято, что секса на небесах не будет, и точка. Нет, Нойс прочёл в этой фразе, что при Втором пришествии не будет традиционного брака и моногамии. А Второе пришествие, как Нойс был уверен, давно уже произошло.

Он писал:

> В святом обществе нет причин, по которым совокупления должны быть ограничены законом в большей степени, чем еда и питьё. И нет причин для стыда как в одном, так и в другом случае.

И далее:

> Не должно быть ревности к жене – каждый должен радоваться, когда видит свою жену в объятиях другого мужчины, ибо он тоже её муж.

Нойс точно подметил, что религиозный и половой экстаз близки друг к другу и что ебля скоро станет таким же обычным и общепринятым социальным актом, как всякий другой.

Да вот только друзья-христиане такого вынести уже не могли, они назвали его учение дьявольским и бросились преследовать Нойса.

После женитьбы Нойс первым делом купил печатный станок, и жена с родственниками стали помогать ему печатать книгу, состоящую из его проповедей. Там в числе прочего обсуждались идеи Фурье, который выступал за свободный секс, признавал правомерность гомосексуализма и считал обыкновенный брак порабощающим женщин. (В трёх источниках и составных частях марксизма эти идеи Фурье почему-то не обсуждались.)

Нойс установил себя на весьма удобной и выгодной должности: он уверовал, что является первым заместителем Бога и призван устроить рай на Земле. Те, кто верили в это и подчинялись Нойсу, автоматически становились хорошими христианами, а все остальные оказывались плохими и даже не христианами вовсе. Такого рода критерий принадлежности к истинному христианству использовался весьма прагматически: так, один из первых уверовавших в Нойса и перенявших его христианский метод, соблазнил замужнюю неофитку, пригрозив её супругу, что если тот будет препятствовать (идеям Нойса), то,

значит, муж – плохой христианин. Мужу ничего не оставалось, как согласиться и превратиться в хорошего христианина.

В 1841 году богатый отец Нойса разделил свои владения между восемью детьми, и Нойсу достались две фермы, где он мог предоставить жильё и работу для своих последователей, которых на то время набралось аж тридцать пять. Он начал разрабатывать свою теорию и практику, строя жизнь в коммуне. Освобождение женщин являлось для него одной из важнейших задач. Нойс считал, что обязательное приготовление женщинами еды три раза в день – есть женское рабство, и потому в коммуне женщины готовили только завтрак, а остальную еду все мужчины добывали или готовили сами. Коммуна не обременяла себя религиозными суетами. Изучение и обсуждение Библии было единственным, чем занимался Нойс и его последователи. Ни молитвы вслух, ни крещение младенцев, ни безделье по воскресеньям (для них каждый день является шабатом) были не нужны для христиан, которые освободились от греха. А все последователи Нойса оказывались безгрешными.

Главный завет Нойса состоял в том, что христиане в своём поведении должны руководствоваться не законами, а Богом. Но в коммуне Нойс являлся полномочным представителем Бога, и потому Нойс руководил поведением членов коммуны. Когда два члена коммуны тайно от него поженились, он изгнал их из своего коммунистического рая.

К 1845 году деньги в коммуне кончились, пришлось даже приостановить издание газеты с проповедями Нойса, но тут дедушка его жены скончался и оставил ей 9000 долларов, и коммуна снова зафункционировала.

Самое интересное (опять-таки если верить писаному) – Нойсова коммуна поначалу жила без перекрёстной ебли, а лишь строго в брачной. Однако, подначиваемые теорией, которую развёл Нойс, несколько пар так завелись, что Нойс пришёл к выводу, что настала пора привести в исполнение его идею «множественного брака». Он особо вожделел к Mary Cragin, жене одного из членов коммуны.

Однажды летним вечером Нойс почувствовал к Мэри такую похоть, и причём без всякого стыда и смущения, что, как он осознал, могло произойти только в случае, когда похоть послана непосредственно Богом. Мэри, попав Нойсу в объятия, дала ему понять, что и она не прочь и даже очень хочет. Несмотря на взаимность похоти, Нойс решил, что надо сначала испросить разрешения у его жены и её мужа. Они вызвали соответствующих супругов и поведали им, что хотят ебаться. Те разрешили, и произошёл первый обмен жёнами. Так эти две пары провели

несколько медовых месяцев, причём этот обмен они держали в секрете от остальных. (Не забавно ли, что Нойс держал своих соратников в неведении своего практического применения теоретических выкладок – то есть самого главного, на чём он строил общину.)

Вскоре Мэри согласилась на еблю с ещё одним членом коммуны, но при условии, что Нойс будет третьим и будет учить их, как лучше любить. Процесс пошёл (см. у Горбачёва). И этот процесс, как крокодилы, шёл лёжа (см. у Горбовского).

В октябре 1847 года Нойса арестовали за адюльтер с Fanny Leonard, женой ещё одного члена общины. А дело было так. Нойсу захотелось новой пизды, и он завёл разговор с её мужем, нарассказал ему с три короба, суля наслаждения, и уже, предвкушая, потирал ручки, как муж, не долго думая, пошёл в полицию и заявил, что Нойс занимается адюльтером, что тогда было криминалом, за который надолго сажали. Нойса арестовали по этому доносу. Когда Нойса выпустили до суда под залог, он был весьма воодушевлён открывшейся возможностью рассказать на суде во всеуслышание о своих сексуальных взглядах и доказать всем, как они оправданы Библией. Однако скоро выяснилось, что у Нойса образовалось слишком много врагов, которые собрались в разъярённую толпу, чтобы разогнать его коммуну, возмутившую народные умы своими сексуальными нравами. Народ был готов разгромить коммуну, если суд не посадит в тюрьму Нойса вместе со второй парочкой.

В итоге, по совету адвоката, Нойс с женой и Мэри с мужем сбежали в Коннектикут. Причём у Мэри к тому времени уже был двухмесячный ребёнок от Нойса.

Возвращаться в Putney – городок, в предместьях которого существовала их маленькая коммуна, было опасно, и Нойс принял решение переместить коммуну в новое место.

Рай земной и его структура

Нойс выбрал поселение Oneida в штате Нью-Йорк (см. http://www.oneidacommunity.org), которое когда-то принадлежало индейскому племени с тем же именем. На шестнадцати гектарах земли стоял заброшенный дом и старая индейская лесопильня. Всё это добро купили за 2000 долларов.

К концу 1847 года в коммуне было 87 членов, включая детей. В основном это были женатые пары 20–30 лет с детьми. Они продали всё своё имущество, вложили деньги в коммуну с намерением создать рай божий на Земле, а именно – в Онейде.

(Всякий раз, когда счастливая парочка ебётся, она создаёт этот божий рай на Земле. Так что просто выраженная цель Нойса была – экстраполировать этот рай на всех членов коммуны, причём в различных комбинациях и длить его в веках.)

Началась интенсивная работа по благоустройству жилья и развитию промыслов, которые должны были содержать коммуну.

Среди коммунистов были врачи, священники, адвокаты, торговцы, учителя, но большинство – фермеры и рабочие. Имелись разные христианские деноминации, но католиков среди них не было.

Построили мастерские по изготовлению капканов для охоты, которые стали пользоваться большим спросом. Развели огороды, сады. Построили фабрику по производству шёлка, механические мастерские и типографию, где печаталась еженедельная газета на отличной бумаге тиражом 2000 экз. Она была бесплатная, но редакция принимала дотации. Помимо проповедей Нойса, в газете печатались статьи по истории, естествознанию, а также рекламные объявления разных мастеровых и услуг. В газете было написано, что она издаётся коммунистами и для коммунистов.

В 1874 году коммуна докупила большой кусок земли. К этому времени община насчитывала: мужского пола – 131 человека, женского – 152, из них 64 – дети и молодняк до 21 года (соответственно, 33 и 31). Из 219 взрослых 105 были старше 45 лет: 44 мужчин и 61 женщина.

Общине не хватало рук, и поэтому нанимали в помощь рабочих со стороны. Община всячески заботилась о благосостоянии наёмных рабочих, хорошо им платила, так что репутация об *Онейде* в округе была весьма высокой.

В *Онейде* устраивались музыкальные и драматические представления. Коммунисты проводили время в больших гостиных, пользовались библиотекой на четыре тысячи томов. Отдельно стояли здание школы, химическая лаборатория, столовая, столярная мастерская, конюшня, большая прачечная, имелся зал для лекций и собраний. Особо поощрялись музыка, танцы, занятия по любым предметам, только бы повышались эрудиция и интеллект. Но в то же время не воспрещалось «забивать козла» – и впрямь, в *Онейде* играли в домино. Однако желание преуспеть в каком-либо занятии, к примеру пении, и выйти на уровень выше других не поощрялось. Должно было поддерживаться примерное равенство.

Курение и спиртное были строго запрещены. Мясом кормили два раза в неделю. Неудивительно, что все коммунисты были честными, здоровыми, весёлыми, миролюбивыми людьми, любящими труд и еблю.

Все вопросы решались в демократическом порядке, для чего был создан 21 комитет: финансов, развлечений, патентного права, одежды, образования, медицинский и пр.

Каждое воскресное утро собирались главы комитетов и подразделений на совещание, где обсуждались дела за прошедшую неделю. И все решения принимались большинством голосов.

Проявлять сексуальные поползновения на людях было запрещено, так что поцелуи, объятия и прочие штучки-дрючки происходили только в спальнях. Однако при такой общей свободе секса легко представить, что парочки находили немало уголков, чтобы перепихнуться незаметно для остальных – об этом нигде не пишется, но человеческая природа функционирует вне зависимости от того, как пристально и точно за ней наблюдают.

Частной собственности в коммуне практически не было. В конце года каждый предоставлял список одежды, которая понадобится ему или ей на следующий год. Эти расходы закладывали в бюджет.

Доходы от различных предприятий (и не малые) возвращались в коммуну. На них, в частности, посылали способных молодых людей учиться в университеты.

У членов коммуны было много свободного времени для занятий, и многие изучали астрономию, греческий язык, химию. Находилось время для занятий музыкой и для игр. Они танцевали, пели, имели собственный оркестр, ставили пьесы и оперетты, играли в крокет и в шахматы, в бадминтон и бейсбол, ходили в турпоходы и на пикники.

Ездили отдыхать и рыбачить на дачи, которые принадлежали коммуне на Long Island и на озере Oneida.

В связи с небедным житьём коммунистов *Онейды*, Нойс заявлял, что настоящее христианство чуждо аскетизма.

По воскресеньям в *Онейду* допускались визитёры. С них брали деньги за показ, что было дополнительным доходом. В *Онейду* приезжали журналисты и писали восторженные статьи, а также туристы из Америки и Европы, знаменитые люди, писатели и философы, политики и попы, социологи и передовики из системы образования. *Онейда* стала популярной достопримечательностью. Летом по воскресеньям приезжали толпы людей на пикники, располагаясь поблизости от Онейды и наблюдая за коммунистами, за женщинами в коротких платьях и с короткими причёсками и воображали их свободную еблю.

А коммунисты угощали гостей взращенной у себя на огороде клубникой со сливками.

Лично-общественная жизнь Онейды

В *Онейде* никого силком не держали, а многочисленных желающих присоединиться к коммуне тщательно отфильтровывали, проверяли и принимали в ограниченном количестве. (Конечно, если бы туда просились одинокие красивые девушки, то их бы брали без всякой проверки и ограничений, как их берут на оргии, но туда просились семьями или одинокие мужчины – вечная проблема испокон веков: слишком мало одиноких и общедоступных женщин.)

Так, например, в 1873 году пришло сто письменных просьб, чтобы стать членами коммуны, и ещё сто – устных.

Молодёжь, как известно, самая свободолюбивая часть населения, но молодняк из *Онейды* не уходил, а те редчайшие, кто уходили, потом просились вернуться (ещё бы – в капиталистическом аду такого ебального раздолья не было, как при коммунизме в *Онейде*).

За все годы из коммуны выгнали только одного, да и то далеко не молодого. Это произошло в 1864 году, когда онейдовским «Солженицыным» стал William Mills. Изгнали его за то, что он обучал двенадцатилетних девочек (тех, которых только начинали ебать) «извращённому и развратному возбуждению». В чём оно состояло, об этом не пишется, но представить варианты можно. Самое главное, что если бы Mills их просто ёб, сдерживая семя, то он бы считался почётным членом коммуны. А чуть он решил показать девочкам нечто особо приятное, то за это его решили изгнать. Нойс явно его приревновал к девчонкам. Вполне возможно, что Нойс считал оральный секс недопустимым, а тут Миллс научил девочек наслаждаться посильнее, чем от пальца и от нескончаемой ебли хуем, будь то даже палец и хуй самого Нойса.

Миллс, кстати, отказался добровольно покинуть коммуну, и его в одну прекрасную зимнюю ночь выбросили из окна в снег. Он, разумеется, стал врагом *Онейды* и пытался мстить, грозя всем рассказать подноготную ебли в *Онейде.* Нойс не хотел новых скандалов в судах и купил молчание Миллса за 2250 долларов.

Нойс считал, что цель *Онейды* – подать миру пример истинного христианства.

В отличие от обычного христианства, трактующего жизнь как юдоль слёз и страданий, Нойс учил счастью и писал:

> Чем больше мы приближаемся к Богу, тем больше мы должны открыть для себя, что наша особая обязанность – это быть счастливыми.

Не менее главное, по Нойсу, что работа обязательно должна приносить удовольствие. Он призывал коммунистов периодически менять работу, чтобы она не становилась монотонной и не надоедала. То есть везде, в сексе и в работе, он пропагандировал разнообразие.

Старые люди работали в коммуне столько, сколько хотели, или вообще не работали и в основном следили за детьми. За очень старыми, которые не могли обслуживать себя, ухаживали более «молодые старики».

Счастливый досуг

У каждого имелась маленькая спальня, где жили по одному. Мужчина и женщина находились в одной комнате наедине только для ебли, которая длилась час-два. А все остальные сборища имели место в общих комнатах, так как, будь они в спальнях, это бы способствовало ненужным привязанностям, против которых выступал Нойс.

Одна из целей библейского коммунизма (так Нойс называл теорию онейдовского бытия) являлось освобождение женщин от рабства. Прежде всего, от мужчин требовалось доводить женщину до оргазма во время совокупления. И это в те времена, когда считалось, что нормальная женщина вообще не должна испытывать наслаждение в сексе, а если испытывает, то она либо проститутка, либо извращенка. Более того, если мужчина в *Онейде* не доводил женщин до оргазма, его публично корили и учили, как этого добиться, а женщины отказывались с ним спать.

В то же время главенство мужчин над женщинами, интеллектуальное и физическое, признавалось и поддерживалось коммуной, и потому идеи равенства мужчин и женщин не прививались. Женщина рассматривалась как подруга и помощница мужчины.

Мари Крагин, одна из главных Любовей Нойса (и многих других из *Онейды*), писала и на личном примере демонстрировала, что:

> Идеальная женщина – это та, которая имеет только одну жизненную цель – служить любви.

Женщинам не рекомендовалось пользоваться косметикой, красить волосы, носить ювелирные украшения, то есть делать себя слишком привлекательными, – Нойс считал, что это будет перевозбуждать мужчин. Длинные платья тогда считались более эротичными, чем по колено, которые носили женщины в *Онейде.*

Нойс называл длинные платья обманом, быть может, потому, что они скрывали соблазнительный факт женской двуногости, что намекало на нечто между ног. Под короткими платьями женщины носили панталоны, чтобы скрыть ноги, а при длинных платьях ничего не носили, и поэтому их ебать можно было просто – задрав длинное платье, тогда как с коротким платьем надо было ещё возиться и стаскивать панталоны.

Одно платье обычно носили лет пять. Остались свидетельства, что коммуна устыдила девицу за то, что она каждый день надевала новое платье.

Также для простоты женщины носили непривычно для того времени короткие волосы, чему дивились все в округе.

В 1848 году Нойс пришёл к выводу, что пора изложить свои взгляды на половую жизнь систематизированно и письменно. Он учил, что давать наслаждение при совокуплении является искусством, которое выше живописи и поэзии. Нойс написал эссе под названием: *Bible Argument; Defining the Relations of the Sexes in the Kingdom of Heaven* (Библейское доказательство: как строятся отношения между полами в Царстве Небесном).

В нём Нойс изничтожает моногамию как не угодную Богу. Он риторически недоумевает: каким это таким образом всеобщая любовь, проповедуемая Христом, может быть ограничена в каком-то одном направлении, одним человеком.

Если сексуальное наслаждение наводит непосредственный контакт с Богом (а я ведь об этом тоже писал не раз и не два, см. хотя бы *Гонимое чудо*), то тогда сексуальный стыд является святотатством. Однако заниматься свободной любовью можно только под руководством такого умника, как Нойс, иначе всё пойдёт наперекосяк, начнётся обыкновенный бардак и всех пожрёт геенна огненная. (А о таком я не писал и писать не буду.)

Нойс хотел с помощью этого эссе убедить весь мир, что сексуальная жизнь, им проповедуемая и ведомая, основана на Библии и, таким образом, является религиозной деятельностью, а значит, ебля охраняется Конституцией США, гарантирующей свободу вероисповедания. (Жаль, что Нойс не обратил внимания на то, что свобода слова, свобода вероисповедания, свобода собраний – все эти и прочие свободы приветствуются в обществе и только свобода любви вызывает у общества желание её подавить.)

Это эссе вызвало новый взрыв возмущения у конкурирующих попов. Посыпались проклятия и обвинения в разврате и прочих мерзостях секса. Предчувствуя надвигающуюся грозу, Нойс решил сделать шаг назад и разослал в своём журнале сообщение, что они в *Онейде* возвращаются к сексуальным нормам, принятым в

обществе, и прочую умиротворительную чепуху. Мол, множественный брак – это был лишь эксперимент, который теперь закончен.

Дело непросто, но всё-таки замялось, а через пять месяцев Нойс официально объявил о возобновлении множественного брака. (А неофициально он без всяких перерывов продолжался на полную катушку.)

Нойс разработал метод держания своих последователей в нужных ему рамках. Это был вид открытой исповеди.

Назывался этот метод критикой (в СССР её называли партийной критикой). Критика существовала для изъятия элементов, не соответствующих духу коммуны, и для обучения гармоничного вписывания каждого члена в общую систему и порядок.

Происходила критика на ежевечерних собраниях, на которых присутствие было обязательно. Все имели право высказаться на волнующие их темы и в открытую критиковать друг друга, предъявлять претензии, давать советы. Таким образом, искоренялось плетение интриг и распространение сплетен, что практиковалось в капиталистическом обществе вне *Онейды.*

Во время критики полагалось, чтобы критикуемый молча слушал – это позволяло принять более справедливые решения по отношению к критикуемому без разгорания лишних эмоций. Такой метод вскрывал как скрытую добродетель критикуемого, так и скрываемые погрешности его характера. Иногда критиковало лишь ограниченное число людей: шесть, восемь, двенадцать человек. Процедура критики была весьма нелицеприятна и подчас состояла из женской критики мужчин, которым не хватает заботливости о наслаждении партнёрши. Критика на собрании коммуны рассматривалась как борьба с дьяволом.

Полагалось, что критика может казаться неприемлемой лишь тем, кто ставит свои интересы и тщеславие выше, чем поиск истины. А следовательно, все подчинялись процедуре критики.

Но было единственное исключение – сам Нойс. Он с ранних лет чувствовал своё верховное предназначение, о чём регулярно вещал. В коммуне все, кто пытался усомниться в этом, подвергались исправляющей критике и в крайнем случае могли быть изгнаны из коммуны. А когда Нойса спросили, почему он не подвергнет себя сам процедуре исправляющей критики, Нойс ответил, что не возражал бы, если бы его критиковал Христос или святой Павел, а до тех пор, пока они молчат, он критике не подвержен.

Тем не менее Нойс не заносился, а жил весьма скромно.

Поднимался он в 4 утра и перво-наперво изучал древнееврейский язык. Комната, в которой он жил, была маленькая, скудно обставленная, и всякий мог к нему обратиться или зайти с вопросом или проблемой. Одевался он, как все, в простую одежду и даже более небрежно, чем остальные. (Равенство заканчивалось, когда дело доходило до девственниц и женщин – тут он забирал всё, что мог. А мог он много.)

Нойс ненавидел священников, считая их бездельниками и болтунами. Он же всегда с удовольствием занимался физическим трудом – он работал на печатном станке, занимался кладкой фундамента, работал на шелкопрядильной машине, доил коров и пр. Однако главным его занятием было писать для газеты, которую они рассылали подписчикам по всей стране.

Нойс играл на скрипке, но плохо, и поэтически тоже не превосходил своими образами юного графомана. Так, например, он писал:

> Когда мужчина познаёт женщину в совокуплении, то почему бы это не сравнить с вставлением в неё телескопа, с помощью которого он проникает в её небеса и ищет звезду её сердца.

(Я писал о телескопическом хуе, имея в виду феномен его удлинения, а что такое «поиск звезды сердца», я предоставляю догадываться просвещённому читателю.)

Нойс увлекался наукой и не считал, что она противоречит религии. Он восхищался теорией эволюции Дарвина и выведением улучшенной породы человека – евгеникой.

В то же время он обвинял сатану в распространении поверья, что плоть греховна. Дьявол, как объяснял Нойс, завидовал наслаждениям человека и особенно сексуальной жизни, которую Бог дал людям. Дьявол, по мнению Нойса, был также виновен в болезнях.

Нойс считал, что единственная форма свободы – это свобода любви и общения, которая безупречна, а к остальным американским свободам он относился скептически.

Множественный брак

(Complex Marriage)

Суть всех стремлений Нойса и его сообщников сводилась, естественным образом, к получению обилия женщин, и источник,

из которого Нойс мог черпать многочисленные пизды, он назвал красивой фразой «множественный брак». Согласно доктрине Нойса, настоящие христиане живут не в моногамном браке, а в браке, где все мужчины являются мужьями всех женщин. (Обращать в такое христианство миссионерам было бы проще простого – личным примером, – ведь именно о распространении такого христианства по всему миру и мечтал Нойс. Тогда бы миссионерской позицией называлась его любая сексуальная позиция с твоей женой.)

Нойс утверждал, что множественный брак резко отличается от похотливого общения людей, которое происходит за пределами *Онейды.* Мол, коммунисты отдают друг другу не только половые органы, но и сердца, и ебущиеся преданы Богу и коммуне больше, чем своим партнёрам.

Нойс говорил о том, что знают все женатики: в обыкновенном браке желания и наслаждения быстро притупляются и поэтому связь с Богом нарушается, тогда как во множественном браке чувства всегда освежаются новыми любовниками. Все любовные страдания аннулируются, переживаний по поводу ухода одного любовника не возникает, так как всегда имеется другой, который принесёт тебе не менее острое наслаждение.

А вот основополагающее определение Нойса:

> Самая прекрасная любовь – это любовь между двумя людьми, которые дают друг другу полную свободу любить других.

Нойс подметил, что традиционная мораль осуждает сексуальные отношения для созревших подростков, утверждая, что они якобы слишком молоды для женитьбы, тогда как запрет на половую жизнь лишь вынуждает молодых на нездоровое ожидание, мастурбацию и другие извращения. А потому сексуальную жизнь надо начинать сразу по созреванию. (Об этом почти через сто лет говорил Кинси, под улюлюканье озлоблённой толпы, см. с. 211–236 наст, изд.)

В множественном браке каждый мужчина может сожительствовать с любой женщиной при обоюдном согласии, полученном не в результате ухаживания или личных переговоров, а через третье лицо. Это третье лицо, одобряя или отказывая в просимом совокуплении, должно всячески препятствовать греховному эгоизму, который коммунисты называли «исключительной и идолопоклонской привязанностью» двух людей. Среди непосвящённых это называется «любовной верностью».

Все любови и позывы к верности среди молодых пар резко

пресекались. (Представляю, как было приятно мужчине доводить до оргазма девицу, только что поклявшуюся в вечной любви какому-то парню, и обучать её радостям измены и разнообразия.)

С одной стороны, во множественном браке нельзя обязать к сожительству тех, кто не испытывает влечения к партнёру, но, с другой стороны, следовало способствовать совокуплениям пар, где один партнёр значительно старше другого. И это было основой множественного брака.

Поначалу в общине, как ни странно, было мало ебли, так как коммунисты стеснялись обмениваться мужьями и жёнами, несмотря на теоретические обоснования и громогласное благословение папы Нойса. Он чуть ли не силком волочил мужчин по разным молодухам и призывал их также не пренебрегать теми, кто постарше. Прежде всего Нойс агитировал личным примером и давал понять, что этим он изъявляет волю Бога. Более того, Нойс утверждал, что сексуальным возбуждением и именем Иисуса Христа совокупляющиеся изгоняют дьявола из мира.

Первые подсчёты показали, что сексуальная активность членов коммуны в пропагандируемом множественном браке была значительно меньше, чем в обыкновенном. Этот феномен Нойс объяснял привычками, предрассудками и смущением. Одно дело – теоретически принять постулат о свободной любви, а другое дело – следовать ему и знать, что твой муж или твоя жена ебут кого попало.

Нойс учил, что обыкновенная похотливая ебля – это плохо, а когда совокупляешься, надо думать о Боге и рассматривать совокупление как единение с ним, и т. д. и т. п. Коммунисты же не знали, как отличить обыкновенную похотливую еблю от божественного совокупления, и парочки опасались, что их сексуальный порыв может представиться Нойсу как простая и безбожная похоть.

Но мало-помалу коммунисты дорубили, что все эти разговоры – хуйня, а коль разрешили ебаться, так надо скорей пользоваться возможностью, пока оную не отняли.

Самым сильным препятствием к множественному браку была ревность (недопустимый эгоизм, по Нойсу). Существуют свидетельства в анналах общины, как некий муж бросился на мужика, когда увидел свою жену, с ним разгуливающую.

А другая женщина провела бессонную неделю в мучениях, когда её муж переспал с молоденькой красавицей.

Ещё один балбес о шестнадцати лет, влюблённый в свою ровесницу-красавицу, мучился, когда её ебли другие (а та лишь

вопила от счастья, кончая раз за разом).

Нойс призывал ревнивцев бороться не со своей любовью, а со своими собственническими инстинктами. Ревность – это доказательство мелкости любви, утверждал он. Намекая на ревнивость своей собственной жены, Нойс говорил, что если женщина поистине любит своего мужа, то она будет сочувствовать его любви к другим женщинам и любить этих женщин.

Однако сам он, узнав, что его давняя зазноба Abigail овдовела, послал свою любимую нимфоманку Mary Cragin уговорить Abigail присоединиться к их коммуне, чем вызывал жуткую ревность у Магу и у своей жены, а сам (к своему стыду) мечтал о традиционном браке с Abigail, чтобы ебать её только самому.

Нойс обладал мощной сексуальной энергией и больше всех пользовался сексуальными свободами в *Онейде.* Он был знатоком и ценителем женских прелестей и писал обиняками (разумеется, о пизде) следующее:

> красивый цветок… который снаружи неподвижен, но распространяет вокруг аромат, радует глаз и ублажает нас тем, что он есть, а не тем, что он делает.

Его поэтическая слабость сквозит и в этих строках. Но Нойс для нас важен не как поэт.

К своей жене Harriet Нойс относился как к соратнице в «Царстве Христа», а не как к любовнице. В течение нескольких лет (в нарушение закона) у него была страстная связь с Mary Cragin. Он писал о ней:

> Всякий, кто был её любовником, был потрясён её душой, которая сводила мужчину с ума.

Как принято в плохой поэзии, пизду Нойс называл душой.

К середине 1850-х годов машина множественного брака заработала бесперебойно и доказала, что люди могут жить в любви, уважении и заботе, легко обходясь без условностей традиционного брака, без верности до гроба и без парной романтической любви, но зато с обилием разнообразных любовников и любовниц, которые умеют и хотят приносить друг другу наслаждение.

Идея половой верности своему возлюбленному или мужу, а также ревность, возникающая при малейшем сомнении в верности, – все они были низвержены и заменены правдой, что половое наслаждение – это связь с Богом, а не с телом, которое

тебе его даёт. А значит, все тела становятся едины, коль они приносят тебе наслаждение.

Можно только попытаться представить удивление и отвращение образам литературы и искусства у родившихся в *Онейде*, выросших там и состоящих во множественном браке со времени своего созревания. Ведь литература и искусство предстали бы для них диким вымыслом, ибо романы и картины, оперы и поэмы повествуют о необходимости половой верности, моногамной любви и о безумной ревности в случае появления хуя или пизды, в клятве не зарегистрированных.

Чтобы добиться от женщин сексуального повиновения, один из действенных методов – ввести их в состояние веры. Нойс заставил женщин поверить в свою божественность и абсолютную правоту.

Состояние веры, в которое вгоняет себя человек или вгоняется попами, – это состояние, где человек отказывается от логического мышления. Поэтому в состоянии веры женская практичность отключается и женщина отдаётся своей похоти, уверовав в её правоту и насущность.

Однако по логике вещей женщинам легко ебаться со всеми не потому, что какая-то там религия даёт им своё ОК, а потому что женщины так устроены, что могут со всеми ебаться.

В июле 1851 года Mary Cragin перевернулась в лодке, плывшей по реке, и утонула. Её смерть полностью освободила Нойса от дьявольских моногамных позывов, и он стал ебать всех подряд и позволять ебать другим всех его женщин без всякой ревности или чувства собственничества. Он больше никогда не влюблялся и называл влюблённость бедой, которая приключается с людьми, подобно тому, как человек, идущий в темноте, может упасть в яму или попасть в зубы хищнику.

Опять сомнительные поэтические образы.

В 1852 году Нойс издал для членов коммуны *Rules for Sexual Intercourse* (Правила совокупления). Это такого сорта правила, которые давали больше свободы, чем даже полное отсутствие всяких правил.

Итак:

> Прежде всего, мужчина и женщина должны спать раздельно. Чтоб не пресыщаться, чтобы близость была всегда трепетной. Совокупление предназначено длиться час-два, а потом мужчина возвращается в свою комнату. Нойс сравнивал еблю с едой, говоря, что лучше выходить из-за стола, не объевшись.
>
> Вторым правилом было назначать совокупление не

напрямую с бабой, заигрывая и прихватывая, а только через посредника. Это якобы делалось для того, чтобы женщине не пришлось испытывать неловкость, говоря в лицо просителю, что она его не хочет. Однако, прежде всего, это делалось, чтобы посредники вели учёт, кто с кем спит и как часто с одним и тем же партнёром, чтобы пресекать возникновение влюблённой привязанности. Были связи, которые длились месяцами, и Нойс им не препятствовал, если влюблённые параллельно совокуплялись с другими. Но если партнёры начинали отказываться от других партнёров, то эти связи беспощадно разрывались руководством коммуны. Любовников разлучали, посылая одного из них в отделение *Онейды,* расположенное вдали от главного особняка.

Другим неприемлемым поведением и поводом для порицания являлись отказы молодых спать со старшими и пожилыми партнёрами, причём количество совокуплений с ними должно было значительно превышать количество совокуплений со своими сверстниками.

Девочки, у которых начинались менструации (обычно 12–13 лет), считались готовыми к половой жизни. Их лишал девственности сам Нойс, а в последние годы существования коммуны ему помогали самые продвинутые старые члены общины.

Каждой свежеиспечённой женщинке разрешалось ебаться только с мужчинами, которые были значительно старше её и, лишь когда она приближалась к двадцати годам, ей позволялось начать совокупляться со своими сверстниками, основную еблю ведя со старшими. Только когда девушке переваливало за двадцать, ей разрешалось регулярно ебаться со своими сверстниками или с теми, кто моложе её.

Но каждой образовавшейся молодой парочке прежде следовало доказать старшим, что никакой предпочтительной страсти между ними не возникнет и что они продолжат активно совокупляться с другими.

Как легко представить разговоры созревших девочек «в школе и дома». Они обсуждали не кто как на кого взглянул, не кто как одет, они не писали записочек парням – нет, они обсуждали, кто сколько оргазмов испытал с Нойсом, как он их ёб, и прочие прекрасные интимности.

А как ожидали девушки своей первой ночи с начальником, после которой им открывалась долгожданная ебля, причём каждую ночь с новым? Как они выспрашивали уже ёбанных о подробностях, как те шёпотом рассказывали, что и как происходит с разными мужчинами.

Ведь это было неслыханно тогда, и особенно – теперь, чтобы двенадцатилетняя девушка в открытую и с благословения родителей еблась всласть с разными мужчинами старше её, и её бы при этом не только не корили, а, наоборот, призывали к активной ебле, чтобы она свои обильные гормоны, пиздяные соки и всевозможную похоть сладко транжирила еженощно с разными мужчинами.

Когда Нойса очередной раз стали донимать попы и моралисты, что он сексуально эксплуатирует несчастных девушек и женщин, Нойс пригласил в *Онейду* знаменитого гинеколога, который всячески порицал половой образ жизни в коммуне, но, тем не менее, будучи настоящим учёным, он после тщательного обследования женщин опубликовал объективную статью, где засвидетельствовал, что, несмотря на активную половую жизнь у девушек, начинающуюся с 12–13 лет, их физическое и сексуальное здоровье весьма хорошее, не говоря уже о взрослых женщинах и ещё менее говоря – у парней.

Подобное обучение происходило и с отроками – их лишали невинности умелые матроны, в которых можно было кончать без опасности, что они забеременеют, ибо менструации у них уже прекратились. Счастливые зрелые и пожилые женщины могли им показать многое помимо простого оргазма, так что, встретившись со своей ровесницей, парни смачно ударяли лицом в сладкую грязь пизды.

Вот уж где парни и девушки не знали, что такое прыщи, ибо вся похоть беспрепятственно уходила по назначению.

Так юноши продолжали совокупляться с женщинами, значительно старше себя, пока не научались уму-разуму, то есть свою любовь к наслаждению подчинять любви к Богу, и практически эта любовь выражалась в обретении умения сдерживать оргазм.

Можно легко представить массовые стоны и вопли, которыми наполнялся ночами особняк, когда все разом еблись, и звучные восторги одной пизды лишь подбадривали другую восторгаться не сдерживаясь…

Нетрудно также вообразить, как молодые парочки тайно от Нойса встречались, чтобы сладко перепихнуться, вкушая молодое тело. Оснащённые опытом, обретённым у старших, они могли его использовать оптимально и умело, несмотря на запрет

совокупляться со сверстниками. Так что с 12 по 18 лет у подростков была самая счастливая жизнь, а не пытки, которым их подвергают в нашем благопристойном обществе, заставляя воздерживаться и карая за еблю.

Требуемое в коммуне сочетание возрастов совокуплявшихся предотвращало проблемы «отцов и детей» и не позволяло молодёжи сопротивляться учению и влиянию старших. В то же время разнообразие любовников и любовниц делало разрывы влюблённых не столь болезненными, ибо всегда находился приемлемый партнёр, доводивший самку до оргазма, и это придавало остроту сексуальной жизни всего общества.

Великое счастье, недостижимое вне коммуны, приваливало пожилым мужчинам и женщинам – они получали юных любовников и любовниц. Вне коммуны такое было доступно лишь весьма богатым людям, а тут люди без всякой личной собственности, бедняки, вели половую жизнь богачей. Вот она – истинная забота о старости! Вот оно – высшее образование для молодёжи!

Нойс использовал доступ к сексу как могучее орудие для управления коммуной, ибо если кто-то препятствовал ему, тот сразу лишался привилегии совокупляться с привлекательными женщинами, а подчас и вообще совокупляться. Женщины подчинялись любым указаниям Нойса, и получалось, что не он сам, а женщины отказывали неугодным ему мужчинам, и таким образом он правил общиной с помощью кнута (ограничения секса) и пряника (секса с красивыми молодухами).

Основным сексуальным правилом для мужчин являлось удержание от семяизвержения во время совокупления (за исключением совокупления с целью разрешённого зачатия). Так что в среднем за год в коммуне происходила лишь одна незапланированная беременность. Так говорит официальная статистика *Онейды.* Но мы знаем цену подобным цифрам.

(Вся эта теория сдерживания, то есть избежание семяизвержения с помощью недопускания оргазма, вызывает у меня большие сомнения. Дело в том, что семяизвержение может происходить и без оргазма. Я, например, научился доходить до такой его близости, что семяизвержение начинается, но сам оргазм ещё не наступил. Я останавливаю движения настолько вплотную к оргазму, что обманываю его и происходит один-два выплеска семени, которых вполне достаточно, чтобы женщина забеременела, но недостаточно для моей полной разрядки. Переждав секунд десять, я продолжаю движение, и теперь оргазм уже не так скор на явление, ибо знает, что я могу его снова обмануть. И я обманываю, когда хочу продолжать ублажать

женщину. Но когда он происходит, то семяизвержение состоит уже не из одной-двух капель, а из весьма многочисленных.

Не считая себя здесь уникальным, я вполне могу предположить, что некоторые мужчины *Онейды* тоже частично извергались, не допустив оргазма. Вот и верь официальной статистике беременностей в *Онейде* после этого.)

Первое время мужчина оставался у женщины в спальне на всю ночь. Но вскоре, по мере совершенствования мужчинами искусства сдерживания, женщины стали жаловаться на вечно стоящий хуй, который их изматывал, и потому было решено, чтобы пребывание мужчины в женской спальне длилось не более двух часов.

Обыкновенно во время совокупления (по рекомендации Нойса) женщина лежала на боку, подняв одну ногу, мужчина входил в пизду сзади и, ебя, рукой играл с клитором. Женщины восхищались продолжительностью совокупления и многократно кончали.

Такое великое наслаждение женщин *Онейды* оказалось побочным эффектом мужского сдерживания для предохранения от нежелательной беременности. Женщинам неслыханно повезло – они оказались в поистине сексуальном раю: женщины имели множество любовников, они не жили под страхом беременности или венерических заболеваний, не подвергались общественному порицанию за наслаждение и множественность партнёров, имели право голоса в общественных делах и разнообразную интересную работу. Женщины также были освобождены от финансовой заботы о себе и о своих детях и не обременялись излишними заботами материнства, так как им помогали во взращивании и воспитании детей.

Однако, с точки зрения наслаждения оргазмами, в *Онейде* было утверждено полное неравенство между мужчинами и женщинами. Существовавшее там положение являлось зеркальным отображением распределения оргазмов вне *Онейды.* Мужчинам не полагалось испытывать оргазм ни при совокуплении, ни мастурбируя, а женщины не вылезали из толпы оргазмов, причём во время совокупления. В обыкновенном обществе вне *Онейды* всё было наоборот – мужчины быстро кончали, а женщины оставались лежать недоделанными с единственной надеждой на мастурбацию.

Изливать семя наружу мужчинам тоже было запрещено – Нойс говорил, что возможность кончать наружу провоцирует мужчин на заботу о собственном наслаждении и на пренебрежение к наслаждению женщины.

Нойс также считал, что трата семени вредна. Неудивительно, что от такой безоргазменной жизни многие мужчины испытывали сильную боль в яйцах от долгого возбуждения, не оканчивающегося семяизвержением. (Имеются письменные жалобы. Дураков. Умные, уверен, кончали как хотели, в то же время не забывая о женских нуждах.)

Мастурбацию Нойс тоже осуждал, так что единственным легальным выходом из продолжительного возбуждения для мужчин было обливание холодной водой.

Мужчины в своих письменных отчётах заявляли, что такой секс их приближает к Богу. По-видимому, они и впрямь думали о Боге в процессе совокупления, чтобы отгонять оргазм, и таким образом становились истинными христианами.

Для меня само собой разумеется, что мужчины вовсю мастурбировали после двухчасовой ебли, чтобы разрядиться – ведь спальня у них была отдельная, никто за ними следить не мог и тогда ещё не было видеокамер, как в *1984* у Оруэла, а признаться в мастурбации – это значило бы обрекать себя на порицание и возможное изгнание. Потому и письменных свидетельств о мастурбации не осталось.

Следует заметить, что в той же позе, которая рекомендовалась Нойсом как оптимальная для совокупления, ещё легче заниматься анальным сексом с теми же ручными действиями, доводящими женщину до оргазма, но зато с безопасным семяизвержением в пищеварительный тракт. Однако в оставшихся документах ничего не говорится об анальном сексе и точно так же никак не упоминается оральный секс, которым женщины могли отблагодарить мужчину за двухчасовую заботу об их оргазмах. А ведь мужчины могли бы довести женщин и до большего количества и силы оргазмов, болтая языком по клитору.

Много о чём умалчивается в документах и воспоминаниях о жизни в *Онейде*: нигде не говорится, совокуплялись ли во время менструаций, и если да, то кончали ли мужчины в женщин в такие безопасные дни. Не занимались ли мужчины гомосексуализмом, чтобы вдоволь набраться оргазмов. И т. д. и т. п.

Забавно и то, что Нойс в своих рекомендациях совокуплений пренебрегал единственно истинно христианской позицией – миссионерской.

В 1872 году Нойс написал руководство под названием *Male Continence* (Мужское сдерживание). В нём по-прежнему нет практических советов (их он, наверно, давал устно, да и женщины-тренеры проводили постельные занятия со знанием дела), но зато в этом трактате даются теоретические обоснования

этой тантры, до которой Нойс дошёл сам. Преимущество его варианта индийской сексуальной премудрости было в том, что Нойс не заставлял женщин воздерживаться от оргазма, а, наоборот, пёкся об их наслаждении и всю тяжеловесность тантры обрушивал только на мужчин. Недаром женщины в *Онейде* были самыми счастливыми за историю человечества.

Однако в трактате Нойс говорит об использовании сдерживания только с целью контроля за размножением, а наслаждение женщин, которое следует от применения этого метода, оказывается лишь побочным эффектом, который, кстати, превышает по важности основной. (Если бы он начал там говорить о прелестях женской ебли, то его бы попы растерзали, а так речь велась под благовидным предлогом контроля за деторождением.)

Нойс пишет, что метод сдерживания автоматически становится непригодным для дурных и безнравственных мужчин, цель которых получить самим побольше оргазмов и которым безразлично, если женщина забеременеет. Именно подобные дурные мужчины резко выступают против метода сдерживания. Таким образом, только высоконравственные мужчины станут пользоваться сдерживанием, то есть те, кто не является эгоистами.

Нойс исходит из простого факта, что все фазы совокупления поддаются контролю, за исключением семяизвержения, которое происходит бесконтрольно. А значит, нужно оставаться в пределах контролируемых фаз и продлевать их как можно дольше, и именно эти контролируемые фазы, по мнению Нойса, дают самые прекрасные ощущения.

Нойс признаёт, что есть мужчины, которые семяизвергаются при малейшем возбуждении, и что им добиться сдерживания очень трудно, но, по его подсчётам, таких мужчин немного (как Нойс делал подсчёты, он не раскрывает, но современная статистика даёт противоположные результаты).

Нойс подмечает, что оргазм прерывает романтику ебли и вызывает безразличие, часто переходящее в отвращение к женщине, да ещё вызывает истощение у мужчины. Он раскрывает суть стыда, который, мол, как раз и образовался из-за послеоргазменного отвращения и явился реакцией на него. Нойс обещает, что использование метода сдерживания сделает всякий брак вечно длящимся медовым месяцем, без пресыщения и разочарования. (Это для мужчины, а женщина, наоргазмившись, обязательно пресытится и любовника заведёт.)

Другим аргументом за сдерживание является экономия спермы, которая не должна бесполезно изливаться (и здесь Нойс

не приводит своих научных доказательств).

Примером сексуальной разрядки Нойс упоминает мастурбацию, но тут же оговаривается, что мастурбация – это плохо, так как тратит семя, а его метод сдерживания снимает необходимость разрядки, настолько, мол, он хорош сам по себе.

В конце 1850-х началось массовое производство резиновых презервативов, а с 1861 года они уже рекламировались в *New York Times*. Презервативы, казалось бы, могли тоже помочь Нойсу в деле предохранения, но о них он тоже не упоминает.

Нойс порицал ведение разговоров во время совокупления. Он утверждал, что импотенция, на которую жалуются некоторые мужчины, связана именно с такой неуместной разговорчивостью. (Интересно, что за душеспасительные разговоры вели онейдовские коммунисты во время ебли? Уж не заговаривали ли они себе зубы, то есть хуй, чтоб не кончать? Вот вам ещё одна нераскрытая тайна *Онейды*.)

Нашлись бумаги, где Нойс предлагал письменно (сохранилось – не вырублено топором!), чтобы парочки совокуплялись на сцене театра коммуны. Якобы ради стариков, которые уже не в силах ебаться, но которым было бы приятно посмотреть, а остальным осознавать, что ебля – это тоже великое искусство, как музыка или танцы. Но так как других записей на эту тему не осталось, то неизвестно, привёл ли Нойс свою мечту в исполнение. Во всяком случае, описать такое представление значило бы подставить себя и *Онейду* под новый удар их врагов.

Также покрыто мраком тайны – принимали ли женщины одного мужчину за другим в течение одного вечера? Или двоих и более вместе? Ведь сдерживающие оргазм мужчины могли обслуживать нескольких женщин по очереди. А женщина, которой попался мужик быстро кончивший, могла бы тотчас утешиться со следующим.

По сути, Нойс с помощью множественного брака, мужского сдерживания и уважения к старшим в форме ебли с ними, подтвердил издавна существующее, но порицаемое моралью разделение половой жизни на наслаждение и на размножение. Мораль заинтересована завязать наслаждение и размножение морским узлом. Но всегда находится умелец, который этот узел разрубает, а общество поскорее завязывает новый узел, дав этому умельцу по яйцам. Во всяком случае, так шло дело во времена Нойса.

Нойсу удалось произвести чёткое разделение размножения и наслаждения, возведя семяизвержение в ранг чуть ли не зла. Кроме того, Нойс навертел массу теоретических обоснований, почему именно мужчине надо взять на себя ответственность за

предотвращение беременности. По Нойсу, мужчины должны были приносить в жертву свой оргазм, и эта жертва, этот отъём наслаждения фальшиво именовались великим даром, якобы дающим мужчине ещё большее наслаждение.

Нойс эксплуатнул вечную схему: чем больше испытывает оргазмов мужчина, тем меньше он любит женщину. Женщина же более благодарна: чем больше она испытывает оргазмов, тем больше она любит мужчину.

В XX веке противозачаточная таблетка разрубила узел наслаждения и беременности раз и навсегда, причём без всяких религиозных или псевдонаучных обоснований. Просто беременность стала происходить по желанию женщины и люди стали совокупляться беззаботно, а только так и нужно совокупляться.

Однако с появлением таблеток ответственность за беременность снова обрушилась на женщину. В результате идея сдерживания потеряла для мужчин свою притягательность, и они с великой скоростью, а значит себялюбиво, устремились к своему оргазму, оставляя женщин неудовлетворёнными.

Чтобы теперь гарантировать удовлетворение женщины, после *Онейды*, где была наглядно продемонстрирована женская способность с юных лет наслаждаться каждую ночь с новым любовником, ныне лишь следует увеличить скорость подачи очередного любовника: с одного раза в 24 часа до одного каждые 10 минут. Так череда быстро кончающих любовников обеспечивает совокупление, продолжительность которого гарантирует наступление у женщины оргазма.

В наше время Нойс лишал бы девушку девственности за пару минут, и за ним следовала бы череда старейшин, доводящих дело до конца. И девушка так же радостно приучилась бы к множеству мужчин, безпоследственно орошающим её один за другим, как при методе сдерживания она с воодушевлением приучалась к долгому односамцовому сухостойному продвижению к оргазму. При возникновении такой привычки всего один мужчина будет представляться женщине недоделкой, символом незаконченности, и только группа мужчин станет для неё воплощением настоящей любви. Вместо множественного брака – множественный мужчина.

Размножение и забота о детях

В начале существования *Онейды* пришлось запретить деторождение, так как надо было сначала обустроиться и

наработать деньги, чтобы обеспечить возможность воспитания и образования потомства. Потом, когда *Онейда* достигла благосостояния, началось размножение под строгим контролем Нойса.

Из тех, кто лучше всех следовал заветам Нойса, выбрали для детопроизводства двадцать четыре мужчины, двадцать женщин – и понеслась обоюдооргазменная ебля.

Если пара хотела заиметь ребёнка, она обращалась с прошением, и Нойс со старейшинами одобрял зачатие на основании (как он говорил) их духовно-христианских качеств. Если женщина хотела ребёнка, то достойного мужчину ей всегда находили.

Когда желание плодиться одобряли, то женщина совокуплялась только с назначенным мужчиной, пока не забеременеет либо пока не отчается от безуспешных попыток. Мужчина же мог ублажать и других женщин.

Но самые интересные вопросы, как всегда, остаются безответными. Ну, хорошо, женщина забеременела и её можно было ебать не предохраняясь и метод сдерживания с ней не использовался? Значит ли это, что к ней устремлялись мужики со всей общины, чтобы с ней испытать оргазм? И при скором зачатии восемь месяцев её ебли до самых родов?

После одобрения пары на размножение в коммуне устраивалось нечто вроде свадьбы. Вечером собирались в театре все коммунисты и на сцену выходили будущие родители, они становились на колени друг перед другом, и им пели песни посвящения, сочинённые онейдовскими композиторами. После пения на сцену поднимались пары, что были в процессе создания зародыша, и целовали новоебленных.

Нойс находился под глубоким впечатлением от модной тогда евгеники Fransis Galton и решил выводить породу настоящих христиан. Задачей Нойса было произвести потомство, похожее на него самого, то есть на лучший образец христианина.

После рождения ребёнка мать в течение года-полутора, пока кормила грудью и пока он научался ходить, освобождалась от большинства общественных обязанностей и посвящала всё время ребёнку.

Начавшего самостоятельно передвигаться ребёнка отдавали в коммунистические ясли. Ребёнок знал, кто его мать, а часто и кто отец. Родители часто навещали своих детей, но в общине существовало понимание, что дети – это прежде всего божьи дети, а не родительские. За детьми добросовестно и с чувствами ухаживали, учили, воспитывали назначенные на эту работу «отцы» и «матери».

Разумеется, начальная разлука с матерью нередко была тяжёлой для малыша. Дети не понимали, почему они не могут оставаться постоянно с матерью, как это было раньше, рвались к матерям и плакали, но в итоге неизменно привыкали. Если для матери множественный брак сопровождался наслаждением от всякого мужчины и разлука с возлюбленным скрашивалась оргазмами с новым любовником, то разлука с детьми ничем не заменялась. Впрочем, разлука была относительной – ребёнок был всегда в пределах досягаемости для матери.

Нойс считал, что крепкие узы между матерью и ребёнком разваливали бы коммуну, поскольку родительская любовь должна быть перенаправлена в любовь ко Христу. А так как Нойс являлся наместником Христа на Земле, то вся любовь должна была быть направлена на Нойса и на членов общины. Нойс вовсе не был бессердечным и холодным – наоборот, он понимал и сочувствовал матерям:

> Я уважаю великую привязанность матери к своему ребёнку, как я уважаю всё великое.

Так что дети общались со своими родителями, но не постоянно и вкушали дополнительную любовь от всех взрослых, которые оказывались их тётями, дядями и прочими родственниками.

Предпочтения в выборе отца для будущего ребёнка были основаны на моральных, интеллектуальных и физических качествах, но прежде всего на условии правильной веры. Правильность веры определялась послушностью и искренностью в следовании заветам Нойса.

Однако Нойс прежде всего хотел распространять своё семя (девять из 58 родившихся детей в *Онейде* были его) и своих сыновей. Так, его старший сын Теодор, физически и психически нездоровый, да ещё разуверившийся в Христе, тем не менее с позволения отца произвёл четырёх детей. А второму сыну, Виктору, которого Нойс посадил в сумасшедший дом за активное сопротивление его вере (а сопротивление себе Нойс рассматривал как признак сумасшествия), в двадцать четыре года Нойс позволил стать отцом, хотя по возрасту отцами разрешалось становиться мужчинам гораздо старше.

Чтобы усилить влияние своей крови, Нойс совокуплялся даже со своими племянницами и от одной из них заимел ребёнка.

(Инцест стал табу, поскольку происходило вырождение потомства. Однако когда появились надёжные противозачаточные средства, то основания для запрета инцеста исчезли. Это так, между прочим.)

Ребёнок от племянницы был вполне здоровым и нормальным.

Конец коммуны

К середине 70-х Нойс ослабел здоровьем и почти совсем оглох (предполагаю, что от стонов и воплей кончающих женщин, которых он безостановочно ёб). Себе в преемники он прочил Теодора, который закончил Йельский университет, стал врачом и пользовался большой популярностью у молодых женщин *Онейды.* (Небось тайные аборты делал, чего и учил папашка на доктора, – это моя научная гипотеза.)

Теодор также оказался талантливым бизнесменом и, став управляющим, сделал предприятия *Онейды* из убыточных доходными. Однако Теодор вёл себя в бизнесе как диктатор, в отличие от своего отца, который только в религиозной и половой сфере был диктатором, а в бизнесе вёл себя весьма гибко и демократично. Поэтому Нойс решил приструнить сына, на которого жаловались его коллеги по бизнесу в коммуне, и вернул ведение бизнеса в прежнее демократическое русло. После этого у Теодора случился нервный припадок (метод сдерживания не сдержался и выплеснулся в мозг). Теодор уехал лечиться, а когда вернулся, то уже больше не участвовал в бизнесе, а только отправлял обязанности врача.

Но вскоре он со своим двоюродным братом ушёл из коммуны: они разуверились в божественности Христа и в роли Нойса во всей этой истории, и вообще – стали атеистами.

(Вот почему ебальное общество надо бы основывать не на выдуманной вере в человекобога, а на реальном, вечно возрождающемся наслаждении, которое длится всю жизнь, а не как вера, в которой можно усомниться. Желание же, наоборот, сомнению не подлежит.)

Однако Теодор долго не выдержал (как и все, кто сдуру уходил из *Онейды*) и попросился обратно. Там на общем собрании все единодушно проголосовали за принятие его обратно при условии, что он будет «бороться со своими демонами».

В 1875 году Теодор опять стал руководить бизнесом, обещав, что теперь он будет уделять больше времени духовным делам и Богу, а не погружаться с головой в деланье денег.

В мае 1877 года Нойс назначил Теодора своим преемником, а сам ушёл в отставку: остался лишь консультантом и редактором издаваемых публикаций. Однако Теодору не удалось вести за собой коммуну людей, полную противоречий (многие считали,

что он хороший бизнесмен, но плохой духовный лидер), и Нойсу в 1878 году пришлось снова взять всё управление на себя.

Однако, как и следовало ожидать, проблемы Теодора, вызвавшие недовольство общины, были не религиозные, не деловые, а сексуальные. Теодор влюбился и поддерживал (незаконную, то есть постоянную) связь со злобной красоткой о 23 лет, которая вместе с ним заправляла общиной. Анна, как звали красотку, плела интриги и разрывала связи парочек, чтобы взять себе мужчину, которого она сама хотела себе в любовники.

В 1877 году она пришла к Нойсу с доносом на Теодора, что он, мол, хочет покончить с множественным браком, так как извергается в неё. Отец, разумеется, встал на сторону любимого сына и решил Анну уволить с руководящих позиций и вообще посчитал, что она плохо влияет на Теодора. Нойс повелел, чтобы Теодор и Анна разорвали связь. Но Теодор снова взбунтовался, отказался от своего поста в коммуне и уехал с Анной. Вот почему Нойсу пришлось снова взяться за управление хозяйством тел и душ.

В итоге Теодор, объевшись Анькой и поняв, чего она стоит, в какой уж раз запросился обратно в *Онейду*. На общем голосовании члены общины, как прежде, приняли его обратно единогласно (уж слишком Теодора бабы любили и хотели получить гены Нойса), но при условии, что на этот раз Теодор будет обыкновенным членом коммуны без всяких привилегий и должностей.

Но время шло, в коммуне начались разброд и шатание. Вера в Нойса пошатнулась из-за его настырного проталкивания сына в преемники, тогда как все видели, что сынок для этой роли не годен. А раз Нойс делает такую серьёзную ошибку и настаивает на ней, то, значит, и божественное слово он может тоже исказить. Много людей просто разуверились в Христе, другие становились нетерпимы ко вмешательству коммуны в их личные дела, особенно в отношения родителей и детей.

Всё в общине становилось более мирским, нежели религиозным. Но самое важное – сексуальные способности Нойса резко сдали, а именно в его сексуальной мощи состояла основа силы, держащей коммуну в повиновении. Ведь это был он, кто имел право первой ночи и лишал всех девочек девственности. Он их учил месяцами, и у молодых самочек образовывалась к нему привязанность как к любовнику, как к учителю и духовному отцу. Эта привязанность длилась многие годы, к нему они приходили за советами, и под его влиянием они выбирали себе партнёров, которых бы они сами, быть может, и не выбрали бы. Таким образом Нойс через регулируемую доступность привлекательных женщин управлял ходом дел, давая или не давая их другим

мужчинам. Если мужчина вёл себя не так, как хотел Нойс, то он давал знать привлекательным женщинам, что этому мужчине надо отказать, когда он запросит их сексуального внимания.

В 1878 году Нойсу было 67 лет, и его сексуальная власть над молоденькими девушками совсем захирела, они перестали следовать его советам и совокуплялись с кем хотели. К 1879 году главное правило – молодым ебаться со старшими – практически перестало соблюдаться и множественный брак стал разваливаться, а вместе с ним и сама коммуна.

Ко всему прочему, противники Нойса в коммуне обвинили его в каких-то сексуальных неблагопристойностях, каковым он обучал девушек, лишая их девственности и проводя с ними последующее время. Однако в переписке, где эти обвинения предъявляются руководителями общины, никакого объяснения сути этих неблагопристойностей не имеется.

Многие члены общины из оппозиции стали вести себя по отношению к Нойсу невежливо, а подчас и грубо.

Но весь смысл бунта состоял в том, что старшие бунтовщики хотели сами добраться до молоденьких и красивых девушек и полностью лишить Нойса власти над ними. Так считал (и записал) Теодор – не я.

Между тем, вне *Онейды*, в обыкновенном миру, собралась свора попов и подала прошение в полицию арестовать Нойса за полигамию и другие сексуальные преступления. Раньше прокуроры и прочие у власти не хотели мешать *Онейде*, так как деловые операции и доходы, которые приносила община, способствовали экономическому благосостоянию округи. Но на этот раз были все основания считать, что антисексуальная мораль восторжествовала. Пришлось Нойсу ночью 23 июня 1879 года бежать в Канаду, откуда он уже никогда не вернулся.

Он убежал, не оставив заместителя. А ведь Нойс почитался за существо божественного происхождения. Не сообщил он своим апостолам, куда исчез, на какое время, и не оставил никаких распоряжений. Потом стало известно, что той ночью он осторожно вышел в носках из своей спальни, закрыл за собой дверь особняка, надел ботинки и пошёл по дороге, где его неподалеку ждали в карете двое мужчин, члены коммуны. Нойс убоялся, что его посадят и что он проведёт в тюрьме всю оставшуюся жизнь.

Однако вскоре стало ясно, что судебные инстанции по-прежнему не желали преследовать коммуну Нойса, несмотря на требования попов. И когда это стало вполне очевидно, Нойс всё равно не вернулся. А не вернулся он потому, что начался «бунт на корабле» и справиться с ним он уже не мог, а вернуться и не быть

беспрекословным авторитетом он тем более не хотел.

Нойс жил в каменном доме напротив Ниагарского водопада. С ним находилась небольшая группа верных последователей, которая пыталась воссоздать обстановку *Онейды*, но без ощутимого успеха.

Чуть Нойс покинул коммуну, молодёжь выступила с письменным требованием – отменить обязательную еблю стариков с молодицами и убрать всякий контроль за совокуплениями, за исключением родительского, за ещё юными девушками, которые уже стали ебаться. (Примечательно, что бунтари не требовали иного толкования Христа или новых христианских церемоний – всё сводилось напрямую к ебле.) Женщины захотели выходить замуж, а родители запретили дочкам всякий секс до замужества. Через два месяца после убёга Нойса проголосовали за упразднение множественного брака. Все думали, что, переженившись и омоногамившись, они смогут продолжать жить в коммуне по-прежнему. Но, как и предрекал Нойс, коммунизм и моногамный брак несовместимы. Коммуна сразу развалилась. Лояльность по отношению к семье стала преобладать над лояльностью к коммуне. Возникли споры, кто какую работу должен выполнять, кто и как должен учиться. И прочие народные беспорядки.

Так свободоебливая *Онейда* превратилась в обыкновенный колхоз.

Нойс умер 13 апреля 1885 года о 74 годах.

От *Онейды* осталась успешная деловая часть – фабрика по изготовлению столовых наборов, которую после распада коммуны превратили в корпорацию, и она существует до сих пор.

История коммуны *Онейда* кратко дана на сайте компании (см. http://www.oneida.com).

Но ни слова там не сказано о сексуальных нравах этого общества – это является прекрасным свидетельством нынешних сексуальных воззрений в современном американском обществе, где секс отдельно, а люди – отдельно. А ведь изучение истории *Онейды* должно быть включено в школьные программы, не говоря уже об институтских, чтобы наконец развеять порабощающий миф о необходимости сексуальной верности. И ещё несколько мифов.

Суть христианства, как и любой другой религии, зависит от того, кто взялся толковать книгу, которую решили считать богоданной. Большинство толкователей Библии оказались сексуальными неудачниками, и они превратили христианство в антисексуальную религию. А толкование похотливого Нойса

сделало из того же христианства религию свободной ебли.

Однако сексуальные неудачники расплодились в таком количестве, что и по сей день христианство продолжает быть религией половой верности. Верности, которая оборачивается самой большой ложью и предательством человеческих желаний.

Нойс неопровержимо доказал, что, оказывается, можно мужчине и женщине спать друг с другом, называя это браком, без всяких религиозных церемоний, называемых свадьбой. И что мужская и женская добродетель состоит не в соблюдении верности, а в многопартнёрной безревностной ебле.

Итак:

> Поверхностная и камуфляжная цель коммунистических обществ – это избавление от частной собственности. Однако, по сути дела, вся борьба за отмену частной собственности ведётся лишь для того, чтобы уничтожить частную собственность на женщин (аннулировать брак или сделать его открытым), а также для того, чтобы лишить женщин права на собственное тело, то есть чтобы они не смели сопротивляться любому желанию любого мужчины.
>
> Буржуи были заядлыми врагами коммунистов прежде всего потому, что страшились обобществления их личных феодально-капиталистических женщин. Маркс писал о классовой борьбе, тогда как шла борьба против способности богатых мужчин покупать лучших женщин, – а пролетариат хотел добраться до всех женщин бесплатно. (Я не хочу принимать в рассмотрение коммунистическое общество, где отмена частной собственности превращается в отмену половых отношений – Shakers и пр., – ибо такие общества самоубийственны, а меня интересуют лишь общества, полные жизни. Разумеется, половой.)
>
> Как утверждал Нойс, коммунизм и традиционный брак несовместимы, а когда их силой совмещают, то происходит взрыв жестокости – вот почему российский, китайский, камбоджийский коммунизм столь убийственны. Именно потому, что там отказались от обобществления женщин и злоба неудовлетворённости была обращена на уничтожение. Доступность обильных женщин вселяет умиротворённость в любое общество.
>
> В желании обобществления женщин проявляется мечта мужчин снять своё извечное проклятие – необходимость уговаривать, соблазнять и покупать

женщин, вместо того чтобы просто брать полюбившееся тело. Это унизительное, рабское, безысходное положение мужчин является основой для мазохистского наслаждения им «романтиками» и «джентльменами», каковыми общество воспитывает мужчин.

До недавнего времени это проклятие мужчин могло быть снято только одним способом – увеличением количества женщин, чтобы их стало раз в десять больше, чем мужчин. Но при требовании рабочих рук количество рождающихся девочек, наоборот, стремились уменьшить. И только сейчас, при автоматизации производства и успехах генетики, появляется возможность создавать большее количество женщин, контролируя пол зародыша.

С давних пор и доныне протест мужчин против своего рабского по отношению к женщинам положения выражался двумя методами: изнасилованием или обманом. Изнасилование в мирное время сделали уголовно наказуемым, а в военное время на изнасилование женщин вражеского народа смотрели сквозь пальцы – именно из-за свободы изнасилований во время войны многие мужчины и становятся столь смелыми и «города берут».

Обманный протест мужчин выражался в попытках придумать утопии или создать общины, где мужчины могли брать женщин с лёгкостью и в обилии, без церемоний соблазнения, мороча им голову религией и обещаниями. *Онейда* дала тому прекрасный пример.

Как бы терпимее ни становились сексуальные нравы, они принципиально не меняются и основа их остаётся прежней: мужчина просит, а женщина соглашается. (Редкие исключения, когда женщина просит, а мужчина соглашается, лишь подтверждают общее правило.)

Мы ожесточённо боремся как с наиболее вопиющей несправедливостью с тем, что принято считать самым естественным и богоданным. Прежде всего – это болезни и смерть. Человек бьётся изо всех сил, чтобы излечивать болезни, чтобы удлинить жизнь и чтобы с помощью науки искоренить смерть. Никто не видит в этой борьбе ничего зазорного, а, наоборот, затая дыхание, люди ждут очередных побед, чтобы жить здоровее и дольше.

А что же происходит с желанием сексуального удовлетворения? Что мы делаем для того, чтобы его легче и разнообразнее удовлетворять? Ведь еблю,

вопреки попам, ныне реабилитировали и сняли с неё кличку «враг народа»!

Однако, как и прежде, считается самым естественным для мужчины пребывать в состоянии просителя, а для женщины быть хозяйкой и распорядительницей мужских наслаждений.

Люди считают само собой разумеющимся и не предпринимают никаких действий, чтобы изменить порабощающий мужчин вопиющий порядок вещей: найдя женское тело, приложив массу усилий, заплатив деньги, потратив время и, наконец, выебав это тело, от мужчины требуется ещё больше усилий для того, чтобы это тело пребывало рядом и готовым для удовлетворения его похоти, как только она возникнет.

Что же до более изощрённых порнографических фантазий, то удовлетворить их ещё сложнее, чем заиметь в своём распоряжении единичное тело.

То есть считается вполне нормальным, что огромную часть своей жизни люди тратят не на удовлетворение своей похоти, а на поиски возможностей её удовлетворения.

Спрашивается, почему, с какой стати, возжелав женское тело, требуется вокруг этого тела плясать танец соблазнения, убеждать женское сознание, её тело оскверняющее, чтобы оно дало указание этому телу развести ноги? С какой стати мужчины должны для этого тела удовлетворять какие-то желания, вовсе не связанные с похотью? Почему это тело смеет нам сопротивляться, тогда как оно сделано с вожделенными нами отверстиями, которые по своей геометрической и физиологической сути предназначены для заполнения? Почему мы должны считать, что относиться к женскому телу как к сексуальному объекту – это непозволительно, тогда как женское тело есть не что иное, как сексуальный объект?

Только теперь наука отвечает за мужчин на эти вопросы: мужчины, вы женщинам ничего не должны – вот вам миллионы всевозможных красавиц, которые хотят только одного – ебаться с вами, исчезать, когда они вам надоели, и объявляться по первому зову вашей возродившейся похоти.

Каким же образом науке удастся спасти мужчин от сексуального рабства у женщин?

Женщина должна заинтересоваться мужчиной, чтобы раздвинуть для него ноги и позволить ему насладиться и, быть может, насладиться самой. Но тело женщины посажено на

короткий поводок её разума, который всякий раз, когда появляется рядом хуй, просчитывает, насколько выгодно будет развести ноги. Мужчина видит перед собой роскошное тело, которое изнутри управляется монстром женского разума.

Задача для науки предстаёт ясная: уничтожить монстра, перерезать поводок и дать собаке тела резвиться по лёгкому мановению любого хуя. Если это сейчас делается первобытным способом с помощью алкоголя, наркотиков и специальных лекарств, то генетика позволит создавать женские тела, в которых разум будет состоять лишь из осознания перманентной похоти.

Итак, только с помощью науки удастся покончить с навязанным мужчинам рабством – сделать женские тела изобилующими и мгновенно доступными, исполненными красоты любого рода и предназначенными только для удовлетворения похоти.

Подобно клинексу разового употребления, мы создадим женское тело разового употребления: оросил и выбросил.

А на любителя вырастим женские тела многократного использования: подобно красиво вышитому рушнику, которым можно вытирать сопли спермы раз за разом и стирать в спецмоечной машине.

Мужская потребность каких-либо дополнительных свойств у женщин, помимо похоти, возникает, только когда требуется скрасить время, проводимое с ней между совокуплениями. Но с большинством женщин у мужчины возникает желание только на еблю, и в силу этого ничего, кроме женского тела и его доступности, мужчине не требуется. Именно такую прекрасную женщину и создаст себе мужчина с помощью генетики и прочей науки. Именно так человечество обретёт мир и счастье.

Женщины тоже получат подобную возможность – лепить себе мужских клонов, каких им хочется: с большими хуями, всегда в состоянии эрекции, которые будут их безостановочно ебать при свечах и под сентиментальную музыку, клонов, которые будут радостно выполнять все их сумасбродства и заваливать их незаслуженными мехами и бриллиантами.

На здоровье, женщины! Идите на хуй клонов. А мы пойдём в клоновую пизду.

Дети же будут создаваться из наилучших оптимизированных сперматозоидов и яйцеклеток, все гениальные и красивые, сильные и здоровые. Их будут воспитывать заботливые мужчины и женщины, склонированные исключительно для взращивания детей. Вот Нойс и улыбнётся нам с небес.

Если до сих пор движение общества шло в сторону освобождения женщин, то клонирование меняет движение на

обратное и направлено в рабство, на полное порабощение женских тел, давая им единственную поблажку оргазма.

Ведь женщины понимают свою сексуальную свободу не только в том, что они могут давать свою пизду кому захотят, но также и в том, что они могут не давать пизду, кому не захотят. Получив свободу, женщины по-прежнему не дают всем, кому хотят, потому что они следуют не своим желаниям, а подсчётам, но зато они расширили свою свободу не давать и лишают своего тела даже мужей, что им недавно позволили юридически.

Клонированное женское тело будет рабским, лишённым соображений и лишь исполненное желаний, которые возникают при малейшем прикосновении хозяина, которым становится любой, кто к её телу прикоснётся.

Процедура ухаживания в *Онейде* являлась переводом языка похоти в термины христианства. Нойс заменил уговаривание женщин на проповеди, а удержание женщин в состоянии готовности для ебли он осуществил с помощью целенаправленно переиначенной христианской веры.

С тех пор прогресс – налицо: ныне религия вовсе не нужна, чтобы оправдывать похоть. Свингеры двадцатого века уже не заботились Богом, а всего лишь ревностью (см. *Жены ближних твоих*, с. 444–457 наст. изд.). Теперь контакты между заинтересованными лицами устанавливаются относительно легко через Интернет, а вскоре и вообще будет несоизмеримо проще: подумал – а рядом уже клониха с разведёнными ногами.

Но до совершенства пока далеко. Живодёры-моралисты принимают заведомо античеловечный закон (например, сажать подростков в тюрьмы по обвинению в распространении детской порнографии за то, что они обмениваются собственными же «голыми» фотографиями по мобильникам – sexting), а хорохорящиеся своим законопослушанием американцы слепо и рабски этот закон выполняют – вот уж истинное идолопоклонство, когда идолом стал закон.

Конечно, можно затеять многолетнюю суету, чтобы закон изменить, а пока эти садистские законы калечат жизни людям. Тут русский вариант представляется гораздо более здравомыслящим: народ тихо обходит законы, не обращая на них внимания. А у правительства не хватает рук и желания эти законы заставить выполнять. Но чуть дело касается преследования по сексуальным нарушениям, в Америке всегда находится чрезмерное количество полицейских и всяких служащих, чтобы заняться законоисполнением.

Вот и завершу я повествование прокламацией, призывом, манифестом:

Все законодатели, которые выдвигают и проводят законы по ограничению или запрету сексуального наслаждения, должны преследоваться и уничтожаться ёбарями и ебарицами. Пора всем любящим беспрепятственный и обильный секс перестать оправдываться, принимать положение виновного, покорно носить кличку «извращенца» и пытаться убедить быдло с защемлёнными предрассудком яйцами в своей правоте. Пора ёбарям пойти в наступление, исходя из своей исконной, божественной правоты – правоты хуя и пизды, – а не удавок, на них накидываемых, и не затычек, в них заталкиваемых.

Пора обрубать и вырезать половые органы у тех, кто считает их постыдными, грязными и не позволяет людям следовать их стремлениям.

– Так, значит, хуй и пизда греховны, грязны, опасны? – переспросим мы моралистов, попов и законодателей, мы, ёбари со стоящими хуями, и ебарихи с мокрыми пиздами. – Раз так, то мы вас от них избавим!

И отрубленные хуи и вырезанные пизды, принадлежавшие их ненавистникам, полетят в кучу, в которой будут копошиться и чавкать свиньи и собаки.

И эту людскую мразь мы заменим прекрасными клонами!

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЖИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Male Continence. By John Humphrey Noyes [1872]. http:// www. sacred-texts.com/ sex/ me/ index.htm

2. The Perfectionists of Oneida and Wallingford by Charles Nordhoff, http://works.bepress. com/paul_royster/40/

3. *Spencer Klaw, Allen Lane.* Without sin: the life and death of the Oneida community. New York, 1993.337 p. ISBN 0713990910.

4. The Oneida Community Collection in the Syracuse Universithy Library, http://library.syr.edu/ find / sere/ collections/ diglib/ oneida/

5. Oneida Commune & the many lovers of John Humphrey Noyes. By Devin Me Comber (2006). http://www.daviddfriedman.com/ Academic/Course_Pages/legal_systems_very_different_08/final_ papers_06/Oneida.html

6. *Hal D. Sears.* The Sex radicals. Free Love in High Victorian America. Lawrence: The Regents Press of Kansas, 1977. 342 p. ISBN 0700601481.

Фрейд – «троянский конь» Провидения

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2009. № 199. Нумерованный список литературы см. в конце исследования; при отсылке на него в скобках указан номер работы или работа и цитируемые страницы.

В детстве я услышал, как после исполнения какой-то песни диктор на радио произнёс: «Композитор – Сигизмунд Кац». Это имя поразило меня своей значимостью и красотой звучания: СИ-ГИЗ-МУНД! Даже фамилия Кац, типично еврейская (а в СССР значит, что постыдная), звучала как важная точка, как заключительный аккорд после такого волшебного имени.

Я лишь недавно узнал, что настоящее имя Фрейда тоже было Сигизмунд, но, так как оно ему, в отличие от меня, не нравилось по звучанию, он в 16 лет сменил его на Зигмунд (которое звучит похуже, даже для композитора: Зигмунд Кац – совсем никуда). Ну, а односложные фамилии Кац и Фрейд звучали для меня подчинёнными красоте имени. С фамилией Кац так и осталось: подчинённое имени положение. А вот фамилия Фрейд стала звучать благодаря психоанализу ещё волшебнее, чем имя. Да и слово Freud к тому же означает по-немецки «радость», «веселье» (1).

Я взялся за имена, чтобы подступиться к Зигмунду Фрейду хоть с какой-то стороны. О нём написаны горы биографий и всевозможных исследований, так что пересказывать его жизнь ещё раз – скучно. А что весело – так это посмеиваться и смеяться.

Так что поброжу-ка я ещё не по фрейдовской, а по своей биографии – глядишь, в процессе и придумаю чего.

* * *

Моя первая встреча с Фрейдом состоялась в Ленинградской библиотеке Академии наук, где в году 1971-м по моему запросу, и к вящему моему удивлению, мне выдали *Лекции по введению в психоанализ* и *Тотем и табу*, изданные в СССР в 20-х годах. Я просидел в читальном зале немало часов. А потом я ещё читал исследования доморощенного психоаналитика Ивана Ермакова про Пушкина и ещё про кого-то.

Работы Фрейда меня, само собой разумеется, потрясли. А вот

Ермаков мне показался неубедительным. Как, впрочем, и Фрейд, но уже значительно позже. В то первооткрывательское время я от удивления читал каждое его слово с широко раскрытыми глазами и ртом.

Впечатление от идей Фрейда было тогда настолько сильным, что я раздобыл где-то его портрет, вернее его серую копию, вставил в рамочку и повесил у себя над письменным столом.

Лицо Фрейда оказалось неожиданно красивым, торжественным, мужественным и конечно же умным. Все девушки, которых я приводил домой, спрашивали: кто это? Я им называл имя и сразу приступал к тактильному доказательству фрейдовского «пансексуализма обыденной жизни»…

Я насквозь пропитался теорией ошибочных действий, глядел на всякое несексуальное действие как на сублимацию сексуального и вообще получил от него убедительное благословение моего взирания на мир как на средоточие сексуальной деятельности даже тогда, когда она таковой не представляется.

Затем я прочёл *Толкование сновидений*, ухмыльнулся однообразному и универсальному символизму сновиденческих образов, потом постепенно добрался до разных фрейдовских эссе, а там уже и пришла пора сматываться из страны, где психоанализ был запрещён, а всех психоаналитиков уничтожили.

В 1980 году я из Америки впервые прилетел а Париж. Я гулял по набережной Сены после воплощения несвершившихся мечтаний Фрейда (о чём ниже) с помощью парочки проституточек. По пути я заходил в картинные галереи, и в одной из них оказалась выставка фотографий квартиры Фрейда перед самым его отъездом из Вены в 1938 году. Молодой фотограф Edmund Engelman делал фотографии квартиры Фрейда без вспышки, чтобы не привлекать внимания нацистов, наполнивших тогда улицы Вены.

Я купил афишу, которая теперь висит на стене над моим компьютерным столом. На афише воспроизведена фотография двери в квартиру, где проходила жизнь не только Фрейда, но и его семьи, друзей и последователей, а также пациентов.

Так что можно смело сказать, что жизнь моя окружена фрейдовскими символами. И дверь – это символ известно чего.

Вехи-подвохи

Без основных вех биографии Фрейда, увы, не обойтись. Хотя всегда следует помнить, что до 1970-х существовала негласная

цензура на биографию Фрейда и что само движение психоанализа систематически кастрировалось историками (1). И по сей день многие документы остаются недоступными.

Тем не менее многие факты замолчать не удалось. Например, что родился Сигизмунд Соломон (Шломо) Фрейд в 1856 году во Фрайбурге. Причём в семье мелкого и не шибко удачного еврейского торговца, которому было за 40, и его второй (или третьей? – это до сих пор покрыто мраком тайны) жены – 19-летней Амалии Натансон. С неё-то и тянутся российские корни Фрейда – Амалия была родом из городка Броды (могла бы и взять псевдоним – Бродская), в детстве жила в Одессе и купалась в Чёрном море. Вот и докупалась.

Отец Фрейда не мог оторваться от своей молодой жены и творил ребёнка за ребёнком: на следующий, 1857 год жена родила ещё одного мальчика. Фрейд, отличавшийся редкой памятью на детские события (как правило, человек не помнит практически ничего, что произошло до пяти лет), ужасно ревновал мать к братику, и мальчик умер через шесть месяцев. Вот и доревновался. Потом Сигизмундика мучили угрызения совести от испытанной радости, что конкуренция на мамино внимание уничтожена.

Все ютились в одной комнате, и потому Зиги (так звали Сигизмундика в детстве) оказался свидетелем родительской ебли. На него она произвела такое жуткое впечатление, что он на нём выстроил целую теорию, в которую, как в прокрустово ложе, запихал впечатления всех детей.

Фрейд натужно вспоминает младенчество и заключает, что в самом начале его жизни первой женщиной, кто дала ему познания в сексуальных делах, была няня, но в чём эти познания состояли, он не уточняет (1:16).

У Зигмунда было два сводных брата, Филипп и Иммануэль (от первого брака отца). Ходили и продолжают вышагивать слухи, что Филипп, которому было 24, поимел молодую жену отца Амалию, когда той было 23. Доказательств нет. Но как хотелось бы для смака, чтобы это было правдой, тем более что ничего естественней придумать невозможно. Автор книги (1) даёт такой аргумент против справедливости этих слухов: мол, мать Зигмунда из одной беременности впадала в другую и ей, мол, хватало одного оплодотворяющего мужчины.

Аргумент этот – чистая хуйня, говорящая о недостаточной «фрейдистости» биографа. Ведь беременная ещё больше горит еблей, так как она не боится забеременеть от чужого. Ведь это целых девять месяцев для беззаботных совокуплений. И менструаций нет, во время которых, по еврейским законам,

женщине нельзя раздвигать ноги. Ведь после зачатия, когда стоп кровям установлен, женщина свежа, без намёков на живот, полная молодой похоти для молодого самца. Именно потому, что Амалия была беременна, вероятность её связи с Филиппом растёт, а не уменьшается.

Так что вполне вероятно, что именно из-за этой связи Филипп и Иммануэль уехали в Манчестер заниматься текстильным бизнесом, а семья Фрейдов переселилась из Фрайбурга в Вену.

На померевшем братане дело не остановилось, и мать Фрейда родила Зигмунду пять сестёр и ещё одного, последнего, братика в 1866 году.

В 1942 году четыре из пяти престарелых сестёр были убиты в газовых камерах Освенцима.

Первенец Зиги был любимым ребёнком. Его сестра Анна, которой было 8 лет, занималась музыкой, но 10-летний будущий психоаналитик заявил, что бренчание на пианино мешает ему заниматься своими делами, и музыкальная жизнь Анны была уничтожена родителями на корню.

С юных лет Зигмунд брал на себя роль морального руководителя, причём весьма консервативного. Так, когда Анне было 15, он не позволил ей читать Дюма и Бальзака из-за их, как ему представлялось, непристойности. А когда Анне стукнуло целых 16, то из России (опять роковое российское влияние) приехал богатый дядюшка по матери и сделал ей предложение. Ему было всего-то 59 лет. Отец согласился, мать мудро не отказала, но решила посоветоваться с Зигмундом, который к тому времени был студентом на первом курсе университета. Он выдал отказ и сказал, чтобы похотливый старец отправлялся туда, откуда приехал. И выгодная помолвка сестры расстроилась. (Зигмунд, по-видимому, не хотел, чтобы сестра повторяла судьбу матери, вышедшей юной за пожилого отца. Но всё это было в глубоком, ещё не известном ему подсознании.)

Благочестие или благонравие, а точнее, невинность дошла у Фрейда до устрашающих (во всяком случае, по нынешним временам) размеров. До своей женитьбы в 30 лет он был скорее всего девственником и занимался лишь онанизмом, который он всю жизнь хулил и которым страшил всех вокруг. Всю свою энергию он тратил на занятия наукой (за вычетом на онанизм).

Прежние биографы были озабочены одним – как сделать самого Фрейда асексуальным – и изо всех сил избегали фрейдовских намёков на его мастурбацию. Мастурбирующий мальчик, а потом и юноша Фрейд – что может быть ужаснее, оскорбительнее и изничтожающе для психоанализа? (1)

Степень инфантильной невинности Фрейда проступает в

известном эпизоде, когда он, будучи 26 лет от роду, гулял со своей невестой Мартой по природе. Она пару раз отходила в сторону, чтобы подтянуть чулки. Фрейд хотел по-джентльменски отвернуться или хотя бы потупить глаза, но вместо этого осмелился (о нет, не залезть ей под юбку), а подглядывать за процессом подтягивания. А потом он многословно и долго извинялся перед невестой за своё преступление. Это в 26-то лет! Это врач, знающий женскую анатомию, да и мужскую!

С Мартой Зигмунд познакомился в 1882 году и пребывал в состоянии обручённости четыре года. Женился лишь в 1886 году, в 30 лет (деньги на женитьбу зарабатывал), причём виделся с невестой лишь считанные разы, так как Марта вскоре после их знакомства переехала с семьёй из Вены в Еамбург. Лишь благодаря их переписке удаётся получить представление (разумеется, искажённое) о том, что происходило в жизни Фрейда. Не будь их разлуки, не было бы и писем – чуть ли не единственного систематического свидетельства фрейдовского бытия того времени.

Став врачом, Фрейд возмечтал найти какую-либо идею, с помощью которой можно было бы стать знаменитым и сделать на ней большие деньги. Первой такой идеей стал кокаин. В те золотые времена этот порошок цвета белого золота был легален, повсеместно доступен и дёшев. Фрейд заметил, что принятие этого порошка спасает его от депрессии (ещё бы – сидел и дрочил, а потому мучился чувством вины) и делает его работоспособным. Он раздобыл литературу о кокаине и в 27 лет стал принимать его регулярно. Писал об этом своей невесте и предлагал ей щепотки. Фрейд думал, что открыл эликсир здоровья, молодости и сексуального возбуждения (1:55). Он пишет Марте, что наблюдал трёх человек, у которых появлялось сексуальное возбуждение от приёма кокаина (1: 57). Был ли Фрейд одним из них? А то, как он удовлетворял своё сексуальное возбуждение, нам уже известно.

При его девственном образе жизни ему вполне хватало возбуждения и без кокаина, либо кокаин позволял ему дрочить часами и это привлекало его? Он усиленно фантазировал об изнасиловании – именно так ему хотелось обойтись с Мартой. Кокаин помогал ему и здесь.

К 1887 году Фрейд осознал возникновение зависимости от кокаина и перестал упиваться его волшебными свойствами.

Его тяга к какой-либо зависимости переключилась на курево – он курил по двадцать сигар в день и в итоге докурился до рака рта, который его доконал. Фрейд считал, что все привыкания: к наркотикам, алкоголю, курению – это замена мастурбации (кто

про что…). Уж насколько более полезно для здоровья мастурбировать, чем курить, хотя в то время считали, что от мастурбации слепнут, сходят с ума и пр. А насколько она дешевле (20 хороших сигар в день – это ведь целое состояние за год) и, главное, приятнее.

В 1923 году у Фрейда появилась язва на нёбе, и после этого следовали одна операция за другой, пока не вырезали всё до костей, которые стали гнить и вонять (в конце концов даже преданная собака убежала из комнаты, где лежал Фрейд, не выдержав амбре), так что он, по старому договору со своим врачом, скомандовал: пора! – и попросил сделать ему укол со смертельной дозой морфия. Так в блаженных наркотических снах Фрейд умер 23 сентября 1939 года.

* * *

Отец Фрейда умер 23 октября 1896 года. (Не поэтому ли он приурочил свою смерть тоже к 23 числу?) Фрейд писал, что смерть отца – самая ужасная потеря в жизни мужчины. После этого он начал интенсивный самоанализ (уже можно было не бояться отца?). Самоанализ не через опиум или алкоголь, что было бы ненаучно, а через исследование своих сновидений (4).

Если бы Фрейд не разобрался в своих ранних сновидениях, то и психоанализа бы и не возникло (5: 3). Так, без снов Мухаммеда, в которых к нему являлся Гавриил, не было бы и ислама.

В 1885 году, став доцентом, Фрейд уничтожил все свои личные и научные бумаги за 14 лет. Пусть биографы помучаются, писал он (Фрейд был убеждён в интересе будущего к нему) и явно хотел что-то скрыть. (6:63)

Как можно было полагаться только на память, когда все записи уничтожены? Он мог «вспоминать» что угодно и что удобно, и никакого подтверждения этому найти стало невозможно.

До свадьбы Фрейд съездил в Париж – поучиться у Шарко. (О душе Шарко я слыхивал с детства и даже получал от него удовольствие в каком-то санатории.) Шарко использовал гипноз для выявления истерического поведения, а не для исследований личной жизни истерички.

Так, например, истерический паралич, который воспроизводил Шарко с помощью гипноза, возникал не из-за каких-то физиологических изменений в организме, а из-за просто-напросто внушённых идей. То есть физические феномены возникали из-за психических переживаний, неведомых

сознанию, – это стало большим открытием для Фрейда (1:66). И это было той грандиозной идеей, которую он давно искал, нажёгшись на кокаине.

А вот женщин в Париже, судя по всему, Фрейд для себя так и не открыл – он прятался от своих сексуальных желаний в науку. Теория о сексе стала для него убежищем от практики секса. Расхаживая лисой в винограднике Парижа, он писал:

> Уродство парижанок трудно преувеличить – ни одного привлекательного лица (3:75).

* * *

Если действительно Фрейд женился невинным (прямо как Нойс, см. с. 458–494 наст, изд.), то – самое интересное, – как они с Мартой разобрались в первую брачную ночь и двухнедельную медовую поездку, – остаётся неизвестным. Но идут слухи из воспоминаний одной пациентки (до сих пор не опубликованных), будто Фрейд ей поведал, что он женился не девственником.

Другой фрейдовский приятель устно сообщал третьему, что они вместе с Фрейдом ходили по борделям (1: 43). Вот теперь поди угадай, кому верить.

В 1898 году у Фрейда был вырезан большой фурункул на мошонке (5:205).

Весьма любопытно, что с промежутком в пару недель такой же фурункул в том же месте был вырезан у его друга, врача Fliess, с которым у него были чрезвычайно тёплые отношения. Некоторые биографы стремятся назвать их отношения гомосексуальными (9). Глядишь, заразились фурункулами друг от друга («притёршись» в дружбе). А скорее всего, выебли одну и ту же больную бабу.

Fliess придумал дурацкую теорию о связи носа с гениталиями, особливо женскими (принцип простой: всё связано со всем), Фрейд принял эту идею – главное, чтоб про гениталии. И даже позволил операцию на своём носе.

* * *

Фрейд, не имея никаких научных доказательств, а лишь на основе придумок, провоцируемых моралью того времени, считал, что мастурбация и использование презервативов ведёт к истерии. (Спасибо, хоть не писал, что это аморально.) Кроме того, секс с

избеганием оргазма (Нойс да тантра см. с. 458–494 наст, изд.), секс с вытаскиванием перед оргазмом он тоже считал вредными на основе тех же выдумок. В то же время Фрейд сетовал, что его жена отвращалась от орального секса (1:123), а он настаивал. Вопрос же в том, лизал ли он ей клитор или только требовал, чтобы она ему отсасывала? Об анальном сексе с женой Фрейд и не заикался.

С другой стороны, он мог ебать жену во время менструаций, наплевав на еврейский запрет, что он делал с другими еврейскими запретами и традициями. Фрейд вообще сторонился всяких иудейских религиозных церемоний и даже запретил Марте в первую их супружескую пятницу зажечь шабатные свечи, что для религиозной Марты было ударом. Но и с этим она смирилась, как и смирялась со всеми закидонами великого мужа.

Вследствие установленного Фрейдом единственного верного пути спермы (а именно, во влагалище), он против своей воли сделал шесть детей и переживал, как тяжело Марте вынашивать, рожать и ходить за каждым очередным ребёнком. А в промежутках, чтобы не допустить нежелательную беременность, Фрейд просто прекращал половую жизнь, мучая себя и жену. Так, согласно его признаниям, после пятого ребёнка в 1893 году, не желая использовать презервативов, он воздерживался от половой жизни, но не выдержал и в 1895-м зачал шестого – Анну, которая и стала его ангелом-хранителем, служанкой, медсестрой, коллегой, другом и ещё неизвестно чем.

Спрашивается, как он, не говоря уже о Марте, освобождался от похоти? Можно с усилием предположить, что Фрейд мог тайно ходить по борделям, как Эйнштейн. Но, в отличие от Эйнштейна, Фрейд был уж слишком закомплексованный. Так что вряд ли. Оставался старый и надёжный друг Фрейда – ненавистный, но неизбежный онанизм. А Марта, уверен, следовала желаниям её тела, а не теориям своего мужа.

* * *

Фрейд считал, что женщины не могут и не должны вступать в интеллектуальную конкуренцию с мужчинами, ибо их задачи иные.

> Женщины явились в мир для чего-то много лучшего, чем становиться мудрыми, —

писал Фрейд 17-летним (3:330). В 49 лет он сетовал, что женщины из-за подавляющего действия цивилизации, а также из-

за традиционной скрытности и неискренности по-прежнему живут за непроницаемой вуалью неизвестности (3:331).

А в 70 лет он писал:

> сексуальная жизнь взрослой женщины – неведомый континент для психологии (3:331).

И затем его знаменитая фраза:

> Самый большой вопрос, на который я не смог найти ответ, несмотря на мое тридцатилетнее исследование женской души: чего хочет женщина?

А ведь для понимания женщин надо было исследовать не душу, а *их* тело. Но Фрейд с юных лет всячески подавлял свои сексуальные желания, не мог выносить окатывающих его чувств, вызываемых даже музыкой, назидал своим приятелям о вреде любовных приключений да без устали ужасался онанизму.

Фрейд утверждал, что неврастению можно свести к вреду от прерывания полового акта (1: 103). Но что называть прерыванием, он не уточнял: для мужчины и для женщины это разные вещи – прерыванием мужчина считает, когда надо вытащить член и кончить наружу, а женщина считает прерыванием недоводку её до оргазма, даже если мужчина и кончает ей вовнутрь.

Мужчины были убеждены, что если мужчина кончит в женщину, то оргазм от этого ей гарантирован. Однако неврастения возникала у женщины из-за того, что она не испытывает оргазма, а не из-за того, что мужчина кончал наружу. Если же, с точки зрения мужчины, он не прерывал полового акта и кончал вовнутрь, то тут женщина не только оставалась без оргазма, но ещё и беременела. То есть удар по женщине был двойной. Или тройной – тут не только неврастенией, но и сифилисом заболеть можно, одновременно забеременев.

Фрейд не упоминал об использовании в своём браке женских механических противозачаточных средств: первобытных диафрагм, маточных колец и прочих вставок, которые были тогда в ходу. Он в письмах называл их неэстетичными (в пизду не нравилось смотреть, когда Марта вставляла) и якобы уменьшающими женскую чувствительность. Он предпочитал вообще прекратить совокупления, чтобы радикально предотвратить нежелательную беременность, обрекая Марту на радикальную неудовлетворённость.

* * *

Женившись, Фрейд открыл частную практику в Вене. Поначалу новобрачные жили бедно, в четырёхкомнатной квартире в хорошем районе. Пациенты были редки, и новобрачные жили в основном на деньги, взятые в долг. В какой-то момент Фрейду пришлось заложить свои золотые часы, а потом и женины.

Шестнадцатого октября 1887 года родилась дочка Матильда, в 1889-м – Мартин, в 1891-м – Оливер, в 1892-м – Эрнст, София – в 1893-м, и, наконец, Анна в 1895-м.

Марта кормила Матильду всего несколько дней, а потом наняла кормилицу – почему, не объясняется. Имена для детей выбирал сам Фрейд, не по еврейской традиции, используя имена предков, а по его личным предпочтениям. Матильдой звали жену его начальника-врача, которая принимала большое участие (половое?) в юном Фрейде, а следующего сына он назвал не по отцу Марты, что можно было бы ожидать по еврейской традиции, а дал ему имя Шарко: Jean Martin. Второго сына Фрейд назвал в честь Оливера Кромвеля и т. д. (3).

Марта, рожая, каждый раз извинялась перед повивалкой и доктором, когда она кричала от боли. Интересно, кричала ли она при оргазме и извинялась ли перед мужем? Или перед подслушивающими детьми?

Фрейд зря времени не терял – и делая детей, и в работе. Один его знакомый вспоминает, как он писал письмо другу, пока пациентка лежала на кушетке, погружённая им в гипноз (1).

Через некоторое время Фрейд снял новую большую квартиру, чтобы разместить в ней множащихся детей. Фотографию двери этой квартиры, в которой он жил до самого отъезда, я заполучил в виде афиши. Квартиру он снял сам, не посоветовавшись с Мартой, и в ней оказался лишь один туалет на десять человек (восемь членов семьи плюс служанка с гувернанткой), да и пациентам надо было пописать. Устроил себе советский образ жизни. Можно представить себе коммунальную загруженность фрейдовского унитаза.

У Марты была сестра Минна, у которой расстроилась помолвка, и замуж она так и не вышла. Зато она стала жить в квартире Фрейда кем-то вроде подруги семьи. Но именно с ней Фрейд обсуждал свои теории и мысли. Жена возилась с детьми, с домом и не проявляла интереса к психоанализу. А Минна стала для Фрейда незаменимой для разговоров на всевозможные темы. Дошло до того, что он две недели путешествовал вдвоём с Минной по Италии, и она осталась в санатории лечиться от якобы

воспаления в груди, а скорее всего, как я предполагаю, сделала аборт от Фрейда. Она приходила в себя там шесть недель.

На 1998 год переписка Фрейда и Минны была недоступна для исследователей, хранилась в тайне. А что хранить-то? Доказательство, что Фрейд был нормальный мужик, ебя льнущую к нему пизду? Но именно сексуальность Фрейда страшит моралистов больше всего. Они хотят, чтобы Фрейд оставался кабинетным теоретиком, а не постельным практиком. Что, похоже, и было на самом деле.

Чтобы убедить мир, что Фрейд был всё-таки не чужд внебрачному сексу, хотя бы в мечтах, один его коллега вспомнил, как заметил у Фрейда вставший хуй, когда тот закончил сеанс психотерапии с красивой истеричкой. Это для меня говорит лишь о том, что пациентку он не выеб, иначе бы он вышел с обвисшим хуем.

Фрейд сидел у изголовья лежащей на кушетке пациентки, а не у ног и не посередине, потому что одна из пациенток однажды попыталась соблазнить Фрейда, задрав юбку, когда он привычно сидел у её ног. С тех пор Фрейд, а за ним и все психоаналитики пересели к изголовью пациенток, чтобы не поддаться соблазну.

А когда пациентка пыталась соблазнять Фрейда, открывая рот и высовывая язык, то Фрейд, недополучивший от жены оральный секс, а потому считавший его ненормальным, не реагировал на рот как на пизду и не стремился в него засунуть. Впрочем, оральное соблазнение пациенток не основано ни на воспоминаниях современников, ни на собственных замечаниях Фрейда, а лишь на моих фантазиях на тему Фрейда и его сексуальной жизни.

Если Фрейд не вставлял хуй в женщин, то он явно и наверняка получал великое наслаждение от умственной ебли (brain fucking). Фрейд анализировал любовниц своих учеников и тем самым обретал над учениками власть, узнавая о личной жизни их женщин многое, о чём любовники и не догадывались, а также о личной жизни самих учеников через рассказы их любовниц. Все пациенты Фрейда не вылезали в своих разговорах из секса, а если вылезали, то Фрейд своей неизбежной сексуальной символикой загонял их обратно.

Так как Фрейд принимал пациентов у себя в квартире, то, когда он возбуждался от сексуальных разговоров с очередной красивой пациенткой, ему было очень удобно заскочить в другую комнату и выебать жену, мечтая о пациентке. Таким образом, он оставался верным жене и жил беспроблемной жизнью, полной сексуальных фантазий, сексуальных раздумий, исследований и просто разговоров «за секс».

Известен случай, когда отношения с влюблённой в него пациенткой на курорте приобрели опасный для невинности Фрейда характер. Марта нагрянула по наводке и переняла его сдерживаемое семя в себя (1).

* * *

Фрейд писал о разочаровании сексуальной жизнью в браке, которая может удовлетворять только первое время. Затем брак превращается в поражение в борьбе за удовлетворение сексуальных желаний, на что так самодовольно претендовал поначалу.

Охлаждение между супругами Фрейд приписывает единственной причине – паническому страху перед нежелательной беременностью, а потому вынужденному воздержанию. Он жалуется, что имеющиеся контрацептивы убивают ощущения супругов, и потому отвергает гондоны и прочие штучки. И так как супруги вынуждены сдерживать похоть, то у них возникает неприязнь друг к другу, и потому брак вовсе не выполняет обещания удовлетворения похоти, на выполнение которого полагались молодожёны. Так что в конце концов после нескольких лет брака, наделав детей, супруги опять у разбитого корыта да только ещё и без всяких надежд и иллюзий (3: 90–91).

Но Фрейд явно не исчерпал всех причин охлаждения в браке и даже не затронул главную. Интересно, читал ли Фрейд *Тайные записки 1836–1837 годов* Пушкина – там эти причины изложены более внятно и обоснованно. А потому неудивительно, что в письмах друзьям Фрейд жаловался на полное исчезновение сексуального интереса, оправдывая такое состояние своё импотенцией и загруженностью работой (3).

Получалось, что Фрейд в своём сексуально омертвевшем браке умышленно обрекал себя на сексуальную неудовлетворённость, отказываясь от многочисленных предложений пациенток и прочих возможностей, увеличивающихся с ростом его славы. Как известно, Фрейд считал, что цивилизация строится на подавлении сексуальных желаний и сублимации в высшие области. Он считал, что редким людям удаётся полностью сублимироваться, и себя он помещал среди этих редких людей.

* * *

Со своими детьми Фрейд о сексе не разговаривал. Мартин вспоминает, что ни Фрейд, ни Марта никогда и ничего не объяснили ему о сексе. Оливер в 16 лет хотел проконсультироваться с отцом о мастурбации. Отец запретил ему этим заниматься, что сразу же возвело стену отчуждённости между отцом и сыном (3: 292). (А я вот с детства был убеждён, что мастурбация – это хорошо, и к запретам относился с удивлённым презрением.) Исключение Фрейд делал для дочек, для Анны – уж точно.

Фрейд был уверен, что сыновья его, согласно Эдипову комплексу, стремятся конкурировать с отцом, и потому он обеспечил, чтобы ни один из трёх не стал заниматься психиатрией или какой-либо медициной. (У меня не было желания конкурировать с папой, разве что в количестве женщин, и то это получалось непроизвольно, да и надо ли каждое желание сына рассматривать в постоянной связи с отцом?)

Фрейд не позволял и не любил, когда матери и отцы были нежны с ребёнком – это, мол, раньше времени развивает детей сексуально, а это его явно пугало (3:295).

Вероотступники

В отличие от Фрейда, многие его последователи вовсю пользовались пациентками, более того, такая возможность являлась для них стимулом заниматься психоанализом. Фрейд же не желал высвобождения сексуальных желаний с помощью психоанализа – он, наоборот, хотел научить своих подопечных аналитиков сдерживать свои желания, а не поддаваться им (1:215). Делал он это личным примером, но, к счастью, тщетно. Например, в 1908 году проходил первый конгресс психоаналитиков в Зальцбурге. Все участники (кроме Фрейда?) еблись напропалую и вытворяли сексуальные эскапады.

Невеждам казалось, что Фрейд призывает к сексуальной революции. В действительности же, печась о сохранении цивилизации и о благопристойной научности психоанализа, он хотел в обществе оставить всё как есть. Идея была – помогать отдельным людям. Но, раскрыв людям глаза на секс и вдохновив их раскрывать рот о сексе, он спровоцировал изменения в общественном укладе, и не революционные, а эволюционные, то есть именно те, что и хотел..

Fritz Wittels, врач и писатель, в 27 лет написал эссе о любовнице (не своей) Ирме, которая с малых лет еблась с великим наслаждением и была не только не подавлена, а весьма

спокойна и без всяких неврозов, хотя общество и назвало её блядью. Wittels приводил образ жизни этой женщины как пример идеальной сексуальной жизни, взывая к сексуальной революции. На что Фрейд, в то время 51-летний, заявил, что в его намерения не входит вести мир к безумию, а, наоборот, – позволить мужчинам и женщинам сознательно решить, что делать и что не делать (4:171).

Тогда спрашивается: а что, если мужчины и женщины сознательно решат, что им хочется заниматься безумной еблей? Это ведь и есть форма сексуальной революции. Причём ебля безумная, охватив большинство, превратится в умную.

Над Wittels издевались, потому что его широкозагребущие идеи отражали лишь его собственные сексуальные нужды и потому отвергались Фрейдом и фрейдистами. (А ведь Фрейдовы идеи отражали тоже лишь сексуальные нужды самого Фрейда.)

Фрейдистам пришлось раздумывать над тем, что если социальные нормы являются причиной неврозов, то получается логичным, что надо атаковать эти социальные нормы. Будет ли общество психоаналитиков (группа) атаковать и до каких пределов? (4:173) Wittels не заботился тем, чтобы поддерживать общество психоаналитиков и больше интересовался практическим применением сексуальных открытий, а не мёртвой теорией. Фрейд же настаивал на том, что научные исследования должны привести к социальным реформам, а не наоборот. Так что Wittelsa погнали из фрейдистов.

Другой ебучий аналитик Otto Gross на одном из собраний фрейдистов поднял тост за Фрейда как революционера в морали. Фрейд сухо отреагировал:

> Мы – врачи, и наше намерение оставаться врачами (4:226).

Gross считал, что общество, свободное от подавления секса, избавится от неврозов. Своё кредо он воплощал в открыто сексуальных: отношениях с пациентками и его последователями. Он вовсю пользовался влюблённостью, которая почти всегда возникала у пациентки к её психоаналитику. Ещё бы, мужчина провоцирует женщину на полную откровенность о её сексуальной жизни, а она, вследствие своей сути, по-пустому болтать не может, ей надо сразу наполниться содержанием врача. Вот эту влюблённость Фрейд назвал «переносом». Он решил считать, что свою похоть на истинный объект (конечно же отца) женщина переносит на близсидящего аналитика. А в народе про такую ситуацию давно говорят, что любовь лечится только другой любовью. Так что переноса, другой новой любви надо не бояться,

а пользоваться ею.

> По сути дела, излечение происходит через любовь, —

говорил сам Фрейд о переносе (8:163).
Карл Юнг доносил Фрейду о Гроссе:

> Доктор Гросс говорит мне, что пресекает перенос с помощью превращения людей в сексуальных аморалистов. Гросс говорит, что перенос на аналитика и настойчивая фиксация являются символами моногамии, а значит, являются симптомами репрессии. Истинное здоровое состояние для невротика – это сексуальная аморальность (4:231).

(Плохо только то, что Гросс злоупотреблял кокаином и морфием и попадал раз за разом в больницу. Но я-то не злоупотребляю ничем – я только доброупотребляю и во многом согласен с Гроссом, в особенности в методе его лечения пациенток – не болтовнёй, а еблей.)

С распространением психоанализа к 1911 году многие аналитики рекомендовали активную сексуальную жизнь как лекарство (4: 329). Но прописать лекарство – это одно, а найти его, купить или украсть – это другое дело. Рекомендуя еблю, врачи не предоставляли пациентам ёбарей и ёбариц, в лучшем случае они предлагали себя, часто непривлекательных и неумелых.

Вильгельм Райх (см. с. 291–331 наст, изд.) утверждал, что если пациент не может достигнуть оргазма, то никакой психоанализ не поможет, и он останется невротиком. А также, что навязчивая тревога и беспокойство, характерные для невротиков, – это результат подавленного сексуального желания, а не прочих выдумок (4: 390). Райх активно ёб пациенток, так что и его погнали из фрейдистов.

Дела американские

В 1909 году Фрейда пригласили читать курс лекций в Clark University США. Дневник, который он вёл на корабле по пути в Америку, находится в Библиотеке Конгресса запечатанным и недоступным (1). Опять охраняют нравственность: чем же он занимался на корабле? Небось с пассажирками шуры-мурничал. Или на верхней палубе онанизмом прилюдно занимался.

Если в Европе многие смотрели на Фрейда сверху вниз, то в Штатах его восприняли на равных и с искренним интересом. Однажды в университете, в котором Фрейд читал лекции, он поднимался по лестнице и курил сигару. Ему указали на знак «Не курить». Фрейд кивнул и продолжал курить. Так он делал все остальные дни (1: 260). И ему прощали. Американское гостеприимство, не иначе.

Фрейд успел за краткий срок пребывания в Америке подсмотреть её сексуальную суть. Вот что он писал:

> Сексуальная мораль, как её определяет общество, и в особенности американское, – омерзительна для меня. Я за гораздо более свободную сексуальную жизнь. Однако сам я не использовал эту свободу, ибо я точно знал свои границы в этой области (1:311; 6:51).

Фрейд успел подметить, что американские женщины водят мужчин за нос и делают из них дураков. А в Европе, мол, руководит мужчина, и только так и должно быть (1: 355). Равенство же между полами, по убеждению Фрейда, практически невозможно.

Фрейд считал, что жажда доллара у американцев сделала их ханжами и их либидо израсходовано на делание денег (2).

Чистота теорий Фрейда и опасение скомпрометировать их в глазах учёного и простого мира заставили Фрейда отказаться от американских денежных предложений. Так, в 1924 году, нуждаясь в деньгах, Фрейд отказался сначала от большой суммы, предложенной журналом *Cosmopolitain*, затем от ещё больших денег, предложенных газетой *Chicago Tribune*, а потом и от целого состояния, предложенного киностудией *Goldwyn* в Америке, где продюсеры разного рода хотели эксплуатнуть лишь имя Фрейда, не уделяя серьёзного внимания его теориям.

Возлюбленная дочь

Фрейд подверг психоанализу любимую дочь Анну, прямо и косвенно препятствуя ей выйти замуж, чтобы держать её при себе. Проводить отцу анализ дочери является разрушением основ психоанализа, но Фрейд и Анна тайно этим занимались. А это значит, что отец вынуждал, а дочка радостно подчинилась и поведала о самых интимных подробностях своей сексуальной жизни, которая состояла из мастурбации и садо-мазохистских фантазий. Фрейд написал статью про некую девушку, которая хочет быть высеченной и получить от этого сексуальное

наслаждение. Анна позже пишет свою первую статью про якобы пациентку, которая тоже хочет быть высеченной. Из этого можно заключить о характере фантазий Анны. Детальное знание интимной жизни своей дочери ещё более связало Фрейда с Анной (1:326).

Анна была идеальная апостолица. Нежеланный последний ребёнок вырос в самого желанного и нужного для отца. Марта не любила её, что было трагедией для Анны. Даже её тётка Минна, жившая в квартире Фрейда, тоже не любила её. Зато в отце она нашла свою любовь и жизненную цель.

У Анны образовалась патологическая одержимость чистотой. Быть чистой означало для неё завоевать любовь или хотя бы приязнь. В отрочестве она была подвержена депрессии, так как мечтательность украшалась мастурбацией, а последняя порицалась папой.

Анна «отдалась» на анализ папаше в 23 года, переливающаяся через края виной из-за занятий мастурбацией. Анализ продолжался четыре (!!!) года. Всё тщательно скрывалось, и об этом стало известно лишь в 1960-х годах.

Анна написала эссе о некой молодой женщине (а в действительности – о себе), которая с пяти лет представляла себе мальчика, избиваемого взрослым, и это её сексуально возбуждало. Когда Анне было пять лет, от Фрейдов ушла нянька – единственная, кто была с ней ласкова и нежна. Фрейд, разумеется, связал это событие с фантазией Анны. Фрейд рассматривал мастурбацию не как удовлетворение похоти, а как невротическую реакцию и требовал отказа от неё. Поэтому сексуальное наслаждение Анны было завязано с резким чувством вины.

Разумеется, вся её девичья похоть и нежность обращались на отца. Фрейд растолковал, что всё битьё мальчиков – это замаскированная любовь к отцу, которая наказывается. Он в этом убедил и саму Анну (3:304). Однако, почему именно мальчик, он не объяснил, а просто навязал ей свою формулу.

У Анны возникли влечения к нескольким мужчинам и женщинам, которые Фрейд хитро пресекал и придерживал дочку для себя. Даже непонятно, была ли она девственницей или успела с кем-то переспать. Вместо того чтобы дать дочери хороший хуй или хотя бы женский язык, он мучил её своими выдумками, а в итоге она сделалась его нянькой и служанкой. Неплохо выдрессировал, если полагать, что она это делала не через силу, а считала великой радостью (3: 304).

Когда после операции Фрейд вынужден был носить

специальный протез, отделяющий носоглотку от рта, то вынимать этот протез каждый день, мыть и вставлять обратно ему самому было невозможно, требовалась помощь. Фрейд настоял, чтобы не медсестра, а только Анна снимала его протез во рту. Он поставил условие, чтобы никаких дочерних сентиментальностей она не проявляла, а по-деловому ухаживала за ним.

В итоге Анна в 1927 году сама издала книгу о методологии психоанализа ребёнка.

Будучи сексуально либеральным лишь в теории, Фрейд не хотел, чтобы у его дочерей были любовники. Если они были, то об этом Фрейд знал из исповедей Анны. Недаром она подвергла цензуре письма Фрейда, изымая из них всё, по её мнению являющееся компроматом.

То есть забота об архиве Фрейда заключалась, с точки зрения Анны, не в том, чтобы всё напечатать как есть без искажения и утайки, а в том, чтобы не позволять узнать правду о Фрейде и её отношениях с ним и тем самым способствовать распространению лжи об её отце.

Победа литературы над наукой

Неслучайность того, что именно Маркс, Эйнштейн и Фрейд повели человечество новыми путями, можно объяснить их еврейством, о котором Фрейд сказал так:

> Благодаря своему еврейству, я обладал двумя важнейшими чертами характера, которые оказались необходимыми в моей трудной жизни. Из-за того, что я еврей, я был свободен от предрассудков, которые затемняют разум прочих. И будучи евреем, я был готов к неприятию меня и моих теорий (2:25).

Все трое были кабинетными учёными и не могли представить практические последствия, к которым приведут их теории: Марксовы – к убийственным коммунистическим режимам, Эйнштейновы – к атомным бомбам, лазерам и прочим чудесам, Фрейдовы – к открытости и безгрешности сексуальной жизни. К этим последствиям вело Провидение, и теории еврейской троицы были нужны Провидению лишь для подготовки общества к свершению неких задач и – в случае Фрейда – к подготовке общества для выведения сексуальной жизни из болота запретов и предрассудков. Осуществилось это с помощью ставших приемлемыми непрестанных разговоров о сексе, которые притупили настороженность общества к этой теме, и таким

образом секс ринулся в обыденную жизнь не как враг и дьявол, а как друг-любовник и бог. Приемлемость разговоров о сексе возникла благодаря научности Фрейдова лексикона и стройности теории. Психоанализ стал универсальным предлогом, а также бесплатной индульгенцией для открытого разговора о сексе. Более того, психоанализ разоблачал убожество сексуальной жизни тех, кто пытался этими разговорами пренебрегать.

Помимо научности изложения, важнейшую роль играл литературный талант Фрейда. Если бы психоанализ был бы изложен скучно и сухо, то он бы не воспринимался широким кругом людей. Фрейд же был весьма талантливым писателем, и его теории были увлекательны и убедительны даже для непрофессионалов. Примечательно, что Фрейд мечтал о Нобелевской премии по науке, но вместо неё получил в 1930 году Литературную премию имени Гёте. Это была большая честь, но денег она давала мало. Нобелевская же премия интересовала Фрейда во многом из-за денег.

Если литературный дар Фрейда был очевиден, то научный вызывал сомнения даже у него самого: в письме другу Фрейд писал, что он вовсе не учёный, а искатель новых впечатлений и приключений (1:142).

Наука ответственна перед реальностью своей обязанностью оставаться в пределах реальности, литературе же нет дела до реальности, и если она увлекательна, то она сразу становится реальной.

Фрейд увлёк людей своей литературой с помощью секса и таланта, не заботясь о реальности, но опасаясь и сторонясь её.

Великие последствия, явившиеся из теорий Фрейда, выявляют несущественность самих теорий, которые представляются лишь как предлог, метод для чего-то значительно большего. Так динамит, взорвавший плотину, не имеет прямого отношения к наводнению, вызванному разрушением плотины. Динамит мог взорвать что угодно. Как «динамит» теорий Эйнштейна создал совершенно новый ландшафт бытия не только в физике, но и в обыденной жизни, так и «динамит» теорий Фрейда изменил ландшафт личной и общественной жизни.

Сами теории Фрейда с течением времени видятся «мелкокалиберными», по сравнению с эффектом, который они произвели. Ничтожность личного сексуального опыта у Фрейда с женщинами сделала большинство его постулатов, касающихся физиологии, неверными, а многие, касающиеся бессознательного, остаются бездоказательными.

Вот краткий перечень физиологических заблуждений:

1. Вред мастурбации. (Теперь её стали принимать на ура! И давно пора.)

2. Вред прерывания совокупления и выплеска наружу. (Big deal – теперь взрослые учатся у школьников, которые сделали оральный секс сладкой заменой неуместному или преждевременному совокуплению.)

3. Вред презервативов и прочих механических контрацептивов. (Презервативы теперь являются панацеей от венерических заболеваний, которые тебе всучают на каждом углу.)

4. Инфантильность клиторального оргазма и обязательность перехода оргазма в вагинальный для созревшей женщины.

Фрейд нафантазировал такое:

> …с переходом к женственности клитор совсем или частично уступает влагалищу свою чувствительность, а следовательно, и значение (7:373).

О якобы потере чувствительности у клитора мог говорить только мужчина, который никогда им не занимался вплотную (см. *General Erotic*. 2005. № 131) либо не умел и не знал, как к нему прикасаться. Или стеснялся. Или ему было противно. В любом случае, как бы парадоксально это ни звучало, в сексуальном смысле Фрейд был недоумком.

Скорее всего, его заблуждение по поводу уменьшающейся важности клитора произошло вследствие того, что у своих маленьких дочурок он наблюдал важность клитора, когда они мастурбировали и не отнимали от него пальчиков. Со взрослыми же женщинами у него опыта не было – одна жена, которая явно была сексуально скованна (вернее, он её сексуально сковал) и врала ему про неважность клитора, да и он вряд ли лизал его. Марта если и получала оргазм, то скорее всего от трения клитора во время совокупления или как-то сама приголубливала клитор. А Фрейд лишь убеждался, что оргазм пошёл как процесс – из пизды.

Чуть бабы-пациентки обмолвливались о мастурбации, то Фрейд сразу выносил приговор, что они не развились сексуально, и бросался их лечить, вешая им на уши лапшу о ничтожности клитора в деле наслаждения у взрослой женщины и о архиважности влагалища. А влагалище-то не только заманивает в себя хуй, чтобы направить сперму к матке, но и чтобы привлечь хуй поближе к клитору, коль мужик свой язык жалеет.

Скольким женщинам Фрейд испортил жизнь, натравляя их

против клитора как врага (мол, всего лишь маленький хуй), и что, оргазм обязан быть только вагинальный, которого многим женщинам не достичь без обманного попутного трения клитора. Фрейд либо этого не знал вследствие своего сексуального невежества, либо делал вид, что не знал, как он часто умудрялся делать (например, будучи врачом, он «прятал голову в песок» и «не замечал» собственный рак нёба, пока пока тот не принял такой формы, не видеть которую может лишь слепо-глухо-немой).

Французская принцесса Мари Бонопарте (пациентка и преданный друг Фрейда) настояла на операции, чтобы сместить клитор ближе к влагалищу, во имя лучшего возбуждения при совокуплении – благо денег навалом. Но не помогло (2, 77). Эти операции были в то время популярны среди женщин, хотевших во что бы то ни стало кончать только от совокупления, как требовал Фрейд.

Говоря с женщиной на интимные темы, никогда не следует ожидать, что она скажет тебе полную правду, – в лучшем случае это будет полуправда. Она будет выдавать то, что ей выгодно, то, что от неё ждут, и тем более, если она хочет переспать с психотерапевтом, который словесно копается в её половых органах. Она будет говорить то, что, по её мнению, возбудит его и притянет к ней.

Так, одна баба нарочно пришла к Фрейду, чтобы укорить его метод. Она жаловалась, что вдруг стала бояться собак. Когда Фрейд объявил, что это связано с её мужем, и спросил о времени, к которому она может отнести начало этой фобии, она сказала, что это совпало с её замужеством. «Вот видишь!» – торжествующе обратился к своему партнёру Фрейд. А баба только хихикала внутри, так как она всё это придумала.

Однако Фрейд продолжал строить свои теории на болтовне больных, и в основном баб, и если эта ложь укладывалась в логику его собственных фантазий, то он её трактовал и как источник научной информации, и как доказательство его художественных измышлений.

5. Вред «первичной сцены». Увидеть впервые ебущихся для ребёнка якобы непременно разрушительно для его психики. Фрейд в 7 лет нарвался на ебущихся родителей и сразу описался, вернее нарочно пописал на пол (9). Это вместо того, чтобы обрадоваться увиденной тайне, раскрытие которой предстоит ему в будущем. Первичная сцена может быть вдохновением, а не шоком. Так что родители должны всегда ебаться при ребёнке, и тогда он с младенчества будет считать совокупление

нормальным действием и никакой искусственной травмы не произойдёт.

6. Все неврозы якобы являются результатом растления ребёнка взрослым. Слава богу, через несколько лет Фрейд одумался и похерил эту теорию. А в США в 1980-х начались судебные процессы, на которых взрослые дочери обвиняли старых отцов в том, что те их насиловали в детские времена. Таким способом эти недоёбнутые бабы хотели оправдать свою ничтожную жизнь и якобы вспоминали то, что подавляли в себе. Разумеется, никаких доказательств, кроме воспоминаний, эти бабы предоставить не могли, но зато в тюрьму упекли массу невинных отцов. Американская антисексуальная мораль опять потирала мозолистые руки.

7. Якобы мальчик боится кастрации как наказания за мастурбацию, когда он видит голенькую девочку. Её пиздёнка представляется ему отрезанным хуем, и мальчик ужасается своей неотвратимой судьбе и сразу получает невроз. А девочка якобы завидует мальчику, увидев его хуёк, и всю жизнь мечтает его заиметь, чувствуя себя неполноценной.

На самом же деле всё проще и сексуальнее: мальчик, онанируя, хочет засунуть, а девочка, мастурбируя, хочет вобрать в себя хуй. Вот и весь страх, вот и вся зависть.

Разумеется, доктрина про женскую зависть к хую не имела никаких научных обоснований в практике Фрейда и была лишь результатом духовной ебли Анны (иначе психоанализ не назовёшь).

8. Фрейдистская символика половых органов настолько безгранична, что ими в сновидениях может быть практически любой предмет. Если это какая-либо полость, то это женские половые органы. Если это какая-либо выпуклость или протяжённость, то это обязательно хуй. А потому анекдот про кирпич, который олицетворяет для солдата пизду, ибо он всегда о пизде думает, иллюстрирует то, что сексуальное желание не обращает внимание на предмет, а норовит каждый попавшийся на глаза приспособить для своего удовлетворения. А потому любой символ можно легко свести к удовлетворению сексуального желания, коль оно имеет место (7: 97–98). А раз сексуальное желание удовлетворено, то, получается, и сновидения должны

исчезнуть.

Правда, потом Фрейд допустил, что и про смерть тоже может сниться. И если сновидение охраняет наш сон, исполняя «виртуально» желание, которое мы в бодрствующем состоянии удовлетворить не можем, то сновидения о смерти должны сохранять нашу жизнь.

9. Фрейд писал:

> …как только соответствующие бессознательные процессы сделаются сознательными, симптом должен исчезнуть… Наша терапия действует благодаря тому, что превращает бессознательное в сознательное, и лишь постольку, поскольку она в состоянии осуществить это превращение (7:178).

Лечение психоанализом, как показала практика, было настолько малоэффективным, что редчайшие случаи так называемого излечения можно было приписать не психоанализу, а чему угодно.

В 1937 году Фред написал эссе об успешности лечения психоанализом. Приводил в пример всего четыре случая, из которых только два можно было считать условно успешными (3: 367). Он сам задавался вопросом: почему психоанализ занимает так много времени, почему процесс психоанализа так сложен и почему результаты так неточны и неопределённы? Объяснения этому он выдвигал просто смехотворные.

Однако Фрейд настоятельно оговаривал, что

> …вы не можете объяснить терапевтическое воздействие анализа разрешением сексуальных наслаждений (7:278).

И далее:

> …Люди… заболевают вследствие вынужденного отказа от чего-то, когда реальность не даёт удовлетворения их сексуальным желаниям (7:191).

В таком случае, может ли у педофила образоваться невроз из-за того, что он вынужден отказаться от ебли девочек? И как его лечить? Это должен быть только латентный педофил, так как активному педофилу будет нечего вытеснять, и он будет вполне психически здоровым, если следовать фрейдистским основам терапии.

Критерий правильности любой медицинской терапии – это выздоравливаемость пациентов. Этот критерий в психоанализе совершенно не соблюдался. А значит, это была не медицина, а лишь заговаривание зубов или зубастых пизд.

> 10. Фригидность женщин. Термин, который Фрейд нередко и сладострастно употреблял. Об этом мифе я уже изрядно понаписал, но лучше всего об этом говорят сами женщины, презрительно взирая на того мужчину, который воспользовался этим термином, чтобы объяснить свою сексуальную несостоятельность (см. *General Erotic.* 2004. № 119).

Порнография психоанализа

Анна писала:

> Моя мама верила не в психоанализ, а в отца.

А сама Марта как-то сказала с удивлением своему мужу:

> Если бы я не видела твоей одержимости психоанализом, я бы подумала, что психоанализ – это просто порнография (3: 92; 6:51).

Марта в этой фразе нашла истинную суть, которую сама не заметила и не осознала, что за неё сделаю я. Содержание психоаналитических экзерсизов, а также разговоры, которые велись с пациентами и являлись порнографией, замаскированной научной терминологией. Психоанализ оказался лишь методом повышения терпимости к сексу в сознании людей с помощью насаждения «научной» порнографии. И если в те времена для открытого разговора о сексе требовалась научная маска, то теперь маска эта сорвана технологией, обеспечивающей бесплатную порнографию в Интернете!

По сути дела, сексуальная революция началась в головах, в осознании, что ебля – это хорошо, а не плохо и что о ней можно говорить вслух, причём бесконечно и в подробностях. Это сделала литература. А за ней последовала сама ебля, подстёгиваемая вспыхнувшим пожаром порнографии.

Величие Эйнштейна стало всем понятно, когда сбросили атомную бомбу. Величие Фрейда стало всем понятно, когда стала общедоступна и повсеместна порнография.

Как бред иудаизма (см. с. 188–210 наст, изд.) держал людей с

богоданной генетикой вместе, не позволяя разбазарить гены на инородцев и заставляя сохранять их среди соплеменников многие столетия, так и бред психоанализа объединил людей в думах и болтовне о сексе, тем самым секс легализуя, делая обыденным, усиливая мощь и зримость этого чуда.

Фрейд разрушил психологические табу вне зависимости от того, насколько они научно обоснованны: он ввёл детей в сексуальный оборот, позволил говорить об инцестуозных влечениях и размыл границы между сексуальными извращениями и нормальной половой жизнью – тем самым он снял запрет на открытое обсуждение всех сторон секса. А это и есть самая главная терапия неврозов и прочих психических болезней – сначала начать говорить, а там уже и делать. Преступлен стыд, страх, религиозный запрет.

Демократизация секса заключается в том, чтобы позволить так называемые «извращения», доступные лишь сильным мира сего, всем людям. Так, в мифологии кровосмешение среди богов было нормой, а брак с сестрой был позволен у древних фараонов и у инков в Перу (см. 7:213).

* * *

Наличие разнообразной и доступной порнографии гарантирует, что первое совокупление не будет таким безнадёжным, как бывало раньше. Теперь парочка зрительно прекрасно представляет, как должно происходить совокупление, и у неё есть необходимые знания для успеха.

Если религия позволяет нам говорить о потустороннем, о жизни после смерти, о верховных существах, то психоанализ позволил нам с религиозным запалом утверждать вездесущность секса как божественного духа и потому дал возможность людям открыто обсуждать темы секса (то есть темы инобытия) в противовес материализму общественной жизни.

Нынешняя повсеместность использования слова sexy (см. *General Erotic*. 2003. № 86) – как раз и указывает на пансексуализм, протащенный Провидением с помощью Фрейда.

Фрейд был лишь «троянским конём», который Провидение принесло в дар обществу, сопротивлявшемуся сексу. «Троянское» общество впечатлилось грандиозным видом «научности» коня и впустило его в себя. А ночью из живота этих теорий выскочила порнография и всех покорила.

Цели Провидения нам знать не дано, но результаты его вмешательства мне очевидны: общество когда-нибудь избавится

от сексуального стыда и вины, а также поставит сексуальное наслаждение партнёров основой правомерности любых сексуальных отношений.

Так что Фрейд не ведал, что творил. А ведало лишь Провидение, которое использовало Фрейда как средство, оправданное высшей целью.

ИСТОЧНИКИ:

1. *Paul Ferris.* Dr. Freud, a life. Washington, D.C.: Counterpoint, 1998. 464 p. ISBN 1-887178-72-4.

2. *Mark Edmundson.* The death of Sigmund Freud: the legacy of his last days. New York: Bloomsbury, 2007.276 p. ISBN 978-1582345376.

3. Freud. Darkness in the Midst of Vision by Louis Breger. New York: John Wiley and Sons, Inc., 2000. 472 p. ISBN 0-471-31628-8.

4. *George Makari.* Revolution in Mind. The Creation of Psychoanalysis. HarperCollins, 2008. 614 p. ISBN 978-0-06-134661-3.

5. *Peter M. Newton.* Freud. From Youthful Dream to Mid-Life Crisis. New York; London: The Guilford Press, 1995. 298 p. ISBN 089862293X.

6. *Rondald W. Clark.* Freud. The Man and The Cause. New York: Random House, 1980. 652 p. ISBN 0-394-40983-3.

7. *Фрейд Зигмунд.* Введение в психоанализ / Лекции. М.: Наука, 1989.456 с. ISBN 5-02-013357-4.

8. *Эткинд Александр.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. С.-Петербург: Медуза, 1993. 464 с. ISBN 5-87775-001-1.

9. Exiles from History, by David McCalden. Sigmund Freud http://www.historiography-project.com/books/ exiles/ 06freud.html

10. Sigmund Freud: Analysis of a Mind. 1995. DVD.

Фурункулёзный коммунизм

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2009. № 204. Нумерованный список литературы см. в конце исследования; при отсылке на него в скобках указан номер работы или работа и цитируемые страницы.

Картина Васнецова *Три богатыря* была откорректирована Вагричем Бахачняном, который поместил волосатый мордоворот Маркса вместо святого лика Ильи Муромца.

Двумя другими богатырями я размещаю по бокам Фрейда и Эйнштейна, о которых я уже писал. Итак, получается, что я завершаю эту картину под новым названием: «Три еврейских богатыря, которые потрясли мир».

* * *

В годы хрущёвского потепления был издан том Маркса *Ранние произведения*. Это был дополнительный ненумерованный том к его собранию сочинений. Именно его посоветовали мне почитать. Отношение к Марксу у меня было заведомо отвратительное, основанное на окружавшем меня слове «марксизьм-ленинизьм» в исполнении Брежнева и прочих до него.

Когда же я стал читать этот том, то поразился увлекательности Марксова мышления, а также сочности и резкости языка. Но на этом мой интерес к Марксу исчерпался, подавленный продолжающейся лавиной социалистического дерьма.

Всё, что осталось в памяти, это строчка из моего детского стихотворения того времени:

Бог войны – Маркс.

А также моя шутка:

– Как ваше имя, милостивый государь?
– Марк-с.

Или такая её модификация с картавящим:

– Как ваше имя, господин Маркс?
– Кал.

Вот ещё одно академическое воспоминание:

В витрине магазина подписных изданий на Литейном проспекте торчал плакат:

– Ваше любимое занятие?
– Рыться в книгах.
(*И подпись*:) Карл Маркс

Это предпочтение было мне весьма близко, но с существенной поправкой – любимым моим занятием было рыться в женщинах, а книги следовали на втором месте.

Капитала я почитал пару страниц и бросил – прибавочная стоимость показалась мне экономическим трюизмом. Я не смог понять экономических открытий Маркса – экономика мне чужда. Но политическую суть Маркса я понял и ощутил на себе, хотя политика мне тоже чужда. Что меня в Марксе действительно интересует, так это его личная жизнь и как он дошёл до такой жизни.

Так что теперь пришла пора взять Карла Маркса за зад.

Оказалось, что он родился 5 мая 1818 года в городе Трире в семье выкрестов, происшедшей из раввинов. Отец Маркса (у одного предка по отцу была фамилия Lwow (1:9) – Львов, – опять российские гнилые корни) стал германским патриотом. Но однажды на общественном обеде папа Маркс выступил с речью о необходимости социальных свобод. На него так косо посмотрели в полиции, что он бросился оправдываться и извиняться перед разгневанной общественностью. Такого рода поведение омерзило 16-летнего Карлика (умилительное от Карл, который и впрямь был маленького роста), и он стал непримиримым словесным драчуном (3:21).

Карл с самого раннего детства возлюбил слова и так повадился на словесные выдумки, что его маленькие сестрички, следуя поставленному им условию, согласились съесть пирожки, которые он сам приготовил из грязного теста грязными руками – лишь бы послушать его истории (1: 8).

Литературными страстями Маркса стали Шекспир и Гегель. Шекспира он так и любил всю жизнь, а с Гегелем у него вскоре начались разборки.

С тех пор как у Маркса объявились вторичные половые признаки, он стал производить на людей неотразимое впечатление. Кожа на лице у него была тёмная, за что он заслужил кличку Мавр – так впоследствии называли его даже дочки. Чёрные, густые волосы росли у него из всех пор на лице,

на руках, ушах и на носу. Грива, которую Маркс отрастил, напоминала львиную, что ему очень льстило, когда об этом говорили вслух. В 24 года он уже так зарос, что походил на свой классический портрет основоположника коммунизма.

Маркс быстро скумекал, что его волосатость производит неотразимое впечатление, и когда он оказался в Лондоне без бороды, то сидел дома, не появляясь на людях до тех пор, пока она не отросла вновь (1:38).

Энгельс тоже старался обрасти бородой, но до Маркса ему было не доволоситься.

В связи с этим становятся понятными бороды Толстого, Солженицына и прочих – они лишь для того, чтобы производить впечатление. А вот Сталин и Гитлер производили впечатление не растительностью на лице, а массовыми уничтожениями людей. Тут и безволосыми лицами впечатлишься. Люди же слов, а не действий, нуждаются в бородах для создания иллюзорного впечатления от их якобы великих деяний.

* * *

В студенческие годы Маркс пышет энергией, хотя дважды, в 1838 и в 1839 годах, был освобождён от военной службы из-за слабой груди – кашлял, видите ли, кровью (4: 3). Однако, несмотря на это, Маркс пьёт, дерётся, а также курит и бедокурит: делает долги и, без сомнения, залёживается в борделях, потому что жениться он не торопится, хотя невеста (самая красивая девушка в городе) у него имеется, но он её не ебёт. При Марксовой наглости и энергии одним онанизмом было бы не обойтись и без проституток не выжить. Невесту Дженни Карлуха знает с детства, она – баронесса и таскала его на руках, играясь с ним в детстве, как с живой куклой, так как Дженни была на четыре года старше Маврика. Они обручились в 1836 году, но скрывали помолвку от её отца, так как боялись, что тот будет возражать из-за разницы в их возрасте и полной безденежности жениха (1:21).

Отец Маркса, недовольный помолвкой с Дженни, предостерегает 9 ноября 1836 года:

> Нет более святой обязанности для мужчины, чем взять на себя ответственность за слабую женщину… (4:2)

Быть может, из-за боязни ответственности, с которой, как он предчувствовал, ему будет не справиться, Маркс мурыжил невесту много лет, а сам развлекался по-всякому. Как и принято в таких

случаях, он проецировал свои грехи на Дженни и бурно, но безосновательно подозревал её в неверности (1:49).

Сам же Маркс познакомился в Берлине с поэтессой Bettina von Arnim, которая была значительно старше его. У него хватило ума притащить её в Трир, и оказалось достаточно глупости, чтобы познакомить поэтессу со своей невестой. А потом на глазах у Дженни Маркс попёрся с ебучей Беттиной куда-то на ночь глядя. Дженни впала в ревнивый транс, страдала и фантазировала о Марксовой вожделенной зависимости от неё – ей хотелось, чтобы Маркс стал безруким, и тогда она стала бы для него поистине незаменимой – она писала бы за него и во всём помогала бы ему, и вот тогда он стал бы зависимым от неё и уже никогда её не бросит (1: 51). Приходило ли девственнице в голову, что в этом случае она была бы обречена вытаскивать его хуй прежде всего для мочеиспускания, а не для ебли, и подтирать ему зад?

Женился Маркс, когда уже совсем неловко стало – ему 25, а Дженни 29, ведь невеста уже перезрелой девицей стала, все свои пальцы измозолила о клитор, который небось шишкой торчал. Семейное счастье началось 19 июня 1843 года: муж – еврей без гроша в кармане, заработавший дурную славу по всей Европе своими злыми статьями, направленными против родного правительства. И средних лет молодая жена, без приданого, но дорвавшаяся до ебли.

Деньги, данные в подарок тёщей на первые несколько месяцев, новобрачные, во главе с Марксом, протранжирили за неделю. А потом не вылезали из долгов – ихнее столовое серебро дольше пролежало в ломбардах, нежели в ихнем кухонном шкафу (1:52).

С момента женитьбы, то есть с момента своего семейного счастья (или несчастья?), Маркс стал жить в позорной нищете, растущей год от года по мере увеличения количества детей, которое он даже не умел или не хотел ограничивать. Маркс и его семья прожили на содержании у Энгельса и на прочих подачках. Деньги, которые Маркс зарабатывал написанием статей, были ничтожны. Полное неумение обращаться с деньгами, которые время от времени попадали к нему в руки (в виде наследств или подарков), лишь усугубляли его нищету, которой он не гордился, как должен бы для демонстрации миру жизни пролетариата, а которую он ненавидел и скрывал, страшась растерять своё реноме в глазах окружающей его буржуазии. И всё это у того, кто писал про «Капитальные» деньги, учил, откуда они берутся, как они растут и множатся.

* * *

С собственным отцом Маркс разругался, так как тот активно возражал против буйного студенческого образа жизни сына, поэтому сынок даже не поехал в Трир из Берлина на похороны отца.

Слишком долго ехать, и у меня есть дела поважнее, —

так он аукнулся, объясняя своё решение (1:29). Судьба откликнулась – и на похороны Карла, человека знаменитого, пришло всего одиннадцать человек (1:1). У людей тоже нашлись дела поважнее.

Маркс шепелявил, имел хриплый рейнский акцент, и его речь часто не понимали – оратор он был неважнецкий, но своим видом покорял и вдохновлял (1: 39).

Маркс был исключительно резок и остроумен в своих писаниях (потому-то мне и пришлись по душе его ранние произведения). Объектами своей критики он выбирал высокопоставленных, государственных лиц, что привело его к изгнанию из Германии, Франции, Швейцарии и Бельгии, пока он не оказался в многотерпимом Лондоне. Со своими единомышленниками Маркс тоже не церемонился и потому жил вдобавок и в политической изоляции.

Однажды произошёл случай, доказавший немощную теоретичность Марксова увлечения коммуной и мощную нетерпимость самого Маркса к её практическим воплощениям. В 1843 году Карл и Дженни, которая была на четвёртом месяце беременности, переехали в Париж, где Карлу дали редактировать немецкий журнал. Они приняли предложение философа и коллеги Arnold Rüge жить коммуной в одной квартире, чтобы жёны по очереди готовили, покупали продукты и штопали носки. Предложили коммуну и третьей паре. Но та была с большими деньгами и, разумеется, отказалась, а бедняки объединились (и ещё больше обеднились). Вскоре оказалось, что Руже не мог выносить образ жизни Маркса, который, взявшись за что-то, никогда не заканчивал, всё ломал, бросался от одной недочитанной книги к другой, а также мог работать без сна по три-четыре дня. Руже, в свою очередь, имел предостаточно свойств, которые раздражали Маркса. Так что не удержались и двух недель – Марксы похерили коммуну и нашли себе отдельную квартиру (1:62). А всё лишь потому, что не обменивались жёнами. Тем более что беременной Дженни никакого риска забеременеть не было. Такой-то обкромсанный коммунизм устроили «марксиане».

В мае 1844 года у «марксистов» родился очередной ребёнок –

дочка Jennychen, очень похожая на папашку, волосатая и смуглая. (Всего он состряпал семь штук детей от своей жены и одного от прочей, о коей разговор особый.)

Единственный экземпляр журнала (при непримиримых разногласиях с Руже) имел огромный успех – его конфисковали в Германии и отдали приказ на арест Маркса и Руже, если они вернутся на родину (1:65).

Руже испугался и бросил журнал на произвол судьбы, не заплатив Марксу причитавшиеся деньги. Образовалась резонная вражда. Но она была не в меньшей мере основана на разнице в их отношении к половой связи, которую завёл их коллега Georg Herwegh, будучи ещё новобрачным. Если Руже резко осуждал такое безнравственное поведение, то Маркс смотрел на него снисходительно, что и стало главной причиной разрыва с Руже. Маркс если и выступал против половой распущенности, то только тогда, когда кто-либо обвинял коммунизм в обобществлении женщин. Обобществление собственности Маркс в страхе останавливал на женщинах. Из чего я могу заключить, что он выступал за обобществление именно ради того, чтобы добраться до женщин. Но сие признание Маркс всячески скрывал, так как это могло скомпрометировать его учение в глазах пролетариата и особенно в глазах подначивающих пролетариат отщепенцев из буржуазии.

Вильгельм Либкнехт, с которым Маркс кутил в кабаках, дивился, насколько Маркс чопорен и стыдлив как муж и отец, и находил это комичным и трогательным.

Весьма грубый в мужской компании и в писаниях против своих политических врагов, Маркс в присутствии женщин был изысканно добропорядочный, и, если речь заходила о каком-либо щекотливом вопросе, он смущался и краснел (даже сквозь непроницаемую бороду) как шестнадцатилетняя девушка (1: 74).

Содержатель

Самым главным событием в жизни Маркса стало знакомство с Энгельсом. В Париже в 1844 году они провели вместе десять дней в непрерывных обсуждениях и разговорах, которые завершились клятвой в вечной дружбе.

Маркс был плохо знаком с пролетариатом и больше занимался спекулятивной диалектикой, а Энгельс, живший в Англии, стране первого пролетариата, наплёл Марксу басен с целый короб.

У Энгельса жила на содержании рыжая любовница из

фабричных девчонок Mary Burns, с которой он посещал рабочие трущобы (небось ебал бедных девчонок за копейки), а потом тайно от своих родителей и заводского начальства писал книгу *Условия жизни рабочего класса в Англии* (1845). В конце концов, насквозь проникшись тяготами, выпавшими на долю пролетариата, Энгельс присоединил к Мэри её сестричку, и они весело зажили втроём.

Энгельс родился в 1820-м. У его отца стрекотали текстильные фабрики в Манчестере и других городах. Фабрики ткали для семьи большие штуки денег. Фридрих не терялся в текстиле, по-всякому обожал женщин и имел их в обилии (1: 79).

Энгельс являлся прямой противоположностью Марксу по своему благосостоянию – он наслаждался своими буржуазными деньгами, лошадьми, винами, женщинами, оставаясь холостяком. Не сомневаюсь, что он для Маркса был недостижимым идеалом и предметом тайной, если не чёрной, зависти, а там недалеко и от тщательно скрываемой ненависти.

Энгельс сразу понял свое предназначение: быть активным помощником и содержателем гения, и с радостью это делал, дивясь ненавистникам и завистникам Маркса – как можно завидовать гению? – и пребывал в уверенности, что такую зависть могут испытывать лишь устрашающе узколобые люди (1: 83).

Энгельс пишет Марксу, настойчиво приглашая его приехать в Париж. Аргументы для приезда Энгельс приводит весьма характерные:

> Если у меня было бы 5000 франков, я бы ничего не делал, а только писал и развлекался с женщинами, пока бы не помер. Если бы не было француженок, то не стоило бы жить. Но пока существуют гризетки – всё прекрасно и замечательно! Это не мешает иногда поболтать на приличные темы и понаслаждаться жизнью в её изощрённой форме, что оказывается невозможным ни с одним из моих обильных знакомых. Ты обязательно должен приехать (1:111).

Пока в Кёльне Маркс науськивал рабочих на буржуазию и подталкивал к революции, Энгельс путешествовал по Франции:

> человеку очень трудно расставаться с Францией, —

писал Энгельс, наслаждался винами и женщинами:

> На каждом шагу я нахожу сладчайший виноград и красивейших девушек.

Вдоволь отдегустировав того и другого, он приходит к выводу, что свежевымытые, гладко причёсанные, стройные девушки из Бургундии предпочтительнее, чем их практичные и неряшливые подружки между Сеной и Луарой (1:140).

Маркс не хотел возвращаться в Германию, так как опасался, что его арестуют и посадят в тюрьму, а в заключении ему не позволят курить сигары, от коих он не мог отказаться. Он вернулся в Германию только после того, как его заверили, что арест ему не грозит (1:141).

Бездетный Энгельс заботился о Марксе, как мать: напоминал, чтобы не подрывал своё здоровье, посылал карманные деньги и не позволял пренебрегать взятыми обязательствами. Между ними не было никаких секретов или запретных тем – когда на хуе Маркса вскочил огромный фурункул, он без всяких колебаний сообщил подробности этого события Энгельсу (1: 84).

Тут будет уместно поведать, что Маркс всю жизнь страдал фурункулёзом. Остались свидетельства, как он разрезал бритвой фурункулы у себя на заду и дурная кровь стекала на ковёр. Бывали случаи, когда болезненные фурункулы одновременно вскакивали промеж ляжек – и он не мог ходить, на ягодицах – и он не мог сидеть, а также на спине – и он не мог лежать (1:314).

В таких ситуациях ничего не оставалось, как парить в мечтах о диктатуре пролетариата.

Манифестация

Третьего марта 1848 года Маркса с семьёй в 24 часа выдворили из Бельгии из-за политически оскорбительных для правительства публикаций в газете. В злобе на пинок в зад всей семье Маркс наскоро и под винными парами с кое-какой помощью Энгельса навалял Манифест Коммунистической партии, причём самое смешное, что Коммунистической партии на тот момент ещё не существовало.

Вот примечательные кусочки из Манифеста:

> Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям.

Это что за трогательно и про что сентиментальный? Уж не жаловался ли сам Маркс на свои опостылые семейные отношения, мечтая об Энгельсовых гризетках, которые дали бы ему действительно трогательные отношения, в которых он бы мог сентиментально кончать без опасности зачатия очередного

ребёнка. А денежных отношений Марксу как раз всю жизнь и не хватало, ибо для денежных отношений нужны деньги, а их-то у Маркса никогда не было.

> Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи, —

злобно каркал Маркс, предсказывая добрую глобализацию, невозможную без милого Интернета. Во всём буржуазном ему виделось зло. Одержимый ненавистью, безденежный мечтатель делал укоры буржуазии, которые, по сути, являлись лишь похвалой.

> Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. У пролетария нет собственности; его отношение к жене и детям не имеет более ничего общего с буржуазными семейными отношениями… Законы, мораль, религия – все это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы.

Получилось, что пролетариат, отвергнув буржуазную мораль, не имеет собственной. По Марксу, даже мораль основана на формах производства и социальных отношениях, которые истекают из этих форм производства (2:71), тогда как есть одна мораль – половая, а не буржуазная или пролетарская, а именно: получить побольше наслаждения и, по возможности, без последствий детей, болезней и криминала. Пытаясь уничтожить буржуазию, пролетариат пытается перенять ту власть и возможности, которые позволили бы ему удовлетворять свои желания подобно тому, как это делали буржуи. Речь идёт вовсе не о смене морали буржуазной на пролетарскую, а лишь о силовой смене мест, как то доказали все социалистические режимы.

Только сейчас я понимаю преступность, безответственность и провокационность таких фраз, которыми бросались Маркс и Энгельс в Манифесте:

> У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность.

Марксу не нравилось прудоновское определение:

Собственность – воровство! —

из которого вырос призыв:

Грабь награбленное! —

не нравилось не по сути, а потому что оно толкало на действия, основанные на неосознанных, сиюминутных эмоциях. Маркс же хотел перевести борьбу пролетариата с буржуазией на продуманно-осознанные рельсы, которые могли привести к систематическому уничтожению буржуазии, а не пылкому и кратковременному.

> Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности.
>
> В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Уничтожение частной собственности неизбежно ведёт к обобществлению женщин, в чём Маркс ни за что не хотел признаться, но именно это и руководило им подсознательно, что ему бы обязательно втемяшил Фрейд.

> Вы сознаётесь, следовательно, что личностью вы не признаете никого, кроме буржуа, т. е. буржуазного собственника. Такая личность действительно должна быть уничтожена.

Маркс в открытую призывает к массовому уничтожению людей за факт их буржуазности, то есть уничтожение людей называется уничтожением класса, чтобы звучало гуманнее. Если призыв к уничтожению какого-либо народа был бы даже в XIX веке воспринят в штыки, то призыв к уничтожению класса вызвал повсеместный энтузиазм среди тех, кто хотел не заработать, а отнять. А ведь класс буржуазии численно по всем странам и составлял великий и огромный народ.

> На чем основана современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции.
>
> Буржуазная семья естественно отпадает вместе с

> отпадением этого ее дополнения, и обе вместе исчезнут с исчезновением капитала.
>
> Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

Маркс научил своих детей лгать приходящим кредиторам, что он якобы уехал, тогда как он в то время прятался в своём кабинете. Так Маркс использовал своих детей как рабочие инструменты. А когда они мёрли один за другим из-за того, что он не мог их ни кормить, ни содержать, ни предоставлять медицинскую помощь, то, страдая по ним, Маркс не называл своё горе «нежными отношениями», которые внушают отвращение. Свою семью он буржуазной не называл, хотя и под пролетарские она тоже не подпадала. Как и следовало, свои семейные отношения он не рассматривал с классовой точки зрения, а лишь с личной, как тому и следовало быть.

> Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен, – кричит нам хором вся буржуазия. Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства предполагается предоставить в общее пользование, и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщин постигнет та же участь.
>
> Он даже и не подозревает, что речь идет как раз об устранении такого положения женщины, когда она является простым орудием производства.

Женщины – действительно орудия производства, но не экономического производства (они в основном потребительницы «экономики»), а орудия производства (и получения) наслаждения, а также время от времени производства детей.

Маркс пыжится говорить прямо и откровенно, но в итоге говорит лишь экономическими экивоками.

> Впрочем, нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда.

> Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга. Буржуазный брак является в действительности общностью жен. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую. Но ведь само собой разумеется, что с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, то есть официальная и неофициальная проституция.

То, что Маркс называет «само собой разумеющимся», как раз является самым сомнительным. Производственные отношения влияют на половые отношения не в меньшей степени, чем половые влияют на производственные. Марксу, любителю Гегеля, не пристало пренебрегать диалектикой. Проституция возникает не из-за того, что женщине нужны деньги, а из-за того, что женщина хочет больше денег. И потому проституция существует повсюду, где существует спрос на сексуальное наслаждение. А так как спрос этот существует в человеческом обществе повсеместно, то, значит, и проституция – явление, присущее человеческому обществу, без которого само общество не может существовать. Проституция лишь меняет свои формы, но существует всегда (см. моё эссе о проституции *Спасительница* в «кирпиче» *Чтоб знали!*).

> Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Хорохорясь своей честностью, этот кабинетный коммунист, пугающийся дуэли (см. ниже), не способный содержать свою семью, а лишь способный увеличивать её нищету, плодя новых детей и обрекая их на голод, на самом деле изо всех сил скрывал свои «взгляды и намерения» – он мечтал избавиться от буржуазной семейной морали, которая предполагала заботу о семье и моногамию. А мечтал о насильственном получении денег и женщин у тех, кто ими обладал, поскольку Марксу было

действительно нечего терять, кроме своих цепей. И в слово «соединяйтесь» он, невзирая на свои фурункулы, вложил весь тайный смысл своих поползновений: соединиться с пролетарками, как это делал Энгельс.

Маркс писал, что не жалеет, что посвятил жизнь революции, и всё бы повторил сначала, но не женился бы (предпочитая свободный образ жизни Энгельса) (1:291).

А когда Маркса припирали к стенке конкретными вопросами о коммунизме, имеющими косвенное отношение к его потаённым сексуальным желаниям, он хамил и взрывался. Однажды журналист спросил Маркса, кто будет при коммунизме чистить ботинки, на что Маркс нагло ответил: «Вы будете!»

Он так же тщательно обходил вопрос: кто будет при коммунизме чистить туалеты? Как хорошо, что Маркса в скором будущем выручил Маяковский, взяв на себя должности ассенизатора и по совместительству водовоза революции. Однако некошерное сочетание таких субстанций, как дерьмо и питьевая вода (уж не в одной ли и той же бочке развозил их Маяковский?), обрекло революцию на обуржуивание пролетариата.

Маркс не терпел и не выносил мнений, которые не совпадали с его собственными, – он резко и грубо отвечал, переходил на личности и легко зарабатывал себе врагов (1:135). Но зато он таким личным примером установил характерные черты для всякого коммунистического «дискурса».

Маркс не только народил своих многочисленных детей, которых не мог ни накормить, ни лечить, ни даже хоронить (пришлось занимать у соседа деньги на гроб, когда очередной ребёнок решил, что не станет жить в такой семье), он ещё народил коммунистические режимы, которые тоже не могли и не желали накормить своих детей в образе целых народов. Человек, не умевший обращаться с деньгами и их разумно использовать, передал по наследству свои черты всему коммунистическому движению.

Маркс-токарь

Пятого ноября 1849 года у Маркса родился второй сын среди разнородных дочерей. Семья бедствует без денег, всё заложено-перезаложено – настоящий пролетариат. 12 ноября в Лондон приехал верный Энгельс и стал подбрасывать деньги.

Маркс начал выпускать газету, которая через пять номеров загнулась. Жена не спала ночами – какая-то рана на груди, домовладелец вплотную грозит выгнать Марксов на улицу за

неуплату ренты. Приходят чиновники, описывают кровати, бельё и пр. А Маркс полон половой энергии – Дженни опять забеременела и перманентно болеет. И тем не менее она в таком состоянии вынуждена была поехать в Голландию и умолять дядю Маркса по матери, Лиона Филлипса, им помочь. Дядя владел компанией *Phillips*, которая процветает до сих пор и своим успехом попирает Марксовы капиталоненавистнические теории (1:159).

Однако богатый дядюшка отделался лишь маленьким подарком новорожденному, ибо революции, которые раскручивал его племяшка, плохо влияли на его бизнес, и он решил не поощрять отщепенца. Дженни вернулась в Лондон ни с чем.

Настала пора рассказать о том, о чём высоконравственные марксисты не любят говорить, а любят замалчивать. Помимо встречи с Энгельсом, в жизни Маркса было ещё одно кардинальное событие. Когда Дженни забеременела вторым ребёнком, щедрая тёща выслала дочке и зятю живой подарок – двадцатипятилетнюю служанку Helene Demuth, которая оказалась незаменимой помощницей. На ней держался весь дом, она заведовала семейным хозяйством, посвятив этому всю свою жизнь. Helene была невысокого роста с круглым крестьянским лицом и голубыми глазами, аккуратная и прекрасная повариха (1:91). Так вот, пока жена ездила уговаривать (или соблазнять?) богатого Марксова дядюшку, его племянничек Карлуша излил свою похоть в тёщин подарочек – в преданную служанку Ленчен (Helene). Та исправно забеременела и родила Марксу сына 23 июня 1851 года, единственного пережившего детство и дожившего до старости. Его назвали Фредди. Скрыть живот и рождение ребёнка от Дженни не представлялось возможным – жена бушевала в пароксизме ревности. Чтобы избежать развода, Маркс уговорил Энгельса сказать, что это он сделал ребёнка служанке. Но на свидетельстве о рождении Фредди место для отца было оставлено пустым. Так Маркс подленько организовал для себя непорочное зачатие.

Ребёнку подыскали приёмную семью простых людей. Фредди вырос в квалифицированного токаря, никогда не упоминал о семье Маркса, жил тихо и умер 28 января 1929 года. Фредди был безумно похож на Маркса – с еврейским лицом и заросший волосами, но Маркс не любил его как источник неприятностей. Фредди так и не узнал, кто его отец. О внебрачном ребёнке Маркса стало известно только в 1962 году (1:172), так как эту ебальную историю Маркса и его полное пренебрежение своим сыном коммунисты и прочая шушера пыталась скрыть.

Между тем дьявол-спаситель Энгельс стал работать на

отцовской текстильной фабрике в Манчестере и проработал там почти двадцать лет, финансово поддерживая Маркса. Он выкрадывал деньги из фабричной кассы, и никто не заметил пропажи в течение всех тех лет. (Вот вам и капиталисты, ведущие учёт каждой копейке.) А между тем Энгельс имел винные погреба, занимался охотой и вёл светский образ жизни, поставляя информацию, как шпион, Марксу о том, как плохо живётся рабочим и какие барыши делают буржуи, владельцы фабрик и заводов. Всё это не мешало Энгельсу содержать два дома – один, где он развлекал местных богачей, а другой – для ебли втроём: там жили его две любовницы – сестрички Магу и Lizzie Burns (1:161).

Смельчак

Смелость Маркса в призывах уничтожить буржуазию как класс никак не соизмерялась с его трусостью при столкновении с реальной опасностью. Один из его старых знакомых, тоже немецкий эмигрант по фамилии Willich, живущий в Лондоне, который, как большинство людей, раздражал Маркса, вызывал его на дуэль за то, что тот обозвал его «неучем и четырежды рогатым». Плохо оказалось то, что Willich был военным и метко стрелял. Маркс отказался от дуэли, и за него принял вызов его пылкий помощник Conrad Schramm, который никогда не держал в руках огнестрельного оружия. Маркс, пусть скрепя сердце, но всё-таки позволил Конраду принять за него практически неминуемую смерть. Так как в Англии дуэли были запрещены, дуэлянты отправились в Антверпен. Дело усугублялось тем, что Willich взял в свои секунданты бандита, который, будучи о 17 лет, убил полицейского, отсидел за это срок в тюрьме, вышел на свободу и грозил убийством предателям, в числе которых Маркс занимал видное место. По счастливой случайности, пуля лишь царапнула голову Schramm, и тот упал, потеряв сознание. Противники, увидев кровь, текущую из головы неподвижно лежащего, подумали, что он убит, и убежали.

Через несколько дней Schramm явился к Марксу, уже его похоронившему в своём воображении, с перевязанной головой и с улыбкой на лице (1:165). Таким образом, Маркс, вместо того чтобы извиниться перед Willich за нанесённое оскорбление, предпочёл подставить невинного человека и ничего не сделал, чтобы предотвратить его, как все были уверены, неминуемую смерть. К счастью, судьба сжалилась над невинным почитателем Маркса, быть может для того, чтобы продемонстрировать всем

нутро предводителя пролетариата.

Обстановочка

В 1852 году умерла новорожденная дочка Франциска от нищеты, в которой жили Марксы. Не было денег, чтобы похоронить трупик, лежащий в комнате. Сжалившийся сосед (испугавшийся грозившего трупного запаха) одолжил на гроб.

1853 год – булочник отказался давать в долг хлеб, и Марксовый шестилетний сынок выхватил три буханки и рванул.

У дома сновали неисчислимые кредиторы, Марксы жили как в блокаде (1,179). Семья голодала, жила на хлебе и картошке неделями. Маркс не мог ни пригласить врача к больной жене и ребёнку, ни купить лекарства – не было денег.

А ведь денег он получал достаточно, чтобы жить сносно. Это были деньги за статьи и прочие писательские штуки. Не говоря о постоянных подачках Энгельса. У Маркса не хватало денег, чтобы кормить детей, но хватало на то, чтобы держать секретаря. И вообще, Маркс разбазаривал деньги, как последний буржуй.

Обязанности секретаря легко могла и, после того как секретарь заболел сифилисом, выполняла жена, но Маркс считал, что для человека его калибра необходим настоящий секретарь. Он также считал обязательным по своему рангу выезжать с семьёй на море и платить за уроки музыки детям – то есть делал то, что делали буржуи, хотя он сам якобы не хотел им казаться (1:183).

В то же время в квартире стояла поломанная мебель, и на всём лежал толстый слой пыли. Посетители вспоминали полнейший беспорядок в квартире и повсюду валяющийся мусор. Красовалось кресло с тремя ножками. Рабочие привычки Маркса тоже не способствовали здоровой семейной жизни. Он спал когда придётся, часто напивался или работал день и ночь напролёт (1:170). Маркс безостановочно курил дешёвые сигары и переживал, что не мог купить гаванские (1:294). (Это был ещё один предлог для победы коммунизма с помощью диктатуры пролетариата.)

При всей своей ненависти к буржуям Маркс ужасно гордился, что Дженни – баронесса, и даже на её визитной карточке это было указано. Он клянчил деньги у Энгельса и не платил долгов, а когда у него нашлись деньги, чтобы отправить Дженни в Германию, жена накупила новые платья. Многие возмутились таким методом траты денег при стольких долгах, но Маркс не мог понять возмущения и говорил, что баронесса не может приехать

на родину в заношенной одежде.

Но баронство жены оборачивалось и унижением. Когда Маркс пошёл заложить столовое серебро, его арестовали по подозрению в краже, так как это было фамильное баронское серебро, а он совершенно не походил на барона. Его продержали целую ночь в тюрьме, пока Дженни не удалось убедить полицию, что это серебро – её (1:184).

Однажды в отчаянии от выросших долгов Маркс попытался наняться клерком на железную дорогу, но его не взяли из-за неразборчивости почерка (1,185). Только Энгельс после смерти Маркса мог прочитать его каракули.

Несмотря на то, что Маркс был не в состоянии содержать семью, он воспринимался и, по-видимому, был любящим отцом и дедушкой, и вызывал ответную любовь у своих детей и внуков. Все Марксовы дети мужского рода поумирали маленькими, и поэтому он был окружён дочками, к которым относился как ко взрослым – читал им Гомера, Шекспира, *Дон-Кихота* и прочую классику (1:215).

Когда у Маркса на руках умер от туберкулёза его любимый трёхлетний сын Эдгар, Маркс впал в отчаяние и от страшной головной боли не мог ничего делать несколько дней. Дженни тоже пребывала в трансе. И тут их опять спас Энгельс – пригласил их на несколько дней в Манчестер, чтобы они отвлеклись. Но в настоящее утешение в том же 1855 году умер богатый дядя Дженни, а затем и её мать. Наследство от обоих почивших дало семье Маркса возможность переехать из ненавистной квартиры в Сохо в четырёхэтажный особняк в хорошем районе Лондона, и в честь этого Дженни забеременела в седьмой раз.

Однако, как и прежде, деньги скоро расфукали. Снова принялись закладывать одну вещь за другой (были случаи, когда Маркс был вынужден лежать в кровати, так как носильные вещи были заложены – 3: 143), и экономический гений с обновлённой одержимостью принялся предсказывать конец буржуазии (1:222).

В итоге из Дженни выскользнул мертворождённый.

Но тут опять блеснуло солнышко капитала – богач-коммунист Лассаль дал работу Марксу и пригласил в Германию редактировать газету. Маркс решил поехать на разведку. Это оказалось возможным, поскольку в 1861 году в Германии была произведена амнистия для немецких политических эмигрантов. Но так как Маркс сам отказался от немецкого гражданства, то амнистия к нему не относилась. Всё-таки он нехотя поехал:

> Германия – красивая страна, но только если ты в ней не должен жить (1:247),–

объяснял Маркс.

Лассаль раздражал его своей помпезностью, манией величия и тщеславием, так что Маркс отказался от предложения. Но самое главное, что возвращаться в Германию ни он, ни Дженни уже не хотели – они привыкли к британскому образу жизни и немецкие нравы стали им чужды. Зато Марксу по пути удалось выжать у дяди Филлипса 160 фунтов и получить от матери прощение долгов. Так что не зря прокатился на родину. Небось и по борделям хаживал на деньги Лассаля.

В скором времени все деньги были опять растрачены. Когда владелец приходил за рентой, Дженни лгала, что Маркс уехал по делам, тогда как он прятался у себя в кабинете. Тем временем Лассаль влюбился в красотку, которая уже была обручена, и так докучал ей своим вниманием, что жених вызвал его на дуэль и застрелил. Лассаль даже не пытался стрелять на дуэли, а улыбался жениху (1:253). Короче, совсем свихнулся коммунист и деньги не помогли. Так иссяк ещё один источник денег для Маркса.

* * *

В 1863 году пролетарская любовница Энгельса Mary Burnes умерла во сне. (Подозрительная смерть молодой женщины, о причинах которой ничего не известно, – видно, уёб её Энгельс.) Маркс с присущей ему бесцеремонной бестактностью в письме с соболезнованиями Энгельсу стал жаловаться на свою нищету, на то, что детей не берут в школу, что никто ему больше не отпускает в кредит. Далее Маркс заключает:

> …уж лучше бы это была не Мэри, а моя мать (*надеясь на наследство. – М. А.*) – вот до каких мыслей доходит цивилизованный человек, когда его прижимают обстоятельства (1:263).

Энгельс оскорбился такой бестактностью – вместо того чтобы проявить сочувствие и утешить друга, Маркс опять стал жаловаться на свои проблемы. Маркс перепугался, что иссякнет единственный надёжный источник денег, и через несколько дней написал письмо Энгельсу с извинениями (единственный известный случай, когда Маркс перед кем-либо извинился), и дружба их восстановилась. Энгельс доказал это тем, что в очередной раз выкрал деньги из отцовской фирмы, чтобы послать Марксу.

Наконец умерла Марксова мать, и после многомесячных

отсрочек в связи с регистрацией наследства и погашения долгов у Маркса на руках осталось всего сто фунтов. Когда у Маркса оказывались какие-то деньги, он растрачивал их мгновенно без всякой заботы о завтрашнем дне – так он использовал эти деньги, чтобы снять в ренту роскошный особняк, что явно было им не по карману – годовая рента составляла 65 фунтов.

Но судьба издевательски благоволила к Марксу – 9 мая 1864 года умер его давний соратник и верный последователь Вильгельм Вульф и оставил ему наследство в 820 фунтов стерлингов – огромные деньги, которых Маркс за всю свою жизнь не заработал своими писаниями. На эти деньги отремонтировали и заново обставили особняк, купили детям три собаки, две котики и две птички. Маркс устроил бал для пятидесяти человек с огромным количеством еды, повёз семью на три недели на курорт и стал играть на бирже, спекулируя акциями. В письме своему дяде Филлипсу он хвастался, что якобы наспекулировал на 400 фунтов (1:268). Буржуй хуев – Маркс.

В 1867 году он, после многолетних потуг, выдал первый том своего *Капитала.*

Ненависть Маркса к буржуям была обострена болью от фурункулов, которую он испытывал, при писании *Капитала* – он грозил буржуям, что они её почувствуют на себе (1:294).

Некоторые, осилившие нудный фолиант, сравнивали Маркса по сарказму со Свифтом. Восхищались языком, который можно читать в отличие от скучнейших писаний других немецких Марксовых коллег. Но в основном реакция была весьма сдержанной.

А между тем дочки росли, и, когда Лауре стукнуло 20, пылкий креол из Франции Поль Лафарг сделал ей предложение. Он с самого начала прихватывал её у всех на глазах, и Маркс пытался его остепенить:

> С моей точки зрения, настоящая любовь проявляется в сдержанности, скромности и даже в смущении влюблённого по отношению к любимой, а не в разнузданности страсти и преждевременной демонстрации близости… (1:290).

Предположительный специалист в экономике строил из себя специалиста в личной жизни, провозглашая типичные буржуазные моральные ценности и настаивая на их почитании.

Лаура и Поль поженились в 1868 году. Она родила троих детей, и все они умерли в младенчестве. Судьба не любила не только Марксовых детей, но и его внуков.

В 1870 году Энгельс продал свою долю в бизнесе, что

позволило ему установить Марксу пенсию в 350 фунтов в год. Энгельс, никогда ни на что не жаловавшийся, всегда весёлый и бодрый, переехал из Манчестера в Лондон и снял в ренту красивый дом. Он приехал опять с двумя девицами, с Лизи Бурне и её племянницей Мэри Ellen, которых он содержал.

В 1872 году дочка Дженнихен вышла замуж за француза, который оказался угрюмым грубияном и эгоистом. Ни Марксу, ни Дженни он не нравился с самого начала. Но зато парочка сделала пять детей, из которых умер только один. У Маркса наконец появились внуки. Под конец жизни Маркс стал милым дедушкой и писал заметки, из которых после смерти Маркса Энгельс состряпал второй и третий тома так называемого *Капитала.*

Третья дочка, Элеонора, влюбилась тоже во француза (Маркс хотел в родственники англичан), причём старше её вдвое. Маркс запретил Элеоноре встречаться с ним, и та впала в многочисленные психические и физиологические болезни, за исключением фурункулёза. Внешне она была копия Маркса, но, как она сама отметила, без признаков папашкиной гениальности. Девушка сходила с ума от похоти, стала заядлой курильщицей, а моральный папаша советовал ей отвлекаться на другие дела. Но это ей не помогало, как и следовало ожидать.

Маркс взял её с собой в Карлсбад на воды, надеясь вылечить её таким гнусным способом от похоти. Сам Маркс пытался лечиться от печени. Перед отъездом, так как надо было ехать через Германию, Маркс подал прошение на английское гражданство, но ему отказали из-за его революционной суеты.

В итоге он довёл свою Дженнихен до анорексии (1: 375). Она заработала рак мочевого пузыря и в 1883 году умерла. Так заботливый папаша победно уберёг свою дочь от хуя.

А у Дженни, жены, тоже созрел рак. Она умерла 2 декабря 1881 года. У Маркса был такой бронхит (накурился), что последние три недели до её смерти он лежал в соседней спальне и якобы даже не мог двинуться, чтобы подойти к умирающей жене. А испражняться-то он ходил. Жена ведь лежала за стенкой, и путь в санузел не превышал по расстоянию пути к спальне жены.

После смерти Дженни Маркс быстро оправился и поплыл в Алжир для смены климата. (Италия была для него закрыта, он был в чёрном списке террористов – какого-то его однофамильца итальянцы даже арестовали.)

Маркс провёл несколько месяцев в Алжире, Монте Карло и Швейцарии. В какой бы южный город он ни приезжал, его встречали грозы и дожди, несмотря на то, что за день до его приезда сияло солнце (1:377).

В Алжире он сбрил бороду, усы и волосы на голове. Вот на какую фотографию Маркса надо было бы посмотреть. Но, судя по всему, она либо не была сделана, либо не сохранилась, либо хранится марксистами в тайнике, чтобы мир не увидел истинного лица Маркса.

В конце концов Маркс вернулся в Лондон, где и умер 17 марта 1883 года.

Энгельс умер от рака пищевода 5 августа 1895 года.

После смерти Энгельса бумагами Маркса стали заведовать дочь Элеонора и её любовник Edward Aveling. Любовник спал с кем попало, тайно женился на какой-то девице, и когда Элеонора об этом узнала и ошалела, Эдвард предложил ей двойное самоубийство. Он прислал ей синильную кислоту. Элеонора написала любовнику нежное письмо и выпила яд, а Эдвард передумал и таким образом убил её и освободился от Марксового проклятия. Обвинений Эдварду не предъявили.

Можно легко представить, какие метаморфозы претерпели бумаги Маркса в таких психически «уравновешенных руках».

Лаура и Поль Лафарг жили в окрестностях Парижа на деньги, получаемые от Энгельса. В ноябре 1911 года, когда Полю было 69, а Лауре 66, они решили, что жить больше незачем, и вместе покончили с собой. На этот раз никто не схитрил. Ленин пришёл на их похороны и произнёс речь, что идеи её отца станут реальностью быстрее, чем думают.

Дольше всех прожил Фредди Demuth, который тихо умер в Лондоне 28 января 1929 года.

* * *

Из тройки еврейских богатырей Маркс оказался для меня омерзительным. После него началось существенное улучшение: Фрейд был во много раз приличнее и приятнее, а Эйнштейн – так вообще душка.

* * *

Фейербах утверждал, что человек определяется тем, что он ест. Маркс и Энгельс утверждали, что человек – это то, что он производит (1:95). Эффективность, с которой такие схемы убеждают в своей справедливости людей, дают мне возможность сделать своё определение человека, которое должно быть самым эффективным: человек – это то, кого и как он ебёт.

Женщины представлялись Марксу буржуазией, а пролетариат – мужчиной со всеми вытекающими из обоих последствиями. Но женщин он не хотел уничтожить как класс, а жаждал переебать как пол. Однако в силу перманентного безденежья он перекинулся с их недоступности на буржуазию, с которой можно было справиться хотя бы словесно. А ещё лучше – чужими руками.

* * *

Маркс с важным видом повторял библейское:

> Не человек для закона, а закон для человека.

Но человека он заменял обществом и писал, что как только законы перестают отражать чаяния общества, они становятся простой бумажкой. И далее:

> Общество не основано на законах. Это юридическая выдумка. Наоборот, законы должны быть основаны на обществе и должны отражать его интересы, нужды… (4:20).

Это верно прежде всего по отношению к сексуальным законам – так, сексуальные законы Америки – это измызганные стариной бумажки, которые отражают не состояние общества, а состояние попов и моралистов, прибравших к рукам власть.

Теоретики жестокости, как подстрекатели и предатели, выносят опасную философию народу для потребления – а это всё равно, что давать спички детям. Всякие индивидуалистические учения, попадая в руки народу (а не индивидууму), становятся народными, то есть противоречащими своей индивидуалистической сути. Поэтому учения эти претерпевают трансформацию до такой степени, что становятся неузнаваемыми. Так, гениальные просветления Ницше (см. с. 353–393 наст, изд.) «обнародовали» нацисты, а кабинетные измышления Маркса – запустили в свои вены своры коммунистов.

* * *

Не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание – так любил жонглировать словами Маркс, ставя понятия с ног на голову и с головы на ноги, вместо того чтобы приделать ноги к

голове и голову к ногам (1:237). (Так он сделал и в названии одной из своих статей: фразу оппонента «Бедность богатого» переделывает в *Богатство бедности.* Так и де Сад умудрился, переделав «боль наслаждения» в «наслаждение боли».)

* * *

Вряд ли существует теория, помимо марксизма, результаты приложения которой выразились в уничтожении многих десятков миллионов людей. С марксизмом может конкурировать разве что христианство. Но оно уничтожало людей в течение тысячелетий, а марксизм справился всего за столетие. Можно ли винить за это Маркса? Если винить Ницше за фашистские штучки абсолютно нельзя, ибо он ничего не делал для воплощения своих радикальных идей, то Маркс подло провоцировал людей и участвовал в сборищах, целью которых было непосредственное уничтожение буржуазии, то есть людей. Он посеял ветер, а Россия и прочие безумные страны пожали смертоносную бурю. А ведь всё можно было бы легко избежать, если бы Марксу привалили большие деньги и он бы ушёл в философию или в блядей. Маркса постоянно дразнило буржуазное общество своими увеличивающимися потребительскими возможностями и в то же время тыкало Маркса носом в нищету. В глубине души Маркс ненавидел Энгельса и, как всякий антисемит имеет любимого еврея, так Маркс ненавидел буржуазию, но терпел Энгельса. Он мечтал ему отомстить за его помощь, но, так как рубить сук, на котором Маркс сидел, не хотелось, он решил отомстить всем остальным, которые создали прекрасный мир, в котором Марксу не находилось достойного, по его мнению, места. Вот он, раздразнённый Везувий, и извергнулся своей человеконенавистнической теорией, прикрывавшейся интересами безличного для него пролетариата, а по сути наполненной ненавистью и завистью к недоступным для него благам. Сила Марксова ума была таков а, что смогла зацепить подобных ему нищих. Как христианство было обращено к немощным, нищим и убогим, точно так же Маркс обращался к злобе и немощи ущемлённых. А голодные – это самые опасные люди.

Недаром капитализм одумался, накормил голодных и держит народ сытым, чтобы не возникло слишком агрессивного марксизма. А российский, корейский, китайский и прочие социализмы приняли на себя функции юного капитализма и создали собственный пролетариат, но умело направили его голодную ненависть вовне.

Как бы там ни было, всё упирается в голод, который в умеренной степени становится стимулом для творчества, тогда как чрезмерный голод становится стимулом для жестокости.

Таким образом, из жизни Маркса я сделал главный вывод: два основных желания человека – еды и секса – следует удовлетворять по мере их появления и не позволять им скапливаться в марксистскую критическую массу, которая может взорваться в изнасилования, по Фрейду, или в термоядерную революцию, по Эйнштейну.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Marx Karl. A Life. By Francis Wheen. New York: W. W. Norton & Co., 2000. 432 p. ISBN 0-393-04923-X.

2. Freud, Marx And Morals by Hugo Meynell. Barnes & Noble Books, 1981. 210 p. ISBN 0-389-20045-X.

3. Karl Marx. His Life and Environment by Isaiah Berlin. New York: Oxford Universithy Press, 1996. 222 p. ISBN 978-0-19-510326-7.

4. Marx, Life and Works by Maximillen Rubel, Facts On File. New York: 140 p. 1980. ISBN 0-87196-516-X.

5. Манифест Коммунистической партии, http:// www.marxists.org/ russkij/marx/1848/manifesto.htm

Американский прелюбодей

***Jed Mercurio.* American Adulterer. New York: Simon & Schuster, 2009. 340 p. ISBN 978-1-4391-1563-3.**

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2010. № 217.

В скобках указаны страницы приведённой книги.

Книгу эту, по-видимому из осторожности, издатель назвал романом. Однако в конце книги, вовсе «не по-романному», автор приводит список источников, которыми он пользовался для написания этой книги.

Примечательно и то, что своего героя, сенатора, а потом Президента США, Джона Кеннеди, Mercurio ни разу не называет по имени или фамилии, хотя все вокруг него (Жаклин Кеннеди, Мэрилин Монро и прочие) носят свои собственные имена. Автор на протяжении всей книги упорно называет Джона Кеннеди как Object (Объект). То ли это помогает автору отстраниться от гигантской личности Кеннеди и посмотреть на него на расстоянии, то ли он хочет сделать образ Кеннеди обобщающим, то ли он просто чего-то боится.

Нечто подобное происходит и с ангелом-хранителем Кеннеди по части поставки красивых и доступных женщин – Фрэнком Синатрой – Mercurio в тексте называет его только по имени: Фрэнк. И здесь о причинах такой осторожности можно только гадать: то ли опять-таки яркость персонажа слепит автору глаза, то ли остатки мафиозных связей Синатры до сих пор угрожают автору, чтобы он не сболтнул лишнего.

Как бы то ни было, но Jed Mercurio наговорил много, причём без всяких наговоров и в такой сексуальной концентрации, в какой о Кеннеди ещё не повествовали.

В этой книге, разумеется, приведена фраза Кеннеди, которую любят цитировать:

> Если у меня нет женщины три дня, моя голова начинает раскалываться от боли – 148.

Это откровение цитируют для иллюстрации огромной сексуальной энергии Кеннеди, которая была ему присуща всю его короткую жизнь. Впрочем, можно возразить, что если нетерпимое желание, которое проявляло себя в головной боли, появлялось у Кеннеди только через целых три дня, то имеются мужчины, для которых даже один день без женщины становится нетерпимым. Так у что Кеннеди имелось в запасе два дня, которые он мог

посвятить своей президентской деятельности.

Для того чтобы оставаться в форме, Кеннеди требовался поток женщин. Поэтому обеспечение непрерывности этого потока являлось задачей государственной важности. (Как возможно, что большинство любовниц не захотели иметь ребёнка от президента? Ведь должно быть значительное количество внебрачных детей Кеннеди, несмотря на описанный в книге единственный случай аборта, который сделала его любовница с его поощрительного одобрения. Какая женщина не захотела бы иметь ребёнка от Президента США?)

К счастью, богатство, привлекательная внешность и ум Кеннеди делали его сексуальную жизнь активной и разнообразной. Ещё будучи сенатором, он радостно принимал на себя несущийся навстречу поток красивых пизд, который гнал на него Фрэнк Синатра. Да и в самостоятельно добытые пизды он окунался в одну за другой, но никогда – с головой. Кеннеди оставался на плаву лишь потому, что ни к одной из женщин он не привязывался, а менял их, попользовав быстро и чаще всего разово.

Однако жизнь его изменилась после женитьбы на Жаклин, которую он невзначай отбил от уже имевшегося у неё жениха. Усилий прилагать особых не пришлось – на Кеннеди работали его деньги, сенаторство и всё то, что неотразимо влечёт женщин, – обеспеченная и беззаботная жизнь. Поэтому Жаклин разорвала помолвку без всяких колебаний. Теперь свои похождения мужу приходилось совершать в секрете от жены, а после получения президентства – и в секрете от общества.

Забот у новой жены хватало – она быстро почуяла, что клятва верности, данная Кеннеди, была лишь фигурой речи, обязательной при брачной церемонии. Он прекрасно понимал, что невозможно клясться в вечной любви, в то время как любому здравомыслящему человеку ясна абсурдность такой клятвы – невозможно гарантировать свои чувства на год или, тем более, на двадцать лет вперёд! Сначала дают клятву верности, а потом делают вид, что её выполняют (2).

Кеннеди твёрдо верил, что Жаклин – самая оптимальная жена, необходимая для личной и политической жизни, но моногамия абсолютно нереальна, и ему нужен был разнообразный, быстро доступный секс с красивыми женщинами. Брачная жизнь Кеннеди ни в чём не отличалась от брачной жизни простых смертных: эволюция была той же – от ежедневных совокуплений с женой до еженедельных и в конце концов – до месяцев без секса (266).

Жаклин должна была понимать, за кого она выходит замуж –

за мужчину, который любит женщин и которые любят его, а верность можно получить только от такого мужчины, которому женщины не дают, но за такого она выходить замуж не пожелала, а потому ей приходилось терпеть. Своё бессилие изменить что-либо в этой ситуации она перенаправляла в страсть к дорогим шмоткам и украшениям, которые она радостно демонстрировала на своей недурной фигуре. А угроза в ответ завести любовника, так и не приведённая в исполнение (?), нисколько не испугала Кеннеди, который продемонстрировал своё мужество не только в обращении с женщинами, но и на войне. А потому он имел одно условие – чтобы любовник не был его политическим врагом: республиканцем или коммунистом (110).

Моногамия редко была стимулом жизни у великих людей, – замечает автор книги и поясняет, что это положение являлось точкой зрения Джона Кеннеди. Проще, а самое важное, правильней было бы сказать, что моногамия – это поведение рабов, неспособных удовлетворить и потому подавляющих кардинальное сексуальное желание – желание новизны и в силу этой своей неспособности требующих от других поведения, подобного своему.

Кеннеди, как и всякий творческий, а значит, свободный человек, лишь усмехался на нарисованные границы или просто не замечал их. Всё обстояло предельно просто и честно – с ранней юности, когда Кеннеди видел красивую женщину, он хотел в неё проникнуть. Так обстоят дела с любым мужчиной, но Кеннеди не только хотел в неё проникнуть, но и проникал.

Так что после медового месяца, когда новизна тела Жаклин безвозвратно исчезла (то, что она была на двенадцать лет его моложе, никакой роли не играло), Кеннеди продолжил свои поиски и находки свежей красоты, но главной его задачей было, чтобы жена не получила неопровержимые доказательства его неверности. То есть чтобы Жаклин не застукала его в постели с любовницей. Ну а коль Жаклин отыскивала косвенные доказательства, то с ними можно успешно бороться и играть на отчаянном желании любой жены верить в верность своего мужа.

Кеннеди приобрёл нужную ему жену, а именно такую, которая капитулирует в конфликте из страха его потерять (117). Сам же Кеннеди всегда испытывал к жене любопытство – и в таком случае любовь можно определить как состояние постоянного любопытства (132).

Любовь к жене дала ему детей, которых он безумно любил и с которыми старался проводить всё свободное время (минус время, которое он тратил на государственную деятельность и на любовниц. А значит, этого времени оставалось вовсе не так

много.)

Вынужденное и, к счастью, временное воздержание постигло Кеннеди после избрания его президентом. Если жизнь сенатора проходила вне пристального внимания журналистов, да ещё в те времена, когда личная жизнь общественного деятеля не обсуждалась в прессе, то положение президента резко изменило отношение женщин к Кеннеди. Слишком большая сила уже не привлекает, а отпугивает. Если сенатор может быть мужчиной, то президент – только президентом (13). Власть в иудейско-христианской культуре является асексуальной, и всякая привнесённая во власть сексуальность уменьшает силу этой власти и её дискредитирует.

К тому же секретная служба, круглосуточно охраняющая президента, и все глаза, всегда устремлённые на него, поначалу лишали Кеннеди возможности размахивать хуем. Но вскоре он обустроился, как и следовало ожидать от мужчины его ума. Он нанял ближайшим помощником своего старого флотского друга, в обязанности которого вошла поставка женщин для президента. Стоило Кеннеди указать или упомянуть приглянувшуюся ему женщину своему помощнику, как тот подъезжал к этой пизде с приглашением в Белый дом под благовидным предлогом. Не было таких баб, которые отказывались от обеда с президентом в Белом доме. Однако пропуск в Белый дом давался на имя помощника Кеннеди, мол, к нему баба в гости ползёт, а в действительности она переправлялась в одну из спален президента. Эта процедура проводилась, когда Жаклин с детьми уезжала на выходные или околачивалась вдалеке от выбранной спальни.

Кроме того, в Белый дом наняли несколько молоденьких и хорошеньких секретарш, которые не умели делать ничего, кроме как болтаться неподалёку от президента, чтобы, когда он мигнёт, сразу забежать к нему в Овальный кабинет и оголить своё овальное отверстие или быстро отсосать его набежавшее семя перед очередным совещанием, которое должно было вот-вот состояться.

Перечень роскошных разовых пизд-ртов (а вот о розовых задах в книге даже не намекается), утешавших президента, не поддаётся цифровому исчислению, а находится в области бесконечных пароноидальных фантазий. В этот перечень, как известно, входила Мэрилин Монро – в то время предел сексуальных мечтаний мужчин во всём мире. Как следовало из первого закона успешного прелюбодея, жена должна предполагать, что любовница мужа так прекрасна, что перед ней не смог бы устоять любой муж (6). Предположение было верным, ибо однажды Жаклин в подозрении и злобе бросила мужу, прежде

чем выбежать из комнаты:

Уж надеюсь, она – неотразимая красавица!

Кроме первого закона успешного прелюбодея, который установил не то Кеннеди, не то автор книги, существует и второй закон: если жена подозревает измену, муж всегда её отрицает. В то же время он всем своим поведением и речью даёт жене понять, что если что-то и было, то связь эта была лишь разовой. Ведь чем дольше муж связан с одной любовницей, тем больше разрушается уникальность позиций жены, как если уж не единственной, то основной женщины.

То есть Кеннеди ничего не делал в ущерб своей жене и её месту в его сердце. Честный и заботливый прелюбодей (а Кеннеди именно таким и был) никогда не возмутит покой жены и не принесёт ей боль признанием о своих похождениях, из чего следует третий закон прелюбодея: он вообще никому не рассказывает о своих похождениях (7).

Чтобы не нарываться на отказ женщины сразу развести для него ноги, квалифицированный прелюбодей, которым, как уже известно, был Кеннеди, всегда даёт знать о своих сексуальных намерениях, прежде чем оказаться с женщиной наедине (39). Тогда ты избавляешь себя от угрозы идиотки или провокаторши, которая вздумает возопить: «Насилуют!» – когда её берут за вымя. Это, пожалуй, ещё один закон прелюбодея: заручись согласием, вместо того чтобы на него лишь надеяться. Назовём его четвёртым законом. Этот закон становился особенно важным, так как у Президента США не было времени на подготовительные операции соблазнения – он просто расстёгивал ширинку, с извинением, что у него лишь несколько минут перед важным совещанием (35).

А где четвёртый закон, там и пятый, пожалуй, самый важный: успешный прелюбодей не должен испытывать чувства вины за свои похождения – ибо если после ебли ты мучаешься виной, то всё удовольствие утрачивается, а значит, суть наслаждений прелюбодейства перечёркивается угрызениями. Отсутствие чувства вины приходит с убеждённостью, что нет ничего важнее, надёжнее и полезнее сексуального наслаждения. Сладкая ебля не терпит раскаяний à la Раскольников. Именно ради жены прелюбодей должен не поддаваться чувству вины (296). Вина может привести к покаянию, а оно, вопреки разглагольствованиям морали, наносит незаживающую рану в отношениях супругов. И только уверенность в правоте и верховности наслаждения держит прелюбодея на верном пути: к новым наслаждениям при поддержании семейного покоя.

Муж и жена могут быть счастливы, только если они не вмешиваются в личные дела друг друга и не замечают любовных приключений своего супруга.

В моногамии мужчина неизбежно начинает ненавидеть свою жену, как ненавидят тюремщика. В случае же умного прелюбодея, каким был Кеннеди, у него не имелось оснований ненавидеть Жаклин, потому что она не была и не могла быть тюремщицей, а продолжала оставаться понимающим и преданным партнёром, а главное – матерью его детей, которые были основным эмоциональным стержнем в жизни Кеннеди. Обилие любовниц делало Кеннеди любящим и нежным мужем и ласковым и заботливым отцом. Причём именно обилие любовниц производит такой благотворный эффект на семейную жизнь, ибо привязываться к одной любовнице – это значит ставить под угрозу женину уникальность. Слабосильные прелюбодеи приклеиваются к одной любовнице из страха, что новую они найти не смогут, тогда как в случае с Кеннеди таким страхам не было места.

Следовательно, особенность истинного прелюбодея – это любовная забота о жене. Ко всем женщинам Кеннеди относился одинаково: если даёт, он её еб, если не давала – без промедления переходил к другой из очереди, бесконечной очереди. Единственным очевидным и великолепным исключением являлась его жена – пожизненная женщина.

В механизме прелюбодейства шестерёнки смазываются незначительностью отношений, и если какому-либо отказу придать серьёзное значение, то шестерёнки начинают проскальзывать. И потому, получив отказ, просто переходишь к другой секретарше, актрисе, домохозяйке, которые всегда смотрят поверх очередного любовника в поисках кого получше. В случае Кеннеди, лучшего просто не было. Вот потому и Мэрилин Монро, о которой Фрэнк Синатра говорил, что она никогда не ебётся просто так, а всегда просчитывает, что она может получить от своего любовника, эта Монро заимела навязчивую идею, что Кеннеди бросит ради неё Жаклин и она станет Первой Леди, о чём она ему неоднократно намекала и даже заявляла напрямую. Президент отвечал ей в лоб, что это ей не светит ни при каких романтических свечах, но та продолжала требовать свиданий, пьяная звонила в Белый дом и, когда ей отказывали соединить с президентом, она кричала оператору:

> Да знаешь ли ты, кто я? Я – кинобогиня, и президент меня ебёт уже два года.

Об этом уже громко шептались в Голливуде и вокруг него

(75.)

Вот почему Жаклин не пошла на сборище в *Madison Square Gardern*, где праздновали 45-летие мужа, так как там было запланировано поздравление Мэрилин Монро (165). В конце концов Кеннеди порвал с ней окончательно. Самое лучшее, что ты можешь сделать, – это выебать красавицу. Самое худшее, что ты можешь сделать, – это привязаться к ней. Мужчины привязываются не к тем женщинам, которых им удалось поиметь, но к тем, кого им удалось удержать. А Мэрилин Монро удерживалась сама – а это уже было чрезвычайно опасно (116).

Почувствовав, что разрыв с Кеннеди неизбежен, Мэрилин чудесным способом умерла, наевшись таблеток, и тем самым перестала быть конфузом для президента и его жены.

Президент среагировал весьма холодно на исчезновение Монро, ибо для любого успешного прелюбодея необходимо уметь не поддаваться эмоциям, связанным с сексом, ни своим, ни чужим. Так, он продолжал оргию на яхте, плывущей по Средиземному морю, и не сорвался к жене, когда случился выкидыш. Он рассуждал так: я ничем не могу помочь. Он поехал к Жаклин только тогда, когда дальнейшее промедление могло означать развод, которого он не хотел (178). Она была взбешена его безразличием, тогда как он был вовсе не безразличен к собственному наслаждению и избегал бесполезных телодвижений.

Но не всё кончалось так гладко, как с Монро. В Техасе одна из деятельных партийных красоток, которая участвовала в подготовке кампании по переизбранию Кеннеди в президенты на второй срок, пришла к нему с планом мероприятий, который она старательно разработала. Кеннеди считал, что женщина отдаётся ему и тем самым как бы голосует за него (72). Тут у него не было сомнений, что голосование (голо сование) за него состоится. Баба была немолодая, замужем, но красивая. Вместо того чтобы обсуждать с ней её мероприятия, Кеннеди полез к ней под юбку, позабыв про четвёртый закон прелюбодея. Баба ошалела и стала сопротивляться. Она объявила, что она приличная женщина да ещё замужем, но президент продолжал добираться до её сути, и тут идиотка оттолкнула Президента США. Он упал на спину и отключился от боли.

Здесь необходимо пояснить, что Кеннеди, несмотря на свой бравый вид, был чрезвычайно больным человеком, что тщательно скрывалось и во время его выборной кампании, и в период президентства.

Невзгоды со здоровьем начались у Кеннеди со времён, когда он повредил спину, играя в футбол в колледже. После этого

последовали две операции на позвоночнике. С тех пор всю жизнь его преследовали боли, и он не мог жить без болеутоляющих лекарств, инъекций и прочих процедур. К болям в спине вскоре добавился букет болезней, которым, быть может, проложили дорогу несколько венерических заболеваний в юности. Букет этот весьма красочный и большой: болезнь Аддисона, недостаточность щитовидной железы, желудочный рефлекс, гастрит, язва желудка, колит, простатит, уретрит, кожные инфекции, горячка неизвестного происхождения, разрушение поясничного позвонка, остеопороз шеи, остеопороз плеча, высокий холестерин, аллергический ринит, аллергический синусит и астма (83).

Чтобы держать эти болезни в узде, придворные врачи пичкали Кеннеди стероидами, гормонами, антибиотиками. Президент носил корсет для подпорки спины. Каждые шесть часов ему делали инъекции от боли. Его одолевали то запоры, то кровавые поносы.

Автор не сообщает, в какой позиции ебался президент, но очевидно, что он не мог пошевелить спиной без боли, а будучи наверху, требовалось бы махать бёдрами. Значит, либо баба сидела на нём, причём без усаживания на него всей тяжестью, а лишь порхая на хуе, либо баба ему отсасывала, пока он неподвижно стоял/сидел/лежал. Впрочем, сидел он обычно в кресле-качалке, в котором у него меньше болела спина, и вряд ли возможно, что баба могла бы перемещать голову с телом вровень и в такт качалке. Так что остаётся два положения, чтоб предоставить хуй для бабьего рта: стоя и лёжа. Mercurio даёт понять, что из-за болей в спине вся сексуальная жизнь президента к концу жизни сводилась к отсосу (329). И это много лучше, чем ничего.

То ли вследствие болей, то ли из-за обыкновенного сексуального эгоизма Кеннеди редко заботился о наслаждении женщины – он предпочитал отработать быстро и рано заснуть. Одни женщины жалуются, что мужчина кончает слишком быстро, другие только радуются этому. Кеннеди нередко размышлял, что делает любовница, после того как он засыпает: проклинает его; начинает корить себя под его хрюкающий храп или просто пялится на потолок? (167)

В какой-то момент даже Жаклин стала жаловаться, что ей мало, что ей тоже хочется наслаждаться, но, быстро поняв бесполезность своих претензий, она активно переключилась на наслаждения от покупок дорогих вещей.

Врачи советовали Кеннеди освобождать простату от скапливающихся там соков, которые превращаются в яд, если от них не избавляться хотя бы два раза в неделю (133). В редкие

периоды вынужденного воздержания он не хотел прибегать к онанизму (хотя это способ избавиться от желания одной левой). Онанизм не приносил ему должного удовлетворения, а лишь ввергал в стыд, что мужчина его возраста и статуса не может соблазнить женщину с горячим телом. Соблазнение – гораздо более стимулирующие занятие, и потому, когда наступает облегчение, простата более основательно освобождается от скопившегося там яда. Причём самая сильная разрядка (читай – наслаждение) происходит при ебле новой пизды (148). А значит, необходимость новых женщин была для Кеннеди (и всех прочих) целебным средством.

Так вот, продолжая историю с техасской замужней зрелой красавицей и принимая во внимание вышеизложенный анамнез президента, становится понятно, почему, упав на спину, он отключился. Баба выбежала, секретная служба вбежала, и несколько человек поставили президент на ноги, ибо сам подняться он не мог. В то же время выбежавшая оскорблённая невинность решила дать делу ход, несмотря на то, что ей это делать не советовали, и она подала официальную жалобу.

К тому времени начальник ФБР Гувер заинтересовался половой жизнью президента, так как она, по его мнению, ставила под угрозу безопасность страны.

Кеннеди и его помощник, поставлявший женщин, пользовались стандартной фразой, изрекавшейся женщинам, которых оприходовал президент:

> Вы, надеюсь, понимаете, что сохранение происшедшего в строжайшей тайне является делом национальной безопасности.

Как правило, этого было достаточно. А когда Монро нарушила это правило, то ей пришлось уснуть вечным сном.

Но Гуверу, несмотря на это, удалось разузнать о женщинах президента, и в том числе о чрезвычайно умелой проститутке, которую приводили время от времени к Кеннеди. Она оказалась женой дипломата из Восточной Германии. Так что пришлось быстро выслать из Америки проститутку с мужем. К концу своей жизни Кеннеди полюбил проституток, с которыми отношения были кратки, надёжны и сладостны.

Президент пришёл к разумному выводу, что мужчины платят проституткам не за секс, а за то, что проститутка уходит и не болтает (257). Кроме того, удобство проститутки состоит в том, что ей не надо говорить, что ты её больше не хочешь видеть, ей не нужно давать никаких объяснений (276). То есть проститутка –

это идеальная женщина (если на неё имеются деньги), о чём писал и я (см. моё эссе *Спасительница* в *Чтоб знали*!).

Общение с проституткой действует отрезвляюще на прелюбодея, что вызывает в нём уверенность в величии Наслаждения, а не самого себя. Умный прелюбодей никогда не станет приписывать благосклонность проститутки своему положению, красоте, очарованию. Он осознаёт и принимает истину: дело только в деньгах, ибо за них проститутка предоставит свои услуги любому (277).

Но из-за гуверовских забот пришлось похерить проституток и перебиваться юными секретаршами при Белом доме. Настали времена, когда выдающаяся работа общественного деятеля стала недостаточной, а он ещё должен подвергать себя страданиям, ограничивая свою сексуальную жизнь моногамией.

А ведь наличие любовницы у президента должно приветствоваться, так как это говорит о его мужской силе и желании, о его жизнеспособности, энергии и прочем. Моногамия любого лидера – это свидетельство его слабости и глупости (115).

Вокруг Кеннеди начинали сгущаться тучи – жалоба техаски подвигнула Гувера на допросы женщин, работавших в Белом доме и Госдепартаменте на предмет, спали ли они с президентом. Некоторые стали раскалываться. Пресса стала наглеть, подогреваемая британским скандальным разоблачением тамошнего министра Профьюмо, переспавшего с проституткой, которая также спала с советским шпионом. Приближался неизбежный скандал с сексуальными разоблачениями Кеннеди. Так что, подобно своей знаменитой любовнице Мэрилин Монро, Кеннеди «вовремя смылся» и нравственность в Америке продолжает жить по сей день, держа государственных деятелей в ежовых рукавицах моногамии.

Кеннеди своей жизнью доказал, что нет никакого противоречия в том, что можно быть любящим и заботливым мужем и отцом и в то же время иметь множество любовниц. Эта правда долгое время хранилась под семью печатями и только сейчас вылезла, да и то в обличии романа. Для общества, построенного на святости моногамии, а вернее на видимости её святости, информация о том, какова была истинная жизнь американского идола, не только нежелательна, но и опасна. Потому вся энергия почитания Кеннеди направлена на бесконечные исследования и размусоливание, кто, почему и как его убил, а не на то, кого, как и сколько он ёб. Согласно нравственным законам американского общества, жестокость и страдания поощряются, а наслаждение и демонстрация его – порицаются. Вот именно поэтому и убили Кеннеди. Его убили

потому, что он хотел, чтобы жизнью наслаждались не только белые граждане США, но и негры – он первый предоставил им много свобод, обойдя сопротивление расистского Сената.

Кеннеди убили потому, что он хотел, чтобы гомосексуалисты тоже наслаждались, как и все люди, – Кеннеди, несмотря на нажим, отказался уволить «голубого» чиновника, потому что тот был высококвалифицированным специалистом и выполнял своё дело, – единственное, что было важно для Кеннеди в государственном чиновнике (95).

Кеннеди убили, потому что он отказался от превентивной атаки на СССР во время кубинского кризиса, несмотря на упорное давление на него генералов.

Кеннеди убили потому, что он в течение нескольких лет не оставлял усилий, чтобы освободить кубинцев, попавших в плен к Фиделю Кастро после плохо спланированного нападения на Кубу. И в конце концов он добился, преодолевая безразличие и сопротивление бюрократов, что их выкупили, привезли в США и предоставили им всяческие привилегии за перенесённые страдания.

Но прежде всего, Кеннеди убили, потому что он был Великий Американский Прелюбодей.

Синатра в жизни. И после (That's life! 1915–1998)

***Kitty Kelly*. His Way. The Unauthorezed Biography of Frank Sinatra. New York: Bantam Books, 1987. 664 p. ISBN 0-553-26515-6.**

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2011. № 220.

Когда я лет в 14 впервые услышал имя «Фрэнк Синатра», я подумал, что человек, произнёсший это имя, оговорился, а в действительности должно быть «Фрэнк Сенатор». Я не мог представить, что существует фамилия, столь близкая по звучанию к великому слову «сенатор». Вскоре подтвердилось, что оговорки не было, и я со временем понял, что близость фамилии Синатра к слову «сенатор» не случайна – Фрэнк Синатра действительно был своего рода сенатором в мировом «правительстве» поп-музыки.

С тех пор Синатра всегда присутствовал в моей потребительской музыкальной жизни, которая составляет значительную часть моей жизни вообще. Отсортировалась самая любимая песня: *The World We Knew*. Ну, а гимн *That's Life*! с давних советских времён внушает мне гораздо больше оптимизма, чем любое «светлое будущее всего человечества».

Долгое время Синатра присутствовал для меня только звуком своего чарующего голоса, потом я увидел его обворожительную (ретушированную) фотографию на пластинке. А начав новую жизнь в США, я оказался завален его песнями, фотографиями, фильмами с ним и о нём, а также живыми представлениями, пока Синатра не умер в 1998 году в возрасте 82 лет, что вовсе не мало для табачно-спиртного образа жизни, который он вёл. Можно полагать, что огромное количество красивых женщин, которых он осеменил, компенсировало пагубное влияние этих дурных привычек.

Мне всегда хотелось узнать о жизни этого великого певца, а резкое усиление интереса к биографии Синатры у меня возникло после прочтения книги о Джоне Кеннеди, в которой упоминается, что Синатра поставлял ему красивых женщин (см. с. 542 наст. изд.).

Примеряясь, какую биографию читать, я вспомнил о Kitty Kelley, толковой и милой специалистке по бесцеремонным биографиям, интервью с которой я недавно видел. Таким образом, определился источник, из которого я мог испить информацию для удовлетворения своей жажды знаний.

Kitty Kelley знаменита своими биографическими книгами, смелостью подхода ко всем сторонам жизни объекта своего исследования и доскональным изучением и документированием каждого факта, который она использует в биографии. Поэтому в книге о Синатре приведён подробный перечень людей и интервью с ними, воспоминаний и других источников, из которых автор черпала нужные сведения. В книге нет лирических размышлений и досужих домыслов автора, а идёт хронологически точное и фактически детальное изложение жизненных этапов, событий и случаев из жизни Синатры со слов людей, кто его хорошо знал, и документов, которые говорят сами за себя.

Так что достоверность и объективность книги не вызывает сомнений, потому как тщательность документирования приведённых фактов возводит её в ранг научной биографии.

Kitty Kelley многократно пыталась добиться интервью у самого Синатры, но он не отвечал на её запросы. А 21 сентября 1983 года, узнав о подготовке к печати его биографии, Синатра подал в суд на Kitty Kelley с требованием наложить запрет на написание его биографии и взыскать два миллиона за писание биографии без его одобрения.

Будь это кто другой, суд не принял бы к рассмотрению такой иск как очевидное сумасбродство – в США с давних времён застолблена свобода слова и любой может писать о каждом. Но Синатра был на особом счету, и его иск лежал в суде без движения целый год, пока Синатра сам не отозвал его обратно, когда наконец уразумел, что живёт не в СССР. Синатра испугался, когда на защиту Китти поднялись все писатели и разумные интеллектуалы Америки и возмутились самой попыткой требовать запрет на свободу слова. И Синатра понял, что суд просто выйдет ему боком и пострадает его тщательно созданный к тому времени образ гуманитария и филантропа.

* * *

Синатра в кино и в песнопениях представляется нагловатым очаровашкой, напичканным самолюбующейся самоуверенностью, но я был склонен прощать великолепному певцу какие-либо внешние шероховатости.

Я также обратил внимание, что у Синатры при пении возникала частая конвульсия рта, а точнее – нижней губы, что меня всегда зрительно коробило. «Неужели, – думал я, – он не замечает? А если не замечает, то почему ему друзья-приятели не подсказали?»

Но, прочтя его биографию, я понял, что вряд ли кто-либо осмелился бы Синатре на это указать – его реакция на любую критику была убийственной.

А сам он, влюблённый в себя, считал, наверно, этот тик умилительным. Тик же этот всякий раз перечёркивает нежные, мягкие и чуткие мелодии и слова песни, которую Синатра исполняет. Тик – это известная коррекция того, что неискренне или лживо говоришь. Или в данном случае – поёшь.

* * *

В английском языке есть слово bully, которое не имеет однословного эквивалента в русском языке. Оно означает хулигана или бандита, который нагло терроризирует людей слабее себя. Такое существо описывается в поговорке:

Молодец против овец, а против молодца – сам овца.

Синатра и являлся bully, наглым хулиганом, а нередко и бандитом, но с существенной добавкой – способностью петь, очаровывая и зачаровывая. Получается, что злодей и гений прекрасно сосуществовали в одном человеке вопреки торжественному отрицанию возможности такого явления, отрицанию, родившемуся из шутки Пушкина и вскоре ставшему назойливым романтическим балагурством.

Но справедливо ли с бухты-барахты взять и назвать Фрэнка Синатру злодеем (или гением)? Что ж, судите сами.

Лиха беда – начало

Фрэнк Синатра был единственным сыном безграмотного, неудачливого и молчаливого боксёра, которого «нокаутировала» и оседлала энергичная красотка Долли, – это она заправляла всем в семье, и её решения определяли жизнь мужа и сына, а также многих знакомых и соседей. Мать Фрэнка прославилась своей бесцеремонной напористостью во всём, а также производством тайных абортов, за что её не раз арестовывали, она представала перед судом, но всегда отбрыкивалась и избегала тюрьмы. Это ей удавалось из-за её политических связей – она обеспечивала голоса на выборах местных демократических лидеров.

Маленького Фрэнка мать одевала как девочку.

За левым ухом у Фрэнка появился пожизненный шрам в результате операции, и произошла частичная потеря слуха в

левом ухе. Но на музыкальную судьбу Фрэнка это не повлияло (или повлияло?).

В 12 лет – острый аппендицит, после которого мальчик остался живчиком – тощеньким живчиком, – уж это точно повлияло на его судьбу.

Не обладая ни особыми способностями, ни физической привлекательностью, Фрэнк покупал себе друзей. У него всегда были деньги, которыми снабжала его мать, и он предлагал деньги каждому мальчику, кто согласится быть его другом. Так как жили Синатры в бедном районе, то желающих дружить с Фрэнком было немало – он разгуливал богачом среди своих сверстников.

Фрэнк не мог и не умел драться – был слишком щуплый, но всегда лез на рожон, и защищал его купленный друг-бугай.

Другой купленный друг сделал за него модель самолёта, которая заняла первое место в соревнованиях, и Фрэнк прибежал к матери с самолётом и хвастался победой, считая её своей.

Фрэнка выгнали из школы за плохое поведение. Так он и остался без школьного аттестата – но уж это точно никак не повлияло на его музыкальную судьбу – в конце жизни эта школа всё равно была вынуждена выдать ему почётный диплом – уж слишком этот хулиган стал знаменит и богат, а победителей не судят, если для того, чтобы привлечь к суду не нашлось улик.

Мать уговорила Фрэнкова крёстного отца, работавшего в местной газете, устроить сына на работу. Тот послал его на побегушки. Фрэнк вяло тянул лямку. Но тут спортивный корреспондент газеты погиб в автоаварии. На следующий день после его гибели Фрэнк пошёл и сел за письменный стол покойного – с намерением прибрать к рукам освободившееся место. Причём Фрэнк всем стал говорить, что он – новый спортивный корреспондент.

Крёстный отец вызвал Фрэнка к себе и отчитал: «Как ты посмел самовольничать? Пришёл бы сначала ко мне и попросил эту должность – а теперь начальство приказало мне тебя за это уволить». Тут Фрэнк разразился такими оскорблениями и ругательствами, каких: его бедный крёстный никогда не слышал в своей жизни.

Когда Фрэнк прибежал к матери и пожаловался на крёстного отца, мать приняла сторону сына, считая, что ничего дурного он не сделал, а просто пытался вырваться в жизни вперёд, что лишь похвально. Фрэнк и его мать порвали все отношения с крёстным, а мать впоследствии гордилась:

> Фрэнк как я – если кто-то перейдёт ему дорогу, то он этого человека никогда не простит.

Так и пошло.

Долли, мать Фрэнка, любила петь и всегда распевала на политических и прочих вечеринках. Она пила пиво в огромных количествах, да и не только пиво, но никогда не пьянела. Вот и сын её тоже запел и полюбил выпивать.

От матери Фрэнк также перенял патологическое чистоплюйство: он принимал душ три раза в день, постоянно мыл руки и носил в карманах только новые долларовые банкноты, брезгуя прикасаться к грязным деньгам.

Фрэнк стал петь на всех итальянских свадьбах и вообще где придётся. Он пристраивался к оркестрам – носил музыкантам их инструменты и напрашивался попеть, доставал для музыкантов дефицитные аранжировки, рвался участвовать на прослушиваниях.

Затем он стал выступать с музыкальной тройкой ребят из своего городка, а те его частенько били под разными предлогами. А скорее всего, завидовали, что Фрэнк после концерта идёт гулять с бабами, а они сидели сиднями, никому не нужные. Фрэнку это битьё стало невыносимо, и он ушёл из группы. Шёл 1935 год, Фрэнку исполнилось 20 лет. Но он был непоколебимо уверен, что станет великим певцом и будет очень богатым.

Фрэнк не умел читать ноты, но брал важные для него уроки у учителя пения, который восхищался голосовыми способностями Синатры. Но в один прекрасный день учитель не смог сопровождать ученика в поездке в Калифорнию, потому что у него произошёл сердечный удар. Синатра не поверил учителю, порвал с ним все отношения и никогда не упоминал об уроках, которые у него брал.

К 1940 году Синатре удалось стать ведущим певцом в знаменитом оркестре Tommy Dorsey. За несколько лет они очень подружились, и Томми относился к нему, как отец к сыну. В итоге Фрэнк разорвал контракт, получив более выгодное предложение, и ушёл от Томми. Томми подал в суд, но они решили дело без суда – Фрэнк заплатил неустойку. Однако все отношения с Tommy Dorsey он прервал, и, когда тот подавился во сне и умер, Фрэнк не только не пришёл на похороны, но даже не послал его жене письма с соболезнованиями.

К 1942 году Фрэнк обрёл такой стиль задушевного пения, что заставлял юных девиц визжать и падать в обмороки. Такой массовой и постоянной реакции зрительниц ещё никогда не было в истории песнопений. Сексуальная суть этой реакции манифестировалась тем, что также впервые в истории девицы массово бросали ему на сцену свои трусики, лифчики и записки с предложением самоотдачи. Всё это строилось по схеме массового

психоза. Предприимчивый промоутер Синатры нанимал три-четыре бабы, чтобы они упали в обморок в проходах, и пару дюжин, чтобы они стонали и вопили от сладострастия при Синатровом пении. Зараза мгновенно распространялась, и весь, в основном бабий, зал, глядя на них, приходил в транс. Специально у входа стояла заранее вызванная машина «скорой помощи», чтобы откачивать обморочных.

Всё было продумано – значительному количеству школьниц раздавались бесплатные билеты, а они тащили за собой подружек и прочую толпу, которая уже радостно платила за билеты. А билетёрам (капельдинерам) промоутер раздавал бутылочки с нашатырным спиртом, чтобы приводить в себя кликуш, не выходя из зала. Вскоре наёмные провокаторши уже и не требовались – на концертах Синатры такое поведение стало подразумеваться, и все исправно пищали, вопили и падали в настоящие обмороки, предварительно бросив ему на сцену свои лифчик и трусики.

Консервативное общество США негодовало на открыто выказываемые сексуальные чувства девушек. Один из общественных деятелей обвинил Синатру в том, что он является причиной массового убёга девиц из родительских домов, и предложил отправить его в ссылку в Новую Гвинею. Другой умник из Конгресса обвинил Синатру в провоцировании малолетней преступности (подразумевая под преступностью еблю). Как всегда, дураки-моралисты делали лучшую и бесплатную рекламу произведениям искусства. Синатра радовался этой рекламе и особенно, когда его пение называли «музыкальным наркотиком».

Во время пения Фрэнк покачивался телом из стороны в сторону, и этот динамический намёк на еблю сводил девиц с ума. Потом Elvis Presley стал нарочито вилять бёдрами, чтобы движения ещё больше походили на запретный для девушек процесс получения наслаждения. Ну а твист, шейк и последующие танцы с пением уже без всяких обиняков имитировали чистосердечные движения совокуплений. Так что вся эволюция телодвижений в поп-музыке состоит из всё увеличивающейся точности имитации полового акта. В итоге танцы сводятся уже к самой ебле под поп-музыку.

К тому времени Фрэнк был уже давно женат на домовитой подружке его юности, и у него родились дочка и сын, а потом подоспела и третья дочка. Но на родах своих детей он не присутствовал – отец был занят пением и еблей красоток. В последующие годы камердинер Синатры и его секретарша помнили дни рождения его детей и посылали им подарки от имени отца. Да и вообще, Фрэнк стал жить отдельно от семьи, как

только забрезжила его слава, а потом и вовсе переехал из Нью-Йорка в Калифорнию.

Сын, названный тоже Фрэнком, чувствуя безразличие отца по сравнению с сестричкой Нэнси, которую Синатра обожал (когда у него на то находилось время), отстранился от отца и всю жизнь избегал его. Сын Фрэнк даже не явился на пятидесятилетие отца, которое праздновалось по могуче раскрученной программе и в которой участвовала вся страна. Такая демонстрация даже вызвала слёзы у папаши-крокодила.

С приходом славы и денег Синатра стал вести себя всё более и более по-хамски, а некоторые даже усматривали в нём сумасшествие. Ниже я приведу перечень историй, богато иллюстрирующих этот тезис. Причём разложу я их по полочкам животрепещущих тем.

Синатра, влюблённый в мафию

Фрэнк очень любил бокс – ведь не только его отец, но и два его дяди были профессиональными боксёрами. Фрэнк весил всего 58 килограммов, и от каждого произведённого удара у него распухала рука. Поэтому он никогда не ходил один, а всегда в сопровождении мафиозных телохранителей. Даже на съёмочной площадке они поджидали его, сидя поблизости. Синатра напоминал хулигана-мальчишку, за спиной которого стоят битюги-бандиты, а мальчишка нагло задирает ребят, значительно больше и сильнее себя, зная, что его не посмеют тронуть – у него есть крепкие заступники.

Фрэнк в открытую восхищался гангстерами и мафией и всячески старался им подражать. «Bugsy» Siegel, знаменитый убийца, глава мафии американского Запада, был его кумиром в 1947 году. Синатра только о нём и говорил, а когда однажды «Bugsy» прошёл мимо столика в ресторане, за которым сидел Фрэнк, он вскочил на ноги и подобострастно поздоровался с бандитом, поприветствовав его. Фрэнк постоянно изыскивал возможности познакомиться и поддерживать дружеские отношения с главарями мафии, что становилось тем проще, чем больше росла слава Синатры.

Лучший друг Синатры, мафиозный босс Sam Giancana, убил более двухсот человек. Он был преемником Al Capone. Франк исключительно дорожил этой дружбой, так как, зная о ней, все боялись Фрэнка. Он знакомил Сэма с актёрами Голливуда и поставлял ему красивых актрисочек. Синатра вёл себя с ним, как мальчишка на побегушках. Если Сэм о чём-то заикался, Фрэнк

вскакивал и добывал ему что потребовалось. Он пребывал в восхищении от Сэма и смотрел ему в глаза с открытым ртом. А потом повсюду хвастался своими друзьями из мафии. Фрэнк подарил Сэму кольцо с сапфиром – знак нерушимой дружбы в мафии – и ревниво следил, не снял ли друг с пальца его кольцо.

В какой-то момент Синатра признался:

> Я лучше буду боссом в мафии, чем Президентом США.

В 1969 году вышел роман *Godfather* (Крёстный отец). Один из героев Jonny Fontane настолько напоминал Синатру, что сомнений, с кого этот персонаж списан, ни у кого не было, особенно у самого Синатры. Разумеется, Фрэнк обрушился с оскорблениями на автора и грозил его убить.

Был такой период в конце сороковых, когда с Синатрой отказались работать на телевидении и в кино. Он обратился за помощью к своим друзьям в мафии, и те стали приглашать его петь в ночные клубы, которыми они владели.

В итоге мафия предложила ему долю в лас-вегасском казино *Sands* в обмен на то, что он будет регулярно давать в нём концерты и тем самым привлекать туда богатых игроков. Когда в Лас-Вегасе выступал Синатра, он дополнительно привлекал в город столько же людей, что и три большие конференции-выставки. Фрэнк получал сто тысяч долларов в неделю, ему выделяли многокомнатные апартаменты в самом отеле, в неограниченных количествах приготавливали его любимые итальянские блюда, заливали водкой и ублажали женщинами.

Всех своих друзей-артистов Синатра снабжал едой и питьём круглые сутки, и они, приезжая в Лас-Вегас, должны были выступать только на сцене *Sands*. Если же они отказывались, он больше с ними не знался.

Когда же по пьяни Синатра пытался лезть на членов мафии, ему это не сходило с рук.

Фрэнк был заядлый игрок и мог ставить на что угодно. Однажды Синатра проигрывал огромную сумму в лас-вегасском казино отеля *Sands*. Увидев это, вице-президент отеля Карл Коэн закрыл Синатре кредит. Синатра взбесился, назвал его жидом. А жид размахнулся и заехал Синатре в лицо, выбив две коронки, и рассёк губу. Синатра завопил, что его убивают, и запустил стулом в Коэна, но попал в охранника и рассёк ему голову. Телохранитель Синатры решил не ввязываться, несмотря на требования Синатры защитить его. В результате Коэн стал героем, и его даже стали выдвигать в мэры Лас-Вегаса. Ведь до этого никто не смел возражать Синатре и тем более бить его. Но никто

не хотел подавать жалобу на Синатру, и уголовного дела на него не завели.

Подобный случай произошёл в *Ceasers Palace*, где ему тоже отказали в кредите, так как он попался на махинациях с фишками. Когда директор казино Sanfornd Waterman явился на зов возмущённого Синатры и объяснил причину отказа в кредите, Синатра опять-таки обозвал его жидом, а Sanford парировал, назвав Синатру сукиным сыном, вытащил пистолет и приставил его ко лбу Синатры. Синатра вынужден был ретироваться, грозя: «С тобой разберётся мафия!»

Синатра не желал, чтобы Mia Farrow (его третья жена) снималась в фильмах, а когда она пренебрегла его желанием и продолжала сниматься, Синатра связался с режиссёром и стал требовать не снимать Мию. Режиссёр отказался, и тогда Синатра попросил своих мафиозных дружков, чтобы этому режиссёру поломали руки и ноги. Режиссёру вовремя сообщили, что его заказал Синатра, и он отсиживался в Нью-Йорке, куда синатровские мафиози не добирались – их территорией был Лас-Вегас и Калифорния.

В 1962 году Синатра нагло полез к мужу своей недавней любовницы, который пришёл встречать свою жену, работавшую в казино, где пел Синатра. Муж, бывший полицейский, ударил так, что Синатра вынужден был отменить свои выступления. Но, будучи битым, он громогласно грозил мужу смертельными последствиями. Через две недели эти муж и жена ехали на машине, и навстречу им вдруг выскочила другая машина. Муж резко свернул в сторону, врезался в дерево и погиб. Жена еле выжила. Все подозревали Фрэнка, дружки которого устроили это дело. Но улик не нашли и посчитали случившееся несчастным случаем.

Многочисленные расследования Синатры о его связях с мафией всегда кончались ничем.

Любовь Фрэнка Синатры к Ava Gardner и др.

Самой большой любовью Синатры была киноактриса красавица Ava Gardner, которую поначалу он считал для себя недоступной. Они познакомились на съёмках в MGM, и он ей сразу резко не понравился. «Самодовольный, наглый и манипулирующий», – так она отозвалась о Синатре. Но прибегнем к помощи всё тех же поучительных пословиц и поговорок:

Любовь зла – полюбишь и козла;

От ненависти до любви один шаг.

Так что вскоре Синатра её уломал. Как-то Аву спросили:

Чего ты путаешься с этим 120-фунтовым психом?

Она ответила:

В этих 120 фунтах 10 фунтов Фрэнка и 110 фунтов хуя.

Большой хуй – это прекрасный стимул для женщины, чтобы раздвинуть ноги, но его совершенно недостаточно, чтобы выходить замуж за его владельца. Ava так охарактеризовала свои отношения с Фрэнком:

У нас никогда не было проблем в постели – там было всё прекрасно. Но проблемы сразу начинались по пути к биде.

Нэнси, первая жена Синатры, всё надеявшаяся, что Фрэнк к ней вернётся, узнав о его страсти к Аве, вопрошала:

Что она такое делает в постели, чего не могу сделать я?

Нэнси всю жизнь законно гордилась, что только она родила Фрэнку троих детей. (О внебрачных детях Синатры автор биографии ничего не пишет, а только о многочисленных абортах, которые делали от него всевозможные женщины.)

Ava была замужем дважды, но каждый брак был расторгнут в течение первого года. Ей ужасно хотелось замуж надолго и заиметь детей. После 18 месяцев встреч Ava поставила Синатре ультиматум, что, пока он не получит развод, она с ним встречаться больше не будет. Пришлось Фрэнку разводиться с матерью его детей, и он щедро компенсировал её разбитую мечту, согласно которой он когда-то обязательно должен был к ней вернуться.

Несмотря на свою любовь к Ava, Синатра подвергал её таким же оскорблениям и унижениям, как всех, кто оказывался рядом с ним. Например, отправляясь на представление, он просил, чтобы Ава ждала его возвращения и они проведут время вместе. Она исправно ждала, а он пошёл с мужиками из мафии пить и вернулся в четыре утра, что, разумеется, взбесило темпераментную Аву. Ава ненавидела всех его мафиозных друзей и не желала с ними общаться. И вот на кого он её променял.

Ava была твёрдым орешком и не спускала Фрэнку, а выдавала круто и жёстко. Поэтому их скандалы с битьём посуды и прочей утвари были притчей во языцех. Будучи в Лондоне, они так стервозно ругались, что их чуть не выселили из квартиры, которую они занимали. Так что очередная поговорка:

Милые бранятся – только тешатся —

не могла работать долго.

Ко времени женитьбы на Аве карьера Синатры резко захирела, и он практически жил на её деньги, тогда как у Авы как раз в то время карьера была в зените. Фрэнк подарил ей на свадебный юбилей дорогое кольцо. А счёт за него пришёл к Аве, и она его оплатила, так как у Фрэнка тогда не было денег. Причём он это сделал и принял её оплату своего же подарка как само собой разумеющееся. (Кольцо первой жены Нэнси, которое он взял якобы починить, жена потом обнаружила на руке какой-то его бабы.)

Пока Ава оплачивала счета Фрэнка, он был покладист, так как зависел от неё. Но едва, с тайной помощью Авы, он получил роль в фильме *Отсюда – в Вечность* и фильм стал самым успешным в истории *Columbia Pictures*, Синатра опять распоясался и стал вести себя нагло. (Ава берегла самолюбие мужа и скрыла от него, что бегала к жене режиссёра просить, чтобы Фрэнку дали возможность сделать пробу для фильма.)

Безумная ревность лишала Синатру остатков разума. С киносъёмок он всё время звонил Аве, и, если она не отвечала, он начинал вопить, что убьёт её, так как она опять ебётся со своим вторым мужем, с которым у неё остались дружеские отношения. Ava снималась в фильме в Испании, где её партнёром был тореадор. Фрэнк безумно ревновал и грозил убить их обоих. А когда Синатра оказался в Испании, он этого тореадора всячески избегал.

Короче, после замужества Ava возненавидела Фрэнка так ожесточённо, что сделала аборт втайне от него. А ведь она так хотела иметь детей! Это позор и преступление, что такая красавица не родила хотя бы одного ребёнка, и лучше всего девочку, которой бы она передала гены своей бесподобной красоты. А так от неё остались только фотографии и фильмы.

Ava Gardner не раз уходила от Синатры после очередного скандала, а влюблённый песняр, чтобы удержать её, прибегал к самоубийственным трюкам: так, Аве, которая была на вечеринке, позвонил взревновавший Синатра и дал ей понять, что собирается покончить с собой. И Ава услышала в трубке выстрел. Она закричала, бросилась к нему в отель, но оказалось, что Фрэнк

выстрелил в матрац, чтобы её проучить. А потом он отрицал всякие намёки на самоубийство, мол, он случайно выстрелил и попал в матрац.

Из-за очередного ухода Авы Фрэнк пытался покончить с собой, нажравшись таблеток для сна, но его вовремя нашли и откачали. В процессе развода с ней Фрэнк опять пытался заняться самоубийством, и его нашли в лифте с надрезанным запястьем. Разумеется, его спасли, потому что, как известно, фальшивые самоубийцы умирать не хотят, а заведомо неудачной попыткой самоубийства пытаются привлечь к себе внимание. Ава говорила о муженьке:

> Трусливый монстр. Он всегда думал, что в мире нет никого кроме него.

После развода с Авой Фрэнк ходил и всем твердил, что красивее женщины на Земле не было и нет, и вывесил её фотографии, как иконы, в своём доме. Это не помешало ему во время приступа злобы разбить вдребезги рамку и разорвать на кусочки её портрет. Через некоторое время он ползал по полу и собирал кусочки, чтобы склеить (сейчас было бы проще – в фотошопе новый принт сделал бы).

Прискорбно, что Синатра вёл себя с Авой как подлец и псих, едва он переставал долбать её своей большой палкой. Хотя и тут можно подозревать, что при его супербрезгливости он отвращался от Авиной пизды, смиряясь с ней лишь при засовывании хуя. Он позволял ей пользоваться биде, тогда как такую женщину он бы мог и вылизывать. Синатра требовал, чтобы бесподобная и независимая красавица беспрекословно принадлежала и подчинялась только ему. Но Ава была не из таких, кто подчиняется. Быть может, поэтому она произвела на него такое неизгладимое впечатление, которое длилось всю его жизнь.

Гораздо проще Синатре оказалось с четвёртой, и последней, женой Barbara Marx, которая терпела и принимала все его грубости и самодурства. В награду за свою покладистость она дождалась его смерти.

Третьей женой Синатры была Mia Farrow, которая соблазнила Фрэнка, когда ей было 19 лет, а ему 51. Она нацелилась на него как на самого влиятельного мужчину в музыкальном мире и предложила себя. Несмотря на тысячелетнюю разницу в возрасте, он имел глупость на ней жениться. И это при том, что Синатра хаял режиссёра фильма *Love in the Afternoon* 1957 за «дегенератский» сценарий – Фрэнк посчитал аморальным показывать пожилого мужчину, который завёл интрижку с молодой девушкой.

Мия, будучи замужем за Синатрой, носила коротко постриженные волосы и вообще была тонюсенькой и мальчикообразной. Ava отреагировала на брак своего экс с Мией такой фразой:

> Ха! Я всегда знала, что он в конце концов окажется в постели с маленьким мальчиком.

* * *

Многие женщины рвались развести ноги для Синатры: слава, деньги, талант – и от любой гордой пизды останется лишь мокрое место. А для большинства пизд было достаточно одних только денег – именно таких Синатра и любил больше всего. Он весьма жаловал разноцветных проституток, которые шли нескончаемым потоком в его апартаменты гостиницы *Sands*, и он им щедро платил за полную беззаботность, которую они предоставляли в дополнение к наслаждениям, – того, чего не могли предоставить «приличные» женщины.

Но бывали исключения и находились отщепенки, которые им пренебрегали: так, актриса Kathryn Grayson, которая снималась с Синатрой в одном из фильмов, возражала против любовных сцен, в которых она должна была с ним целоваться.

> Мне противно целовать такого тощего и костлявого, —

заявила она. Но в итоге она успешно справилась со своим отвращением, глядя на пачку зелёненьких.

Одна мудрая любовница Синатры, к которой он приставал с предложением жениться и удивлялся её отказу, пояснила без обиняков:

> Как же я могу выйти за тебя замуж? Ты ведь обыкновенный бандит.

Синатра встал, молча ушёл и больше к ней не возвращался.

Синатра любил брать в постель несколько женщин. Что он с ними один делал? Дразнил хуем, а те, глядя, как он ебёт одну, мастурбировали? Разумеется, наслаждения женщин его не волновали, он заботился только о своём. Ибо если бы он заботился о наслаждении женщины, то он для одной пригласил бы несколько помощников, а не размахивал одним хуем среди множества холостых дырок.

Такого рода мероприятия со множеством женщин особенно привлекали Джона Кеннеди, которому было не с руки устраивать групповуху, – ему бы скрыть от общественного мнения одиночную любовницу, а Синатра поставлял их кучами.

Жаклин Кеннеди своим женским чутьём учуяла соблазны, которыми песняр привлекал президента, и ненавидела Синатру, пока Кеннеди был жив. Потом, выйдя за старика Онассиса, она потеплела к Синатре. Можно легко предположить, почему.

Синатра имел любовницами бесчисленные созвездия кинозвёзд. Аж Элизабет Тэйлор справила от него аборт.

Ебал он и Натали Вуд и, как всегда, хамил – на одной из вечеринок Синатра так оскорблял её при всех, что она, разрыдавшись, выбежала из гостиной.

Синатра и DiMaggio, один из мужей Мэрилин Монро, решили уличить её в лесбиянстве. Мэрилин подала на развод с DiMaggio, а обвинение в лесбиянстве дало бы мужу вескую улику для доказательства в суде недостойного поведения жены.

Синатра и муж ворвались в квартиру, где, по их данным, Мэрилин должна была миловаться с какой-то бабой. Но они что-то перепутали и вломились в соседнюю квартиру. Когда Синатру заставили давать показания, он от всего отказался. А детектива, который расследовал это дело, избили мафиозные дружки Синатры. Дело замяли, а после скорого развода Мэрилин с DiMaggio Фрэнк стал её любовником и на многолюдном приёме кричал ей:

> Заткнись, Норма Джин! Ты такая дура, что невозможно понять, о чём ты говоришь!

Она ему быстро надоела, и Синатра стал делиться ею со своими друзьями, включая Джона Кеннеди. Вот настоящий друг, которого хотел бы иметь любой мужчина.

Фрэнк любил заниматься любовью на полу, слушая пластинки с собственными песнями. То есть он сам себя возбуждал своим голосом. Аудиоонанизм. Или он пребывал в уверенности, что его голос лучше заводит бабу под ним, чем его прикосновения. Наверно, он брезговал прикасаться к женщине для соблазнения и перепоручал это своим песням, да и небось кончала она быстрее, слушая, как он музыкально мурлычет.

Ему делали инъекции тестостерона, чтобы он мог совладать с нескончаемым потоком женщин, который низвергался на него с райских кущ.

Одна из его любовниц интерпретировала его сволочизм как желание принести зло всем, прежде чем другие принесут зло ему. И действительно, он был здесь настоящим пионером.

Одна из характерных черт личности Синатры – он никогда не хвалил своих подчинённых. Если он молчал, это уже означало, что он доволен их работой.

Другая милая черта его характера – он никогда не признавал свою вину или ошибку. Синатра откупался от их неприятных последствий с помощью взяток или подарков.

Однажды он вдрызг обхамил своего менеджера, причём, как всегда, при посторонних. Потом Синатра осознал, что терять менеджера невыгодно. Когда на следующий день этот менеджер подъехал к своему дому, на driveway сверкал новенький «кадиллак». Это был подарок от Синатры, но никаких: извинений или слов сожалений у Синатры не родилось. Вот, мол, тебе дорогой подарок и забудь, что было, продолжай работать как ни в чём не бывало. Но это ещё цветочки.

Синатра всегда опаздывал на репетиции, заставляя оркестр ждать его часами.

В фильмах он отказывался делать дубли и требовал, чтобы все сцены с его участием принимались с первого раза. Он также требовал, чтобы режиссёр снимал подряд все сцены, где участвует Синатра, чтобы ему не приходилось многократно являться на съёмочную площадку. Если режиссёр пытался ему противоречить, Синатра выдавал ему по первое число, унижая и оскорбляя перед всеми. Спорить с ним боялись – все знали, что он непредсказуем и что за ним стоит мафия.

Актёры и режиссёры дивились, глядя, как во время съёмок Фрэнк постоянно бегал мыть руки и почти каждые двадцать минут менял трусики. Можно легко представить, как он себя вёл с женщинами: всунет раз-другой – и бежит в ванну мыть хуй да пальцы и трусики в раковине простирывать. А баба, поджидая его в кровати, дрочит. Потом Синатра выбегает из ванны, снова всаживает пару раз, зажав нос, – и обратно в ванну. К тому времени баба уже сама и кончит. Такая вот гигиенически-активная половая жизнь.

В свои 34 года Синатра ужасно смущался и прятался от всех, когда на съёмках фильма гримёр надевал на него шиньон, чтобы скрыть начинающееся облысение. Он бесился, когда его большие уши оттягивали назад и удерживали в этом положении клейкой лентой. Чтобы скрыть плоский (а точнее, как замечали свидетели, вогнутый) зад Синатры, ему под брюки подкладывали подушечки. Всё это он старался держать в секрете. Но, разумеется, не удержал.

Синатру ненавидел обслуживающий персонал любого отеля

или заведения, где он бывал, – он любил оскорблять и уничтожать криком прислугу и даже своих: личных помощников и камердинеров, которыми поначалу были его прежние знакомые и друзья с детских и юношеских времён. Многие просто боялись его, зная, что в любую минуту он может взорваться без всякой видимой причины. Так, между прочим, Синатра ударил бармена в лицо за то, что тот не подал ему дополнительного бесплатного коктейля, но после «личной встречи» на следующий день бармен решил не обращаться в суд.

Фрэнк ежедневно отправлял в стирку свои рубашки с указанием: не крахмалить. Однажды ему принесли из прачечной случайно накрахмаленные рубашки. Он рассвирепел, бросил рубашки в лицо тому, кто их принёс, а потом стал их топтать на полу и разбрасывать по комнате, при этом, разумеется, матерясь во весь голос. Тогда его друг, что принёс рубашки, в ответ тоже покрыл Фрэнка и сказал, что он не тот, кто крахмалил рубашки, а лишь принёс их ему. Фрэнк выбежал из комнаты, хлопнув дверью, и долгое время не разговаривал с «провинившимся».

Все музыканты, инженеры-звукооператоры и прочие, кто на него работал, в один голос говорили, что нет ничего хуже, чем работать на Синатру и иметь его начальником – более злобного сумасброда найти невозможно.

Как-то ему не спалось, и в четыре часа утра он приказал тотчас доставить рояль в его гостиничные апартаменты. До открытия магазина он ждать не пожелал. Пришлось разбудить хозяина, чтобы тот явился в магазин, и платить тройную цену грузчикам за привоз и втаскивание рояля среди ночи.

В начале 50-х Синатра провалил несколько телевизионных шоу, за которые ему платили огромные деньги, однако виновными для него оказались работники телевидения. Он ненавидел репетиции, пренебрегал ими и хотел делать всё с наскоку, но не получалось – рейтинги его телевизионных шоу были низкими и их прикрыли раньше времени.

Однажды Синатра обедал в ресторане с бабой и с двумя парочками, которые часто гостили у него в доме. После обеда он предложил им поехать к нему, но они сказали, что устали и что приедут на следующий день. Причём, зная нрав Синатры, они препирались: кто решится сказать ему об этом, пока он уходил в туалет. Когда один смельчак решился, то Синатра бросил бокал об пол: «Ну, раз вы так решили!» – и разгневанный ушагал из ресторана. А приехав домой, он вытащил всю одежду этих парочек из шкафов, разрезал её на мелкие кусочки и выбросил в бассейн.

Если Синатре не нравился цвет телефона, висящего на стене

его номера, он срывал его со стены и размызгивал об пол.

Если ему приносили гамбургер, поджаренный не так, как он хотел, он размазывал его по стене и требовал увольнения повара.

Рефреном всех его знакомых был такой: Синатра – совершенно невыносим и это тяжкое испытание для тех, кто оказывается рядом с ним.

Почитатель Синатры, работник отеля, узнал своего кумира, радостно подошёл к нему и сказал: «Вы Синатра, я узнал вас – вы мой кумир!» На это Синатра сказал: «Убирайся, идиот!» И его телохранители под руководством Синатры избили почитателя. Никто не посмел вмешаться – убоялись.

В ресторане два отца обсуждали свадьбу своих детей, подготовка к которой шла в соседнем зале, а за соседним столиком Синатра с приятелями орали и матерились. Когда один из отцов попросил их понизить голос, Синатра ударил отца по голове чем-то тяжёлым и быстренько смылся со своими приятелями, оставив того лежать на полу в крови. Раненого забрала «скорая помощь» в больницу, и тот лежал в реанимации на грани жизни и смерти в течение двух недель и еле выкарабкался. Потом ему звонили мафиозные дружки Синатры с угрозами прикончить его детей, если он подаст в суд. Он решил пожалеть своих детей и в суд не подавать. Синатра торжествовал.

После 14 лет беззаветной и терпеливой службы Синатра выгнал своего камердинера George Jacobs, так как Синатре показалось, что он спал с его женой Мией. А дело было так: Джордж пришёл со своей бабой в ресторан, а там оказалась обкуренная Мия, которая бросилась к нему с просьбой: «Потанцуй со мной!» Джордж вежливо потанцевал, пока его баба дожидалась своей очереди. Но об этом танце сообщили Синатре, и он сделал логическо-параноидальный вывод, что Джордж – любовник Мии. Попытки поговорить с ней или с Джорджем он и не думал предпринять. Камердинер был уволен третьим лицом без объяснения причин. Как всегда, Синатра все критические контакты с людьми обделывал через посредников, не находя в себе смелости оказаться лицом к лицу с тем, от кого решил избавиться, будь то женщина или мужчина.

Как только первая слава коснулась Элвиса Пресли, Синатра немедля возненавидел его. Синатра проклинал рок-н-ролл, как советский коммунистический идеолог. Он негодовал:

> Этот тип музыки жалок, тошнотворно возбуждающ,

а сам рок-н-ролл уродливый, дегенеративный и зловредный. Слова в рок-н-ролльных песнях —

развратные и грязные, пригодные лишь для малолетних преступников.

Но, всегда держа нос по ветру и видя, что успех Пресли может затмить его собственный, Синатра переокантовался и пригласил его к себе на телепередачу, заплатив сто тысяч долларов за десять минут пребывания на экране.

Однажды на вечеринке он набросился на Ahmen Ertegun, владельца *Atlantic Records*, где выходили пластинки рок-музыкантов, обретавших славу:

> Ты разрушил музыку своим рок-н-роллом. Это твоя вина, что развалился музыкальный бизнес. Ты разрушил музыку в стране…

Ahmen Ertegun молча встал и вышел из комнаты. Синатра не терял убеждения, что лучше его никого в поп-музыке нет, и не терпел опровергающей этот тезис молодёжи.

В 1964 году, будучи на съёмках, Синатра чуть не утонул. Его, полумёртвого, вытащил на берег актёр-здоровяк Brad Dexter, рискуя собственной жизнью (он играл одного из ковбоев в *Великолепной семёрке*). Фрэнк не послушался предупреждений о бурном океане, поплыл и стал тонуть. Когда до него доплыл Brad, Синатра прекратил всякие попытки держаться на поверхности, просил, хлебая воду, позаботиться о его детях, и причитал: «Я умру, я умру». Dexter из последних сил доплыл до берега, таща на тебе Синатру. Синатра даже не поблагодарил спасителя, но зато ввёл его в круг своих ближайших друзей – Фрэнк считал, что это достаточная благодарность за спасение его жизни.

Но Синатра не мог жить в положении, когда он кому-то должен быть благодарен. И, как всегда, своё зло он выместил на следующий день после своего спасения на своём преданном дворецком, когда тот на обеде сервировал любимые синатровские спагетти. Но они чем-то пришлись не по вкусу Синатре (хотя дворецкий всегда их делал для Синатры так, как никто другой), и Фрэнк бросил спагетти из блюда в лицо дворецкому. «Ешь их сам, я не буду есть это дерьмо», – прокомментировал Синатра свой поступок. Все замерли в ужасе и недоумении. Декстер, приглашённый на обед, не побоялся высказать Синатре своё возмущение его поведением – ведь всего сутки назад он был на краю смерти и, казалось бы, надо радоваться каждой минуте вновь полученной жизни.

Но тут Декстер понял, что таким способом Синатра вымещает свою нетерпимость ситуации, когда ему приходится быть благодарным кому-то и тем паче за спасение собственной жизни.

Это все должны были быть благодарны Фрэнку, а он может быть благодарен только самому себе.

В один прекрасный день Фрэнк решил отблагодарить своих друзей, которые тогда оказались в его доме. Он позвонил в самые дорогие магазины и заказал роскошные галстуки, запонки, шёлковые рубашки, кашемировые свитера. Всё это привезли в его дом, разложили на полу в гостиной. Синатра кликнул своих друзей и, когда те пришли, сказал: берите что хотите. Все набросились на халяву, но Декстер не хотел ничего брать. А Синатра его уговаривал:

> Бери, деньги для меня ничего не значат – у меня их навалом.

В свои 49 лет он по-прежнему пытался купить дружбу деньгами, как делал это в детстве.

Вскоре Синатра возненавидел Brad Dexter якобы за то, что тот не согласился показать ему ещё не отредактированный фильм, который Dexter снимал. Brad забыл, с кем имел дело. Фрэнк сразу прервал с ним все отношения и на людях стал отрицать, что Brad Dexter спас ему жизнь. А потом и вовсе перестал его признавать, и, когда при Синатре кто-либо упоминал Brad, он переспрашивал: какой Brad?

Синатра любит privacy

По словам актёра Hamphrey Bogart, синатровская идея рая – это место, где много женщин и ни одного журналиста.

Больше всего Фрэнк Синатра ненавидел полицию (как и все мафиози) и прессу (как свидетеля преступлений, которого невозможно ни заставить замолчать, ни убить). Полицию можно было подкупить, как это делалось в Лас-Вегасе, а журналистов Фрэнк старался запугать, изувечить или даже убить. Однако с Первой поправкой к американской Конституции, гарантирующей свободу слова, он уже ничего сделать не мог и потому в своих возмущённых посланиях в Сенат, в общественные организации, в СМИ Синатра часто использовал ход, что, мол, Первая поправка к Конституции – это ещё не вся Конституция и делать на ней чрезмерный акцент – это несправедливо и нечестно по отношению к личности. Мол, в Конституции США есть более важные пункты, чем Первая поправка.

Но этот аргумент ни на кого не действовал, и его постоянное повторение Синатрой указывало лишь на его отчаянную беспомощность перед истинной свободой слова. Так, если ему в

руки попадала рецензия, где им не восхищались или, боже упаси, ругали, он бросал газету на пол и топтал её ногами, вопя проклятия благим матом.

Иметь телохранителей при характере Синатры было жизненно необходимо. Так, с их помощью он избил журналиста Lee Mortimer за его бесцеремонные статьи. А при допросе в полиции Фрэнк стал лгать, будто Lee обозвал его «грязным итальяшкой» и он защищал свою честь. Но Lee, разумеется, ничего подобного не говорил. Синатру арестовали, и тут мафиозники стали названивать Ли и угрожать убийством, если он не отзовёт свою жалобу. Тогда на защиту своего журналиста встал издательский гигант *Hearst*, и струсивший Синатра сразу заплатил деньги Ли, чтобы компенсировать ущерб и не предстать перед судом. А потом Фрэнк бегал выпрашивать прощения в издательский концерн к его шефу, чтобы его издательская империя не подвергла Синатру остракизму в своих влиятельных и повсеместных периодических изданиях.

Синатра под прикрытием своих мафиозных телохранителей и сами телохранители бросались на всякого фоторепортёра, который осмеливался его сфотографировать, – они либо избивали его, либо в лучшем случае отнимали камеру, засвечивали плёнку и разбивали камеру оземь.

Всех журналистов и фотографов Синатра называл «паразитами» и «пьявками». Один журналист, которого Фрэнк ударил в лицо, дал сдачи и попал ему в нос. Фрэнк завопил с возмущением: он меня ударил, он меня ударил! (Как будто нарушились законы физики, согласно которым бить мог только Фрэнк.) Несмотря на то, что вокруг было много свидетелей, на следующий день Фрэнк лгал, что якобы тот начал первый и откуда-то набежавшие двое держали Синатру за руки, пока тот избивал Синатру (согласно параноидальным законам синатровской физики – не мог существовать мир, где дали в морду ему, и самым главным для него стало, чтобы об этом не узнали другие). Дело, разумеется, замяли.

Когда один комедийный актёр пошутил над Синатрой и его новой чрезвычайно юной женой Мией, что на ночь он кладёт в стакан с водой свои протезы, а она – свои детские braces[29], то этому актёру позвонили мафиозные друзья Синатры и потребовали, чтоб он убрал эту шутку из своего монолога, иначе его жизнь будет в опасности. А через несколько дней человек забрался в его квартиру через лоджию и произвёл три выстрела из пистолета. Предупредительные. Мафиозная полиция в Лас-Вегасе даже не приняла к рассмотрению жалобу комика на Синатру, так как не нашла мотивов для преступления. В то время

Синатра буквально владел Лас-Вегасом и творил что хотел.

С женщинами-журналистками он расправлялся «по-мужски»: Barbara Walters он постоянно называл самой уродливой бабой на телевидении, которой нужно научиться говорить, прежде чем говорить (Барбара чуть шепелявит).

Rona Barrett в биографии Синатры написала так про Фрэнка и его дочь Нэнси:

> Если бы они не были отцом и дочерью, они бы легко сошли за любовников.

Это вызвало в Синатре бурелом негодования:

> Мужа Роны Баррет должны наградить медалью Конгресса за то, что он каждое утро просыпается рядом с ней и вынужден смотреть на неё… Она так уродлива, что её мать привязывала ей на шею кусок мяса, чтобы их собака с ней играла… Что ещё можно сказать о ней, что уже не было сказано о (пауза) проказе…

Журналистка Maxine Cheshire из *The Washington Post* осмелилась напористо спросить Синатру о его связях с мафией. Мгновенно он её возненавидел.

Когда она в отеле, где остановился Синатра, попыталась задать вопрос его будущей жене Barbara Max, будущий муж бросился на журналистку с криком:

> Убирайся, ты, дрянь! Убирайся и прими ванну! Можешь это напечатать, Ms. Cheshire. Убирайся подальше. Я не желаю с тобой разговаривать. Я ухожу отсюда, чтобы избавиться от твоей вони.

Затем он повернулся к людям, собравшимся на его крик, и сказал:

> Вы знаете Ms. Cheshhire, не так ли? Эта вонь, которую вы чувствуете, исходит от неё!

И в полном безумии он снова обернулся к ней и завопил:

> Ты, двухдолларовая блядь! Пизда! Ты знаешь, что это означает?
>
> Ты всю свою жизнь ложилась под кого угодно за два доллара!

Затем он засунул руку в карман, вытащил два доллара и

запихал их в пластиковый стакан с водой, который держала в руке журналистка:

Вот тебе, крошка, твоя стандартная плата!

Затем он схватил свою будущую жену и провозгласил:

Пошли отсюда, нам здесь нечего делать!

Статьи об этой сцене, которую устроил Синатра, заполнили все газеты и журналы, и, когда об этом стало известно в Белом доме, Никсон был шокирован.

Но Синатра на этом не остановился: он послал своего шофёра по всем аптекам, и тот закупил сотни бутылочек и спреев для удаления пиздяного запаха. Фрэнк написал сопроводительную записку для Maxine:

Тебе, должно быть, известно, как и почему надо использовать эти изделия.

Но адвокат Синатры, узнав о подготовленной к отправлению посылке, втайне от Синатры предотвратил отсылку этого добра в *Washington Post*, чего требовал Синатра и который был уверен, что посылка ушла по назначению.

Журналистка сначала хотела подать в суд, но потом передумала (видно, тоже грозили).

А когда 79-летняя мать Синатры узнала о двухдолларовом инциденте своего сына, она сказала только одно:

Подумаешь! Он ей переплатил.

Будучи на гастролях в Австралии, Синатра оскорбил местных журналистов, а его мафиозные телохранители нанесли нескольким увечья. На одном из выступлений он использовал «уценённое» оскорбление, назвав журналистов уже не двухдолларовыми, а полуторадолларовыми блядями. На следующий день в Австралии поднялся протест. Профсоюзы отказались обслуживать его концерты, и Синатре пришлось отменить выступления. Когда Синатра собрался домой, транспортный профсоюз отказался заполнять горючим его самолёт, пока Синатра не извинится. В итоге адвокат Синатры и лидер профсоюзов договорились выпустить коммюнике, где Синатра полуизвинялся.

Вся американская пресса торжествовала, что австралийцы утёрли Синатре нос, сделали то, чего американцам делать не удавалось.

Вернувшись в Америку, Синатра опубликовал ироническое извинение проституткам за то, что он сравнил с ними журналисток:

> Я хочу извиниться перед всеми проститутками, которые являются Мадоннами Ночи, за то, что я сравнил их с журналистками. Журналистки продают свои души. Но кто захотел бы их тела?

То, что он так напирал на вонь пизды, подтверждает его «патологическую» чистоплотность, заменяющую благодарность. Как он ненавидел тех, кто оказывал ему услуги и кому он оказывался обязан, так он ненавидел пизду за то, что она даёт ему наслаждение.

На тебе Боже, что мне негоже

К концу своей жизни Синатра соорудил себе репутацию щедрого филантропа и бескорыстного благодетеля. Ему необходимо было, чтобы он не воспринимался общественным мнением как наглец и мафиози.

С давних времён часть богатых людей жертвовала деньги на благие дела. Формы этих пожертвований были различны: один из кареты бросал пригоршни монет в толпу, другой посылал деньги на строительство больниц и учебных заведений, третий организовывал фонд для награждения талантливых и гениальных.

Конечно, среди богатых людей имеется много гобсеков и Плюшкиных, которые будут «над златом чахнуть», но никому не дадут ни копейки. Однако американские законы прописаны так, что избегать благотворительности богатым людям просто невыгодно – у них всё равно значительные деньги заберут на уплату налогов, так что уж лучше самому отдать, но зато кому хочешь, и от этого польза будет: и тебя любить будут, и тебе самому приятно будет, что помог кому-то. Именно по этому пути решил пойти Синатра, обсудив это со своими адвокатами и финансовыми советчиками. Давать и широко рекламировать каждое пожертвование.

Так что синатровскую щедрость следует отнести не на счёт его доброй души, а на счёт его саморекламных стратегий. Люди, которые бескорыстно хотят быть филантропами, не вопят об этом на каждом углу, а часто и вообще скрывают своё имя.

Синатра стал раздавать миллионы больницам, учебным заведениям и в те места, из которых будет громче слышны

благодарности за его деньги. Он дал распоряжение своим менеджерам – выбрать места, куда раздавать деньги, чтобы имя Синатры ассоциировалось с добрыми делами. Для него эти деньги ничего не значили, своим детям он с лихвой отложил, самому ему было не растратить денег, которые текли к нему рекой, а скорее неслись как цунами. И потому со всех точек зрения нужно было от них эффективно избавляться.

Это был для него самый простой и безболезненный способ соорудить себе биографию благодетеля. Благотворительность не обязывала его в чём-либо себя ущемлять. Даже на благотворительных концертах, на которых он время от времени выступал, великой платой была любовь и восхищение людей его щедростью и добротой.

Люди, которые были близки к Синатре, знали, что он бросится на помощь к чужаку быстрее, чем протянет руку помощи другу. В 1972 году он даже получил специальную награду, учреждённую для благотворителей: «За щедрость к незнакомым людям».

Вот как Синатра продемонстрировал свою дружбу одному из своих близких друзей:

> Билл, иногда мне хочется, чтобы кто-то тебе нанёс какой-нибудь вред и тогда я бы мог его убить.

В хорошем настроении он давал официанткам чаевые сотенными банкнотами, в машине он возил чемоданчик, набитый сотенными, чтобы давать их кому вздумается.

Свои добрые чувства он выказывал через щедрые подарки, а негативные через жестокость.

Своим любовницам-актрисам (Shirly MacLaine, Natalie Wood и др.) он устраивал роли в фильмах – уж не знаю, можно ли это называть щедростью, – обыкновенная плата за пизды, но по голливудским расценкам.

Однако бывали случаи, когда Синатра проявлял недюжинную заботу и, как правило, о людях, с которыми он не был близок, – так актёр Lee J. Cobb, с которым Фрэнк снимался в одном фильме и игрой которого восхищался, получил инфаркт и был при смерти после развода с женой. А на комиссии по борьбе с коммунизмом он назвал нескольких коммунистов в Голливуде, что сделало его изгоем. Друзей у него почти не осталось, и он уже прощался со своей карьерой. Но тут явился Синатра, завалил его подарками, убедил в прекрасном будущем, оплатил остатки медицинских счетов, отправил его в санаторий, где тот познакомился со своей будущей женой, – короче, Синатра оказался великим благодетелем для Lee J. Cobb.

Когда Sammy Davis Jr. потерял глаз в автоаварии, Синатра ездил навещать его в больницу, потом взял его к себе в дом, чтобы Sammy там выздоравливал. Однако, когда тот посмел сказать в интервью про Синатру, что тот, при всей своей щедрости, любит унижать и оскорблять людей, что непростительно для любого таланта, Фрэнк назвал его грязным чёрным подонком и отнял у него роль в фильме, в котором Сэмми должен был сниматься. Последующие два месяца Сэмми на коленях просил прощения у Синатры, но тот не желал даже с ним разговаривать.

Щедрость на деньги с лихвой заменяла у Синатры щедрость на добрые чувства.

Дружба с властью

Однако нет худа без добра – своего любимца, Джона Кеннеди, Америка получила в президенты благодаря содействию мафии. Мафиозные боссы по настоятельным просьбам Синатры, воодушевлённого Джоном Кеннеди, решили помочь ему в тяжёлых выборах с Никсоном: нажали на подопечный народ и выжали нужное количество голосов. Преимущество в количестве голосов у Кеннеди было незначительным, и поэтому каждый голос был исключительно важен.

Мафия помогала Синатре вытаскивать Кеннеди не за его красивые глаза – расчёт был с помощью близости Синатры к Белому дому получать услуги от президента и быть под покровительством у государства. Но надежды на дружбу Синатры с Кеннеди быстро рухнули – Кеннеди не хотел себя компрометировать дружбой с мафиози.

Однако в награду за его труды Кеннеди назначил Синатру организатором грандиозного концерта в честь избрания в президенты, куда Синатра пригласил всевозможных знаменитостей, и представление удалось на славу. После этого дружба сошла на нет.

Особенное отдаление произошло после того, как Бобби Кеннеди был назначен министром юстиции, и он начал ожесточённую борьбу против мафии, чем вызвал к себе ненависть у Синатры.

Синатра построил рядом со своим домом во Флориде огромный дом, в который, как он надеялся, будет приезжать президент со своей свитой. Туда были подведены множественные телефонные линии и факсы, была сооружена даже специальная площадка для посадки вертолётов. Когда Синатра узнал, что

Джон Кеннеди решил не останавливаться в его поместье, он в злобе схватил отбойный молоток и бросился курочить посадочную площадку.

После гибели Кеннеди и прихода к власти Никсона Синатре удалось подружиться с вице-президентом Спиро Агню, который много раз приезжал во флоридский дом, построенный для Кеннеди. Так что постройка не пропала даром.

В 1966 году Синатра ненавидел Рональда Рейгана, даже выключал телевизор, если тот появлялся на экране, уходил из комнаты, если там был Рейган. А в 1970-м Синатра уже был его ярым сторонником, так как Рейган отчётливо двигался к большой власти. Синатра активно участвовал в выборной кампании Рейгана, и Рейган выступал в защиту Синатры, когда того прижимали по мафиозной линии.

После гибели своей матери в авиакатастрофе Синатра бросился с головой в католицизм. Тут его проняло, что существует нечто, что обладает большей силой, чем деньги, власть и талант. Он решил завести дружбу с религией, в которой он увидел власть, Верховную власть.

Синатра всю жизнь изо всех сил стремился иметь в друзьях сильных мира сего, чтобы те его защищали и чтобы все остальные его боялись, видя таких больших и сильных дружков, стоящих за его спиной.

Гений и злодей

Шутку Пушкина о том, что гений и злодейство несовместимы, люди решили принимать всерьёз. В ней, разумеется, есть доля правды, но доля эта настолько незначительна, что история над ней систематически насмехается.

Но что понимать под злодейством? Обязательно ли быть многосерийным убийцей, чтобы удостоиться звания злодея?

Принято считать, что злодей является злодеем до мозга костей, ему отказывают в каких-либо добрых человеческих проявлениях, и прежде всего в способности любить и желании быть любимым. Поэтому каждый раз, когда какой-либо злодей обнаруживает любовь к собаке или к собиранию спичечных коробков, то это ошеломляет людей до выпадения глаз из орбит. А если припомнить, что злодей – это человек, которому ничто человеческое не чуждо, то тогда злодеем можно считать любого человека, рядом с которым другим людям быть опасно, неприятно или оскорбительно.

Другим определением злодея может быть такое: злодей – это

тот, кто умышленно приносит людям зло.

Под эти определения прекрасно подходит Фрэнк Синатра. Один из его друзей, сразу ставший «бывшим» после произнесения следующей фразы, подвёл хороший итог Синатре:

> Ты – прекрасный певец, которому нет равных, но ты полное ничто как человек.

Синатра обрушивал свою злобу только на людей, которые не смели или не могли защищаться, и он никогда не позволял себе набрасываться в злобе на своих друзей из мафии или на тех, кого он считал сильнее себя. Это лишь подтверждает, что у Синатры, американского «поручика Пороха», была не психическая болезнь, а поведение «молодца против овцы». Если бы Синатра был действительно безумец, а не злодей, то он бы бросался на любого без разбору в очередном приступе злобы. А тут его приступы были просчитаны, продуманы и избирательны, а из этого без труда можно вывести ещё одно определение злодейства.

У всех злодеев добрая часть их души должна куда-то устремиться, во что-то воплотиться. У одних злодеев это устремляется в любовь к животным, у других – в любовь к своим детям, а у Синатры – вся его доброта, любовь, соучастие обратились в музыку, в пение. После смерти он и остался в памяти людей этим «добром». Хотя Синатрово зло не забылось, но в основном лишь теми, кому он это зло принёс. Но его время творения зла истекло. А добро он продолжает приносить десяткам миллионов тех, кто его слушает. Арифметика в его пользу. Синатра сделал 55 фильмов, более ста альбомов и две тысячи аудиозаписей.

> Тот, кто так поёт, не может быть действительно плохим человеком, —

сказал один из близких знакомых Синатры.

– Может, – возражу я, – и поэтому его можно звать двояко, для чего специально придуманы две фразы: «злой гений» и «добрый гений».

Преодоление морали

***Mimi Alford.* Once Upon a Secret. My Affair with President John F. Kennedy and Its Aftermath. New York: Random House, 2012. 200 p. ISBN 978-1-4000-6910-1.**

Впервые опубликовано в *General Erotic.* 2012. № 233.

Люблю поучительные истории. И не потому, что они чему-то там учат, а потому, что нельзя принимать всерьёз то, чему тебя стремятся учить, ибо учат тебя, как правило, рабству. Прежде всего, учением занимается мораль, которая хвалится своей заботой о благе человека. Однако эта забота о благе сводится к заботе о навлечении страданий, которые, чем сильнее и непрерывнее, тем более свидетельствуют о «благе», принесённом моралью.

Преодоление влияния морали – это доблесть сильного и умного человека. Разумеется, за одной преодолённой бездной открывается другая, но способность преодолеть хотя бы одну даёт тебе уверенность в преодолении остальных.

Мими Алфорд потратила на преодоление пагубного влияния морали большую часть своей жизни. И она добилась пусть не полного, но значительного успеха, свидетельством чему стала её книга.

О Мими я писал ещё в 2003 году (см. *General Erotic.* 2003. № 95) по следам первой публикации о ней в *New York Daily News.* Тогда газетчики раскрыли её тайну, которую она хранила более сорока лет. Тайна эта постепенно перестала быть таковой, и поползли слухи, сплетни и домыслы. Поэтому Мими решила в конце концов сама подробно рассказать о великом событии и как оно повлияло на её жизнь.

Однако главный смысл этой книги для меня не в том, как Кеннеди в очередной раз заграбастал пизду, попавшуюся ему на глаза, а в том, как женщина, порабощённая, подавленная и шантажируемая моралью, освобождается от полного рабства и обретает уверенное спокойствие. Полного освобождения она, увы, не обрела, а лишь из рабыни стала крепостной у благосклонного помещика осовремененной морали. Но и этим историческим шагом пренебрегать нельзя.

О Джоне Кеннеди и о его жажде новых женщин смотри выше (с. 541–550 наст, изд.) Вот как Мими занималась посильным утолением этой жажды.

Мими попала в Белый дом работать в качестве интерна.

Президент Кеннеди сразу положил на неё глаз и через пару дней сделал её своей любовницей. Связь началась летом 1962 года, когда Мими была девятнадцатилетней девственницей, и продолжалась до гибели президента в ноябре 1963 года.

Мими воспитывалась в консервативной семье республиканцев: она при знакомстве делала книксен, о политике и религии в её семье не говорили, чтобы случайно не обидеть собеседника. О сексе, разумеется, не произносилось ни слова.

Мими была высокой и не шибко уклюжей девушкой, косметикой она не пользовалась, даже губы не подкрашивала, и потому её сверстники внимания на неё не обращали. Однако для зрелого мужчины, каким был Кеннеди, девственное юное тело является ценностью само по себе.

Мими не мечтала об уничтожении женской зависимости от мужчин и не подвергала никакому сомнению, что мужчины управляют, а женщины им подчиняются, а также, что её судьба состоит в том, чтобы выйти девственницей замуж за парня из её круга или побогаче, а потом рожать и воспитывать детей, заботясь о муже, чтобы его карьера цвела.

Однако её первым мужчиной оказался всего-навсего очаровательный ёбарь средних лет, власть которого на Земле была второй после власти Бога. Отказаться или хотя бы сомневаться в поддержании такой связи Мими даже в голову не приходило. Она была затянута, захвачена, вовлечена в иную вселенную, в иной мир, в иную жизнь.

Сводник и друг Кеннеди Дэйв Пауэрс звонил Мими и сообщал, когда и куда ей надо явиться для удовлетворения президента. Когда Мими сопровождала президента в его поездках, она сидела в номере отеля и в предвкушении ждала звонка. Теперь с мобильником в руке она бы могла гулять и развлекаться, а не сидеть в четырёх стенах. Но Мими вовсе не страдала, а испытывала счастье, пребывая в президентском антураже.

Мими радостно бежала, ехала или летела на свидание, которое, бывало, продолжалось всю ночь. Максимальное количество ночей, которые он провёл с ней подряд, исчислялось тремя. Уходя утром, она не пряталась и не кралась, а шла с высоко поднятой головой от счастья и гордости, что именно она оказалась избранницей президента.

Попутно Мими продолжала учиться в университете, держась от всех в стороне, чтобы не участвовать в задушевных разговорах и, не дай бог, не проболтаться о своём великом хахале.

Всё началось в бассейне в Белом доме, куда Дэйв Пауэрс пригласил Мими поплавать в ланч и куда явился поплескаться

сам президент. Мими была не в бикини, а в закрытом купальном костюме, специально приготовленном в женской раздевалке, а то Кеннеди оприходовал бы её прямо в бассейне. Так что ему пришлось пригласить Мими в свои частные апартаменты на втором этаже, якобы для экскурсии, где главным экспонатом предстала кровать в спальне жены, куда он усадил ошеломленную и ошарашенную девственницу и стал её раздевать. Мими сама дорасстегнула пуговицы на своём платье, помогая президенту (а не вопя: «Насилуют! Помогите!» – в чём её укоряют и стыдят нынешние завистливые и злобные пизды).

Мими впервые ощутила восторг оттого, что её хочет мужчина, да ещё безумно очаровательный и обладающий такой огромной властью.

Президент, ебя Мими, даже не снял с неё лифчик. Он не целовал её ни в первый раз, ни во все последующие разы. Вкусить губы, язык, слюну своей юной любовницы Кеннеди не хотел. Из этого можно с уверенностью заключить, что он подавно отвращался от губ и слюней пизды. Очевидно, что Кеннеди был одним из тех мужчин, которые испытывают брезгливость или даже отвращение к женской влаге и считают, что только хую, а вовсе не его языку, отведено место в пизде и во рту любовницы.

Мими в свой первый раз пребывала в шоке, тогда как президент вёл себя так, будто происшедшее было самым естественным поведением. А ведь так оно в действительности и было, ибо нет ничего естественней, чем взять девственницу без лишних разговоров и, не дай бог, ухаживаний.

Лишившись девственности, Мими не поняла, была ли ебля плоха, хороша или просто ей безразлична. Эта неопределённость как раз неопровержимо доказывает, что ебля была именно плоха, поскольку если бы Кеннеди довёл Мими до оргазма или уж хотя бы до высокой степени возбуждения, то она бы не сомневалась в испытанном наслаждении и сразу бы осознала, «что такое хорошо и что такое плохо».

Кеннеди не заботился о том, что испытывала с ним женщина, и это зафиксировано многократно в многочисленных воспоминаниях о нём. Так, Мэрилин Монро поведала, что Джон Кеннеди кончал быстро и никак не заботился о её оргазме. Мэрилин оправдывала Президента США тем, что у него было слишком много забот, чтобы ещё отягощаться мелкой заботой о наслаждении любовницы (см. *General Erotic.* 2006. № 139).

Думаю, что одной из причин, почему Кеннеди держал при себе Мими долгое время, была именно та, что он взял её девственницей, – он знал, что сравнить она его ни с кем не могла, а потому принимала его сексуальные умения как исключительные

и абсолютные. Это делало Мими полностью зацикленной на Кеннеди как на мужчине, что, разумеется, ему было чрезвычайно приятно.

Когда у Мими появился студент-ухажёр, который относился к ней «как к леди» (то есть не ёб), то это приводило Мими (как и всех леди) в глубокое разочарование – она к тому времени подсела на половые наслаждения, которые научилась получать с президентом и которых ей не хватало с ухажёром, вскоре превратившимся в жениха. Жених же изо всех ненавистных для Мими сил продолжал хранить давно уже аннулированную девственность своей невесты. Сказать же ему, что она не девственница, Мими не могла – это значило вызвать настоятельные вопросы, кто и почему был её первый мужчина. А Мими ненавидела и не умела лгать.

Мими продолжала являться на вызовы президента и вела двойную жизнь, причём обе жизни ей чрезвычайно нравились. Первую она держала в тотальном секрете, а второй жила исключительно осторожно, чтобы не раскрыть первую. Мими считала своей главной обязанностью не подвергнуть опасности репутацию как президента, так и свою. Она всегда была лишь послушной партнёршей, ибо прекрасно видела разницу во власти и силе, которой каждый из них обладал.

Мими чётко знала своё место и понимала, что надо лишь с благодарностью принимать привалившее ей счастье. Она никогда не питала иллюзий, что её отношения с Президентом США, которые она называла страстными, станут чем-то большим.

Впрочем, ничем большим они стать и не могли, ибо страстные отношения – это и есть величайшие отношения, а все остальные отношения – это уже лишь варианты сожительства, то есть отношения масштабом помельче.

Мими никогда не обременяла своего великого любовника просьбами, за одним-единственным исключением – её жениха, оказавшегося в армии, должны были услать за тридевять земель, и она попросила президента, чтобы тот поместил жениха поближе к ней, что Кеннеди сделал, шевельнув пальцем.

Мими была настолько тактична, что даже в самые интимные моменты всегда звала своего любовника «мистер президент». Ей ни разу даже в голову не пришло назвать Кеннеди по имени. Можно себе представить, как она его подбадривала: «Глубже, господин президент! А теперь, господин президент, будьте любезны, дайте мне Ваш хуй в рот».

Другими словами, Мими была идеальной любовницей, и Кеннеди её ценил, держа при себе так долго.

Мими не считала, что она вторгается в семейную жизнь

президента, – она просто заполняла собой его время, когда Жаклин отсутствовала. Но недавно великовозрастная Мими призналась в нахлынувшем с годами стыде за то, что она не испытывала в те юные годы чувства вины. Таким образом, стыд, которого Мими избежала в молодости, настиг её в зрелости и старости. Так ей и не удалось избавиться от сексуального стыда в полной мере и заменить его гордостью за содеянное. Но, скорее всего, она это говорила, чтобы унять своры псов, которые бросились на неё, чтобы укорить, застыдить, заклеймить после того, как об этой связи стало известно.

Президент никак не предохранялся с Мими, и поразительно, что она не забеременела. Ведь вскоре, выйдя замуж, она беременела трижды.

Я сомневаюсь, что Кеннеди пользовал её в зад – слишком это было бы «грязно» и не «по-президентски». Однако вполне по-президентски кончать любовнице в рот, что Кеннеди, по-видимому, и делал в большинстве случаев, поначалу поебя её в обязательную пизду. Недаром же Кеннеди приказал Мими не раздвинуть ноги, а отсосать Дэйву Пауэрсу, что она тотчас исполнила на глазах у президента.

Это был для Мими второй хуй в её жизни, и ей предоставилась возможность наконец сравнить президентский по размерам, по форме, по запаху, по вкусу спермы. Но о результатах этих неизбежных сопоставлений Мими ничего не сообщает, а лишь оправдывается, как ей было неловко (после или до того, как проглотила?).

Через месяц-другой президент предложил Мими отсосать у Бобби Кеннеди. Но тут она заупрямилась – видно, потому что с ними был ещё и Тедди Кеннеди, и она опасалась, что Тедди потом тоже встанет в очередь, и тогда у неё может не хватить сил на президента, который тоже захочет её натруженный рот, понаблюдав за её ублажением двух хуёв.

Так что Мими стала болезненно гордиться, что она оказалась в состоянии противоречить желаниям президента, чем польстила нынешним мужененавистным пиздам.

В своих оральных щедростях Кеннеди ещё раз продемонстрировал своё полное безразличие к наслаждению Мими – ведь именно потому, что она не пребывала в наслаждении, ей было легко отказаться от услужливого хуесосания. Однако если бы «господин президент» ебал бы Мими, стоящую на четвереньках и она бы стонала в наслаждении, то тогда бы она сама потянулась взять в рот хуй Бобби, а потом бы и жадно заглотала бы и Теддин хуй. И никаких драматических отказов не было бы и в помине, а была бы всеобщая радость,

основанная на наслаждении Мими.

Поистине, если любовница отказывает тебе в каком-либо виде наслаждения, – это лишь означает, что ты не смог её достаточно возбудить.

Мими, честная и порядочная по натуре, рассказала о тайной связи с президентом только своему жениху, находясь в потрясении от убийства президента Кеннеди. Она в горе посчитала, что не может выйти замуж с такой тайной на душе, что муж должен знать всю правду. За эту иллюзию, за выполнение этого абсурдного требования морали Мими жестоко поплатилась. Жених рассвирепел и в ту же ночь грубо и неумело выеб свою невесту, лишив её тем самым статуса «леди». Причём выеб-то не по похоти, а по злобе и ревности.

Мими была в ужасе, что он отменит свадьбу. Наутро жених объявил ей свой указ – никогда и нигде не упоминать о связи с Кеннеди и полностью изъять это событие из их памяти. Таким образом, всю свою многолетнюю семейную жизнь они натужно делали вид, что не чувствуют смердящий труп прошлого, который не просто лежал у них под брачной кроватью, а следовал за ними по пятам.

Мими чувствовала себя предательницей мужа всякий раз, когда мысли о Кеннеди заползали ей в голову или ещё куда. Муж с ней был холоден и предельно ревнив. Мими довела себя до того, что уничтожила портрет Кеннеди, который он подарил ей с многозначительной надписью, и другие вещи, которые напоминали о нём. Мими мечтала быть идеальной женой для своего мужа, но пребывала в постоянном чувстве вины, стыда и подавляемой неудовлетворённости. 41 год она охраняла стены, которые возвела для предохранения себя от памяти о Кеннеди. Всю свою взрослую жизнь она жила под страхом раскрытия её «преступления». В результате этого табу и постоянной боязни его преступить семейная жизнь Мими превратилась в полное отчуждение, когда с супругом невозможно обсудить ничего, кроме погоды и здоровья детей, и приходится ходить к психотерапевту, чтобы вести обыкновенный задушевный разговор, но не за рюмкой водки, а над раскрытой чековой книжкой.

На мужиков Мими вообще не везло. Только Кеннеди сразу применил её по назначению. Жених же до неё не дотрагивался, боялся, а она, разбуженная Президентом США и с тех пор постоянно бодрствующая в похоти, страдала от пренебрежения ею. Муж был вторым мужчиной, с которым она проеблась первые лет четырнадцать (раз в месяц), а последние пять лет, перед тем как она объявила, что хочет развода, он вообще к ней не притрагивался. Поэтому Мими снюхалась с марафонцем (хорошо,

что не с марафетчиком) и сама бегала как дура на большие дистанции, чтобы свою похоть унять. Так, после многомесячного знакомства и побегушек, этот мудак-марафонец к ней пальцем не притрагивался, даже спя в одном с ней номере. Мими не выдержала и сама залезла к нему в кровать. Но этот мужик тоже был явно не тем.

Потом Мими упоминает четвёртого, с которым встречалась нехотя, так как видела в нём тоже не то. А когда она наконец познакомилась со своим будущим вторым мужем, то он пять месяцев к ней пальцем не прикасался, а всё устраивал ей обеды и дурацкие развлечения, от которых её воротило, ибо ей хуй был нужен позарез. Так она наконец сказала ему, что её эта платоническая любовиана не интересует, а что ей ебля нужна.

Этот мужик имел глупость оскорбиться, и она послала его на то, на что сесть мечтала. Но мужик вовремя образумился и признал свои ошибки, вставив ей куда нужно то, что ей было необходимо. И тогда Мими к нему подобрела настолько, что вышла за него замуж и счастлива теперь до невозможности.

Итак, у неё из пяти мужиков был только один – Джон Кеннеди, который хоть показал ей, что такое похоть и как с ней обращаться, причём не цацкался, а потому она пришла, увидела и поддавала.

Итак, Мими объявила первому мужу, что хочет развода, обрела желанную свободу, и муж благополучно умер в 1993 году.

Проведя много часов с психотерапевтом, Мими в конце концов перестала бояться своей тайны, «постыдного секрета», считать себя виноватой и поделилась своей тайной с сестрой, с близкой подругой и затем с попом в церкви, в которой она работала администраторшей. Потом она всё рассказала своим дочкам, которые ей только по-доброму позавидовали.

Когда журналисты разнюхали и стали охотиться за Мими, она решила выпустить коммюнике, в котором был такой зачин:

> Я, Mini Alford, не сожалею о содеянном. Я была молода и была ошеломлена происшедшим со мной…

Получается, что будь она средних лет и в здравом рассудке, то тогда бы следовало о содеянном сожалеть.

После издания книги на Мими набросились все знаменитые репортёры и ведущие популярных телепередач. Так, Barbara Walters (Барбара Волтере), которая переспала со всеми, с кем можно и с кем нельзя, первый вопрос на интервью задала Мими такой: не чувствует ли Мими себя виноватой, что спала с Кеннеди?

И все прочие интервью сводились только к одному: виновата

ли Мими или нет, ебя женатого президента. Многие выражали фальшивую заботу о репутации дочки Кеннеди Каролин и её семьи. Будто раскрытие ещё одной любовницы папашки нанесёт непоправимый вред репутации Кеннеди как ёбаря.

В итоге особенно гнусная ведущая назвала Кеннеди сутенёром за то, что он повелел Мими отсосать хуй своему другу Дэйву Пауэрсу. Мими оправдывалась, что это была подначка, на которую она поддалась по молодости лет и неопытности.

Другие суки стали настаивать, чтобы Мими заявила, что Кеннеди был сексуальным преступником и изнасиловал её, несмотря на её пассивное согласие.

Но Мими уже написала в книге:

> Я не стыжусь своей пассивности, и я не вижу нужды в извинениях.

Так Мими удалось содрать один слой сексуальной морали, что оказалось для неё достаточным, чтобы счастливо зажить в золотой старости со своим новым мужем. Но сексуальная мораль она, падла, многослойная, и кто её раздевает, тот слёзы проливает.

В процессе избавления от морали она либо сломает тебя, либо сделает тебя сильнее. Разоблачение сексуальной морали – это тяжёлое испытание, которое должен пройти каждый.

Смирительная рубашка морали, которую большинство людей носит как последний крик моды, есть всего лишь серая и плохо пошитая униформа.

Смысл жизни Мими свёлся к медленному совлечению этой рубашки, на что её убедительно надоумил президент Кеннеди с помощью умеренного наслаждения, которое ей представилось значительным. Судя по её описаниям, сексуально талантливые мужчины ей не попадались. Так что сексуальный эгоист Джон Кеннеди так и остался для Мими эталоном мужчины.

Хорошо хоть, что Мими воспитала своих дочек так, что они не испытали ни вины, ни стыда за мать, а полностью её поддержали. Поддержка заключалась небось в открытой и доброй зависти.

А внуки Мими, надеюсь, вообще избавятся от сексуального стыда и в честь бабушкиного подвига введут в обращение новое слово grandmotherfucker. Разумеется, оно будет ими почтительно использоваться только по отношению к Джону Кеннеди при изучении истории США в школе.

Мораль манипулирует человеком с помощью remote control[30] – чувства вины. Способность заменить чувство вины на чувство торжества – есть великое достижение незаурядного

человека. Именно это достижение и демонстрирует Мими, написав свою книгу.

notes

Примечания

1

Русские бесстыжие пословицы и поговорки / Сост. Михаил Армалинский. Minneapolis: M.I.P., 1995.

2

Нумерованный список литературы см. в конце исследования; при отсылке на него в скобках указан номер работы или работа и цитируемые страницы.

вторжение в личную жизнь (*англ.*).

«сексуальное домогательство» (*англ.*) – юридический термин.

5

Добровольные признания – вынужденная переписка / Роман, 1991. См.: *Михаил Армалинский*. Чтоб знали! М.: Ладомир, 2002. ISBN 5-86218-379-5.

6

Mezuzah – текст из книги Второзаконие, нанесённый на пергамент, который укрепляется на косяке входной двери дома правоверного еврея.

7

Американская сталелитейная компания.

девушки по [телефонному] вызову (*англ.*).

9

Я тебя люблю. Я хочу иметь с тобой деловые отношения (*англ.*).

банкомат (*англ.*).

счастливый финал (*англ.*).

здесь: трусики-«верёвочки» (*англ.*).

13

Возродившиеся в вере христиане (*англ.*).

цокольный этаж, подвальное помещение (*англ.*).

15

Еби меня посильнее! (*англ.*)

16

Один из смыслов слова swing (*англ.*) – заниматься сексом с разными партнёрами.

menage a trois (*фр.*) – соитие втроём.

18

Ты не можешь всегда получать то, что хочешь (*англ.*).

19

Бог дал мне всё, что я хочу (*англ.*).

«любовь витает в воздухе» (*англ.*).

21

Свободная женщина (*англ.*).

22

Ученая степень, приблизительно соответствующая российскому кандидату наук, в данном случае, вероятно – исторических.

секссекреты Советов (*англ.*).

24

Я прославился! (*англ.,* идиоматическое выражение.)

еда «на скорую руку» (*амер.*).

«модель» года (*англ.*, неточно), выбирается из тех, чьи фото помещались на разворотных постерах журнала.

27

Популярный увлажнитель для кожи, изготавливаемый компанией Johnson & Johnson (*англ.*).

28

Сеть популярных семейных недорогих ресторанов (*амер.*).

брекеты для исправления прикуса (*англ.*).

пульт дистанционного управления (*англ.*).